

ИСТОРИЯ

№ 9

НА ПЕРЕЛОМЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА
В КОНЦЕ XIX-XX ВВ.

Международный проект «Нестор»

Санкт-Петербург—Кишинев—Париж

Партнерство во имя истории

Учредители проекта:

Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова
Российской Академии наук

Высшая антропологическая школа
(Кишинев)

Центр русских, кавказских и центральноевропейских
исследований

Школы высших социальных исследований
(Париж)

Руководитель проекта

Сергей Эрлих

Издатель

Сергей Марар

Редакция:

**Р. Ш. Ганелин, П. В. Ильин, О. И. Киянская,
Э. И. Колчинский, И. В. Лукоянов (главный редактор),
В. И. Мусаев, С. В. Яров**

Редакционный совет:

**Е. В. Анисимов, Б. Ф. Егоров,
В. Н. Плешков, А. Н. Цамутали**
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Оу Бао
(Университет Цинхуа, Пекин)

В. Берелович
(Школа высших социальных исследований, Париж)

Ж. Нива
(Женевский университет)

У. Розенберг
(Мичиганский университет)

Д. М. Фельдман
(Российский государственный гуманитарный университет)

М. Хайнеманн
(Ганноверский университет)

Л. Хеймсон
(Колумбийский университет)

М. Хильдермайер
(Геттингенский университет)

А. М. Эткин
(Европейский университет в Санкт-Петербурге, Кембридж)

Х. Ян
(Кембридж)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С. И. ВАВИЛОВА

НЕСТОР № 9

*Ежеквартальный журнал
истории и культуры
России и Восточной Европы*

НА ПЕРЕЛОМЕ

Отечественная наука в конце XIX—XX веке

Выпуск 3

*источники,
исследования,
историография*

*Редакторы номера
Э. И. Колчинский, М. Б. Конашев*

Издательство
СПБНИ РАН
«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2005

Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX—XX веке: источники, исследования, историография. Вып. 3. Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. — 422 с.

Третий выпуск сборника «На переломе», как и два предыдущих (На переломе: советская биология в 20–30-х годах. Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. 345 с.; На переломе: Отечественная наука в первой половине XX века. Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. Вып. 2. СПб., 1999. 260 с.), посвящен социальной истории отечественной науки и, по сравнению с ними, имеет свои особенности. Во-первых, значительно расширены хронологические рамки рассматриваемых событий: сборник охватывает период с конца XIX в. по 1970-е гг. Шире стал и тематический спектр. Если первый сборник был посвящен исключительно истории биологии, второй — главным образом, истории биологии и физики, то третий, сохраняя некоторые традиционные исследовательские темы, посвящен социальной истории отечественной науки в целом, а также ее связям с различными сферами культуры и социально-политической жизни общества. Наконец, главной отличительной особенностью данного сборника является его структура — традиционная уже для публикаций проекта «Нестор»: «Источники», «Исследования», «Историография». Все документы из государственных и частных архивов, помещенные в сборнике, публикуются впервые.

Nestor. № 9. On the edge. Science in Russia in the end of XIX—XX century: researches, sources, historiography. Ed. by E. I. Kolchinsky M. B. Konashev. Vol. 3. Saint-Petersburg: Nestor-Historia, 2005. — 422 p.

The third release of the collection «On the edge», as well as two previous (On the edge: the Soviet biology in 20–30 years / Edited by E. I. Kolchinsky. SPb, 1997. 345 p.; On the edge: the Domestic science in first half XX centuries. Edited by E. I. Kolchinsky, M. B. Konashev. № 2. Saint Petersburg, 1999. 260 p.), is devoted to social history of a Russian science and, in comparison with them, has specific features. First, chronological frameworks are considerably expanded: the collection covers the period from the end XIX till the seventies of XX century. The thematic spectrum became wider also: the first collection has been devoted exclusively to the history of the biology, the second — mainly to the history of biology and physics, and the third, keeping some traditional research themes, is actually devoted to already social history of a Russian science as a whole, and also to its communications with various spheres of culture and the sociopolitical life of a society. At last, the third main distinctive feature of the new collection is its structure — traditional already for publications of project «Nestor»: «Sources», «Researches», «Bibliography». All documents from the state and private archives, placed in the collection, are published first time.

© «Нестор-История», 2005
© Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники РАН, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКИ

Трансатлантический рейс Бремерхафен – Нью-Йорк. Записки из дневника В. Т. Шевякова о кругосветном путешествии 1889–1890 гг. Составление, вступительная статья и комментарии <i>С. И. Фокина</i>	11
«Мы разделены “китайской стеною” взаимной злобы, подозрительности и ненависти» Публикация, вступительная статья и комментарии <i>М. Ю. Сорокиной</i>	28
ЦК, «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной Составление, вступительная статья и комментарии <i>Э. И. Колчинского и М. Б. Конашева</i>	33
«Здесь нужно сказать все то, что есть, и сказать полным голосом» Составление, вступительная статья и комментарии <i>Е. С. Левиной</i>	59
Документы о присуждении Сталинской премии за разработку технологии производства пенициллина Составление, вступительная статья и комментарии <i>Е. С. Левиной</i>	94
«По моему стариковскому идеалистическому мировоззрению» Беседа <i>М. Б. Конашева</i> с <i>Ю. И. Полянским</i> . (Февраль 1993 г., С.-Петербург) Комментарии <i>М. Б. Конашева</i>	111
«Опять кто-то третий» Беседа <i>М. Б. Конашева</i> с <i>М. А. Поповским</i> . (14 мая 1993 г., Нью-Йорк) Комментарии <i>М. Б. Конашева</i>	124

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О. Ю. Елина</i> . От развлечений аристократов до декретов большевиков: веки российской селекции. Конец XIX века — 1920-е гг.	139
<i>М. Ф. Хартанович</i> . Ян Нецислав Бодуэн де Куртенэ в России и Польше	156
<i>К. В. Манойленко</i> . Ботаник <i>И. П. Бородин</i> в переломный период истории России	160
<i>Г. А. Савина</i> . Опыт социальной истории в лицах: <i>В. Л. Комаров</i> — президент АН СССР	165
<i>М. Ю. Сорокина</i> . Двухсотлетний юбилей Академии наук	206
<i>С. И. Фокин</i> . Разные судьбы: петербургские зоологи — эмигранты	236

<i>Н. Л. Кременцов.</i> Научный интернационализм — идеологии, покровители и сети: 7-й Международный генетический конгресс	255
<i>И. В. Черказьянова.</i> Сибирская советская энциклопедия. Из истории уникального издания советской эпохи	299
<i>Т. И. Ульянкина.</i> Русские ученые-эмигранты в лагерях ДИ-ПИ и Толстовский фонд (США)	307
<i>Э. И. Колчинский.</i> Академия наук СССР и Вторая мировая война	313
<i>Е. С. Левина.</i> Страницы истории отечественных антибиотиков 1940—1950-х гг.: наука, производство, политика	329
<i>М. Б. Конашев.</i> Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество	361

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. Ф. Хартанович.</i> Русско-польские культурные связи XIX — начала XX в. в современной польской историографии	393
<i>М. Б. Конашев.</i> Библиография по истории отечественной генетики: 1986—2003	398
<i>Рецензии, аннотации</i>	414
<i>Список сокращений</i>	417
<i>Сведения об авторах</i>	419

THE CONTENTS

SOURCES

Transatlantic steam from Bremerhafen to New York Daily-notes of W. T. Schewiakoff on his around-the-world journey at 1889/90 years Drawing up, introductory article and comments by <i>S. I. Fokin</i>	11
«We are divided by “Chinese wall” of mutual rage, suspiciousness and hatred» Drawing up, introductory article and comments by <i>M. Yu. Sorokina</i>	28
Central Committee, «Botanical magazine» and others. Arhival documents in struggle against Lysenkoism Drawing up, introductory article and comments by <i>E. I. Kolchinsky and M. B. Konashev</i>	33
«Everything Here is necessary to tell what to be and tell a full voice» Drawing up, introductory article and comments by <i>E. S. Levina</i>	59
Documents of a history of award of the Stalin premium for development of the «know-how» of penicillin Drawing up, introductory article and comments by <i>E. S. Levina</i>	94
«On mine of the old man idealistic outlook» Interview to Yu. I. Polyansky. Interview and comments by <i>M. B. Konashev</i>	111
«Again someone the third» Interview to M. A. Popovsky. Interview and comments by <i>M. B. Konashev</i>	124
<h3>RESEARCHES</h3>	
<i>O. Yu. Elina</i> . From entertainments of aristocrats up to decrees of bolsheviks: marks of the Russian selection, the end of XIX century — 1920th	139
<i>M. F. Khartanovitch</i> . Jan Niecislaw Baudouin de Courtenay in Russia and Poland	156
<i>K. V. Manojlenko</i> . The academician I. P. Borodin during the critical period of a history of Russia	160
<i>G. A. Savina</i> . Experience of a social history in persons: V. L. Komarov — president of the AS of the USSR	165
<i>M. Yu. Sorokina</i> . The 200th Anniversary of the Russian Academy of Sciences, 1925	206
<i>S. I. Fokin</i> . Different fates: Zoologists of St.-Petersburg — emigrants	236

<i>N. L. Kremensov. Scientific internationalism – ideology, patrons and networks: the 7th International genetics congress</i>	255
<i>I. V. Cherkazjanova. Siberian soviet Encyclopedia as one of landmark of Russian science on historic breakthrough</i>	299
<i>T. I. Uljankina. The Russian scientists – emigrants in the DP camps: Tolstoy Foundation (USA)</i>	307
<i>E. I. Kolchinsky. Academy of sciences of the USSR and the Second World War</i>	313
<i>E. S. Levina. A short story of the Soviet antibiotics from the beginning of 1940 to the end of 1950s: Science, industry and policy</i>	329
<i>M. B. Konashev. Russian geneticists on the native land and abroad: science, book, and society</i>	361

BIBLIOGRAFY

<i>M. F. Khartanovitch. The Russian-Polish cultural connections XIX – the beginnings of XX centuries in a modern Polish historiography</i>	393
<i>M. B. Konashev. Bibliography on the history of Russian genetics: 1986–2003</i>	398
<i>The reviews, summary</i>	414
<i>The list of reduction</i>	417
<i>The items of information on the authors</i>	419

ИСТОЧНИКИ

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ РЕЙС БРЕМЕРХАФЕН — НЬЮ-ЙОРК.

ЗАПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА В. Т. ШЕВЯКОВА

О КРУГОСВЕТНОМ ПУТЕШЕСТВИИ 1889—1890 гг.

Составление, вступительная статья и комментарии С. И. Фокина

Transatlantic steam from Bremerhafen to New York. Daily-notes of W. T. Schewiakoff on his around-the-world journey at 1889/90 years. Drawing up, introductory article and comments by *S. I. Fokin*. Small part from daily-notes on the around-the world journey made by W. T. Schewiakoff with scientific aim in 1889 is publishing in the first time. Later on Schewiakoff became the great Russian and world-renowned zoologist, Professor, a Corresponding Member of Russian Academy of sciences, one of the founder of Russian proto-zoological scientific school. He started the trip by transatlantic steam from Bremerhafen to New York. This part is presented in the material published. Biographical note and preface made by the author of the publication. Some photos coincide with the time of this cruise provided in the text.

Владимир Тимофеевич Шевяков (1859—1930) — один из основателей отечественной протистологической научной школы, доктор философии Гейдельбергского университета, доктор зоологии и сравнительной анатомии С.-Петербургского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук, почетный профессор Женского Императорского педагогического института, почетный профессор Иркутского университета, почетный доктор Эбердинского университета, Почетный член С.-Петербургского общества естествоиспытателей, кавалер семи российских орденов и звания «герой труда на ниве просвещения», родился в Петербурге в семье купца второй гильдии Тимофея Феодосиевича Шевякова и Елизаветы Сиверс. Окончил Реформатское церковное училище (1877). В течение трех лет учился в Горном институте, откуда перешел на естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета. Не окончив курса у профессора Н. П. Вагнера по зоотомическому кабинету, уехал в Германию (1885), где закончил Гейдельбергский университет со степенью доктора философии и золотой медалью за исследование анатомического строения светочувствительных органов (глаз) у медуз *Charybdea* (1889). С научной целью совершил кругосветное путешествие (1889—1890). Работал ассистентом в политехникуме в Карлсруэ (1890—1891), затем ассистентом и приват-доцентом в Зоологическом институте Гейдельбергского университета у профессора О. Бючли (1891—1894). В 1894 году вернулся в Россию, где получил место лаборанта в Особой зоологической лаборатории академика А. О. Ковалевского при Академии наук. В С.-Петербургском университете защитил магистерскую (1894) и докторскую (1896) диссертации по морфологии и биологии простейших (преимущественно инфузорий). С 1894 года приват-доцент, с 1896 по 1911 профессор и заведующий зоотомическим кабинетом. Неоднократно работал на Неаполитанской зоологической станции и участвовал в международных зоологических конгрессах. Один из основателей Женского Педагогического института (1903) и Пермского университета (1916). С 1911 по 1917 год товарищ министра народного просвещения России. В 1918 году профессор Омского Сельскохозяйственного института, а с 1920 — Иркутского университета (ИГУ). Один из организаторов медицинского факультета ИГУ (ныне Иркутский медицинский институт). Директор Биолого-географического института при ИГУ. Автор около 30 научных трудов, в том числе четырех монографий. Воспитатель целой плеяды крупных отечественных биологов среди которых член-корреспондент АН СССР В. А. Догель, академик АМН СССР В. Н. Беклемишев и член-корреспондент АМН СССР Ф. Ф. Талызин, а так-

же профессора — С. И. Метальников, М. Н. Римский-Корсаков, К. Н. Давыдов, П. П. Иванов, С. В. Аверинцев, Ю. А. Филипченко, Б. П. Уваров, А. А. Любищев и многие другие.

Во время обучения в Гейдельберге В. Т. Шевяков, вслед за своим учителем, знаменитым протистологом, профессором О. Бючли (1848—1920), увлекся изучением одноклеточных организмов. Одна из проблем протистологии (нерешенная до конца и поныне), волновавшая умы ученых того времени, касалась географического распространения Protozoa. Представляют ли простейшие собой космополитов, или же их распространение сходно с высшими животными и растениями, имеющими, как правило, строго ограниченный и иногда весьма узкий арсал обитания — вот вопрос, трактовка которого разными учеными была различной.

Один из «пионеров» зоогеографии простейших, немецкий зоолог Х. Г. Эренберг (1795—1876) считал, что многие одноклеточные животные (инфузории, амёбы и жгутиконосцы) не распространены всесветно. Ему, кстати, принадлежит первое исследование их распределения на просторах Европейской и части Азиатской России, предпринятое им в ходе совместной поездки с известным естествоиспытателем А. Гумбольдом (1769—1859) по Российской империи (1829). Учитель Шевякова, профессор Бючли, склонялся к мысли, что, по крайней мере, пресноводные простейшие имеют повсеместное распространение и могут считаться космополитами в полном смысле этого слова.

Сложность решения поставленного вопроса заключалась в том, что огромные территории Нового Света, Африки, Азии, Океании и Австралии в последней четверти XIX века оставались еще абсолютно неизученными в отношении фауны простейших. Таким образом, существовала настоятельная необходимость сборов Protozoa в удаленных друг от друга и от сравнительно неплохо изученной Европы точках земного шара. Именно эту цель поставил перед собой молодой Шевяков.

Организация большой экспедиции потребовала бы значительного времени и, главное, средств, поэтому Владимир Тимофеевич решил совершить кругосветное путешествие вдвоем со своим другом доктором Лаутербахом (Dr. C. Lauterbach), заручившись административной и, по-видимому, финансовой поддержкой научных обществ, заинтересованных в подобном предприятии. Для этой цели, еще до докторских экзаменов в Гейдельберге (10 мая 1889 года), он приехал в Россию, где нашел необходимую поддержку в Императорском Русском Географическом Обществе (С.-Петербург) и Императорском Обществе Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (Москва). Под покровительством этих обществ в середине мая 1889 года друзья отправились изучать пресноводных Protozoa в различных частях земного шара. Очевидно, друг Шевякова не был зоологом, и вся научная часть предприятия была осуществлена Владимиром Тимофеевичем. Никаких биографических сведений о Лаутербахе мною не найдено. Он не был студентом Гейдельбергского университета, и в дальнейшем их связь с Шевяковым, очевидно, прекратилась. Мною не обнаружено ни одного письма Лаутербаха в обширной переписке Шевякова за 1894—1918 гг., сохранившейся в Российском государственном историческом архиве¹.

Путешественники посетили Соединенные Штаты Америки, Сандвичевы острова, Новую Зеландию, Тасманию, восточный и южный берега Австралии и некоторые Зондские острова. В общей сложности Шевяковым были собраны одноклеточные в 50 различных неевропейских местах обитания, в которых были обнаружены 130 видов этих простейших, в том числе несколько новых родов и видов. По результатам поездки, завершившейся через 9 месяцев в феврале 1890 г. прибытием путешественников на Неаполитанскую зоологическую станцию, Шевя-

ковым была опубликована (на немецком языке) монография «*О географическом распространении пресноводных простейших*» (1893)², удостоенная в 1896 г. академической Брандтовской премии.

Основным выводом работы было признание простейших, и прежде всего инфузорий (главной группы, которую изучал Шевяков), космополитами. Ученый впервые указал на основные причины широкого распространения простейших — их высокую адаптивность к новым условиям существования и способность избегать неблагоприятных условий путем инцистирования (образования временной покоящейся стадии). Им также были предложены вероятные способы пассивного распространения микроскопических (размером от нескольких микронов до нескольких миллиметров) одноклеточных животных: воздушными и водными течениями и другими животными (насекомыми, амфибиями, птицами и млекопитающими). Материалы путешествия были использованы Шевяковым в магистерской и докторской диссертациях (1894; 1896)³. Долгое время на этих данных основывалось представление о космополитизме инфузорий, одного из самых крупных и интенсивно изучаемых до настоящего времени типов простейших. Сейчас следует признать, что среди простейших также существуют эндемичные виды и виды с ограниченным распространением. До сих пор, однако, значительные территории Южной Америки, Африки и Азии в отношении Protista остаются малоизученными и вопрос, к решению которого обратился Шевяков, до сих пор дискутируется в научной литературе.

За время путешествия Шевяковым были заполнены три записные книжки, где изложены события, происходившие с путешественниками. Они сохранились в персональном фонде Владимира Тимофеевича в виде восьми частей со сплошной нумерацией с 1 по 215 страниц⁴. Таким образом, существует возможность проследить (иногда весьма подробно) обстоятельства этой необычной экспедиции. Некоторые записи имеют лишь специальный (зоологический) интерес, часть из них сделана весьма бегло и по-немецки. В то же время, иногда Шевяков дает в своих заметках подробные описания мест, которые посетили путешественники, нравов и обычаев аборигенов. Эти сведения представляют дополнительный интерес с исторической и этнографической точки зрения. Кроме того, ощущения человека, только что окончившего университет, от увиденного и размышления его по этому поводу любопытны как штрихи к психологическому портрету молодого ученого, которому в будущем была суждена разнообразная и результативная научно-общественная деятельность⁵.

Для настоящей публикации выбраны дневниковые записи Владимира Тимофеевича, посвященные плаванию из Бремерхафена (Германия) до Нью-Йорка⁶. Описание этого первого этапа путешествия будет интересно достаточно широкому кругу читателей. К сожалению, большой иллюстративный материал об этой экспедиции (Шевяков имел с собой фотографический аппарат) утерян, а несколько сохранившихся фотографий, которые сильно пострадали от времени, относятся ко второй части путешествия. Определенные литературные способности и художественное восприятие увиденного (Шевяков был способным «зоологическим» художником), отчасти восполняют отсутствие оригинальных фотографий. Тем не менее, нам удалось найти ряд фотографий (в основном, старых почтовых открыток), соответствующих по времени и характеру запечатленных мест описаниям, которые были сделаны Шевяковым во время путешествия до Нью-Йорка.

Желающие подробнее познакомиться с жизнью и научным творчеством этого замечательного ученого и педагога могут обратиться к ряду статей, опубликованных мною о В. Т. Шевякове⁷. Дневниковые записи предварены отрывком из письма, отсланного Шевяковым профессору Бючли за две недели до начала путешествия⁸.

Письмо В. Т. Шевякова профессору О. Бючли*

Бреслау, 29.04.1889

Многоуважаемый господин надворный советник!

В Бреслау у меня очень много дел. Мы работаем с 7 утра до 11—12 ночи — просматриваем все аппараты, испытываем то, что необходимо. Я упражняюсь в стрельбе из многозарядной винтовки; каждый день мы делаем фотографические снимки, которые теперь получаются очень хорошо. Сейчас мы заняты изготовлением и упаковкой реактивов. Организация различных экскурсионных поставок устроена очень хорошо, много лучше, чем я ожидал. В целом у нас будет около 15 ящиков. Еще надо очень многое сделать — голова идет кругом!

<...> Сердечный привет от Вашего вечно благодарного ученика.

В. Шевяков

Записки из дневника В. Т. Шевякова
о кругосветном путешествии 1889—1890 гг.* *

15 мая.

Наконец-то! Моя заветная мечта приходит в исполнение: я иду в кругосветное плавание. То, что рисовало мне воображение, я увижу наяву — увижу Новый Свет, древнюю Индию и Полинезию, где культура еще в первобытном состоянии. Увижу тропический мир, это безбрежное море и синее, темно-синее небо с его бесчисленными, блестящими, разной величины звездами. К желанию увидеть этот чудесный, сказочный мир, присоединилось за последние 8 лет еще стремление изучить фауну, населяющую эти места, изучить ее не по картинкам и спиртовым экземплярам, а лицом к лицу, такую, какою она живет, а не прозябает искусственно в наших зоологических садах и аквариумах. Столько ожиданий, сколько надежд и упований на будущее. Суждено ли им осуществиться?!

Вынесу ли я хоть что-нибудь или весь этот великий мир со всеми его чудесами пройдет бесполезно мимо меня?! Надо смотреть, смотреть по сторонам, наблюдать все — и не иметь предвзятых идей — вот суть, а что выйдет — покажет время. Смело вперед. Буду записывать все. «Рисуйте, рисуйте все, даже что не понимаете — говорил мой дорогой учитель по микроскопии Бючли, — потом поймете». Как это умно — я имел случай неоднократно убедиться в правоте его слов. Теперь уже надо сказать себе, — наблюдай, записывай все, что видишь и что думаешь — пусть будет бессвязно, на авось (русское авось), понимание явится со временем. Но дело не только в наблюдениях — нужно собирать материал и собирать не для музеев, а для анатомически-гистологических исследований — это самое существенное, по моему мнению. Очень часто какое-нибудь животное по своему внешнему виду не представляет ничего замечательного, интересного и преспокойно красовалось в музеях как чучело или спиртовой экземпляр. Только скальпель в связи со сравнительно-анатомическими рассуждениями показали весь интерес и важность данного объекта. За примерами нечего далеко ходить — *Seratodes*⁹, *Lepidoserer*¹⁰ и, в особенности,

* Оригинал написан по-немецки. Пер. А. Б. Павловой

** Орфография и пунктуация дневниковых записей В. Т. Шевякова, а также других документов, публикуемых в данном выпуске, соответствуют, в основном, современным нормам русского языка.

Hatteria¹¹, говорят сами за себя. Да и Ornithorhynchus¹² сначала был лишь курьезом и приобрел значение только при анатомическом исследовании. О беспозвоночных и говорить нечего — там внешняя форма дело второстепенное, вся суть в анатомическом строении и истории развития. Твердо решил я собирать и собирать с разбором — по крайней мере если мне не суждено вернуться, то кто-нибудь другой сможет воспользоваться собранным материалом и, может быть, хоть что-нибудь сделать в области познания природы. Да, удел естественных наук вообще и зоологии, в частности, в настоящее время не описание природы, а познание ее. Времена Бюффона и Линнея прошли; природа не кабинет редкостей, диковин и красот, а лаборатория, в которой нашему потомству суждено приподнять таинственную завесу чуда и постигнуть возникновение бытия. А все-таки чуден и велик этот мир. Как ничтожен и беден наш серенький Север в сравнении с этим Югом, куда я стремлюсь.

Утром выехали из Берлина по железной дороге в Bremerhaven. После двухчасовой езды прибыли туда и на маленьком пароходе переехали на заатлантический пароход «*Trave*», который стоял на рейде. Пароход весьма внушителен: 143 м длины, 4 мачты и 2 трубы, возвышающиеся над корпусом корабля¹³. Погрузка и переправка пассажиров продолжалась недолго, т. к. багаж был перевезен еще накануне, а также и пассажиры interdeck'a были уже на пароходе. На палубе стояло несколько групп, это родственники и знакомые, приехавшие проводить отплывающих в Новый Свет. Были и веселые, и чувствительные сцены; кто смеялся, кто пожимал руку, другой что-то поспешно сообщает, этот записывает — а вот старушка повисла на шее молодого человека и судорожно обнимает его.

На передней палубе кипит жизнь: это пассажиры interdeck'a и, по большей части, переселенцы в Новый Свет — каких только типов ни увидишь! Все суетится, мечется из угла в угол, толкается и кричит. И словно в противоположность этим живым группам сидят безмолвно, потупивши вниз голову, некоторые пассажиры-переселенцы. О чем они думают? Охватила ли их безотчетная грусть и тоска расставания с родиной или это страх перед грядущей неизвестностью — может быть, и то, и другое. Но вот в 11 ½ часа дня раздался звонок <...> провожающие сходят с корабля, снимают трапы, команда капитана <...> заиграла музыка, и корабль гордо понесся вперед, медленно рассекая желтые воды Ведера. Сначала шли мы довольно медленно, пока не вышли в Немецкое море. Цвет воды менялся постепенно: сначала грязно-желтый сменился зеленовато-бурым, который затем понемногу обратился наконец темно-зеленым с синеватым отливом. К 4 часам море стало темно-синим. На море едва заметная зыбь, небо пасмурное. Европа что-то хмуро провожает нас, как-то встретит океан?

Пароход устроен великолепно, повсюду комфорт: стол хорош, но все-таки отдает Германией. Пассажиры далеко неинтересны и не соответствуют моим ожиданиям. Впрочем, нет худа без добра, буду больше работать и читать. День прошел быстро и незаметно.

16 мая. 50° 39' СШ, 0° 25' ЗД. Т 21.4° Р*

Встал в 7 часов. Погода ясная, хотя на горизонте туман. Барометр 762, слабый ветер и довольно прохладно. К девятому часу стал виден английский берег — мы вошли в канал. Во время lunch'a (завтрак, подаваемый в 12 ½ часов дня) стало заметно, что пароход уменьшил ход; от времени до времени раздавался пронзительный, жалобный свист машины. Выхожу на палубу, — густой туман окутывает нас, — мы

* Реомюр = 5/4 С. — Авт.

плывем, словно в молоке; туман до того густ, что солнце едва проникает сквозь него, на 100 метров абсолютно ничего не видно. Каждые полминуты раздаётся резкий, протяжный свисток, это сигнальный знак для других пароходов, во избежание столкновения. Подчас доносятся до нас свистки других пароходов, но ровно ничего не видно. Мы едва идем, т. е. с $\frac{1}{4}$ скоростью ($4-4\frac{1}{2}$ узла в час). Говорят, что туман явление весьма обычное в канале и столкновения не особенно редки. Я чувствую себе великолепно; свистки только раздражают нервы. На лицах некоторых пассажиров написана тревога. К 3 часам туман стал постепенно рассеиваться и сквозь редкую пелену тумана стал выглядывать английский берег. Как приятно было снова увидеть мягкую зелень деревьев. Мы подошли к Southhampton. Пароход остановился в некотором расстоянии от берега, к нам подошел маленький командный пароход с пассажирами из Англии. Жизнь закипела на пароходе. Бросили трапы, и целая вереница пассажиров потянулась на наш пароход. Затем стали перегружать их багаж: матросы как муравьи шныряли с ношами, складывали их у трюма и быстро возвращались за новыми. Что за порядок царит на пароходе! В 5 часов мы снялись с якоря и поплыли под звуки музыки. Туман совершенно исчез. Мы шли мимо острова Wight, славящегося своим чудесным климатом. Его меловые горы, озаренные солнцем, являлись ярко-желтыми. В этой формации встречаются последние представители аммонитов, как-то Hamites, Searphites, Nacculites¹⁴, отличающиеся неправильностью и уродливостью форм. Оригинально, что все эти аммониты Trachylostraca и Leiostraca до окончательного вымирания приобретают такую странную форму.

Как только мы подошли к юго-западной оконечности (Needle of Wight) показался снова туман. Мы вошли в его полосу. Солнце исчезло, а с ним и теплота: пронзительно холодная, сырая атмосфера окутала нас. Снова раздался сигнальный свисток парохода (pebekhorn). На палубе холодно, сыро и тоскливо. Так продолжалось до обеда (6 часов). За обедом мы почувствовали, что покинули канал, толчки и покачивания стали более заметными, чем прежде, хотя пароход не ускорял хода. Выйдя на палубу, я увидел океан. Какая перемена картины! Темно-синяя гладь окружала нас; мелкие волны канала и Немецкого моря исчезли, вместо них появились длинные волны. На первый взгляд, океан казался совершенно спокойным. Только длинные, очень длинные гряды водяных масс слабо приподнимались на его поверхности. Нос корабля то поднимался, то опускался — up and down, как говорят англичане. Получается какое-то странное ощущение.

К вечеру опять туман, но не долго. Когда стемнело совершенно, стало заметно свечение океана. По обе стороны парохода, гребни разрезаемых носом волн, светятся фосфорическим светом. Светящиеся массы воды словно растворяются в темной и мрачной зыби океана и теряют свой блеск. Они заменяются новыми и так без конца. Ходить довольно неудобно: у меня еще нет «морских ног».

17 мая. 49° 37' СШ, 8° 55' ЗД. Т 22.4°

Атлантический океан. С утра свежее — ветер задувает все сильнее, и волны растут — океан дает себя знать. Уже много больных. Недвижно лежат больные с мертвенными зелеными лицами — от времени до времени подходят они к борту и отдают свой долг морю. На laterdeck'e картина весьма неприглядная, — в общем, разница та, что пассажиры его лежат прямо на палубе, а пассажиры I класса — на раскладных стульях и скамейках. Я здоров, но какое-то странное ощущение. Аппетит великолепен, я постоянно голоден. Сидеть в столовой неприятно — качка не видна, но ощущается, и это несносимо. На палубе холодно и ветрено. Ходить до-

вольно трудно, но я бегаю безостановочно, нужно же приобретать морские ноги. К lunch'у явилось гораздо меньше пассажиров. Некоторые уходят из-за стола. К 4 часам ветер усилился, слышен плеск волн и гудение ветра. А океан чуден — темно-синяя поверхность его вздымается длинными острыми массами с белыми гребнями. Разбивающиеся брызги гребней играют радужными цветами на солнце. Несмотря на это волнение, океан представляется чем-то необычайно спокойным. Воздух чуден, жаль только, что холодновато. К вечеру стало свежеть (it becomes rough как говорят англичане).

18 мая. 50° 09' СШ, 19° 17' ЗД¹⁵

19 мая. 49° 58' СШ, 28° 56' ЗД

20 мая. 48° 31' СШ, 38° 55' ЗД. Т 18°

Ветер все усиливается, стало настолько свежо, что буквально нет никакой возможности вести дневник. Не только писать было невозможно, но даже и читать. Ходить тоже весьма затруднительно, т. к. у меня все еще нет морских ног. Хочется идти вправо, а тебя относит в сторону, так что едва можно удержаться на ногах. Стулья на палубе привязаны крепко, в столовой положены предохранительные борта, есть очень затруднительно: несешь ложку с супом ко рту и на половине дороги расплескиваешь все, если шальной толчок не заставит раньше пролить все содержимое. Несмотря на предохранительные борта, вся посуда путешествует по столу. В каюте просто нет никакой возможности сидеть. Все находится в движении, чемодан лезет на туфли и напирает на вас, вот, кажется, прищемит вам ноги, но вдруг толчок и все полетело в противоположную сторону. Если сам не остережешься и не примешь предосторожностей, то сам летишь на чемодан. Единственное спасение — это на палубе. Делать ровно ничего нельзя — смотришь на океан, на волны, на цвет воды и неба и наблюдаешь игру облаков — вот и все развлечения. Сначала это интересно, но, в конце концов, надоедает. Так просидел я три дня. Пробовал неоднократно ходить, отделался несколькими незначительными ушибами — а ходить, все-таки не научился. Нет, морские ноги приобретаются нескоро! Как красиво волнение и как различно от всего того, что я видел до сих пор в Балтийском и Черном море. Волны имеют вид длинных-длинных гряд, которые со значительной правильностью идут одна за другой. На этих длинных грядообразных холмах вздымаются меньшие, неправильных очертаний с белыми каймами. Бойко вздымаются эти гребни вверх <...>, закругляются и снова падают вниз.

На носу корабля идет деятельная работа. Смело разделяет нос корабля высокие волны, и брызги целым дождем спадают на палубу. Я стоял в 20 метрах от носа и в 2 минуты промок совершенно. Кажется, что стоишь под дождем, вкус которого отвратительный. Шум от волн настолько силен, что надо говорить очень громко, чтобы понимать друг друга. К счастью я не подвержен морской болезни, а то было бы просто невыносимо. За обедом из 140 человек было всего 20—25 — остальные больны. Морская болезнь проявляется весьма разнообразно. Некоторые лежат в каютах совсем бессознательно, без всяких движений, можно было бы подумать, что они мертвы. Другие лежат на палубе и если не в бессознательном состоянии, то с весьма слабыми признаками жизни. Видно, что им все безразлично. Третьи мучаются рвотой — картина далеко не привлекательная. Есть и такие, которые стремятся бороться, но напрасно, через некоторое время и они слагают оружие и впадают в одно из описанных состояний.

Первое время мне было как-то страшно, не то чтобы голова кружилась или тошнило, а что-то было не по себе, особенно неприятно в каюте или в столовой.

Состояние это улучшилось после еды, поэтому ел много, тем более, что аппетит был великолепен. Наконец через день привык совершенно, и все время чувствовал себя великолепно. Ночь с 19 на 20 была особенно тяжелая, к килевой качке присоединилась еще бортовая, да такая сильная, что я во сне три раза чуть не вылетал из койки. Поставили предохранительные борта, и я успокоился, хотя толкало немилосердно. На другую ночь качка не унялась, но я уже не замечал ее — к чему человек ни привыкает!

Пассажиры весьма неинтересны: большей частью коммерсанты или искатели приключений. Один, впрочем, весьма интересен: Luis Nathal, француз по происхождению и душе, который 23 года провел в Соединенных штатах. Он артист и порядком сделал для процветания искусства в Америке, конечно радея в интересах Франции. Его самый симпатичный поступок, это стремление гарантировать авторскую собственность в стране янки, обращающихся с этим весьма безапелляционно. Оригинальная вещь: немец прожив некоторое время в Америке, зовет себя американцем и ничего не хочет знать немецкого; француз же, тот — он все остается французом и никогда не откажется от своей национальности и постоянно радуется за свое и горой стоит за Францию. А это великая вещь, что они не ассимилируются и в этом их сила. Никак Францию нельзя уничтожить, что там немцы ни говори. Мне кажется, что у нас та же черта. Мы можем долго жить за границей, восхищаться их культурой, наукой и искусством, обезьянить их манеры, привычки, одежду — но никогда мы не станем немцами, англичанами или французами. Я думаю, что в этом-то и выказывается любовь к Родине.

21 мая. 46° 10' СШ, 48° 19' ЗД. Т 18.3°

Океан немного успокоился, так что я могу вести мой дневник. Сегодня утром мы встретили две большие глыбы льда. Издали они имели вид снежных гор, выдающихся над горизонтом, и можно было подумать, что это снеговые вершины материка. Когда мы подошли на расстояние нескольких узлов, было нетрудно убедиться в действительности этого явления. Целая снежная гора в несколько сот футов высоты спокойно плыла по океану. По крайней мере, такая же масса находилась под уровнем воды. Вся гора имела вид громадного многогранника, ослепительно белого цвета. Ни одна снежная вершина горы не может быть сравнима с этой картиною и если снежная вершина гор поражает своей белизной на синем фоне неба, то насколько сильно поражает эта белая масса окруженная со всех сторон темною синевою моря и неба. Спереди этой белоснежной массы выделялись яркие ледяные грани, переливавшиеся сотнею оттенков радуги под лучами яркого солнца. Это было самое красивое зрелище во время нашего плаванья по океану. День прошел очень мирно и спокойно, океан был почти совершенно спокоен — легкая зыб колебала его поверхность. К вечеру появились облака и этот несносный туман. Опять эти свистки.

22 мая. 43° 49' СШ, 57° 23' ЗД. Т 17.5°

Снова свежее. Я думаю, не имеет ли некоторое значение глубина моря? Вчера мы плыли по Ньюфаундлендской отмели и было тихо, сегодня мы вновь вошли в значительную глубину (до 2600 футов), тогда как на отмели было всего до 50. Настала опять качка и не только килевая, но и бортовая, и с нею вместе обнаружилась неизменная морская болезнь у некоторых пассажиров. Туман с малыми промежутками надоедал нам целый день. В каютах невыносимо, так как окна во время тумана

должны быть закрыты. Делается это из предосторожности: во время тумана столкновения пароходов весьма возможны. В случае повреждения и течи, вода может еще свободнее войти в открытые окна и причинить серьезные последствия. Впрочем, и это предусмотрено: в коридорах корабля есть несколько герметически закрывающихся металлических дверей, которые, будучи закрыты, могут совершенно изолировать поврежденное место парохода. В салоне и курительной также невыносимо, т. к. постоянно ощущаются движения парохода, которые приводят в какое-то странное состояние. На палубе эти движения тоже ощутимы, но там видишь эти колебания, и голова менее кружится. Я весь день провел на палубе, несмотря на холодную сырую атмосферу и надоедливые свистки, раздающиеся каждые полминуты. К вечеру у меня гудела голова. Я был рад лечь спать. Вечеру была видна зарница. Еще одно странное явление: как только начинает свежеть, появляются над самым уровнем моря так называемые предвестники бури — Puffinus¹⁶. Я думаю, что появление их весьма понятно. Во время большого волнения погибает много мелкой рыбы, трупы которой всплывают на поверхность и служат добычей этим птицам. Впрочем, не только одни трупы могут всплывать на поверхность, но и сами рыбы выносятся из глубин на поверхность.

23 мая. 41° 13' СШ, 66° 08' ЗД. Т 8°

Сегодня, по всей вероятности, последний день на Атлантическом океане. Вот как проводил я время на пароходе. Вставал я в 7 часов утра и брал морскую ванну в особом для этого устроенном помещении, затем умывался и делал легкую прогулку по палубе. В 8 часов завтрак, состоящий из рыбы, жаркого, чая, кофе или шоколада и фруктов. После завтрака я читал, занимался или писал дневник, частью на палубе, частью в курительной. В 12 часов второй завтрак или lunch, состоящий из нескольких блюд и кофе — это целый обед. После lunch'a тоже занятия. В 6 часов обед при звуках оркестра парохода. Обед состоит из 10—11 блюд и продолжается до 7 ½ часов. После обеда кофе и беседа с пассажирами в курительной. В 9 ½ часа чай и затем спать. Кроме того, для развлечения публики оркестр еще играет от 10 до 11 дня и 9—10 ½ часов вечера. Если кто не подвержен морской болезни, аппетит достигает невероятных размеров. Так как эта еда не удовлетворяла меня — я заказывал еще в промежутках lunch'a и, затем, lunch'a и обеда.

Утро сегодняшнее было великолепно. В полдень пошел дождь, и стало свежеть. Опять качка, но на сей раз слабая — однако не обошлось без больных. Осматривал сегодня машины корабля. Поистине грандиозная вещь. Целые три этажа, которые сообщаются между собою узкими и крутыми железными лестницами, перила которых местами до того жарки, что в руки дается пакля, которая, в то же время, препятствует рукам скользить по перилам, которые от масла необычно гладки. Ступени и пол покрыты целым слоем масла. Шум колес и приводов до того силен, что нужно кричать изо всей мочи, чтобы говорить друг с другом. Я спустился в самый низ к печам. Там чистый ад. Жара невыносимая; запас угля и масла, шум и стук машины завершают дело. Всех печей (величиною с корпус локомотива) 36. У каждой печи стоят 2 кочегара; один поминутно присыпает уголь, другой выгребает золу. За все это время мы истребили 700 тонн угля, т. е. почти 100 тонн в сутки. Я посетил также interdeck — вот где пытка во время качки. Постели или вторые койки расположены в два яруса, одна подле другой целыми рядами, между которыми остаются лишь узкие проходы. Есть несколько комнат или двойных (?) отделений для мужчин, женщин и семейств. Сколько типов видел я там, какие разнообразные лица и выражения! Сколько национальностей и разных языков!

В 2 часа подошло к нам маленькое парусное судно и на лодке выслало лоцмана, долженствующего ввести наш пароход в Нью-Йоркский рейд. Наш пароход остановился, и лишь только лоцман по поданной ему веревочной лестнице вззошел к нам на борт — пошел вперед. Парусное судно лавировало в некотором отдалении и поджидало обратно лодку, доставившую нам лоцмана. Лодка еще не достигла судна, как мы потеряли их из виду, до того быстро идет наш пароход. Лодку как щепку бросало в волнах океана, а сегодня еще очень слабое волнение. Каково-то должно быть, когда свежо! Обед прошел в веселой болтовне и шутках среди наших сотрапезников. Мы имели отдельный стол, за которым обедало 8 человек: Luis Nathal (о котором я уже писал), затем Hall (американец из Буэнос-Айроса), D. Earle (из Нью-Йорка, большой шутник и весельчак), американец из Бостона еще очень молодой человек, Lion (обританившийся немец), Busch Vignerou из Австралии, очень милый, но юный молодой человек, мой спутник и я. Вечер мы также провели в веселой компании и пили до второго часа ночи. Это был самый веселый и оживленный вечер, который мы прожили на палубе корабля. Ночь была чудесная, на небе мерцали звезды, а на море — разноцветные сигнальные огни кораблей, пароходов и парусных судов.

24 мая.

Встал очень рано и принялся за упаковку вещей. В 8 часов вышел на палубу — на горизонте виден американский берег. Вскоре мы стали входить в Нью-Йоркскую бухту — по левую руку виднелась желтая полоса Land Hook, по правую — Caney Zeland. Два больших здания выдавались над горизонтом: это гостиницы Beach Hotel и Rochaway Hotel. Море было очень оживлено: пароходы большие и маленькие, парусные суда разных величин и лодки сновали взад и вперед. Вот, наконец, показалась зелень садов и лугов — запахло берегом. К свежему и чистому воздуху моря, которым мы дышали целых 9 дней, присоединился необычно ароматический воздух цветущих деревьев.

Трудно описать какое сильное впечатление производят близость берега и этот особый воздух, который мы не ощущали в продолжении целой недели. Мы все ближе и ближе подходили к цели нашего путешествия; бухта (lower bay) постепенно все сужалась, и вот мы стоим перед входом во вторую Нью-Йоркскую бухту (upper New York Bay), в узком проходе (the narrows), ограниченном с двух сторон большими и солидными укреплениями: с левой стороны Fort Wadsworth и Richmond, с правой — Fort Hamilton и Lafayette. Едва вступили мы в верхнюю бухту, как пароход наш бросил якорь: к нам подошел маленький пароходик и высадил на борт доктора (от карантина) и таможенных чиновников. В то время как доктор принимал рапорт от пароходного доктора и производил осмотр пассажиров interdeck'a, в салоне 1-го и 2-го класса таможенные чиновники отбирали показания пассажиров о содержании их багажа. Процедура эта весьма простая и производится замечательно скоро и практично. Вы объявляете ваше имя, количество багажа и его содержимое. Вам объявляют, что подлежит пошлине и берут слово, равносильное присяге, что вы ничего не утаили, т. е. вещей, подлежащих пошлине. Вы расписываетесь, и вам дают номерной билетик. По приходе в гавань, багаж препровождают в громадное помещение, имеющее столько отделений, сколько букв в алфавите. Багаж распределяется по начальным буквам фамилий; отыскать его поэтому чрезвычайно легко. Как только вы отыскали ваш багаж, вы подходите к конторке, имеющейся в центре склада, предъявляете ваш билетик и получаете таможенного чиновника, которому вручают вашу декларацию. Он отправляется с вами к вашему багажу, осматривает его, и если

нет ничего подлежащего уплате пошлины, наклеивает бланк на пропуск. Если же ваши показания оказались ложными, то предметы, подлежащие уплате пошлины, конфискуются, вы платите штраф, и если ваш багаж носит характер контрабанды — то подвергаетесь аресту, которому закончится заключением.

Со мной чиновник был в высшей степени любезен и почти не досматривал багаж. Я объяснил, что у меня помимо платья, книг и белья еще масса научных аппаратов и химических веществ. «Кто вы?» — спросил он меня, когда я раскрыл походную лабораторию. — «Естественник, доктор зоологии». «Яды у вас есть?» — «Да». — «Сколько?» — «5 граммов». Я, было, стал раскрывать отдельные ящики. — «Не извольте беспокоиться» — и наклеил бланк. Так же мило досматривал он вещи у соседних пассажиров. Для осмотра женского багажа полагаются дамы. Все делается быстро, без рассуждений и в высшей степени вежливо. Если что-либо чиновнику кажется подозрительным, то осмотр проводится самый тщательный.

Для доставки багажа существует также прекрасное учреждение. Вы подзываете человека, на шляпе которого написано «express». Он нумерует ваш багаж и дает вам билетик. С этим билетиком вы подходите к новой конторке, отдаете билетик, объявляется фамилия и гостиница, где намерены остановиться и дело готово. Через час или 1 ½ вы имеете ваш багаж в гостинице. За доставку платит гостиница и подает вам счет при отъезде. Вообще все учреждения, которые мне пришлось пока видеть в Америке, поражают своей простотой и практичностью. Все устроено так, чтобы доставить вам самое большое удобство, с наименьшей затратой времени и денег.

Когда осмотр был закончен, и все пассажиры объявили свой багаж, мы снялись с якоря и стали входить в верхнюю бухту. Вид подлинно грандиозный. Со всех сторон окружает вас берег, заканчивающийся на горизонте амфитеатром гор и холмов. Повсюду видна зелень, в которой разбросаны красивые загородные строения — это коттеджи. По левую руку лежит Jersey City и Hoboken — часть Нью-Йорка, по правую — Woolum, а прямо перед вами сам Нью-Йорк или City, остров, омываемый с западной стороны речкой Hudson, а с восточной — East River. Вскоре мы приблизились к грандиозной статуе Свободы, видневшейся еще до входа в верхнюю бухту. Статуя эта стоит на маленьком острове (Bedlow Leland) и представляет Свободу со светочем в правой руке, освещающую мир. Памятник поистине величественный и поражающий не только величиной, но и художественностью замысла и исполнения. Вся статуя 305 футов высоты, в том числе фигура 180 футов. Чтобы судить о величине памятника, достаточно сказать, что вокруг светоча устроена галерея, на которой могут стоять 12 человек. Она была исполнена французским художником Auguste Bartholdi и подарена Французской республикой в 1886 году Соединенным Штатам Америки, причем художник отказался от вознаграждения. Несмотря на это, перевозка и установка статуи обошлись в 1 000 000 долларов. Действительно, только Франция могла сделать такой подарок, и только Америка настоящее место ей. Эта статуя вместе с Кельнским домом самые грандиозные произведения зодчества, как по величине, так и по гармонии форм, которые мне пришлось видеть до сих пор.

Когда мы плыли мимо статуи, наша пароходная музыка заиграла американский национальный гимн, на передней мачте корабля развевался американский флаг. Миновав ее, мы стали входить в Hudson и скоро пристали к доку в Hoboken. Прошло довольно много времени, пока наш пароход 4 маленьких буксира окончательно ввели в док. На берегу стояла масса народу: все махали шапками и платками. Мы на палубе отвечали им тем же. Как только мы пристали к доку, бросили 4 трапа, и тут-то закипела жизнь. Началось страшное движение, но без всякой толкотни и суеты — настолько велик у них порядок. Всякий знает, что ему делать и куда идти; если вы чужой и недоумеваете, то каждый янки с великой обязательностью научит

всему и покажет вам все. Я забыл упомянуть еще об одном прекрасном учреждении, которое я заметил еще в нижней бухте — это плавучие больницы для заразных, инфекционных болезней. Частью они расположены на громадных барках, стоящих на якоре, частью на маленьких островках. Все они деревянные и разбираются совершенно каждые 2 года.

Когда мы покончили с нашим багажом и сдали его «express», то пошли в гостиницу Murray Hill Hotel, где мы намеревались остановиться. Вступив на американскую почву, сразу замечаешь, что находишься в другом свете, до того все не походит на то, что мы привыкли видеть в Европе. Строения очень высоки — есть дома, которые имеют 13—14 этажей. Снаружи они очень просты, без всяких затей, по всюду видно удобство. На улицах кипит жизнь, чего-чего только не выставлено наружу. Каждое свободное место занято вывесками и громадными рекламами, на которых отдельные буквы достигают и даже превышают высоту человека. Даже крыши размазаны рекламами. Скоро мы достигли парома-парохода и на нем переправились на другую сторону Hudson, т. е. в самый City (New York).

Трудно представить себе жизнь, которая кипит в Нью-Йорке, не видев ее собственными глазами. Пройдя несколько боковых улиц, мы сразу очутились в самом круговороте, т. е. на Broadway. Тротуары полны прохожими; целая толпа людей спешит в разные стороны, ловко уступая друг другу дорогу. Посередине улицы взад и вперед мчатся конки, целая вереница карет, колясок, кебов, фургонов и ломовых снует взад и вперед. Над вашей головой по обе стороны (в некоторых местах посередине) улицы стрелою проносятся поезда железных дорог. Шум колес и локомотивов, стук экипажей и фургонов, звонки конок, жужжание толпы и выкрики газетчиков и разных продавцов производят какой-то неопределенный шум, который стоит в этом четырехмиллионном городе. Движение поистине необычайное и нашему брату-европейцу непривычное.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1129. Оп. 1.

² Die Geographische Verbreitung der Susswasser-Protozoen. Mem. Acad. Imper. Sci. St.-Petersburg. 1893. VII ser. Vol. 41.

³ К биологии простейших // Mem. Acad. Imper. Sci. St.-Petersburg. 1894. Vol. 75, Suppl. 1; Организация и систематика инфузорий. *Aspirotricha* (*Holotricha* *Auctorium*) // Mem. Acad. Imper. Sci. St.-Petersburg. 1896. VIII ser. Vol. 4.

⁴ РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 93.

⁵ Считаю своим приятным долгом выразить признательность помогавшим в сборе и обработке материала для этой публикации: Frau E. Hunerlach, Archivamtfrau, Universitätsarchiv Heidelberg, Prof. Dr. U. Kull, Universität Stuttgart, Germany, Т. Kosco, USA, А. Б. Павловой, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, С.-Петербург.

⁶ РГИА. Ф. 1129 Оп. 1. Д. 93. Л. 2—24.

⁷ Фокин С. И. Карьера профессора Шевякова. Карлсруэ — Гейдельберг — Санкт-Петербург — Иркутск // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб., 2001. С. 68—76; *Он же*. Ковалевские, Шевяковы, Догели. Сплетение судеб // Природа. 2001. № 12. С. 18—27; *Fokin S. I. Professor W. T. Schewiakoff: life and science* // Protist. 2000. Vol. 151. P. 182—189.

⁸ Universitätsarchiv Heidelberg. Rep. 84/4.

⁹ Современное написание латинского названия этого рода пресноводных двояковышших рыб (*Dipnoi*) — *Ceratodus*.

¹⁰ *Lepidosiren paradoxa* — также представитель примитивных двоякодышащих рыб.

¹¹ *Hatteria* — род древних морских рептилий отряда Rhynchocephales, распространенный в Новой Зеландии.

¹² *Ornithorhynchus anatinus* — утконос, вид примитивных млекопитающих, распространенный только в Австралии и Тасмании.

¹³ По данным, приведенным в книге: Kludas A. Die Geschichte der deutschen Passagierschiffahrt. Hamburg: Ernst Kabel Verlag, 1986, пароход «Trave», построенный в Глазго в 1886 г., имел длину 138 м и брал на борт 224 пасс. I—II классов и 660 пасс. III класса.

¹⁴ Представители рода *Hamiites* имели форму курительной трубки, остальные названия, видимо, изменились со времени написания заметок или были искажены Шевяковым. В руководстве по палеонтологии — *Traité de Paleontologie*. Paris: Masson, 1952 — они отсутствуют.

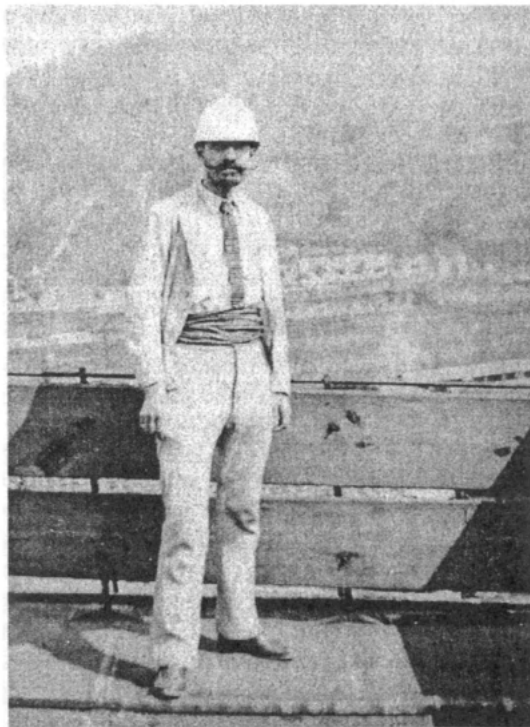
¹⁵ 18 и 19-го мая Шевяков зафиксировал только местонахождение судна.

¹⁶ Буревестник (несколько видов) — широко распространенная, крупная морская птица, с размахом крыльев иногда более 2 метров.

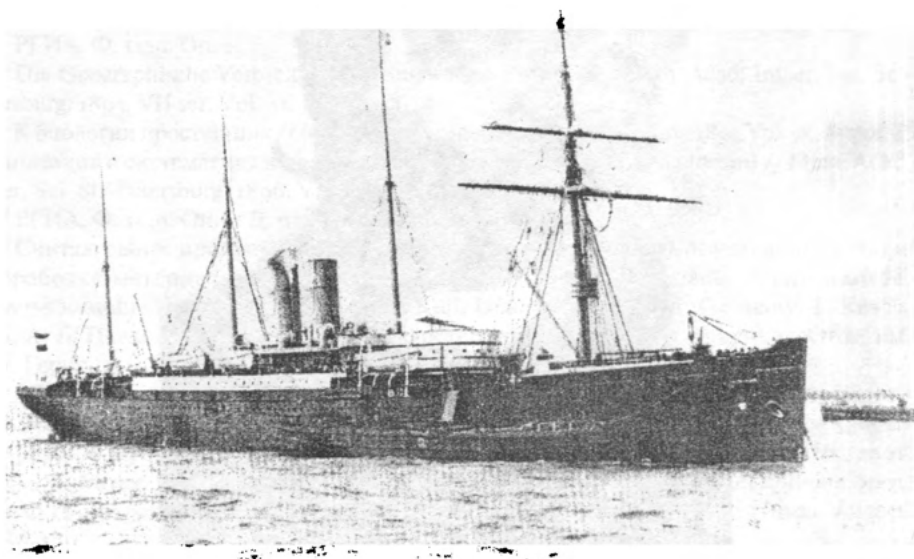
Иллюстрации

1. В. Т. Шевяков. Перед кругосветным путешествием. Гейдельберг, 1889

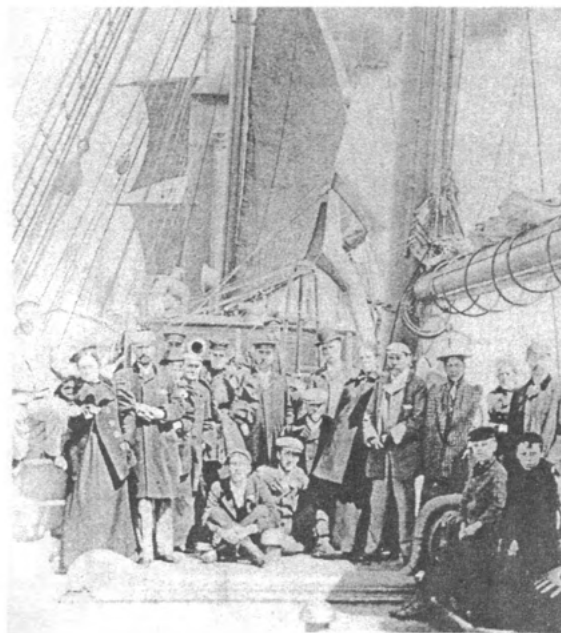
2. В. Т. Шеваков. После кругосветного путешествия. Гейдельберг, 1890

3. Четырехмачтовый трансатлантический пароход «Eider» постройки 1884 г. од-
нотипный с «Trave» на котором В. Т. Шеваков плыл до Нью-Йорка

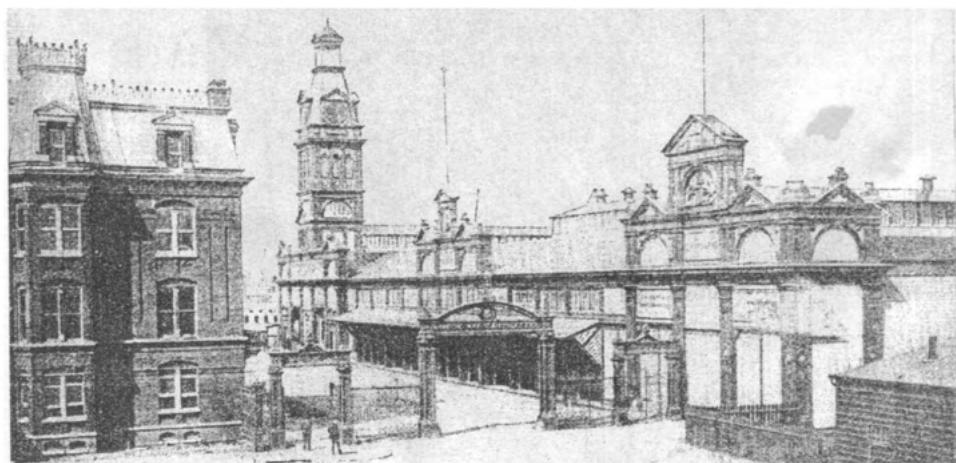
4. Пассажиры I класса. Конец 1880-х

5. Фото на память. 1889

6. Здравствуй, Америка! 1903

7. Причалы Новокеп. Нью-Йорк, 1885

8. Бродвей. Начало 1890-х годов

**«МЫ РАЗДЕЛЕНЫ “КИТАЙСКОЙ СТЕНОЙ”
ВЗАИМНОЙ ЗЛОБЫ, ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ И НЕНАВИСТИ»**

Публикация, вступительная статья и комментарии *М. Ю. Сорокиной*

«We are divided by “Chinese wall” of mutual rage, suspiciousness and hatred». Drawing up, introductory article and comments by *M. Yu. Sorokina*. Letters of slavist Ivan Aleksandrovich Boduen de Courtenay (Baudouin de Courtenay Jan Ignacy Niecislaw, 1845–1929) — the largest theorist of the common, comparative-historical slavic linguistics, the Polish and Russian languages, the founder of the Kazan linguistic school to the indispensable secretary of the Russian Academy of Science to academician S. F. Oldenburg

В 1925 году Российская Академия наук праздновала свой 200-летний юбилей, ставший знаковым событием в истории отечественной науки¹. Впервые после Первой мировой войны и Октябрьского переворота 1917 года Россия широко открыла свои границы для международного научного форума: сотни иностранных ученых и институций получили приглашение приехать на академический юбилей. Между тем, среди участников празднеств не было ряда известных ученых, выброшенных за пределы страны октябрьскими катаклизмами.

Среди первых «отверженных» был и выдающийся языковед-славист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (Ян Игнацы Нецислав; Baudouin de Courtenay Jan Ignacy Niecislaw) (1845–1929) — крупнейший теоретик общего, сравнительно-исторического славянского языкознания, польского и русского языков, основоположник казанской лингвистической школы². Его научные заслуги были отмечены избранием членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (1897). В течение многих лет Бодуэн де Куртенэ — профессор крупнейших университетов России: Казанского (1875–1883), Юрьевского (1883–1893), Петербургского (1900–1918). Его письма непременно секретарю РАН академику С. Ф. Ольденбургу публикуются по автографам, хранящимся в Петербургском филиале архива Российской Академии наук (Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 175–176; Д. 13. Л. 89–920б.).

1.

Варшава, 19 июня 1925 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Вчера мне было доставлено приглашение на торжественное празднование юбилея РАН. Я, конечно, желал бы принять участие в этом торжестве, но это зависит не только от меня лично. Прежде всего, у меня нет средств на совершение столь долгого путешествия.

Неделю тому назад я участвовал в годичном общем заседании Польской АН в Кракове. Там мне сообщили о приглашении Вами этой Академии и спрашивали мимоходом, не захотел бы я быть представителем Польской Академии на Вашем юбилее. Тогда я не ответил ничего определенного. Теперь, однако ж, получив личное приглашение, я пишу в Краков, предлагая свои услуги. По всей вероятности, Краковская Академия воспользуется моею готовностью и тогда дело окончательно устроится. Пока же прошу Вас считать меня кандидатом на поездку в Ленинград и доставить мне программу празднеств и др. необходимые сведения. По получении ответа Польской Академии я Вам опять напишу.

По правде сказать, меня не особенно влечет в Ленинград. Ведь в этом городе, когда он еще именовался временно Петроградом, я испытал величайшую обиду, так как подвергся там отчуждению и частичному уничтожению моего ценного имущества, в том числе всей моей библиотеки и всех научных материалов, накопившихся в течение всей моей жизни. Это парализовало раз и навсегда всю мою научную деятельность. Откровенно говоря, я предпочел бы быть убитым, нежели быть обреченным на непрерывное воспоминание о постигшем меня несчастье, являющемся своеобразной наградой за мою научную и педагогическую деятельность в России. Но, тем не менее, мне будет приятно повидаться с прежними друзьями и знакомыми.

В связи с потерей моего имущества я желал бы приехать в Ленинград за несколькими днями до торжества, дабы иметь возможность разыскивать в разных местах и у разных лиц уцелевшие остатки, поелику вообще что-либо уцелело.

При въезде в пределы Союза ССР я желал бы быть освобожден от личного досмотра. Могу поручиться, что не буду ввозить никакой контрабанды; личный же досмотр производит крайне неприятное впечатление. Думаю, что мне будет дозволено иметь с собою некоторые записки и несколько брошюр и статей собственного изготовления для ленинградских знакомых. Эти брошюры и статьи не имеют отношения к какой бы то ни было политике.

Еще одно. Нужно ли брать с собою фрак или же можно ограничиться черным сюртуком?

В ожидании дальнейших сведений шлю Вам искренние пожелания всего хорошего и остаюсь с глубоким уважением.

Бодуэн де Куртене (J. Baudouin de Courtenay)

2.

Варшава, 29 августа 1925 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Очень Вам благодарен за любезное приглашение на юбилейные торжества РАН и за все приложенные к нему сведения и документы. Я замедлил ответом, потому что хотел окончательно выяснить, буду ли в состоянии воспользоваться Вашим приглашением и отправиться в Ленинград и в Москву. Выяснить это я мог лишь в Варшаве; 3-го же августа я уехал в санаторий в Цехоцинке (Ciechocinek) и вернулся оттуда только 28 августа.

Я лично желал бы принять участие в Вашем торжестве. Не могу же я не признавать как великих заслуг бывшей Императорской АН, так и того, что ее продолжатель, нынешняя РАН, несмотря на не по ее вине сложившиеся неблагоприятные обстоятельства, имеет все-таки первостепенное значение для всемирной, общечеловеческой науки. Кроме того, как я Вам уже сообщал, мне хотелось бы, и повидать прежних друзей и товар по бескровному оружию и выяснить окончательно дело моего потерянного в Петрограде (ныне Ленинград) имущества. Но ведь возможность уехать в СССР зависит не от меня, а от предрержащих властей.

Тотчас по получении Вашего приглашения, документов и сведений я обратился в Варшавский Университет и в Польскую АН (в Кракове) с просьбой выхлопотать мне разрешение на выезд, заграничный паспорт и незначительное пособие. Эти учреждения поддержали мою просьбу перед Министерством просвещения и Министерством иностранных дел. К сожалению, ответ получился отрицательный.

Ввиду несоизмеримости и непримиримости политических и общественных течений, свойственных с одной стороны, государству СССР, с другой же стороны остальным государствам, решающие сферы опасаются, мол, нежелательных и неприятных осложнений. Подобный взгляд господствует будто бы не только здесь, в Польше, но тоже в других «буржуазных» странах. И это неудивительно при полном отсутствии взаимного доверия и при хронической, ни на минуту не прекращающейся взаимной подозрительности.

А так как я лично не могу дать себе ни заграничного паспорта, ни необходимого для такой поездки пособия, то, конечно, должен обойтись желанием, без возможности его осуществления.

Что касается личной стороны дела, то трудно сказать определенно, как поездка в СССР отразилась бы на моем здоровье и настроении. Надо однако ж принять во внимание все испытанное мною до сих пор, в связи с войною и общественным переворотом.

Прежде всего, я был лишен выслуженной мною еще в 1905 году пенсии, выслуженной не путем «грабежа», а только многолетием преподавательского труда. Когда в конце 1917 г. я позволил себе заметить одной 20-и летней комиссарше, решавшей это дело, что пенсия, кажется, нечто неотъемлемое, эта вновь испеченная савонница заявила мне грозно и внушительно: «Теперь все отъемлемо!»

Затем, я был лишен всех своих скромных сбережений в ценных бумагах (более 10 000 золотых рублей), составлявшихся не путем «грабежа», а только путем заработка от моего профессионал труда.

Точно так же не путем «грабежа» возникло мое остальное имущество как вещественное, так и умственное, воплотившееся в мои научные материалы; моя ценная мебель, частью старинная художественная, частью же составлявшая необходимую принадлежность мастерской моего профессионального труда (рояль, письменные столы, этажерки, шкапы с перегородками и т. д.);

особо приготовленные ящики, папки, футляры, сообразная бумага и т. д. для хранения моих записей и для самого целесообразного ведения научной работы по части упорядочения научного материала, составления словарей, инвентарей, библиографических списков и т. д.;

ценные, единственные в своем роде и дорогие для меня предметы, документы (в том числе диплом на звание члена-корреспондента ИАН), сувениры, приобретенные мною в разных местах единственные в своем роде рукописи;

альбомы, фотографии, картины (в том числе портрет моей матери и несколько десятков портретов и картин, писанных моей дочерью Софьей и большей частью уже побывавших на выставках в Петербурге и Гельсингфорсе);

моя довольно богатая библиотека, в том числе словари и подручные пособия, без которых невозможна никакая порядочная работа в области филологии и языковедения: накопившиеся в течение всей моей жизни научные материалы по диалектологии разных языковых областей, по эмбриологии и патологии речи (в том числе систематические веденные изо дня в день записи по развитию языка и вообще психики нескольких детей), по психологии и социологии речи человеческой вообще;

конспекты моих университетских лекций, готовые или же почти готовые монографии по разным отделам общего языковедения, сравнительной грамматики (и пр. изоглоссы славянского языкового мира), отдельных языков (в том числе монографии по русскому языку).

Все это пропало для меня или находится неизвестно в чьих руках, или же просто уничтожено.

Хотя я никогда в жизни никого не ограбил, тем не менее, один из великих заветов «нового слова» и «пролетарского евангелия», гласящий «грабь награбленное», был применен ко мне с неумолимою, беспощадною последовательностью.

Я мечтал о том, что последние дни своей жизни посвящу обработке хотя бы только незначительной части моих столько лет накопившихся материалов (для полной обработки всех материалов понадобилось бы, вероятно, несколько десятков лет), всестороннему их использованию и извлечению из них, смею думать, не совсем лишних для науки выводов, с одной стороны, для описательной и исторической грамматики и для характеристик данного объекта исследования, с другой же стороны, для общего языковедения.

И вот мои мечты оказываются праздными, неосуществимыми мечтаниями!

Не покидающее меня ни на минуту сознание, что «волею судеб» и в порядке расправы с «буржуями», «контрреволюционерами» и «белогвардейцами» я превращен в живого покойника, повергает меня в подавленное и удрученное состояние, в состоянии апатии и *taedium vitae*³. Единственную отраду дает мне мысль, что эта пытка когда-либо кончится, и ее место займет безмятежный сон Нирваны.

Постигшее меня я считаю своеобразной наградой за то, что я почти всю жизнь работал среди русского общества, в русских учебных заведениях, для русской молодежи, для науки в России. В другом освещении это можно считать вполне заслуженным наказанием за то, что я терял время на столь бесполезные, с «солдатской и рабоче-крестьянской» точки зрения и даже вредные занятия, как научные исследования вообще, и лингвистические и филологические исследования в частности. Но от сознания своей вины перед «пролетариатом» мне лично все-таки не легче. Моя умственная жизнь почти совсем парализована.

Очень возможно, что в случае если бы мне удалось отправиться теперь, по Вашему приглашению, на торжество РАН, мне пришлось бы окончательно покинуть всякую кафедру (*Lasciate ogni speranza...*⁴), отыскать хотя бы только частичку своего потерянного имущества; а это было бы для меня окончательным ударом (*coup de grace*) и сделало бы меня непригодным для жизни вообще. Но такое пессимистическое предположение навряд ли обосновано.

Настоящий случай является одним из доказательств того, что и ученой братии приходится разделять судьбу всего человеческого мира, представляющего отвратительное зрелище зверинца с клетками, содержащим в себе разные виды ошестинившихся и готовых рвать друг друга в куски зверей (*betes humaines*⁵). Мы разделены «китайской стеною» взаимной злобы, подозрительности и ненависти.

Мы пожинаем плоды гнусной кровожадной свистопляски, охватившей народы Европы, вплоть до ученой братии включительно, в начале войны 1914 г. Ученые мужи «воюющих стран» травили друг друга, выпускали «патриотические» мегаломанские воззвания, вычеркивая друг друга из списков академий и других ученых обществ (*Willamowitc Moelendorff: «honoris causa ejectus»*⁶), жертвовали всем, в том числе здравым смыслом и честностью, всем, всем «для войны и победы».

Я лично был всегда не входящим в сделки с совестью противником войны, был решительным антимилитаристом и пацифистом. И все-таки в это смрадное время согрешил, позволяя увлечь себя общему теченью. В минуту помрачения ума и притупления нравственного чувства я подписал вместе с другими ошалевшими «представителями науки» какой-то глупый, «патриотический», верноподданнический, человеконенавистнический адрес⁷. С моей стороны это было преступление. За это умственное и нравственное падение, за эту измену своим международным, общечеловеческим идеалам, я несу теперь жестокое наказание. Вместо «войны и победы»

применение принципа «грабь награбленное». Вместо «войны до конца» — «война без конца», с повержением в прах и даже физическим истреблением всех «буржуев», накликателей и виновников войны.

Извините, глубокоуважаемый Сергей Федорович, эту вполне неуместную лирику. Но она вызвана, прежде всего, печальным сознанием того, что мы, так называемые люди науки, лишены возможности общаться друг с другом и принимать участие в устраиваемых нашими, казалось бы, соратниками торжествах, в праздниках всемирной науки, науки не «буржуазной», не «пролетарской», а просто общечеловеческой.

Примите пожелания всего хорошего (поскольку таковое теперь возможно) и уверения в моем искреннем уважении и преданности.

Бодуэн де Куртене
(J. Baudouin de Courtenay)

Примечания

¹ Подробнее см.: *Сорокина М. Ю.* Ученые и политика: Постверсальская Европа и международное научное сотрудничество (проект «200-летний юбилей Российской Академии наук» (1925 г.) // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. С. 354–381; *Она же.* «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика – Якобсона» // In *Memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина.* СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 117–142; *Она же.* К 200-летию Российской Академии наук: «Придать ... импозантный характер» // *Природа.* 1999. № 12. С. 59–72; «Мы не нищие...»: Из дневника *Е. Г. Ольденбург* // *Источник.* 1999. № 6. С. 28–41.

² См.: *И. А. Бодуэн де Куртене* (к 30-летию со дня смерти). Отв ред. *С. Б. Бернштейн.* М., 1960.

³ Отвращение к жизни (лат.).

⁴ Оставьте всякую надежду (ит.) Цитата из поэмы Данте Алигьери «*Божественная комедия*» (Ад, III, 9).

⁵ Звери в образе людей (франц.).

⁶ В ироническом смысле упомянуто выражение немецкого филолога-классика У. фон Вилламовица-Меллендорфа (1848–1931) — «почетное изгнание» (лат.). Вилламовиц-Меллендорф был главным автором «*Воззвания к культурному миру*» (4 октября 1914 г.), в котором немецкие ученые объявляли войну со стороны Германии «оборонительной», а германский милитаризм — «спасителем культуры».

⁷ Подробнее о позициях русских и немецких ученых в период Первой мировой войны см.: *Виноградов Ю. А.* Германские ученые — члены Императорской академии наук и Первая мировая война // *Петербургская Академия наук в истории академий мира* // Материалы международной конференции. Т. 3. СПб., 1999. С. 40–55.

Авторы поздравляют великого антилысенковца Д. В. Лебедева с 90-летием со дня рождения и посвящают ему эту публикацию

ЦК, «БОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ» И ДРУГИЕ. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О БОРЬБЕ С ЛЫСЕНКОВЩИНОЙ*

Составление, вступительная статья и комментарии

Э. И. Колчинского и М. Б. Конашева

Central Committee, «Botanical magazine» and others. Arhival documents in struggle against Lysenkoism. Drawing up, introductory article and comments by E. I. Kolchinsky and M. B. Konashev. Relations of the Soviet authority and the Soviet science (including relations of representatives of authority and a science) are in details submitted in correspondences from Daniel Vladimirovich Lebedev's personal archive, the fighter with Lysenkoism «with the pre-war experience», and also in introductory article and comments to correspondence.

В истории советской печати хватало статей, которые можно рассматривать как своего рода вехи, обозначающие «этапы большого пути». Одна из них — большая, на два подвала, статья без подписи (так называемая редакционная) «Об агробиологической науке и ложных позициях "Ботанического журнала"» была опубликована в центральном органе партии «Правде» 14 декабря 1958 года накануне пленума ЦК КПСС, посвященного сельскому хозяйству. В ней редколлегию журнала резко критиковали за борьбу с лысенковщиной.

Пленум заседал с 15 по 19 декабря. В обширном докладе первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задача дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов» (опубликован в «Правде» 16 декабря) было подчеркнuto, что «заслужили всеобщее признание работы Т. Д. Лысенко по вопросам биологии». Выступая в прениях, секретарь ЦК КП Азербайджана И. Д. Мустафаев заявил: «Особенно плохо обстоит дело в области биологической науки, как об этом было указано в газете "Правда" от 14 декабря, где говорится о непоятном поведении "Ботанического журнала" и некоторых наших ученых», которые, дескать, позорят замечательного ученого Т. Д. Лысенко, навешивая ярлыки вместо товарищеской критики. Последовала реплика Хрущева: «Надо кадры посмотреть. Видимо, в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставить других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса»¹. Следующим выступал сам Лысенко. Досталось всем: и зарубежным, и отечественным критикам «народного академика», и академику-секретарю Биологического отделения АН СССР В. А. Энгельгардту, и президенту АН СССР А. Н. Несмеянову («Правда» от 18 декабря).

В заключительном слове, опубликованном в «Правде» 21 декабря, Хрущев снова похвалил Трофима Денисовича: «Замечательно выступили с этой трибуны академик Лысенко и другие товарищи». А 22 декабря в «Правде» была напечатана редакционная колонка «Историческое пятилетие», в которой к интересным, помимо выступле-

* Первоначальный вариант статьи опубликован в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (2003. № 4. С. 47–74). В обоих вариантах статьи М. Б. Конашевым написаны несколько абзацев в начале, а также один в конце, посвященные публикациям в «Правде». Весь остальной текст и общее редактирование статьи принадлежат Э. И. Колчинскому.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-06-80437а).

ний нескольких пофамильно названных председателей колхозов и механизаторов, было отнесено и выступление «народного академика».

В результате вопрос, которым завершалась статья в «Правде» от 14 декабря, получил однозначный ответ. Через несколько дней последовало решение Президиума АН СССР, согласно которому вся редколлегия «*Ботанического журнала*», включая ее главного редактора академика АН СССР В. Н. Сукачева, заместителя главного редактора академика (в то время члена-корреспондента) Е. М. Лавренко, и. о. ученого секретаря Д. В. Лебедева, а также члена-корреспондента АН СССР В. Б. Сочаву, будущего академика А. Л. Тахтаджяна, академика ВАСХНИЛ П. М. Жуковского, члена-корреспондента П. А. Баранова, была заменена новым составом. В новую редколлегию вошли ведущие лысенкоисты: А. А. Авакян, П. А. Власюк, П. А. Генкель, А. А. Шахов и др. Вскоре были произведены и другие «перестановки кадров». Вместо Энгельгардта пост академика-секретаря Отделения биологических наук занял Н. М. Сисакян, который к тому времени не был академиком, но считался верным сторонником Лысенко. Члена-корреспондента Н. П. Дубинина освободили от должности директора созданного им Института цитологии и генетики СО АН СССР, а из редакции журнала «*Известия АН СССР. Серия биологическая*» удалили А. Е. Гайсиновича, и т. д. и т. п. Для генетики и генетиков хрущевская «оттепель» закончилась. Более того, Хрущев грозился разогнать к «*чертовой матери*» и саму Академию наук, но в итоге лишь не допустили переизбрания в 1961 году президентом АН СССР А. Н. Несмеянова, который поддерживал противников Лысенко.

Почему же именно «*Ботанический журнал*» был выбран для показательной демонстрации административных мер партийно-правительственного аппарата с целью не допустить дальнейшего углубления критики «мичуринской биологии»? Гнев Хрущева имел под собой основания, так как ботаники первыми попытались использовать для подрыва монополии Лысенко, провозглашенный в докладе Г. М. Маленкова на XIX съезде партии в 1952 году тезис о том, что наука не может свободно развиваться без критики и самокритики. Директор Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР (БИН) Баранов в том же году направил в Президиум АН СССР записку, в которой, со ссылками на работы американских генетиков и селекционеров по гибридной высокоурожайной кукурузе, говорил о необходимости возобновить работы по полиплоидии и гетерозису. Впервые после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на проблему вида и видообразования на страницах «*Ботанического журнала*» и «*Бюллетеня Московского общества испытателей природы*», редколлегию которого также возглавлял Сукачев. Вскоре отдельные выступления переросли во фронтальную борьбу всего научного сообщества, включая руководство АН СССР, против лысенковщины в целом. Роль программных документов в этой борьбе сыграли две редакционные статьи в «*Ботаническом журнале*», написанные Д. В. Лебедевым². Переводы одной из них на болгарский, чешский, словацкий, румынский и итальянский языки позволили интернационализировать новый этап борьбы с лысенковщиной, вовлекая в нее ученых из стран народной демократии и сторонников СССР на Западе. В 1955 году удалось добиться реабилитации Н. И. Вавилова. В том же году В. Я. Александров, Д. В. Лебедев и Ю. М. Оленов подготовили письмо в Президиум ЦК КПСС, которое подписали более трехсот отечественных ученых разных специальностей, требовавших положить конец «лысенковщине»³.

Поскольку под письмом стояли подписи крупнейших математиков, физиков и химиков, которых вряд ли всерьез волновали разногласия вокруг законов Г. Менделя, властям становилось ясно, что дискуссия стала выходить далеко за пределы биологической проблематики, фактически приобретая характер политической оппозиции. К этому времени пролысенковские высказывания Хрущева четко предопреде-

лили противостояние. С одной стороны, партийно-правительственный аппарат, выполнявший волю своего лидера, с другой стороны, научное сообщество в целом, отстаивавшее свободу научного творчества, свободу развития науки. В мае 1957 года Лебедев даже выступил на партийном собрании в БИНе с критикой высказывания Хрущева, утверждавшего: «Лысенко нас никогда не подводил», и показал провал всех рекомендаций «народного академика», нанесенный им вред сельскому хозяйству.

Подобной дерзости власти уже не могли спустить. В «Известиях» 8 декабря 1957 года появилась статья Лысенко с серьезными обвинениями в адрес «Ботанического журнала» и Сукачева. Аналогичная статья была опубликована в «Правде». Лебедева попросили написать ответ. Поскольку с «Правдой» можно было только соглашаться, ответ был послан в «Известия», второй после «Правды» орган советского офицера. Лебедев опирался в ответе на написанные им ранее для «Ботанического журнала» редакционные статьи, а также на многочисленные публикации в других периодических изданиях. «Известия» ответ не приняли. Тогда 17 декабря 1957 года на заседании ученого совета Всесоюзного ботанического общества было заслушано выступление Е. М. Лавренко об обвинениях «Известий» в адрес редколлегии «Ботанического журнала». По итогам обсуждения ученый секретарь общества В. И. Полянский зачитал подготовленную Лебедевым резолюцию, которая была принята единогласно и опубликована⁴. Через органы Главлита статья прошла, но контрольный экземпляр, посланный в ЦК, вызвал раздражение, и было приказано все экземпляры вернуть для изъятия. Но Библиотека АН СССР (БАН) еще раньше получила разрешение ничего в таких случаях не возвращать (сначала нужно было просить специальное разрешение на каждую книгу). Все-таки Лебедев предупредил заведующего «Академическим собранием» БАН, чтобы тот берег номер, а так как был прислан и кастрированный экземпляр журнала, на полке стояли два экземпляра одного и того же номера, причем в одном была бумажка с надписью «выдавать только по разрешению директора». В «Летописи газетных статей» запись об этом документе осталась.

Таким образом, резолюция ученого совета Всесоюзного ботанического общества является уникальным даже для «хрущевской оттепели» документом. Пропущенная цензурой, она оказалась изъятой ЦК КПСС, усмотревшим в резолюции прямую опасность партийной монополии на «истину в последней инстанции». Однако эта публикация имеет большое значение и для решения целого ряда проблем социальной истории отечественной науки. Долгое время для ее описания использовались два цвета — белый и черный. Символом подобного подхода стал один из первых бестселлеров перестройки — роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды» (1987). Открывшиеся архивы способствовали разрушению многих мифов о бескорыстных искателях истины, облаченных в белые одежды, что породило тенденцию изображать всех участников борьбы с лысенковщиной в серых тонах⁵. Подобный дальтонизм при описании трагических событий борьбы за генетику столь же мифологичен, как и еще недавно господствовавшая легенда о «героях и злодеях российской науки». По сути дела новый миф подкрепляет позицию тех, кто, ностальгируя по советским временам, уверяет, что тогда наука процветала, а симбиоз партийно-правительственного аппарата и научного сообщества приносил лишь ценные плоды.

В действительности же ситуация была намного сложнее не только в годы тоталитаризма и «большого террора», когда почти каждый шестой из академиков и членов корреспондентов был репрессирован, но и в период «хрущевской оттепели», удивившей мир достижениями советской науки. Государство, продолжая оставаться единственным заказчиком научных исследований, по-прежнему старалось с максимальной эффективностью использовать их для получения знаний, пригодных для подъема экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей

политики и господства над обществом, для повышения своего международного статуса. К тому времени уже было воспитано поколение ученых, в целом разделявших мораль, планы и мировоззрение партийно-правительственного аппарата. Ученое сообщество в СССР отлично понимало, что только государство может предоставить средства для осуществления научных проектов, и стремилось к взаимопониманию с ним, подчеркивая «идеологическую корректность» своих научных исследований и их огромное практическое значение. При этом, однако, оно старалось остаться в русле мировой науки, следовать ее стандартам, и поэтому болезненно относилось к вмешательству властей в определение стратегии научного поиска.

В результате были неизбежны этические и политические компромиссы. Ученые, убеждавшие власть предержавших, что их исследования необходимы, должны были вести диалог с ними на понятном им языке, с использованием понятных им идеологием, демонстрируя преданность политике партии, делу построения коммунизма, официальной философии, требуя взамен не только финансово-материальные ресурсы, но и невмешательства в саму науку. К этому власть по-прежнему была не готова. Она все так же поддерживала различного рода псевдонаучные построения, возникшие в сталинские годы, и считала, что последнее слово в решении научных проблем должно принадлежать ей. Контроль за всеми сторонами жизни научного сообщества неизбежно порождал ответную реакцию.

После смерти И. В. Сталина и ареста Л. П. Берия у ученых исчез страх физического уничтожения и усилилось чувство профессиональной ответственности за судьбы отечественной науки. Они стали требовать от властей большего уважения к их экспертным советам и планам. Но власть не готова была удовлетворить их требования, что порождало чувство протеста и формирование оппозиционных настроений. Стало зарождаться диссидентское движение. Как видно из изъятых резолюции Всесоюзного Ботанического общества уже не отдельные ученые и даже не коллективы «подписантов», что ранее особенно не любили власти, а целая организация, находящаяся под партийным контролем, выступала не только против Лысенко, поддержанного Хрущевым, но и главных партийно-правительственных периодических изданий «Правды» и «Известий», выражавших официальную политику. Ситуация становилась особенно опасной, так как вскоре аналогичную резолюцию приняло и правления МОИПа. Эта резолюция так же ясно показала, что в борьбе с лысенковщиной участвовало фактически все научное сообщество СССР при поддержке зарубежных ученых разных стран. Наконец, в ней подведены главные итоги многолетних дискуссий с лысенковцами, чьи построения полностью противоречили стандартам мировой науки. Все это позволяет оценить ее как уникальный исторический документ, несмотря на специфический стиль «хрущевской оттепели».

Характерно, что в ответ на «кастрацию» *«Ботанического журнала»* редколлегия ответила третьей редакционной статьей, подготовленной Лебедевым⁶, которая и переполнила чашу терпения властей. В ней Хрущев, возможно, усмотрел прямое издевательство над собой, так как демонстрация провала всех сельскохозяйственных начинаний Лысенко шла со ссылками на высказывания Хрущева о том, что о научных достижениях надо судить не по словам, а по делам. Чтобы ученые не заходили столь далеко, и последовала уже упоминавшаяся статья в газете «Правда», гневная реплика Хрущева и разгром непокорной редколлегии. Власть должна была действовать быстро, так как статья имела огромный общественный резонанс. По свидетельству В. П. Эфроимсона, работавшего тогда в Библиотеке иностранной литературы, в читальном зале за восьмым номером *«Ботанического журнала»* выстроилась живая очередь. Номер после прочтения сразу переходил от одного к другому. Всем было понятно, на что и на кого замахнулись ботаники.

Считается, что период новых «заморозков» для генетиков был относительно непродолжительным. После октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года, сместившего Хрущева, генетика в нашей стране как будто вновь получила права гражданства. Но в полный голос о ее судьбе, о лысенковщине ученые и писатели смогли заговорить только в 1987 году. С тех пор появилось немало прекрасных книг и статей, опубликовано много документов. Однако еще далеко до полной реконструкции реального хода событий, а на смену мифам доперестроечной и перестроечной эпох, пришли новые мифы, в которых всю борьбу с лысенковизмом пытаются свести к обычной конкуренции внутри научного сообщества за покровительство властей и финансово-материальные ресурсы, как бы уравнивая мотивы и действия героически сопротивлявшихся жертв и их палачей. При этом игнорируется тот факт, что в основе трагедий, разыгравшихся вокруг лысенковщины, была борьба не за те или иные научные принципы и не за ликвидацию научных оппонентов, а за свободу науки против ее подчинения приказам сверху. Поэтому в ней участвовали математик М. А. Лаврентьев, химики А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев, биохимик В. А. Энгельгардт. Поэтому в одном лагере науки были дарвинист В. Н. Сукачев и ламаркист П. А. Баранов.

К настоящему времени в истории отечественной биологии еще слабо освещены многие ключевые фигуры борьбы с лысенковщиной, действия которых никак нельзя объяснить их конкуренцией со сторонниками «народного академика» за финансово-материальные и людские ресурсы. Именно о них говорится в письмах, любезно отобранных Д. В. Лебедевым для публикации. В них представлены не только хрестоматийные фигуры этой борьбы (академики и члены-корреспонденты АН СССР В. Н. Сукачев, И. И. Шмальгаузен, В. А. Энгельгардт, Н. П. Дубинин), но и те, кто находился за сценой, выполняя огромный объем научно-организационной и редакционной работы, мобилизовавшей на защиту подлинной науки от посягательств лысенковистов и поддержавшего их партийно-государственного аппарата. Среди этих борцов «невидимого фронта» были В. Я. Александров, Г. Г. Левин, Ю. М. Оленов, В. И. Полянский, В. В. Скрипчинский, М. С. Яковлев и др.

Из писем также видно, что особая роль в этой борьбе принадлежала самому Лебедеву. Не случайно Р. Л. Берг назвала его «великим антилысенковистом»⁷. Сам он оценивал свои заслуги скромнее, говоря, что он «антилысенковец с довоенным стажем»⁸. Борьба с лысенковизмом стала главной целью его жизни. Начав с геоботаники и установив контакты с ведущими тогда ботаниками, включая В. Л. Комарова, он, в конечном счете, предпочел гонимую генетику и поступил в аспирантуру к Г. Д. Карпеченко — одному из ближайших соратников Н. И. Вавилова. После ареста Карпеченко и других профессоров кафедры генетики растений Л. И. Говорова и Г. А. Левитского, разделивших трагическую судьбу Вавилова, он отказался раскаться, за что был исключен из комсомола и отчислен из аспирантуры. Впоследствии он много сделал для реабилитации своих учителей-генетиков и, прежде всего, для увековечивания памяти Карпеченко в ряде очерков и статей. Тогда же от неминуемого ареста за недоверие к деятельности органов НКВД его спасли срочный отъезд в Ереван и разразившаяся через месяц война, которую он начал младшим лейтенантом, а закончил майором в должности командира полка с множеством боевых наград.

Лебедев не захотел продолжить блестящую карьеру боевого офицера, а демобилизовавшись в феврале 1946 года, выбрал новую для себя специальность заведующего научной библиотекой в БИНе, где за короткий срок овладел комплексом специальных библиотечных и библиографических знаний. Проблемы генетики отныне не входили в круг его профессиональных интересов, а печальная судьба учителей и чудом несостоявшийся арест, казалось, должны были побуждать держаться в стороне от начатого после войны Сукачевым и Шмальгаузенем нового раунда борьбы

с Лысенко. Однако все было наоборот. «Пепел Клааса стучал в его сердце». Будучи заместителем секретаря парторганизации БИНа, он завязывает контакты с Сукачевым, обсуждая возможность замены Б. К. Шишкина на посту директора БИН В. Ф. Купревичем, Е. М. Лавренко или В. И. Полянским, которые могли бы быть более активными и полезными в этой борьбе. К чести Шишкина надо сказать, что после августовской сессии ВАСХНИЛ он не стал выполнять приказ об изгнании из института всех антилысенковцев, оставив и Лебедева. Вскоре он стал заместителем директора БАНа, а через месяц после вступления в эту должность его назначают и.о. директора этой одной из крупнейших библиотек мира. Попытка соблазны на этом посту элементарные правила профессионализма, чести и достоинства вызвали стандартный в те годы набор обвинений в космополитизме, засорении кадров, препятствии в «очистке» фондов, в идеологических прегрешениях и т. д. В конечном счете, его уволили и исключили из партии. На этот раз от ареста спасла смерть Сталина. Добрая память о его недолгом директорстве до сих пор сохраняется среди коллектива БАНа, хотя почти не осталось в живых свидетелей этого. В 1992 году БАН выпустил библиографический указатель его трудов⁹.

Новый этап в биографии Лебедева начался в июле 1953 года, когда по инициативе директора БИНа Баранова он стал сотрудником группы истории и библиографии ботаники, а с 1962 по 1978 год был ученым секретарем этого крупнейшего биологического института Ленинграда. Однако и на сей раз он не стал довольствоваться исследованием только идейных споров прошлого. «Пепел Клааса продолжал стучать в его сердце». Именно в этот период развернулся его талант организатора борьбы с лысенковщиной и автора главных антилысенковских выступлений, напечатанных в качестве редакционных статей и резолюций. В этой борьбе он становится ближайшим соратником Сукачева и Баранова, с которыми его связывала тесная дружба. В письме Сукачева от 9 ноября 1959 года, в котором он пишет о судьбе «*Ботанического журнала*», есть и такие слова, обращенные к Лебедеву: «Вы так много отдавали ему сил, Ваши статьи были его гордостью, что трудно забыть все это, я жму Вашу руку и как бывший гл. редактор "*Ботанического журнала*", благодарю Вас за все, что Вы сделали для процветания его. А сделали Вы чрезвычайно много». Вместе с В. Я. Александровым, Д. А. Сабининым, И. А. Рапопортом, В. С. Кирпичниковым и В. П. Эфроимсоном он заслужил славу рыцарей науки, спасших ее честь и достоинство в те трагические дни «не корысти ради», а по велению сердца и глубочайшей уверенности в неизбежности победы научной истины.

С 1978 года до ухода на пенсию Д. В. Лебедев работал в секторе истории и теории эволюционного учения Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники Академии наук, став бесценным кладзем знаний и мудрым учителем и советчиком для многих молодых тогда историков биологии, включая и авторов данного предисловия. Его заслуги признаны классиками по истории генетики в СССР — М. А. Поповским¹⁰, Д. А. Граниным¹¹, В. А. Сойфером¹², Ж. А. Медведевым¹³, прибегавшими не раз к его уникальной памяти, личному архиву и мастерству редактора при подготовке к публикации своих книг. 16 октября 1990 года за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции он в составе группы ученых был награжден высшей правительственной наградой — орденом Ленина¹⁴. Он единственный профессор, отмеченный стипендией Фонда Сороса, не имевший даже кандидатской ученой степени. Отсутствие оной не помешало ему, однако, стать автором 580 научных работ, включая три монографии. Под его редакцией вышло 27 книг. Об уникальности жизненного пути Лебедева можно судить и по тем фотографиям, которые он предоставил для иллюстрации публикуемых архивных материалов и вступительной к ним статьи.

Всемирно известна фраза «история меня оправдает». Однако для того, чтобы история выносила свой приговор, требуется большая работа участников истории, в том

числе людей, сохранивших исторические документы. С прошествием времени часть этих документов говорит сама за себя, благодаря так сказать исторической перспективе, когда пояснения становятся уже излишни. В той же «Правде» 29 декабря 1958 года была опубликована (и тоже без подписи) статья «СССР будет страной самого высокого жизненного уровня населения». Сегодня какие-либо комментарии к этому заголовку, возможно, тоже излишни. Однако упрощением было бы думать, что на все вопросы из истории взаимоотношений науки и власти в нашей стране получены окончательные ответы, и что даже полученные ответы уже усвоены всеми, включая и профессиональных историков науки.

1.

Резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества от 17 декабря 1957 г. по сообщению заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко

Совет Всесоюзного Ботанического Общества, заслушав и обсудив сообщение заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко о деятельности журнала, поставленное по просьбе членов Совета в связи с опубликованием в газете «Известия» от 8 декабря 1957 г. статьи академика Т. Д. Лысенко «Теоретические успехи агрономической биологии», содержащей ряд обвинений в адрес журнала и его главного редактора академика В. Н. Сукачева, констатирует следующее:

1. «Ботанический журнал» является печатным органом Всесоюзного Ботанического Общества, объединяющего в своих рядах основные кадры ботаников страны. Тем самым он служит органом советской научной ботанической общественности. Его важнейшие задачи — всемерное развитие всех отраслей ботаники с целью содействия социалистическому строительству и укрепление диалектико-материалистического мировоззрения в биологии. Исходя из этих задач, редакция «Ботанического журнала» открыла в 1952 г. дискуссию по проблеме вида и видообразования в связи со статьей академика Т. Д. Лысенко «Новое в науке о биологическом виде».

Эта дискуссия, проходившая в обстановке широкого обмена научных мнений, имела большое значение для развития советской биологии. На страницах «Ботанического журнала» было опубликовано несколько десятков статей и, кроме того, в редакционных обзорах изложено содержание почти ста статей и писем, которые не могли быть напечатаны за отсутствием места. При этом «Ботанический журнал» предоставлял свои страницы и сторонникам и противникам взглядов Т. Д. Лысенко. Вслед за «Ботаническим журналом» дискуссионные статьи публиковали не только другие специальные журналы («Бюллетень Московского общества испытателей природы», «Журнал общей биологии», «Успехи современной биологии», «Зоологический журнал», «Микробиология», «Известия АН СССР. Серия биологическая», «Вестник Академии наук КазССР», «Труды Академии наук ТаджССР», «Вестник Ленинградского университета», «Ученые записки Томского университета», «Лесное хозяйство» и др.), но и философские («Вопросы философии»), литературно-художественные и общественно-политические («Новый мир», «Знамя», «Наш современник»), а также газеты («Литературная газета», «Учительская газета», «Медицинский работник»). Дискуссия развернулась на многочисленных заседаниях и конференциях (в частности, в Воронежском, Ленинградском и Томском университетах). Журнал «Коммунист» (1954 г., № 5) в передовой статье «Наука и жизнь» осудил попытку заглушить дискуссию. Дискуссия была поддержана газетой «Правда», опубликовавшей 26 марта 1954 г.

письмо профессора С. С. Станкова по поводу диссертации В. С. Дмитриева, основанной на взглядах Т. Д. Лысенко по вопросам видообразования.

Многие материалы дискуссии были переведены, целиком или в сокращенном виде, на болгарский, итальянский, китайский, немецкий, польский, румынский, словацкий, чешский и другие языки. Вслед за Советским Союзом дискуссия развернулась в странах народной демократии и среди прогрессивных биологов капиталистических стран. Выступление по затронутым в дискуссии вопросам печаталось во многих коммунистических газетах и журналах («*Нейес Дейтчлянд*» (ГДР), «*Трибуна люду*» (Польша), «*Ринашита*» (Италия), «*Пансе*» (Франция) и др.

подавляющее большинство участников дискуссии как в Советском Союзе, так и в странах народной демократии, в том числе наиболее высококвалифицированные биологи, высказались против концепции академика Т. Д. Лысенко. Они показали ее фактическую необоснованность, теоретическую несостоятельность и практическую бесплодность. Итоги дискуссии были дважды подведены редакцией «*Ботанического журнала*» (1954 г., № 2; 1955 г., № 2).

Таким образом, обвинение, направленное академиком Т. Д. Лысенко в адрес редакции «*Ботанического журнала*», что журнал начал «под флагом якобы материалистической биологии весьма далекую от науки критику моих работ и согласных с нами научных сотрудников», не соответствует действительности. Это обвинение незаслуженно падает на широкие круги советских биологов, борющихся за материалистическое мировоззрение.

2. Дискуссия, начатая в связи с концепцией «порождения» видов академика Т. Д. Лысенко, не могла, однако, ограничиться только этим кругом вопросов. В советской биологии, имеющей выдающиеся и несомненные достижения и заслуги, накопилось много и догматических представлений, совершенно недостаточно подкрепленных фактами и неверных с точки зрения философии диалектического материализма. Это обстоятельство тормозило дальнейшее развитие науки и существенно ослабляло возможность ее действительной помощи народному хозяйству страны. Научная дискуссия по основным вопросам эволюционного учения, генетики, цитологии, и многих других разделов биологии стала жизненной необходимостью.

Исходя из того, что ни один ученый, в том числе и академик Т. Д. Лысенко, не может претендовать на то, чтобы его взгляды считались «окончательной истиной в последней инстанции», «*Ботанический журнал*» развернул научное обсуждение таких вопросов, как адекватность наследственной изменчивости, наследование «приобретенных признаков», вегетативная гибридизация, материальные основы наследственности и др. В ходе этого обсуждения были подвергнуты принципиальной критике многие высказывания Т. Д. Лысенко и его сторонников и приведен ряд фактических (экспериментальных) данных, противоречащих его утверждениям. Предоставляя ряду советских ботаников возможность высказывания своих мнений по этим кардинальным вопросам биологии, редакция «*Ботанического журнала*» проводила и проводит линию защиты и развития материалистического учения об естественном отборе как основном законе органической эволюции, определяющем возникновение приспособленности животных и растений к условиям окружающей среды и их многообразия.

Таким образом, и второе обвинение академика Т. Д. Лысенко в адрес «*Ботанического журнала*», якобы отрицающего «всю концепцию материалистической биологии», является полностью голословным.

3. Характерная черта современного естествознания — все более тесное взаимодействие многих наук, ранее бывших разделенными. Для биологии в этой связи наиболее существенно глубокое проникновение новых методов исследования, основан-

ных на новейших достижениях математики, физики и химии, появление новых концепций, в разработке которых, наряду с биологами, деятельно участвуют представители этих дисциплин. В частности, огромным достижением современной биологии является плодотворное проникновение в нее методов и идей атомной физики.

«Ботанический журнал» всемерно, хотя еще и недостаточно, способствует этой, безусловно прогрессивной тенденции в развитии ботаники, ничего общего не имеющей с отрицанием специфики жизненных явлений.

При изучении специфики явлений жизни на данном этапе развития науки уже недостаточно ограничиваться ее простым утверждением, надо исследовать ее, применяя самые новые, самые современные методы, используя самые последние достижения физики и химии.

Кроме того, нельзя забывать и об огромной заинтересованности представителей математики, физики и химии явлениями жизни, особенно усилившейся в связи с расширением наших знаний о влиянии атомной энергии на организм. Изучение биологических явлений становится необходимостью для дальнейшего развития самой физики и самой химии.

Таким образом, и третье обвинение академика Т. Д. Лысенко в адрес «Ботанического журнала», якобы отвергающего «всякую специфичность биологических закономерностей», не может быть признано состоятельным.

4. Многие догматические утверждения в области биологии широко вошли за последние годы в школьные и вузовские программы и учебники. Это обстоятельство вредно сказывается на подготовке молодых кадров по ряду разделов биологии. «Ботанический журнал», развивая дискуссию по основным проблемам видообразования, помогал и помогает преодолению этого недостатка, способствует устранению чуждого науке духа догматизма, знакомит научную молодежь с подлинными достижениями советской ботаники и состоянием мировой науки на ее современном этапе.

Поэтому и последнее обвинение академика Т. Д. Лысенко в адрес «Ботанического журнала», который якобы «затуманивает головы некоторой части молодых биологов», не только не соответствует действительному положению вещей, но и дает о нем совершенно извращенное представление. Научная дискуссия никак не может «тормозить развитие науки». Наоборот, она является необходимым условием ее развития, залогом ее успехов.

Основываясь на вышеизложенном и учитывая, что Второй делегатский съезд Всесоюзного ботанического общества, во-первых, в резолюции «О работе Всесоюзного ботанического общества за 1950—1957 гг. и его дальнейших задачах», принятой единогласно 14 мая 1957 г., признал необходимым «всемерно развивать научные дискуссии по принципиальным проблемам всех разделов ботаники, проводя их в духе свободного творческого соревнования направлений, дружеской взаимной критики и уважения к противоположным взглядам», Совет Всесоюзного Ботанического Общества постановляет:

1. Признать правильной деятельность редакционной коллегии «Ботанического журнала» и его главного редактора академика В. Н. Сукачева и одобрить проведенные ими мероприятия по широкому развитию научных дискуссий по основным проблемам ботаники.

2. Опубликовать настоящую резолюцию в ближайшем номере «Ботанического журнала».

3. Поручить Президиуму Всесоюзного Ботанического Общества направить от имени Совета в редакцию газеты «Известия» письмо, излагающее точку зрения совета, сформулированную в настоящей резолюции, а также и самую резолюцию.

(Принято единогласно).

Письмо Д. В. Лебедева В. Н. Сукачеву

Ленинград, 29 мая 1948 г.

Многоуважаемый Владимир Николаевич.

Вчера я был вызван в Горком, где со мной разговаривали о директоре института. Еще раз было выражено твердое убеждение Горкома о недопустимости оставления на этом посту Б. К. Шишкина¹⁵. Было высказано соображение о необходимости избрания энергичного и авторитетного ученого, способного осуществить восстановление института. В Горкоме сказали, что так как Е. М. Лавренко¹⁶ категорически отказался от выдвижения его кандидатуры, им интересно выслушать соображения парторганизации БИНа о других возможных кандидатах.

Я следующим образом выразил мнение нашей организации:

Во-первых, нам кажется, что вопрос с Е[гением] М[ихайловичем] еще не решен окончательно. Отказ Е[вгения] М[ихайловича], как нам представляется, не столь уж категоричен, тем более, что он раньше был согласен. Отказ был вызван задержкой и, может быть, тем, что с ним, кроме Вас, никто не разговаривал. Мы считаем, что «уговорить» Е[вгения] М[ихайловича] возможно и это стоит делать. Е[вгений] М[ихайлович] является наиболее подходящей кандидатурой, с нашей точки зрения.

Во-вторых, мы считаем, что среди профессуры института, не достигшей еще академического ранга, есть вполне достойные кандидаты на пост директора.

На это последовал ответ, что в Горкоме и *выше* считают такой вариант вполне приемлемым и допустимым. Нужно только, чтобы человек удовлетворял высоким требованиям, предъявляемым кандидату на пост директора академического учреждения.

Так как мы на бюро обсуждали и такой вариант, я смог сразу же назвать имя Василия Феофиловича Купревича¹⁷. Вслед за ним был упомянут Владимир Иванович Полянский¹⁸, несколько дней назад демобилизовавшийся и покинувший военно-медицинскую академию.

Мне предложили срочно (не позднее утра 31 мая) представить в Горком анкеты, личные листы, автобиографии и др. документы на обоих, с тем, чтобы связаться с Москвой и обсудить кандидатуры. Сами Купревич и Полянский пока ничего не знают.

Я считаю необходимым информировать Вас об этом разговоре. Партийная организация и весь коллектив БИНа безусловно поддержат и Е[вгения] М[ихайловича] и В[асилия] Ф[еофиловича] во всем, что они предпримут для улучшения работы института. Есть один абсолютно неприемлемый вариант — оставление статус кво.

Между прочим, в Горкоме считают, что времени еще вполне достаточно для того, чтобы подобрать кандидата и провести его на предстоящей секции.

От имени партийной организации прошу Вас в случае окончательного отказа Е[вгения] М[ихайловича] поддержать кандидатуру Купревича или Полянского.

С искренним приветом.

В. Б. Сочава¹⁹ рассказывает, что в Москве говорят о нездоровой атмосфере в БИНе, о сплетнях и т. д. Это неверно. Действительно после заседания бюро кто-то пустил слух о Ширшове²⁰. Это продолжалось до моего возвращения из Москвы, так как я категорически опроверг и, кажется, пресек распространение этих слухов. Но то, что все ждут смены директора, так как понимают, что теперешнее положение дольше продолжаться не может, это точно.

3.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

Москва. 9.10.1955

Глубокоуважаемый Даниил Владимирович!

Вернувшись из поездки в Ворошиловградскую область на нашу опытную станцию, нашел и с большим интересом и удовольствием прочел Вашу статью о Новинском²¹. Новинского читал как раз в самолете, возвращаясь из Ворошиловграда.

Я полностью согласен с тем, что Вы пишете. Мне только жаль, что Вы зачеркнули фразу в конце первого абзаца на 8-ой стр. Редакция проявила не только нетребовательность к автору, но несет ответственность за биологическую безграмотность автора. Печатая статьи в отделе дискуссий, редакция не несет ответственности за спорные высказывания автора, но она ответственна за допущения неграмотностей в статье. Но, может быть, чтобы не осложнять вопрос о печатании Вашей статьи в «*Вопросах философии*», эту фразу лучше опустить. Если же Вашу статью будем печатать в «*Ботаническом журнале*», то эту фразу надо восстановить.

Конечно, если редакция «*Вопросов философии*» не примет Вашу статью, то мы ее напечатаем в «*Ботаническом журнале*».

Меня удивляет то, что за последние 2¹/₂ года, как ведется наша дискуссия, все еще наши философы не уяснили элементарных вещей. К большому сожалению даже среди, казалось бы, наших сторонников-биологов, есть лица, которые не понимают до сих пор проблемы борьбы за существование, особенно внутривидовой, и высказываются так, что они, хоть и не сильно, но всё же ослабляют наши позиции.

Я собираюсь приехать в Ленинград 12-го окт[ября]. Тогда поговорим об этих вопросах подробно.

Всего доброго
С искренним приветом В. Сукачев

4.

Письмо Н. П. Дубинина²² Д. В. Лебедеву

Дорогой Даниил Владимирович,

Вам ясно из публикуемых списков о ряде недостойных кандидатов в ВАСХНИЛ, имеются сведения, что наличие отводов последних прямо в ЦК КПСС во многом помогло бы делу. Если бы ленинградские товарищи написали отводы всем, либо им. В Москве будем писать своим чередом. Дело это срочное, ибо выборы в июне, в начале месяца.

Дорогой Даниил Владимирович, восхищен глубиной и изяществом Вашего пера, нашей науке очень повезло, что у нее оказалась такая великолепная «шпага», вставшая на защиту ее чести и жизни.

Крепко жму руку
Преданный Вам Дубинин
29 мая 1956 г.

5.

Письмо В. П. Эфроимсона Д. В. Лебедеву

Многоуважаемый Даниил Владимирович,

Очень рад праву сообщить Вам, что 31.VII.1956 г. Верх. Суд СССР отменил постановление ОСС обо мне и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Вы —

первый, кому я об этом пишу, и я прошу Вас передать всем ленинградцам, которые меня еще помнят, о том, что я становлюсь в строй и анкетно. При встрече с удовольствием познакомлю Вас с общебиологическими обстоятельствами моего дела.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

В. Эфроимсон

8.8.1956.

6.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

16.9.1957

Дорогой Даниил Владимирович!

Если Вас не затруднит, то я был бы очень Вам благодарен за выяснение следующего. В одной работе я нашел указание, что Ваксманн²³ в 1950 г. опубликовал статью, где он говорит о *Najas Bogalinbovii* на стр. 15. Однако, нет данных, где напечатана эта статья. Так как мне известно, что А. Л. Ваксманн печатал статьи о *Najas Mexilis* в 1949 г. и о *Najas marina* в 1941 в *Acta Botanica fennica*, то, вероятно, и статья где упоминается о *Najas Bogalinbovii*, помещена в этом журнале. В Вашей библиотеке БИНа, наверное этот журнал за 1950 г. имеется. Поэтому я позволяю себе просить Вас навести справку об этой статье Ваксманн²³ и сообщить мне. Буду чрезвычайно Вам благодарен, т. к. уточнение этого вопроса для меня очень необходимо, а здесь в Москве это трудно сделать.

Из Тбилиси, куда я, вероятно, поеду [на] сессию отделения Биологических наук, возвращусь к 4—5 ок[тября], и тогда, если надо, я могу приехать в Ленинград для проведения редколлегии «*Б[отанического] Ж[урнала]*».

Всего доброго.

С искренним приветом

Ваш В. Сукачев

P.S. С огромным интересом прочел Вашу прекрасную статью об эволюционных воззрениях В. И. Талиева²⁴.

Мне часто приходилось говорить с ним по этим вопросам. Вы верно передали его взгляды. Может быть следует еще резче подчеркнуть что, во-первых, ортогенетические взгляды В. И. Талиева ничего общего не имеют с ортогенезом Эймера²⁵ и ему подобных авторов, и, во-вторых, его взгляды на роль гибридогенных процессов в эволюции — с взглядами Лотси²⁶ (или более новых Германа Нильссона-Элле)²⁷. В. И. Т[алиев] ортогенез связывал, как он это всегда подчеркивал, с определенными физико-химическими структурами и свойствами живого вещества в разных его конкретных проявлениях.

Указанное более сильное подчеркивание материалистических взглядов В. И. Т[алиева] необходимо потому, что известная Вам банда встречает Вашу статью в штыки.

Вашу же статью надо всемерно приветствовать, так как взгляды В. И. Т[алиева] совершенно незаслуженно забыты и игнорируются.

В. Сукачев

7.

Письмо В. Н. Сукачева П. А. Баранову

30.12.1957

Дорогой Павел Александрович!

Сегодня был у Глаголева²⁸ и <Чернашина?>²⁹. Долго говорили о делах «*Б[отанического] Ж[урнала]*», о статье, о положении в АН и проч.

Их претензии к «*Б[отаническому] Ж[урналу]*» только те, о которых я говорил Вам уже со слов В. А. Энгельгарда³⁰. Эти обвинения легко было парировать. Вообще их позиция в связи с появлением пресловутой статьи сильно осложнилась. Насчет «*Бюллетеня*» речь шла лишь о ст. Эфроимсона³¹, но их замечания отвести было нетрудно.

На мою просьбу дать совет, как реагировать нам на «статью», мне сказали, что надо написать развернутый ответ и послать в «*Известия*». Если там будут затруднения, то, сказали, тогда обратиться надо к ним. О статье в «*Известиях*» они говорят, не были вовсе осведомлены. Этим ведает другой отдел в ЦК.

Во всяком случае надо скорее написать ответную статью размером в один «подвал». Поэтому не откажите организовать это дело. Я здесь уже думал на эту тему и свои соображения, если они понадобятся, добавлю в эту статью.

Говорил сегодня я и о выборах в АН СССР, о необходимости увеличить число академиков-биологов, в частности ботаников и зоологов. Возражений не было.

В соответствии с письмом А. В. Т[опчиева]³² к В. А. Э[нгельгардту], о котором я говорил, в Бюро подготовлен состав комиссии, которая должна ознакомиться с «*Б[отаническим] Ж[урналом]*». Состав намечен таков: Ковда³³, Мишустин³⁴, Туманов³⁵, Лапин³⁶ и Курсанов³⁷. Пока еще приказа по Отделению нет, но Спасский³⁸ думает, что этот состав будет окончательным. Ознакомление с деятельностью «*Б[отанического] Ж[урнала]*» предпринято по указанию ЦК, так мне там сказали.

Совет МОИП единогласно принял резолюцию такую же, как и совет ВБО, но более короткую.

Очень хорошо прошло заседание в «*Доме ученых*», посвященное Н. И. Вавилову, П. М. Жуковский³⁹ сделал хороший доклад.

Вот и все наши новости. Официально я со 2 по 10 января буду в отпуске, но по просьбе В. А. Э[нгельгардта] буду проводить заседание Бюро.

Ближайшее бюро намечается на 3-е (пятница) января. Впрочем окончательно этот срок еще не установлен. Может быть у Вас (Д. В. Лебедев и др.) подготовят к этому дню статью для «*Известий*». Если Вы приедете на Бюро, то хорошо было бы, если бы Вы ее привезли с собой.

Еще раз шлю Вам и Анне Артемовне⁴⁰ от себя и своей семьи поздравления с Новым годом и самые лучшие пожелания.

Крепко жму Вашу руку.
Ваш Сукачев

Р. С. Большое значение, как я сегодня выяснил, придается конференции по философии естествознания. На ней только будет 2 проблемы: физика и биология (точнее генетика). Будут приглашены все академики и чл.-корр. И все профессора, близкие к этим дисциплинам. За месяц будут разосланы тексты всех докладов, чтобы обсуждение прошло содержательно. Такое мнение в ЦК.

В. Сукачев

8.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

31.01.58

Дорогой Даниил Владимирович!

Кроме Вашей статьи была составлена статья для «*Известий*» и в МОИП (Дубинин, Кудряшов⁴¹ и др.). Так как по общему мнению было признано, что Ваша статья очень хороша и превосходит статью МОИПа, то вчера делегация из 5 человек, в число которых входил и Павел Александрович, передала Вашу статью гл. редактору «*Известий*». Беседа продолжалась 1 час. Редактор сказал, что ознакомится обяза-

тельно со статьей и тогда будет принято решение. Он полемизировал с нами, говоря, что нельзя отрицать <больших> заслуг Л[ысенко] перед с/х. Мы доказывали обратное. Сегодня я Вашу статью посылаю в отдел науки ЦК. Тихомиров⁴², вероятно, уже передал статью Колданова⁴³. Ее надо хорошо отредактировать.

С искренним приветом
В. Сукачев

9.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

8.V.58

Дорогой Даниил Владимирович!

К моему огорчению дело с подготовкой к дарвиновским торжествам движется очень медленно. Мы (т. е. президиум комиссии избранной Бюро ОБН) и В. А. Энгельгард направили в Президиум АН СССР предложение просить Правительство о назначении большого комитета для организации этих торжеств. Пока, однако, дело затормозилось. На ближайшем Бюро От[деления] Б[иологических] Н[аук] я поставлю вопрос о печатании сборника, о котором Вы пишете, не дожидаясь создания большого комитета. Издать такой сборник крайне необходимо.

Посылаю статью И. И. Шмальгаузена⁴⁴, которую, как я пишу в особом представлении, желательнее скорее напечатать.

В конце мая предполагаю приехать в Ленинград. Тогда же прошу назначить и заседание редколлегии.

С искренним приветом
В. Сукачев

10.

Письмо В. П. Эфроимсона Д. В. Лебедеву

[1958 г.]

Дорогой Даниил Владимирович.

Очень давно Вам не писал, зато теперь Вам придется отдуваться.

Сначала о № 8.

Не вмешиваясь, наблюдал за циркуляцией № в нашей библиотеке⁴⁵, наблюдал, а затем собрал мнения. № «самопроизвольно» переходил из рук в руки, и в первый день стояла очередь. Сразу после дочитки статьи переходил к следующему читателю (среди персонала Н. Б. О.⁴⁶ Народ культурный, среди них 5 биологов). Передаю мнения:

1. Первая настоящая статья (развертка: сказано все или почти все, доходчиво, без мелочей, авторитетно, ясно).

2. (Вольтов) Написано блестяще, чувствуешь, что сам бы написал во много раз хуже.

3. Очень сильно, но ведь Л[ысенко] что-то все-таки сделал ценного, неужели его так зря и избрали академиком.

4. Убийственная статья. Ничего нельзя оспорить, сильный материал.

5. Конечно, основную причину не могли указать, а так у молодежи останется недоуменное чувство: откуда и почему же у Л[ысенко] такие возможности появились, такие власть и влияние.

6. — 7. 8. Очень хорошо, великолепно.

9. — 10. А как на это будут реагировать «наверху», не попадет ли журналу?

10. — 12. Но ведь все это — как горох об стенку, читатель почитывает, писатель пописывает.

Теперь мои замечания, постараюсь подробнее.

1. В целом превосходно, замечательно, на 5. В очень спокойном, достойном, уверенном тоне. Мне, конечно, режет ухо мягкость и кротость формулировок, но очевидно, что резче нельзя было по соображениям «лучше синица в руках». Выход этой статьи — победа большого значения. Необходимо оттиски ее послать членам Президиума ЦК, да так, чтобы они их получили и прочли. Вообще надо, чтобы большие академики *все* прочитали, а то некоторые из них думают, что все это шалтай-болтай. Игак, *великолепно*.

М. Г. Цубина, мой вечный внутренний врач⁴⁷ очень одобрила эту статью и в укор мне указала на то, как много сказано без «истерики», без «ругани» и т. п.; вообще, все, как достоинство, отмечают академизм, спокойный тон.

11.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

6.X.1958

Дорогой Даниил Владимирович!

Только что купил книгу «Философские вопросы естествознания». Т. I. 1958 г. Изд. Московского [университе]та. Ее только бегло просмотрел, но не могу не излить Вам свое возмущение. Это черт знает, что такое! Не знаю, видели ли Вы ее? Невежество конкурирует с бессовестностью! Хотя некоторые статьи (напр[имер] Фейгинсона⁴⁸) импонируют своей «научностью». Один список литературы содержит 147 номеров, из которых подавляющее большинство иностранных!

Я считаю, необходимым организовать составление критического сильного ответа. Там как в этом сборнике, наряду с Платоновым⁴⁹, Дворянкиным⁵⁰, Новинским, Фейгинсоном и др. фигурирует и «лауреат Сталинской премии» Нестеров⁵¹, совершенно несуразные вещи пишущий о многих взглядах, то в составлении ответных статей хотел бы и я принять участие.

Нельзя оставить без ответа также статью Нуждина⁵² в «Вопросах философии».

Продолжаю слышать со всех сторон восторженные отзывы о Вашей статье в № 8 «Б[иологического] ж[урнала]». Слышал также, как по поводу ее неистовствует Глушенко⁵³ и грозит всяческими напастями.

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы не отказали мне черкнуть несколько слов о Ваших соображениях насчет этого сборника и статьи Нуждина, а также о делах в редакции.

Президент согласился запросить Афанасьева⁵⁴ его согласие на напечатание письма его, но ответа пока нет.

Всего доброго.

С искренним приветом
Ваш В. Сукачев

12.

Письмо В. Н. Сукачева М. С. Яковлеву

11.X.1958

Дорогой Михаил Семёнович!

Посылаю четыре протокола заседаний редколлегии «Б[иологического] ж[урнала]», мною подписанные.

В отношении оценки деятельности «Б[отанического] ж[урнала]» у нас есть решение комиссии, утвержденное Бюро Отделения Б[иологических] Н[аук].

Обвинение, что мы не печатаем статей противоположной точки зрения, несостоятельно: 1) у нас ранее такие статьи были, а в последнее время — статья Фролова⁵⁵, 2) что их немного, то в этом мы не виноваты, нам их не присылают, хотя мы в свое время приглашали (печатно) помещать статьи обоих направлений и 3) в сущности редколлегия вправе пропагандировать то направление, которое она считает правильным и отражающим мнение всего Всесоюзного Ботанич[еского] Об[ществ]а.

В случае необходимости апеллируйте ко мне. Пусть говорят со мной в Москве.

Думаю, что особенно считается с тем, что может говорить Ч[екменев]⁵⁶, не стоит. Он любит пугать, но последствий это обычно не имеет. В Президиуме же в данное время сочувствие на нашей стороне. Недавно я говорил с Н. М. Сисакином⁵⁷, который всегда очень чутко отражает мнение Президиума и особенно А. В. Г[опчи]ева, и убедился, что действия противоположной нам стороны не одобряются ими.

Желаю Вам и членам редколлегии полного успеха в защите правого дела.

Читали ли Вы «*Философские вопросы естествознания*». Т. I. 1958., издание Моск[овского] Гос[ударственного] У[ниверсите]та? В этой большой книге на ее страницах соревнуется малограмотность с недобросовестностью.

Передайте от меня привет друзьям-ботаникам БИНа.

С искренним приветом
В. Сукачев

13.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

11.X.1958

Дорогой Даниил Владимирович!

Большое спасибо за Ваше письмо от 9/X, которое я сейчас получил. Сегодня послал М. С. Яковлеву⁵⁸ протоколы редколлегии, которые нашел у себя, с просьбой передать их Вам. К сожалению, мне не удалось лично его повидать. Для меня не ясно, откуда Вы получили сведения, что к вам скоро едет Ч[екменев]. Я писал М. С. Яковлеву, что Ч[екменев] любит пугать, но его угрозы обычно последствий не имеют. На днях говорил о разных делах с Н. М. Сисакином. Судя по этому весьма совершенному барометру, отношение к нам со стороны Президиума не плохое и, наоборот, отрицательное к противоположной стороне.

Я не сомневаюсь, что Вы и Владимир Иванович (Полянский) дадите надлежащий отпор, если будут попытки оказать давление на редколлегию. В случае необходимости направляйте его к главному редактору. Во всяком случае, Вы ни в коем случае не смущайтесь меня беспокоить. Я очень прошу меня информировать сейчас же о всем, хотя бы и самом неприятном.

Ваши планы в отношении организации критики «*Философских вопросов естествознания*», я считаю, правильными. Конечно, неприятно и обидно тратить время на эту книгу. Но без этого обойтись нельзя. Лучше Вас, конечно, никто не ответит, но для облегчения Вашего желательно дать коллективный ответ. Все же главная роль принадлежит Вам.

Шлю Вам искренний привет и добрые пожелания.

Ваш В. Сукачев

14.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

9.X.1958

Дорогой Даниил Владимирович!

Посылаю Вам статью проф. Ю. М. Оленова⁵⁹. Она очень хороша и ее необходимо напечатать в «*Б[отаническом] Ж[урнале]*». Мне кажется только, можно сократить первые страницы. Слишком много в них выражений прямо не относящихся к теме статьи и несколько шаблонных или во всяком случае часто употребляемых. Конечно, такое введение является не лишним, но его можно сильно сжать. Впрочем, это дело автора. Я не буду возражать и против его сохранения полностью.

Очень интересуюсь рецензией В. В. Скрипчинского⁶⁰ на книгу В. Н. Столетова⁶¹. Когда она (рецензия) поступит в редакцию окончательно? Что удалось сделать в отношении рецензирования «*Философии естествознания*» I, выпущенной МГУ?

Хотя я приеду в Ленинград на 20 и 21 ноября, но, может быть, Вы мне успеете написать еще в Москву, сообщив также, что особого предполагаете Вы поставить на обсуждение редколлегии?

В институте леса у нас большое смятение не только умов, но и чувств в связи с проектом перевода Института леса в Красноярск или по крайней мере части его сотрудников. Я, конечно, туда не поеду. Мне обещано в Академии наук в Москве создать все условия для продолжения интересующих меня работ. Во что все это выльется, пока неясно.

Вы писали, что проф. Оленов должен был приехать в Москву на философскую конференцию и зайти ко мне. Очень жаль, что это не осуществилось. Я очень хотел бы его повидать.

Шлю Вам искреннейший привет.
Ваш Сукачев

15.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

6.XII.1958.

Дорогой Даниил Владимирович!

У меня залежалось письмо Д. О. <Баумана>⁶² из Хабаровска. Не знаю, ответила ли ему редколлегия и как? Мне думается, не отразить его в «*Б[отаническом] Ж[урнале]*» нельзя. Но как? Полностью его печатать вряд ли стоит. Если есть еще какие-либо материалы подобного рода, то, может быть, напечатать краткую обзорную заметку от редакции?

Как я и предполагал, обращение к Энгельгардту В. А. о созыве совещания по вопросам программ ботаники в школе его мало заинтересовало. Решено, после довольно вялого обсуждения этого вопроса на Бюро О[тделения] Б[иологических] Н[аук], считать желательным, чтобы министерство образования созвало по этому вопросу (преподавание ботаники и зоологии) совещание.

В последние дни я нахожусь в состоянии большого смятения. Вопрос о переводе Института леса АН СССР в Красноярск очень осложнился. Также не ясны перспективы создания большой лаборатории по лесоведению в Москве. Удручающе действует то, что ответственные лица ведут безответственные, противоречивые речи, дают обещания, которым мало веры. Теперь выяснилось, что в решении вопроса о переводе И[нститута] Л[еса] в Красноярск определенную роль сыграл Л[ысен]ко.

Вместе с тем такое положение этого вопроса вносит невероятную сумятицу и дезорганизацию в коллектив Института леса.

Все это создает чрезвычайную трудность мне в отстаивании сохранения той линии, которая в течение 14 лет была руководящей нитью в работе И[нститута] Л[еса] и себя не только оправдала, но и завоевала признание в Советском Союзе и в зарубежных странах.

Одним словом, настроение отвратительное при общем упадке духа.

Шлю Вам добрые пожелания.

Ваш В. Сукачев

Р. С. Письмо Баумана одновременно высылаю.

16.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

14.12.1958

Дорогой Даниил Владимирович!

Только что одновременно получил Ваше письмо и газету, где напечатана статья о «*Ботаническом журнале*». За Ваше письмо сердечно Вас благодарю. В эти трудные дни поддержка друзей-ботаников особенно дорога. Обо всем этом поговорим или напишу Вам потом. Сейчас же только скажу, что ответить надо. Ответ, конечно, не будет напечатан, но никто не сможет сказать, что мы согласны со статьей. Обсудите этот вопрос с членами редколлегии. Жаль, что сейчас нет здесь П. А. Баранова и А. Л. Тахтаджяна⁶³.

Статья между прочим подтверждает, по моему мнению, слухи о том, что в судьбе И[нститута] Л[еса] сыграли те силы, о которых идет речь в статье.

В среду сюда, кажется, приедут Е. М. Лавренко и Б. А. Тихомиров. Хорошо было бы, чтобы они смогли уже сообщить мне мнение редколлегии.

Еще раз горячо Вас благодарю за Ваше теплое письмо.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Сукачев

17.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебедеву

7.1.1959

Дорогой Даниил Владимирович!

Более трех недель прошло со времени появления пресловутой статьи, но вполне оправиться от ошеломляющего впечатления не могу. Трудно также помириться, что журнал, который создал такие высокие традиции в нашей науке, журнал, с которым я был в той или иной мере связан с его первых месяцев существования, вряд ли в какой-либо степени сохранит свой характер.

Вы так много отдавали ему своих сил, Ваши статьи были его гордостью, что трудно забыть все это. Хотя «*Бюллетень МОИПа*» мне не был близок так, как «*Ботанический журнал*», но история с ним доставляет мне много огорчений. И так как эта история еще не пришла к своему логическому концу, то предстоит иметь с ним еще много неприятностей. Но все эти тяготы не должны влиять на принципиальность в науке. Надеюсь, что никто из членов редколлегии «*Ботанического журнала*» и Совета ВБО не сможет признать неверной нашу линию, направленную на борьбу с мракобесием и дискредитацией советской науки.

Сегодня я говорил с М. С. Яковлевым о Г. Г. Левине⁶⁴, а потом получил письмо от него. Сейчас отвечаю ему особым письмом. Так как единица Г. Г. Левина фактически принадлежит «Б[отаническому] ж[урналу]» и в штат Ин[ститута] леса включена лишь формально, то я, к сожалению, ею распоряжаться не могу. Это право принадлежит новой редколлегии. Ее долее держать в Ин[ституте] леса нельзя. Если печатание «Б[отанического] ж[урнала]» сохранится в Ленинграде, то ее естественно надо перечислить в БИН. В таком смысле я говорил с М. С. Яковлевым. Если я этому в какой-либо форме могу содействовать, то я охотно сделаю, что надо.

Крепко жму Вашу руку и, как бывший гл. редактор «Б[иологического] ж[урнала]», горячо благодарю Вас за все то, что [Вы] сделали для процветания его. А сделали Вы чрезвычайно много.

Ваш В. Сукачев

Прошу передать также всем членам аппарата редакции «Б[отанического] ж[урнала]» мою искреннюю пр[изнательность] за их успешную работу в редакции.

18.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебеву

29.I.1959

Дорогой Даниил Владимирович!

От имени редколлегии Биологического отдела Бюллетеня МОИПа обращаюсь к Вам с большой просьбой написать для этого журнала статью о задачах биологии в свете решения XXI съезда КПСС. Мы считаем, что никто лучше Вас не сможет написать такую статью. Так как ее надо будет сдавать в печать в ближайшее время, то статью необходимо получить не позже 10 февраля. Размер ее — около 1 печ[атного] листа.

Я понимаю неожиданность такой просьбы, но уверен, что Вы ее легко сможете написать в несколько дней. Ее необходимо посвятить биологии *в целом*, но *в самом общем аспекте*, не вдаваясь в специальные проблемы. Поэтому Вы, хотя и ботаник, но имеете столь широкий общебиологический профиль, что с этой статьей прекрасно справитесь. Эта статья будет оплачена гонораром.

Жду от Вас положительного ответа и заранее благодарю Вас от имени редколлегии. Не знаю, какие окончательные выводы сделала комиссия, обследовавшая БИН. Н. П. Дубинин сказал, что следовательская комиссия по его институту в Новосибирске принуждена была сделать положительные выводы. Большую полезную роль при этом сыграл акад[емик] М. А. Лаврентьев⁶⁵.

Крепко жму Вашу руку.
Ваш В. Сукачев

19.

Письмо В. Н. Сукачева Д. В. Лебеву

20.II.1959

Дорогой Даниил Владимирович!

От всего сердца благодарю Вас за статью. Она очень хороша. Как раз то, что нужно. Вы непревзойденный мастер для статей широкого биологического профиля. Тр[удовое] согл[ашение] будет Вам на днях прислано. Еще раз большое спасибо!

Ваш В. Сукачев

Примечания

- ¹ Цит. по: *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988. С. 326.
- ² Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования // *Ботан. журн.*, 1954. Т. 39. № 2. С. 202–223.; Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования // *Ботан. журн.*, 1955. Т. 40. № 5. С. 206–216.
- ³ В Президиум ЦК КПСС: Письмо 1955 г. (О тяжелом положении в биологии, созданном деятельностью Т. Д. Лысенко и лысенковцев) // *Правда*. 1989. 13 янв.; *Александров В. Я., Лебедев Д. В.* Это было «Письмо трехсот»: Возвращаясь к напечатанному // *Правда*. 1989. 27 янв.
- ⁴ Резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества от 17 декабря 1957 г. по сообщению заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко // *Ботан. журн.* 1958. Т. 43. № 2. С. 312–315.
- ⁵ *Krementsov N. L.* The Stalinist Science. Princeton, 1997.; *Academia in Upeaveal. Origins, Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe* /Ed. by *M. David-Fox and G. Peteri.* London, 2000.
- ⁶ О некоторых проблемах советской биологии: (По поводу статьи Т. Д. Лысенко «За материализм в биологии») // *Ботан. журн.* 1958. Т. 43. № 3. С. 1135–1145.
- ⁷ *Берг Р. Л.* Суховой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. С. 237–238.
- ⁸ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // *Репрессированная наука*. Ред. *М. Г. Ярошевский.* Л., 1991. С. 264–282.
- ⁹ Даниил Владимирович Лебедев. Библиографический указатель. СПб, 1992.
- ¹⁰ *Поповский М. А.* Дело академика Вавилова. Ани Арбор, 1983. С. 237–238, 244.
- ¹¹ *Гранин Д. А.* Зубр. Л., 1987. С. 126–127, 241.
- ¹² *Сойфер В. А.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1983. С. 15, 128, 147, 214, 315, 358, 375, 376, 436, 517, 524, 536, 545, 548, 550, 560–562, 564, 565, 592.
- ¹³ *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993. С. 13.
- ¹⁴ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. С. 1062.
- ¹⁵ **Шишкин Борис Константинович** (1886–1963), ботаник, чл.-корр. АН СССР с 1943 г., директор БИНа (1938–1949), одновременно зав. кафедрой систематики ЛГУ, вице-президент Всесоюзного ботанического общества (1946–1963).
- ¹⁶ **Лавренко Евгений Михайлович** (1900–1987), чл.-корр. АН СССР с 1946 г., академик с 1968 г., зав. отделом геоботаники БИНа.
- ¹⁷ **Купревич Василий Феофилович** (1897–1969), миколог, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., директор БИНа (1949–1952), президент АН БССР (1952–1969).
- ¹⁸ **Полянский Владимир Иванович** (1907–1959), альголог, заведующий Ботаническим музеем БИНа.
- ¹⁹ **Сочава Виктор Борисович** (1905–1979), геоботаник и географ, чл.-корр. АН СССР с 1958, академик с 1968 г., профессор ЛГУ и ЛГПУ им А. И. Герцена, директор Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР.
- ²⁰ **Ширшов Петр Петрович** (1905–1953), гидробиолог, академик АН СССР с 1939 г., нарком, министр морского флота СССР (1942–1948), директор института океанологии АН СССР.
- ²¹ **Новинский И. И.**, полубиолог, полуфилософ, активно поддерживавший Т. Д. Лысенко.
- ²² **Дубинин Николай Петрович** (1907–1998). генетик, чл.-корр. АН СССР с 1946 г., академик с 1966, зав. лабораторией радиационной генетики в Институте биофизики АН СССР, директор Института цитологии и генетики СО АН СССР.
- ²³ **Бахман** (Bachmann), мексиканский ботаник.
- ²⁴ **Талиев Валерий Иванович** (1872–1932), ботаник, профессор, зав. кафедрой ботаники в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

- ²⁵ **Эймер Теодор** (1843—1898), немецкий зоолог-эволюционист, профессор Тюбингенского университета, автор концепции ортогенеза.
- ²⁶ **Лотси Ян Пауль** (1867—1931), голландский ботаник-эволюционист, работал в различных университетах Германии, Нидерландов, США, автор концепции гибридогенеза.
- ²⁷ **Нильссон-Элле Герман** (1873—1949), шведский ботаник и генетик, профессор Лундского университета и одновременно директором Института селекции растений в Свалёфе.
- ²⁸ **Глаголев**, вероятно, работник отдела кадров АН СССР.
- ²⁹ Фамилию невозможно точно определить.
- ³⁰ **Энгельгардт Владимир Александрович** (1894—1984), биохимик, академик с 1953 г., академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР (1955—1959).
- ³¹ **Эфроимсон Владимир Павлович** (1908—1989), генетик, после заключения библиограф в Библиотеке иностранной литературы.
- ³² **Топчиев Александр Васильевич** (1907—1962), химик, главный ученый секретарь Президиума АН СССР.
- ³³ **Ковда Виктор Абрамович** (1904—1991), почвовед, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., директор Департамента точных и естественных наук ЮНЕСКО.
- ³⁴ **Мишутин Евгений Николаевич** (1901—1991), микробиолог, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., академик с 1974 г., зав. отделом почвенной микробиологии Института микробиологии АН СССР.
- ³⁵ **Туманов Иван Иванович** (1894—1985), физиолог растений, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., зав. лабораторией Института физиологии АН СССР.
- ³⁶ **Лалин Петр Иванович** (1909—1986), дендролог, чл.-корр. АН СССР с 1976 г., зам. директора Главного Ботанического сада АН СССР.
- ³⁷ **Курсанов Андрей Львович** (1902—1999), физиолог растений, академик АН СССР с 1953 г., директор Института физиологии растений с 1952 г.
- ³⁸ **Спасский Алексей Андреевич** (р. 1917), паразитолог, с. н. с. Гельминтологической лаборатории АН СССР.
- ³⁹ **Жуковский Петр Михайлович** (1888—1975), растениевод, академик ВАСХНИЛ с 1935 г., директор Всесоюзного института растениеводства.
- ⁴⁰ **Баранова Анна Артемовна**, ботаник, жена П. А. Баранова.
- ⁴¹ **Кудряпов Леонид Васильевич** (р. 1910), ботаник, зав. кафедрой МГУ.
- ⁴² **Тихомиров Борис Анатольевич** (1909—1976), зав. лабораторией растительности Крайнего Севера.
- ⁴³ **Колданов В. Я.**, заместитель министра лесного хозяйства СССР
- ⁴⁴ **Шмальгаузен Иван Иванович** (1884—1963), зоолог, морфолог-эволюционист, академик с 1935 г., зав. лабораторией Зоологического института АН СССР.
- ⁴⁵ Библиотека иностранной литературы. В. П. Эфроимсон работал в ней библиографом с 1956 г. до поступления на работу в Институт вакцин и сывороток им. Мечникова, в отдел информации в 1961 г.
- ⁴⁶ Вероятно, научно-библиографический отдел.
- ⁴⁷ Жена В. П. Эфроимсона.
- ⁴⁸ **Фейгинсон И. Н.**, ярый сторонник Т. Д. Лысенко, доцент кафедры генетики и селекции МГУ.
- ⁴⁹ **Платонов Георгий Васильевич** (р. 1918), философ, зав. сектором философии естествознания Института философии АН СССР (1951—1958), зав. кафедрой философии естественных факультетов МГУ (1959—1965).
- ⁵⁰ **Дворянкин Ф. А.**, сторонник Т. Д. Лысенко, зав. кафедрой дарвинизма МГУ.
- ⁵¹ **Нестеров Яков Степанович** (р. 1915), дендролог, чл.-корр. ВАСХНИЛ, работал в ВИРе.
- ⁵² **Нуждин Николай Иванович** (1904—1974), генетик, радиобиолог, сторонник Т. Д. Лысенко, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., работал в МГУ и в Институте генетики АН СССР.
- ⁵³ **Глушченко Иван Евдокимович** (1907—1987), агробиолог, сторонник Т. Д. Лысенко, академик ВАСХНИЛ с 1956 г., зав. лабораторией генетики растений в Институте генетики АН СССР (1941—1965).

⁵⁴ О ком идет речь установить не удалось.

⁵⁵ **Фролов Иван Тимофеевич** (1929–1999), философ, академик АН СССР с 1987 г., сотрудник журн. «Вопросы философии».

⁵⁶ **Чекменев Е. М.**, зам. министра совхозов СССР, начальник Главного управления позащитного лесоразведения при Совете Министров СССР.

⁵⁷ **Сисакян Нораир Мартиросович** (1907–1966), биохимик, академик АН СССР с 1960 г., и. о. академика-секретаря Отделения биологических наук (1959), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1959–1963).

⁵⁸ **Яковлев Михаил Семенович**, эмбриолог растений, зам. директора БИНа.

⁵⁹ **Оленов Юрий Михайлович** (1910–1977), генетик, зав. лабораторией в Институте цитологии АН СССР (1957–1977).

⁶⁰ **Скрипчинский Владимир Васильевич** (1909), эмбриолог растений, профессор. Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Краснодарского сельскохозяйственного института.

⁶¹ **Столетов Всеволод Николаевич** (1907–1989), генетик, зам. министра высшего образования СССР (1954–1959), министр высшего и среднего специального образования РСФСР (1959–1972), одновременно зав. кафедрой генетики в МГУ.

⁶² **Бауман Д. О.**, лесничий из Хабаровского края.

⁶³ **Тахтаджян Армен Леонович** (р. 1910), ботаник-эволюционист, академик АН СССР с 1972, профессор ЛГУ (1949–1961), одновременно с 1954 работал в БИНе.

⁶⁴ **Левин Г. Г.** (р. 1916), ботаник, секретарь «*Ботанического журнала*».

⁶⁵ **Лаврентьев Михаил Алексеевич** (1900–1980), математик, академик АН СССР, председатель СО АН СССР.

Иллюстрации

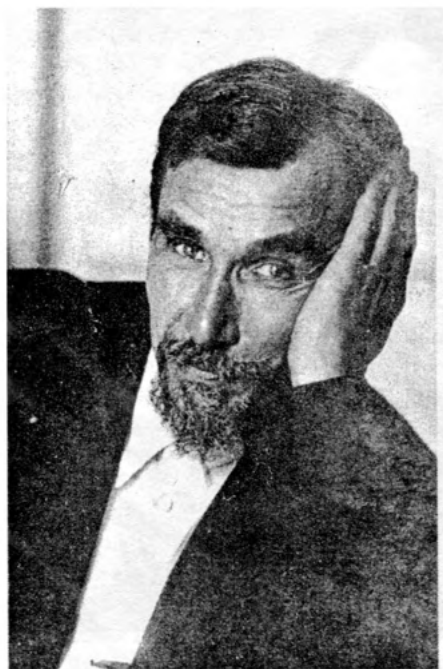
1. Н. И. Вавилов

2. Георгий Дмитриевич Карпеченко с женой Галиной Сергеевной

3. В. Н. Сукачев на торжественном заседании

4. Г. А. Левитский, 1935

5. В. Н. Сукачев, 1957 г.

6. Д. В. Лебедев, осень 1942

7. П. А. Баранов (слева) и В. Н. Сукачев, 1954 (?)

8. «Осколки разбитого зеркала». Встреча сотрудников кафедры генетики растений 1930-х гг. в апреле 1943 г. В центре М. А. Розанова, во втором ряду

9. Кафедра ботаники ЛГУ. 1931 г.(?), Слева направо: Д. В. Лебедев,
В. Л. Комаров, Н. А. Буш, О. А. (?) Муравьева.

10. Д. В. Лебедев, В. Я. Александров, 1990.

«ЗДЕСЬ НУЖНО СКАЗАТЬ ВСЕ ТО, ЧТО ЕСТЬ, И СКАЗАТЬ ПОЛНЫМ ГОЛОСОМ»*

Составление, вступительная статья и комментарии Е. С. Левиной

«Everything Here is necessary to tell what to be and tell a full voice». Drawing up, introductory article and comments by *E. S. Levina*. The stenogram of session of the Commission on antibiotics at the Department of Biology of the AS the USSR from January, 9, 1947 and accompanying materials: 1) the Conclusion of Management of the Staff of Central Committee VKP (6) on N. M. Borodin's nominee on a post of director of the All-Union scientific research institute of penicillin, 2) From N. M. Borodin's curriculum vitae; 3) Article of the first director of the first Institute of penicillin of N. M. Borodin «the Soviet penicillin»; 4) N. A. Krasnikov's Review «What is doing abroad? According to the foreign literature, for post-war years»; 5) A. S. Hohlov's lecture «The Modern condition and prospects of studying of antibiotics» (not published).

Первым крупным вопросом, который пришлось решать академической Комиссии по антибиотикам после того, как она была сформирована, был вопрос о подготовке широкого собрания, заявленного как Всесоюзное совещание по антибиотикам¹. Надлежало обсудить проект резолюции совещания, которую, после корректировки по итогам обсуждения, можно было бы представить в правительство как информацию для формулировки обязательных к исполнению заданий по организации исследований, проводившихся в стране разрозненно и малоэффективно.

Материалы этого и аналогичных рабочих совещаний не публиковались. С 1956 года, когда в исследования уже были вовлечены коллективы специальных институтов, вновь организованных в системе МЗ СССР, Министерства медицинской промышленности СССР (многократно реорганизованного), АМН СССР, Министерства обороны СССР, информация о таких конференциях, ставших периодическими, давалась в новом журнале «Антибиотики», а научные сообщения публиковались как труды Конференции по антибиотикам. На заседаниях же академической Комиссии и первых Всесоюзных совещаниях обсуждались, прежде всего, трудности в организации производства и выявлялись недоработки исходных экспериментальных схем, постоянно требовавших дополнительных исследований. Стенограмма дает представление о состоянии практически стартовых исследований, знакомит с кругом ученых, привлеченных правительством к решению неотложной задачи государственной важности. Это микробиологи, биохимики и химики-органики, которым предстояло создать новую отрасль микробиологической и фармацевтической промышленности, врачи-разработчики схем клинического применения новых лекарств. Пока речь шла только о пенициллине, но уже было понимание, что это начало многообещающего пути борьбы с инфекционными заболеваниями и вариантов антибиотических препаратов может быть много. Знакомство с текстами стенограмм (архив ОБН АН СССР хранит все восемь стенограмм и массу документов переписки Комиссии) позволяет заключить, что на начало 1947 года проблема исследований антибиотических веществ была далека от организационного оформления, а варианты создания собственно *производства* еще не были готовы к передаче методик от лабораторного стола в заводской цех. Цель обсуждаемой учеными резолюции — сформулировать и донести до правительства, уверенного в том, что срочная мобилизация ученых и технологов легко решит любую задачу, информацию о действительном состоянии проблемы антибиотиков в стране.

* Работа выполнена при поддержке Wellcome Trust (2001, Travel Grant) и РФНФ (№01-03-00113а).

Стенограмма заседания Комиссии по антибиотикам
при ОБН АН СССР от 9 января 1947 года

Председательствует А. И. Опарин, директор Института биохимии им. А. Н. Баха АН СССР, заместитель академика-секретаря Биоотделения АН СССР.

Опарин. Разрешите наше заседание открыть. Нам предстоит ознакомиться и одобрить проект резолюции, который должен явиться проектом резолюции будущей конференции. Я прошу Владимира Дмитриевича доложить.

Тимаков². При представлении проекта резолюции по антибиотикам мы исходили из следующих основных предпосылок. Что резолюция будет в ее научной части составлена едино по всем антибиотикам, т. е. в вопросах, которые касаются различных антибиотиков, имеется много общего. Конечно, комиссия далека от мысли, что резолюция уже отредактирована окончательно; поэтому мы просим привести ее в такой вид, чтобы она могла быть предложена в качестве проекта совещанию.

«Общее состояние ...» (читает).

Опарин. Какие соображения здесь будут высказаны?

Катковский³. Мне кажется, что основная причина неблагоприятного положения с антибиотиками заключается не в том, что не были привлечены микологи.

Следующее замечание. Тут сказано: неполностью внедрены методы глубокой ферментации. Они вообще не внедрены и не освоены. Надо или совсем обойти эти вопросы, если с точки зрения того, чтобы это дело обнародовать. Я бы сократил вводную часть, сформулировал ее очень сжато и кратко, что дело это находится в неудовлетворительном состоянии. Если же здесь нужно сказать более подробно, то надо прямо признать, что нет ничего.

Опарин. В отношении резолюции мы можем быть спокойны в смысле гласности. Это документ, который будет только для служебного пользования и не будет широко публиковаться. Здесь нужно сказать все то, что есть, и сказать полным голосом.

Катковский. Тогда у меня такое замечание, что надо сказать, что в промышленном масштабе ничего не освоено. Мы ведем экспериментальные работы, но никто не занимается этими вопросами.

Бородин⁴. У меня формальная поправка в 1 пункте. «Многие антибиотические вещества, продуцируемые ...» (читает) Здесь почему-то микроорганизмы стоят на последнем месте, между тем, как они должны быть на первом.

Второе. Я бы просил отметить, что у нас отсутствует современная промышленность пенициллина.

В п. 3 сказано о недостаточном уровне теоретических исследований по вопросу антибиотиков. Я бы не сказал, что только их мало, у нас очень мало и других исследований, это тоже надо отметить.

Пункт 5 — отсутствие единого центра по руководству производством пенициллина, распыленность пенициллиновых заводов. Если совещание найдет нужным оставить этот пункт, я бы сказал, что не только распыленность, основное зло в *кустарности наших пенициллиновых заводов*⁵.

Наградзе⁶. Мне кажется, что эту часть резолюции можно принять за основу с учетом замечаний т. т. Катковского и Бородина.

Фремель⁷. Один вопрос неясен. Правильно, что не привлечены соответствующие специалисты, правильно, что распылено, но кому это адресуется?

Тимаков. Мы сознательно этого вопроса не записывали, потому что найти ответственного человека чрезвычайно трудно. Мы обрисовали общее положение, а когда мы переходим к практической части, мы записываем определенным министерствам кто что должен делать.

Опарин. Может, мы так подытожим. Тут говорится о недостаточности масштабов проводимой научно-исследовательской работы в области антибиотиков. Этот центральный вопрос тоже нужно отметить. Может быть, его нужно поставить отдельным пунктом, потому что количество работ у нас в стране и количество людей, занятых в этой области, недопустимо малы.

Вопрос относительно кустарности производства нужно отметить, это очень существенный момент.

Вопрос относительно ответственности за все это в этой резолюции было бы трудно отметить. В конце концов, конференция призвана это констатировать, а вопрос о том, кто виноват — не подлежит обсуждению конференции.

Тут говорится об отсутствии единого руководства. Если не будет больше замечаний, тогда перейдем к следующему разделу. А по этому разделу комиссия внесет эти поправки.

Тимаков. Перехожу ко второму разделу «Важнейшие задачи в области изучения антибиотиков». (читает)

Опарин. По этому поводу, какие замечания будут?

Белозерский³. Здесь следовало бы отметить два очень важных для научно-исследовательской работы по антибиотикам момента. Первый — это разработка методов определения активности, именно микробиологическая разработка. Во-вторых, метод разработки и определение токсичности, т. к. здесь наблюдается чрезвычайно большой разницей.

Опарин. Здесь отмечено «Особое внимание должно быть уделено усовершенствованию методов определения активности и других свойств ...» (читает)

Такая формулировка вас удовлетворяет?

Белозерский. Может, следовало бы подчеркнуть, что микробиологических методов, потому что это основной метод.

Раутенштейн⁹. Это и беда наша, что мы пользуемся только микробиологическими методами.

Бородин. Я несколько удивлен, здесь совсем выпал пенициллин. Здесь подчеркнуто: в области грамицидина, в области стрептомицина, дальше идут общие вопросы, но по пенициллину ничего нет, а пенициллин является одним из *наиболее мощных антибиотиков*, по которому нужно проделать огромную работу.

Дальше совершенно не видно вопроса о создании государственного советского стандарта пенициллина. Эти стандарты имеются почти во всех странах. Этот вопрос надо поставить как первоочередной.

Здесь говорится о создании Центрального научно-исследовательского института по антибиотикам. По-моему, нужно было в первую очередь создать институт по пенициллину, а потом по другим антибиотикам.

Опарин. Ваше предложение сводится к тому, чтобы из этого раздела выделить пенициллин и относящиеся к нему специфические вопросы?

Тимаков. Вся резолюция посвящена пенициллину преимущественно.

Раутенштейн. Я считаю, что делать акцент на один пенициллин будет тоже неправильно, мы не можем жить только сегодняшним днем и говорить только об одном пенициллине. Стрептомицин и другие антибиотики тоже будут иметь большое значение. На сегодня для промышленного производства пенициллин является для нас наиболее важным, но в отношении перспектив мы не можем говорить только об одном пенициллине. Здесь Комиссия Академии наук по антибиотикам, а не пенициллиновая комиссия, и я лично считаю, что было бы неправильно, если бы мы говорили только об одном пенициллине, об одном стрептомицине, полагая, что в будущем они окажутся ведущими. Весь первый раздел посвящен пенициллину.

Опарин. Здесь речь идет о том, чтобы наряду с общим разделом выделить некоторую специфику в отношении пенициллина для того, чтобы резолюция имела более стройную структуру. Это пожелание следовало бы принять.

Бородин. Я бы настаивал на внесении пункта о государственном советском стандарте пенициллина.

В отношении некоторых деталей. По п. 5 — в отношении методов химической сушки и т. д. я не возражаю, что их нужно изучать, но ничего не сказано об аппаратных методах, над которыми нам нужно обязательно работать.

Штерн¹⁰. Мне кажется, что вопрос пенициллина стоит совершенно обособленно по той простой причине, что в области пенициллина сделано за границей очень много, в частности, в Америке. И здесь нужно указать, что необходимо лучше ознакомиться с теми достижениями, которые имеются в Америке, а *не повторять те же зады, на которые они потратили много средств и времени.*

Иначе дело обстоит со стрептомицином и грамицидином, здесь еще предстоит серьезная исследовательская работа, поскольку вопрос находится в процессе прощупывания.

Что касается будущего и появления новых антибиотиков, то, само собой разумеется, что мы должны быть все время начеку и искать, но сейчас мы должны заниматься теми антибиотиками, которые уже известны по своей активности.

Натрадзе. Проф. Бородин правильно отметил, что пенициллин нужно выделить. С этим все согласны. У меня вот какие замечания будут. Я поддерживаю проф. Бородину относительно стандарта, нужно закупить английский стандарт и иметь свой стандарт, чтобы не было разнобоя в этом деле.

Относительно института по антибиотикам написано правильно. Но нужно записать еще следующее: нужно широко развернуть в ряде институтов и лабораторий работу по селекции штаммов, причем это прямо нужно *записать Союзной Академии наук. Решением правительства было записано министерству здравоохранения и Союзной Академии Наук* вести научно-исследовательскую работу по антибиотикам. Нужно четко записать, кто отвечает за штаммы. Отраслевой институт за это не может отвечать, а кто-то в Союзе отвечать должен. В решении правительства от 25 мая записано, что Академия наук, и мне кажется, что мы должны указать, какой институт АН должен этим заниматься. Тогда мы будем знать, что за промышленное освоение и за руководство этим делом отвечает отраслевой институт, который будет создан в министерстве медицинской промышленности, а за науку, за получение новых высокоактивных штаммов, за получение новых антибиотиков должен отвечать какой-то ведущий институт Академии наук. Иначе получится, что мы все эти вопросы распалим по всем институтам страны, и не будет ведущего института, который будет *отвечать за руководство и продвижение всего этого большого дела вперед.*

Относительно конструирования новых приборов и аппаратов, которые нужно внедрять в промышленность. Замечание правильное, это нужно записать министерству по делам высшей школы, в ведении которого находятся соответствующие институты.

Обязательно нужно отметить вопрос растворителей. Мы не решим вопроса об извлечении пенициллина полностью, если мы не будем иметь *современные хорошие растворители.* Мы из литературы знаем, что от ацетона отказываются, необходимо найти новые органические растворители, которые обладают способностью избирательно извлекать пенициллин. Это тоже большой вопрос, который следует поручить Ин[ститу]ту органической химии Академии наук.

В противном случае промышленность и наука двинутся вперед, а отсутствие растворителей будет тормозить дело развития производства пенициллина. Растворителям нужно посвятить специальный раздел.

Стрелков¹¹. Ал[ександр] Гр[игорьевич] Натрадзе] правильно указывает, что нужно разграничить отдельные области. У меня встает вот какой вопрос: каков будет профиль центрального и[аучно]-и[сследовательского] ин[ститу]та, потому что не хватит кадров для того, чтобы создать институт, который смог бы заниматься всеми этими вопросами. Поэтому здесь следует быть осторожным и *планировать новое учреждение по людям, а не людей по учреждению*, потому что людей вы сейчас не наберете. А. Г. поэтому прав, что нужно очень внимательно разделять вопросы с полной ответственностью по существующим учреждениям, базируясь на существующих лабораториях и очень внимательно посмотреть, что реально можно сделать в институте по антибиотикам.

Бородин. Я бы добавил, что необходимо, чтобы практическая часть предложений носила не декларативный, а более деловой характер. Чтобы здесь было указано, кто чем занимается — Институту Академии наук или институту по антибиотикам.

Оварин. Я хотел в порядке прений высказать некоторые соображения по поводу этого раздела. Мне кажется, что в этом разделе две части сочетаны. С одной стороны, в п. 2 говорится об организации института в системе Министерства медицинской промышленности, с другой стороны, здесь по существу излагается в сжатом виде перспективный план работ.

Мне бы казалось, что этот перспективный план работы должен найти свое отражение в этом разделе, мы должны отразить узловые проблемы плана по линии антибиотиков. До известной степени это сделано. Здесь говорится в отношении работы по подбору и селекции штаммов, о вопросе изучения физиологии, о методах контроля, о химической очистке, о синтезе, *прибавился вопрос в отношении стандарта и исследовательской работы по аппаратуре*. Что касается растворителей, то мне кажется, что этот вопрос мог бы войти в раздел очистки.

Т. о., основные главы раздела сейчас вырисовываются. Было бы хорошо, если бы по каждому из этих разделов было какое-то учреждение, которое бы вело наблюдение за всей этой работой. Такой шефствующий институт должен быть намечен. Здесь будут фигурировать и институты Академии наук, и ведомственные институты, и тот институт, о котором здесь все время шла речь — отраслевой институт Министерства медицинской промышленности.

Мне кажется, что этому последнему институту отказываться от вопросов аппаратуры ни в коем случае нельзя, они должны играть в этом институте очень значительную роль. Ин[ститу]т химического машиностроения может конструировать нужную аппаратуру, может вам помогать, но отвечать должен отраслевой институт. Это один из важнейших вопросов, потому что это есть результирующая всего.

Я еще раз хочу настоять на том, что растворители и химическая очистка — это не одно и то же. Химическая очистка имеет свои определенные цели, а разработка технологии растворителя это совершенно другое. Сейчас имеется большое количество новых более совершенных растворителей, которых у нас нет и которые не синтезированы. Это совершенно особый вопрос, заслуживающий большого внимания, который, безусловно, должен найти отражение в резолюции.

Относительно ин[ститу]та химического машиностроения. Наш отраслевой институт будет заниматься вопросами аппаратурного оформления, но внедрение и оставление схем — это не означает конструирования. Наш институт не в состоянии будет заниматься вопросами создания новых конструкций. Какой-то институт, который обладает мощными знающими кадрами в области конструирования, нужно привлечь сюда с тем, чтобы он тоже отвечал за создание новых конструкций. Наш институт не может заниматься одновременно вопросами внедрения и освоения этого дела, вопросами селекции штаммов и вопросами конструирования.

Фремель. Тут поднимается очень интересный вопрос о характере будущего института по антибиотикам. Я бы поддержал мысль Александра Ивановича [Опарина]. Очень трудно представить себе, что это дело можно расчленить на части и по растворителям поручить вести и отвечать одному учреждению, по селекции штаммов — другому, по аппаратуре — третьему.

Безусловно, никакой научно-исследовательский институт не может замкнуться в своих стенах и не может не привлекать к разработке тех или иных вопросов другие специализированные учреждения. Поэтому, наверное, такой институт по антибиотикам вынужден будет прибегать и к услугам специальных институтов, которые занимаются штаммами, и к институтам, которые синтезируют органические растворители, и к институтам, которые проектируют аппаратуру. Но кто будет руководить, организовывать и вести научно-исследовательскую работу и отвечать за нее в области антибиотиков?

После тех выступлений, которые здесь были, создается впечатление, что через некоторое время Комиссия по антибиотикам снова соберется и опять скажет: распыленность, нет того, кто за это дело отвечает в научной части и кто отвечает за организацию научной работы.

По-моему, надо избежать такой опасности. Можно создать такой институт при Академии наук и можно его создать при Министерстве медицинской промышленности, который сможет вести такую общеорганизующую работу и отвечать за состояние научно-исследовательской работы по антибиотикам. Все это нужно сосредоточить в одном научном учреждении с тем, чтобы при решении возникающих частных вопросов привлекались бы все учреждения, которые специализированы в данной области.

Катковский. Мне кажется, что вопрос об ответственности дважды поднимается профессором Фремелем, между тем этот вопрос сам собой уточнен правительством. Раньше было записано, что отвечают две организации — Академия наук и Министерство здравоохранения. Поскольку сейчас это дело перешло к Министерству медицинской промышленности, отвечают Академия наук и Мин[истерство] мед[ицинской] пром[ышленности].

Тот вопрос, который поднял А. Г. [Наградзе], я понял иначе и, по-моему, мы не можем просто пройти мимо него, это большой принципиальный вопрос. Речь идет о работе центрального [научного] и [института], института по пенициллину и другим антибиотикам Министерства мед[ицинской] промышленности. Правильно, он будет сосредоточивать все технологические и научно-исследовательские вопросы по всем разделам, но речь идет о другом. В практике работы нашей Комиссии мы столкнулись с резким отставанием ряда отраслей нашего народного хозяйства в ряде вопросов, в частности, мы не имеем до сих пор, как сейчас выяснилось, в Союзе *целого ряда реактивов и иметь их не будем*. Речь идет о том, что нам нужно поставить в программу дня разработку создания этих растворителей. Кто должен поставить этот вопрос? Несомненно, Институт будет проявлять большую инициативу в этом вопросе, министерство тоже, но Ин[ститу]т органической химии АН должен поставить вопрос, что сейчас, в связи с созданием промышленности пенициллина и других антибиотиков, нужно немедленно ставить ряд научно-исследовательских работ, направленных к тому, чтобы создать растворители, которые широко применяются в Америке и Англии.

Следовательно, создавая мощные заводы и мощную промышленность, мы озабочены, чтобы все остальное *параллельно* с этим шло. Не случайно мы в прошлый раз были очень озабочены рядом других вопросов. Легкая промышленность должна подумать о работе в области нейтрального стекла для того, чтобы обеспечить нашу промышленность флаконами.

Сейчас идет речь о самом крупном вопросе, о растворителях. Поэтому предложение А. Г. несомненно должно найти принципиальное отражение в нашей резолюции.

Стрелков. Технологические процессы, я думаю, неделимы, и, конечно, они должны быть в специализированном пенициллиновом институте. И, конечно, это должно быть достаточно сильное опытное производство. При институте должен быть опытный завод. И конечно никто, вероятно, не будет заниматься специально растворителями и аппаратурой, если вопрос не будет поставлен ясно, что и кому нужно. Один институт, естественно, все не поднимет. Но есть целый ряд вещей, не относящихся к технологическим процессам. Я не уверен, что с той же силой должна быть здесь поставлена микологическая сторона. <...> Университетам был роздан ряд вопросов. Очень усиленно развилась кооперация и не было такой централизации этого дела.

Меня беспокоит вопрос о масштабе института и как комиссия его представляет подчас. В Америке был такой центр, и там действительно делали все вплоть до опытной установки, но, тем не менее, было несколько других крупных центров, которые работали параллельно. Меня очень беспокоит вопрос относительно того, чтобы не создать перенапряжения в институте. Может быть, специальные вопросы микологии выгоднее было бы оставить на тех местах, где они сейчас развиваются.

Штерн. Я бы хотела указать на то, что часто называют мелочами, но эти мелочи часто решают весь вопрос. Тут был поднят вопрос о нейтральном стекле. В течение ряда лет мы бьемся над этим, но стекла мы не имеем. У нас был неприятный опыт, когда мы совершенно испортили раствор солей фосфорнокислого калия тем, что не было хорошего стекла, а мы и не знали, в чем причина. То же самое в первое время происходило с сальварсаном, когда мы применяли не то стекло, которое полагалось. Подобные мелочи могут оказать нам весьма плохую услугу вначале. Поэтому и сейчас, начиная производство, нужно, чтобы кто-либо действительно задумался очень серьезно над всеми так называемыми мелочами, чтобы соответственным образом вовремя на это реагировать и не допускать тех ошибок, за которые приходится расплачиваться иногда очень дорого.

Кто должен это делать? Возложить это на одно лицо или на одно учреждение очень трудно. Недаром организовалась Комиссия, тут должны люди встречаться, работая объединенными усилиями, а для выполнения будут соответствующие учреждения. Ответственность за научную постановку вопроса должна взять на себя Академия наук, которая имеет институты и соответствующие кадры.

Опарин. Вернемся к вопросу о резолюции. Из того обсуждения, которое имело место, вытекает необходимость конструирования этого раздела так, чтобы в нем были представлены узловые вопросы исследовательской работы и, по возможности, отмечены те ответственные учреждения, которые за эти узловые пункты отвечают. На основе всего того, что здесь говорилось, может быть В. Д. [Тимаков] в заключительном слове скажет по этой части, как он себе представляет этот раздел.

Тимаков. Я себе представлял, что это резолюция совещания, а не оперативного органа, поэтому мы должны в резолюции совещания дать эти основные вопросы, что мы считаем необходимым для разрешения того или другого раздела с тем, чтобы кто-то этим более конкретно в дальнейшем занимался и поставил принципиальные вопросы практического порядка.

Поскольку выявилась необходимость детализировать этот раздел, я думаю, что раздел пенициллина мы выделим. Вопрос о растворителях добавить можно.

Что касается распределения того, кто чем занимается, этот вопрос не может быть в этом разделе. Запишем мы, предположим, этому институту делать то, а ведь мы же

не знаем, что он собственно будет представлять. Это в процессе работы по намеченному плану будет решаться.

Опарин. Может быть, мы проверим эти узловые вопросы:

1) Вопрос отбора и селекции, 2) вопрос физиологии, 3) вопросы очистки (и сюда, по-моему, можно отнести растворители, адсорбенты), 4) вопросы микробиологического и физиологического контроля, 5) вопросы аппаратуры, 6) вопросы синтеза, 7) вопросы механизма действия, 8) вопрос о стандарте.

По этому разделу будут еще замечания? Нет, тогда перейдем к остальным разделам.

Тимаков. «В области стрептомицина необходимо ...» (читает)

Опарин. По отдельным антибиотикам здесь отмечается на что особенно должно быть обращено внимание. Такой же раздел будет у нас по пенициллину.

Гаузе¹². По тем данным, которые есть, препарат бациллин малоинтересный и его можно исключить отсюда. Конкретный пункт можно внести — разработать и внедрить методику выпуска сухого грамицидина, свободного от балластных веществ. Такой метод есть, можно вставить пункт о том, чтобы это внедрить в 1947 году.

Бородин. Я бы предложил изменить пункт об изучении методики снятия гемолитических свойств грамицидина. Это звучит нехорошо.

Опарин. Попробуем сформулировать иначе. Еще кому угодно? Нет больше замечаний. Тогда разрешите зачитать резолюцию до конца.

Тимаков. «В целях организации ...» (читает).

Опарин. Разрешите, мы перейдем к обсуждению отдельных разделов. Тут раздел «Общие вопросы», по существу это организационные вопросы. У меня один вопрос. Перед нами стоит задача организации научно-исследовательской работы и Комиссия, собственно, должна и в части общих положений и в части той просьбы, с которой мы будем обращаться в Совет Министров, продумать те положения, которые способствуют организации научно-исследовательской работы. Здесь же, кроме того, фигурирует целый ряд вопросов организации промышленности. *Вопрос об ускорении закупки за границей крупного пенициллинового завода вряд ли имеет отношение к научно-исследовательской работе.* Такого рода вопросы, по-моему, в нашей резолюции ни к чему. Поручение *постройки нескольких крупных пенициллиновых заводов тоже не имеет отношения к научно-исследовательской работе.*

В первую очередь здесь нужно учесть только те вопросы, которые говорят о том, что мешает, и что нужно сделать в отношении исследовательской работы. Информация при помощи бюллетеня, вопросы материального снабжения, вопрос организации определенных институтов, определенного распределения обязанностей, целый ряд просьб к СМ в смысле обеспечения этой работы. А тут получилась некоторая смесь из потребностей исследовательской работы и потребностей промышленности.

Я отметил, что имеется ряд лишних пунктов, их исключить будет легко, но хотелось бы, чтобы члены комиссии высказались с точки зрения того, что нужно добавить. Прежде всего, нужно добавить вопрос об *организации отраслевого института.*

Штерн. Намечается ли план работ на 1947 г.?

Опарин. Да, он намечается, и будет заслушиваться особо. Вы совершенно правы, что в резолюции должно быть отмечено следующее: утвердить работу по плану 1947 г. и распределение обязанностей между исследовательскими учреждениями. Может быть, отметить те пункты, которые потребуются для обеспечения в первую очередь плана работ 1947 г. Потребуется, прежде всего, организация отраслевого института и снабжение учреждений необходимыми материалами, и вопрос об организации соответствующим образом информации.

Наградзе. Мне кажется, А[лександр] И[Иванович] правильно отметил. Записывать Министерству тяжелой индустрии строительство пенициллиновых заводов, конечно, неуместно. Все то, что касается промышленности нужно исключить, но все что касается постановки и организации научно-исследовательской работы нужно оставить и записать в таком виде: просить СМ дать указания соответствующим ведомствам. Нам нужно записать, что решение правительства от 25 мая в части научно-исследовательских работ не выполняется. Там было записано, чтобы закупить большую мощную лабораторию, на это дело было ассигновано большое количество денег. Если бы мы имели это, мы значительно быстрее двинули бы все дело. В части организации отраслевого института тоже нужно сюда записать пункт, касающийся Министерства химической промышленности, нужно записать и просить, чтобы они организовали производство. В решении правительства им тоже записано, например, организация производства фосфорной кислоты, но они этого не выполнили. Мы должны обязательно сигнализировать правительству, что это дело не выполняется. Записан пункт относительно Министерства здравоохранения, чтобы выделить энное количество коек. Это правильно записано. Относительно производства лактозы в том решении было записано мясомолочной промышленности, нужно записать. То же самое относительно кукурузного экстракта¹¹.

Кому же вы запишете питомник? Вы можете просить, чтобы они выделили животных, а питомник должен организовать тот, кто будет проводить эти работы. Если для нашего института такой питомник нужен, то мы и должны его создавать.

В области подготовки кадров нужно прямо записать, что нам нужно. Какое количество людей нужно готовить или просить, чтобы Министерство высшего образования определило это совместно с Минист[ерством] мед[ицинской] пром[ышленности] в части обеспечения институтов новой иностранной литературой. Сейчас есть решение правительства, что вся литература выписывается специальным по отдельным ведомствам, которые являются ведущими в этой области и нам вообще не разрешают выписывать литературу. Мне кажется, что этот пункт нереален.

Катковский. Я вполне согласен, что отдельные пункты, касающиеся промышленности, надо исключить из резолюции, тем не менее, мне, казалось бы, что надо один пункт оставить, чтобы конференция выразила свое отношение к дальнейшей проблеме развития нашей промышленности, и тут сказать, что дальнейшее развитие невозможно без строительства заводов, без получения тех заводов, покупка которых предусмотрена решением правительства. У нас же все-таки конференция по антибиотикам, надо воспользоваться этим случаем, чтобы не отрывать теорию от практики. Ведь мы собираемся все эти работы ставить для того, чтобы в итоге у нас появилось мощное производство. Поэтому, не указывая, что Министерство тяжелой индустрии должно строить заводы, надо указать, что дальнейшее развитие невозможно без строительства заводов, что к этому должен быть привлечен ряд министерств.

Опарин. Я хотел бы обратить внимание на следующее. Нужно в данной части резолюцию сделать более конкретно. Здесь указывается: обеспечить аппаратурой и приборами по прилагаемому перечню. Наша резолюция будет иметь значение только тогда, когда мы этот перечень дадим. То же самое в отношении химической промышленности.

В отношении выписки литературы тоже нужно оговорить конкретно, т. е. перечислить, что такие-то учреждения мы считаем целесообразным снабдить литературой.

Вопрос о промышленности, о производстве здесь может быть поставлен как особый раздел, причем этот особый раздел должен именно говорить, что собравшиеся на конференцию, исследовательские работники, ученые уже сейчас на основе существующих данных говорят, что организация производства задерживается по таким-то и таким-то причинам. Конечно, говорить правительству о том, что организа-

ция промышленности задерживается из-за отсутствия заводов и что эти заводы нужно построить, это, по-моему, ни к чему. А вот, если имеются такого рода конкретные предложения, что мы можем сказать, что вот здесь лежит причина задержки, тогда это в резолюцию можно вставить, но, конечно, не в общей форме. Если задерживает вопрос о стекле, это нужно отметить, если задерживает недостаток лактозы, это нужно отметить, кукурузный экстракт, растворители — это все можно отметить. Тогда все вопросы, относящиеся к производству, можно было бы выделить в особый раздел, в котором, мы бы сказали, что мы конкретно знаем на сегодня, что не делается, но что должно быть сделано, в чем коренное зло, что производства нет.

Тимаков. Этот раздел у нас вызвал самые большие прения, и на заседании комиссии было такое предложение, чтобы просто отметить, отчего не двигается у нас дело по антибиотикам. Потом мы пришли к заключению, что нужно указать, какому министерству что делать. Поскольку здесь имеется предложение целый ряд вопросов исключить, я согласен с этим. Все остальное как будто бы возражений не вызывало. Внесенные предложения мы учтем. Теперь вот какое затруднение — представить список. Откуда я его получу. Тут нужно не только список представить, а указать, каким предприятиям и институтам дать.

Опарин. Вряд ли это можно возложить на Вас, важно, что к резолюции мы прилагаем список. Мы потребуем его на конференции от тех институтов, которые будут представлены. Мы создадим комиссию, которая на самой конференции подобрала бы этот материал.

Тимаков. Еще один вопрос, касающийся медицинской промышленности — это то, чтобы организовать специальное управление по антибиотикам.

Бородин. Может быть, в такой форме, как «поручить» и т. д. конференция не правомочна писать, но мне казалось, что и в отношении некоторых организационных вопросов, если бы конференция сказала свое авторитетное слово, почему нет антибиотиков, то она не может не отметить, что некоторые виды оборудования у нас в стране не производятся. Мы знаем, что имеется соответствующее решение правительства и обратить внимание правительства на *завоз этого оборудования, которое не производится в настоящее время в Советском Союзе.*

Далее нужно отметить необходимость специального управления при Министерстве медицинской промышленности.

Опарин. Будем просить Вл[адимира] Дм[итриевича Тимакова] собрать Комиссию, приняв во внимание те замечания, которые были сделаны, переработать проект резолюции. У нас еще стоит вопрос в отношении плана научно-исследовательской работы, но тут мы можем отдельно собраться в процессе хода конференции. Если больше замечаний нет, разрешите на этом закончить совещание.

АРАН. Ф. 534. Оп. 1—47. Д. 98. Л. 1—25.

2.

2.1. Заключение Управления Кадров ЦК ВКП(б) по кандидатуре Н. М. Бородина на должность директора Всесоюзного научно-исследовательского института пенициллина

Заключение о тов. Бородине Н. М.

Министр медицинской промышленности т. Третьяков просит утвердить т. Бородина директором Всесоюзного научно-исследовательского института по пенициллину и другим антибиотикам Министерства медицинской промышленности.

Министр в своем представлении сообщает, что т. Бородин является квалифицированным специалистом-микробиологом, имеет ученую степень доктора биологических наук и в течение ряда лет работает на научно-исследовательской работе в области микробиологии. Вместе с этим т. Бородин хорошо знает производство пенициллина. Будучи в 1945–47 гг. в научной командировке в Англии, он ознакомился с работой заводов, выпускающих пенициллин, и получил достаточный опыт и знания в области этого производства. За успешную научную деятельность в 1944–45 гг. он награжден орденами Ленина и «Знак почета».

Зам. министра по кадрам т. Зайцев в характеристике на т. Бородина отмечает, что т. Бородин работает в области микробиологии двадцать лет, является квалифицированным специалистом, хорошо знающим постановку исследовательской работы в области пенициллина и технологию производства этого продукта, обладает хорошими организаторскими способностями.

Секретарь ЦК КП(б) Азербайджана по кадрам т. Мамедов, зная т. Бородина по работе на заводе медицинских препаратов Бакинского мясокомбината, отзывается о нем положительно и считает его способным и грамотным специалистом, хорошо знающим микробиологию и имеющим большой опыт производственной и исследовательской работы.

Проверкой в Министерстве госбезопасности СССР установлено, что т. Бородин подозревался в 1938–39 гг. во вредительской деятельности — по его вине была создана угроза распространения сибирской язвы (вх. № 1563 от 28.3.47). Начальник отдела МГБ СССР т. Герцовский дополнительно сообщил, что более подробно проверить эти данные не представляется возможным, и он считает, что с учетом этих сведений можно утвердить т. Бородина в указанной должности. По сообщению т. Герцовского, МГБ СССР дает заключение разрешить т. Бородину выехать в командировку в США.

Отдел Управления кадров ЦК ВКП(б) считает, что т. Бородин, имея достаточный опыт и знания в области производства пенициллина, для работы директором Всесоюзного научно-исследовательского института по пенициллину и другим антибиотикам Министерства медицинской промышленности подходит.

30 июля 1947 г. (подпись не расшифрована)

Машинопись, подлинник

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 19131. Л. 11.

2.2. Из автобиографии Н. М. Бородина

Родился 14.12.1905 г. в гор. Каменске Ростовской области. Отец — сельский учитель из донских казаков, умер вскоре после моего рождения — в 1907 г. от туберкулеза легких <...>.

Окончил школу-семилетку в г. Каменске и после этого там же два курса (общеобразовательных) Высших 3-х годичных педагогических курсов в 1923 г. С 1923 г. по 1924 г. работал на различных временных работах в железнодорожном участке станции Каменское и готовился к поступлению в ВУЗ. Еще до поступления в ВУЗ меня очень интересовала микробиология и эксперименты на опытных животных, которые производил в то время в бактериологической лаборатории Райздрава микробиолог, отец моей приятельницы, а впоследствии моей жены. Отец моей жены был квалифицированным микробиологом, а по образованию ветеринарный врач. Он имел своеобразную точку зрения на подготовку микробиолога и часто мне говорил, что если я хочу быть хорошим микробиологом и экспериментатором, то я обя-

зательно должен закончить ветеринарный институт. Его высказывания возымели свое влияние, и я стал просить командировку в Донской Ветеринарный институт в г. Новочеркасске. В 1924 г. я был допущен по командировке Донского профсоюза железнодорожников, членом которого я состоял, к конкурсным экзаменам в указанный выше институт, выдержал экзамены и был зачислен в число студентов института. Учась в институте, начал с 3-го курса вести исследовательскую работу при кафедре микробиологии и диагностики и отпечатал свою первую научную работу в Сб. Трудов Донского ветеринарного института. Закончил курс Ветеринарного института по учебному плану в 1928 г. и сдал государственные экзамены в 1929 г. Получив диплом ветеринарного врача и квалификацию — микробиолога с мая 1928 по март 1929 г. работал в качестве заведующего районным ветеринарным пунктом и ветеринарным врачом Отраденского района, Армавирского округа, Северо-кавказского края (по старому административному делению). В марте 1929 г. был переведен по той же должности Армавирским окружным Земельным управлением в Крапотчинский район. Ввиду того, что я, будучи на практической работе, все время вел исследовательскую работу по микробиологии, окружное Земельное управление привлекло меня к участию в работе выездной экспедиции Государственного института экспериментальной ветеринарии, проводившей свои работы в Армавирском округе Сев.-Кавказского края. К этому времени относится, выполненная мною с сотрудниками экспедиции, вторая научно-исследовательская работа <...>.

В Красной Армии служил как льготник с высшим образованием <...> в 3-ем Кавалерийском полку 5-й кавалерийской дивизии, где проходил строевую подготовку, а затем по специальности в 1-й ветеринарно-бактериологической лаборатории СКВО.<...> Работая в лаборатории, я прошел хорошую школу микробиолога, начиная от препаратора, и овладел немецким языком для чтения научной литературы. В ноябре 1930 г., по окончании действительной службы в Красной Армии, был зачислен земельным Управлением Северо-кавказского Краевого Исполнительного комитета в г. Армавир для организации Научно-исследовательского Ветеринарно-Профилактического института (опытной станции & ИЭВ¹⁴) После организации этого института, в декабре 1930 г. работал в нем, сначала заведующим микробиологическим отделом и заместителем директора, а затем директором и научным руководителем института. Во время работы в институте выполнил и отпечатал ряд научно-исследовательских работ.

Работая в институте, был откомандирован в октябре 1935 г. за границу в Литву и Латвию, где участвовал как специалист-микробиолог в импортных операциях Наркомзема СССР. В этой командировке находился до января 1936 г.

В феврале 1936 г. был переведен в Наркомздрав СССР, где работал в качестве начальника ветеринарного отдела Северо-западного управления Наркомата с договоренностью, что после организации при Наркомате Центральной научно-исследовательской лаборатории, я буду руководить этой лабораторией. Ввиду того, что организация этой лаборатории безнадежно затянулась, а квартиры в Москве для семьи мне не было предоставлено, я поставил вопрос об освобождении меня от работы в аппарате Наркомсовхозов, т. к. никогда не работал в аппарате и не чувствовал к этому склонности. Освободившись от работы, я выехал по командировке Наркомпищепрома СССР в г. Баку для работы на Бакинском мясокомбинате. На Бакмясокомбинате работал с 1936 г по февраль 1947 г., т. е. до откомандирования меня в распоряжение министра медицинской промышленности СССР. Начал работать на Бакинском мясокомбинате начальником отдела производственного контроля и химико-бактериологической лаборатории. В 1943 г. руководил организацией при Бакмясокомбинате завода медицинских препаратов и был назначен директором этого

завода с одновременным выполнением обязанностей начальника отдела производственного контроля и химико-бактериологической лаборатории. <...>

Работая на работе, непрерывно вел научно-исследовательскую работу и отпечатал целый ряд работ. В 1940 г. подготовил и защитил диссертацию на соискание степени кандидата наук, в 1945 защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук и был утвержден в ученой степени доктора Высшей Аттестационной комиссией.

В 1940 г. награжден Наркоммясомолпромом СССР значком отличника мясной и молочной промышленности СССР, а в 1942 г. почетной грамотой стахановца. В 1944 г. награжден правительством СССР Орденом Ленина и «Знак почета» и медалью «За оборону Кавказа». Член ВКП(б) с марта 1943, <работал> парторгом, членом пленума Кишлинского Райкома КП(б) Азербайджана г. Баку и членом бюро парторганизации Бакмясокомбината. Все время вел партийную работу в качестве внештатного пропагандиста Кишлинского РК КП(б) Азербайджана. Кроме того, вел профсоюзную работу в республиканском комитете профсоюза работников мясомолочной промышленности Азербайджана. Член профсоюза с 1921 г.

В сентябре 1945 г. в связи с проводимой мной исследовательской работой по пенициллину на заводе медпрепаратов Бакмясокомбината, был командирован Наркоммясомолпромом СССР в научную командировку по пенициллину в Англию, где пробыл до декабря 1946 г. В Англии работал по пенициллину вначале в Оксфордском университете под руководством профессоров Флори и Чейна, в Лондонском университете под руководством проф. Райстрика, а также в фирменных научно-исследовательских учреждениях по пенициллину. За время командировки мне удалось хорошо изучить опыт научно-исследовательской работы и производство пенициллина, а также постановку исследовательской работы по другим антибиотикам и полностью овладеть английским языком.

Находясь в Англии в научной командировке, систематически и непрерывно передавал на Родину английский опыт по пенициллину и другим антибиотикам — различными методами. В бюллетене Торгпредства СССР «*Новости английской науки и техники*», целый ряд ценных статей по пенициллину и другим антибиотикам.

По приезду из Англии просил А. И. Микояна во время моего доклада использовать меня на дальнейшей работе в Минмедпроме по пенициллину, чтобы полностью передать полученный опыт исследовательской работы. На эту просьбу т. Микоян ответил согласием.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 19131.

Подпись

3.

«Советский пенициллин» существует так же, как «советский грамицидин».

Статья первого директора

Всесоюзного научно-исследовательского института пенициллина

Состояние отечественной промышленности антибиотиков на конец 1947 года было проанализировано Н. М. Бородиным, назначенным в июле 1947 директором ВНИИПа. Автор напоминает о первых работах русских исследователей работами по применению плесени и продуктов из нее для лечения ран и воспалений (в то время как западные специалисты чаще упоминали об употреблении таковых только на Украине «народной медициной» — Е. Л.), делится своими впечатлениями от годичного пребывания в центрах исследований антибиотиков в Англии, и выражает уве-

ренность в том, что, если производство в СССР будет разумно организовано, советская промышленность будет самой передовой в мире. Он доступно излагает особенности культивирования продуцентов антибиотиков, но работ пионеров изучения и применения пенициллина в СССР не упоминает. Последнее обстоятельство было предметом разбирательства в райкоме партии, к которому относилось территориально Министерство медицинской промышленности в Москве, и в ЦК ВКП(б).

Статья воспроизводится по журналу: «Медицинская промышленность». 1947. № 1. С. 21—23.

Доктор биологических наук
Н. М. Бородин

Советский пенициллин

История открытия пенициллина обычно начинается с описания работы английского ученого Флеминга, опубликованной им в 1929 г. В связи с такой интерпретацией вопроса принято считать, что Флемингу принадлежит открытие пенициллина, которое было дополнено 10 лет спустя Флори и Чейном. Несомненно, работы Флеминга, Флори и Чейна сыграли большую роль в истории пенициллина, но эти работы являются только частью в цепи открытий, первые звенья которой были выкованы еще в начале XX века.

В 1868—1871 гг. русские ученые В. А. Манасеин, А. Г. Полотебнов и П. В. Лебединский впервые в мире указали на лечебные свойства *Penicillium* и изучили условия его культивирования. Применяв *Penicillium* для лечения язв сифилитического происхождения, В. А. Полотебнов получил положительные результаты. В заключение своей работы он говорит: «Результаты проведенных мной опытов могли бы, я думаю, позволить сделать подобные же наблюдения и над ранами операционными, а также над глубокими нарывами. Только такие наблюдения и могли бы дать экспериментальное решение вопроса о значении плесени для хирургии».

В 1904 г. проф. М. Г. Тартаковский изучал действие *Penicillium glaucum* на возбудителя экспериментального тифа кур. В своей статье М. Г. Тартаковский писал: «Я наблюдаю, что под влиянием *Penicillium glaucum* контактный экссудативного тифа кур погибал, если кровь в пробирке (в смеси с физиологическим раствором) была в слабом разведении, густая же кровь в пробирке, покрытая сверху густой плесенью, оставалась вирулентной».

Эти открытия были забыты и не упоминаются в трафаретных описаниях истории пенициллина, появляющихся время от времени в печати. Только в одном из номеров «*Science*» (14. XI. 1945 г.) J. S. Joffe (New Jersey Agricultural Experimental Station New Brunswick) в коротенькой статье констатирует факт, что М. Г. Тартаковский обнаружил действие пенициллина еще в 1904 г.

Таким образом, русские ученые имеют неоспоримый приоритет в развитии учения об антибактериальных свойствах *Penicillium* и пенициллина. Поэтому хронологию этого вопроса правильно излагать следующим образом: 70-е годы XIX века — Россия, первые годы XX века — Россия, 20-е годы XX века — Великобритания, 30-е годы XX века — Великобритания, 40-е годы XX века — СССР, Великобритания, США.

Отсюда можно сделать вывод, что термин «советский пенициллин» является правильным не только потому, что мы вырабатываем, изучаем и совершенствуем наш пенициллин без помощи иностранных ученых, но и потому, что первые в мире наблюдения и исследования по пенициллину были сделаны русскими учеными.

Министерство медицинской промышленности СССР настоящее время проводит большую работу по созданию мощной пенициллиновой промышленности, ко-

торая будет самой передовой в мире. По плану развития этой промышленности намечено выпустить, в 1950 г. в 500 раз больше пенициллина, чем в 1947 г., но уже в настоящее время ясно, что этот план будет значительно перевыполнен, и наша страна будет иметь во много раз больше высококачественного пенициллина, чем намечено по плану.

Пенициллиновая промышленность имеет свои специфические особенности, которые необходимо хорошо знать специалистам этой промышленности и широкому кругу ученых, работающих в этой области.

В данной статье я хотел бы остановиться на важнейших особенностях технологии пенициллина.

Первой особенностью являются индивидуальные свойства ферментационного микроорганизма.

В отличие от ферментационных микроорганизмов, применяемых для производства спирта, уксуса, ацетона, лимонной кислоты и др., штаммы группы *Penicillium notatum*, *chrysogenum* — продуценты пенициллина — являются в своих генерациях весьма вариабельными по способности вырабатывать. Возможно, эта вариабельность связана с тем, что образование пенициллина является побочным процессом в метаболизме штаммов группы *Penicillium*. При этом продуктивные селекционированные штаммы более вариабельны, чем их «прародители и сородичи». Это свойство штаммов вначале причиняло серьезные помехи на производстве, когда ферментационная среда по ошибке инокулировалась малопродуктивным вариантом. В результате работ по изучению корреляции между морфологическими особенностями и пенициллинообразованием, предпринятых членом-корреспондентом Академии наук СССР А. А. Имшенецким, удалось получить весьма интересные данные в этом направлении, важные для промышленности. З. Э. Беккер, изучая динамику погружной культуры производственного штамма *Penicillium*, выявила закономерность между некоторыми морфологическими признаками и образованием пенициллина. Работа в этом направлении продолжается. Нередко высказываются пожелания иметь нерасщепляющийся в генерациях производственный штамм. Трудно сказать, насколько это будет осуществимо, но, во всяком случае, уже сейчас вполне возможно отбирать варианты со стабильной продуктивностью для производственной ферментации.

Второй особенностью производства пенициллина является поведение штамма в ферментаторе, которое зависит не только от индивидуальных свойств штамма, но и от изменений композиции ферментационной среды. Небольшие изменения в композиции среды могут не только изменить химическую структуру пенициллина, но и резко понизить или даже совсем прекратить его образование в мицелии. В этом отношении ферментационный процесс пенициллина также в значительной степени отличается от других ферментационных процессов. В качестве примера можно привести образование штаммом 176 большого количества пенициллинов группы «К» при недостатке в среде фенилацетопроизводных. Условия, в которых протекает ферментация и, в частности, снабжение кислородом среды, индивидуальные свойства штамма и композиция ферментационной среды предопределяет исход ферментационного процесса и выхода пенициллина. От комплекса этих факторов зависит также образование различных типов пенициллина.

Третьей особенностью производства пенициллина является сложность процессов его очистки и кристаллизации. Как известно, большинство других веществ, получаемых с помощью ферментационного процесса, извлекается из среды достаточно просто либо путем отгонки, либо очень легкой кристаллизацией. Все эти вещества термостабильны и химически стойки. Особенностью пенициллина является то, что для полного отделения от сопутствующих веществ приходится прибегать к

сложным операциям экстракции селективными органическими растворителями. В процессах экстракции играет большую роль селективность растворителя, рН экстракции (особенно для освобождения от пенициллинов группы «К»), поверхность соприкосновения фазы органического растворителя с водной, а при процессе длительной очистки пенициллина перед кристаллизацией, производимой с помощью ацетона, решающее значение имеет и содержание в ацетоне влаги.

Процессы очистки пенициллина усложняются и тем, что сопутствующие ему примеси, которые являются кислотами, более сильными и более слабыми, чем пенициллин-кислота, действуют на него разрушающе.

Современный процесс сушки пенициллина также отличается свойственной этому веществу технологической особенностью, так как ни одно из веществ, полученных ферментационным путем, не подвергается лиофильной сушке.

Последней особенностью, о которой я хотел бы упомянуть, является определение активности пенициллина, методы которого существенно отличаются от определения активности других антибактериальных веществ.

Все эти специфические особенности технологии пенициллина диктуют необходимость создания для нее особого профиля специалистов, а также специального направления в работах ученых. В самом деле, в нашей пенициллиновой промышленности заняты микологи, микробиологи, генетики, биохимики, химики-органики, физико-химики, технологи, механики и др. Однако пенициллинщик-миколог отличается от обычного миколога тем, что обязательно должен обладать познаниями в физиологии, а также и химии; генетик должен знать микологию, физиологию и химию, а процессы очистки пенициллина требуют сочетания у одного специалиста-химика познаний в области биохимии, органической и физической химии, процесса очистки и т. д. Эти познания в своем преобладающем большинстве должны выходить за пределы общетеоретических сведений, так как для работы необходимы еще и практические навыки с целью использования методов из смежной области знаний.

Выше я упомянул, что наша пенициллиновая промышленность будет самой передовой в мире. Эта фраза приведена не случайно и основывается на достаточно точном расчете. Всякая промышленность только тогда является передовой, когда ее развитие основано на данных науки и им руководят люди передовой науки. Взаимосвязь науки с практикой имеет огромное значение. Разрыв этого взаимодействия губит науку и практику.

В период второй мировой войны в Англии и США достигнута в отношении пенициллина взаимосвязь науки и практики. Условия войны позволили несколько умерить частнокапиталистические интересы фирм и индивидуалистические тенденции ученых. В результате была достигнута на определенный период времени кооперация большого количества научных учреждений Англии и США по вопросам пенициллина, которая дала свои положительные результаты. После окончания войны положение начало резко изменяться. Кооперативная работа ученых и исследовательских учреждений двух стран прекратилась и была заменена договором о взаимной информации об открытиях по пенициллину. Английские и американские фирмы, занимающиеся производством и исследованиями в области пенициллина, начали выкупать свои предприятия, построенные на правительственные субсидии, и постепенно перестали быть правительственными агентами по пенициллиновым поставкам. Вновь появилась несколько ослабевшая во время войны конкуренция фирм, тем более что фирмы стали выпускать пенициллин на международный рынок. Отсюда стала затруднительной взаимная информация о достижениях в области технологии пенициллина не только между Англией и США, но и между учеными и исследовательскими учреждениями в пределах этих стран.

В настоящее время в Англии и США уже не может быть и речи о кооперации исследовательской работы по пенициллину, которая имела место во время войны. Предвидя эту обстановку, английские ученые профессора Флеминг и Флори несколько раз поднимали вопрос о создании в Англии специализированного научно-го учреждения по вопросам антибиотиков. Проф. Флеминг закончил свою большую статью о необходимости для Англии такого учреждения, появившуюся в одной из лондонских газет в 1946 г., следующей фразой: «Если мы не примем все меры, чтобы сделать то, что крайне необходимо, то мы должны будем плестись в хвосте у более способных наций». Со времени опубликования этой статьи прошел уже год, но специализированные институты по антибиотикам пока не организованы ни в Англии, ни в США, так как их создание противоречит интересам фирм, и первым в мире институтом подобного типа является наш Всесоюзный научно-исследовательский институт по пенициллину и другим антибиотикам (ВНИИП), созданный в этом году по решению правительства.

Задачи ВНИИП весьма обширны, и вкратце их можно сформулировать следующим образом: ВНИИП обязан создать советскую, а, следовательно, передовую науку об антибиотиках и в первую очередь завершить разработку вопросов пенициллина и стрептомицина. В соответствии с этими задачами и построен план работы ВНИИП на оставшийся период 1947 и 1948 гг. Помимо научной работы, которая будет проводиться в стенах института, ВНИИП возглавит и объединит всех наших ученых, работающих по антибиотикам в других научных учреждениях, а также будет проводить подготовку и переподготовку необходимых научных и производственных кадров.

В настоящее время имеются все предпосылки для того, чтобы говорить о реальности выполнения поставленных перед ВНИИП задач. Отсюда вытекает, что у нас созданы все условия для осуществления той взаимосвязи между наукой и пенициллиновой промышленностью, которая необходима для быстрого развития науки в области антибиотиков и для создания самой передовой в мире промышленности — производства советского пенициллина, а также и других антибиотиков.

4-

«Что делается за рубежом?»

Член корреспондент АН СССР Н. А. Красильников (1896—1973), ведущий специалист в области почвенной микробиологии, активно участвовавший в исследованиях актиномицетных антибиотиков, подготовил по заказу Президиума АН СССР обзор зарубежных работ в области антибиотиков. Обзор не только дает представление о состоянии области мировой науки и промышленности, но выражает взгляд ученого на возможности совершенствования исследований и производства в СССР и содержит рекомендации к этому, главные из которых — восстановить академическую комиссию по антибиотикам, как орган координации исследований в стране, и изыскать средства на расширение работ (кадры и оборудование).

Нетрудно представить, что этот аргумент не терял злободневности со временем, и отметить, просматривая документы ОБН АН СССР в Архиве РАН, что и 10 лет спустя, в 1957—59 годах, советские биохимики, выезжавшие изредка на международные конференции, в отчетах неизменно выражали восхищение уровнем оснащенности западных лабораторий, обслуживавших биотехнологические производства, и рекомендовали в своих отчетах воспринять зарубежный опыт организации исследований. В противном случае, как подчеркивалось в отчете В. А. Энгельгардта, В. Н. Бунина и

А. И. Опарина о поездке на симпозиум по биохимии ферментов в Японию, расходы на импорт продуктов, которые не в состоянии разработать и произвести советские технологи в отрыве от биохимических и микробиологических лабораторий должного уровня, обойдутся много дороже затрат на импортное оборудование, необходимое этим лабораториям.

АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1957. Д. 12. Л. 46

Об антибиотиках (Что делается за рубежом?)

По данным иностранной литературы за послевоенные годы)

Многолетние исследования явления антагонизма у микробов, как известно, завершены блестящими открытиями. Десять лет тому назад в 1941 г. был получен антибиотик пенициллин, а спустя 3 года — стрептомицин.

Эти открытия были стимулом огромного размаха исследований по изучению антагонизма у различных представителей микроорганизмов и изыскания новых антибиотиков.

Никто не сомневался, что эти антибиотики являются не единственными в мире микроорганизмов. Каждый специалист был уверен в том, что среди огромного и разнообразного количества микробов-антагонистов имеется немало таких, которые образуют антибиотические вещества, не уступающие по своим лечебным свойствам пенициллину и стрептомицину.

Действительно, вскоре были открыты такие антибиотики, как хлоромидетин, ауреомицин, тетрацилин и др., которые нашли широкое применение в лечебной медицине.

Во всем мире начались лихорадочные поиски новых антибиотиков среди актиномицетов, грибов, бактерий лишайников, водорослей, простейших, а также в тканях растений и животных. Быстро создавались специальные лаборатории, институты: к работе привлечены университеты, различные научно-исследовательские институты; опытные станции и др. учреждения. О размерах и объеме этих работ можно судить по публикуемым трудам. За 10 лет по антибиотикам было издано свыше 20 000 названий. Антибиотик ауреомицин был открыт в июле 1948 г., а через год было опубликовано о нем свыше 3000 работ.

За 6 месяцев после открытия хлоромидетина о нем было написано 750 работ. За несколько месяцев 1946 года о пенициллине напечатано свыше 2 000 публикаций. Даже по такому малоизвестному антибиотику, как отоксин, как глиотоксин и клавиформин зарегистрировано за 10 месяцев изучения их свыше 35 публикаций. О тетрацицине, ауреомицине спустя год после их изыскания написаны и опубликованы специальные монографии значительных размеров. Монографии написаны о хлоромидетине, субтилине, грамицидине, актиномицетине и др. антибиотиках. О пенициллине и стрептомицине ежегодно публикуются тысячи работ и большее количество книг.

За прошедшие 8—10 лет проделана огромная работа по изысканию и изучению антибиотиков у микроорганизмов. Создана по существу новая область в биологической науке — учение об антибиотиках. Можно без преувеличения сказать, что за последнее десятилетие ни один из разделов биологии так интенсивно не развивался как раздел об антибиотиках.

Совершенно естественно, что размах и объем работ по антибиотикам в разных странах не одинаков.

Наиболее интенсивно ведутся исследования в США. Нам неизвестно, сколько лабораторий в Америке занимаются антибиотиками. Но размах работ некоторых учреждений виден из следующих цифровых данных:

В лаборатории Ледерли (крупнейшая американская фармацевтическая фирма) за один год изучено 30 000 культур актиномицетов, в лаборатории, руководимой Ваксманом (Нью-Жерсей¹⁵), обследовано за один год свыше 10 000 образцов различных почв и изучены антагонистические свойства у 50 000 выделенных из них актиномицетов.

Лаборатория Польского университета под руководством проф. Буркхольдера за год обработала 6 000 почв, выделено из них и изучено 20 000 актиномицетов.

Лаборатория фирмы Пфайфер за короткий срок изучила более 100 000 культур актиномицетов. Кроме указанных лабораторий в Америке, интенсивно ведут поиски новых антибиотиков многие другие. Например, Северная исследовательская лаборатория департамента земледелия США, Рокфеллеровский ин-т, Институт Карнеги, Ин-т Ротгерса, Университет Миннесоты, Университет Висконсин, Университет Ротчерса, Иельский университет, затем лаборатории многих фирм — Мерка, Чарльза Пфайзера, Скуйббо и многие другие. Эти лаборатории ежегодно обрабатывают десятки тысяч почвенных образцов, выделяют из них и изучают сотни тысяч актиномицетов.

В общей сложности по примерным подсчетам в одной только Америке (США) ежегодно пропускается через лаборатории около полумиллиона культур одних только актиномицетов.

Кроме актиномицетов американские специалисты интенсивно изучают грибы, бактерии и другие микроскопические существа, обладающие антибактериальными свойствами. Академия наук в Вашингтоне не имеет своих лабораторий, но она проявляет живейший интерес к антибиотикам, что видно из публикаций. В ее докладах печатаются многочисленные работы специалистов, издаются специальные труды, монографии, посвященные итогам работ по отдельным антибиотикам и др.

Основным субстратом изыскания микробов-антагонистов, как видно из приведенного, американцы брали почву. Почвенные образцы собираются в разных странах света — в Америке, Африке, Австралии, Европе, Азии, Японии, на многих островах. Обследуются почвы Индии, Персии, Турции, Греции, Испании и других стран. Сбор почв производится специальными экспедициями, корреспондентами и разными лицами, командирруемыми специально для сбора почв или попутчиками. Как правило, почвы обрабатываются в свежем состоянии. В этих целях они доставляются из далеких стран самолетами. Последние, вообще, довольно широко используются в деле доставки почв для изыскания антибиотиков.

Мы не знаем в точности число сотрудников, занимающихся в многочисленных лабораториях США. Однако практика показывает, что один научный сотрудник с лаборантом может обработать за год не более 150 почвенных образцов и изучить выделенные из них 1000—1500 актиномицетов, с двумя лаборантами один научный сотрудник может обработать 200—250 почвенных образцов и около 3000—4000 актиномицетов.

Если допустить, что каждый работник лаборатории (считая лаборантов) в среднем обрабатывает 100 образцов почв, то, чтобы обработать указанные выше десятки тысяч почв и полмиллиона актиномицетов потребуется не менее 1000 сотрудников. Причем, эти сотрудники заняты только актиномицетами. Кроме того, имеется большое число работников, которые изучают грибы, бактерии и другие микроорганизмы.

Мы полагаем, что общее количество работников (научных сотрудников и лаборантов), занимающихся изысканием новых антибиотиков, превышает 1500.

Интенсивно ведутся исследования также в Японии. По общему объему проводимых работ эта страна занимает первое место после США.

Так же как и в США, изыскание новых антибиотиков в Японии производится в различных научно-исследовательских институтах и лабораториях (Natl. Inst. Health, Tokyo) в Университетах (Tokyo Univ., Sendai Univ. Kyoto), заводских лабораториях (Meiyst Seika K. K. Kawassaki, Tokedo Pharmas. Co, Osako) и другими научно-исследовательскими учреждениями.

Большой опыт японских специалистов по массовому выращиванию патогенных бактерий, примененных в отечественной войне <...>, безусловно, использован в деле изыскания и получения антибиотиков. Об интенсивности работ в Японии говорят многочисленные издания трудов по антибиотикам. В Японии издаются два специальных журнала по антибиотикам — «*Journal of Antibiotics*» and «*Archives Antibiotics*».

К сожалению, Академия наук СССР не имеет эти журналы и не может их выпустить, вследствие чего трудно следить за проводимыми в Японии работами. Приходится ограничиваться реферативными сообщениями в американских журналах.

Значительные работы по изысканию антибиотиков проводятся в Англии, Бельгии, Франции, слабее — в Италии, Австрии, Западной Германии¹⁶ и других странах.

В работу включены лучшие специалисты биологи-микробиологи (общего профиля, затем, медицинской, сельскохозяйственной, ветеринарной, бродильной, технической и др.), ботаники, физиологи растений, биохимики, фитопатологи, фармакологи, терапевты, клиницисты и др. Кроме биологов огромное количество химиков непосредственно проводят работу по выделению, химической очистке и выявлению химического состава активных веществ. В работе принимают участие такие специалисты как Том (миколог-систематик), Бьюкэнэн (бактериолог) Фред, Ваксман (почвенные микробиологи), Вильсон (микробиолог-физиолог), Буркхольдер (фитопатолог), Бонжанен (физиолог растений), Дюбо, Флеминг, Дуггар, Старкей, Бурнан, Готтлиб, Симонов Райт, Тсукамура, Каваками, Арима и многие другие.

Следует отметить, что вся эта многочисленная армия специалистов разных стран ведет работу в тесном контакте друг с другом. Комплексируется работа лабораторий и специалистов не только внутри страны, но и лабораторий разных стран.

В Америке создана мощная антибиотическая промышленность. Об интенсивности ее развития говорят следующие данные:

Если в 1943 г. в США пенициллина производилось менее 0,5 триллиона единиц в месяц, то в первой половине 1951 г. ежемесячный выпуск его достиг от 23 до 33 триллионов единиц.

Стрептомицина в 1946 г. производилось около 40 кг в месяц, в первой половине 1951 г. вырабатывалось 12 000 кг в месяц. В результате усовершенствования работ на всех этапах производства стоимость антибиотиков резко снизилась с каждым годом. Например, 100 000 ед. пенициллина стоили в 1943 г. 20 долларов, в 1949 г. всего 0,04 доллара. Стоимость стрептомицина в 1945 г. была 30 долларов, а в 1951 г. 0,35—0,4 доллара за 1 грамм.

В настоящее время стоимость антибиотиков сведена до минимума. В денежном выражении общая продукция антибиотиков выглядит так:

гормонов	выработано в США в 1950 г.	на 100 мил. долларов.
сульфаномидных		
препаратов	«	на 150 мил. долларов.
витаминов	«	на 200 мил. долларов.
антибиотиков	«	на 250 мил. долларов.

Американскими учеными совместно со специалистами подвластных им стран получено за эти годы около 300 антибиотиков. Из них только 5 препаратов — пе-

пенициллин, стрептомицин, хлоромидетин, аурсомицин, тетраамицин широко применяются в лечебной медицине, около 10 препаратов — субтилин, бацитрицин, полимиксин, неомицин, тиротрицин, актидиен и др. применяются как антисептики при различных наружных заболеваниях.

О степени интенсификации производства антибиотиков в Японии мы можем судить только по данным в 1949 г. Более поздних сводок мы не имеем из-за отсутствия японских журналов и вообще японской литературы. В 1949 г. выработка пенициллина была в январе 37 980 000 ед., в мае — 109 320 000 ед., в августе — 159 050 000 ед., в декабре — 367 840 000 ед. За год было получено 1 795 540 000 ед.

В Советском Союзе развернута тоже большая работа по изысканию и изучению антибиотиков. У нас создан специальный институт антибиотиков (ВНИИП)¹⁷. В работу включились АН СССР, некоторые АН союзных республик (Армянская и Украинская), Академия медицинских наук СССР, Университеты (Ленинградский, Московский), многие другие научно-исследовательские и учебные учреждения.

Однако объем работ в этих учреждениях очень мал. В них антибиотиками занимаются, как правило, 1—3 сотрудника. Большинство лабораторий ведут исследования только микробиологического порядка без химической очистки активного вещества. Изучается продуцент и антибактериальные свойства культуральной жидкости. Работа этих лабораторий из-за отсутствия химиков обесценивается или вовсе бесполезна. Только две лаборатории, по существу, и ведут надлежащим образом поиски новых антибиотиков, где микроскопические исследования сопровождаются химическими, где получается антибиотик в химически очищенном виде.

Эти лаборатории — в АМН и АН СССР, причем, лаборатория АН СССР (Ин-т микробиологии) тоже не имеет химиков, химические исследования обеспечивают лабораторией фармацевтического института (НИХФИ)¹⁸ в порядке комплексирования. Даже Институт антибиотиков (ВНИИП), который призван заниматься поисками новых антибиотиков, по существу это дело не обеспечил. Нельзя назвать удовлетворительным размах его исследований, когда за 2 года лаборатории химиков не смогут очистить активное вещество даже одного антибиотика, выделить его из культуральной жидкости актиномицета-продуцента.

В последние 1—2 года отмечается сокращение этих небольших работ по антибиотикам. Так, например, значительно сократился объем работ в Институте микробиологии АН СССР, закрыта химическая лаборатория в Институте биохимии АН СССР, которая занималась химической очисткой антибиотических веществ, получаемых в Институте микробиологии. Закрывалась лаборатория в АН Армянской ССР, прекращена фактическая работа в АН Украинской ССР, Ленинградский университет ликвидировал свою мощную лабораторию, передав остатки ее в Ботанический институт АН СССР. Закрыты лаборатории и значительно сокращена работа по антибиотикам в Институте им. Мечникова (Харьков), в Химико-фармацевтическом институте, Стоматологическом институте в Харькове, в Туберкулезном институте в Киеве и др. местах.

О направлениях работ в области антибиотиков

В настоящее время исследования по антибиотикам ведутся в следующих направлениях:

1. Изыскание новых антибиотиков, против различных бактериальных инфекций (туберкулез, бруцеллез, кишечных болезней и др.) риккетсиозных (сыпной тиф), грибных и вирусных инфекций (грипп, пситтакозис, энцефалиты и др.), а также против злокачественных опухолей.
2. Изыскание антибиотиков для лечения и профилактики заболеваний у растений и разработка методов применения антибиотиков в растениеводстве вообще.

3. Антибиотики в пищевой, вкусовой и бродильной промышленности.

4. Применение антибиотиков и микробов-антагонистов, как средства обороны в бактериологической войне.

Первый раздел не нуждается в объяснении, задачи его понятны. Отметим только, что в США большое внимание концентрируется на отдельных инфекциях и особенно вирусных. Например, необычайно много уделяется внимания поискам антибиотиков против пситтакозиса («болезнь попугая»). Это очень контагиозная болезнь, поражает попугаев и человека, больные трудно поддаются лечению. Смертность людей достигает 40—50%, а выздоровление длится длительное время. Болезнь эта редкая, встречается только в ограниченных местах. Почему же она так интересует специалистов? Не связано ли все это с подготовкой бактериологической войны?

Уместно здесь отметить еще одно обстоятельство, вызывающее недоумение.

В последние годы некоторые видные микробиологи в США (Conn, Tomm, Wilson, Fred, Buchanan и др.) почти полностью прекратили публикации своих работ. По некоторым сведениям, они переключились на работу по антибиотикам и, возможно, что специального значения.

Антибиотики, как лекарственные средства, способствуют оздоровлению Армии, имеют чисто оборонное значение. Приведем некоторые сведения из статистики Американского военного и морского ведомства. При применении пенициллина стрептомицина заболеваемость в Армии (в последнюю войну) сократилась: пневмония с 12 в 1942 до 7,2 в 1950 г., скарлатиной с 10,2 — в 1942 г. до 0,1 — в 1950 г. на 1 000 человек. По морскому ведомству: процент средне-годовой смертности от перитонитов за период 1936—1939 гг. составляла 6,6 на 1 000, за период II Мировой войны, когда начали применять пенициллин и др. антибиотики, смертность составляла — 3%. Смертность от бронхо- и лобарной пневмонии снизилась с 7,7% в 1931 г. до 0,8% в 1945 г. на 100 случаев.

Второй раздел только начинает развиваться. Имеются данные, которые показывают, что антибиотики могут найти здесь применение.

То же самое можно сказать про третий раздел.

Весьма актуален четвертый раздел. К сожалению, результаты работы по данному разделу очень скудно освещаются в литературе. О том, что делается за рубежом, приходится делать выводы на основании косвенных данных. Предполагается, что бактериологическое оружие будет применяться для поражения человека, домашнего скота и растений через почву, питьевую воду, воздух, пищевые продукты, а также при помощи переносчиков болезней — насекомых, грызунов и, возможно, птиц.

В обеззараживании почв, водоемов, а также пищи и напитков микробы-антагонисты и образуемые ими антибиотические вещества могут быть полезными и эффективными средствами. Исследованиями доказано, что микробы-антагонисты оказывают большое влияние на развитие и формирование микробиологических популяций. Под влиянием антагонистов многие фитопатогенные бактерии и грибы устраняются из почвы. Так, например, миколитические бактерии (антагонисты) подавляют рост грибов, фузариума и вертициллиума, поражающих хлопчатник. Вследствие этого процент заболеваемости снижается, а урожай хлопка повышается. Эти же бактерии успешно подавляют фузариум — возбудитель фузариоза у льна и сеянцев сосны.

В литературе описано много антагонистов среди бактерий, актиномицетов и грибов, которые резко угнетают развитие в почве фитопатогенных форм. Доказано также, что некоторые растения способствуют размножению в почве антагонистов и этим самым являются оздоровителями почвы. Таким оздоровителем является, например, люцерна, вокруг корней обильно развиваются миколитические бактерии, устраняющие возбудителей у хлопчатника.

Такие же результаты отмечаются при наблюдении за развитием в почве патогенных бактерий. Гноеродные микрококки возбудители кишечных инфекций сравнительно быстро погибают в почвах, если их обогатить микробами антагонистами. Обогащение почвы антагонистами, возможно либо искусственно, внесением их с поливной водой, либо засевом этой почвы растениями, которые способствует развитию антагонистов. Еще лучше комбинированным действием того и другого. В почве из под клевера патогенные бактерии погибают примерно в 2—3 раза быстрее, чем в почвах парующих или в почве из-под пшеницы. Объясняется это тем, что клевер своими корневыми выделениями усиливает развитие в почве микробов-антагонистов.

Таким способом можно успешно оздоровлять любую почву, освобождать ее от любых фитопатогенных и патогенных форм (дизентерии, сибирской язвы и др.). В этом направлении за рубежом ведутся интенсивные исследования. Специалисты США, Канады, Англии и других стран изучают антагонистические взаимоотношения в почве антагонистов с различными представителями болезнетворных микроорганизмов. Такие ученые, как Winter, Gottlieb, Siminoff, Loo, Thornberry, Brian, Wright, Starky, Gregory, Allen, Peterson, Fred, Wilson и другие, переключились в своей работе с вопросов почвенной и общей микробиологии на решение вопросов, связанных с явлением антагонизма в почве.

Какова конечная цель этих исследований? Она может быть мирной и агрессивной. Результаты этих работ с успехом можно использовать как в целях чисто гуманных — повышение урожайности с. х. культур, так и в целях нанесения вреда человеку.

Пищевой блок является весьма уязвимым местом в быту человека и в армии как в мирное, так, особенно, в военное время. Заражение продуктов опасно не только патогенными бактериями, но и бактериями, образующими токсины. Такие токсины как ботулин, рыбный яд, смертельны в ничтожных дозах. Токсины, образуемые кокком, бактериями кишечной группы и др., если не столь опасны, то, во всяком случае, достаточно ядовиты, чтобы вызвать у человека острые отравления и выбытие из строя его на много дней или даже недель.

Применение антибиотиков в целях предупреждения и устранения развития микробов в пищевых продуктах и в напитках является, как видно из литературы, боевой темой у зарубежных исследователей.

Как и следует ожидать, основное внимание концентрируется на бактериях, образующих сильные токсины (В. outlines и др.). Определенный интерес вызывают сильно токсические антибиотики с точки зрения возможного их использования в борьбе с грызунами-переносчиками чумы. Как известно, эти животные довольно распространены, а в отдельных местах они в изобилии населяют и заселенные пункты. Борьба с ними при помощи отравляющих химикатов, а также бактерий крысиного и мышинного тифа, далеко не всегда эффективна, а часто вовсе не дает ожидаемых результатов. Необходимы вещества, которые не вызвали бы запаха и не отпугивали от приманки вкусовыми качествами. Среди антибиотиков, как показывают наши исследования, имеется немало таких веществ. Разработка методов применения антибиотиков-токсинов является актуальной задачей микробиологов, токсикологов, эпидемиологов.

Изложенные здесь вопросы использования антибиотиков в различных областях народного хозяйства и в деле обороны требуют в каждом случае конкретного разрешения. На основе установленного принципа межвидового антагонизма и его специфики следует развернуть широкие исследования по изысканию и изучению новых антибиотиков и разработке методов их применения в указанных разделах.

Чтобы обеспечить все эти разделы работ и не слишком отставать от Америки и её блока, необходимо в Советском Союзе коренным образом изменить всю систему

научно-исследовательской работы, увеличить объем работ, усилить лаборатории специалистами, объединить их между собой, оснастить лаборатории надлежащим оборудованием и аппаратурой, предоставить соответствующую базу с полупроизводственными установками. Возродить или реорганизовать и активизировать работу комиссии по антибиотикам Академии наук СССР с тем, чтобы она более активно, по-настоящему, руководила и направляла научно-исследовательскую работу в Советском Союзе и, в первую очередь, в Академии наук СССР и Академиях наук союзных республик.

Член-корреспондент АН СССР — *Н. А. Красильников*
30. XII. 52 г.

К обзору приложено сопроводительное письмо Главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика А. В. Топчиева (Л. 111)

Подлинник.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 277. Л. 111—116.

5-

Современное состояние и перспективы изучения антибиотиков

Член-корреспондент АН СССР Александр Степанович Хохлов (1916—1997), химик-органик, с 1946 года, будучи аспирантом М. М. Шемякина в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР, работал в области пептидной химии, главным образом, химии антибиотиков и биологически активных пептидов. В составе советских делегаций и индивидуально объехал многие лаборатории мира, специализировавшиеся в этой области, многократно выступал на крупных международных конференциях, знал лично многих ведущих специалистов. Известен как автор ряда противоопухолевых антибиотиков. Публикуемый ниже текст его лекции, прочитанной на Международном семинаре «Химия и здоровье» в Любляне, датирован 1984 годом, что выходит за хронологические рамки публикуемой нами статьи. Однако взгляд ученого, стоявшего у истоков отечественной синтетической химии антибиотиков, на состояние этой отрасли биоорганической химии интересен и имеет отношение к теме статьи. Отметим также, что советские ученые, работавшие в этой области, пользовались преимуществом в предоставлении возможностей международных контактов, что свидетельствует о признаваемой руководством страны важности проблемы. Хохлов за период с 1958 по 1988 год выехал 74 раза в 29 различных стран мира. Текст лекции воспроизводится по экземпляру, сохраненному в архиве семьи А. С. Хохлова:

Глубокоуважаемый председатель, дамы и господа!

Я очень благодарен организаторам этого семинара за лестное приглашение принять в нем участие и прочесть пленарную лекцию. Я выбрал в качестве ее темы «*Современное состояние и перспективы изучения антибиотиков*» по ряду причин.

Во-первых, я полагаю, что выдающиеся успехи последнего времени в этой области, с одной стороны, очень радуют и вселяют большие надежды на будущее, а, с другой стороны, они чреваты серьезными осложнениями, которые нужно ясно осознать и искать меры их преодоления. В то же время мне кажется, что изучение антибиотиков, в том числе противораковых, является ярким примером удачного комплексирования усилий ученых разных специальностей (микробиологов, химиков, фармакологов, технологов, инженеров, врачей и др.) для решения сложных проблем, стоящих перед человечеством.

Третья причина и, говоря откровенно, далеко не последняя, заключается в том, что я уже более, чем 40 лет работаю в различных разделах этой широкой тематики.

На мою долю выпало большое счастье видеть, что мне и моим сотрудникам удалось сделать кое-что полезное для борьбы с некоторыми недугами людей. Поэтому я позволю в последующем тексте использовать несколько примеров из собственных работ, т. к. в принципе убежден, что ученый всегда наиболее интересно и компетентно говорит о своих исследованиях.

Общепринято считать, что после Второй мировой войны человечество вступило в эпоху новой научно-технической революции, может быть, самой глубокой за всю историю. В периодической печати, в научно-популярных книгах, а иногда в специальных монографиях нашему времени дают разные яркие определения: век атомной энергии, космическая эра, эпоха компьютеров, время полимеров и т. д. Я не люблю подобных афористических определений, но должен признать, что в каждом из них отражена какая-то важная сторона нашей действительности. Поэтому определенный интерес представляет, что такие выдающиеся ученые как лауреаты Нобелевской премии Ваксман и Чейн, а также автор одной из самых полных монографий об антибиотиках Курилович и другие нередко использовали термин «Эра антибиотиков».

Они полагали, что открытие и широкое использование антибиотиков уже оказало на судьбы человечества значительно большее влияние, чем изобретения и открытия в других областях. Эта точка зрения, конечно, дискуссионная и, я бы сказал, схоластична, так как выделить в чистом виде одно это явление из совокупности многих одновременно протекающих процессов невозможно. Все же можно напомнить, что один из крупнейших врачей-мыслителей нашего времени Ганс Селье в книге «*In vitro*» сказал: «Одной из наиболее важных вех в истории медицинских исследований, наблюдением, которое, наверно, спасло больше жизней, чем какое бы то ни было другое, было открытие антибиотиков». Действительно, на наших глазах произошли удивительные изменения в одном из самых решающих показателей жизни человека — в ее продолжительности¹⁹:

Смертность в СССР и Японии (на 100 000 жителей)

	СССР	Япония
1940	1800	—
1947	1320	1457
1950	970	1088
1955	—	776
1960	710	756
1965	730	712
1970	820	826

Рост ожидаемой продолжительности жизни в Японии (в годах)

	мужчины	женщины
1945	21,9	37,5
1950	55,6	37,5
1955	63,9	68,4
1960	65,3	70,3
1966	68,35	73,6

Как вы можете видеть, в двух больших странах, взятых в качестве примера, — в СССР и Японии — за короткий период порядка 30–40 лет смертность снизилась

почти в два раза, а ожидаемая продолжительность жизни увеличилась более чем на 35 лет. Конечно, не одно лишь применение антибиотиков было тому причиной. Нужно учитывать (в особенности для нашей страны) громадные успехи в социально-экономических аспектах, в улучшении условий труда и быта и т. д. Эти факторы, возможно, играли меньшую роль в Японии, но и там социально-экономические, санитарно-гигиенические и другие изменения имели определенное значение. Тем не менее, анализ конкретных причин смертности показывает, что продолжительность жизни выросла, главным, образом за счет снижения смертности от инфекционных заболеваний:

Смертность детей до года в СССР (на 100 000)

1940	1950	1960	1965	1970
181,5	80,7	35,5	27,2	24,5

В нашей стране особенно резко снизилась смертность детей до 1 года — более чем в 7 раз. В СССР, а в меньшей степени в Японии, снизилась смертность взрослых от туберкулеза, пневмонии, дизентерии, энтеритов и других инфекционных заболеваний:

Основные причины смертности в Японии на 100 000 человек населения

	1947	1950	1955	1960	1965
Туберкулез	187	146	62	34	22
Воспаление легких и бронхит	174	93	48	49	37
Дизентерия и энтериты	142,4	79,5	38,5	23,4	13,2
Другие инфекционные заболевания	146,8	98,9	33,6	27,4	20,6
Сердечно-сосудистые заболевания	189	192	197	234	251
Рак	68	77	87	100	108
Несчастные случаи, убийства и самоубийства	66,7	61,9	62,5	64,8	56,5

В СССР и некоторых других странах практически полностью ликвидирована смертность от таких ранее страшных болезней как брюшной тиф, коклюш, дифтерия, пневмония и др.

Следует отметить, что антибиотики оказали огромное влияние и на лечение ряда неинфекционных заболеваний, хотя здесь их роль проследить труднее. Так, антибиотики имеют важнейшее значение для прогресса в лечении многих сердечно-сосудистых заболеваний, в том числе для решения вопросов хирургии сердца и сосудов, трансплантации органов, лечении ревматологических больных. Если бы не антибиотики, все эти заболевания протекли бы много тяжелее. <...> Антибиотики играют большую роль в изготовлении вакцин и других средств иммунной защиты. Практически ни одна область медицины в настоящее время не может обойтись без применения антибиотиков. Как недавно сказал один из ведущих хирургов нашей страны академик Петровский²⁰, «проблема антибиотиков захватывает все сферы деятельности человека, потому что нет такого человека, который не соприкасался бы сегодня, особенно в развитых странах, с антибиотиками».

Резкое снижение смертности детей и лиц старшего возраста привело к глубоким социальным последствиям (не все из них, возможно, принято считать положительными) — резко возрос прирост населения, и тем самым усилилась опасность перенаселения, изменилась возрастная структура общества — заметно увеличился процент лиц старшего возраста, например, в нашей стране за период с 1959 по 1970 год общая численность населения выросла на 16%, а количество населения старше 60 лет на 45%. В ряде случаев изменился сам характер лечебного процесса — многие болезни стали протекать значительно легче, их удается лечить в домашних условиях, что имеет как положительные, так и отрицательные следствия. Резкое увеличение среднего возраста населения привело к повышению роли сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественных опухолей и других болезней пожилого возраста.

После этого краткого введения, в котором я попытался проиллюстрировать некоторые социальные следствия внедрения в повседневную жизнь антибиотиков, позвольте более подробно остановиться на их изучении. Прежде всего, я хочу рассказать о значении исследований по химии, некоторых из них, и о тех проблемах, которые сейчас стоят перед нами.

Термин «антибиотик» не очень четкий и имеет много толкований. Проще всего «антибиотик» определять как вещество, образуемое одним микроорганизмом, и угнетающее другие микроорганизмы. Это определение не совсем точно, но для неспециалиста достаточно. С практической точки зрения очень близки подлинным природным антибиотикам так называемые «полусинтетические» антибиотики, т. е. вещества, полученные из природных антибиотиков путем их химической модификации. По действию, применению в медицине и практической значимости аналогичны антибиотикам также многие синтетические антимикробные препараты.

В настоящее время открыто и с разной степенью подробности изучено около 4500 антибиотиков, причем более 100 из них нашли большее или меньшее практическое применение, и выпускаются промышленностью в значительных количествах. Открытие антибиотиков и быстрый рост потребности общества в больших количествах этих веществ привел к созданию нового типа производства — антибиотической промышленности. В ней причудливо сочетаются микробиологические процессы выращивания специально селекционированных штаммов микроорганизмов и тонкие процессы химической очистки веществ. Так, производство малоустойчивых пенициллинов потребовало длительного изучения и создания специальной новой аппаратуры. Все процессы производства антибиотиков должны протекать в условиях строгой стерильности. Еще более сложным переплетением микробиологических, ферментативных и химических процессов характеризуется получение полусинтетических антибиотиков.

Первым антибиотиком, нашедшим широкое клиническое применение был пенициллин. Он был открыт Александром Флемингом в 1928 году, но подлинным поворотным пунктом в развитии средств борьбы с инфекционными болезнями явилось обнаружение Флори и его сотрудниками лечебных свойств пенициллина в 1940 — 42 гг.

Открытие лечебного действия пенициллина привлекло большое внимание к природным антимикробным средствам и вслед за пенициллином, обладающим в основном действием на грамположительные бактерии, Ваксманом был найден стрептомицин, главной особенностью которого является высокая антитуберкулезная активность. Применение стрептомицина открыло новую страницу в лечении туберкулеза. Хотя позднее были открыты другие противотуберкулезные антибиотики (циclosерин, канамицин и др.) и синтетические средства, стрептомицин до наших дней сохраняет значение в лечении туберкулеза. Он образуется *Streptomyces*

aureus — микроорганизмом, относящимся к своеобразной группе микроорганизмов — к актиномицетам. Открытие стрептомицина привлекло к ним пристальное внимание, и многие ученые начали ими заниматься. Актиномицеты щедро заплатили за проявленное внимание. В короткое время из продуктов их жизнедеятельности было выделено более 3 000 необычных по строению и биологическому действию антибиотиков. Из них, прежде всего, следует упомянуть хлорамфеникол и тетрациклины, которые оказались первыми практически применимыми антибиотиками широкого спектра действия. Они сильно подавляют не только грамположительные, но и грамотрицательные бактерии, а также еще более мелкие внутриклеточные микроорганизмы — риккетсии, к которым относятся возбудители ряда тяжелых болезней человека — сыпного тифа, цулугамуши и других. Введение антибиотиков широкого спектра действия вызвало прогресс в лечении также ряда опаснейших заболеваний желудочно-кишечного тракта (брюшной тиф, дизентерия), а также коклюша, бруцеллеза и многих других.

Открытие каждого нового антибиотика сопровождалось громадной работой по его разностороннему изучению. Исследовались как его различные свойства (растворимость, устойчивость, антибактериальная активность, токсичность, фармакологические особенности), так и его строение, способы его химического синтеза и зависимость его биологических свойств от строения. Для нескольких важных антибиотиков, например, для хлорамфеникола и циклосерина, удалось быстро разработать удобные способы химического синтеза. Поэтому указанные природные антибиотики стало более выгодно получать химическим путем, без участия продуцирующих их микроорганизмов. Эти антибиотики стали продуктами химической промышленности.

После открытия ряда перечисленных антибиотиков у некоторых врачей и широкого круга специалистов стало создаваться впечатление решающих успехов в лечении инфекционных заболеваний антибиотиками. Однако вскоре стали замечаться признаки, показывающие, что в борьбе с инфекционными заболеваниями далеко не все благополучно. Во-первых, выяснилось, что плохо контролируемое использование антибиотиков, в особенности их применение в домашних условиях без достаточного медицинского контроля ведет к ряду очень опасных следствий. Так, было обнаружено, что при неконтролируемом применении антибиотиков широкого спектра действия, когда резко уменьшается бактериальная флора, быстро развиваются и становятся опасными некоторые дрожжевые микроорганизмы, которые до введения антибиотиков мирно сосуществовали в организме человека, например, *Candida albicans*. С этой опасностью удалось справиться сравнительно легко. Были найдены (и опять-таки среди продуктов жизнедеятельности актиномицетов) новые малотоксичные антибиотики со специфическим антифунгальным действием, в частности, нистатин. Вскоре было обнаружено, что на другие болезнетворные грибы очень сильно действует относительно давно открытый гризеофульвин.

Вторая опасность оказалась значительно более серьезной и сильно повлияла на общую оценку полезности антибиотиков. Было обнаружено, что хотя антибиотики, в особенности, пенициллины, малотоксичны, все же в небольшом числе случаев они вызывают тяжелые аллергические реакции. По мере расширения применения антибиотиков росло число лиц, у которых их применение сопровождается сильным побочным действием. Как это свойственно человеку, произошло резкое изменение общественного мнения — маятник качнулся в противоположную сторону. Безудержное некритическое восхваление антибиотиков внезапно сменилось безудержным некритическим их охаиванием. Стали раздаваться голоса о якобы крайней опасности антибиотиков, о нежелательности их применения, даже о полном

отказе от них. Конечно, серьезные ученые никогда не считали антибиотики абсолютно безопасными средствами, которые могут применяться бесконтрольно во всех случаях. С другой стороны, нет веских оснований и для отказа от их применения тогда, когда они действенны. Применение антибиотиков позволило спасти миллионы людей и продолжает по-прежнему спасать миллионы.

Однако наиболее трудным вопросом в применении антибиотиков является все более частое обнаружение патогенных микроорганизмов, устойчивых к действию антибиотиков. Опять-таки ничего принципиально неожиданного в этом явлении нет — любые живые организмы, а микроорганизмы в особенности, быстро эволюционируют. В случае микроорганизмов, когда мы одновременно имеем дело с популяциями, содержащими многие миллиарды миллиардов особей, среди них всегда есть менее и более устойчивые к действию каких-либо средств. Естественно, что более чувствительные гибнут раньше, более резистентные — более поздно. Таким образом, при обычном ходе лечения всегда будет происходить постепенный медленный отбор более устойчивых форм. Это еще полбеды. Однако в последнее время обнаружилось более тревожное явление. Оказалось, что устойчивость к антибиотикам связана с особыми относительно небольшими нуклеотидными молекулами, так называемыми плазмидами. Плазмиды могут внедряться в наследственный аппарат бактерий и делать их устойчивыми к химиотерапевтическому препарату. В этом случае устойчивость повышается не постепенно, а одномоментно и очень резко. При этом устойчивость может передаваться не только к новым клеткам данного вида, но и другого вида. Более того, может передаваться устойчивость сразу к нескольким антибиотикам.

Устойчивость к антибиотику может быть обусловлена разными причинами. В некоторых случаях у измененных форм меняется характер клеточной стенки, так что резко замедляется проникновение препарата во внутрь микробной клетки. В других случаях, устойчивость измененного микроорганизма зависит от появления у него особых ферментов, способных инактивировать антибиотик. Так, в случае пенициллинов наиболее обычным путем их инактивации является расщепление определенной связи под влиянием специального фермента *b*-лактамазы. У других антибиотиков инактивация происходит путем энзиматического присоединения к определенным местам молекулы каких-либо остатков (фосфорилирование, аденилирование и т. д.) или путем других химических реакций.

Увеличение процента встречающихся устойчивых штаммов микроорганизмов заставляет вести непрерывный интенсивный поиск все новых антибиотиков с другим механизмом действия.

Открытие нового ценного антибиотика оказывается с каждым годом все более трудным делом. Поэтому наряду с изысканием в природе используется другой путь получения новых препаратов. Это путь частичной модификации уже известного природного антибиотика. В некоторых случаях этот путь привел к очень большим успехам.

<...> Пенициллины имеют своеобразное строение — все они содержат бициклическую систему, состоящую из пятичленного серосодержащего и четырехчленного *b*-лактамого циклов. Последний очень неустойчив и легко расщепляется, что приводит к инактивации молекулы. Именно эту связь атакуют ферменты, расщепляющие пенициллины у устойчивых к нему микроорганизмов. Такова общая часть пенициллинов. Все пенициллины различаются строением их боковой цепи. Наиболее старый широко применяемый природный пенициллин — бензолпенициллин — имеет в этом положении остаток фенилуксусной кислоты. Он очень активен против грамположительных бактерий, и именно его применение вызвало подлинную революцию в лечении ряда распространенных болезней. Однако он обладает

рядом недостатков. Так, он очень неустойчив в кислой среде, вследствие чего быстро инактивируется в желудке (где, как известно, очень кислая среда). Поэтому его не удается применять перорально. Этот недостаток удалось преодолеть путем изменения условий микробиологического образования, позволивших направить биосинтез в сторону образования нового вида пенициллина — феноксиметилпенициллина. Последний, несмотря на очень небольшое изменение строения (он имеет дополнительный атом кислорода в боковой цепи), оказался примерно в 100 раз устойчивее бензолпенициллина к действию кислот. Это позволило применять его перорально. Однако феноксиметилпенициллин столь же легко расщепляется специфическими ферментами, как и бензолпенициллин. Этот недостаток двух упомянутых пенициллинов удалось преодолеть путем получения новых так называемых полусинтетических пенициллинов. Были найдены способы отщепления боковой цепи пенициллинов. Наиболее удобно это делать действием другого фермента — пенициллинамидазы, образуемого некоторыми бактериями. Полученное промежуточное вещество — 6-аминопенициллиновая кислота — может быть легко превращено в громадное множество новых полусинтетических пенициллинов. Ориентировочно уже получено и изучено более 20 тысяч различных полусинтетических пенициллинов, из которых около 30 нашли практическое применение.

Одним из первых из них оказался метициллин <...>. Это вещество в отличие от бензолпенициллина и феноксиметилпенициллина обладает большей резистентностью к действию β -лактамаз и потому успешно подавляет устойчивые штаммы бактерий, образующие этот фермент. Однако все пенициллины были сходны в одном, но, пожалуй, самом главном свойстве — все они обладали очень похожим характером антибактериального действия — они сильно подавляли грамположительные бактерии, но были практически неактивны против грамотрицательных организмов. Этот недостаток также удалось преодолеть — последовательно были получены и затем исследованы многочисленные новые полусинтетические пенициллины, отличающиеся строением все той же боковой цепи. <...> Удалось получить полусинтетические пенициллины, обладающие сильным действием на грамотрицательные бактерии. Эти препараты уже нашли широкое практическое применение и фактически вытеснили старые пенициллины.

Процесс создания новых полусинтетических пенициллинов успешно продолжается. Названные полусинтетические пенициллины, сильно подавляя многие грамотрицательные бактерии, все же слабо действовали на большинство штаммов *Pseudomonas aureginisa* и на грамотрицательные анаэробные бактерии, в частности, на *Bacteroides fragilis*. Чтобы решить проблему борьбы с этими микроорганизмами на основе упомянутого полусинтетического пенициллина — ампициллина — был получен ряд еще более новых пенициллинов <...>. Эти новейшие препараты, сравнительно слабо действуя на кишечную палочку, успешно угнетают подавляющее большинство клинических штаммов *Pseudomonas* и *Bacteroides*.

Можно надеяться на получение новых препаратов путем других модификаций молекулы пенициллина, хотя этим путем практически ценных препаратов еще не найдено.

Так, например, полученные мною с сотрудниками несколько лет назад пенициллины не имели преимуществ перед известными препаратами. Из другого β -лактаманного антибиотика — цефалоспорина удалось получить много ценных препаратов путем его модифицирования по различным положениям. <...> Относительно старые, так сказать «классические» полусинтетические цефалоспорины, все еще успешно используются. Наиболее интересным оказался препарат, полученный путем одновременной модификации по двум положениям.

По этому принципу (двойной модификации) получен целый ряд еще более новых полусинтетических цефалоспоринов, которые подавляют многие грамотрицательные бактерии и устойчивы к действию различных β -лактамаз.

Следует отметить, что яркие успехи в создании полусинтетических пенициллинов и цефалоспоринов достигнуты в основном крайне трудоемким, чисто эмпирическим путем. Чтобы отобрать 20–30 превосходных новых препаратов, пришлось синтезировать и изучить в тысячу раз больше аналогов. Никакой научно обоснованной общей теории создания новых аналогов не найдено.

Иное положение сложилось в другой большой и важной группе антибиотиков — в аминогликозидах, в которую входят многие клинически ценные соединения: стрептомицин, неомидин, канамицин, сизомицин, гентамицин и многие другие. Здесь также удалось создать ряд ценных препаратов, но несколько иным путем, который я позволю себе показать на примере модификаций противотуберкулезного антибиотика канамицина «В». <...>

Канамицин успешно используется в медицине, но в клинической практике встречается довольно много устойчивых к нему штаммов. Их изучение показало, что устойчивость к канамицину связана у них со способностью инактивировать антибиотик путем энзиматического присоединения в определенные положения молекулы остатков фосфата, аденина, ацетата или иных групп. <...> Естественно возникла идея так изменить молекулу природного антибиотика, чтобы исключить эти возможности. Эту идею удалось успешно выполнить. С одной стороны, путем модифицирования природных антибиотиков или полного синтеза удалось получить ряд аналогов канамицина, лишенных гидроксильных групп в атакуемых положениях. С другой стороны, у различных актиномицетов были обнаружены новые похожие на канамицин антибиотики, не имеющие подобных уязвимых оксигрупп. Многие из таких дезоксианалогов канамицина оказались способными подавлять канамицин-резистентные бактерии. Подобный путь изыскания новых более эффективных антибиотиков представляется очень перспективным.

<...> Наиболее распространенные антибиотики, которые условно разделены на две группы — те, которые сейчас используются в основном в качестве полусинтетических и других аналогов, и те, которые используются в основном как таковые. Во вторую группу входят, как правило, вещества сложного строения, но для хлорамфеникола было получено и подробно изучено большое число аналогов, из которых ни один, однако, не вошел в широкую медицинскую практику.

Из-за ограниченности времени я не могу говорить о всех важных и интересных соединениях. Однако, поскольку вопросы борьбы со злокачественными опухолями всегда вызывают большой интерес, я позволю кратко остановиться на двух группах антибиотиков <...> — это блеомицины и антрациклиноны. Однако необходимо учитывать, что исчерпывающую оценку их значения в терапии рака дать сегодня трудно, так как они сравнительно недавно используются в клинике. Обычно для более или менее полной объективной оценки противоракового препарата нужно не менее 15 лет клинических наблюдений. В качестве примера я могу упомянуть, что синтезированный мною с сотрудниками 30 лет назад препарат сарколизин надежно зарекомендовал себя как сильное средство лечения саркомы и ее метастазов, миелоидной болезни, саркомы Юинга и некоторых других злокачественных опухолей, так как наблюдается в клинике более 25 лет. Уже известны многие сотни больных, практически здоровых после того как 15–20 лет назад они прошли лечение сарколизином.

На фотографиях, переснятых с опубликованной в 1976 году монографии, изображен один и тот же человек. На первом снимке (1954 г.) он в неоперабельном

состоянии из-за сильных метастазов семиномы. На втором — после проведенного курса лечения сарколизином — метастазы исчезли. На третьей фотографии он же через 10 лет, а на четвертой в 1974 г., через 20 лет после лечения. Рецидива не было — произошло излечение. Таких случаев известны уже многие сотни, может быть, тысячи.

Естественно, подобных результатов при лечении аналогами блеомицина и антрациклинонами еще не накоплено, но нет сомнения в успешности лечения некоторых злокачественных опухолей. Можно надеяться, что в ближайшие годы химиотерапия рака достигнет значительных успехов, хотя принципиальные трудности изыскания противораковых средств много больше, чем антимикробных. При изыскании антимикробных средств можно в принципе рассчитывать найти вещество, которое действует на биохимические процессы, которые важны для микроорганизма, но не играют большой роли в жизни теплокровных животных и человека. Другой возможностью является избирательное подавление процесса, который хотя важен и для микроорганизма, и для человека, но осуществляется по-разному. Примерами веществ первого типа являются пенициллины и цефалоспорины, подавляющие образование клеточной стенки бактерий. У человека клеточные стенки построены совершенно иначе, поэтому пенициллины в принципе нетоксичны для человека, а нежелательные симптомы, иногда наблюдаемые при использовании этих антибиотиков, не связаны с их механизмом действия. Вполне разумно ожидать, что удастся найти такой аналог пенициллина, который полностью сохранит антибактериальную активность, но будет в то же время совершенно нетоксичным для человека.

Второй пример. Антибиотики эритромицин, стрептомицин и ряд других подавляют процессы биосинтеза белка в организме. Эти процессы жизненно важны для развития всех организмов. Однако имеются достаточно выраженные различия в строении тех внутриклеточных органелл (рибосом), в которых протекают эти процессы. Рибосомы бактерий и других прокариотов имеют малые размеры (их коэффициенты седиментации 70 S они состоят из двух субъединиц соответственно 30 S и 50 S), а у человека они больше — их коэффициент седиментации 80 S (состоят они также из более крупных субъединиц, соответственно 40 S и 60 S). Упомянутые антибиотики специфически реагируют только с бактериальными рибосомами и подавляют биосинтез белка. Напротив, эти вещества не реагируют с рибосомами человека, процесс биосинтеза белка в организме человека практически не подавляют и поэтому малотоксичны для человека.

Принципиально много сложнее изыскание противоопухолевых веществ. Злокачественная опухоль не является отличным от человека чужеродным организмом. Она развивается в теле человека, и пока еще не найден биохимический процесс, протекающий принципиально иначе в злокачественной опухоли, чем в остальном организме. Обнаружены существенные количественные различия, прежде всего в интенсивности процессов пролиферации (размножения) клеток. В опухолях эти процессы идут очень быстро, тогда как в организме взрослого человека они, как правило, идут медленно, за исключением, пожалуй, процессов кроветворения. Поэтому большинство известных в настоящее время противоопухолевых веществ являются веществами, подавляющими процессы пролиферации и убивающими быстро пролиферирующие клетки. Как правило, противоопухолевые средства обладают высокой токсичностью для человека, сильно поражая органы кроветворения (костный мозг, селезенку и др.). Правда, уже имеются наблюдения, позволяющие надеяться, что можно найти противоопухолевые вещества другого, более избирательного действия.

Вторая трудность изыскания противораковых средств имеет методический характер. Когда мы находим новый антибактериальный антибиотик, уже опыты *in vitro*

показывают, на какие бактерии он действует, на какие не действует. Затем эти выводы уточняются в химиотерапевтических опытах на животных — мышках, крысах или морских свинок. Эти экспериментальные модели довольно хорошо имитируют инфекционное заболевание человека. Таким образом, до начала клинических испытаний мы имеем основания определить, при каких заболеваниях следует испытывать новый антибиотик. Иначе обстоит дело в случае изыскания противоракового средства. Практически нет быстрых и надежных методов испытания противоопухолевой активности и *in vitro*. Обычно ведется испытание на подопытных животных с перевитой опухолью. Однако эта модель (перививная опухоль) неадекватна рсальной опухоли человека. Перевивная опухоль взята от другого животного уже как злокачественная клетка или ткань, пересажена в данный организм, где она не возникает, а растет. Далее. Если мы выяснили, что новый препарат успешно лечит, например веретенноклеточную перевивную саркому у крыс, этот результат не может служить достаточно надежным указанием, что препарат будет лечить человека, имеющего веретенноклеточную саркому. Напротив, он может оказаться активным при другом типе опухоли.

Однако, несмотря на все трудности, химиотерапия опухолей вполне возможна. Более того, уже имеются средства, позволяющие на многие годы подавлять (а может быть вообще уничтожать) злокачественные опухоли. Я уже кратко рассказал о сарколизине.

Открытый и подробно изученный японскими учеными антибиотик блеомицин специфически накапливается в эпителиальных клетках, поэтому он дает хорошие результаты при лечении некоторых форм эпителиального рака (в частности, рака Котти, рака полового члена, рака гортани и др.). Например, при лечении рака гортани в Институте онкологии в Москве в ряде случаев наблюдалась полная регрессия опухоли, при чем больные не имели рецидива и метастазов в течение 10–12 месяцев. Можно привести еще немало примеров успешной химиотерапии опухолей. Получено большое число его аналогов.

Различные актиномицеты образуют несколько сходно построенных антибиотиков-антрациклинов (даунорубин, адриамицин, карминомицин), используемых в настоящее время (правда, с довольно ограниченным успехом) при лечении некоторых форм лейкемии, и метастазов нейробластомы, лимфосаркомы и рабдомиосаркомы.

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что в изыскании и изучении антимикробных антибиотиков за последние годы достигнуты большие успехи. Несомненные, хотя и менее впечатляющие положительные результаты получены и в области создания противораковых средств. Однако достигнутые успехи ни в коей мере не означают, что работа по изысканию новых антимикробных и противораковых средств может приостановиться или замедлиться. Напротив, сейчас ясно, что она требует дальнейшего усиленного развития. Существует целый ряд групп патогенных микроорганизмов, против которых еще нет действенных и достаточно безопасных средств борьбы. Все время идет отбор (а частично и образование) штаммов микроорганизмов, устойчивых к известным антимикробным средствам.

Пока, по сути дела, нет безопасных специфических противораковых препаратов. Все это требует непрекращающегося поиска новых препаратов.

(Вопрос из аудитории: «Некоторые полученные новые методы поиска новых антибиотиков могут быть использованы в будущем?»)

В первую очередь останутся, конечно, уже хорошо апробированные методы, а именно изыскание в природе и создание полусинтетических аналогов, но и здесь можно ожидать новых подходов. Так, при изыскании в природе можно предпола-

гать значительное расширение круга изучаемых продуцентов, а также более широкого использования новых моделей. При создании новых полусинтетических антибиотиков несомненно произойдет значительное расширение исследований на основе новых и ранее известных антибиотиков, не находящихся применения в медицине. При этом большее развитие получают работы по созданию аналогов на основе предварительного глубокого изучения причин биологической инактивации, механизма антимикробного действия и закономерностей взаимодействия с клеточными рецепторами. Возрастет использование вычислительной техники, в частности априорного расчета конфигурации намеченного к синтезу вещества (на основе изучения зависимости биологических свойств от стереохимических особенностей молекулы).

В ближайшее время, как мне кажется, широкое развитие помимо изучения антибиотиков найдут исследования по другим типам биологически активных веществ микробиологического происхождения — по специфическим ингибиторам ферментов типа пепстатина, антипаина и др., по веществам, влияющим на иммунологические реакции организма и по ауторегуляторам развития бактерий и грибов. В зарождении и развитии последнего раздела активное участие принимала моя лаборатория, где был открыт и подробно изучен ряд регуляторов актиномицетов (в частности, А-фактор и его аналоги). Это большая отдельная тема, о которой я, возможно, расскажу в специальной лекции.

История изучения антибиотиков и противораковых средств представляет собой яркий пример широкой международной кооперации в решении сложных задач, стоящих перед человечеством. Около ста лет назад замечательный французский поэт Шарль Бодлер в проникновенном стихотворении «*Маяки*» создал яркий образ развития художественной культуры как цепи маяков, освещающих пути человечества.

Чем шире международное сотрудничество ученых в решении стоящих перед человечеством проблем, чем больше мы будем работать вместе, тем светлее будет наше будущее. Человечество способно решать самые сложные проблемы, стоящие перед ним!

Разрешите закончить мою лекцию на этой оптимистической ноте.

Благодарю за внимание и терпение.

Примечания

¹ См. статью Е. С. Левиной «*Страницы истории отечественных антибиотиков 1940—1950-х годов.: наука, производство, политика*» в данном сборнике (с. 329—360).

² Тимаков В. Д., директор Института эпидемиологии и микробиологии НКЗ СССР.

³ Катковский С. Б., заместитель начальника Отдела органопрепаратов ГУ Медицинской и фармакологической промышленности НКЗ СССР.

⁴ Бородин Н. М., доктор биологических наук, будущий директор сформировавшегося Всесоюзного научно-исследовательского института пенициллина НКЗ СССР,

⁵ В тексте стенограммы подчеркнуто карандашом.

⁶ Натрадзе А. Г., заместитель министра медицинской промышленности

⁷ Фремель И. С., профессор.

⁸ Белозерский А. Н., профессор МГУ, зав. лабораторией Института биологической химии АН СССР.

⁹ Раутенштейн Я. Н., сотрудник Института микробиологии АН СССР, ученый секретарь Комиссии по антибиотикам АН СССР.

¹⁰ Академик Л. С. Штерн, директор Института физиологии АН СССР.

¹¹ Стрелков П. Г., сотрудник Института физических проблем АН СССР.

¹² Гаузе Г. Ф., профессор МГУ, зав. лабораторией Института медицинской паразитологии и тропической медицины.

¹³ Любопытная подробность, неизвестная обсуждавшим в Москве в 1947 проблему оптимизации питательных сред, остававшаяся актуальной на всем протяжении истории пенициллинового производства, была описана участниками семинара Центра истории медицины Университетского колледжа в Лондоне, собравшимися в год 50-летия начала эры антибиотиков (Post Penicilline Antibiotics: From Acceptance to resistance? // Wellcome Witsnesse to Twentieth Century Medicine. 1994. V. 6. / Ed E. M. Tansey, L. A. Reynolds). Знакомившиеся с производством пенициллина в 1945 в США специалисты рассказывали, что использование в составе сред кукурузного экстракта было волевым решением доктора Майера (Moayer), яркого изоляциониста, настроенного анти-английски, который предложил полагающийся по английской прописи импортный дрожжевой экстракт заменить отечественным *corn streep* 'ом...

¹⁴ Автобиография написана по возвращении из годичной командировки в Англию.

¹⁵ Здесь и далее сохранена авторская транскрипция имен собственных.

¹⁶ Германия долгое время не имела своих антибиотиков. В годы войны союзники, опасаясь утечки информации о производстве антибиотиков в США и Англии, обеспечили соблюдение секретности. Первые немецкие коммерческие препараты были произведены фирмой Байер (ФРГ) в 1957 и фирмой Йена-Фарм в 1959.

¹⁷ Имеется в виду Всесоюзный научно-исследовательский институт пенициллина и других антибиотиков, позднее — ВНИИА МЗ СССР.

¹⁸ Научно-исследовательский химико-фармацевтический институт им. С. Орджоникидзе.

¹⁹ Лекция прочитана на семинаре, организованном в рамках сотрудничества стран СЭВ. Выбор данных для иллюстрации (по справочнику ВОЗ) автором доклада не оговорен, полагаем, автор избегал стран, участников семинара, исключая СССР. Другие иллюстрации (структуры изученных антибиотиков), в настоящей публикации не приведены.

²⁰ Петровский Б. В., президент АМН СССР, кардиолог.

ДОКУМЕНТЫ О ПРИСУЖДЕНИИ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ ЗА РАЗРАБОТКУ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ПЕНИЦИЛЛИНА*

Составление, вступительная статья и комментарии Е. С. Левина

Documents of a history of award of the Stalin premium for development of the «know-how» of penicillin. Drawing up, introductory article and comments by E. S. Levina.

Известность выдающегося русского врача-микробиолога Зинаиды Виссарионовны Ермольевой в обывденном сознании связана, прежде всего, с созданием отечественного пенициллина — первого из вошедших в широкую медицинскую практику в мире природных антибиотиков. Ученому с мировым именем, теоретику и практику антибиотикотерапии, Ермольевой довелось работать в труднейшие для российской науки годы между Гражданской и Великой Отечественной войнами, на фронтах последней и в послевоенные годы восстановления страны. Профессиональное научное сообщество высоко оценило ее талант и вклад в медицинскую науку. Она была представлена в действительные члены АМН СССР в марте 1945 года классиком русской микробиологии и иммунологии Н. Ф. Гамалея с персональной поддержкой В. А. Энгельгардта, А. Н. Баха, Н. И. Гращенко и Н. Н. Бурденко и коллективной — ученых советов ЦГКНИ вакцин и сывороток им. Л. А. Тарасевича и Института неврологии АМН СССР, Туркменского Института эпидемиологии и микробиологии и Института малярии и медицинской паразитологии (Москва), но баллотировалась и была избрана членом-корреспондентом. Избрание действительным членом АМН состоялось в 1963 году, по представлению ЦИУ врачей и ВНИИА МЗ СССР, с персональной поддержкой действительных членов АМН СССР Г. П. Руднева, В. Шапошникова. Работа на фронтах Великой Отечественной войны была оценена правительством присуждением ей в марте 1943 года Сталинской премии 1-й степени «*За работу по особо-опасным инфекциям*» (подавление вспышки холеры в осажденном Сталинграде) и в том же году — награждением Орденом Ленина и Орденом «*Знак почета*».

Из автобиографии Зинаиды Виссарионовны, датированной 1946 годом:

«С 1921 по 1925 г. после окончания Донского (Ростов-на-Дону) медицинского института работала в бактериологическом институте, одновременно ассистентом и доцентом кафедры микробиологии в Университете в Ростове-на-Дону. С 1925 г. по настоящее время зав. Отделом биохимии микробов Биохимического института им. А. Н. Баха, затем Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМа), с 1930 по 1933 г. читала курс по микробиологии в МИИПе, с 1936 по 1940 — совмещала в Биохимическом институте АН СССР, Отделением биохимии микробов и иммунитета в ВИЭМе заведовала 19 лет. В 1945 г. отдел реорганизован в Институт биологической профилактики инфекций, где я состою директором».

«Вопреки легенде, — вспоминал М. С. Навашин, ученик Ермольевой, бывший в 1970–80-х годах директором Института, — Зинаида Виссарионовна была директором ВНИИА лишь несколько месяцев. Затем случились довольно странные события, которые еще требуют изучения. Директором Института становится протеже А. И. Микояна Бородин, только что награжденный Орденом Ленина за успехи в руководстве Бакинским мясокомбинатом».

Первые партии отечественного пенициллина были приготовлены руками сотрудников Ермольевой в Отделе биохимии микробов и иммунитета в 1942 году, а в

* Работа выполнена при поддержке Wellcome Trust (2001, Travel Grant) и РФНФ (№01-03-00113а)

1943–44 годах наработкой жидкого пенициллина занималась уже Экспериментально-Производственная Лаборатория Института Биологической профилактики инфекций, превращенного в 1947 году в Институт пенициллина и других антибиотиков МЗ СССР.

Представленные ниже документы 1949–1950-х годов комментировать трудно, они, вероятно, неполны и не раскрывают интриги. Полагаем, что циркулировавший в те годы слух о доносе, оскорбляющем память Зинаиды Виссарионовны, обсуждать не стоит. Можно только отметить, что, вопреки заверениям министра здравоохранения Е. И. Смирнова, фамилия А. П. Гришаковой значилась в списке авторов, который рассматривался Комитетом (документы 6.4 и 6.5.). Рекомендации Орготдела ЦК были выполнены лишь частично: П. Гришакова была исключена из авторского коллектива, но информация о присуждении этой премии была опубликована 2 марта 1950 года газетой «Правда» в общем списке премированных по конкурсу 1949 года в разделе II — «за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы», без упоминания названия лекарственного препарата. Первым в списке значился Барменков А. С., далее — в алфавитном порядке (из сотрудников Ермольевой премирован был только М. М. Левитов). 7 марта газета опубликовала фотографии трех участниц «разработки и внедрения нового медицинского препарата» — научного сотрудника ВНИИА И. Н. Иноземцевой, инженера А. В. Кашинцевой и П. Г. Крысановой.

Что касается предпочтения Бородина З. В. Ермольевой при назначении на должность директора института, это обстоятельство можно объяснить частично соображениями, что энергичный мужчина будет лучше руководить производственным институтом, чем мягкая женщина. К тому же, насколько можно судить по стенограммам выступлений Бородина, он вовсе не производил впечатления, соответствующего характеристике, данной ему А. Г. Натрадзе много лет спустя: ветеринар, «директор колбасного завода и протеже Микояна». Впрочем, решающим аргументом, скорее всего, было членство Бородина в ВКП(б). Его побег — предательство подтверждают ошибочность абсолютного приоритета именно такого довода при назначении советских служащих на руководящие должности, как это было принято в течение многих десятилетий. Отстранение же Ермольевой от авторства в работе, представленной к премированию, не находит не только оправдания, но и какого-то ни было объяснения, кроме банальной интриги. В истории науки З. В. Ермольева остается автором «советского пенициллина».

1.

**Докладная записка Наркому здравоохранения СССР Митереву Г. А.
об опытных партиях пенициллина,
полученных в биохимической лаборатории ВИЭМ (проф. Ермольева З. В.)**

15.3.1944

Народному комиссару здравоохранения
Союза ССР
Тов. Митереву Г. А.

Докладная записка

Отделом Биохимии микробов и Экспериментально-производственной Лабораторией ВИЭМ разрабатываются вопросы по изучению антибактериального биологического агента пенициллина.

Отделом Биохимии Микробов ВИЭМ выделен активный штамм *Penicillium crustosum*.

Получен нативный пенициллин с активностью 30—40 ед. в одном кубическом сантиметре.

1. Разработан метод получения пенициллина в очищенном виде с активностью, превышающей активность исходного пенициллина в 20 раз (в пересчете на сухой вес в 200—300 раз).

2. Получен пенициллин в сухом виде в условиях лабораторного эксперимента методом высушивания в замороженном виде при высоком вакууме.

3. Разработан новый количественный метод определения активности пенициллина (микрочафорец).

4. Разработанный метод получения пенициллина апробирован Ученым Медицинским Советом НКЗ Союза ССР. Метод передается заводу № 13 и фабрике эндокринных препаратов для массового производства пенициллина.

5. На основе разработанных методов Экспериментально-Производственная Лаборатория ВИЭМ выпускает ежемесячно 200—300 литров натурального очищенного пенициллина.

6. Пенициллин ВИЭМ апробирован при следующих заболеваниях: сепсис, септическое состояние, при ожогах и обморожениях 3-й — 4-й степени и раневых гнойных инфекциях, *для профилактики сепсиса и при гонорее.*

7. Пенициллин ВИЭМ с успехом использован в различных эвакогоспиталях:

1) Хирургической клинике и Эвакогоспитале 5004 (проф. Руфанов)

2) Нейрохирургической клинике ВИЭМ (проф. Грашенков)

3) 5-й Советской больницы (проф. Левит, проф. Шлапоборский)

4) Клинике НКПС (проф. Брайцев)

5) Эвакогоспитале 3373 (д-р Коваленко)

6) Эвакогоспитале 4635 (д-р Камбур)

7) Эвакогоспитале 4634 (д-р Потемкина)

8) Терапевтическом отделении Боткинской больницы (проф. Ковен)

9) Детской больнице (проф. Сперанский)

10) Кожно-венерологическом институте (д-р Бенешович и д-р Ляховицкий)

8. Пенициллин ВИЭМ по заключению проф. Руфанова по своим качествам не уступает английскому и американскому, в некоторых отношениях пенициллин ВИЭМ превосходит иностранные препараты, требуя для излечения сепсиса значительно меньшего количества единиц. В настоящее время, помимо вышеуказанного, в Отделении биохимии микроорганизмов ВИЭМ разрабатываются вопросы по изучению пенициллина по следующим разделам:

1) Изучение и культивирование выделенного активного штамма *P. crustosum* на упрощенных и дешевых средах.

2) Получение пенициллина в химически чистом виде для изучения химии препаратов пенициллина и его синтеза (для разработки указанной проблемы помимо химической группы ОБМ ВИЭМ привлечена Лаборатория органической химии проф. Шемякина во главе с акад. Родионовым.

3) Сравнительное изучение биологических и химических свойств грибка и пенициллиновых штаммов отечественных и американского.

4) Всестороннее изучение терапевтического действия пенициллина и широкого применения его в клинике при различных заболеваниях (сифилис, детские инфекции и др.).

5) Изучение механизма действия пенициллина на микробах.

6) Изучение биохимических свойств пенициллиума в связи с образованием пенициллина.

Предложения

1. Организовать производство пенициллина в 2-х месячный срок на заводе № 13 и фабрике эндокринных препаратов.
2. Для расширения работ по пенициллину оснастить ОБМ и Экспериментально-Производственную Лабораторию ВИЭМ необходимым оборудованием, аппаратурой и дополнительной площадью, как для производственных целей, так и для углубленного теоретического изучения пенициллина.
3. Получить разрешение Наркомвнешторга на приобретение импортного оборудования.
4. Для разработки химического производства и синтеза пенициллина желательное привлечь после организации заводского производства академика Зелинского со своей лабораторией.
5. Организовать в конце апреля с. г. конференцию по пенициллину, как по теоретическому изучению, так и по практическому его применению.

Приложения:

1. Отзыв проф. Руфанова о применении пенициллина.
2. Инструкция по применению пенициллина.

Зав. Лабораторией БМ и Экспериментально-Производственной
Лабораторией ВИЭМ Лауреат Сталинской премии проф. *З. Ермольева*¹

Инструкция по применению пенициллина ВИЭМ

Свойства препарата и хранение.

Пенициллин-крустозин ВИЭМ представляет собой стерильный очищенный фильтрат грибка из рода *Penicillium crustosum*, выпускается в виде совершенно прозрачной жидкости, разлитой в ампулы 1 куб. см. Препарат должен содержать не менее 20 ед. действия (Е. Д.). Препарат хранят в темном холодном месте при температуре не выше 5°С.

Показания к применению.

1. Пенициллин ВИЭМ применяется при тяжелых инфекциях, возбудителями которых являются стафилококки, стрептококки, гонококки, пневмококки, менингококки и анаэробные микробы.
2. Пенициллин применяется при сепсисе, септических состояниях, ожогах, отморожениях и при гнойных инфекциях, в частности, в послеоперационном периоде для профилактики сепсиса и анаэробных инфекций.

Дозировка и пути введения.

1. Внутривенное введение по 10 см³ пенициллина каждые 6 час., в тяжелых случаях 1 раз в сутки можно применять внутривенно капельницей 40 см³ пенициллина в 500 см³ физиологического раствора.
2. Внутримышечное введение по 5—10 см³ пенициллина каждые 4—6 час. в течение последующих 4-х дней и каждые 5—8 час. в течение последующих 4—6 дней. В случае неуспеха при одном внутривенном или внутримышечном введении желательно одновременно применять и в вену, и в мышцу. В тяжелых случаях пенициллин вводится дополнительно 3—4 дня.

3. Пенициллин местно применяют в виде:
 - пенициллиновой мази;
 - в смеси с сухим препаратом;
 - раствора пенициллина, который может вводиться в рану через вшитые в рану каучуковые дренажные трубочки каждые 12 час. в течение 4–5 дней; после истечения этого срока трубочки удаляются и рана зашивается наглухо.
4. При менингите желательно, кроме того, эндолюмбальные введения 5 см³ препарата.
5. Можно применять пенициллин, комбинируя с белым стрептоцидом, вводя в вену 40 см³ пенициллина в 1 000 см³ 0,2–0,3 % раствора стрептоцида.
6. При гнойных заболеваниях плевры пенициллин можно применять местно в виде промывания плевры или в виде внутривлебральных инъекций пенициллина 40–60 см³ после эспирации гноя. В обоих случаях местное применение следует сочетать с внутримышечным введением препарата.
7. При гонорее пенициллин применяют внутримышечно по 10 см³ каждые 4–6 час. в течение 4–7 дней.
8. В кожной клинике (при синозе и др.) пенициллин применяют в виде пенициллиновой мази и внутримышечно.
9. В глазной практике пенициллин применяют в виде ванночек и капель 2–3 раза в день².

2.

Отзыв Н. Ф. Гамалеи о научных работах З. В. Ермольевой

Отзыв о научных работах

Имя Лауреата Сталинской премии члена-корреспондента Академии медицинских наук, профессора З. В. Ермольевой широко известно как в советской, так и в зарубежной литературе.

Работы З. В. Ермольевой (свыше 90) посвящены изучению холеры, иммунитета, обмена веществ у микробов и химии бактериолитических агентов, т. н. антибиотиков.

Первые работы З. В. Ермольевой посвящены изучению холерных и холероподобных вибрионов. Ею впервые был выделен светящийся вибрион при азиатской холере. Ермольевой путем героического опыта — проведением через собственный организм и заболевания холерой — было доказано родство некоторых холероподобных вибрионов. Ею были предложены некоторые оригинальные методы для дифференциации различных вибрионов.

Ермольевой в сотрудничестве с Якобсон был выделен в Союзе холерный бактериофаг и впервые же в Союзе с хорошими результатами применен в профилактике холеры.

Результаты многолетних исследований суммированы в монографии проф. Ермольевой «Холера», являющейся пособием для всех медицинских работников. Особое значение приобрели работы проф. Ермольевой в условиях Отечественной войны, т. к. результаты своих теоретических исследований автор широко использовала в практической противозидемической работе, обогатив практику здравоохранения целым рядом ценных, научно-обоснованных методов борьбы с холерой.

Необходимо отметить, что лаборатория проф. Ермольевой является центром исследований, подготовки кадров и главным консультирующим в этой области учреждением для НКЗдрава и Военно-Санитарного Управления КА.

Не менее значимым разделом исследований Ермольевой являются ее работы по бактериолитическим агентам — лизоциму и бактериофагу. Ею подробно во всех отношениях изучен антибактериальный агент лизоцим, найдены методы его выделения и концентрации из разнообразных субстратов, доказана природа и впервые предложено использование его с практической целью.

Ермольевой были найдены новые источники лизоцима: хрен, редька и репа, причем было доказано, что лизоцим из хрена действует и на дифтерийные микробы. На основании химических и физико-химических характеристик была доказана ферментоподобная природа лизоцима. Ею установлена возможность терапевтического действия лизоцима при некоторых болезнях глаз (ползучая язва роговиц, блефаритах); в практике уха, горла и носа (при синуситах) и при заболеваниях у детей диспепсией.

Лизоцим и в настоящее время с успехом применяется в клинике акад. [М. И.] Авербаха при всех операциях с профилактической целью и как средство, консервирующее ткани при пересадке хрусталика и кожи. В некоторых консерваториях и театрах лизоцим используется и сегодня, как наилучшее средство для лечения фарингитов у певцов.

Ермольева установила возможность применения лизоцима и в промышленно-сти, и в сельском хозяйстве. Оказалось возможным консервировать лизоцим(ом) по методам проф. Ермольевой икру красной рыбы и сохранять ее в свежем виде в течение полутора лет без прибавления антисептиков. Ею же установлена возможность использования лизоцима для получения лизоэнзимов из *b. felsmes* для мочки льна. Метод Ермольевой позволяет получать волокно высокого качества в очень короткие сроки.

На последней сельско-хозяйственной выставке демонстрировалось волокно по этому методу. За оба эти метода Ермольева получила авторские свидетельства. Флеминг открыл лизоцим, но он не нашел путей его практического применения. Это было впервые сделано по инициативе проф. Ермольевой не только в медицине, но и в промышленности и сельском хозяйстве.

Ряд работ проф. Ермольевой, посвященных изучению бактериофага, дали солидный экспериментальный материал о природе этого антибактериального агента и механизма его действия.

Ермольевой была установлена возможность получения бактериофага из убитых клеток и доказана возможность пассажа на покоящихся бактериях. Ею же с Беляевой был получен бактериофаг, не содержащий белка и фильтрующихся фагом бактерий, и было доказано, что бактериофаг не обладает обменом веществ ни в аэробных, ни в анаэробных условиях.

Что касается механизма действия бактериофага, то по данным Ермольевой он может превращать вирулентные формы микробов в авирулентные (ее опыты с холерным вибрионом) и, кроме того, может обладать стерилизующим действием в организме (опыты совместно с Якобсон на обезьянах).

Бактериофаг впервые в Советском Союзе был применен проф. Ермольевой для профилактики холеры, детских инфекций. Полученные по инициативе Ермольевой хемофаг и фаголизозим были с успехом применены для лечения раневых инфекций.

Все эти исследования, проведенные на широкой биологической и химической основе, давшие столь много в практике, создали и новое направление в науке, которое можно было бы назвать бактериохимическим.

В этом же направлении шли исследования Ермольевой по химии иммунитета. Ею впервые была доказана антигенная способность таких сравнительно простых

химических соединений, как аминов, выявлена зависимость этого их свойства от их строения и доказано антигенное действие липоидов, дистиллята бактерий и углеводных фракций вибрионов.

Систематическое изучение антибактериальных агентов, проводившееся много лет в лаборатории Ермольевой, привело ее и к работам по пенициллину. Они были начаты тогда, когда в иностранной литературе были опубликованы только первые сообщения, в которых не указывалась ни методика выделения пенициллина, ни другие данные, необходимые для получения этого препарата.

В конце 1942 г. Ермольева независимо от иностранных исследователей выделила в сотрудничестве с Балезиной свой штамм *Penicrust.*, вместе со своими сотрудниками разработала методы их культивирования, получения в очищенном и сухом виде.

Ею совместно с сотрудниками получен штамм и для глубинного брожения, разработаны дешевые среды (из экстракта отрубей и кукурузы). Метод получения пенициллина в сухом виде, разработанный в лаборатории Ермольевой не требует в отличие от заграничных установок³. Благодаря всем этим работам в нашей стране была разработана независимо от американцев технология производства и соответствующее производство организуется сейчас в большом масштабе на ряде заводов (№ 40, Эндокринный завод и др.). Советский пенициллин, выпущенный лабораторией Ермольевой, прошел широчайшую проверку в клиниках академиков [Н. Н.] Бурденко, [Н. И.] Гращенко, [И. Г.] Руфанова, в детских клиниках (акад. [Г. Н.] Сперанского, Доброхотовой) и на фронте.

Бригадой под руководством акад. Бурденко с участием проф. Ермольевой был испытан пенициллин на передовых этапах фронта и было доказано его профилактическое действие при раневых осложнениях.

Пенициллин-крустоцин апробирован и в детской практике, где, как известно, пенициллин до сих пор не применялся за границей. Пенициллин резко снизил смертность при детском сепсисе и дал очень хороший эффект при осложнениях кори, скарлатины и дифтерии. Пенициллин ВИЭМ эффективен также при гонорее и сифилисе. Ермольевой дан оригинальный метод применения пенициллина (внутриносовой) и получена впервые антипенициллаза, не позволяющая разрушать пенициллин ферментами бактерий. Все наши работы проф. З. В. Ермольевой по пенициллину суммированы ею вместе с основными данными зарубежных авторов в специальной монографии.

Широкие массы знают Ермольеву у нас в стране как создательницу советского пенициллина. Но работы, которые обеспечили нашу Армию этим могущественным препаратом, являются заключительным звеном большого научного пути многократно отмеченного исследованиями крупнейшего научного значения.

Основная черта, которая характеризует Ермольеву как исследователя — это ее постоянное стремление работать именно в той области науки, которая наиболее нужна в данный момент советскому здравоохранению, это ее способность очень быстро и очень продуктивно отвечать на запросы жизни.

Вместе с тем она, не разбрасываясь, систематически разрабатывает те основные проблемы, которым она посвятила свою жизнь (холера, антибиотики) всегда стараясь претворить в жизнь полученные результаты.

Созданный Ермольевой Отдел биохимии микробов⁴ сейчас реорганизован в Институт Биологической Профилактики Инфекций⁵. В этом институте представлены микробиологи и биохимики и физико-химики.

Под руководством Ермольевой 3 сотрудника получили степень доктора наук и 38 — степень кандидата наук.

Ермольева является прекрасным лектором, в течение 8 лет вела педагогическую работу и в настоящее время проводит систематическую подготовку кадров по особо опасным инфекциям и пенициллину.

У нас в стране знают и Ермольеву, и ее школу. В годы Отечественной войны Ермольева с сотрудниками дала не только ценные препараты — холерные фаги, хемофаги, фаголизозим, советский пенициллин, но и сама применяла их на фронте во время осады Сталинграда и в Восточной Пруссии, предохраняя от холеры и спасая раненых от осложнений.

Все изложенное дает все основания считать профессора Ермольеву З. В., безусловно, достойной звания Члена-Корреспондента Академии Наук.

Зам. Председателя Ученого Совета Научно-исследовательского Института Биологической Профилактики Инфекций,

Академик *Н. Ф. Гамалея*

20/VI.1946⁶

3-

Заключение Ученого Медицинского Совета МЗ СССР

На основании представленных данных о получении советского пенициллина можно считать установленным:

1. В Лаборатории б. ВИЭМ профессором Ермольевой З. В. и научным сотрудником т. Балезиной Т. И. был получен отечественный штамм пенициллиума.

2. В ноябре 1943 г. это штамм был определен проф. Курсановым как пенициллиум, очень близкий к типу «крустозум».

3. В течение 1943 г. работой лаборатории из этого штамма был получен пенициллин (очищенный и сухой), который был применен для больных в клинике проф. Руфанова И. Г. и Гращенкова Н. И.

4. 20-го сентября 1943 г. Фармакологическим комитетом Ученого медицинского совета, пенициллин, выработанный в лаборатории проф. Ермольевой, был разрешен для широкого применения.

5. Метод производства пенициллина был утвержден Сывороточно-вакциной комиссией НКЗ СССР 20.V.44.

6. Качество полученного препарата было достаточно высоким, как это видно на основании сравнения использования его одновременно с английским и американским препаратом, которое было проведено при участии проф. Флори (см. данные диссертации 1945 г., стр. 48, врача Маршак из клиники проф. Руфанова).

7. В конце 1944 г. советский пенициллин был широко использован бригадой академика Бурденко Н. Н., (Николаев и Маршак) при участии проф. Ермольевой на 1-м Прибалтийском фронте.

8. Разработанный сотрудниками лаборатории метод был внедрен ими в 1945 г. на производстве первых заводов по его промышленному изготовлению (Завод № 40, им. Карпова, Мясомолочной промышленности (см. справки)).

9. Сотрудниками лаборатории была проведена большая работа по подготовке кадров для пенициллиновой промышленности (см. приказ НКЗ СССР № 383 от 31.XII.45).

10. В 1946 г. работа проф. Ермольевой З. В. и Балезиной Т. И., Левитова М. М., Северина В. А. была представлена МЗ СССР на соискание Сталинской премии за создание советского пенициллина, независимо от иностранцев, получивших отечественный штамм, разработку методов производственного получения пеницил-

лина в сухом виде и широкого использования его в медицинских учреждениях в тылу и на фронтах. (Были приложены монография проф. Ермольевой за 1946 г. «Пенициллин», диссертация Балезиной и др., справки с заводов и из клиник⁷).

На основании вышесказанного в связи с тем, что пенициллин в 1949 г. широко выпускается промышленностью и отпускается Аптечным управлением населению, МЗ СССР поддерживает ходатайство о присвоении звания Сталинских Лауреатов первым авторам Советского пенициллина проф. З. В. Ермольевой, Балезиной Т. И., Левитину М. М., и Северину В. А.

Председатель Ученого медицинского совета
Действительный член АМН СССР проф. Л. Федоров

27.XII.1949⁸

Приложены документы:

1. Справка завода им. Карпова, подписанная главным инженером Венгеровским, от 20.3.1946⁹.

2. Справка Руфанова И. Г. об испытании пенициллина-крустозина ВИЭМ в Пропедвеческой клинике 1-го МОЛМИ и Эвакогоспитале 5004. Отмечено, что тяжелых патологических реакций, как тромбофлебит, резкое повышение температуры и т. п., в отличие от американского препарата, не наблюдалось¹⁰.

3. Справка директора опытного пенициллинового завода при Московском Ордена Ленина Мясокомбинате им. А. И. Микояна, адресованная директору Экспериментальной Лаборатории ВИЭМ проф. Ермольевой З. В., датированная 11 мая 1945 г., в которой сообщается, что пенициллиновый завод уже пущен в эксплуатацию и технологическое производство основано на методе, внедренном лабораторией Ермольевой. Кроме того, начат монтаж оборудования для получения пенициллина глубинным методом. В связи с этим директор просит профессора выделить штамм для глубинного метода, указать, на какой среде штамм проверен, а также консультировать рабочих по всем вопросам производства с посещением завода один раз в неделю¹¹.

4. Выписка из представления к избранию З. В. Ермольевой в члены-корреспонденты АМН СССР, подписанного Н. Н. Бурденко, Н. Ф. Гамалея, Н. И. Грашенковым и В. А. Энгельгардтом, датированного 17.5.1945. Отмечено, что помимо разработки ряда ценных медицинских препаратов (холерный бактериофаг, фаголизосим, хемофаг, интестифаголизат и др., два из которых используются по инициативе Ермольевой не только в медицине, но и в промышленности, пищевой и текстильной) в годы Отечественной Войны Ермольевой с сотрудниками был получен первый советский пенициллин¹².

5. Приказ по НКЗ СССР № 383-Н от 31 декабря 1945 г. В приказе, связанном с 20-тилетием Лаборатории, организованной З. В. Ермольевой, отмечено как достижение получение впервые в Советском Союзе полностью оригинального штамма пенициллина, разработка технологии производства и передача новых методов химического получения (имеется в виду, вероятно, способ экстракции активности из культуральной жидкости. — Е. Л.), разработка новых методов введения пенициллина в организм, испытание и применение терапии с помощью пенициллина в тылу и на фронтах. Особо отмечены заслуги в подготовке 1000 врачей по особо опасным инфекциям и пенициллину¹³.

4-

**Представление МЗ СССР работы авторов пенициллина
в Комитет по Сталинским премиям**

**В Комитет по Сталинским премиям
в области науки и изобретательства при Совете Министров СССР**

Ознакомившись подробно с материалами по советскому пенициллину, Министерство здравоохранения представляет на соискание Сталинских премий, впервые открывших и получивших, независимо от иностранных ученых, пионеров и авторов советского пенициллина проф. Ермольеву З. В., Балезину Т. И., Левитова М. М. и Северина В. А.

Е. Смирнов¹⁴

5-

Письмо З. В. Ермольевой и Т. И. Балезиной М. А. Сулову

6 февраля 1950 г.

Глубокоуважаемый Михаил Андреевич!

Очень просим Вас принять нас на несколько минут в ближайшие дни. Мы просим принять нас по вопросу пенициллина не только потому, что неправильно составлен авторский коллектив на соискание Сталинской премии, но, главным образом, потому, что награждение Сталинской премией за пенициллин (впервые) связано с вопросом приоритета советских ученых, получивших независимо от иностранцев отечественный пенициллин еще в 1943 г.

Попытка дискредитировать советских ученых и работы по советскому пенициллину была сделана в 1947 г. изменником Родины Бородиным¹⁵, который в это время был директором Пенициллинового института и оказался невозвращенцем из-за границы. Как известно, создание советского пенициллина и начало внедрения его на заводы было осуществлено нами в 1945—46 гг. (справки заводов прилагаются). Вот почему в 1946 г. была представлена работа инициаторов и авторов советского пенициллина (Ермольева, Балезина, Северин, Левитов) — получившая положительную оценку на Пленуме Сталинского комитета и отложенная Правительством до массового выпуска пенициллина. При представлении в 1949 г. работы к Сталинской премии (кстати, ни работа, ни авторский коллектив не обсуждался на Ученом совете Института) авторы-пионеры советского пенициллина не были представлены.

Следует отметить, что на производстве пользовались, в основном, и сейчас продолжают пользоваться предложенными нами методами очистки и сушки пенициллина и только наш отечественный пенициллин, более активный для поверхностного брожения, был заменен заграничным штаммом (лучшим для глубинного брожения), ставшим более активным после дополнительного облучения и названным штаммом ВНИИП. В 1949 г. нами были предложены новые формы испытаний.

В Пленуме Комиссии по Сталинским премиям и в 1949 г. считали целесообразным введение в список пионеров советского пенициллина, однако, при запросе министра здравоохранения т. Смирнова Е. И. приходило от него отрицательное заключение, несмотря на то, что нам лично т. Смирнов Е. И. дважды у него на приеме говорил о том, что он нас поддерживает как первых авторов (в декабре 1949 и 2.1.1950 г.) и чтобы мы об этом сообщили в Комитет.

Насколько нам известно, неправильную информацию по поводу нашего участия в работе министерству представляли т. Гришакова, т. Байчиков, и т. Барменков (т. т. Гришакова и Барменков включены во вновь представленный список).

В конце декабря 1949 г. по заданию министерства Ученым медицинским советом Министерства здравоохранения детально разбиралась вся наша работа и положительное заключение за подписью Председателя Ученого медицинского совета Федорова Л. Н. от 27.XII – 49 г. при сем прилагается.

Просим вызвать Ермольеву З. В., тел. Г-1-53-18, Балеzinу Т. И., тел. В-2-51-11. Было бы желательно вызвать также и специалиста микробиолога, заместителя председателя Ученого медицинского совета Выгодчикова Г. В., тел. Ученого Медицинского Совета

К-0-76-38.

*З. Ермольева
Т. Балезина¹⁶*

6.

Документы рассмотрения в ЦК ВКП(б) заявления проф. С. Балезина по поводу изменений в составе коллектива авторов советского пенициллина, представленного в Комитет по Сталинским премиям

6. 1.

11 февраля 1950 г.

Секретно
Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову Г. М.

От секретаря Коминтерновского РК ВКП(б) г. Москвы
Твердохлебова Н. Е.

В партком Министерства здравоохранения СССР членом ВКП (б) С. Балезиным подано заявление, а в Райком партии — дополнение к этому заявлению.

В своем заявлении т. БАЛЕЗИН обвиняет члена ВКП(б) ГРИШАКОВУ в ошибках, связанных с публикацией материалов в журнале «Медицинская промышленность», а также в подделке: замена фамилии профессора ГАЛЬПЕРИНА на свою в документах по производству пенициллина, представляемых в Комитет по Сталинским премиям.

Это заявление разбирается партийной организацией Министерства.

В своем же дополнении к заявлению т. БАЛЕЗИН ставит новые вопросы:

1. За какой группой ученых следует признать приоритет в получении пенициллина;
2. О неправильностях в списке лиц, представленных на Сталинскую премию.

Учитывая, что партийная организация Министерства здравоохранения СССР и Райком партии не могут по существу решить эти вопросы, копия «дополнения к заявлению» тов. БАЛЕЗИНА направлена нами Министру здравоохранения СССР тов. СМИРНОВУ Е. И. для принятия соответствующего решения.

Считаю необходимым довести об этом до Вашего сведения.

Секретарь Коминтерновского РК ВКП(б)

Твердохлебов

Приложение: «Дополнение к заявлению» т. Балезина.

Дополнение к заявлению.

Задачей изменника Родины Бородина являлось дискредитирование советских ученых, получивших в тяжелые годы Отечественной Войны, независимо от иностранных ученых свой отечественный штамм пенициллина. С этой целью он всячески дискредитировал проф. Ермольеву и добился своего назначения на пост директора. Затем Бородин опубликовал известную статью¹⁷, в которой по существу дело изобразил так, что развитие пенициллиновой промышленности начинается с 1947 г. т. е. со времени прихода его, Бородин, в институт.

Естественно, советские ученые, знавшие действительное положение, были возмущены и обратились с письмом к Гришаковой, в то время и. о. редактора журнала «*Медицинская промышленность*», в котором она поместила статью Бородина. Однако Гришакова вместо опубликования этого патристического письма и разбора дела по существу ограничилась ответом авторам письма, советским ученым, «что редакция не считает возможным принять какое-либо решение, не выслушав соответствующего объяснения автора».

Она не ограничилась только этим, а пыталась опорочить и содержание письма, так в Молотовском Райкоме партии она по поводу этого письма говорила, что письмо якобы составлено по инициативе Ермольевой с целью дискредитировать Бородин, причем всячески порочила проф. Ермольеву и ее сотрудников. (Что могут подтвердить т. т. Елкин, Засыпкина и Трахтенберг).

Гришакова пыталась также опорочить и решение партийного Бюро ВНИИПа, которое на своем заседании обсуждало статью Бородин и сочло неправильным ее опубликование.

Казалось бы после того, как стало ясным, что Бородин изменник Родины, Гришакова должна была бы опубликовать письмо ученых и, будучи начальником Главного Управления пенициллиновой промышленности Минздрава, должна была подробно ознакомиться с историей Советского пенициллина, восстановить работу с оригинальным советским штаммом грибка и создать нормальные условия для работы проф. Ермольевой и ее сотрудников. Она этого не только не сделала, а наоборот представляет дело так, что успешное развитие пенициллина и пенициллиновой промышленности связывается с ее именем.

Очевидно, так дело было представлено Министру, в результате чего при представлении к правительственным наградам научных работников и работников пенициллиновой промышленности была обойдена большая часть пионеров советского пенициллина. (Я не знаю организационных заслуг Гришаковой в области пенициллиновой промышленности и поэтому не хочу касаться вопроса правильности ее награждения).

При представлении в 1949 году работы по пенициллину на соискание Сталинской премии (причем представление было сделано с нарушением процедуры — без обсуждения на ученом совете), Гришакова выдвинула себя в качестве руководителя работ, при этом, как выяснила комиссия партбюро Управления медицинской промышленности, она сделала подделку, вычеркнув из всех чертежей фамилии профессора Гальперина (по ее приказу чертежи были скопированы без фамилии Гальперина). Она не только не учла в представлении пионеров советского пенициллина, хотя и знала, что было решение Комитета по Сталинским премиям в 1946 году о присуждении Сталинских премий коллективу авторов), но на запрос Комитета о включении первых авторов по пенициллину дала не только отрицательную, но и порочащую работников группы Ермольевой характеристику.

Гришакова информировала Министра таким образом, что Ермольева и ее сотрудники не имеют никакого отношения к промышленному выпуску пенициллина. Несмотря на то, что по методике, переданной этой группой, с помощью отечественного штамма первый сухой препарат пенициллина был выпущен заводом № 13 еще в апреле 1944 года.

Более того, после личной беседы с проф. Ермольевой, Министр здравоохранения СССР тов. Смирнов дал указание председателю ученого совета проф. Федорову разобраться в этом вопросе и дать заключение, что было сделано. Проф. Федоров дал положительную оценку работы этой группы (заключение председателя УМС а проф. Федорова прилагается)¹⁸. Гришакова снова вмешивается в это дело и настаивает на отрицательном заключении Министерства. В результате чего в Комитет по Сталинским премиям было послано вторично отрицательное заключение.

Таким образом, Гришакова участвуя в развитии пенициллиновой промышленности, только как начальник Главка, на протяжении последних двух лет, оказалась руководителем работ по пенициллину. Фактически же дело обстояло так: в 1942 году Балезиной, под руководством проф. Ермольевой (независимо от иностранцев) был получен оригинальный отечественный грибок-продуцент пенициллина. В течение 1943 года получен очищенный концентрированный и сухой препараты сотрудниками Левитовым, Севериным и другими, давшие эффект при лечении септических заболеваний в госпиталях и клиниках академиков Руфанова и Гращенкова. В том же году в сентябре Фармакопейным комитетом УМСа Минздрава был утвержден пенициллин для широкого применения. В декабре 1943 года штамм, полученный в лаборатории проф. Ермольевой был определен проф. Курсановым, как очень близкий вид к «пенициллиум крустозум».

Начиная с 1943 года, этот штамм выдавался в различные города Советского Союза, а также прифронтовые лаборатории для производства пенициллина.

В 1944 году 20/7 — метод производства пенициллина был утвержден сывороточно-вакциной комиссией УМСа Наркомздрава СССР.

Эффективность советского пенициллина, полученного в лаборатории проф. Ермольевой, в 1944 году была проверена параллельно с английским препаратом пенициллина, привезенным в СССР проф. Флори, приехавшего по приглашению Советского правительства и при его участии в клинике профессора Руфанова. При этом, оказалось, что советский пенициллин не уступал в эффективности английскому и давал эффект в меньших дозах, чем английский. Разработанный сотрудниками лаборатории метод производства пенициллина был внедрен в 1944 году на заводе 13, затем на заводе 40, имени Карпова и на заводах мясомолочной промышленности в Москве и Ленинграде.

Одновременно, сотрудниками лаборатории проводилась большая работа по подготовке кадров пенициллиновой промышленности.

В 1946 году, группа работников лаборатории проф. Ермольевой была представлена на соискание Сталинской премии, эта работа была отложена до широкого выпуска пенициллина. Из этой справки следует, что группа советских научных работников не только получила оригинальный советский препарат, но и провела большую работу, как по разработке методов промышленного освоения, так и по подготовке кадров. Эта работа, проведенная в тяжелые годы Отечественной Войны и сыгравшая большую роль в деле спасения жизни тысячам бойцов и командиров Советской Армии, является гордостью Советских ученых и одним из выдающихся достижений советской медицинской науки.

Объективно получается, что «деятельность» Гришаковой, сводящаяся к тому, чтобы замолчать славную страницу в истории Советской науки, а авторов Советского пенициллина опорочить, является продолжением начатого Бородиным.

Учитывая, что присуждение Сталинских премий является и признанием приоритета в получении Советскими учеными достижений в науке, в частности в области пенициллина, считаю, что этот вопрос выходит за рамки интересов отдельных лиц, а имеет принципиальное значение, что и побудило меня подать в Партком Минздрава СССР это заявление. Я уверен, что интересы Советской медицинской науки дороги партийной организации не менее чем каждому из нас, и она найдет возможность исправить допущенные ошибки в этом деле.

Член ВКП(б)
профессор, доктор химических наук,
Лауреат Сталинской премии
С. Бalezин

Москва, М. Пироговская, 57.

Московский Государственный Педагогический институт имени Ленина.

Тел. Г-6-35-62

18 февраля 1950 г.¹⁹

6. 2.

На бланке Министра здравоохранения СССР

Секретно

Секретарю Коминтерновского РК ВКП(б)

Тов. Твердохлебову Н. Е.

На № 57 от 11.2.1950 года.

Копия: в сектор Здравоохранения
административного отдела ЦК ВКП(б)

По существу заявления члена ВКП(б) С. Бalezина сообщаю следующее.

1) Тов. Гришакова А. П. действительно допустила ошибку, выразившуюся в неопубликовании письма, поступившего в редакцию *«Медицинская промышленность»* от группы советских ученых, указывавших на отсутствие в статье *«Советский пенициллин»* развернутого изложения некоторых вопросов исследований о советском пенициллине за военный период. По этому вопросу сделано соответствующее указание тов. Гришаковой и по линии партийной, и административной.

2) Что же касается второго вопроса, то вызванные мною 13 февраля с. г. заместитель начальника Главмедпромпроекта тов. Валашек Е. Р., начальник аппаратно-монтажного отдела тов. Кирсанов П. М., начальник отдела техники, химии и стекла тов. Смиренский С. П. и главный технолог проекта бывшего завода № 40 т. Малышев В. М. сообщили, что никакой подделки (уничтожения подписи Гальперина) со стороны т. Гришаковой нет и не было, она только восстановила истину, которая была искажена в 1948 г., когда в порядке самоинициативы Института оформлялся документ к представлению на соискание Сталинской премии. С их слов выходит так, что по установившемуся обычаю нужен руководитель с ученым именем и этого руководителя нашли в лице Гальперина. Гальперин же в действительности руководителем не был и не является таковым в настоящее время.

3) В представленном Министерством здравоохранения материале в Комитет по Сталинским премиям тов. Гришакова А. П. не числится руководителем работ по организации и созданию отечественного пенициллина.

*Е. Смирнов*²⁰

6. 3.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову.

Секретарь Коминтерновского райкома ВКП(б) гор. Москвы Твердохлебов Н. Е. сообщает, что член ВКП(б) т. Балезин С. А. подал заявление, в котором указывает, что в список лиц, представленных на Сталинскую премию за освоение производства отечественного пенициллина, необоснованно включена начальник Управления Министерства здравоохранения СССР т. Гришакова.

При проверке установлено, что в Комитет по Сталинским премиям министр здравоохранения СССР т. Смирнов за эту работу представил группу специалистов. В качестве руководителя работы была выдвинута т. Гришакова.

В связи с разбором заявления т. Балезина партийное бюро Главмедпрома Министерства здравоохранения СССР постановлением от 14 февраля 1950 года за допущенные ошибки, выразившиеся в зажиме критики, в неопубликовании протеста ученых на статью Бородина, в подписании материала на Сталинскую премию в качестве автора (которым она не являлась) — члену ВКП(б) т. Гришаковой А. П. объявлен строгий выговор. Одновременно партбюро обратилось к министру здравоохранения СССР с ходатайством об исключении т. Гришаковой из числа лиц, представленных на Сталинскую премию. Министр здравоохранения СССР учел мнение партийной организации Главмедпрома, пересмотрел список кандидатов и исключил из этого состава т. Гришакову.

Согласно постановлению Совета Министров Союза ССР, опубликованному 4 марта 1950 г., за разработку и внедрение в промышленность метода получения пенициллина Сталинская премия 2-й степени присуждена т. т. Барменкову А. С., Валащенко Е. Р., Гальперину Н. И., Гольдату С. Ю., Дауговет Э. К., Иноземцевой И. И., Кашининой А. Д., Крысановой П. Г., Левитову М. М., Танченко И. М. и Трахтенбергу Д. М.

Тов. Твердохлебов разрешением вопроса удовлетворен.

Заведующий Административным
отделом ЦК ВКП(б) *Громов*
20 марта 1950г. к № 14418, 16152

Зам. зав. Отделом пропаганды и
агитации ЦК ВКП(б) *Кружков*

6. 4.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М.

Т. Ермольева З. В. и Балезина (Коган) Т. И. сообщали в ЦК ВКП(б) о неправильном включении в список коллектива, представленного на соискание Сталинской премии за работу по организации и созданию производства отечественного пенициллина, т. Гришаковой А. П. Аналогичное заявление поступило в ЦК ВКП(б) от проф. Балезина С. А.

Президиум Комитета по Сталинским премиям рассмотрел все представленные по этому вопросу материалы и исключил т. Гришакову из числа соавторов по указанной выше работе.

18. III. 50 г.

В. Кружков
Ю. Жданов
Громов²¹

6. 5.

Из предложений Комиссии по Сталинским премиям за работы в науки и изобретательстве при СМ СССР «за выдающиеся изобретения и коренного усовершенствования методов производственной работы за 1949 г. в области техники, сельского хозяйства, медицины и истории науки и техники». В этот раздел была отнесена работа по пенициллину. Ниже приведены также комментарии Административного отдела ЦК ВКП(б) по данному вопросу:

<...>5. ГРИШАКОВОЙ Анастасии Петровне, руководителю работы, ГОЛЬДАТ Софье Юльевне, ЛЕВИТОВУ Михаилу Михайловичу, БАРМЕНКОВУ Алексею Сергеевичу, ГАЛЬПЕРИНУ Нисону Ильичу, научным сотрудникам Института, ВАДАШЕКУ Евгению Рудольфовичу, главному инженеру треста «Союзмедпромпроект». ТАНЧЕНКО Ивану Михайловичу, главному инженеру завода, ДАУТОВЕТ Эрне Ивановне, главному технологу, КРЫСАНОВОЙ Павле Георгиевне, начальнику цеха завода — за разработку и внедрение медицинского препарата.

Административный отдел ЦК ВКП(б) по работе замечаний не имеет, однако возражает против присуждения Сталинской премии т. Гришакowej А. П. по следующим мотивам: член-корреспондент Академии медицинских наук СССР т. Ермольева З. В. и член ВКП(б) т. Балезин С. А. подали заявление в ЦК ВКП(б) в Комитет по Сталинским премиям и Министерство здравоохранения СССР о неправильном включении т. Гришакowej в число кандидатов на Сталинскую премию. Рассмотрение всех материалов в ЦК ВКП(б) и партийной организации Министерства здравоохранения показало, что она фактически не является руководителем работ. Тов. Гришакowa работает начальником Управления антибиотиков с 1944 г., ранее в этой промышленности не работала, технологию производства знает поверхностно.

Отдел также считает, что решение о присуждении премии за работу по пенициллину опубликовывать в общей печати нецелесообразно²².

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. А-6742. д. 257. Л. 204.

² Там же. Л. 5.

³ Имеется в виду поверхностный способ культивирования. (Метод сушки? Непонятно, что имел в виду Гамалея. — Е. Л.)

⁴ В Московском отделении ВИЭМ им. М. Горького.

⁵ Это замечание позволяет датировать отзыв. Институт биологической профилактики инфекций еще не реорганизован в Институт пенициллина и других антибиотиков. Ошибки в тексте (1949), видимо, опечатки машинисток, хотя подпись Гамалеи подлинная.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 352148.

⁷ В материалах Комитета по Государственным и Ленинским премиям (РГАЭ Ф. 180. Оп. 1. Д. 368), сохранились официальные представления коллектива авторов под руководством З. В. Ермольевой (1945), многочисленные положительные отзывы о применении препаратов в клинике (1946) и ответ заместителя наркома здравоохранения В. В. Парина (13 марта 1946) на запрос Комитета (от 6 марта 1946): «Народный Комиссариат Здравоохранения СССР не считает возможным присуждение Сталинской премии З. В. Ермольевой за работы по пенициллину, так как проф. З. В. Ермольева уже является лауреатом Сталинской премии,

и, в сравнении с данными Английских и Американских авторов по этой проблеме, упомянутые работы преимуществ не имеют» (Там же. Л. 54). Вероятно, первое обстоятельство и стало решающим при голосовании на секции — «отклонить как не получившую большинство голосов» (Д. 468. Л. 400), т. к. для опровержения второго положения — отсутствия новизны в рассматриваемой работе — авторами были представлены достаточно веские аргументы (Л. 50—52).

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 270. Л. 78.

⁹ Там же. Л. 81.

¹⁰ Там же. Л. 82.

¹¹ Там же. Л. 83.

¹² Там же. Л. 84.

¹³ Там же. Л. 85.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 2. Д. 1437. Л. 1. Не подписано. Имеется помета: «Прошу перепроверить. Доложено министру 2.1.50.». Подпись чиновника, насколько можно судить по специфическому оформлению даты (как на рецептах), медика, не идентифицирована.

¹⁵ Дело Н. М. Бородина, чл. ВКП(б) с 1943, было рассмотрено 3 августа 1950 на заседании Партколлегии КПК (№ 1054 пункт 46 от 6.VII.1950). Решение — «исключить Бородина Николая Михайловича из членов ВКП(б) как врага народа». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Л. 11.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 270. Л. 77—77об. На документе имеется штамп канцелярии: «на 2.IX.53 в наличии». Машинопись, на личном бланке З. В. Ермольевой.

¹⁷ Текст статьи Н. М. Бородина см. в разделе «Источники» (с. 72—75).

¹⁸ Имеется неподписанная помета: «Не приложено».

¹⁹ РГАСПИ. Там же. Л. 88—90а.

²⁰ Там же. Л. 100.

²¹ Там же. Л. 94. Подписи В. Кружкова и Громова датированы 21 марта.

²² Там же. Л. 116—117.

«ПО МОЕМУ СТАРИКОВСКОМУ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ»

Беседа М. Б. Конашева с Ю. И. Полянским¹. (Февраль 1993 г., С.-Петербург)
Комментарии М. Б. Конашева

«On mine of the old man idealistic outlook». Interview to Yu. I. Polyansky. Interview and comments by M. B. Konashev. Interview to Yu. I. Polyansky devoted some episodes of his long life and productive scientific activity as well as such eternally actual themes as the role of Russian intelligentsia and science in Russian history

М. К.: В предисловии к своим воспоминаниям «Годы прожитые. Воспоминания биолога», которые, насколько мне известно, есть надежда опубликовать², Вы пишете, что долгое время не собирались писать мемуары, поскольку существовала у нас цензура, и Вы с ней часто сталкивались и поэтому понимали, что правду написать невозможно.

Ю. П.: Да, к сожалению.

М. К.: Если можно в двух словах хотя бы, какие у Вас были столкновения с цензурой. И на каком уровне: на уровне редакции, когда рукопись в нее приносилась, или, скажем, на уровне парткома института еще? Я имею в виду именно работы по биологии.

Ю. П.: Дело в том, что в издательстве существовал всегда уполномоченный Горлита³. В издательстве «Наука».

М. К.: В нашем, питерском?

Ю. П.: Да, в нашем ленинградском, петербургском издательстве. Уполномоченный, который так сказать давал «добро» для публикации той или иной рукописи. Теперь, что нельзя было печатать? Во-первых, нельзя было совершенно ничего говорить дурного о Т. Д. Лысенко⁴. Обо всем том, что происходило в эти тяжелые годы лысенковщины, нужно было молчать. Уполномоченный обычно говорил: «Ну, знаете, Юрий Иванович, не будем вспоминать старое. Да, это было. Но зачем же об этом писать?» Вот так обычно заканчивался разговор с Горлитом, и снималось все, что касалось Т. Д. Лысенко. Вы можете это видеть в книге «Развитие эволюционной теории в СССР» (1983): там очень мало сказано о лысенкоизме⁵. Или, скажем, воспоминания Евгения Михайловича Крепса⁶. Очень хорошая, очень интересная книжка, излагающая его жизненный и творческий путь. И посмотрите те места, которые посвящены сессии ВАСХНИЛ 1948. Вас удивит лаконичность, лапидарность того, что там изложено⁷.

М. К.: Ему не свойственная?

Ю. П.: Совершенно несвойственная. И когда я спросил его: «Евгений Михайлович, как же Вы так?», он развел руками: «Так не могу же, не пускают, не позволяют».

М. К.: А у него в тексте было то, что не пустили, не позволили?

Ю. П.: Сначала было. А потом было снято. Это — о лысенковской стороне вопроса, что ли. Но, кроме того, Горлит страшно мешал публикации фактического материала. Ведь было запрещено публиковать все сведения о вредности, сведения о загрязненности водоемов, о состоянии водной массы в целом. Обо все этом нельзя было говорить и писать. У нас в Советском Союзе все хорошо, и поэтому никаких материалов, в которых бы излагались данные, показывающие, что у нас не то что нехорошо, а даже очень и очень плохо — в смысле экологической обстановки — не публиковалось. Поэтому получалась совершенно искаженная картина. Уполномоченный Главлита доставал талмуд, тыкал пальцем в определенную статью и говорил мне: «Товарищ Полянский, вот видите, это запрещено печатать». Ну, товарищу

Полянскому оставалось только соглашаться или говорить: «Снимите тогда вообще эту статью».

М. К.: А какие издания на Вашей памяти встретили наибольшие возражения? Кроме «Развития эволюционной теории в СССР». Там-то просто оставили всего одну фразу о том, что лысенкоизм — псевдонаука, поэтому и не будет о нем ничего сказано. Были ли какие-либо сугубо биологические работы, по Вашей, например, протозоологической части? Из которых приходилось что-то изымать или снимать их?

Ю. П.: К счастью, пожалуй, в протозоологических работах особенно ничего не приходилось выбрасывать.

М. К.: Видимо, считали, что там экологии нет. И такой порядок существовал...

Ю. П.: На протяжении многих лет. Совершенно бессмысленное, никому не нужное засекречивание, которое, безусловно, наносило вред, потому что получалось искаженное представление об экологическом состоянии окружающей среды.

М. К.: А когда случилась сессия 1948 года, и Вы пока еще были в Питере и состояли, пока еще состояли, на учете в парторганизации Университета (то есть Вас уже уволили, но с партучета еще не сняли), Вы в партийной жизни еще участвовали?

Ю. П.: Уже не участвовал, потому что меня уже не приглашали.

М. К.: А, уже не приглашали? И Вы на партсобрания и в партком не ходили?

Ю. П.: Не ходил. Я же был исключен из партии решением общего собрания биологического факультета. А бюро Василеостровского райкома не подтвердило исключение благодаря выступлению генерал-лейтенанта, начальника Академии тыла (к сожалению, забыл его фамилию), который меня хорошо знал по фронту⁸. Ну, и на этом дело закончилось. Я платил членские взносы — и все. Так что когда я приехал на Мурман⁹, я снялся с учета, и прибыл как член партии с соответствующим талоном, как это полагается, в котором было указано, что у меня строгий выговор с предупреждением за идеологические ошибки. Через год, что ли, выговор с меня сняли.

М. К.: После сессии 1948 года, когда всех нельсенковцев погнали, как раньше говорили, поганой метлой со всех должностей и сделали безработными, были ли по партийной линии какие-либо указания или рекомендации в духе: про Т. Д. Лысенко ничего плохого не писать, а генетиков и иже с ними ругать?

Ю. П.: Этого я просто не могу сказать, поскольку я же выпал практически из партийной жизни.

М. К.: А Ваши коллеги, друзья что-то рассказывали?

Ю. П.: Об этом нет. Так что я просто не знаю.

М. К.: Фактически сразу после сессии 1948 года вся, во всяком случае, зарубежная литература с критикой Т. Д. Лысенко пошла в спецхран¹⁰. Вы там были, читали какие-то из этих статей?

Ю. П.: Да не пускали меня туда.

М. К.: Не пускали?

Ю. П.: Конечно, нет.

М. К.: А Вы пробовали?

Ю. П.: Пробовал.

М. К.: Если можно подробнсс.

Ю. П.: Нет, ну что тут подробнее! Просто не пускали. Для этого надо было специальное разрешение.

М. К.: Да, Вы должны были брать отношение в институте, что хотите в отделе спецфондов, допустим Библиотеки Академии наук или Публички, заниматься по такой-то теме¹¹.

Ю. П.: Именно так. Но у меня же никакой темы не было.

М. К.: Вы не пробовали такое отношение получить?

Ю. П.: Нет, не пробовал. А кто мне мог дать его? Абсолютно никто. Единственное, что я мог: ходил регулярно смотреть поступления новой литературы в БАН.

М. К.: Разве эти статьи попадались на выставке новых поступлений?

Ю. П.: Кое-что проскакивало, а потом шло в спецхран. Кое-что.

М. К.: Иначе говоря, Вы знали, что такие статьи есть, что они в спецхране, но прочитать их не могли. А другие? Как вообще такие статьи прочитывались? Кто-то доставал их или...

Ю. П.: Нет, я просто смотрел то, что было на выставке новой литературы. Иногда что-то проскакивало.

М. К.: А кто-то из других биологов, тот же Евгений Михайлович, читал их? Знали ли эти статьи наши отечественные, в частности ленинградские биологи? Знали ли их содержание, что и как критикуется в статьях того же Ф. Г. Добржанского или К. Дарлингтона?

Ю. П.: Не знаю, не знаю... Дело в том, что я был тогда в полной изоляции. Я же ни с кем не мог контактировать.

М. К.: Ну, в БАН то Вы могли ходить.

Ю. П.: Вот в БАН я и ходил. Единственное, что оставалось. Потому что я старался ни с кем не контактировать. Контакты со мной клали пятно на людей. Я старался не встречаться с моим учителем. В. А. Догель¹² и так на волоске висел¹³. Я старался ни с кем не встречаться, чтобы людей, понимаете, не запачкать. Некоторые просто боялись меня смертельно.

М. К.: Неужели по классическому варианту — переходили на другую сторону улицы?

Ю. П.: Да, я писал об этом. Чуть не погиб человек под машиной.

М. К.: В свое время Т. Д. Лысенко, уже при Н. С. Хрущеве, выступая на очередном пленуме ЦК, упоминал специально о том, что его критикуют «западные мракобесы»¹⁴. Это упоминание, не использовалось ли оно как оружие против генетики и генетиков?

Ю. П.: Не знаю.

М. К.: Любопытный штрих: то, что Вам было недоступно, он, Т. Д. Лысенко, читал свободно. Более того, ему статьи «западных мракобесов» переводили специально¹⁵.

Ю. П.: Читать он сам и не мог, потому что ни одного языка не знал.

М. К.: А теперь, если можно, еще несколько общих вопросов. Вот Вы прожили долгую, богатую событиями жизнь. Вся история советского периода прошла у Вас перед глазами, и Вы были реальным участником этой истории. Как Вы относитесь к тем оценкам, публицистическим или полупублицистическим, которые совсем недавно давались и теперь даются нашей советской истории и царскому периоду. В частности, что бы Вы сказали о том, как жилось интеллигенции до семнадцатого года? Можно ли утверждать, что при советской власти для интеллигенции действительно открылся какой-то простор, хотя бы первое время? Или, если бы все осталось, как есть, то, может, и лучше было бы?

Ю. П.: Видите ли, мне, конечно, очень трудно судить. Я ведь тогда был еще очень молодым. Но я все-таки в этой среде вращался, так сказать, и кое-какие впечатления у меня остались. Мне думается, что условия развития для науки в царской России, в университетах в особенности, были совсем неплохими. Жалование профессоров было вполне спосным. Командировки заграничные, поездки не представляли никаких трудов. Печататься можно было как в наших журналах, так и за рубежом сколько хотите. Выписывать там оборудование, реактивы тоже больших тру-

дов не представляло. Мне кажется, что в лабораториях того периода, ну, скажем в лабораториях Петербургского университета, работа шла более менее нормально.

М. К.: Рассказывал ли Вам что-нибудь Догель на этот счет?

Ю. П.: Сам Догель часто бывал за границей. Он много раз работал на Неаполитанской биологической станции¹⁶, особенно любил эту станцию. Бывал и в других заграничных поездках. Бывал в Англии, и работа шла более менее нормально. Мне трудно сравнить отечественные лаборатории с западными, но то, что у нас работа шла нормально, и что ученые неплохо жили — то факт. Да вот, судите по моей собственной жизни: у нас была квартира, семь комнат, нормальная жизнь, деньги всегда были. Профессорское жалование было достаточно высоким. Что касается до свободы высказываний, то, скажем, защищать дарвиновскую теорию эволюции можно было совершенно спокойно. Никто Вас не заставлял обязательно молиться господину богу. Но, конечно, если бы Вы прямо выступили против режима и так далее, и тому подобное, вряд ли это вызвало бы одобрение.

М. К.: А что можно сказать о связях с университетами за рубежом?

Ю. П.: Связи с заграничными университетами были довольно тесными, особенно Петербургского университета и Гейдельбергского в Германии. Дело в том, что В. Т. Шевяков, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Петербургского университета, долгое время работал в Гейдельбергском университете, был учеником О. Бючли¹⁷. Наши молодые ученые часто ездили за рубеж для прохождения большого практикума для научной работы¹⁸. Так что связи были достаточно тесными.

М. К.: То есть, можно сказать, что тогда наша наука была частью европейской и между ними никаких различий в этом смысле не было?

Ю. П.: Конечно, частью европейской. Например, русская биологическая станция была во Франции, вблизи Ниццы (Виллафранка — *Villafrance sur Mer*), которую организовал А. А. Коротнев, киевский профессор¹⁹. Очень много ученых наших работало во французских биологических лабораториях. Я уж не говорю о И. И. Мечникове²⁰. Вот, например, я просматривал архивы биологической станции в Роскове, где мне пришлось работать в 60-е годы. Я там нашел массу записей русских ученых, начиная от Анатолия Петровича Богданова, который был первым, кто работал в Роскове сразу после организации станции²¹. Потом там побывал целый ряд других русских ученых, в том числе Н. А. Холодковский²² и А. О. Ковалевский²³. В архиве есть подробнейший отчет Ковалевского о том, что он там делал. Этот отчет оказался настолько интересным, что я даже опубликовал его в одном из наших русских журналов²⁴. Таким образом, русские на французских биологических станциях — это было совершенно обычное явление. Эти связи, по видимому, были очень тесными и по существу. Мне труднее судить о связях с учеными Соединенных Штатов — я просто не знаю, а вот с немецкими и французскими учеными связи были очень тесными. Особенно много Ковалевский и Мечников в этом плане сделали. У Ковалевского было очень много близких друзей во Франции.

М. К.: Все-таки, выходит личный фактор играл решающую роль...

Ю. П.: Одно время ведь Ковалевскому предлагали занять кафедру во Франции, в Марселе. Он отказался, не хотел уезжать из России.

М. К.: Теперь такой, меркантильный, вопрос. Это все делалось за счет русской казны? Или тогда тоже давались какие-то гранты?

Ю. П.: В значительной мере за счет русской казны. Во-первых, это были ассигнования по Университету. А потом очень существенную роль играли общества. Санкт-Петербургское Императорское общество естествоиспытателей при Санкт-Петербургском университете²⁵ давало стипендии для поездки за границу. Курс рубля был нормальный, и это очень широко использовалось нашими учеными.

М. К.: Кто их субсидировал, если общество было императорское?

Ю. П.: Во-первых, источником субсидирования были членские взносы. Во-вторых, один из великих князей считался шефом и почетным председателем общества²⁶, и по этой линии также какие-то средства у общества были. Оно как бы находилось под покровительством царствующего дома.

М. К.: Итак, главный итог: как минимум, рубль должен быть нормальным, тогда и с наукой все будет в порядке?

Ю. П.: Да, тогда и с наукой.

М. К.: Как Вы думаете, каковы реальные шансы у нашей науки? Только ли от экономики они зависят? Можно ли надеяться на восстановление науки в не очень отдаленном будущем? Хотя бы до уровня советской науки, она ведь тоже себя прилично зарекомендовала.

Ю. П.: Тот уровень науки, который у нас был до последнего времени, по крайней мере, в близких мне областях, он, в общем-то, был достаточно высок. Это видно, в том числе по тому, сколько наших ученых работает сейчас за границей²⁷. В нашем Институте цитологии около тридцати процентов сейчас находятся за рубежом.

М. К.: А если они все там и останутся?

Ю. П.: Ну, все не останутся. Но кое-кто останется, конечно. Разумеется, сейчас науке нанесен колоссальный удар²⁸.

М. К.: Но все же в чем причина, только ли в кризисе? Или это какое-то недомыслие наше обычное, российское? Или еще что-то?

Ю. П.: Я думаю, что и то, и другое. Недооценка роли науки, и, конечно, кризис. Каково теперешнее положение науки и ученых? С журналами плохо, поездки невозможны. Даже простая переписка невозможна, потому что я не могу заплатить семьдесят пять рублей за письмо. Вот Вам конкретный пример. В 1992 году я опубликовал одну работу в американском журнале «*Journal of Protozoology*»²⁹. Работа, видимо, вызвала интерес, потому что я получил из-за границы свыше пятидесяти откриток с просьбой прислать оттиски. Но я не мог послать ни одного, потому что за каждый оттиск я должен был заплатить сто пятьдесят рублей, и для того, чтобы удовлетворить все просьбы, мне нужно было потратить семь с половиной тысяч. Я не мог этого сделать. Поэтому оттиски остались незасланными. В настоящее время изоляция получается гораздо большая, чем при «железном занавесе». Причем она имеет чисто экономический характер: ни поехать мы, ученые, не можем, ни журналов не получаем, ни писать не можем, ни послать не можем, ничего не можем (за исключением тех случаев, когда нас приглашают с оплатой пути и пребывания за границей). Конечно, через короткий срок это катастрофически отразится на будущем науки. Тот потенциал, который есть, будет использован, и, как говорится, «Шаб!» Сейчас, даже самые обычные реактивы становятся редкостью.

М. К.: Перед Октябрем 1917 года в России уже был капитализм. Тем не менее, наука, в основном, существовала за счет государственной казны. При этом была очень тесная связь между Академией наук и университетами. Теперь, ежели нам повезет, и наука будет как-то возрождаться, как Вы думаете, надо ли использовать этот старый опыт, или лучше посмотреть на то, как там на Западе? Стоит ли эту привязку к казне сохранять, или надо пытаться какие-то фонды создавать, наподобие, скажем, новоиспеченного фонда фундаментальных исследований³⁰? Или, может, пробовать как-то комбинировать?

Ю. П.: Да, это очень трудный вопрос. Мне кажется, что связи между Академией и университетами совершенно необходимы. И они были довольно широкими одно время. Многие академики заведовали кафедрами в университетах, имели научные школы там и вместе с тем руководили работой в Академии наук. Эта связь была

достаточно органической, и она имела то огромное преимущество, что давала молодые кадры в Академию. По-моему, самым главным было как раз то, что можно было отбирать для Академии способную, талантливую студенческую молодежь. Потом вдруг в шестидесятых годах было категорически запрещено совместительство, что нанесло страшный ущерб и Академии, и университетам. Университетские кафедры лишились многих ведущих профессоров, так как целый ряд профессорско-академиков вынужден был уйти из университетов. Вместе с тем, те связи, которые долгое время существовали, были нарушены, потому что университеты уже не имели права «законного входа» в Академию. Это было нелепое решение, как будто бы направленное на пользу университетов и науки. Мол, люди гонятся за длинным рублем, работают в двух местах, так пусть не распыляются, работают в одном. Если так, грубо говорить, получилось по пословице: «Заставь дурака богу молиться, он весь лоб расшибет». Повторю: преследуя будто бы благие цели, это решение нанесло колоссальный вред. Я, например, в то время был заведующим кафедрой в университете и заведовал большой лабораторией цитологии простейших в Институте цитологии Академии наук, которую я же и создал¹¹. Запретили! Я должен был уйти с одного из мест работы. Я тогда сказал, что буду продолжать руководить лабораторией в Институте цитологии на общественных началах и три года не получал там ни копейки, выполняя все функции заведующего лабораторией и состоя членом ученого совета. Если бы я оставил лабораторию, то, думаю, еще не созданная, она бы просто разрушилась. Через три года разрешили (по специальному ходатайству) работать на полставки в Академии. Но ведь я же не единичный пример, в большинстве-то случаев люди были вынуждены прекратить работу либо там, либо здесь. Те формы связи, которые тогда были, себя оправдывали. Может быть, можно найти другие, лучшие формы, я не знаю. Но хотя бы восстановили то, что было...

М. К.: В газетах и журналах времен перестройки, и теперь уже, очень много писалось об интеллигенции, о ее роли или судьбе в связи с историей России. И вообще создается такое впечатление, что всякий раз интеллигенция, сама того не желая, осуществляла какие-то «не те» преобразования. То она большевикам помогла, потом Сталину помогла к власти прийти, сталинский режим, в той или иной степени, поддерживала, теперь вот с перестройкой вроде конфуз получился. Далее, Ельцина в президентство провели, а он, как оказывается, тоже не очень хороший, для некоторых во всяком случае. В итоге получается, что интеллигенция каждый раз оказывается обманутой, и каждый раз она, в конечном итоге, — у разбитого корыта. Пошла на службу к советскому государству, имея в виду интересы народа, а оказалась на службе у сталинского режима. Сначала помогала Горбачеву, потом Ельцину, чтобы от зла избавить и избавиться, а, похоже, появилось другое зло, еще похуже прежнего, скажем так, коммунистического (по крайней мере, для некоторых оно таково). Поступая так, она сама себе вредит и другим, или все же, так поступая, и самим своим существованием какую-то пользу приносит?

Ю. П.: Мне кажется, что интеллигенция — это очень гетерогенное образование, гетерогенная структура. И состав интеллигенции (состав в разных смыслах) одним словом обозначить или определить очень и очень трудно. Конечно, среди интеллигенции всегда были и такие элементы, которые способствовали сталинскому режиму, всяким другим историческим извращениям нормального демократического развития государства. Но все-таки, я думаю, что основная масса интеллигентов играла и играет положительную роль, потому что в интеллигенции есть какая-то духовность, есть какие-то убеждения, есть какое-то... как бы вам сказать... ну, какая-то внутренняя нравственная, моральная сущность. Если мы ее откинем и бросимся в объятия бизнеса и откровенной спекуляции, все разрушится. Но все-таки искусст-

во продолжает жить, наука продолжает существовать. Вот сейчас, несмотря на все трудности, в лабораториях есть молодежь, и неплохая молодежь, которая увлечена работой. Так что, по-моему, если отбросить всякие такие элементы наносного, что ли, характера, есть основания для веры, и я все-таки верю в нашу интеллигенцию. Если взять историю России, то интеллигенция играла в ней огромную роль. Особенно во второй половине прошлого века. Я думаю, без интеллигенции страна не может жить, и какие-то здоровые начала в нашей интеллигенции все-таки заложены, и они должны одержать верх. Так мне кажется, может, по моему стариковскому, слишком идеалистическому мировоззрению.

М. К.: Всем бы нам такое стариковское мировоззрение иметь. Следующий вопрос, кстати, как раз в связи с мировоззрением. В тексте Ваших воспоминаний есть несколько фраз, в которых объясняется, как и почему Вы вступали в партию. А после них, когда все, вроде бы, уже понятно, Вы вдруг опять пишете о «долгих и мучительных раздумьях», после которых дали согласие на предложение членов парткома. Из-за чего раздумья?

Ю. П.: Да, действительно, я вступал в партию совершенно искренне, будучи убежден, что марксизм — это великое учение, сродни дарвинизму, что будущее общество должно быть социалистическим. Этому глубокому моему убеждению способствовало то, что парторганизация Педагогического института им. А. И. Герцена²² состояла из очень хороших людей. Очень честным и порядочным человеком был его директор, коммунист Федор Федорович Головачев²³, очень порядочными были секретари факультетских организаций и целый ряд других, очень хороших людей. А сомнения были вызваны тем, что сплошь и рядом окружающими вступление в партию расценивалось как стремление к карьеризму, как то, что человек через партию лезет на высокие должности. Я же ни на какие высокие должности лезть не собирался. Кроме того, тогда же уже были репрессии, 37-ой год. Мы видели, что делается что-то страшное, но считали, что это — ошибки, что, вступая в партию, мы поможем их исправить, что просто возобладала линия людей, недостойных носить звание коммуниста, и от них надо партию освободить.

М. К.: Юрий Иванович, как Вы думаете, чего следовало бы остерегаться в будущем ученым, интеллигенции в России? Хотя я понимаю, что будущее не предугадать. Вроде бы мы ученые-переучены горьким опытом, но все никак не научены. Или вообще невозможно ни предугадать, ни научиться чему-либо?

Ю. П.: Такой вопрос задаете... Во-первых, надо остерегаться всех форм национализма, всех форм какой-то кастовой, национальной или иной привилегированности. Вот чего нужно остерегаться в первую очередь, потому что в этом огромный источник несчастий. Мы же видим, что творится сейчас на Кавказе, в Таджикистане. Нужно помнить, что культура в основе своей интернациональна, что национальные аспекты ее, ни в коей мере, не уничтожают, не отменяют ее интернациональную, общечеловеческую сущность. И всякий национализм, будь то антисемитизм или черта в ступе, что хотите, омерзителен и отвратителен.

М. К.: Совсем напоследок. Когда Вы были во Франции, к Вам обращались с просьбой как-то помочь вернуться на Родину?

Ю. П.: Ко мне бесконечное количество людей обращалось с просьбой поговорить с советским послом о возвращении в Советский Союз. Но я ни разу, за одним исключением, этого не сделал. Я боялся, что если у меня что-то и выйдет, и они действительно вернуться — их посадят. И, навряд ли, они будут мне благодарны. Одно исключение, правда, было. Это — в случае с Константином Николаевичем Давыдовым, крупным эмбриологом, членом-корреспондентом Французской Академии наук, профессором нашего университета, автором знаменитого сочинения

«Сравнительная эмбриология беспозвоночных» и других блестящих работ³⁴. У него была тяжелейшая ностальгия. Он мечтал вернуться в Россию, просил и меня, и Л. А. Зенкевича³⁵, который довольно часто бывал во Франции. И я рискнул, пошел к послу и рассказал ему романтическую историю про то, как Давыдов попал во Францию.

М. К.: L'amur?

Ю. П.: L'amur. Посол пошел мне навстречу, обещал связаться с министерством: «Я думаю, что Вы правы. В данном случае надо помочь». И — вышло дело! Давыдов получил разрешение вернуться в Россию. Но когда он получил это разрешение, он умер.

М. К.: Надо же, это судьба, видимо...

Ю. П.: У него было неважно с сердцем, он так разволновался.

М. К.: А сколько ему было?

Ю. П.: Он был ровесником моего отца³⁶, так что ему было довольно порядочно за семьдесят.

Примечания

¹ Полянский Юрий (Георгий) Иванович (1904–1993), российский биолог, специалист в области зоологии беспозвоночных, протозоологии, паразитологии, эволюционной теории, чл.-корр. АН СССР (с 1979), чл.-корр. РАН (с 1991), Герой Социалистического Труда (1990). Осн. труды по морфологии, систематике и физиологии простейших, паразитологии, теоретическим проблемам эволюции. Род. в С.-Петербурге, в семье биолога и деятеля просвещения И. И. Полянского. В 1921 поступил и в 1924 окончил Ленинградский университет (ЛГУ) по кафедре зоологии беспозвоночных, ученик В. А. Догеля. В 1925–1929 — аспирант Петергофского биологического института ЛГУ. С 1927 работал на кафедре зоологии Педагогического института им. А. И. Герцена (с 1933 — заведующий кафедрой), одновременно преподавал в ЛГУ. В 1939 избран заведующим кафедрой генетики и экспериментальной зоологии ЛГУ, руководил ею до лета 1941, когда добровольцем пошел в Народное ополчение. Великую Отечественную войну провел на Ленинградском фронте, в 1941–1943 — на Невском пятачке, в районе прорыва блокады, командовал санитарно-эпидемиологическим отрядом. В 1945 был назначен проректором ЛГУ, одновременно продолжал заведовать кафедрой общей биологии и зоологии в Педагогическом Институте. Ю. И. Полянский всегда интересовался генетикой и эволюционной теорией, выступал в поддержку генетики и генетиков. В частности, он участвовал в дискуссии с лысенковцами в 1939 г., а на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. в докладе И. И. Презента был причислен к лидерам «менделизма-морганизма», после чего был уволен из ЛГУ и Педагогического института и исключен из партии (с заменой исключения на строгий выговор с предупреждением). В конце 1948 был приглашен на Мурманскую биологическую станцию Академии наук. В 1952 работал в Естественнонаучном институте им. П. Ф. Лесгафта в Ленинграде. В конце того же года стал директором Института биологии Карело-Финского филиала АН СССР в Петрозаводске. С 1953 — по совместительству профессор кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ. В 1956 утвержден заведующим этой кафедрой. Одновременно, с 1957 — заведующий лабораторией цитологии одноклеточных организмов и заместитель директора только что организованного Института цитологии АН СССР. Ю. И. Полянский изучал изменчивость инфузорий, в том числе так называемые длительные модификации и температурные адаптации, а также кариологию простейших и их эволюцию. Автор нескольких руководств по протозоологии и паразитологии, выдержавших ряд изданий и переведенных на многие европейские языки, возглавлял авторский коллектив учебника для средней школы «Общая биология» (1-е изд. — 1966; 26-е изд. — 1998, перевод на все языки союзных республик СССР, на французский, испанский и португальский языки). В этом учебнике самим Ю. И. Полянским написана глава «Основы генетики и селекции».

² Полянский, Ю. И. Годы прожитые. Воспоминания биолога. СПб.: Наука, 1997.

³ О Горлите и в целом о некоторых особенностях советской цензуры см.: *Конашев М. Б.* Таинство спецхрана // *Цензура в царской России и Советском Союзе.* М.: Рудомино, 1995. С. 153–161; *Цензура в России: история и современность.* СПб.: Изд-во РНБ, 2001. Вып. 1.

⁴ **Лысенко Трофим Денисович** (1898–1976), советский биолог и агроном, академик АН УССР (1934), ВАСХНИЛ (1935), АН СССР (1939), Герой Социалистического Труда (1945). Президент ВАСХНИЛ в 1938–1956; 1961–1962. Окончил Киевский сельскохозяйственный институт в 1925. Старший специалист Белоцерковской селекционной станции в 1922–1925. Заведующий отделом селекции бобовых культур Гянджинской селекционной станции в 1925–1929, старший специалист отдела физиологии Всесоюзного селекционно-генетического института в Одессе в 1929–1934 гг., научный руководитель, а затем директор Всесоюзного селекционно-генетического института (1934–1938), директор института генетики АН СССР в 1940–1965. С 1938 научный руководитель, с 1966 заведующий лабораторией Экспериментальной научно-исследовательской базы АН СССР «Горки Ленинские» (под Москвой). Отрицая уже общепринятую теорию хромосомной наследственности, Т. Д. Лысенко, выдвинул собственную концепцию наследственности, изменчивости и видообразования, которую назвал «мичуринским учением» и согласно которой искусственным путем можно вывести любые растения в результате прямого влияния природной среды. Эта концепция Лысенко была официально признана единственно правильной, и любая ее критика воспринималась как вредительство. Монополизм Лысенко в биологии, совмещенный со сталинскими методами борьбы с инакомыслием, вызвал уничтожение целых научных школ, прежде всего в генетике, увольнение, арест и гибель многих биологов. Как отечественными, так и зарубежными учеными было неоднократно доказано, что все идеи Лысенко не более, чем шарлатанство, основанное на лженаучных исследованиях и фальсификациях результатов опытов.

⁵ В книге не употреблялся даже сам термин «лысенкоизм» или его аналог, чаще употреблявшийся в некоторых отечественных работах конца 1980–1990-х, — «лысенковщина». Отказ от рассмотрения этого явления объяснялся следующим образом: «Что же касается истории зарождения и распространения в нашей стране специфической формы антидарвинизма, названной К. М. Завадским и З. И. Берманом (1966) псевдодарвинизмом, то эта концепция находилась вне науки и поэтому в монографии не уделяется ей специального внимания». См.: Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е годы). Л.: Наука, 1983. С. 4. Все же некоторые характеристики «концепции вне науки» и представлений самого Лысенко в книге были даны: Там же. С. 72, 73, 76, 149, 216, 396. При этом дана оценка не лысенкоизма как социально-политического феномена, а только взглядов того, чья фамилия вошла в название феномена, напр. см. там же. С. 149: «В 1948 г. исследования по генетике, в том числе по генетике популяций, в нашей стране были прерваны. Состоялась августовская сессия ВАСХНИЛ. «На этой сессии, — писал недавно Дубинин, — единственно верным учением в биологии признавались взгляды Т. Д. Лысенко, обозначенные как “мичуринское учение”». <...> Однако в историческом плане прошел небольшой срок, и все эти ошибки были исправлены».

⁶ **Крепс Евгений Михайлович** (1899–1985), физиолог. Вероятно, речь идет о книге: *Крепс Е. М.* О прожитом и пережитом. М.: Наука, 1989.

⁷ См.: *Крепс Е. М.* Указ. соч. С. 143–151. Собственно сессии посвящены С. 144–145.

⁸ Начальник Управления тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенант **Ф. Н. Лагунов**. Об этом эпизоде см.: *Полянский Ю. И.* Годы прожитые. Воспоминания биолога С. 122–123.

⁹ Мурманская биологическая станция. В 1881 на Соловецких островах в Белом море была организована первая в России Северная морская биологическая станция. В 1899 она была переведена в г. Александровск (позднее г. Полярный) на берегу Кольского залива Баренцева моря. В 1929 Мурманская биологическая станция (МБС) была преобразована в Мурманское отделение Государственного океанографического института, а в 1958 ее реорганизовали в Мурманский морской биологический институт. Ю. И. Полян-

ский был на станции с ноября 1948 до середины 1952 (См.: *Полянский Ю. И.* Годы прожитые. Воспоминания биолога. С. 125–136). Результаты научных исследований на станции Ю. И. Полянский изложил в монографии «*Паразиты рыб Баренцева моря*» (См.: Материалы по паразитологии рыб северных морей СССР. Паразиты рыб Баренцева моря // Тр. ЗИН АН СССР. Л., 1955. Т. 19. С. 1–170.), посвятив ее своему любимому учителю В. А. Догелю.

¹⁰ См.: *Конашев М. Б.* Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. С. 97–112.

¹¹ О «механике» спецхрана см.: *Конашев М. Б.* Тайнство спецхрана // Цензура в царской России и Советском Союзе. М.: Рудомино, 1995. С. 151–161.; *Конашев М. Б.* Документы о тайнстве спецхрана // *Конашев М. Б.* (отв. ред.) На подступах к спецхрану (Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», 24–26 сентября 1991 г., С.-Петербург). СПб., 1995. С. 71–93.

¹² **Догель Валентин Александрович** (1882–1955), зоолог, чл.-корр. АН СССР (1939). Сын А. С. Догеля. Окончил С.-Петербургский университет в 1904. С 1913 — профессор С.-Петербургского (Ленинградского) университета. С 1944 заведующий лабораторией протистологии Зоологического института АН СССР. Основные труды по протозоологии, эмбриологии, сравнительной анатомии беспозвоночных животных и по паразитологии. См.: *Полянский Ю. И.* Валентин Александрович Догель, Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.; *Мазурмович Б. Н., Полянский Ю. И.* Валентин Александрович Догель. 1882–1955. М.: Наука, 1980.

¹³ См.: *Полянский Ю. И.* Годы прожитые. Воспоминания биолога. С. 138.

¹⁴ См.: *Конашев М. Б.* Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Вып. II. С. 110.

¹⁵ См.: *Конашев М. Б.* Холодная война, генетика и «спецхран» // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 446–447.

¹⁶ Знаменитая Неаполитанская биологическая станция была основана в 1872. Антоном Дорном (1840–1909) и до Первой мировой войны являлась главным международным зоологическим исследовательским центром. Сама идея создания станции и ее научно-исследовательская программа принадлежат А. Дорну. См.: *Орлов С. А.* Биологи России и Германии и рождение морских зоологических станций // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. [Вып. 1.] СПб.: Борей Арт, 2001. С. 55–67; *The Origin of Marine Laboratories in Europe and in America // Lillie Frank R.* The Woods Hole Marine Biological Laboratory. Supplement to The Biological Bulletin. V. 174. N. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1944. P. 10–33, *The Founding and Early History of the Marine Biological Laboratory // Lillie Frank R.* The Woods Hole Marine Biological Laboratory. Supplement to The Biological Bulletin. V. 174. N. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1944. P. 34–62.

¹⁷ **Шевяков Владимир Тимофеевич** (1859–1930), российский зоолог, ординарный профессор зоологии С.-Петербургского университета, чл.-корр. ИАН (с 1908), чл.-корр. РАН (с 1917), чл.-корр. АН СССР (с 1925). Труды по эмбриологии беспозвоночных, систематике и географическому распространению простейших, энтомологии. Получив первоначальное образование в реформатском церковном училище, по окончании курса в 1877, В. Т. Шевяков поступил студентом в горный институт, а в 1881 перешел в С.-Петербургский университет. В 1885 перешел в число студентов Гейдельбергского университета, где в период студенчества работал в зоологическом институте профессора О. Бючли. В 1889–1890 совершил под покровительством Императорского русского географического общества кругосветное путешествие, по возвращении из которого поступил ассистентом зоологического института политехникума в Карлсруэ, а затем был назначен там же исполняющим должность директора Зоологического института. Весной 1891 перешел в качестве ассистента по зоологии в Гейдельбергский университет и в 1893 по представлении диссертации и сдаче экзамена был утвержден в звании приват-доцен-

та зоологии при Гейдельбергском университете. В 1894 выдержал магистерский экзамен и защитил диссертацию: «К биологии простейших» при С.-Петербургском университете, после чего вернулся в Гейдельберг исполняя должность ординарного профессора зоологии и директора Зоологического института Гейдельбергского университета. Осенью того же года перешел в С.-Петербург лаборантом вновь учрежденной особой зоологической лаборатории Императорской Академии Наук и занялся устройством ее. В том же году в качестве приват-доцента начал читать общий курс зоологии беспозвоночных при С.-Петербургском университете. В 1896 получил степень доктора зоологии за диссертацию «Морфология и систематика *Infusoria Aspirotricha*» и был назначен экстраординарным, а в 1899 ординарным профессором зоологии С.-Петербургского университета.

¹⁸ Так, например, Ю. А. Филипченко, создатель одной из первых в Европе и первой в России кафедры генетики Ленинградского университета, после того как, сдав государственные экзамены и был принят на специализацию по зоологии беспозвоночных в лабораторию В. Т. Шевякова Петербургского университета, в 1911 с целью подготовки к профессорской деятельности был командирован за границу в лабораторию Р. Гертвига в Мюнхене и на биологическую станцию в Неаполе.

¹⁹ **Алексей Алексеевич Коротнев** (1854—1915), зоолог, путешественник, чл.-корр. ИАН (с 1903). В 1876 закончил Московский университет. В 1887—1912 проф. Киевского университета. О станши в Виллафранке см.: Орлов С. А. Биологи России и Германии и рождение морских зоологических станций // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. [Вып. 1.]. С. 55—67. О роли А. А. Коротнева в организации станции см.: Мазурмович Б. Н. О жизни и деятельности профессора Киевского университета А. А. Коротнева // Тр. ИИЕТ. 1958. Т. 24. Ист. Биол. Вып. 5. С. 196—211.

²⁰ **Мечников Илья Ильич** (1845—1916), биолог и патолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии, создатель сравнительной патологии воспаления и фагоцитарной теории иммунитета. Почетный член ИАН (1902). Окончил Харьковский университет (1864), специализировался в Германии у Р. Лейкарта и К. Зибольда, изучал эмбриологию беспозвоночных животных в Италии. Защитил магистерскую (1867) и докторскую (1868) диссертации в С.-Петербургском университете. Профессор Новороссийского университета в Одессе (1870—1882). В знак протеста против реакционной политики царского правительства и правой профессуры в области просвещения вышел в отставку и организовал в Одессе частную лабораторию, а затем совместно с Н. Ф. Гамалеей первую русскую бактериологическую станцию для борьбы с инфекционными заболеваниями. В 1887 переехал в Париж, где ему была предоставлена лаборатория в созданном Л. Пастером институте. С 1905 — заместитель директора этого института. Проживая до конца жизни в Париже, Мечников не порывал связи с Россией; переписывался с К. А. Тимирязевым, И. М. Сеченовым, И. П. Павловым, Н. А. Умовым, Д. И. Менделеевым и др. У него специализировались и работали многие русские ученые, и сам он неоднократно приезжал в Россию.

²¹ **Богданов Анатолий Петрович** (1834—1896), антрополог, зоолог и историк зоологии, один из основателей антропологии в России, организатор первых антропологических учреждений и популяризатор естественнонаучных знаний, чл.-корр. ИАН (с 1890), профессор Московского университета (с 1867).

²² **Холодковский Николай Александрович** (1858—1921), зоолог, энтомолог, полтереводчик, чл.-корр. ИАН по разряду биологическому Физико-математического отделения (с 1909). В 1880 окончил Медико-хирургическую академию. С 1885 приват-доцент, с 1902 — профессор Лесного института в С.-Петербурге, с 1892 — профессор Военно-медицинской академии. Труды по различным разделам зоологии, главным образом, по энтомологии и паразитологии; автор известных руководств по зоологии и энтомологии. Особый интерес представляют его исследования сложных циклов развития хермесов — вредителей хвойных деревьев. Автор научно-популярных работ по теории эволюции и общим вопросам биологии, способствовавших широкому распространению дарвинизма в России.

²³ Ковалевский Александр Онуфриевич (1840—1901), биолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии и физиологии, академик ИАН (1890), брат В. О. Ковалевского. Окончил С.-Петербургский университет в 1863. Там же защитил магистерскую (1865) и докторскую (1867) диссертации. Профессор Казанского (с 1868), Киевского (с 1869), Новороссийского в Одессе (с 1874) и С.-Петербургского (в 1891—1894) университетов; директор Севастопольской биостанции (1892—1901).

²⁴ Полянский Ю. И. Научный отчет А. О. Ковалевского во французском архиве // Вестник АН СССР. 1960. № 3. С. 84—85.

²⁵ Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, основанное в 1868, — одно из старейших естественнонаучных обществ России, организованных при университетах Российской империи по решению Второго съезда русских естествоиспытателей и врачей (1867). Исторически связанное с С.-Петербургским университетом и долгие годы бывшее его структурным подразделением, в 1992 Общество перерегистрировано как независимая региональная общественная организация.

²⁶ Великий князь Александр Михайлович, внук Николая I, в течение ряда лет, начиная с 1892, был Почетным председателем Общества.

²⁷ По данным Центра исследований и статистики науки (ЦИСН), с 1990 по 1999 российскую науку по разным причинам покинуло 577 тыс. из общего количества 992 тыс. ученых, т. е. она численно сократилась на 58%. См.: Аллавердян А. Г., Агамова Н. С. Ограничение властью профессиональных прав ученых как фактор «утечки умов» // Наукоеведение. 2001. № 1. С. 61—80.

²⁸ Общие потери от эмиграции ученых из России практически неизвестны. Материальные потери обычно приравниваются к стоимости подготовки уехавших специалистов высокой квалификации. Но даже такие оценки имеют очень широкий диапазон значений (от ежегодных 60—75 миллионов до 4 миллиардов долларов), поскольку ни число уехавших, ни стоимость подготовки специалистов в российских условиях достоверно не установлены. См., например: Дежина И. Г. «Утечка умов» из постсоветской России: эволюция явления и его оценок // Наукоеведение. 2002. № 3. С. 37

²⁹ Polyansky Yu. I. Protozoology and the Problem of Species // Protozoology. 1992. N. 1. P. 177—180.

³⁰ Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) — самоуправляемая государственная организация, основной целью которой является поддержка научно-исследовательских работ по всем направлениям фундаментальной науки на конкурсной основе. РФФИ был создан указом Президента Российской Федерации № 426 от 27 апреля 1992. Прием заявок на первый конкурс РФФИ начался в декабре 1992. К 1995 комплекс научных фондов в России практически сформировался. Два из них — РФФИ и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), выделившийся из РФФИ в 1995, — призваны поддерживать фундаментальные исследования.

³¹ С 1953 Ю. И. Полянский по совместительству профессор кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ. В 1956 году был утвержден заведующим этой кафедрой. Одновременно, с 1957 — заведующий лабораторией цитологии одноклеточных организмов и заместитель директора только что организованного Института цитологии АН СССР.

³² Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (ЛГПИ). Возник как Объединенный педагогический институт в результате объединения 1-го, 2-го и 3-го педагогических институтов, Института дошкольного воспитания, Института социального воспитания, Психоневрологического института и некоторых других учебных заведений в 1922—1925. Свою родословную РГПИ ведет от Воспитательного дома, учрежденного 2 (13) мая 1797 по инициативе и плану И. И. Бецкого и указу императора Павла I. В 1837 на базе учебных классов Воспитательного дома был учрежден Сиротский женский институт (с 1885 — Николаевский сиротский институт), опыт которого был использован в организации первого высшего педагогического заведения в России Императорского Женского педагогического института в 1903. В 1918 Жен-

ский пединститут переименовали в 1-й Педагогический институт. 21 января 1991 ЛГПИ им. А. И. Герцена был аттестован в качестве Российского Государственного Педагогического университета им. А. И. Герцена.

³³ **Головачев Федор Федорович**, директор ЛГПИ им. А. И. Герцена, доцент, зав. кафедрой новой истории, репрессирован по Ленинградскому делу. См.: *Полянский, Ю. И. Годы прожитые. Воспоминания биолога.* С. 76, 85.

³⁴ **Давыдов Константин Николаевич** (1877–1960), российский зоолог, эмбриолог, профессор (с 1918). С 1923 в эмиграции, работал во Франции, член-корреспондент Парижской АН (1949). Автор фундаментальных трудов по фауне и эмбриологии морских и наземных беспозвоночных. Изучал морфологию выделительных и фагоцитарных органов членистоногих. Провел экспериментальные исследования регенерации у различных групп беспозвоночных. Автор учебника *«Курс эмбриологии беспозвоночных»* (СПб.; Киев: Сотрудник, 1914).

³⁵ **Зенкевич Лев Александрович** (1889–1970), ученый-гидробиолог, академик АН СССР (с 1968). Родился в г. Цареве Астраханской губернии в семье ветеринарного врача. В 1908 поступил на юридический факультет Московского университета, но в 1911 был отчислен за участие в студенческих волнениях. В 1912 вновь принят в университет, на этот раз, на естественное отделение физико-математического факультета. Ученик профессора Г. А. Кожевникова. По окончании учебы (1916) оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В дальнейшем работал в МГУ. С 1930 возглавлял кафедру зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных. Принимал участие в ряде экспедиций по комплексному изучению морей.

³⁶ **Полянский Иван Иванович** (1872–1930), педагог, естествоиспытатель. В 1892 окончил Рязанскую духовную семинарию, в 1896 – С.-Петербургскую духовную академию. В академии много занимался биологией и химией. С 1896 по 1901 работал у анатома-эволюциониста П. Ф. Лесгафта в основанной последним Биологической лаборатории. В 1900 окончил С.-Петербургский университет, сдав экзамены по естественному отделению физико-математического факультета. С 1902 читал курс методики преподавания естествознания на Высших женских естественнонаучных курсах и в Педагогическом институте при Петроградском университете. И. И. Полянский также читал курс общей биологии с 1913 по 1922 г. в Петроградском сельскохозяйственном институте и с 1925 в ЛГПИ им. А. И. Герцена. См.: *Полянский Ю. И. Годы прожитые. Воспоминания биолога.* С. 21–23; 40–43.

«ОПЯТЬ КТО-ТО ТРЕТИЙ»

Беседа М. Б. Конашева с М. А. Поповским¹. (14 мая 1993 г., Нью-Йорк)

Комментарии М. Б. Конашева

«Again someone the third». Interview to M. A. Popovsky. Interview and comments by M. B. Konashev. Interview to writer Mark Popovsky mentions two basic themes. The first is the attitude of former Soviet «the engineer of human souls» to all Soviet, including the Soviet science as a whole and the Soviet biology in particular. The second one is destinies of the Soviet emigrants on «the second native land» — in most capitalist of all capitalist countries of the world, — the USA.

М. К.: Как Вам живется в Америке?

М. П.: Через два месяца мне исполнится 71 год. У меня хорошее здоровье, хорошее настроение, весьма положительное ощущение самого себя в Америке.

М. К.: Не такое как в России?

М. П.: Из России я уехал под давлением, я не хотел уезжать. В 1973 году группа людей уезжала, звала меня, и даже поссорилась со мной: мы здесь не общаемся из-за того, что они мне тогда говорили: «Ехать надо, старик», а я отвечал: «Да нет, надо просвещать российский народ. Рассказывать ему правду, обращать внимание на этические проблемы». Меня прижали конкретные обстоятельства: кэбэшники обыск в квартире учинили, затем завели дело, обвиняя меня в краже юношеских дневников академика Вавилова.

М. К.: А разве была такая возможность?

М. П.: Я их украсть не мог по одной простой причине: Николай Иванович не вел в юности дневники, он начал их вести только в своих экспедициях. Поэтому обвинение было чистой «липой». Это было «липовое дело», но, в конечном счете, мне дали десять дней на сборы, и — конец игре. Я ехал, не зная, куда я еду, хотя это была, естественно, израильская виза, как всегда, и что буду делать. Из России выехал я уже более шестнадцати лет, здесь мы живем пятнадцать лет и два месяца.

М. К.: Именно в этом доме?

М. П.: Нет, это четвертая по счету квартира. У меня был пожар, сгорело все мое имущество. А начинал я в доме напротив. Но я не уезжаю из этого района — Вашингтон-хайдс, северная часть Манхэттена. Здесь очень приятный милый парк, который проклятый империалист один построил, купив землю.

М. К.: У Вас еще остаются выражения вроде «проклятый империалист»?

М. П.: Ну, конечно, я их с детских лет слушал.

М. К.: Своего рода музыка?

М. П.: Да, такая, не очень симпатичная музыка, но музыка. Куда деваться было от этой музыки? Здесь я сменил восемь профессий. Потому что, естественно, русский литератор, который приезжает в Америку без английского языка, никому не надобен. Да он и с языком-то не очень нужен. Я работал как радиожурналист на радио «Свобода», уборщиком мусора в большой юридической конторе, был профессором в университете, был «дормзном» — есть такое английское слово, человек-швейцар², — заместителем главного редактора журнала «Грани», где Георгий Владимов был главным редактором³, был представителем журнала «Страна и мир»⁴ в Америке, квартиры какие-то продавал, правда, меня выгнали очень быстро — не проявляю способностей. А в России ... За тринадцать лет перед отъездом из России я уже отделил себя от советской власти: я перестал читать газеты, смотреть телевизор, и занимался своим делом. Я девять месяцев в году писал книги и издавал их для того, чтобы три месяца в году в Доме творчества писать свои главные книги. Там

была написана биография академика Вавилова⁵, «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга»⁶, и другие⁷. Вот портрет Войно-Ясенецкого, это мой любимый герой. Работая над книгой о нем, я пришел к Господу, стал христианином, верующим.

М. К.: А изначально?

М. П.: Нет, не был. Только в пятьдесят лет, в 1972–73 годах, работая над книгой... Отец Александр Мень⁸ помогал мне, давал разъяснения православия, о котором я ничего не знал. За те пять лет, что он меня консультировал, мы очень нежно подружились. Но он никогда меня не тянул в церковь, в крещение. Он для меня абсолютно светлая личность, поразительный человек был. Я его очень вспоминаю, с сердцем. «Жизнь и житие» была напечатана в журнале «Октябрь» в 1990 году⁹. Сейчас идут разговоры об отдельном издании, но я что-то мало верю в это дело¹⁰.

М. К.: Вы приветствуете публикации Ваших произведений в России сейчас?

М. П.: Да, почему же нет? Мои работы — это то, чем я живу. Сорок пять лет занимаюсь этим делом, естественно, хочу, чтобы мои мысли, мои чувства были известны и близки читателю. Здесь, в Америке, нет читателя. Наше положение трагическое, вообще говоря. Но об этом нужно отдельно говорить.

М. К.: Что еще Вы написали?

М. П.: Кроме тех книг, которые я уже упомянул, я написал книгу о крестьянах-толстовцах¹¹. Я вывез сюда их архив, три тысячи страниц, который они мне доверили. О них тоже никогда не говорилось. Замечаете? Я писал как раз о том, о чем другие не писали. Писал не в тех книгах, официальных, которые выходили в советских изданиях, а в тех, которые я писал в те самые три месяца в году, когда я забирался куда-нибудь в Дубулты под Ригу, или в Крым мой любимый. Там писал то, что надо было писать, а не ту мерзость — четырнадцать книг, изданных в Советском Союзе, которые я запер, и никогда на них не смотрю¹². Они мне противны, потому что я ни в одной из них не мог сказать правду. А все те книги, которые я писал в стол, они здесь вышли¹³. Причем в отличие от всех здешних эмигрантских авторов, я никогда не издаю ничего за свой счет. Если книга товар, то этот товар издательство берет и издает. Я ничего не заработал на этих книгах. Я как-то подсчитывал, и получилось, что в среднем я получил по тысяче долларов за книгу, проработавши над ней несколько лет.

М. К.: За русское издание или за перевод?

М. П.: За все. Мои книги частью переведены. «Управляемая наука», например, переведена на три языка¹⁴, «Вавилов» тоже на три языка¹⁵. Кроме того, были еще издательства, которые печатали книги для России, и мы благодарны им. Мы не видим в этом гнусном поведении «Эмпиа» ничего гнусного. Таким образом, уже в Америке я получил самое главное удовлетворение: то, что я считал важным, напечатано, и, слава богу. Здесь я написал только одну книгу. А вообще я написал много. Столько я пишу здесь статей и очерков, и всякого рода другого мусора — я не написал в России и половины! Причина проста: платят очень мало, а жить на что-то литератору надо.

М. К.: Приходится быть Дюма?

М. П.: Да, приходится быть Дюма — сойти с ума от такого Дюма!

М. К.: И что за книгу Вы здесь написали?

М. П.: Я два года опрашивал людей на самые непристойные темы. Я спрашивал их об их интимной жизни, сексуальной жизни в Советском Союзе.

М. К.: Русских?

М. П.: Да, наших, русских. От восемнадцати до восьмидесяти лет. Пересидело у меня вот здесь, но в другом кресле, человек двести пятьдесят. Собрал большой ма-

териал и написал книгу «Третий лишний. Он, она и советский режим»¹⁶. Внутренний смысл этой книги — о вторжении советского государства в жизнь пары. Вторжение очень разное: в одних местах живут одни женщины, в других — одни мужчины, квартир не строят, я с бабой сплю в комнате, где у меня теща, и так далее, и так далее. Форм вторжения власти в нашу интимную жизнь было ничуть не меньше, чем во все остальные стороны нашей жизни. Книжка вышла в 1985 году. Американцы сю почему-то не заинтересовались, не пожелали печатать. Может быть потому, что она социологическая, а не развлекательная, и построена довольно прочно на социологических позициях автора.

М. К.: А в России ее не собираются публиковать, никто Вам не предлагал?

М. П.: Нет. Она устарела в каком-то смысле, потому что за эти годы горбачевско-ельцинские резко изменилась ситуация в стране в этом плане. У меня поляки взяли ее, и я написал предисловие к польскому изданию, но не знаю — издали ее или не издали. В России таких книг, конечно, не было, она могла бы пойти в России.

М. К.: Чем Вы занимаетесь сейчас?

М. П.: Мне приходится много писать, в основном, в «Новое русское слово»¹⁷. Почти каждую неделю появляется мой очерк, и это не от хорошей жизни, просто моя пенсия очень мала.

М. К.: А американцы все-таки дают пенсию?

М. П.: Я работал, и определенная сумма отчислялась, но у меня всегда были низкие зарплаты, поэтому и пенсия невелика. Никаких претензий к Америке, помилуй бог! Просто прожить с женой на это мы не можем, поэтому я должен работать до последнего вздоха. Ну, а когда вздох, я не знаю ...

М. К.: Вы арендуете эту квартиру?

М. П.: Да, мы снимаем. У меня нет ничего: ни дома, ни машины, ничего. Есть старая пишущая машинка, которую надо менять, и это целая проблема.

М. К.: Какая тема теперь для Вас главная?

М. П.: Она сложилась постепенно в последние годы, это — жизнь эмиграции. Я написал за последние три года очень много. Вот, например, материалы девяносто второго года: «Наша эмиграция в трех зеркалах», «Аристократы. Князь Оболенский. Граф Бобринский. Князь Щербатов. Князь Голицын».

М. К.: Вы только двадцатый век берете?

М. П.: Речь идет о всех слоях эмиграции. Это дети тех, кто бежал после революции. В те самые дни, когда отмечалось сто восемьдесят лет со дня основания лица, я разговаривал с Иваном Ивановичем Пушиным здесь. Восьмое поколение Пушиных. Или, вот, например, очерк о психологах. Я опрашивал здесь русских психологов, что они думают о русских эмигрантах, семейных отношениях, состоянии душевном и так далее. Или, вот, серия очерков «Любовь заграничная» — о том, как себя чувствуют наши соотечественники, женившись на американках. Пришел я, кстати, к очень грустному выводу, что чаще всего русско-американские браки очень неблагоприятны.

М. К.: То есть они распадаются?

М. П.: Иногда они распадаются, иногда нет, но для своего сохранения требуют огромных усилий: столь различны вкусы и понятия, столь различны культуры.

М. К.: А случаи, когда русские женщины вышли за американцев?

М. П.: Это лучший вариант, потому что женщина русская, даже если она еврейка по крови, привыкла «обвиваться» вокруг своего супруга, и это получается лучше. Вот из последних моих работ: «Любовь Томаса Уитни» — об американце, миллионере, который женился на русской женщине вскоре после войны, влюбился в русскую культуру, поддерживает здесь журнал. Меня это трогает. Или нашел я здесь,

например, девяностодевятилетнюю Нину Федоровну Гурову, которая еще в Гражданскую войну была казачьим атаманом на Кубани и дралась с Красной армией, что мне тоже доставляет некоторое удовольствие. Наконец, о сохранении языка я писал, здесь недавно была конференция по двуязычию.

М. К.: У эмигрантов?

М. П.: Да, но не только у русских, а вообще у эмигрантов. На конференции говорилось о том, что всех детей, которые приезжают сюда, надо учить и на английском и на своем родном языке, и я нашел людей, которые этим занимаются.

М. К.: А вообще русский язык теряется все-таки?

М. П.: О, да!.. Наша эмиграция абсолютно бездарна в этом отношении.

М. К.: Но разве это не естественный процесс в каком-то смысле?

М. П.: Ничего естественного. Когда я встречаю людей первой и второй эмиграции, людей, которые родились в Югославии, родились во Франции, я убеждаюсь, что они прекрасно говорят по-русски. Дети, внуки и правнуки князя Голицына все прекрасно говорят по-русски, потому что для них русский язык — ценность. А наша «команда», увы... Потому что, если нецивилизованная семья, неинтеллигентная, им не о чем говорить с детьми, и с детьми не говорят по-русски дома, и дети набираются английского языка, причем не лучшего, «бульварного», уличного. А родители считают, что это прекрасно, и когда им предлагают: «Давайте мы ваших детей будем учить и по-английски, и по-русски в школе», они отвечают: «Нет, не надо. Надо скорее осваивать английский, а русский можно совсем забыть». Такое вот базарное, херсонодесское мышление.

М. К.: Которое называют прагматизмом.

М. П.: Простите, дешевый и, я сказал бы, унижительный, оскорбительный прагматизм. Если мы люди культуры, то мы люди русской культуры, и надо дорожить этой культурой, она многое нам дала.

М. К.: Сейчас в России происходит похожий процесс.

М. П.: Да, я читаю об этом в газетах, о том, что каждое четвертое слово — англицизм. Это настоящее бедствие, надо сохранять свой язык. В моем языке нет англицизмов.

М. К.: О чем Ваши последние очерки?

М. П.: Один из моих последних очерков, «Энергетика упорства», о нашем парне, изобретателе, Александре Калина¹⁸. Он изобрел нечто такое, что одна из самых богатейших и мощных фирм в электроэнергетике, «Дженерал моторс», купила у него изобретение, и, по словам американского журналиста, если даже один процент того, что они получают от его изобретения, получит сам изобретатель, то это будет сто миллионов долларов в год. Вот такие у нас ребята здесь. Только что я приехал из Санкт-Петербурга, флоридского Санкт-Петербурга, где я провел десять дней. В последнем своем очерке я рассказал о том, как удалось установить, что русский человек, Дементьев, основал Санкт-Петербург сто пять лет тому назад во Флориде¹⁹. Причем была борьба большая.

М. К.: И за название тоже?

М. П.: Да, американец, который владел землей, хотел назвать город по-другому. Живущий во флоридском Санкт-Петербурге девяностолетний русский профессор долго боролся за то, чтобы восстановить правду и поставить памятник Дементьеву, и теперь этот памятник стоит²⁰. Сегодня позвонили мне из другого города, там, оказывается, есть внучка человека, который был американским мэром Владивостока в начале двадцатых годов. Она собирает материалы о нем, и я непременно туда поеду. У нас всегда как-то стирали тот факт, что американцы долгое время были во Владивостоке²¹. Факт исторический, значит, он должен быть исследован, и в нем найде-

ны какие-то интересные, общечеловеческие вещи. То, что я пишу, должно быть интересно моим читателям, и каждую пятницу мои читатели могут обнаружить такой очерк. Вот, сегодня, например, вышел очерк о русском человеке, которому все не нравится в Америке. Он приехал сюда с женой еврейкой три с половиной года назад, у него двое детей. Он считает, что Америка его обманула.

М. К.: Разве она ему что-то обещала?

М. П.: Он утверждает, что, да, обещала. *«Голос Америки»* говорил, что здесь рабочий зарабатывает две тысячи долларов в месяц, квартира стоит всего пятьсот, а еда вообще почти ничего не стоит. Значит здесь можно накопить хорошие деньги. А когда он приехал сюда, то оказалось все не так. Сидит за рулем в такси.

М. К.: Но ведь он, наверное, слышал то, что хотел слышать.

М. П.: Зачем Вы меня уговариваете? Я Вам рассказываю то, что он мне говорил. Я держусь прямо противоположных взглядов. Я ему сказал: «Простите, но это же радио, оно просто дает информацию». — «Нет, это борьба капитализма с социализмом за наши души». Так что они приехали сюда именно потому, что наслушались *«Голоса Америки»* с его лживыми заявлениями.

М. К.: Но сейчас-то какая польза «империалистам» от того, что сюда кто-то приедет?

М. П.: Вы мне не задавайте вопросов. Я Вам рассказываю то, что мне говорил мой собеседник. У него есть еще одна интересная сторона. Он, естественно, разошелся с женой. Здесь разводы, кстати, массовое дело. Эмиграция — очень нелегкая штука, и не у всех хватает сил. Бабам нашим она дается более успешно, а мужики наши очень часто на диване валяются, язык не выучивают, ничего не знают, не работают, и охают, и ахают. Женщины берут любую работу и двигаются вперед. Так этот таксист еще и игрок. Проработавши всю ночь, он подходит к игральному автомату, начинает совать свои деньги и опять оказывается без ничего. Я ему говорю: «Ведь Вы же слабость проявляете». Он соглашается: «Да, слабость. Но у автоматов такая прелестная музыка, они так прекрасно покрашены — это же все техники и инженеры, специалисты придумали для того, чтобы обольстить меня». Получается, опять он не виноват, опять «они», опять кто-то третий. Узнаете русский дух, как Русью пахнет?

М. К.: Возвращаясь к прошлому, как Вы пришли к Вавилону?

М. П.: Вообще-то об этом есть в предисловии к моей книге о Вавилоне²². Я узнал о нем еще в пятьдесят седьмом году от его ученика Хаджинова²³, с которым познакомился в Краснодаре²⁴. Михаил Иванович Хаджинов впервые показал мне портрет Вавилова, и я тогда же, в пятьдесят седьмом, решил, что напишу книгу о нем. А потом стал потихонечку собирать материалы. Конечно, в лысенковскую пору было нереально издать ее. Я предлагал издательству *«Молодая гвардия»*. Там сидел некий Резник, Семен²⁵. Он сейчас сидит здесь, в журнале *«Америка»*. «Еще не время писать на эту тему,» — сказал очень партийный, единственный еврей в издательстве *«Молодая гвардия»*, Резник. Теперь тут он вопиет, что евреев обижают. Кстати, его любимая тема. Меняются времена, и мы меняемся вместе с ними. Так вот, мой путь к Вавилону ... У меня было одно переживание, которое я не мог себе простить. Я в пятьдесят первом году приехал в ВИР — Всесоюзный институт растениеводства, сидел в библиотеке, писал об этом институте, и никто не сказал мне ни слова о существовании Николая Вавилова. Никто. В библиотеке была та библиотекарьша, которая еще при Вавилове работала.

М. К.: А почему Вы ВИРом занялись?

М. П.: Я был журналистом. В журнале *«Знание — сила»*. Я писал о людях науки, немножко популяризировал. Потом мне стало интересно только социальное лицо русского ученого. Я был страшно расстроен тем, как вели себя люди, которые рабо-

тали с Вавиловым. Я стал искать и нашел тех людей, которые уже не боялись. Тогда многие боялись. Академик Жуковский²⁶ не пожелал со мной разговаривать.

М. К.: Может быть, были другие причины?

М. П.: Причина именно та, что он боялся советской власти. А Вавилов так тепло о нем в своих письмах отзывался... Еще раз повторяю: нравственный вопрос для меня главный, проблемы науки для меня неинтересны, мне интересно поведение ученого как интеллигента в роковых обстоятельствах. Вавилов, например, оказался человеком, который не выдерживал давления политического и общественного. Он ставил нравственность ниже науки, как это ни странно. Я очень его люблю, но...

М. К.: А это можно доказать?

М. П.: Да, конечно. Первый вариант книги назывался *«Беда и вина академика Вавилова»*. Вавилов считал, что развитие науки, благополучная деятельность института, лаборатории важнее, чем то, что он заплатит за это огэпэушникам. Например, сфотографирует крепости на границе с Индией по дороге в Афганистан. Или в Аргентине будет подбивать немцев на расположение к советской власти. Он много таких дел наделал.

М. К.: Есть документы, подтверждающие это?

М. П.: Есть. Я нашел в архивах эти материалы. Целая глава есть о его слабых местах в книге, она вышла в Советском Союзе в издательстве *«Книга»*²⁷.

М. К.: Но она написана в художественной форме, и в ней нет ссылок на документы.

М. П.: Нет никакой художественной формы! А ссылки есть, я не пишу ничего такого, что не читал. Скажем, есть письмо из посольства по поводу того, что он должен обольстить немцев. Но, повторяю, важно не то, что он — злодей. Он — никакой не злодей, а трагическая фигура. Но в том ряду, о котором я писал, например, на фоне Войно-Ясенецкого, которому говорили: *«Сними крест и ясу, и мы тебя сделаем кремлевским врачом»*, а он отвечал: *«С кожей вы у меня крест снимете»*, Вавилов выглядит по-другому. Не то, чтобы хуже... Просто другой взгляд на этику, другой взгляд на нравственность, и так далее.

М. К.: Как Вы думаете, он тоже все-таки полешку в тот костер положил, на котором потом сгорел?

М. П.: Да, он же породил Лысенко! Он создал его. Не для политических целей, конечно, но создал. Он приехал на Кавказ, где Лысенко работал, увидел интересную идею, заинтересовался, еще раз поехал, послал своих сотрудников, стал Лысенко поднимать, Лысенко избрали в академию, и так далее, и так далее²⁸. Потом идеи рухнули, но уже было поздно, уже Лысенко к этому времени возрос. Уже власти на него обратили внимание, уже тогдашний нарком земледелия подал его в ЦК: *«Вот, смотрите, какое у нас интересное явление выросло»*. А дальше пошла дружба Сталина и Лысенко. Все, Вавилову конец. Вот так он его и породил²⁹.

М. К.: То есть Вавилов все-таки не знал, что он делает, и не предполагал, какие последствия могут произойти из его действий?

М. П.: Совершенно верно. В какие-то моменты он уступал властям, это было его методом, его позицией, его слабостью. Он не был, как многие русские люди, сильным борцом.

М. К.: А если его с Кольцовым³⁰ в этом смысле сравнить?

М. П.: Ну, Кольцов значительнее фигура. Личность, сильная личность, тверже стоял на своих позициях.

М. К.: Несколько лет назад была напечатана статья в *«Природе»*, в редакционной вставке к которой утверждалось, что позиция Вавилова предпочтительнее — в том смысле, что благодаря Вавилову больше людей сохранилось, и большая польза науке была, а Кольцов — он слишком был неуступчивый, поэтому, мол³¹, ...

М. П.: Отвратительная позиция. Вавилов отправлял своих сотрудников в провинцию и тем самым спасал их. Хаджинов — тому пример. Он — добрейший, умнейший, прелестнейший человек. Но! В его представлении успех науки, то есть успех лаборатории, успех ученого важнее, чем какая-то уступка каким-то там проходимцам.

М. К.: Фактически, следование этому принципу предопределило все остальное?

М. П.: Да, и это трагедия ВИРА и всей его школы. Все женщины были влюблены в него. И для этого были основания. Перед ними был великий ученый плюс прекрасный человек.

М. К.: Но, с другой стороны, теперь нельзя сказать ничего плохого о нем.

М. П.: Войно-Ясенецкий для меня высшая фигура, потому что его пример привел меня к Господу. Но в книге о нем есть глава, которая посвящена его ошибкам, серьезным, грубым ошибкам. Его увлеченность Сталиным, например. Сталин поддержал церковь, значит, Сталин все-таки господу служит. Но это для него было объяснение, а для меня это не объяснение. Я историк, я пришел через тридцать лет, чтобы сказать правду. Вот моя позиция. Извините, у меня такой же плохой характер, как и у Кольцова. Конечно, Кольцов погубил евгенику тем, что он стоял твердо на своих позициях.

М. К.: Ну, ее бы все равно погубили.

М. П.: Неважно. Важны не результаты в науке, а результаты в нравственном поведении человека. Я — псих, это можете так и написать, но я считаю, что этические моменты — важнейшие в жизни. Этика для меня решающая тема, я писал все время об этом. И у меня ни в одной книге никакого вымысла нет. Я не занимаюсь вымыслом, это не мое дело. Мое дело — размышление. В моих книгах вы всегда видите сообщение о реальных фактах, основанных на реальных материалах, и мою точку зрения, которая может быть прямо противоположной точке зрения моего героя. Я вообще не пишу романов. Единственное исключение — роман о Владимире Хавкине³². Когда я был в Саратове, в саратовском институте «Микроб»³³, и там под большим моим давлением меня пустили в чумную лабораторию, где противочумные вакцины готовились, и после надо было девять дней отсидеть в карантине, и я работал в библиотеке там, читал материалы, и наткнулся на биографию Хавкина. Никогда о нем не слышал, о нем полностью забыли к пятидесятым годам, а это был замечательный одесский еврей, ученик Мечникова, создавший первые вакцины против холеры и чумы. Он — национальный герой Индии, Индия выпускает марки с его портретами. Так вот, я начал собирать материалы, лет семь собирал, и написал книжку, она в шестьдесят третьем году вышла. Тогда у меня не было возможности получить материалы о нем из израильского архива, нужно было шестьдесят три фунта стерлингов. Хавкин ускал еще молодым человеком и всю жизнь прожил на Западе и в Индии. Так я здесь уже поехал в Израиль, нашел его архив, и написал новую книгу, которая в Иерусалиме в прошлом году вышла и в которой я опровергаю самого себя. И так и надо делать. Я же не художник слова, я художник мысли. Хавкин, оказывается, ударился в иудаизм, погрузился в еврейские национальные чувства, о чем я никогда не знал, да об этом и нельзя было бы напечатать в Советском Союзе. Я еврейские чувства не разделяю, я русский интеллигент, меня мало интересует мое еврейское происхождение.

М. К.: Ваше отношение к Вашим старым работам? Вы изменились, менялось то, что Вы писали.

М. П.: Я-то менялся, но не менялась советская власть, которая не давала сказать мне всю правду. Я, например, в пятидесятые годы нашел потрясающие материалы о том, как по приказу Сталина гэбэшники тогдашние арестовали всех микробиологов, эпидемиологов, которые занимались чумой и часть их перестреляли, часть пересажали, а часть сослали в женский монастырь в Суздале, где был организован в начале тридцатых годов институт, который должен был создавать бактериологичес-

кое оружие и вакцины. Я еще застал людей, которые там были. В раковом институте умирал уже один ученый, который буквально за несколько недель до смерти рассказал мне все эти подробности. И что же? Я написал книгу, но из нее все выбросили. Правда, эти мерзавцы, эти цензоры, поскольку они идиоты и действовали только по приказу сверху, а сами не думали, оставили рисунок Суздальского монастыря. А глава так и осталась в России, в моем архиве. Так что воспоминания о моей литературной деятельности в России трагичны, особенно сегодня. Я уехал действительно под давлением КГБ, но я уехал еще и от давления цензуры.

М. К.: Как вы думаете, много ли «белых пятен» еще осталось в истории советской биологии, советской науки?

М. П.: Бесконечное количество. Та же история создания бактериологического оружия, например.

М. К.: Ныне даже некоторые профессиональные историки науки утверждают, что уже все известно и написано: и Поповский писал³⁴, и Медведев писал³⁵, и ничего нового узнать уже нельзя.

М. П.: Дело вот в чем. Сегодня уже, конечно, труднее узнать, потому что вымерло то племя, а в бумагах ничего нет, потому что люди боялись даже шептать, не то что записывать. Так что я думаю, что многое останется вечной тайной в истории российского естествознания. Но надо искать! Есть, например, еще Даниил Владимирович Лебедев, человек, который работал с Вавиловым³⁶. Он мне помогал, связывал с вавиловцами.

М. К.: А как Вы с ним познакомились?

М. П.: Собирая материал. Я прочитал следственное дело и поехал в архив ВИРа, и в архиве узнавал новые и новые имена, и старался этих людей найти. А потом я выступил перед ними. Это было совершенно сногшибательное театральное действие, оно было описано в *«Комсомольской правде»*³⁷. Я читал документ и спрашивал: «А вот такой-то сидит здесь, в зале?». — «Да, я здесь». — «А сейчас прочту ваш донос на академика Вавилова, помеченный сентябрем тридцать седьмого года». И такой-то вылетал из зала. Люди плакали и хохотали.

М. К.: А Вы знаете, кстати, что одно из возражений против того, чтобы пускать в архивы КГБ даже исследователей, заключается в том, что негуманно, если дети доносчиков узнают правду о своих родителях?

М. П.: Я детям сочувствую, но для меня правда историческая важнее всего. Потому что правда нужна не только мне как автору той или иной статьи, той или иной книги. Она нужна следующим поколениям, чтобы лучше понимать себя, понимать эту страну, Россию, понимать в каком мире мы живем. Иначе не будет движения вперед.

М. К.: А Вы думаете все-таки, что прогресс какой-то есть? Относительный?

М. П.: Ну, что Вам сказать ... Я очень скептически отношусь к тому, что сейчас происходит в России. Больше того, я с огорчением еще раз убедился, что русский национальный характер абсолютно не приспособлен к политическому мышлению, к политической деятельности, к компромиссу, к договоренности. Каждый идет напролом. Политика западная и политическая жизнь вообще построена на компромиссе. Вся современная цивилизация достигнута благодаря этому. Посмотрите, допустим, историю Англии. Начиная с Великой Хартии Вольностей³⁸ постепенно шла уступка власти все более широкому кругу людей. Короли уступали, князья уступали, и нет другого пути. Это и есть путь современной цивилизации. Если люди в России не научатся компромиссам, то там будет то, что предсказывают все, и с чем согласен я: Россия опять придет к тоталитарному режиму. Только при нем человек начинает работать, потому что он не работает, пока палки над ним нет.

М. К.: Что же, это своего рода крест какой-то над Русью?

М. П.: Это трагедия. Трагедия как следствие тысячелетнего пресса. Гражданин не научился ничему кроме как подчиняться сильной власти. Я с горечью смотрю на то, что происходит в России.

М. К.: Вы думаете, шансов нет?

М. П.: Видите ли, мне семьдесят первый год, так что у меня мало шансов досмотреть этот фильм, очень мало. Но я хотел бы, чтобы этот фильм имел хэппи энд.

М. К.: А что вы имеете в виду под хэппи энд? Вот ведь в чем вопрос?

М. П.: Я очень рано прозрел, еще в тридцать девятом году, когда мне было восемнадцать лет, и я встретил мальчика, который показал мне первое издание Ленина³⁹, и в нем были статьи против Сталина. И эти статьи против Сталина показали, что не было никакой дружбы Ленина и Сталина, и рухнули мои комсомольские представления. Этот мальчик был племянником Зиновьева. Его в блокаду взяли и расстреляли, он был студентом Ленинградского университета, чудный мальчишка⁴⁰. Так вот, с той самой поры, с тридцать девятого года для меня идеальным для России был бы западный вариант. Но! К сожалению, на сегодня, проживши столь сложную и разнообразную жизнь, я вижу, что все-таки Россия не готова к этому западному, европейскому варианту. Спасением для нее сегодня, к сожалению, является тоталитаризм. Да, спасением. Потому что только тоталитаризм заставит рабочего человека встать к станку и таки действительно восемь часов работать, и только тоталитаризм заставит людей вести себя должным образом.

М. К.: Но если снова тоталитаризм, то, наверное, и лагеря снова?

М. П.: Может быть, он не будет сегодня таким жестоким. Хотелось бы. Но, с другой стороны, все люди, приезжающие из России, говорят, что никто не работает. А никто не работает, потому что нет пресса, нет давления.

М. К.: Может быть, просто смысла нет работать?

М. П.: Смысла работать нет. В советской прессе были статьи, где указывалось, что рабочий человек зарабатывал пятнадцать — семнадцать процентов от стоимости производимого. Я живу в стране, где рабочий человек получает семьдесят пять процентов, тогда как капиталист ограничивается десятью — пятнадцатью, а остальное идет на производство опять. Вот ведь в чем дело. Выгодно работать. Один из моих очерков назывался «*Братья*». Старший брат расстался в четырнадцать лет с младшим под немецкими бомбами, когда тому было восемь месяцев, и, в конце концов, оказался в Америке и сорок лет проработал у Форда. Так теперь он богатый человек, у него несколько машин, дом, у него деньги, он вкладывает их в какие-то дела. И вот через пятьдесят лет к нему приехал младший брат, тоже рабочий, но советский. Я посмотрел на этих двух братьев — небо и земля. Младший — подозрительный, ленивый, равнодушный, ищущий как бы получить побольше, а сделать поменьше.

М. К.: Разве не может быть экономического интереса и в России?

М. П.: Экономический интерес не из чего сделать. Он возникает тогда, когда есть что заплатить рабочему. Сегодня у вас, в России, нет денег для того, чтобы рабочему заплатить его законные деньги. А пока он не будет работать, не будет этих денег. Замкнутый круг, трагическое безумие России. Поэтому — тоталитаризм. Ну, что я, полный идиот, что я не понимаю, что и писателям, и художникам, и рабочим, всем сразу станет плохо. Но только через этот трагический поворот можно надеяться, что все будут, наконец, делать то, что они должны делать.

М. К.: Последний вопрос. Из-за чего у Вас вышел спор с Жоресом Медведевым?⁴¹

М. П.: Спор у нас был сугубо на личной основе, потому что когда он прочитал «*Вавилова*», то увидел, что написанная им рукопись не свсжа и не оригинальна. Вот

в чем дело. Он был обижен и написал статью против меня в «Новом мире»⁴². А здесь я просто наблюдаю его уже несколько лет, читал его статьи в «Нью-Йорк Таймс», где он писал: «Надо непременно посылать хлеб в Россию, потому что иначе крестьяне начнут хорошо работать в колхозах, и не будут покупать ваш хлеб; надо непременно помогать советским ученым, потому что иначе они начнут активнее заниматься наукой, и вы не продадите своих изобретений». Вы можете себе представить, чтобы я подбивал американцев к таким действиям, выгодам какой-нибудь партийной сволочи? Вот в чем дело. Жорес не чист, к сожалению, не чист. А его брат, так просто меня поразил. Мы считали его одним из самых чистых, светлых людей. И до чего же он докатился!»⁴³

М. К.: Вы не собираетесь в Россию?

М. П.: Нет, в Россию я не поеду.

Примечания

¹ Поповский Марк Александрович (1922—2004), писатель, публицист. Учился в Военно-медицинском училище и Военно-медицинской академии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил филологический факультет МГУ (1952). С 1978 в результате вынужденной эмиграции жил в Нью-Йорке. Член Союза журналистов СССР (1957—1977), Союза писателей СССР (1961—1977).

² От англ. Doogman — швейцар.

³ Владимов (настоящая фамилия — Волосевич) Георгий Николаевич (1931—2003), прозаик, критик, главный редактор журнала НТС «Грани» в 1984—1986.

⁴ «Страна и мир» — общественно-политический журнал русского зарубежья.

⁵ Поповский М. Дело академика Вавилова. Ann Arbor, MI: Ergmitazh, 1983.; М.: Книга, 1991.

⁶ Поповский М. А. Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. Париж: YMCA—Press, 1979.

⁷ М. А. Поповский автор более 20 опубликованных книг, среди которых наиболее известны: «Когда врач мечтает» (1957), «Путь к сердцу» (1960), «Второе сотворение мира» (1960), «Разорванная паутина» (1962), «По следам отступающих» (1963), «Судьба доктора Хавкина» (1963), «Кормильцы планеты» (1964), «Пять дней одной жизни» (1965), «Дороже золота» (1966), «Надо спешить» (1968), «Над картой человеческих страданий» (1971), «Люди среди людей» (1972), «Панацея — дочь Эскулапа» (1973), «Июньские новости» (1978), «Управляемая наука» (1978), «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (1979), «Дело академика Вавилова» (1983), «Русские мужики рассказывают» (1983), «Третий лишний. Он, она и советский режим» (1985), три тома «На другой стороне планеты» (1993—1997), «Мы — там и здесь» (2000). См. также примеч. 11—15.

⁸ Мень Александр (1935—1990), русский священник и богослов. С середины 1960-х Мень прославился как проповедник и духовный наставник, а чуть позднее как автор книги «Сын Человеческий» (Мень А. В. Сын человеческий: [Об Иисусе Христе]. М.: Протестант, 1992.) и семи томов по духовной истории человечества, приведшей к Новому Завету (Мень А. В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. М.: Exlibris — изд-во сов-брит. СП «Слово», 1991). А. Мень был убит 9 сентября 1990.

⁹ Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга // Октябрь. 1990. № 2—4.

¹⁰ В СССР книга не публиковалась. В постсоветской России вышло несколько изданий, в том числе в Санкт-Петербурге: Поповский М. А. Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, Держава, 2002. См., также: Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. М.: Пик, 2001.

¹¹ Поповский М. Русские мужики рассказывают: Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе, 1918—1977: Докум. рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенного на Запад крест. архива. London: OPI, 1983.

¹² Фактически у М. А. Поповского в советский период было опубликовано больше книг, если принять во внимание, что некоторые его произведения выходили как многостраничные брошюры издательства «Знание»; некоторые книги выходили в разных сериях, например, в серии «Пламенные революционеры»: Белое пятно. [Очерк об ученом-селекционере В. Е. Писареве]. М.: Знание, 1960; Второе сотворение мира. М.: Молодая гвардия, 1960; Дороже золота. М.: Дет. лит., 1966; Живое зерно. [Очерк о жизни и творчестве ученого-селекционера дважды Героя Соц. Труда акад. В. Я. Юрьева.] М.: Госполитиздат, 1961; Когда врач мечтает... М.: Трудрезервиздат, 1957; Кормильцы планеты. М.: Знание, 1964; *Поповский М., Подольный Р.* Люди и хлеб. Рассказы об участниках выставки. М., 1962; Люди среди людей. Повести. М.: Дет. лит., 1972.; Над картой человеческих страданий. [О врачах-паразитологах и эпидемиологах]. М.: Дет. лит., 1971; Надо спешить! Путешествия акад. Н. И. Вавилова. М.: Дет. лит., 1968; Панацея — дочь Эскулапа. Рассказы о людях и лекарствах. М.: Дет. лит., 1973; По следам отступающих. [М.:] Мол. Гвардия, 1963; Победенное время. Повесть о Н. Морозове. М.: Политиздат, 1975 (Серия «Пламенные революционеры»); Путь к сердцу. Рассказ о медицине и ее творцах. М.: Воениздат, 1960; Пять дней одной жизни. Повесть о докторе В. А. Хавкине. М.: Дет. лит., 1965; Разорванная паутина. [Об акад. К. И. Скрябине.] М.: Сов. Россия, 1963; Судьба доктора Хавкина. [1860–1930]. М.: Изд-во вост. лит., 1963; Целительная сталь. [Очерки]. М.: Знание, 1962..

¹³ *Поповский М. А.* Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. Париж: YMCA—Press, 1979; [2 ed.]: Tenaflly (N.Y.) Hermitage, 1996; Русские мужики рассказывают: Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе, 1918–1977: Докум. рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенного на Запад крест. архива. London: OPI, 1983; Третий лишний: он, она и советский режим. London: Overseas Publications. Jntechange, 1985.

¹⁴ *Popovsky Mark.* Manipulated science : the crisis of science and scientists in the Soviet Union today. Translated by *Paul S. Falla*. New York: Doubleday, 1979.

¹⁵ *Popovsky Mark.* The Vavilov affair / with a foreword by *Andrei Sakharov*. Hamden, Conn.: Archon Books, 1984.

¹⁶ *Поповский М.* Третий лишний: он, она и советский режим. London: Overseas Publications. Jntechange, 1985.

¹⁷ «Новое русское слово» — русскоязычная газета зарубежья, издающаяся в Нью-Йорке.

¹⁸ Очерк «Энергия упорства (Александр Калина)» вошел в книгу: *Поповский М. А.* Мы — там и здесь. Holyoke (Philadelphia): Побережье, New England Publishing, 2000.

¹⁹ **Петр Алексеевич Дементьев** (1850—1919) — русский дворянин, либерал, председатель земской управы и предводитель дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии (1873—1878). В 1881 он, обосновавшись в малозаселенной тогда Флориде, купил долю в лесопилке в местечке Лонгвуд. Со временем Дементьев выкупил всю лесопилку, затем построил деревообрабатывающий завод и стал подрядчиком по строительству домов и общественных зданий. Через три года после приезда Дементьева, при его активном участии, Лонгвуд превратился в город и Питер Деменс (как стали называть Дементьева) был избран его первым мэром. Он назвал новый город С.-Петербургом — в честь российской столицы и города своей юности.

²⁰ Гранитный постамент в память основателя города был установлен в 1979 в центре флоридского С.-Петербурга. Место, с которого начал строиться город, названо землей Деменса.

²¹ Это не совсем так. Некоторые работы о присутствии американцев на Дальнем Востоке выходили еще в начале 1950-х. См. например: *Мельчин А. И.* Американская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. М.: Военмориздат, 1951.

²² *Поповский М.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. С. 5—11.

²³ **Хаджинов Михаил Иванович** (1899—1981), селекционер, генетик, академик ВАСХНИЛ (с 1966), автор 140 научных работ, главным образом по генетике кукурузы.

²⁴ В упомянутом предисловии указывается иная дата знакомства, а место указывается неопределенно: «Первая заочная встреча с будущим героем книги произошла у меня в начале 50-х годов, вскоре после смерти Сталина. По поручению московской газеты я поехал в командировку в один из южнорусских городов. <...> В городе этом жил, правда, высланный туда еще до второй мировой войны старый ученый-генетик, имеющий среди своих коллег весьма высокую научную репутацию. С ним стоило встретиться». См.: *Поповский М.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. С. 5. При этом М. А. Поповский имя М. И. Хаджинова в предисловии не упоминает.

²⁵ **Резник Семен Ефимович** (р. 1938), писатель. В издательстве «Молодая гвардия» был зав. редакцией серии «Жизнь замечательных людей».

²⁶ **Жуковский Петр Михайлович** (1888–1975), ботаник, растениевод, д-р биол. и с.-х. н., акад. ВАСХНИЛ (с 1935). В 1911 окончил Новороссийский университет. В 1934–1952 проф. Московской с.-х. академии им К. А. Тимирязева, в 1951–1960 дир. ВНИИ растениеводства, с 1962. проф. ЛГУ.

²⁷ Вероятно, М. А. Поповский имел в виду главу 5. «Странная дискуссия», в которой идет речь о «слабых местах», с точки зрения автора, Н. И. Вавилова. См.: *Поповский М.* Дело академика Вавилова. С. 106–136. См. также: С. 107–109, 110–111, 115–116, 122–123.

²⁸ См.: *Поповский М.* Дело академика Вавилова С. 89–101.

²⁹ Версия М. А. Поповского о том, что Н. И. Вавилов сам, по крайней мере, частично был ответственен за «феномен Лысенко», вызвала резкую критику. См., например: *Резник С.* Правда и ложь о Вавилове и Лысенко // ВИЕТ, 1992. № 2. С. 62–78.

³⁰ **Кольцов Николай Константинович** (1872–1940), зоолог, генетик, один из основоположников экспериментальной биологии в России, чл.-корр. ИАН (1915), акад. ВАСХНИЛ (1929). Окончил Московский университет (1894). С 1899 приват-доцент Московского университета, с 1908 — народного университета им. А. Л. Шанявского. В 1917–1938 директор организованного им Института экспериментальной биологии.

³¹ «Поняв еще в 1933 г., что обречен, Вавилов использовал все свое искусство, чтобы удержаться на “плаву” как можно дольше и уберечь от погрома два института, сельскохозяйственную академию, огромную интродукционную и генетико-селекционную опытную сеть, сотни и тысячи сотрудников-единомышленников, всю генетику. И ему удавалось это до августа 1940 г. Кольцов же с его прямолинейностью — да не поставлено будет ему это в укор — из-за своей лютеровской непримиримости был вышвырнут из большого дела гораздо раньше». — Цит. по: *Керкис Ю. Я.* Неизвестные страницы из жизни Н. И. Вавилова // Природа. 1989. № 3. С. 98.

³² У М. А. Поповского две книги о В. А. Хавкине: Судьба доктора Хавкина. [1860–1930]. М.: Изд-во вост. лит., 1963; Пять дней одной жизни. Повесть о докторе В. А. Хавкине. М.: Дет. лит, 1965.

³³ Российский научно-исследовательский противочумный институт «Микроб» (ФГУ РосНИПЧИ «Микроб») МЗ РФ. Институт «Микроб» организовал в 1918 в Саратове Н. М. Берестнев, бывший последним заведующим Особой лабораторией (Чумной форт) по изготовлению противобубонных препаратов Института экспериментальной медицины (ИЭМ) РАМН. Идеино и методологически «Микроб» был связан с ИЭМом. В дальнейшем институт «Микроб» стал базой для создания системы противочумной службы СССР из шести институтов, расположенных в регионах Средней Азии, Северного Кавказа и низовьев Волги.

³⁴ *Поповский М.* Дело академика Вавилова. App Argbot, MI: Ermitazh, 1983; М.: Книга, 1991.

³⁵ См.: *Medvedev Zh. A.* The Rise and Fall of T. D. Lysenko. Translated by I. M. Lerner. New York-London: Columbia Univ. Press, 1969. Подготовленная еще в начале 1960-х книга была издана на родине автора лишь в начале 1990-х: *Медведев Ж. А.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, ЛТД, 1993.

³⁶ О Д. В. Лебедеве см. вступительную статью к публикации в данном номере: «ЦК, “Ботанический журнал” и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной».

³⁷ Гладков А. «Делать жизнь с кого...»: Заметки о биографическом жанре // Комс. правда. 1966. 21 апреля.

³⁸ Великая Хартия вольностей (лат. Magna Charta Libertatum, англ. The Great Charter), королевская грамота, обеспечивавшая вольности баронам и всем свободным людям Англии; подписана королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 на Руннимедском лугу. Забытая в конце XIV века, она была использована лидерами парламентской оппозиции накануне и в начале Английской буржуазной революции для обоснования права парламента контролировать действия королевской власти.

³⁹ Возможно, М. А. Поповский имел в виду следующее издание: Ленин В. И. Собрание сочинений [в 20 т.]. М.: Гос. изд., 1920—1927, 1930.

⁴⁰ Какое племянника Г. Е. Зиновьева имел в виду М. А. Поповский, установить не удалось. Из племянников Зиновьева известен Закс Рафаил Самуилович (р. 1911). Работал на Красмаше, будучи сосланным по делу промпартии, арестован в 1937 в Красноярске.

⁴¹ Жорес Александрович Медведев (р. 1925), российский и британский биохимик, геронтолог и историк, брат известного историка Р. А. Медведева. Опубликовал 15 книг по проблемам биохимии и биологии, а также по истории науки и истории СССР, среди них книги об Уральской ядерной катастрофе 1957 и о Чернобыльской катастрофе. Некоторые из этих книг были переведены и изданы во многих странах Европы, в Америке и Японии. После выхода на пенсию Ж. А. Медведев работает как свободный ученый и занимается активной публицистической и журналистской деятельностью, публикуя статьи и очерки, главным образом, в России.

⁴² Вероятно, М. А. Поповский имел в виду следующую статью: Медведев Ж. А. У истоков генетической дискуссии // Новый мир. 1967. № 4. С. 226—234.

⁴³ Медведев Рой Александрович (р. 1925), российский общественный и политический деятель, историк, публицист. В 1960-х активный участник диссидентского движения в СССР. В 1989—1991 депутат Верховного Совета, народный депутат СССР. Отстаивал идеи единого союзного государства. Автор книг: «Хрущев. Политическая биография», «К суду истории», «Политический портрет Л. И. Брежнева», «Ю. В. Андропов. Политическая биография» и др.

ИССЛЕДОВАНИЯ

ОТ РАЗВЛЕЧЕНИЙ АРИСТОКРАТОВ ДО ДЕКРЕТОВ БОЛЬШЕВИКОВ: ВЕХИ РОССИЙСКОЙ СЕЛЕКЦИИ. КОНЕЦ XIX ВЕКА — 1920-е ГОДЫ

O. Yu. Elina. From entertainments of aristocrats up to decrees of bolsheviks: marks of the Russian selection, the end of XIX century — 1920 th. The paper analyzes the disciplinary development of Russian plant breeding in the period of late 19 century until 1920s. It begins by discussing the influence of Russian noble amateurs' esthetic choice and practical needs on early steps of plant breeding activity. The paper argues that the ideas of Mendelian genetics were crucial for emerging community of organized plant breeding in 1902–1915. Building up the new discipline resulted in the development of specifically Russian forms, as reflected in the newly invented name for science, *seleksiya* (from Latin *selectio*), which was understood as different from the traditional plant breeding, or *sortovodstvo*. The emphasis on science became much more pronounced in Russia, with important consequences for the ethos, identity, and research choices of the adepts of the new discipline. Among the leaders of *seleksiya* one finds D. Rudzinsky, A. Stebut, A. Sapegin, P. Lisitsyn, who are in the focus of the study. Overall, the paper shows the importance of the pre-October activities for the more known later progress in the Soviet plant breeding.

В 1920-е годы естественные науки Советской России начали подводить первые итоги жизни при большевиках. Динамика развития многих дисциплин, появление которых пришлось на рубеж веков, требовала осмысления. К этому подталкивала и зарождавшаяся традиция рапортовать о достижениях к юбилейным революционным датам. Те области, которые могли похвастаться результатами, спешили публично заявить о достигнутом. Селекция и генетика — дисциплины, в которых успехи отечественной науки оказались особенно ярки. «Вехи селекции», «Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции», «Селекция и семеноводство. Обзор результатов деятельности селекционных <...> организаций» — лишь некоторые из многочисленных сборников, опубликованных в это время¹. Главная мысль изданий: советская наука достигла небывалых успехов, является признанным мировым лидером в данных областях. Современного исследователя, привыкшего скептически воспринимать подобные реляции, вычитывая «истину» между строк, следует предупредить: зарубежные авторитеты свидетельствовали о том же. Подъем советской сельскохозяйственной генетики и селекции отмечали в 1929 году известные генетики Э. Бауэр, Р. Гольдшмидт и Г. Федерлей². Впервые в истории вектор научных командировок и стажировок оказался направленным в Россию. Известно было и об особом покровительстве большевистских лидеров молодым наукам. Складывалось впечатление, что за короткий срок советским ученым при поддержке новой власти удалось невероятное: не только организационно выстроить дисциплины, но и получить выдающиеся научные и практические результаты. Прежде всего — массу ценных сортов сельскохозяйственных растений, которые были внедрены в производство уже в первые годы после революции.

¹ Вехи селекции. Под ред. А. А. Сапегина. Одесса, 1923.; Селекция и семеноводство в СССР. Обзор результатов деятельности селекционных и семеноводственных организаций к 1923 г. М., 1924.; Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Сб. статей. Л., 1929.

² Купцов А. И. У нас не было нормированного рабочего дня // Николай Иванович Вавилов. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1987. С. 219–225., С. 224.

Между тем известно, что селекционный процесс в той его форме, которая была распространена в начале XX века — дело отнюдь не быстрое, требующее иногда десятков лет. Очевидно, истоки «революционных побед советской селекции» следует искать в гораздо более раннем, дооктябрьском, периоде.

О том, как институциональное пространство, идеология и научная практика дореволюционной науки принесли послеоктябрьские плоды и превратились в «вехи» советской селекции, пойдет речь в предлагаемой работе.

Помещики и селекция

В XIX веке в России, как и в других аграрных странах, традиционно занимались улучшением посевного материала. Стихийный отбор лучших растений, нередкое получение в результате этого процесса новых сортов обычно называют «народной селекцией». В немногих исследованиях, посвященных становлению российской агрономической науки, обязательно присутствуют увлекательные сюжеты о сортах хлебных злаков, выведенных крестьянами — либо путем ежегодного посева лишь лучших колосьев, либо — размножением уникального по внешнему виду растения³. Однако главными экспериментаторами с растениями были, безусловно, дворяне⁴. «Любительская селекция» российской аристократии — тема, которую еще предстоит подробно исследовать. Отметим, лишь, что зарождение среди знати традиции улучшать растения восходит к далеким временам. Например, «императорский рис» обязан своим происхождением китайскому правителю Канг-Хи, нашедшему резко отличающееся растение в посевах риса и превратившему его в сорт⁵. Как и многие другие нововведения, от псовой охоты до домашнего театра, экспериментирование с возделываемыми растениями в России развивалась благодаря амбициям, эстетическому чувству и любознательности знати.

Русские аристократы нанимали немецких, голландских, французских и английских садовников, чтобы устраивать вошедшие в моду с петровских времен парки и сады. Приглашали специалистов, чтобы те сделали возможным произрастание в суровых условиях континентального климата заморских теплолюбивых растений. Тон задавала царская семья: первые сады появились в Кремле при Иване IV еще в XVI веке⁶. Закладка «царевых» городских и подмосковных садов началась с личной инициативы Алексея Михайловича. Петр I перенес ее в Санкт-Петербург⁷. В петровские времена сады и парки стали обязательными составляющими усадеб высшей аристократии; в екатерининский «золотой век» паркостроение, шагнув из окрестностей столицы в провинцию, было уже массовым увлечением российского дворянства. К этому пе-

³ Бердышев А. П. От дикорастущих растений до культурной флоры. М., 1984.

⁴ Необходимо отметить также и традицию монастырского садоводства, восходящую к X—XI вв., в рамках которой велись работы по акклиматизации и селекции растений.

⁵ Енкен Б. К. Селекция и ее значение за границей // Труды Первого всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала, проходившего 10—15 января в г. Харькове. Вып. 2. Доклады. Харьков, 1911. С. 107—139., С. 109.

⁶ К тому же времени относятся государственные инициативы — институционализация аптекарских огородов (будущих ботанических садов), которая началась с учреждения «Верховной аптеки» Иваном IV. В середине XVII в. в Москве было уже 4 «аптекарских огорода»; в петровские времена они появились и в провинции. См.: Вергунов А. П., Горохов В. А. Вертоград. Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). М., 1996., С. 45—46.

⁷ Вергунов А. П., Горохов В. А. Указ. соч. С. 53—63, 75—128.

риоду относится появление первых частных ботанических садов, устроенных по инициативе и на средства знати. Так, сад А. К. Разумовского в Горенках под Москвой, насчитывал около 9 000 растений, в том числе множество экзотов, привезенных со всех концов света. Таким образом, эксперименты по интродукции и акклиматизации, как важная составляющая селекционной практики — первое из направлений селекции, получившее широкое распространение в помещичьей России⁸.

Некоторые из обитателей дворянских поместий проявляли к растениям более глубокий интерес — читали книги по естественной истории, проводили наблюдения, ставили эксперименты. Объектом внимания часто становились цветы. Тульский дворянин А. Т. Болотов собственноручно выводил новые сорта тюльпанов, составлял руководства по растениеводству. Внук Екатерины II, граф А. А. Бобринский, занимался тепличным разведением цветов, исследуя влияние температуры, влажности и освещения на сроки и длительность цветения. Разработанные им рекомендации по регулированию продолжительности цветения изложены в соответствующем руководстве⁹. Тульский помещик В. А. Левшин — автор лучшего в России начала XIX века обзора по цветоводству¹⁰, а также описаний сортов гиацинтов, заслуживших «всеобщее удивление, как величиною, так и махровостью и разнообразием красок в цветочных лепестках»¹¹. Аристократов объединяла общая черта — они мало задумывались о прагматической составляющей селекции, рассматривая ее скорее как забаву, искусство или ученое «хобби». До середины XIX века селекция в России оставалась преимущественно *occupation des loisir*, праздным развлечением знати.

Однако уже и в это время некоторые из помещиков интересовались «рыночными» культурами¹². Этот интерес усилился к 1860-м годам, когда в результате отмены крепостного труда помещичьи хозяйства лишились бесплатной рабочей силы. Рентабельность аграрного производства, и без того невысокая в России, начала снижаться. Приоритеты «дворянской селекции» явно сместились в сторону улучшения рыночных культур, с которыми связывали надежды на интенсификацию сельского хозяйства. Хотя желаемый результат достигался не всегда, селекционные эксперименты помогали выстроить имидж «прогрессивного», «рационального» хозяина, ценимый позитивистскими умами той эпохи. Многие ценные сорта были получены дворянами: рожь Плодовитая — звенигородским помещиком Рамихом¹³, вишня Булыгинская — тульчанином Булыгиным¹⁴, овес Шатиловский — в имении известных патронов сельскохозяйственной науки Шатиловых¹⁵, и т. д.

⁸ Истокам русской акклиматизационной биологии, работам К. Ф. Рулье, А. П. Богданова и деятельности Общества по акклиматизации животных и растений посвящена работа Д. Уинера, в которой автор рассматривает идеи и практику акклиматизационного движения в имперской России как предпосылки «михуринской переделки природы». См.: *Weinar D. The Roots of «Michurinism»: Transformist Biology and Acclimatization as Currents in the Russian Life Sciences // Annals of Science. 1985. Vol. 42. P. 243–260*

⁹ *Бобринский А. А. О цветении растений // Записки Лебединского общества сельскохозяйственной экономики за 1851 г. 1852. С. 35–39.*

¹⁰ *Левшин В. А. Цветоводство подробное или Флора русская. М., 1826. В 2-х ч. Ч. 1.*

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Можно вспомнить того же А. Т. Болотова, который занимался селекцией плодовых и вывел несколько сортов яблок и груш.

¹³ *Рамих Ф. Х. Плодовитая озимая рожь // Земледельческая газета, 1849. № 42. С. 412–413.*

¹⁴ *Огородничество и садоводство в Московской и смежных губерниях // Земледельческая газета, 1854. № 87. С. 695.*

¹⁵ *Никитина И. К. Хозяин и президент Императорского московского общества сельского хозяйства И. Н. Шатилов, 1824–1889. М., 1999.*

К концу XIX века внутренний аграрный кризис, усугубленный растущей конкуренцией с США за европейские хлебные рынки, сделал жесткой необходимостью скорейшую реформу сельского хозяйства. Сельскохозяйственная наука, долгое время остававшаяся уделом одиночек, начала привлекать всеобщее внимание. В правительственных кругах и общественных организациях заговорили о том, что подъем сельского хозяйства невозможен без широкого внедрения научных достижений. Ученые общества и сельскохозяйственные объединения, земства и государство взялись за устройство опытных станций, которые должны были выполнять агрономические исследования по широкому кругу вопросов — от агрохимии до селекции.

О селекции, которая чрезвычайно активно развивалась в Западной Европе и США и приносила заметные плоды, говорили с особой надеждой. «Прогрессивные хозяева», которые засеивали свои поля селекционными сортами, на собственном опыте ощущали их преимущество. Вместе с тем, необходимость в отечественных селекционных разработках, адаптированных к разнообразным климатическим условиям России, становилась все более ощутимой. Тем не менее, до начала века лишь восемь из 60 станций, имевшихся в стране, занимались работами в области селекции¹⁶. Кроме денег, требовались специалисты, способные выполнить подобные исследования. Однако, в стране, где «люди науки», связанной с сельским хозяйством, «наперечет, и торчат, как оазисы в пустыне»¹⁷, рекрутирование кадров для занятий селекцией оказалось весьма непростым делом.

Кто, как и на каких основаниях консолидировал селекционное сообщество в России? Обратимся к судьбам некоторых из «пионеров» отечественного дисциплинарного строительства — Д. Л. Рудзинского, А. И. Стебута, А. А. Сапегина и П. И. Лисицына.

Менделизм и селекция

Дионисий Леопольдович Рудзинский, старейший из селекционеров полевых культур, родился в Литве в 1866 году. По семейной традиции он стал военным, но служба показалась Рудзинскому малопривлекательной. В 1889 году он поступил вольнослушателем в Петровскую земледельческую академию в Москве. По окончании курса ученый-агроном был оставлен ассистентом на кафедре общего земледелия у В. Р. Вильямса. В 1898 году Вильямс поручил молодому сотруднику заведовать коллекционным питомником. В обязанности Рудзинского входило изучение сортового разнообразия ряда культур и размножение чистосортных семян, полу-

¹⁶ Это, прежде всего, частные станции по культуре сахарной свеклы, расположенные преимущественно в центральном Черноземье и на юго-западе империи. Селекцией занимались и в некоторых хозяйствах западных губерний, где традиционно сильным было влияние немецкой науки. Среди этих станций — Ивановская селекционная станция, принадлежавшая П. И. Харитоненко (Харьковская губ.), станция «Гутянская», принадлежавшая Л. Е. Кенигу (там же), хозяйство Л. Ф. Валькова (Подольская губ.), Собешинская станция Польского общества сельского хозяйства, частные Хрушевская и Кутновская станции (все три в Привислинском районе), сортоводное товарищество графа Берга и Юрьевская селекционная станция местного общества сельского хозяйства (обе в Прибалтийском районе). См. также: *Elina O. Yu. Dionisy Rudzinsky. The Plant Breeding Station at the Moscow Agricultural Academy, and its Contacts with Svalöf, 1900—1917 // Sveriges Utsädesförenings Tidskrift, 1997. Vol.12. P. 225—234., P. 231—233.*

¹⁷ Из переписки В. В. Докучаева и А. А. Измайльского // ИИЕТ АН СССР. Научное наследство. Т. 2. М., 1951. С. 918.

чаемых, главным образом, из-за границы. Но Рудзинский не ограничился задачами репродукции. В том же году он был отправлен на стажировку в Западную Европу для изучения постановки селекционного дела¹⁸. Лекции в лучших сельскохозяйственных школах Германии, знакомство с немецкими селекционными станциями и знаменитым шведским центром в Свалефе сделали Рудзинского активным сторонником развития селекции в России. Цель, поставленная ученым, была весьма амбициозна — создать при Московском сельскохозяйственном институте (МСХИ — так стала называться Петровская академия) селекционную станцию.

В 1902 году на площадках коллекционного питомника Рудзинский заложил первые опытные делянки с wybranными для селекции культурами — озимой пшеницей и овсом, а позже — картофелем, горохом, рожью, клевером и др. Шесть лет, в течение которых продолжались научные эксперименты, понадобились для получения разрешения на создание станции. В 1908 году станция была официально открыта, но еще некоторое время ушло на утверждение сметы, строительство зданий, получение дополнительных, и весьма значительных, площадей для опытных участков¹⁹. Используя знания, полученные в Свалефе, Рудзинский начал работать малоизвестным тогда методом индивидуального отбора²⁰. По замечанию специалистов-современников, «по своей организации и по методике сортовыведения станция представляет собою в миниатюре шведскую селекционную станцию в Свалефе»²¹. Земельный участок был поделен на 1) основной, или коллекционный питомник, 2) селекционный питомник, где высаживались линии, отобранные из материала коллекционного питомника, 3) контрольный участок для продолжения изучения константности линий и размножения лучших из них, 4) и 5) 1-е и 2-е поля размножения для выделенных линий в стандартных (максимально приближенным к производственным) условиях. Объем работ был достаточно велик: например, из 3 000 образцов озимой пшеницы, собранных в различных регионах России, а также из Западной Европы и США, было получено 8 000 форм, представляющих интерес, в процессе испытания которых лишь 12 чистых линий были признаны заслуживающими дальнейшей селекции. При этом Рудзинский долгое время работал один: ему помогали лишь три практиканта, три или четыре постоянных рабочих, «и в летнее время — 10–12 полodox»²². Уже к 1908 году были получены первые сорта озимой пшеницы, представленные Рудзинским на Всероссийскую выставку в Петербурге («Большая золотая медаль»). Со временем на станцию был приглашен помощник — С. И. Жегалов, который занялся гибридными экспериментами с овсом. Молодой практикант Н. И. Вавилов выполнял работы по селекции на устойчивость к болезням (мучнистая роса, ржавчина),

¹⁸ Бечюс К. М., Марков Х. Н. Пионер селекции. Вильнюс, 1966; Компанеев М. К. Д. Л. Рудзинский // Ученые агрономы России. Из истории агрономической науки. Кн. 2. М., 1976. С. 118–125.

¹⁹ ЦАГМ. Ф. 228 (Московский сельскохозяйственный институт). Оп. 1. Д. 66, 67, 76, 80, 83 (об устройстве семенной селекционной станции).

²⁰ После введения В. Иогансенем в 1903 г. представлений о генотипе и «чистых линиях» этот метод, по сути представлявший собой выделение из популяций чистых линий, стали называть «методом чистых линий». О. Д. Л. Рудзинском и его пионерской селекционной деятельности см. также: *Elina O. Yu. Dionisy Rudzinsky. The Plant Breeding Station at the Moscow Agricultural Academy, and its Contacts with Svalöf, 1900–1917* // *Sveriges Utsädesförenings Tidskrift*, 1997. Vol. 12. P. 225–234.

²¹ Опытная станция по семеноводству при Московском сельскохозяйственном институте // *Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России*. М., 1912. С. 16–18.

²² Там же.

которые впоследствии были положены в основу учения об иммунитете растений. По свидетельству Вавилова, основой для наблюдений и экспериментов служила богатая коллекция пшениц и овсов, имевшаяся на станции. Выведенные Рудзинским сорта озимой пшеницы Московская 2411 и Московская 2453, овса Московский А-315, гороха Московский В-559 и льна 806/3 пользовались в свое время большой популярностью²³. При этом идеологические установки и экспериментальные практики, введенные на станции Рудзинским, обнаружили отличный от принятого в России того времени взгляд на селекцию как область научного знания.

К концу XIX века, несмотря на чрезвычайную популярность дарвинизма в академических кругах, в среде ученых-растениеводов стали возникать серьезные сомнения в справедливости некоторых аспектов этого учения. Практика растениеводства, где предпосылкой к возникновению нового вида — в природе или в процессе отбора человеком — оказывалось индивидуальное растение с резкими отличиями, противоречила идее постепенного накопления наследственных изменений. Так, известный петербургский ботаник-систематик, главный ботаник Ботанического сада и директор Ботанического музея академии С. И. Коржинский, на основании собственных многолетних исследований заключил: большинство культивируемых растений получены не массовым непрерывным отбором, а в результате выделения и усиления внезапных отклонений. Эти наблюдения Коржинский распространил на происхождение видов в природе. Согласно Коржинскому, виды стабильны. Эволюционные изменения происходят не благодаря постоянно накапливающимся изменениям и отбору, как полагал Дарвин, а путем «гетерогенезиса» — процесса спонтанных вариаций, и в результате гибридизации. Коржинский различал «гетерогенные», наследственные вариации, которым отводил главную роль в эволюции, и ненаследуемые модификации. Свою теорию Коржинский изложил в работе 1899 года «Гетерогенезис и эволюция».

«С самого начала моих научных занятий я <...> с особым интересом <...> отыскивал переходные формы и вообще стремился изучить следы постепенного развития видов <...>. Однако чем более я исследовал, тем глубже испытывал разочарование. Факты решительно не находились в соответствии с теорией <...>. Убедившись, что одними наблюдениями над дикорастущими формами нельзя разрешить возникающих сомнений, я обратился к изучению происхождения культурных форм в садоводстве <...>. Мне пришлось очень скоро убедиться, что выводы, к которым пришел Дарвин относительно происхождения культурных форм, основаны на неверном понимании фактов. По крайней мере, относительно садовых растений я могу смело утверждать, что никогда ни один культиватор для получения новых рас не оперировал с индивидуальными признаками и что никогда не наблюдалось "накопления" последних. А все новые разновидности (кроме помесей), происхождение которых нам известно, возникли на самом деле путем внезапных отклонений от чистых видов или гибридных форм», — утверждал Коржинский²⁴.

Итак, механизм эволюции — скачки, а не постепенные изменения; культурные формы — результат отбора и умножения внезапных отклонений. Скоропостижная смерть Коржинского в 1900 году не позволила исследователю завершить работу, а его учению — получить широкую известность (хотя его публикации знал и цитировал создатель мутационной теории Г. Де Фриз). Впрочем, в России теория «гетерогенезиса» получила признание и отклик среди тех, кто воспринял менделизм.

²³ Бердышев А. П. От дикорастущих растений до культурной флоры. М., 1984. С. 134.

²⁴ Коржинский С. И. Гетерогенезис и эволюция (к теории происхождения видов) // Записки Имп. АН, 1899. Т. 9, № 2. С. 36–38.

Первый детальный анализ идей менделизма для аграриев дал, по-видимому, Д. Л. Рудзинский в курсе лекций, прочитанном первый раз в 1903 году и опубликованном с некоторыми дополнениями год спустя²⁵. Рудзинский подчеркивал важность экспериментального анализа результатов скрещиваний, как для понимания процессов наследования, так и для селекционной практики. По мнению Рудзинского, установленный Менделем факт независимого наследования разных признаков должен играть ключевую роль в селекции.

В стане менделистов оказался и другой критик дарвинизма — Александр Иванович Стебут (1877—1952). О нем в России знают мало. Стебут большую часть своей жизни работал за границей — в Австрии, Германии и Югославии. Сын одного из основоположников отечественной агрономии Ивана Александровича Стебута, А. И. Стебут, как и ожидалось в семье, стал агрономом. Его научная деятельность вначале была связана с учебой в МСХИ и преподаванием на Голицынских высших сельскохозяйственных курсах для женщин в Москве, а затем — с тульским именем отца «Кроткое», где было организовано опытное хозяйство и ставились селекционные эксперименты. В 1909 году Стебут опубликовал работу «Мутационизм и дарвинизм в сортоводном деле», в которой попытался совместить идеи Дарвина, «гетерогенезис» Коржинского и мутационную теорию Де Фриза.

Дарвинизм, отмечал Стебут, не выделяет видообразование как самостоятельный процесс. В рамках этого подхода индивидуальная изменчивость — накопление изменений особей — рассматривается как основная, первичная форма; изменчивость систематическая — рас, видов, родов и т. д. выводится из индивидуальной. Стебут полагал, что необходимо отличать процесс происхождения видов — филогенез от процесса совершенствования форм, приобретения приспособлений — экогенеза, собственно эволюции. По его мнению, дарвинизм решает лишь проблемы эволюции, экогенеза, оставляя открытыми филогенетические вопросы происхождения видов. Попытка их решить, по Стебуту, предпринята Коржинским и Де Фризом. В рамках нового подхода — «мутационизма», индивидуальная изменчивость («модификации») противопоставляется видовой. С точки зрения мутационистов, новые виды возникают из старых путем скачкообразных наследственных изменений. Эти изменения не зависят от индивидуальных «модификаций», возникающих в результате приспособления вида к условиям внешней среды²⁶. Вместе с тем Стебут полагал, что и дарвинизм, и мутационизм одинаково важны для селекционной работы. Свои представления о теории и практике научной «синтетической селекции» Стебут изложил в опубликованной в 1911 году книге «Сортоводство»²⁷.

Земства, сельскохозяйственные общества и селекция

Может сложиться впечатление, что менделизм как новаторское учение о наследственности был известен и широко популярен лишь в столицах — Москве, а также в Санкт-Петербурге, где работало Бюро по прикладной ботанике Ученого комитета Министерства земледелия во главе с известным сторонником генетических идей Р. Э. Регелем. Однако это не так. На периферии, где трудилось большинство уче-

²⁵ Рудзинский Д. Л. Лекции по вопросам теории и практического семеноводства. М., 1904.

²⁶ Стебут А. И. Мутационизм и дарвинизм в сортоводном деле // Журнал опытной агрономии, 1909. С. 142—184.

²⁷ Стебут А. И. Сортоводство (селекция сельскохозяйственных растений). Харьков, 1911.

ных-агрономов, менделизм распространялся не менее уверенно. Наряду с уже отмеченным лидерством западных районов империи, где было сильным влияние германской науки и селекция активно развивалась на частных станциях (а также в филиалах семеноводческих фирм Раббетке и Гизеке, Штрубе и др.), центрами менделизма и селекции оказались юг и юго-восток земской России. Там внимание к новому направлению объяснялось, прежде всего, экономическими интересами и амбициями сельскохозяйственных обществ и земств²⁸. Стремление повысить рентабельность местных хозяйств и самостоятельно выйти на мировые хлебные рынки, как и чуть ли не ежегодная необходимость всем миром бороться с засухами, болезнями и вредителями, делали земства заинтересованными в интенсификации сельского хозяйства. Одним из путей для осуществления этого рассматривалось введение усовершенствованных, засухоустойчивых, морозостойких, иммунных к болезням сортов. Земства и региональные общества оказались главными патронами селекции на юге и юго-востоке. Здесь, вслед за западом империи и Москвой, стали активно создавать селекционные станции и отделы.

Во главе этих подразделений оказались самые разные люди — местные агрономы, преподаватели региональных университетов, столичные ученые. Объединяла их всех молодость и увлечение менделизмом. В земских управах и советах сельскохозяйственных обществ не боялись рисковать. Возглавлять работы по селекции поручали не опытным агрономам со стажем (и, вполне вероятно, консервативными взглядами на растениеводство), а поколению тридцатилетних. Нанятые специалисты должны были ознакомиться с организацией селекции в лучших европейских центрах Германии, Австрии, Швеции и Англии. Нередко такие зарубежные стажировки земства и общества организовывали на собственные средства. Так, Стебут в 1908 году был приглашен директором на открытую губернским земством Саратовскую опытную станцию с большим селекционным отделом. Экспериментальные работы велись здесь в соответствии с современными практиками селекции, которые Стебут изучал во время поездок в Германию, Австрию и Швецию²⁹. Саратовскую станцию он возглавлял до своего отъезда из России.

На Одесском опытном поле, созданном Императорским Южнорусским обществом сельского хозяйства при поддержке местных земств, решение заняться селекцией было принято в 1909 году. Комитет опытного поля обратился к Андрею Афанасьевичу Сапегину из Новороссийского университета с предложением разработать программу селекционных исследований.

Несмотря на молодой возраст — Сапегину тогда было всего 26 лет — он уже зарекомендовал себя как специалист по систематике и морфологии растений. Свое первое открытие — описание нового вида роголистника *Ceratophyllum tanaiticum* Sapjag — Сапегин сделал, будучи студентом кафедры ботаники Лесного института в Петербурге³⁰. Тяжелое материальное положение заставило Сапегина вернуться в родные края и продолжить обучение в Одессе. После окончания Новороссийского университета в 1907 году Сапегин получил должность ассистента ботанического кабинета, в 1910-м — стал приват-доцентом. Именно в этот период он занялся разработкой

²⁸ См: Елина О. Ю. Земства, центральное правительство и агрономия: страсти вокруг урожая // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы Международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 298–314.

²⁹ Саратовская опытная станция // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. М., 1912. С. 284–285.

³⁰ Сапегин А. А. К систематике рода *Ceratophyllum* // Труды общества испытателей природы при Харьковском университете, 1903. Т. 37. С. 309–319.

программы для Одесского опытного поля. Двухгодичную зарубежную командировку для подготовки к профессорскому званию Сапегин использовал не только по прямому назначению. В лабораториях известных профессоров А. Энглера, П. Клауссена, Б. Немеца в Германии и Австрии молодой ученый выполнил оригинальные исследования в области онтогенеза низших растений, за которые впоследствии получил докторскую степень. Поездка по селекционным станциям Германии и Швеции, включенная в план командировки по инициативе комитета опытного поля, позволила познакомиться с современными генетическими теориями и селекционными практиками³¹.

Вернувшись в Россию, Сапегин опубликовал две этапные работы, заявив о себе как об убежденном менделисте и стороннике научной селекции. Это изложение труда Э. Баура о законах наследственности и их роли в селекционной практике (которое Сапегин дополнил подробными комментариями), и его собственная книга о теории и методиках современной селекции³². Неудивительно, что к организации селекционных экспериментов на Одесском поле Сапегин подошел строго научно. Программа строилась на методах работы, которые Сапегин изучал в Свалефе: «в основу работы положить разделение культурной флоры на отдельные линии, последующее сравнительное испытание их хозяйственной годности, получение новых улучшенных форм путем скрещивания»³³. Основу практической работы составлял метод индивидуально-отбора, давший у шведов замечательные результаты. Главными культурами, которыми занялся Сапегин, стали важнейшие товарные хлеба Черноземья — озимая и яровая пшеница, а также ячмень. Было заложено несколько питомников отбора, где изучались тысячи выделенных чистых линий. В специальном питомнике высаживался материал, подležавший искусственному заражению твердой головней для селекции на устойчивость к ней. Имелись и питомники гибридов. В начале 1912 года комитет поля постановил создать специальный отдел селекции, руководство предложили Сапегину. В 1918 году опытное поле было преобразовано в селекционную станцию. К этому времени Сапегин получил ряд ценных сортов озимой и яровой пшеницы, в числе которых Земка, Кооператорка, Степнячка, Одесская 4³⁴.

Список селекционных станций и отделов, открытых в начале XX века общественными организациями на юге и юго-востоке Европейской России чрезвычайно обширен. Среди прочих следует назвать Харьковскую селекционную станцию, о необходимости создания которой Харьковское общество сельского хозяйства еще в 1902 году поставило вопрос перед губернским земством. В 1904 году было принято решение об организации станции, но только в 1908-м при финансовой поддержке земства она начала работу. Ее возглавил профессор Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии П. В. Будрин, со временем передавший дела своему талантливому студенту В. Я. Юрьеву, впоследствии известному советскому селекционеру. На Харьковской станции занимались селекцией пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, вики, клевера и люцерны³⁵. На Екатеринославском опытном поле

³¹ Драголи А. Л., Кушниц А. Г. Андрей Афанасьевич Сапегин. Одесса, 1978.

³² Сапегин А. А. Законы наследственности, как основа селекции сельскохозяйственных растений. Изложено по книге: Baur E. Einfuhrung in die experimentele Vererbungslehre. Одесса, 1912.; Сапегин А. А. Основы теории и методики селекции сельскохозяйственных растений. Одесса, 1913.

³³ Одесское опытное поле // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. М., 1912. С. 213.

³⁴ Драголи А. Л., Кушниц А. Г. Указ. соч. С. 21—45.

³⁵ Харьковская селекционная станция // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. М., 1912. С. 142—144.

губернского земства (позже — станции) селекцию и сортоиспытание кукурузы и других хлебных злаков с 1911 года проводил земский агроном В. В. Таланов — активный пропагандист селекционных учреждений и будущий создатель государственной системы сортоиспытания сельскохозяйственных растений в Советской России и СССР³⁶. В Самарской губернии в 1910 году по инициативе уездного Новоузенского земства было открыто Краснокутское опытное поле, с которым связано имя видного советского селекционера П. Н. Константинова, автора широко культивируемых сортов люцерны, яровой пшеницы и ячменя³⁷. На Безенчукской сельскохозяйственной опытной станции той же губернии в 1911 году был открыт отдел селекции, где занимались выведением засухоустойчивых сортов кукурузы, яровой пшеницы, овса, кормовых трав³⁸. В Саратовской губернии с 1908 года действовало устроенное на средство уездного земства Балашовское опытное поле, на котором начинал свои исследования выдающийся селекционер яровой пшеницы Г. К. Мейстер, впоследствии сменивший А. И. Стебута на посту директора Саратовской опытной станции³⁹.

Новая дисциплина — селекция

Российская провинция — губернии Нижнего Поволжья, Малороссии, Крым оказались своеобразным «центром» селекции. Здесь происходило формирование российского селекционного сообщества. Этому немало способствовали многочисленные региональные съезды, собиравшиеся для обсуждения проблем агрономии в Екатеринославе, Одессе, Харькове и других городах. На одном из них — Областном съезде представителей земств и сельских хозяев Юга России, проходившем в Екатеринославе в сентябре 1910 года, А. И. Стебут сделал знаменательный доклад «О селекции». Доклад был заслушан на общем заседании, в числе наиболее важных тем. Перемены в отношении к селекции отмечал и докладчик:

«Еще несколько месяцев тому назад, я без надежды почти смотрел на дело пропаганды селекции в России и с глубокой горестью оценивал потраченные на это труды. Теперь мановением волшебного жезла положение резко изменилось. К селекции родился интерес, не могу из ложной скромности умолчать — селекционер делается даже здесь и там ретсона грага. <...> Дело селекции в России не может не пойти. Это мое первое предположение. Прямого доказательства у нас к этому в виде опыта, конечно, еще нет, хотя не сегодня-завтра, мы, кажется, получим первые и существенные плоды работы сортовода»⁴⁰.

Смотр «плодов работы сортовода» состоялся, действительно, очень скоро. В январе 1911 года в Харькове по инициативе Харьковского общества сельского хозяйства и земств губернии был созван первый Всероссийский съезд по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала, который сыграл решающую роль в формировании дисциплинарного сообщества. На съезд собралось более 250 делегатов; среди них главноуправляющий Главным управлением землеустройства и земледелия (преобразованное Ми-

³⁶ ГАРФ. Ф. 258. Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 24. (фонд В. В. Таланова)

³⁷ *Компанеец М. К.* П. Н. Константинов // Ученые агрономы России. М., 1976. С. 138–151.

³⁸ *Компанеец М. К.* Указ. соч. С. 61–73.

³⁹ *Стебут А. И.* О селекции // Труды Областного съезда представителей земств и сельских хозяев Южной России, проходившего 7–20 сентября 1910 г. в г. Екатеринославе. Екатеринослав, 1910. С. 1056–1064.

⁴⁰ Там же. С. 1056, 1060.

нистерство земледелия) А. В. Кривошеин и некоторые сотрудники ведомства, в том числе глава Бюро по прикладной ботанике Р. Э. Регель, известные профессора-аграрники Д. Н. Прянишников, А. Е. Зайкевич, А. Н. Челинцев, служащие селекционных отделов и станций, заинтересованные сельские хозяева и многие другие⁴¹. На съезд приехали и все упомянутые выше «пионеры» селекции. Специальное заявление с просьбой включить его в число участников съезда поступило от Н. И. Вавилова, в то время еще мало кому известного выпускника МСХИ⁴². Примерно половина собравшихся принадлежала к «общественному» сектору селекции, куда входили земские агрономы, сотрудники селекционных учреждений, созданных земствами и сельскохозяйственными обществами. Доклады, представленные на съезде, делились на две категории: в одних шла речь о ходе селекционных работ по отдельным культурам⁴³, другие были посвящены вопросам организации селекции, как в России, так и за рубежом⁴⁴. По российской традиции, бесконечно критиковали все и вся, признавая отставание отечественной селекции. Однако, если резюмировать выступления селекционеров-практиков, то по каждой из основных сельскохозяйственных культур, выращиваемых в России, были уже начаты, или, по крайней мере, запланированы селекционные работы. По некоторым культурам — сахарной свекле, озимой пшенице, овсу — уже имелись первые сорта отечественной селекции. Далее, на съезде приняли важные решения: о необходимости подготовки специалистов по селекции, о создании сети селекционных станций, об организации первого в России Общества селекционеров, о выпуске специализированного периодического издания, о регулярном созыве съездов⁴⁵. Не всем замыслам суждено было воплотиться в жизнь⁴⁶. Однако съезд дал весьма ощутимый толчок

⁴¹ Материалы по созыву съезда, журналы заседаний и постановления // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Вып. I. Ч. 1–3. Харьков, 1911., Ч. 1.

⁴² Харьковский областной государственный архив (ХОГА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

⁴³ Доклады по опытному сортководству, семеноводству и распространению семенного материала <...>. Доклады по селекции сельскохозяйственных растений и семеноводству // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Вып. III. Ч. 1–2. Вып. IV. Харьков, 1911.

⁴⁴ Доклады по организации селекционного дела в России // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Вып. II. Харьков, 1911.

⁴⁵ Материалы по созыву съезда, журналы заседаний и постановления // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Вып. I. Ч. 1–3. Харьков, 1911., Ч. 3.

⁴⁶ Идея создания Селекционного общества вылилась в организацию секции при Харьковском обществе сельского хозяйства. См.: Доклады по организации селекционного дела в России // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Вып. II. Харьков, 1911. С. 337–338. Журнал «Сельскохозяйственное растениеводство Юга России», где должны были печататься статьи по селекции, вероятно, выходил малыми тиражами, или недолгое время, поскольку он известен нам лишь по библиографическим ссылкам. См.: Бурин П. В. Селекция сельскохозяйственных растений и значение ее в отношении хлебов. Харьков, 1913. В 1912 г. с успехом

развитию селекции: после 1911 года селекционные отделы и специализированные станции стали открываться во многих регионах; началось чтение курсов по селекции⁴⁷. Когда в 1912 году был принят закон о создании крупных районных опытных станций на объединенные средства земств и государства, один из пунктов закона предписывал всем подобным учреждениям в обязательном порядке иметь селекционные отделы⁴⁸. Был и еще один важный момент, который с очевидностью продемонстрировал съезд: в Харькове собрались единомышленники — приверженцы современной, научной селекции, знатоки и сторонники менделизма. На работы Г. Менделя, Г. Де Фриза, У. Бэтсона, В. Иоганнсена и других крупных авторитетов ссылался чуть ли не каждый докладчик. В некоторых докладах был представлен подробный анализ современного состояния генетики и практики европейской и американской селекции. Возможно, поэтому представитель опытной станции по селекции сахарной свеклы Э. Ю. Заленский начал свой доклад словами: «Я считаю лишним занимать ваше время изложением теории селекции, так как она вам хорошо известна»⁴⁹.

В настоящей работе не рассматривается то, в какой степени современные генетические теории оказались полезны для российской селекционной практики начала века⁵⁰. Для нас важно отметить другое: селекционеры в России были активными сторонниками менделизма. Более того: они стали первой группой российских уче-

прошел региональный селекционный съезд в Петербурге, организованный Северным обществом сельского хозяйства. См.: Труды Областного съезда по селекции и семеноводству в Санкт-Петербурге. Т. 1, 2. СПб., 1912. Он оказался не менее представительным, и впоследствии стал считаться вторым всероссийским съездом селекционеров.

⁴⁷ Такие курсы читались в Москве — в МСХИ (Д. Л. Рудзинский) и на Высших Голицынских сельскохозяйственных курсах для женщин (Н. И. Вавилов), в Санкт-Петербурге — на Стебутовских сельскохозяйственных курсах для женщин (Л. С. Иванова), в Новой Александрии (В. В. Колкунов). См.: Отчет Высших Голицынских сельскохозяйственных курсов для женщин за 1911—1912 гг. по учебной части. М., 1912.; Колкунов В. В. К вопросу об организации селекционных станций и учреждении кафедр по селекции // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10—15 января в г. Харькове. Вып. II. Харьков, 1911. С. 159—166. См. также: *Elina O. Yu. Dionisy Rudzinsky. The Plant Breeding Station at the Moscow Agricultural Academy, and its Contacts with Svaköf, 1900—1917* // Sveriges Utsädesförenings Tidskrift, 1997. Vol.12. P. 233.

⁴⁸ Собрание узаконений Российской империи. 1912. № 121. Ст. 1011.

⁴⁹ Доклады по опытному сортоводству, семеноводству и распространению семенного материала <...>. Доклады по селекции сельскохозяйственных растений и семеноводству // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10—15 января в г. Харькове. Вып. III. Ч. 1—2. Вып. IV. Харьков, 1911. С. 7.

⁵⁰ По крайней мере, в рассматриваемый период селекционеры скорее декларировали важность менделевской генетики, но едва ли использовали ее в практической работе. Единственным исключением оказалась теория наследственной стабильности чистых линий, предложенная датчанином В. Иоганнсеном: многие российские селекционеры заявляли, что они работают «по методу чистых линий». Правда, результаты иногда оказывались неудовлетворительными: Рудзинский, например, сообщал, что испытывал большие сложности, используя метод для перекрестноопыляющихся растений — клевера и ржи. См.: *Рудзинский Д. Л. Материалы по селекции красного клевера* // Труды Селекционной станции при МСХИ. Вып. 3. М., 1914. Дискуссия на тему применения генетических теорий в селекционной практике начала века состоялась на конференции по развитию генетики в Скандинавии. См.: *Sveriges Utsädesförenings Tidskrift, 1997. Vol. 12.* См. об этом также работы Н. Ролл-Хансена, П. Палладино и Дж. Харвуда.

ных-естественников, которая приняла и активно пропагандировала генетические теории. В этом отношении русские селекционеры оказались близки американским, которые, по свидетельству Б. Киммельманн, были пионерами признания и апробации менделевской генетики в научном сообществе США⁵¹.

Итак, менделизм в России, как и в других странах, являлся консолидирующей идеологией формирующегося селекционного сообщества. В то же время дисциплинарное строительство приобрело здесь специфические, российские формы. Для новой дисциплины было изобретено новое имя — «селекция» (от латинского *selectio* — отбор). Дело в том, что во всем мире дисциплина «селекция» называется иначе: наиболее близка английскому *plant breeding* и немецкому *Pflanzenzüchtung* сложная русская конструкция *выведение сортов (пород) растений*, которую обычно упрощали до *сортывыведения, сортководства*⁵². Последние два термина, а также традиционное *растениеводство* (к которому в XX века начали добавлять определение *племенное*) и некоторые другие, использовались в научной литературе рубежа XIX—XX веков для обозначения занятий по получению новых сортов сельскохозяйственных растений⁵³. Просуществовав параллельно с термином *селекция* в течение короткого периода, они затем были им вытеснены, прочно и необратимо.

Селекционер — имя, выбранное для себя представителями новой дисциплины — это ученый-агроном, который разделяет идеи менделевской генетики, использует современные научные интерпретации и практики при выведении новых сортов. Новое имя устанавливало идеологическую и институциональную дистанцию между новым поколением *селекционеров*, имевших научную подготовку, амбиции и мотивации, и более традиционными *растениеводами*, или *сортвододами*. Оба типа практиков существовали в Европе и США, но там их не разделяли, называя общим именем *plant breeders*⁵⁴. Акцентирование новизны дисциплины произошло лишь в России с важными последствиями для этоса, самоидентификации и исследовательского выбора членов сообщества. Впервые в новом контексте термин *селекция* употребил, по видимому, Д. Л. Рудзинский на Втором всероссийском съезде деятелей по опытному делу в 1902 г. Хотя Рудзинский, определяя «науку об улучшении и выведении новых сортов», использовал термин «семеноводство»⁵⁵, он озаглавил свой доклад «О селекционных

⁵¹ *Kimmelman B. A Progressive Era Discipline: Genetics at American Agricultural Colleges and Experiment Stations, 1900—1920. Ph. Diss. University of Pennsylvania, 1987.*

⁵² На первый взгляд, в названии просто подчеркивалась значимость основного метода, применяемого в то время в сортывыведении — массового и индивидуального отбора. Но такое объяснение явно недостаточно, как недостаточны и ссылки на трудности перевода.

⁵³ Например, при переводе с немецкого учебник М. Лебнера «*Pflanzenzüchtung für Gartenbaufachmann*» получил название «*Сортководство для садоводов*». См.: *Лебнер М. Сортководство для садоводов* (перевод с немецкого А. Н. Челинцева). СПб., 1912. А. И. Стебут в названиях своих работ (см.: *Стебут А. И. Мутационизм и дарвинизм в сортводном деле // Журнал опытной агрономии, 1909. С. 142—184; Стебут А. И. Сортководство (селекция сельскохозяйственных растений). Харьков, 1911.*) употреблял термин *сортководство*, расшифровывая его как *селекция*. Использовались и другие термины — *семеноводство* (см.: *Рудзинский Д. Л. Лекции по вопросам теории и практического семеноводства. М., 1904.*), *сортводное дело* и пр.

⁵⁴ *Webber H. J. and Bessey E. A. Progress of Plant Breeding in the United States // Yearbook of Agriculture. 1899. P. 465—490.*

⁵⁵ *Рудзинский Д. Л. О селекционных семенных станциях Западной Европы и об организации таковых в России // Труды Второго съезда деятелей по опытному делу в Санкт-Петербурге с 14 по 20 декабря 1902 г. Ч. 2. Протоколы заседаний съезда с приложениями некоторых докладов и сообщений. СПб., 1905. С. 27.*

семенных станциях Западной Европы и об организации таковых в России». С этого доклада, получившего одобрение съезда⁵⁶, началось зарождение дисциплинарного сообщества в России. С двойного определения — «селекционные семенные», от которого постепенно отпала вторая часть (превратившись в самостоятельное направление — семеноводство), началось распространение новых станций и новой российской идентичности дисциплины *селекция*.

Итак, Россия к середине второго десятилетия XX века имела динамично развивавшуюся, пусть и не ускоренными темпами, научную дисциплину селекцию. Несмотря на традиционную для российских ученых критическую доминанту в оценках того, что связано с сельскохозяйственной наукой, в том числе и селекцией, факты говорят о следующем: к 1914 году в России открылось 12 специализированных селекционных станций; еще 30 опытных станций и полей имели отделы селекции или занимались селекционными работами⁵⁷; по данным 1915 года насчитывалось более 30 контрольных семенных и сортоиспытательных станций⁵⁸; во всех высших учебных заведениях в том или ином виде читались курсы по селекции; существовала масса переводных и добрый десяток отечественных учебников и практических руководств; периодическая печать⁵⁹, съезды и научные объединения способствовали коммуникациям членов селекционного сообщества⁶⁰.

Большевики и селекция

Мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года заставили селекцию пережить тяжелые времена. Очередной съезд селекционеров, запланированный в Москве в начале 1915 года, подготовку к которому активно проводило Московское общество сельского хозяйства, пришлось отложить⁶¹. Опытные поля многих станций пострадали в результате революционной разрухи и грабежей, военных операций и реквизиций.

Были, однако, и положительные следствия революционного переворота. В соответствии с «Законом о земле» национализированные поместья разрешили занимать под опытные станции; земли, находившиеся в частных владениях, можно было легко получить для расширения опытных полей⁶². Так, Шатиловская опытная станция Тульской губернии получила для нужд селекционного отдела значительную часть бывшей экономики графа Шатилова — Моховое⁶³.

⁵⁶ Труды Второго съезда деятелей по опытному делу в Санкт-Петербурге с 14 по 20 декабря 1902 г. Ч. I. Материалы съезда. СПб., 1905.

⁵⁷ Агрономическая помощь в России. Под ред. В. В. Морачевского. СПб., 1914. С. 480–481.

⁵⁸ Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений. Пг., 1915. С. 22–25.

⁵⁹ Прежде всего «Труды Бюро по прикладной ботанике» (с 1918 г. «Труды по прикладной ботанике и селекции»), издаваемые с 1908 г.

⁶⁰ Справочник по сельскохозяйственной периодической печати. Пг., 1916.; Сельскохозяйственные общества России в 1916 г. Общий обзор. Пг., 1916.

⁶¹ ЦАГМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2719–2721 (дела по созыву 2-го селекционного съезда в Москве в 1915 г.).

⁶² См.: Елина О. Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе. СПб., 1997. С. 27–85.

⁶³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 141, 188–190 (планы организации, материалы, сметы расходов хозяйства в культурно-агрономическом центре «Моховое»).

Селекционные работы на станции возглавлял в то время Петр Иванович Лисицын. Выпускник Московского университета и МСХИ, Лисицын пришел на Шатиловскую опытную станцию в 1906 году, вернувшись из ссылки, в которой он оказался во время событий 1905 года как «неблагонадежный элемент». Протекцию по устройству на станцию ему составил институтский приятель А. Н. Лебедев, директорствовавший в то время в Шатилове⁶⁴. Станция, имевшая статус подведомственной Департаменту земледелия соответствующего министерства, была открыта еще в конце XIX века, однако Лисицын оказался в Шатилове всего третьим научным сотрудником. Распределить направления работ оказалось несложно: из двух передовых агрономических дисциплин того времени Лебедев давно выбрал агрохимию. Лисицын, сначала отвечавший за агротехнические работы на опытном поле, занялся селекцией. Овес и клевер стали первыми культурами, с которых началась селекционная работа. Когда встал вопрос об открытии отдела селекции, Лисицын командировали на два года в Австрию, Германию, Швецию и Англию для знакомства с постановкой селекционного дела. Он работал у Г. Молиша в Вене, У. Бэтсона в Мертоне; как и все русские селекционеры, посетил Свалеф. На летние месяцы Лисицын возвращался в Шатилово, продолжал эксперименты. В 1912 году, окончательно вернувшись из командировки, Лисицын возглавил вновь созданный селекционный отдел⁶⁵. Была разработана программа селекционных исследований: изучение местного сортимента сельскохозяйственных культур и пополнение коллекции семян, выведение новых сортов ржи, овса, клевера, вики, люцерны⁶⁶. Но спокойной работы не получилось — в годы Первой мировой войны Лисицын мобилизовали в армию. Тем не менее сделанного оказалось достаточно для того, чтобы уже при советской власти получить авторские свидетельства на изобретения, которые открывали список государственного реестра: под № 1 значилась рожь Лисицына, под № 2 — овес Шатиловский 56, полученный отбором из знаменитого «дворянского» Шатиловского⁶⁷.

К тому времени селекция оказалась среди направлений сельскохозяйственной науки, которые были на особом счету у новой власти. Большевики, известные своими технократическими установками, поддержкой прикладной науки, связывали большие ожидания с научным ведением сельского хозяйства и селекцией как одной из его основ. Тем более, что сами ученые-опытники не скупались на смелые обещания — за счет использования новых сортов повысить урожай в 2–3 раза.

Несмотря на тяготы военного времени, в июне 1920 года в Саратове прошел 3-й Всероссийский селекционный съезд. На нем многие из селекционеров, о которых шла речь выше — В. В. Таланов, П. И. Лисицын, С. И. Жегалов и другие, выступали с докладами об успехах своей еще дореволюционной работы. Н. И. Вавилов представил публике закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, сделавший его знаменитым. Селекционерам покровительствовали высшие должностные лица страны, патронируя отдельных ученых или учреждения⁶⁸. Иногда «запо-

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 121 (Лебедев А. Н.). Оп. 1. Д. 391 (переписка с П. И. Лисицыным).

⁶⁵ РГИА. Ф. 382. Оп. 6. Д. 5318 (об уставе селекционного отдела Шатиловской опытной станции).

⁶⁶ Шатиловская опытная станция // Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. М., 1912. С. 77–87.

⁶⁷ Троицкая Т. Н. Петр Иванович Лисицын. М., 1988. С. 36.

⁶⁸ О преемственности отношений патронажа при переходе от «практикующих князей» к «практикующим большевикам» см.: Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. №. 4. С. 3–22.

лучить» персонального покровителя помогал случай. Так, любопытная история, превратившая Лисицына из провинциального агронома в одного из крупных организаторов системы семеноводства Советской России, произошла на Шатиловской станции. Занимаясь экспериментальной практикой, получая новые сорта, Петр Иванович понимал, что работа селекционера утрачивает смысл без налаженной в государственном масштабе системы репродукции сортовых семян. Он не раз безуспешно пытался пробиться в московские кабинеты с оригинальной схемой размножения сортовых семян. Все изменил случай. В апреле 1921 года в окрестностях Шатилова сломалась машина замнаркома земледелия. Вынужденный осмотр станции, по рассказам Лисицына, сделал высокого гостя активным сторонником идеи селекционера⁶⁹. Влиятельный патрон уже через два месяца провел постановление о государственном семеноводстве, которое предписывало

«приступить немедленно к организации массового размножения и распространения в Республике чистосортных семян, а потому организацию семеноводства в Республике признать первоочередной задачей Наркомзема. <...> Поручить в первую очередь Шатиловской (Тульская губ.), Энгельгардской (Смоленская губ.), Московской, Воронежской, Саратовской, Безенчукской (Самарская губ.), Вятской и Омской областным станциям <...> немедленно приступить к расширению и быстрой организации Государственных питомников маточных семян, развивая селекцию и семеноводство применительно к условиям сельскохозяйственной области»⁷⁰.

Создание Шатиловской госсемкультуры впоследствии контролировал другой высокий патрон — заместитель председателя СТО, агроном по образованию А. Д. Цюрупа. Известно также, что успехами селекции живо интересовался председатель Совнаркома В. И. Ленин, мечтавший наладить в стране современное сельское хозяйство. Начинать, по его мнению, следовало с выведения усовершенствованных сортов и распространения сортовых семян. В сжатые сроки были разработаны другие государственные мероприятия в области селекции и семеноводства: «Положение о Госсемкультуре» (1922), которое предписывало селекционным станциям получать на своих полях семена первой репродукции для передачи хозяйствам Госсемкультуры, «Положения о развитии сортового семенного дела» (1923), первый государственный план по селекции и семеноводству 1923 года⁷¹.

Советское правительство финансировало многочисленные экспедиции Вавилова и его сотрудников по сбору мировых образцов семян культурных растений, которые должны были использоваться в дальнейшей селекционной работе.

Открывались новые селекционные станции, в том числе в Сибири и на Кавказе⁷². В 1922 году на базе отделов (бывших бюро) Сельскохозяйственного ученого комитета (теперь при Наркомземе), был создан Государственный институт опытной агрономии (ГИОА). Селекционные лаборатории отдела прикладной ботаники и селекции института расположились в Детском селе, в бывшем дворцовом комплексе, построенном по проекту английского архитектора Шерборна (подарке королевы Виктории великому князю Борису Владимировичу); под теплицы были заняты оранжереи знаменитого садоводства Фрейндлиха. В 1924 году было принято решение о

⁶⁹ Троицкая Т. Н. Указ. соч. С. 48.

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2379 (организация Госсемкультуры). С. 59—600б.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1208 (о плане селекционной и сортоводческой работы по областям РСФСР).

⁷² См. также: Селекция и семеноводство в СССР. Обзор результатов деятельности селекционных и семеноводственных организаций к 1923 г. М., 1924.

создании на базе отдела прикладной ботаники ГИОА специализированного Института прикладной ботаники и новых культур (ИПБиНК), первого института будущей Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Институт, который возглавил Вавилов, начал работать в Ленинграде в 1925 году и позднее был переименован во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР). К ИПБиНК перешли уже упомянутые лаборатории в Детском селе; под опытные участки были получены также дворцовые угодья под Гатчиной и в Павловске. Со временем институт открыл отделения и опорные пункты в различных почвенно-климатических зонах СССР, в том числе в Заполярье. В 1926 году при ИПБиНК с успехом работали двухмесячные Всесоюзные курсы по селекции и семеноводству, выпускниками которых стали сотни молодых агрономов. Для чтения лекций на курсах были привлечены лучшие специалисты; значительную часть лекций прочел сам Н. И. Вавилов. Перешедший на работу в ИПБиНК в 1924 году Таланов создал на основе институтских структур Бюро по сортоиспытанию и районированию сортов при ГИОА, реорганизованное позже в один из отделов ВИР⁷³.

«Апофеозом достижений советской генетики и селекции»⁷⁴ явился прошедший в январе 1929 года в Ленинграде Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. Съезд собрал на своих заседаниях не только весь цвет советской науки, но и ведущих зарубежных ученых. На съезде присутствовала и молодежь — те, кто стал селекционером уже при Советской власти. Было заслушано более 300 докладов, опубликованных затем в 5 томах трудов. Вслед за ними под эгидой ВИР вышел объемный сборник *«Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции»*. Советская селекция размышляла о будущем и намечала новые «вехи», постепенно забывая о старых...

Автор благодарит Д. А. Александрова, Н. П. Гончарова, Н. Ролл-Хансена, К. О. Россиянова за заинтересованное и полезное обсуждение работы.

⁷³ О В. В. Таланове см.: *Гончаров Н. П.* Организатор системы Государственного сортоиспытания и выдающийся селекционер (130 лет со дня рождения В. В. Таланова) // *Вестник ВОГиС.* 2002. № 20. С. 6–13.

⁷⁴ *Купцов А. И.* Указ. соч. С. 219–225., С. 224.

ЯН НЕЦИСЛАВ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ В РОССИИ И ПОЛЬШЕ

M. F. Khartanovitch. Jan Nicislaw Baudouin de Courtenay in Russia and Poland. The article is dedicated to life and activity of I. A. Baudouin de Courtenay, distinguished polish philologist, his contribution to Russian linguistic. His work both in Russia and in Poland is highlighted in the article.

В 1929 году в Польше скончался выдающийся лингвист-теоретик, крупнейший славист, блестящий деятель высшей школы России и Польши, яркий общественный деятель, профессор Ян Нецислав (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ. С именем И. А. Бодуэна де Куртенэ связана целая эпоха в истории языкознания, ряд крупных открытий первостепенного значения, создание авторитетнейших школ и направлений, сыгравших заметную роль в истории науки. Критик младограмматического направления Бодуэн де Куртенэ обладал даром научного предвидения. Он первый заложил основы фонологической теории, стремился разграничить синхронический и диахронический аспекты языка, боролся за подлинный историзм в изучении языков.

И. А. Бодуэн де Куртенэ родился 1 марта 1845 года в семье землемера. В 1862 году он поступил в Главную школу (бывший Варшавский университет) на историко-филологический факультет. В круг его интересов в процессе учебы входили проблемы физиологии звуков, санскрит, литовский и славянские языки, история польского языка. После окончания Главной школы (1866) Бодуэн де Куртенэ отправился за границу. Во время поездки он побывал в Праге, Берлине, Иене, где на лекциях Э. Геккеля познакомился с теорией Ч. Дарвина. Интерес Бодуэна к естественным наукам наложил отпечаток на его общезыковедческую концепцию.

Осенью 1869 года Бодуэн де Куртенэ приехал в Петербург, где в течение двух лет работал под руководством академика И. И. Срезневского над древнепольскими памятниками. В результате исследований он защитил диссертацию «*О древнепольском языке до XIV столетия*», не потерявшую научной ценности и сегодня. У Срезневского ученый прошел солидную филологическую школу, которой так не хватало большинству его собственных учеников. Однако Бодуэн недостаточно ценил время, проведенное под руководством Срезневского. Он считал себя «автодидактом», ставя выработку своего лингвистического мировоззрения в заслугу только самому себе¹.

Осенью 1970 года Бодуэн де Куртенэ защитил магистерскую диссертацию под названием «*Опыт фонетики резьянских говоров*» и был допущен к чтению лекций по сравнительной грамматике индоевропейских языков в должности приват-доцента. Он предполагал вернуться в Варшаву, но, хотя в 1869 году варшавский университет и был вновь открыт, он стал значительно «русифицирован», и Бодуэн, как поляк, не имел права вести в нем преподавание. В Петербурге тоже не нашлось места. Тогда он обосновался на девять лет в Казани.

В истории создания и формирования прогрессивного направления языкознания XIX века, которое возникло в Казанском университете в 1870-е годы, ведущую роль сыграли профессора-поляки И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский. В Казанском университете Бодуэн де Куртенэ начал свою преподаватель-

¹ *Леонтьев А. А.* Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ // И. А. Бодуэн де Куртенэ. 1845—1929. М., 1960. С. 8.

скую деятельность как европейски известный языковед-философ. В казанский период его интересы сосредоточились на двух проблемах: фонетике по отношению к физиологии звуков и сравнительной типологии. Он открыл универсальный принцип порождения языковых единиц как проявления единства динамики и статики в языке, воспроизводства и производства слов, грамматических форм и синтаксических конструкций².

С 1882 года Бодуэн де Куртенэ начал преподавать на кафедре сравнительной грамматики славянских наречий Дерптского университета. В Дерптский период жизни он не только активно занимался научно-исследовательской работой, но и старательно учился, брал уроки высшей математики, армянского, эстонского, латышского и арабского языков, а также слушал курс патологии речи. Бодуэн сочетал в себе талант лингвиста с редкими способностями полиглота. Помимо польского он свободно владел русским, немецким, французским, литовским, итальянским языками, хорошо знал словенский, чешский, лужицкий³. В 1887 году Бодуэн де Куртенэ был избран членом Краковской академии наук. Через 6 лет, когда Дерптский университет был, в свою очередь, подвергнут «русификации», ученый, выйдя в отставку, переселился в Краков, входивший в то время в состав Австро-Венгрии. Там он издал замечательный труд «*Proba teorii alternacji fonetycznych*». Хотя выход книги произошел в Кракове, задумана она была в середине 1880-х годов в России. Одновременно с работой в Академии наук Бодуэн читал лекции в Краковском университете, где его встретили прохладно. Трудные отношения сложились у Бодуэна с Л. Малиновским, читавшим историю польского языка. Столкнулись не только два научных направления, но и два научных мировоззрения — младограмматическая лингвистика XIX века и нарождающаяся лингвистика XX столетия⁴.

В Краковском университете Бодуэн де Куртенэ читал курс антропофонии и общей фонетики, курс сравнительной характеристики славянских, балтийских и германских языков, вел семинар по Ригведе. Кроме обязательных лекций, он вел занятия на дому и организовывал периодические научные дискуссии в стенах университета. Он приобрел талантливых учеников — Нича и Улашина. Влияние Бодуэна на научную жизнь Кракова было очень заметным. Еще в 1895 году он принял участие в подготовке «*Старопольского словаря*», составив инструкцию и план описания памятников. После смерти Малиновского к нему перешло в 1898 году общее руководство словарем. Он заново, выявив ошибки предшественника, начал обработку древних литературных памятников. Тогда же он приступил к редактированию многотомного Варшавского словаря польского языка Карловича и Крынского, где ему принадлежит почти вся этимологическая часть.

В краковский период деятельности Бодуэном де Куртенэ кроме лексикографических трудов были написаны и работы по славяноведению. Он был одним из первых европейских филологов, который основательно занялся фонетикой, как в теоретическом, так и в практическом плане. Среди работ Бодуэна этого времени можно отметить брошюру «*Głos członka Akademii w sprawie słownictwa chemii*», посвященную проблеме терминологии.

² Андреева Л. С. Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского в создание Казанской лингвистической школы. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.). Варшава, 1995. С. 103.

³ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 12.

⁴ Л. Малиновский погряз в детальном перечислении внешних особенностей истории польского языка, а Бодуэн де Куртенэ — не отказываясь от этого, трактовал их, однако, только как частные случаи непрерывных общеязыковых изменений (Там же. С. 17).

В Кракове Бодуэн де Куртенэ пробыл, в целом, недолго. Благодаря действиям, с одной стороны, венгерских «патриотов», отождествлявших диалектологические исследования словацких говоров с политической агитацией и смешивавших славистов с панславистами, а с другой — представителей некоторых галицко-польских партий, не допускавших независимых взглядов и самостоятельного отношения к окружающей среде, венское министерство народного просвещения не возобновило с Бодуэном де Куртенэ пятилетнего контракта и отклонило затем предложение филологического факультета поручить ему чтение лекций по вакантной кафедре славянской филологии⁵. Такое положение дел вынудило ученого вернуться в Петербург. К тому же с 1897 года он стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

1910—1912 годы стали для Бодуэна самыми плодотворными. В 1910-м была напечатана его статья «*О звуковых законах*», интересная не только с филологической стороны, но и с философской. В ней Бодуэн выступил против младограмматических утверждений об абсолютности звуковых законов. Одновременно вышла его работа «*О классификации языков*», а в 1912 году — его книги «*Об отношении русского письма к русскому языку*» и «*Польский язык сравнительно с русским и древне-церковнославянским*», в которых были изложены и его политические взгляды. Они оказались настолько неприемлемы для цензуры, что один лист был вырван и во всех экземплярах заменен другим, несколько более выдержанным⁶.

Бодуэн де Куртенэ активно участвовал в общественно-политической жизни России. Подтверждением служат его многочисленные публицистические выступления, сотрудничество в 50 изданиях российской и заграничной периодики. Сам ученый заявлял о непричастности к политике, о своем отрицательном к ней отношении. «Политика — это зловонная клоака, кто попадет в нее, неминуемо испачкается. Занятие политикой притупляет чувство справедливости. Политика и честность взаимно исключаются. Принадлежность к какой-либо партии — политической ли, религиозной, литературной, — деморализует человека»⁷. Он сформировал программу по национальному вопросу в России. В центре ее были требования свободы, национального самоопределения, равноправия всех национальностей и вероисповеданий, обеспечения национальной автономии и самоуправления. При этом подчеркивалось, что решение вопроса самоопределения и автономии неразрывно связано с общим преобразованием России — децентрализацией государства, введением общественного самоуправления и т. д.⁸

В 1913 году Бодуэн де Куртенэ выпустил брошюру «*Национальный и территориальный признак в автономии*», где предупреждал царское правительство о неизбежных катастрофических последствиях, которые несет за собой систематическое угнетение малых национальностей. На этом основании ему было выдвинуто обвинение в антигосударственной деятельности. Он был осужден и отбыл наказание в тюрьме «Кресты». Вот что он писал А. А. Шахматову о своем пребывании в тюрьме: «Я здесь чувствую себя прекрасно и в физическом, и в нравственном отношении. Веду регулярную жизнь: встаю в шесть часов, ложусь в одиннадцать или же в одиннадцатом, гимнастикуюсь, "гуляю" 2 раза в день, занимаюсь, пополняя пробелы своего общего и специального образования, и вообще благоденствую»⁹. Пробыв в тюрьме несколько месяцев, Бодуэн вернулся затем к преподавательской деятельности в университете.

⁵ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 18.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Фалькович С. М. Участие профессора Петербургского университета И. А. Бодуэна де Куртенэ в общественно-политической жизни России начала XX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.) Варшава, 1995. С. 139.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 26.

В военные годы он участвовал в жизни польской колонии, время от времени выступал в печати, главным образом по национальному вопросу, выражая резко отрицательное отношение к войне.

Летом 1919 года, после того, как Польша стала самостоятельным государством, Варшавский университет пригласил ученого на кафедру индоевропейских языков. О последних годах жизни И. А. Бодуэна де Куртенэ известно мало. Он из-за преклонного возраста не мог оставаться на прежней высоте своей научной и общественной деятельности. В России он вел сверхактивную научную и общественную жизнь. Об этом свидетельствует обширная переписка Бодуэна с учеными и общественными деятелями всего мира¹⁰. Однако Бодуэн де Куртенэ по мере сил принимал активное участие в научной и общественной жизни Польши. По его инициативе было создано «Общество друзей польского языка». В 1922—1923 годах он совершил поездку по странам Европы и прочитал цикл лекций. В Пражском университете — курс о классификации славянских языков, в Копенгагене — о влиянии языка на мировоззрение и настроение. Часто Бодуэн де Куртенэ выступал в печати, в основном с публицистическими статьями. Из крупных его работ этого времени можно назвать «*Zarys historii języka polskiego*», явившуюся последней большой работой ученого по польскому языку. В ней — завершение и обобщение многих основных идей, высказанных Бодуэном де Куртенэ в течение жизни. В работе применены и проведены при объяснении конкретных фактов многие теоретические положения, которые ученый упорно и страстно отстаивал, предвосхитив многие идеи, лишь позже ставшие общепринятыми. Одной из основных идей явилось проводимое различие между языком коллектива и постоянно изменяющимися языками отдельных индивидов. Причины поспешных, постоянно назревающих в языке изменений он видел не в тех отступлениях от нормы, которые возможны в индивидуальном говорении, а в наличии одинаковых условий, влияющих на языковые изменения, проявляющиеся в речи многих членов сообщества, то есть он вводит понятие коллективно-индивидуального языка как социального явления¹¹.

Большая часть статей ученого посвящена защите «малых народов» Польши — евреев, украинцев, белорусов от великопольского шовинизма (в журнале «*Mysl wolna*»). Многие статьи носят и атеистический характер.

Главным направлением деятельности И. А. Бодуэна де Куртенэ является учение об аналогии и стремление к исследованию живых языков и диалектов, интерес к социальным диалектам и патологии языка. Он предсказывал, что языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все больше соединять языкознание с другими науками: психологией, антропологией, социологией, биологией¹². Для И. А. Бодуэна де Куртенэ языкознание было только частью единой, комплексной науки о человеке.

¹⁰ *Chartanowicz M., Roziewicz J. Przegląd materiałów archiwalnych dotyczących Jana Niecisława Baudouina de Courtenay, przechowywanych w archiwach i bibliotekach Leningradu // Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecisława Baudouina de Courtenay w Rosji. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1991. С. 164—189.*

¹¹ *Посвянская А. С. И. А. Бодуэн де Куртенэ о польском языке // И. А. Бодуэн де Куртенэ. 1845—1929. М., 1960. С. 50.*

¹² *Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 27.*

БОТАНИК И. П. БОРОДИН В ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИИ

К. В. Manojlenko. The academician I. P. Borodin during the critical period of a history of Russia. Through not published earlier manuscript materials the attitude of academician I. P. Borodin to events of the first world war, February and October revolutions of 1917 is shown. His public and scientific — organizational activity during this period is considered.

Академик Иван Парфеньевич Бородин (1847—1930) в силу своего характера, нравственной и гражданской позиции тяжело, но стойко и с достоинством переживал события, связанные с Первой мировой войной и последующими революциями в феврале и октябре 1917 года.

Начало войны Бородин встретил в 67-летнем возрасте, полный сил, энергии и творческих замыслов. Он был всецело погружен в дела Ботанического музея Академии наук, который возглавлял с 1902 года. Позади были долгие годы напряженной научной, организационной и педагогической деятельности на кафедре ботаники Лесного института в Петербурге (1869—1902). Именно в этот период Бородин выполнил свои основные работы в области физиологии, биохимии и анатомии растений. В 1876 году вышел в свет его труд «*Физиологические исследования над дыханием листоносных побегов*», в котором рассматривались данные о зависимости процесса дыхания от количества углеводов, накопленных в листьях на свету. Здесь же им были заложены основы изучения азотистого обмена у растений¹.

Позднее известность получили исследования Бородина, где проводилась мысль о постоянстве некоторых анатомических признаков, в частности, кристаллических отложений шавелево-кислого кальция в клетках растения. Академик развивал концепцию о том, что эти признаки наряду с морфологическими характеристиками могут быть использованы для классификации растений, выяснения их филогенетических связей².

В «лесной период» жизни Бородин создал ценные учебные руководства по анатомии и физиологии растений, дендрологии, систематике. Его «*Краткий учебник ботаники*» (1888) выдержал 16 изданий³. Огромной популярностью у современников и последующих поколений ботаников пользовался «*Курс анатомии растений*» (1888)⁴, также выдержавший ряд переизданий. Вот какой отклик получил автор «*Курса*» в 1910 году из Киева от известного ботаника Е. Ф. Вотчала: «Теперь мы можем гордиться перед Европой: такого полного и современного, и всестороннего курса, и притом столь ясно и блестяще написанного нет ни на одном языке кроме нашего»⁵.

Ботаники-лесоводы, ученики И. П. Бородина, работали в различных регионах России. Многие из них стали известными учеными: Ф. Н. Алексеевко, Н. А. Буш, Е. И. Исполатов, В. Н. Любименко, В. Н. Сукачев и другие.

В 1902 году начался академический период в научной и организационной деятельности Бородина. Он продолжил начинания С. И. Коржинского (1861—1900):

¹ Бородин И. П. Физиологические исследования над дыханием листоносных побегов. СПб., 1876.

² Бородин И. П. О кристаллических отложениях в листьях растений в связи с систематикой // VIII съезд рус. естествоиспыт. и врачей в СПб. Протоколы. СПб., 1890. С. 3—15.

³ Бородин И. П. Краткий учебник ботаники. 1-е изд. СПб., 1888.

⁴ Бородин И. П. Курс анатомии растений. СПб.; М., 1888.

⁵ Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 141. Л. 16.

включился в управление Ботаническим музеем, сосредоточил усилия на организации работ над «Флорой Сибири». В рамках выполнения этой масштабной задачи в 1902 году им была осуществлена экспедиция в Сибирь, Иркутск и его окрестности, в ходе которой была собрана большая коллекция сибирских растений. В 1908 году Бородин опубликовал книгу «Коллекторы и коллекции по флоре Сибири»⁶.

К началу войны значительно увеличился штат Ботанического музея, была усовершенствована его структура, пополнен гербарий, подразделенный теперь на отделы, налажены постоянные контакты с исследовательскими учреждениями России, установлены международные научные связи, включавшие обмен гербарными материалами, научными публикациями. «Труды Ботанического музея», выходявшие в свет с 1902 года, играли значительную роль в распространении и развитии флористических знаний. С момента основания «Трудов» по 1918 год вышло в свет семнадцать выпусков.

Война не могла не отразиться на умонастроениях ученых. Восприятие Бородиным обстоятельств, связанных с ней, его чувства, мысли, поступки нашли отражение в письмах в Париж, к младшей дочери Мирре Ивановне Лот-Бородиной, супруге видного французского историка Ф. Лота. Эти субъективные впечатления вместе с общежитейскими сообщениями о делах в семье и на работе, дают возможность шире взглянуть на исторические события в России в начале XX века. Имеется возможность увидеть и понять, как бы изнутри, отношение к войне, национальному вопросу со стороны одного из ярких представителей мыслящей части населения страны.

Бородин тщательно следил за театром военных действий, размышлял, делился с дочерью своими наблюдениями, оценками ситуации. Он отрицательно воспринял указание правительства об исключении немецких ученых из Императорской Академии наук и других государственных и общественных организаций⁷ и не поддерживал тех ученых, которые выступали с подобной инициативой. В февральском письме 1915 года Бородин писал:

«А какие страшные бои идут у нас! Кажется, немцы прут с отчаяния и с голодухи. Несомненно, что дела их очень не важны». И далее: «А какие наши левые ослы — социал-демократы! “Новое время” и в особенности “Вечернее время” упорно травят нашу Академию за то, что мы не исключаем немецких почетных членов. Но в этом отношении нам подала прекрасный пример Парижская Академия, да и Берлинская не исключила трех русских. Но от волнения наши академики умирают один за другим»⁸.

Ученый не ограничивался общими суждениями о ходе военных действий и включился в общественную работу по созданию и содержанию лазарета для раненых в здании Академии наук. В письме к дочери М. И. Лот-Бородиной сообщал: «Сейчас иду на заседание по нашему лазарету, где должен председательствовать»⁹.

Бородин призывал и других ученых России включиться в эту работу, принять на себя расходы по финансированию мест в лазарете. В его архивном фонде сохранился ответ известного антрополога и географа Д. Н. Анучина, который в письме из

⁶ Бородин И. П. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири // Тр. Бот. музея АН. 1908. Вып. 4. С. 9—10.

⁷ Виноградов Ю. А. Германские ученые — члены Императорской Академии наук и Первая Мировая война // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Материалы Международной конференции. Т. III. СПб., 1999. С. 40—55.

⁸ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 18 об.

Москвы в октябре 1914 года писал: «Я готов сделать единовременный взнос на лазарет для раненых, содержимый на взносы академиков»¹⁰. Одновременно Анучин замечал, что аналогичное начинание — организация лазаретов для раненых силами ученых — получило развитие и в Москве: в Московском университете, Политехническом музее.

Условия военного времени не помешали движению ботаников к объединению, сама идея которого развивалась с начала XX века¹¹. Непосредственно с инициативой создания ботанического общества выступили киевские ботаники — Е. Ф. Вотчал, С. Г. Навашин, А. В. Фомин¹². И. П. Бородин и А. С. Фаминцын поддержали обращение этих ученых. Была развернута большая организационная работа, итоги которой Бородин подвел на общем собрании Академии наук в январе 1916 года. На этом собрании был принят устав общества, первый параграф которого гласил: «В целях научного объединения русских ботаников учреждается в Петрограде, при Имп. Академии наук, Русское ботаническое общество»¹³.

В этот же период под председательством А. С. Фаминцына и при участии И. П. Бородина, В. И. Вернадского, А. П. Карпинского, И. П. Павлова была организована комиссия по изучению естественных производительных сил России¹⁴. Вернадский подчеркивал значение объединения усилий ученых для изучения природных богатств страны¹⁵.

Еще раньше, в 1909 году с этим призывом на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей, выступил Бородин. Нельзя переоценить его роль в развитии экологии и охраны природы. Он разработал концепцию природоохранных мероприятий, опубликовал программные статьи на эту тему, выступал на международных совещаниях, наладил прочные корреспондентские связи с географами, естествоиспытателями из разных регионов России¹⁶. Совместно с Г. А. Кожевниковым представлял Россию на конференции в Берне в 1913 году, где решался вопрос создания постоянной Международной комиссии по охране природы¹⁷.

События февраля и октября 1917 года круто изменили жизнь Бородина и его коллег, внесли существенные коррективы в научную и организационную деятельность, их быт. Мы приводим фрагменты из его писем в Париж, наполненные фактами, свежими впечатлениями очевидца тех дней.

В письме, датированном концом февраля, Бородин писал: «Я вполне здоров, много работаю, особенно в журналах и масса заседаний — почти каждый вечер. Вчера обсуждали программу нового академического издания *“Русская наука”*. Был весь цвет интеллигенции»¹⁸. Заметим, что в январе 1917 года был торжественно отмечен юбилей И. П. Бородина — 70-летие со дня рождения и 50-летие научной, педагогической и общественной деятельности. Приветствия и поздравления пришли со всех концов России. Но вско-

¹⁰ Там же. Д. 86. Л. 6—60б.

¹¹ Гоби Х. Я. Речь // Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1901. С. 107.

¹² Манойленко К. В. А. С. Фаминцын — первый почетный президент русского ботанического общества // Бот. журн. 1997. № 6. С. 119—125.

¹³ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

¹⁴ Фаминцын А. С. Записка. Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил России, состоящая при Императорской Академии Наук. Пг., 1915.

¹⁵ Вернадский В. И. Об изучении естественных производительных сил России // Изв. Акад. Наук. Сер. 6. 1915. № 8. С. 679—700.

¹⁶ Манойленко К. В. Академик И. П. Бородин (1847—1930): ботаник, педагог, организатор науки // Бот. журн. 2001. № 2. С. 121—127.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 503. Л. 1—5.

¹⁸ Там же. Д. 71. Л. 19.

ре радостные торжественные для Бородина дни сменились суровыми буднями. Бородин сообщал дочери: «Время очень тревожное, но писать неудобно. Газета не вышла, трамвай не ходит <...>. Что будет? Поживем — увидим, но на душе невесело»¹⁹.

И только в письме от 5(18) марта 1917 года Бородин воскресил картину случившегося, описал свое видение событий Февральской революции. Он писал:

«Ты, конечно, уже знаешь из газет о тех огромных событиях, которые мы здесь пережили с головокружительной быстротой. Если всё кончится теперь и временно установившемуся правительству удастся удержаться, то, разумеется, это будет величайшая из революций, стоившая сравнительно очень мало крови (больше всего пострадала полиция). Колоссальный успех объясняется гл. обр. присоединением к народу казаков и войск. Стойких защитников у монарха не оказалось нигде. Огромная заслуга Думы и, в частности, Родзянко, спасших страну от возможной анархии. Но что будет дальше? Надо быть большим оптимистом, чтобы спокойно смотреть в глаза даже ближайшему будущему. Крайние левые, особенно с.д., могут испортить все. Соглашение с ними держится на волоске». И далее: «Теперь каждый день стоит года. Мог ли я думать, что доживу до падения монархии у нас, да еще такого позорного!»²⁰.

В последующих письмах к дочери Бородин сообщал о ходе дел в Петрограде, в России. Жаловался на разруху, дезорганизацию в армии, повышение цен на продукты питания, закрытие ряда газет, осложнения с работой типографий. Все это явилось, по его заключению, следствием «феерически совершившегося переворота». Вместе с тем Бородин горестно замечал: «Не во время произошла наша революция и не на добрую почву упали семена свободы. Слишком мало подготовлен народ, понимающий свободу только как анархию и возможность никому не подчиняться. Пока что, страшно смотреть в глаза будущему. Живем на вулкане и ждем взрыва»²¹.

Помимо этих раздумий, в письмах Бородина, относящихся к весне и лету 1917 года, имеются упоминания о его текущих делах в Ботаническом музее, о выборах в Академию наук. А. П. Карпинский был избран единогласно президентом, а И. П. Бородин вице-президентом. По приглашению Г. Ф. Морозова он выступил в мае 1917 года с лекцией «Об охране природы» на съезде лесоводов. Выступление видного ботаника было наполнено патриотическими чувствами, заботой не только об охране окружающей среды, но и порядка в стране. Ведь все это отвечало его гражданской позиции, научным задачам — поиску порядка, закономерностей в мире растений, природе в целом. Впечатляет его пафосное заключение с надеждой на лучшее будущее: «Несмотря на реюющий в воздухе страшный призрак анархии, грозящий, наподобие бури, заглушить нежные всходы русской свободы. Да не будет! Да спасет Россию здравый смысл русского народа»²².

Заслуживают внимания замечания ученого в отношении интеллигенции, ее реакции на события, которые происходили в стране после свержения монархии, действия Временного правительства, большевистской партии, возглавляемой В. И. Лениным. «Разрушительная проповедь Ленина делает свое страшное дело. Как видишь, я примкнул к партии И. - И. (испуганных интеллигентов), быстро разрастающейся»²³. Очередное письмо в Париж от 28 октября (10 ноября) 1917 года знакомит с трактовкой Бородиным рево-

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 20—20об., 21.

²¹ Там же. Л. 28об.

²² Там же. Л. 24об.

²³ Там же. Л. 24об.

люционной действительности тех дней и его оценкой победы Октября. Ученый писал: «Эти дни у нас донельзя критические вследствие восстания большевиков, быстро захватывающих власть. Конечно, это долго продолжаться не может — против них не только буржуазия, но и масса демократических элементов. Может быть и лучше, они успеют дискредитировать себя еще до Учредительного собрания»²⁴.

Однако вера и предположения Бородин не оправдались. Он сетовал на отсутствие газет: «Вынуждены читать газету М. Горького *"Новая жизнь"*, которая, впрочем, совсем изменила тон и критикует большевиков, осуждая всю их авантюру»²⁵.

В ноябрьском письме Бородин информировал дочь: «Да, дела, дела, у нас! И стыд, и срам, и так скверно на душе! Петроград на выборах поддержал таки большевиков. Торжество количества над качеством». И далее: «Ничего утешительного не вижу от предстоящего Учредительного собрания, недолго и его разогнать»²⁶.

Революция, которая поначалу мыслилась Бородину, как наступление нового, созидательного времени, не оправдала надежд. Пропуская события через призму своих убеждений, духовных критериев, он старался предугадать будущее, путь страны. Порой впадал в тревогу. Он, конечно, не мог мириться с жестокой действительностью, с беспорядками в Петрограде: «У нас все тоже — бестолочь, внутренние распри. Теперь в городе ежедневные погромы виновных погребов, при чем обвиняют интеллигенцию, что она избрала новый способ борьбы с революцией и нарочно спавает солдат». Эти строки содержатся в письме от 8(21) декабря²⁷. Продолжая хронику событий и подводя итоги 1917 года, Бородин оценивал его как год «погубивший Россию». В марте следующего года настроение отчаяния сохранялось, но ученым были поняты реалии постреволюционной ситуации: «О политике лучше ничего не писать. *Finis Rossiae*». И завершая эту тему, Бородин пишет: «Может быть детям, или внукам суждено увидеть возрождение когда-то сильной России»²⁸.

Академик Бородин не покинул Родину. Верный долгу ученого, гражданина, он включился в новую жизнь, в организационную работу по решению сложных хозяйственных задач, поставленных перед Академией наук, продолжал деятельность по созданию «*Флоры России*», читал лекции рабочим и солдатам. Его коллеги и ученики обращались к нему за советом и помощью. Эпистолярный раздел архивного фонда И. П. Бородина сохраняет подлинные свидетельства его заботы и помощи Е. И. Исполатову, В. В. Лепешкину, А. А. Рихтеру, А. С. Фаминцыну и др.

В июне 1919 года Бородин получил благодарность президента Академии наук академика Карпинского за его вклад в управление Академией в сложный период ее истории и, особенно, на посту вице-президента (1917—1919)²⁹.

Как созвучны настоящему времени слова И. П. Бородина, обращенные к Е. И. Исполатову в 1927 году³⁰, оказавшемуся в трудных обстоятельствах жизни и научной деятельности. Они звучат как напутствие академика и всем последующим поколениям ботаников: «Главное не теряйте мужества».

²⁴ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 30об., 31.

²⁵ Там же. Л. 31.

²⁶ Там же. Л. 36—37.

²⁷ Там же. Л. 38.

²⁸ Там же. Л. 39.

²⁹ Там же. Д. 60. Л. 69.

³⁰ Там же. Д. 68. Л. 11.

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ЛИЦАХ: В. Л. КОМАРОВ — ПРЕЗИДЕНТ АН СССР

G. A. Savina. Experience of a social history in persons: V. L. Komarov – president of the AS of the USSR. In a context of a social history of a domestic science the figure of the second president under account of the AS of the USSR V. L. Komarova's Soviet period should be considered, certainly, key. Holding of a high administrative post, V. L. Komarov inevitably was a conductor and the participant of structural reorganization of sphere of scientific creativity in the totalitarian state 1930–1940s, a link in mutual relations of a science and authority, the spokesman of moods of the certain social group of people incorporated by professional interests. Through the person of participants of events the course of a history becomes clear also.

Меньше, чем через месяц после утверждения Конституции СССР (получившей название «сталинской») АН СССР на своем Общем собрании выбрала второго по счету президента, деятельность которого пришлось на самый драматический период советской истории. Им стал Владимир Леонтьевич Комаров, который руководил Академией почти десять лет, начиная с репрессивного пика 1930-х годов и заканчивая победой страны в Великой Отечественной войне.

Конституция 1936 года впервые законодательно закрепила правовое положение ВКП(б) как руководящей и направляющей силы советского общества, ядра всех без исключения государственных и общественных организаций страны. С этого момента началась интенсивная перестройка всей системы органов власти и управления в соответствии с Основным Законом. Усиление централизаторских тенденций в области государственности происходило в атмосфере ужесточения диктата по отношению к населению.

Основное содержание официальной политики в сфере науки сводилось к утилитарному использованию ее достижений на практике. Культ постоянных «нужд народного хозяйства» ставил науку на очень скромное и подчиненное место в иерархии различных областей деятельности, а сложившаяся в годы советской власти и окончательно «возмужавшая» в 1937 году административно-командная система породила авторитарный стиль управления наукой, бюрократизм и казенщину в деятельности учреждений, огосударствление и заорганизованность самой сферы исследовательского творчества. Следствием этих изменений стал монополизм в науке, двойная мораль в поведении ряда (даже весьма крупных) ученых, приоритет солидной отчетности над реальными достижениями.

Незадолго до избрания Комарова президентом АН СССР, секретарь ЦК ВКП(б) и партийный глава Ленинграда А. А. Жданов, выступая на совещании заведующих отделами школ, науки и пропаганды 2 сентября 1935 года, остановился на проблемах партийного влияния в науке:

«Это отрасль, в которой контроль партии наименьший и здесь зачастую коммунисты находятся на птичьих правах, они науку не контролируют и зачастую теряют свое лицо, — заявил он. — Возьмите Академию наук. Роль т. Волгина сводится к ходатаю по делам Академии наук и по всяким неприятным вопросам, вместо того, чтобы проводить партийную линию. Я думаю, что внедрение партийного контроля в деятельность наших научных учреждений вызовет сопротивление людей, которые будут считать, что не нужно такого вмешательства коммунистов в науку»¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 498. Л. 24.

Таким образом, курс на подчинение науки генеральной линии партии был обозначен: требовались нужные исполнители...

Кто же он — президент В. Л. Комаров? Почему выбор властей пал на этого немолодого и беспартийного человека, ботаника по специальности? И как получилось так, что кандидатура «согласованная» и «одобренная» в верхах, получила почти единодушную поддержку (68 избирательных голосов против 2)² в самой Академии, уже не столь «строптивой» как в 1929 году, но и не лишенной права выбора в рамках дозволенного?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, нужно хотя бы коротко вспомнить основные вехи жизненного пути Комарова. Родился он 13 октября 1869 года в Петербурге в семье военного. Его отец, Леонтий Виссарионович, штабс-капитан Генерального штаба получил при штурме кокандской крепости Ура-тубе серьезное ранение, от которого скончался, оставив, практически, без средств к существованию молодую вдову с полторагодовалым сыном. Мать Комарова была вынуждена жить на очень скромную пенсию, полученную от Комитета помощи больным и раненым воинам при Красном Кресте до тех пор, пока вторично, в 1873 году, не вышла замуж за железнодорожного служащего. Когда Владимиру исполнилось 13 лет, его мать скончалась, и он перебрался из семьи отчима на житье к дяде и тетке — Виссариону Виссарионовичу и Екатерине Григорьевне Комаровым, которые определили мальчика в 6-ю казенную гимназию Петербурга.

Еще в отрочестве Комаров увлекся ботаникой и начал самостоятельно изучать флору Новгородской губернии, где проводил летние месяцы в Боровичском уезде в имении своего деда по материнской линии. Это увлечение скоро переросло в профессиональный выбор, и в университет юноша пришел с четко определившимися научными интересами. Вопреки мнению финансировавших образование юноши родственников, не одобрявших его выбор и предрекавших ему «смерть в нищете», будущий президент Академии наук был тверд в намерении посвятить себя именно ботанике. Поступив в 1890 году на физико-математический факультет Петербургского университета, он специализировался в избранной профессии и окончил университет в 1894 году с дипломом 1-й степени.

«На пороге университетской жизни я очень увлекался дарвинизмом, — писал впоследствии Комаров в одной из автобиографий, — и даже перевел весь том о происхождении видов. К сожалению, позднее, в минуту острой самокритики, я эту рукопись сжег и не могу теперь сравнить свой перевод с другими. В университете, в первые два года, я со всем увлечением отдался работе в кружках, где изучались труды К. Маркса, и обратился к изучению трудов Ф. Энгельса, который, поразив меня ясностью и последовательностью своего учения, совершенно затмил в моем сознании наших народников и даже Плеханова»³.

Увлечение марксизмом в студенческие годы привело Комарова в круг лиц, профессионально занимавшихся революционной деятельностью. «В начале 1905 г., — писал он, — познакомился с товарищем Е. Стасовой, и она поручила мне организовать у себя явку для ЦК социал-демократической партии, который тогда состоял из большевиков»⁴. Но еще до установления этих опасных для гражданина Российской империи связей Комаров попал под негласный надзор полиции, которая в свою очередь передала выпускника университета под гласную опеку Судебной палаты, лишив его права

² АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 59. Л. 19.

³ Цит. по кн.: Павлов Н. В. Владимир Леонтьевич Комаров. М., 1951. С. 11.

⁴ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 4.

свободного перемещения по стране. Из-за отсутствия «Свидетельства о благонадежности» остаться при университете (что было обычной вехой биографии молодого и подающего надежды ученого) было невозможно, и Комаров добился через Географическое общество разрешения на трехлетнюю экспедицию на Дальний Восток. Желавших ехать в столь отдаленный край было немного, а строительство Амурской железной дороги, к которому был прикомандирован молодой исследователь, уже тогда считалось важным государственным делом.

В 1895–1897 годах Комаров предпринял научное путешествие по Дальнему Востоку, Маньчжурии и Корее, итогом которого явилась знаменитая трехтомная «Флора Маньчжурии». Это сочинение, переведенное на многие иностранные языки, по сей день считается классическим трудом по ботанике. За эту работу Императорская Академия наук удостоила автора в 1909 году премии им. К. Бэра, а Международная Академия ботанической географии во Франции присудила ему медаль с рельефными изображениями Турнефора и Линнея. Путешествие по Маньчжурии и Корее отметило и Русское Географическое общество, присудив Комарову в 1897 году одну из своих высших наград — золотую медаль им. Н. М. Пржевальского. Первый том «Флоры Маньчжурии» (СПб., 1909) послужил ученому материалом для диссертации на степень магистра ботаники, которую он защитил в Петербургском университете, получив возможность занять место приват-доцента.

В 1902 году Комаров вновь отправился в экспедицию, на сей раз в Восточную Сибирь и Монголию. Там он изучал флору Саян, горы Мунку-Сардык и озера Косогол. В 1906 году объектами исследований стали Онежское, Чудское и другие озера. А в 1908–1909 Комаров предпринял две важные экспедиции на Камчатку с целью изучения ее флоры. Результатом стал классический труд «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 годах» (1912), который оказался настоящим кладом всесторонних сведений о полуострове.

В 1913 году Комаров по поручению Переселенческого управления провел подробное изучение Южно-Уссурийского края, что нашло отражение в цикле научных публикаций.

Исследовательская деятельность ученого не осталась незамеченной. 29 декабря 1914 года Императорская Академия наук по обстоятельному представлению с изложением научных заслуг, подписанному академиками И. П. Бородиным, А. С. Фаминцыным, В. В. Зеленским, И. П. Павловым и Н. В. Насоновым, избрала старшего консерватора Ботанического сада В. Л. Комарова в свои члены-корреспонденты по разряду биологических наук⁵. Однако, почетное избрание, так же как и защита при Московском университете диссертации на степень доктора ботаники (1911), мало что добавили к официальному статусу ученого. Он продолжал занимать скромные должности приват-доцента в университете и старшего консерватора в Ботаническом саду, совмещая их с работой преподавателя на Высших женских естественнонаучных курсах.

Комаров любил кропотливую и трудоемкую работу: пополнять справочники, составлять сводки ботанических маршрутов русских экспедиций в Центральную Азию, работать с гербарием, заниматься определением и инсерацией растений. Он считал, что подобная прилежная и неброская деятельность расширяет кругозор ботаника-систематика, обогащает его конкретными знаниями, без которых нет теории.

Фундаментальная научная эрудиция будущего президента Академии наук была фактом общепризнанным в ученом мире. Много лет спустя, 12 октября 1944 года, на

⁵ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.

заседании Отделения языка и литературы АН СССР известный специалист в области методологии и психологии творчества Т. И. Райнов отнес В. Л. Комарова к числу «людей ровного и сильного духовного горения», которым «чужды резкие колебания, напряжения — как сильные взрывоподобные вспышки, так и полосы глубокого упадка и депрессии»⁶. Райнов подчеркнул, что для ученых, подобных Комарову, характерно «не равнодушие к общим вопросам, а то, как они занимаются общими вопросами, в каком направлении ставят и решают такие вопросы»⁷.

К сожалению, сегодня мы не располагаем достаточными возможностями полноценно реконструировать психологический портрет Комарова в первые годы советской власти. Среди немногих сохранившихся личных писем будущего президента Академии наук обращает на себя внимание письмо к А. А. Рихтеру от 26 ноября 1918 года, с которым Комаров находился в близких дружеских отношениях со времени совместной работы в Петербургском университете. Приведем выдержки из этого письма:

«О себе могу рассказать, что скриплю. Дела очень много, и не только поддержка старого на мне, но и попытки создать что-либо новое. Во-первых, пробую устроить лабораторию по морфологии растений при Саде, приспособив для части ее одну из оранжерей; движется это черепашным шагом, рабочих нет, материалы редкость. Когда устройство наладится, будет, пожалуй, еще хуже, т. к. сотрудников действительно дельных нет вовсе. Получил лекции в Университете временно, пока Гоби нездоров. <...> Во всяком случае, курс-то надо создавать наново, да еще при отсутствии ассистентов. Вы пишете, что слышали, будто у нас лучше стало с продовольствием, но этот вопрос все ухудшается. С июня ежемесячный расход возрос в полтора раза и многое необходимое исчезло окончательно, больше только хлеба черного, но и его в обрез. Большинство лавок или закрыто, или пусто и отыскать что-либо нелегко, процесс недоедания в полном ходу, а необходимость зарабатывать большие суммы изводит чрезвычайно, отвлекая от более нужного морального дела. <...> Единственная отрада нашей жизни, это то, что баре в Москве, а у нас провинция и относительно затишье»⁸.

Картину жизни в Петрограде завершила супруга Комарова, сделав свои дополнения к письму. Обрисовав бытовые трудности, она добавила: «Относительно В. Л. очень беспокоюсь — работает с утра до вечера каким-то запоем и минутки не дает себе отдыха. Такой работой он себя изводит вот уже пятый год. Что будет дальше, не знаю»⁹.

Осенью 1920 года Российская Академия наук объявила конкурс на замещение вакантного места академика по кафедре ботаники. По поручению РАН академик И. П. Бородин провел опрос среди ботаников о желательном кандидате. По результатам «плебисцита» прошла кандидатура В. Л. Комарова, только за два года до выборов ставшего профессором Петербургского университета. Результат опроса, конечно, не был случайным. Рекомендую Комарова Общему собранию РАН, академики И. П. Бородин, Н. В. Насонов и И. П. Павлов представили тресбусную Уставом «Записку об ученых трудах» кандидата, в которой не поскупились на эпитеты превосходной степени, утверждая, что их кандидат «может считаться одним из деятельнейших, талантливейших и широко образованнейших в естественноисторическом отношении ботаников наших в области систематики и географии растений вообще и, бесспорно, является

⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 112а. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Оп. 4. Д. 149. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 20б.

первым авторитетом по флоре Азии»¹⁰. Академия, таким образом, приобретала нового одаренного и энергичного действительного члена.

Все хрестоматийные биографии Комарова единодушно утверждают, что его научные заслуги получили «всемирное признание» только после революции и после выборов его действительным членом Академии. Так ли это? Обратимся к одной из автобиографий ученого, где есть такие слова: «Первые годы были тяжелы, так как я явно не подходил общему тону Академии и все мои небольшие выступления кончались провалом. Только в 1926 году, когда понадобились новые силы, мне предложили быть председателем Якутского комитета, а осенью того же года командировку в Японию на международный Тихоокеанский конгресс»¹¹.

Попробуем разобраться в «академической» деятельности Комарова в 1921—1926 годах и понять смысл столь строгой самооценки своей чужеродности в стенах Академии наук.

Протоколы заседаний РАН сохранили интересный факт: 14 сентября 1921 года Комаров выступил на Отделении физико-математических наук с предложением о создании в системе академических учреждений самостоятельного Института генетики¹². Через две недели, 28 сентября, другой протокол заседания Отделения запечатлел: «Согласно предложению академика В. Л. Комарова положено образовать Постоянную комиссию по экспериментальной биологии и генетике. В ее состав положено включить академиков И. П. Бородину, Н. В. Насонову, И. П. Павлова, В. И. Палладина, А. Н. Северцова, В. М. Шимкевича, В. Л. Комарова и профессоров Ю. А. Филипченко и Н. И. Вавилова, о чем их и известить»¹³. Совмещение в названии Постоянной комиссии экспериментальной биологии и генетики свидетельствует о том, что по предложению Комарова Академия предполагала объединить направления деятельности московских и петроградских генетиков, группировавшихся вокруг Н. К. Кольцова в созданном им Институте экспериментальной биологии в Москве и вокруг Ю. А. Филипченко в Петроградском университете. Институт генетики АН СССР был создан, как известно, только в 1930-е годы. Постоянная комиссия по экспериментальной биологии и генетике не оставила документальных следов своего существования, но дата создания петроградского генетического центра — Бюро по евгенике (позже переименованного в Бюро по генетике), существовавшего при КЕПС, совпадает с «академическими» инициативами Комарова. Его идея нашла иное организационное воплощение, но высказанная в 1921 году, она свидетельствовала о незаурядной интуиции в понимании перспектив развития биологии. Вполне вероятно, что молодые университетские генетики обошли в вопросе формирования генетического центра в Петрограде маститых ученых Академии наук, которым новая область биологии по возрасту и по их научной специализации могла показаться экзотической и слишком экстравагантной.

Следующий эпизод недопонимания коллег относится к тому же времени. По инициативе Русского Ботанического общества, причисленного к Академии, в Петрограде был созван I-й Всероссийский съезд русских ботаников. Комаров выступил на нем четыре раза с сообщениями и докладами на темы: «Меридиональная зональность организмов», «Русские названия растений», «Вегетативное размножение, апомиксис и теория видообразования» и «Смысл эволюции»¹⁴. Если первые два

¹⁰ Известия Российской Академии наук. Серия VI. 1920. № 1—18. С. 28.

¹¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 33. Л. 5.

¹² Там же. Протоколы ОФМ. 1921. П. 221.

¹³ Там же. П. 241.

¹⁴ Дневник I Всероссийского съезда русских ботаников в Петрограде в 1921 г. Пг., 1921. № 3. С. 27—28; № 5. С. 44—45.

выступления носили более фактологический характер, то последние имели прямое отношение к основным проблемам эволюции организмов и могут быть названы концептуальными. Конечно, никакого «провала» в обычном понимании не произошло, да и не могло быть в выступлениях ученого, привыкшего работать тщательно, взвешивать слова и обдумывать идеи. Однако, по свидетельству одного из участников съезда, геоботаника Е. М. Лавренко (впоследствии академика), наиболее глубокий по содержанию доклад Комарова «Смысл эволюции» «не вызвал большого интереса у слушателей, вероятно, потому, что этот доклад В. Л., в котором он развил энергетическую трактовку эволюционного процесса в органическом мире, в известной мере предвещал развитие ряда концепций в области биологии второй половины 20-х годов и последующих десятилетий»¹⁵.

Скорее всего, неприятное чувство, возникшее от отсутствия живой реакции зала, оставило досадное ощущение неудовлетворенности и послужило причиной того, что к идеям, изложенным в докладе «Смысл эволюции», Комаров в должном объеме больше не возвращался, а оставшиеся 30 строк его автореферата — легкий абрис одной из наиболее оригинальных и глубоких идей ученого, выходящих за рамки того творческого портрета, который впоследствии нарисовал Райнов. То, что эта тема осталась в стороне от дальнейших исследовательских интересов Комарова, представляется сегодня научной потерей, так как трактовка процесса эволюции, предложенная в его докладе, была в известном смысле близка учению В. И. Вернадского о живом веществе и биосфере и современной концепции об экосистемах и биогеоценозах, развитой в трудах В. Н. Сукачева.

В феврале 1922 года Комаров выступил на заседании Отделения физико-математических наук с просьбой о заграничной командировке, которую он мотивировал необходимостью поработать с гербариями в Берлине, Париже и Лондоне на заключительном этапе обработки материалов по флоре Центральной Азии и западной границы Китая. И хотя Отделение поддержало его ходатайство, а Комиссия по заграничным командировкам РАН постановила на заседании 8 апреля 1922 г. предоставить командировку¹⁶, поездка не состоялась. Причина крылась в более чем скромных финансовых возможностях Академии и в новой политике властей, подвергавших сомнению практическую пользу от международных научных связей.

Не сложились отношения Комарова с Академией наук и в области печатания законченных исследований. Две историко-научные работы ученого — «Жизнь и труды Карла Линнея» (1923) и «Ламарк» (1925) были опубликованы не академическим издательством, а государственным. В архивных материалах Комарова сохранились рецензии Б. Андреева на обе рукописи и Б. М. Завадовского на «Ламарка», которые, вероятно, не позволили академику воспользоваться услугами ведомственного издательства. В рецензии Андреева на первую рукопись говорилось: «В настоящем своем виде книга не совсем выполняет поставленную перед биографической серией задачу дать одновременно с жизнеописанием и “ясное представление об истории науки”. Среднеподготовленный читатель из книги очень мало узнает о состоянии науки ко времени Линнея, а также и недостаточно полно усвоит значение трудов Линнея для дальнейшего развития науки»¹⁷. Так же категоричен в оценках был и Завадовский, отметивший чрезмерное увлечение автора ламаркизмом:

¹⁵ Лавренко Е. М. Об энергетической трактовке В. Л. Комаровым эволюции организмов // Комаровские чтения: Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869–1969. Л., 1972. С. 83.

¹⁶ АРАН. Протоколы ОФМ. 1922. П. 86, 177.

¹⁷ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 95. Л. 2.

«Особенно малоудачным по сравнению с общим тоном очерка, — писал рецензент, — представляются мне заключительные абзацы рукописи. Здесь автор вместо точной и строгой формулировки значения Ламарка для развития биологии дает в недостаточно строго сформулированных выражениях панегирик Ламарку, причем чуть ли не вступает в противоречие с самим собою: ранее он сам отмечал, что нет вполне достоверных факторов наследования благоприобретенных признаков, не допускающих много толкования, здесь же немотивированно для читателя автор именно в этом пункте вслед за П. Лесгафтом видит главную заслугу Ламарка, — и это, естественно, вызывает у читателя недоумение и ряд вопросов»¹⁸.

Следует напомнить, что за синтез ламаркизма и дарвинизма ратовали в 1920-х годах многие крупные биологи-эволюционисты. Комарову потребовалось время для того, чтобы продвинуться от ламаркизма, истолкованного с позиций материализма, к дарвинизму с признанием элементов генетики. Этот путь не был прямым: ученый то приближался к пониманию генной теории наследственности, то удалялся от него. Но не следует, однако, забывать, что в первой четверти века только что зародившаяся генетика не могла еще предложить ботаникам-систематикам бесспорных выгод в их работе, скорее, наоборот, во многих частных вопросах она ставила в тупик и вызывала разочарование. Элементы неоламаркизма появлялись в научных работах Комарова с неизменным постоянством и в последующие годы. Утвержденные бесспорные сегодня истин происходили в борьбе и сомнениях.

Из личных писем Комарова своей ассистентке (впоследствии второй жене) Н. В. Комаровой (урожд. Старк) становится очевидным, что в середине 1920-х годов он прохладно или вполне равнодушно относился к власти, славе и возможностям служебной карьеры. В июле 1925 года, находясь в Москве в связи с докладом на первом торжественном заседании Совета Института прикладной ботаники и новых культур, Комаров писал в Ленинград: «утомила меня Москва; два больших заседания — это хорошо, два посещения московских ботаников — еще лучше, но бегать по канцеляриям и пр. это ужасно треплет нервы и утомляет. Если бы можно было только работать научно, как хорошо было бы»¹⁹. В августе 1925 года еще одно письмо из Москвы с ироническим отношением к атрибутам признания: «Знаешь ли, друг мой дорогой, чего я удостоился? Ходит ко мне художник и рисует с меня портрет. Он готовит целую выставку портретов к юбилею Академии наук, ну, и меня туда же. Только это скучно»²⁰. По настоящему заинтересованную и живую реакцию в переписке со знакомыми и коллегами можно обнаружить у Комарова только в связи с научными проблемами, а не карьерными поворотами судьбы.

Период «великого перелома», поставивший жирную точку полусвободе в стенах АН СССР, отражен в автобиографии будущего президента следующим образом: «В 1929 г. я был избран секретарем Первого отделения, а это повлекло за собой летом того же года замещение должности неперменного секретаря, уехавшего в заграничную командировку. Последнее же имело своим последствием участие мое в Комиссии Фигатнера, из чего проистекало для меня одновременное замещение должностей неперменного секретаря, вице-президента и секретаря Первого отделения»²¹.

Попробуем выяснить или хотя бы предположить позицию Комарова в экстраординарном эпизоде с неизбранием в Академию наук коммунистов в 1928 году и последовавшим за этим в 1929 году «академическим делом».

¹⁸ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 97. Л. 2—3.

¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 86. Л. 36.

²⁰ Там же. Л. 45.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 33. Л. 5.

Для того, чтобы выборы прошли желательным для властей образом, Политбюро ЦК ВКП(б) создало в начале года специальную Комиссию по проведению выборов, а 17 мая Секретариатом Ленинградского обкома партии была утверждена особая секретная «Директива», которая взяла под партийный контроль весь процесс выдвижения и отбора кандидатов²². Давление на Академию не скрывалось, за полтора месяца до выборов был продемонстрирован жест устрашения — произведены аресты члена-корреспондента АН СССР В. Н. Бенешевича и сотрудников БАН СССР А. А. Сиверса и В. Е. Вальденберга.

Почти в это же время в «Красной газете» появилась заметка о предвыборной кампании в Академии, в которой говорилось:

«На вопрос, заданный нашим сотрудником председателю комиссии по биологическим наукам акад. В. Л. Комарову, какими данными будет руководствоваться комиссия при отборе кандидата или согласии на его избрание в действительные члены Академии, акад. Комаров сказал: — При оценке научной деятельности кандидата комиссия будет считаться только со значимостью чисто научных достижений будущего академика»²³.

Однако на деле под различными предложениями отклонялись один за другим достойнейшие кандидаты. Правительственная половина Особой комиссии взяла дело в свои руки и все время «переигрывала» ученых. Так, поступившись кандидатурой желательного властям В. Р. Вильямса, партийные функционеры настояли на исключении из списков претендентов Л. С. Берга и Н. К. Кольцова, на которых был заранее заготовлен идеологический компромат, не имевший ничего общего с наукой. «Не прошли» под градом подобных же обвинений А. А. Ячевский и А. Г. Дояренко; а когда у биологов вызвала сопротивление кандидатура А. Н. Баха, он без труда был «переброшен» в химики²⁴ и впоследствии, оставаясь крупным ученым, был весьма полезен для властей фигурой при организации всякого рода «чисток», проверок и разбирательств.

Наблюдая избирательную кампанию изнутри, Комаров хорошо видел на каком языке директивные органы намерены вести диалог с Академией, но противостоять своей «карьере» он уже, по-видимому, не мог. Справедливости ради скажем, что не без усилий отборочной комиссии по биологическим наукам, на выборах 1928 года и последовавших сразу же перевыборах в 1929-м обсуждались кандидатуры прекрасных ученых. Среди избранных в действительные члены — Н. И. Вавилов, В. С. Гулевич, М. А. Мензбир, Г. А. Надсон и Д. Н. Прянишников.

6 марта 1929 года В. Л. Комаров был единогласно выбран академиком-секретарем Отделения физико-математических наук²⁵ и с позиций «посвященного» мог наблюдать тактические попытки власти овладеть аппаратом Академии и ее учреждениями. Если до 1927 года Академии наук удавалось обходиться без партийной организации, а в 1928-м она состояла из 7 членов ВКП(б) и 4 кандидатов в члены (все они принадлежали к техническому и обслуживающему персоналу), то в середине 1929 года на 1158 сотрудников академических учреждений приходилось 16 членов партии²⁶. После выбо-

²² Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. XVIII.

²³ Красная газета, 9 октября 1928 г.

²⁴ Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе». // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 179—181.

²⁵ АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 59. Л. 17.

²⁶ Данные приведены по: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993. С. XIII.

ров 1929-го среди 82 действительных членов АН СССР оказалось 9 коммунистов²⁷. Незначительная по своей численности партийная прослойка среди научных кадров высшей квалификации привнесла, однако, манеру фракционных действий и атмосферу таинственности ниспускаемых ей партийных директив, чего не было в стенах Академии на протяжении двухсот с лишним лет ее существования.

Летом 1929 года Академию потрясла новая беда — в рамках «чистки госаппарата» Ленинграда в АН СССР была назначена правительственная комиссия во главе с Ю. П. Фигатнером, членом коллегии НК РКИ и членом президиума ЦКК ВКП(б). Комаров по должности вошел в состав этой комиссии. Из трех академиков, включенных в состав комиссии, в ее работе участвовал только он. Непременный секретарь отсутствовал в Ленинграде, имя академика Ферсмана не упоминается в протоколах заседаний комиссии, да и присутствие Комарова обнаруживается на этих собраниях достаточно редко. Приведем фрагмент описания одного из заседаний комиссии, на котором рассматривалась работа Управления делами АН СССР:

«После доклада Д. Н. Халтурина последовал ряд вопросов о чем угодно, кроме деятельности Управления. Затем «вцепились» в дополнительную зарплату, которую Халтурин получал по Якутской комиссии, и тут вскочил техпом С. Н. Елизаров из Библиотеки: «Он просто-напросто крал из кармана бедных якутов!»; здесь в зале возник шум, раздались голоса: «Призовите к порядку!» — и за Халтурина вступился помалкивавший академик Комаров, глава Комиссии по изучению Якутской АССР»²⁸.

Нелегко, наверное, давалось Комарову участие в подобных собраниях, где шельмовали и оскорбляли хороших и преданных Академии работников. Со временем, вероятно, наступил эффект «привыкания», но в 1929 году психологическое состояние академиков было подавленным. В октябре этого года Особая комиссия НК РКИ СССР, «укрепленная» срочно вызванными в Ленинград Я. Х. Петерсом и Я. С. Аграновым, приступила к раздуванию «академического дела». С. Ф. Ольденбург был отправлен в отставку с должности неперменного секретаря. В тот же день, 30 октября, Общее собрание Академии наук «обратилось с просьбой к В. Л. Комарову временно исполнять эти обязанности»²⁹. Телеграмма А. И. Рыкова о немедленном отстранении Ольденбурга от обязанностей неперменного секретаря Академии была адресована президенту А. П. Карпинскому 30 октября, то есть пришлось на время работы сессии АН СССР.

Вот как описывал историк-марксист М. Н. Покровский впечатление от происшедшего в Академии в специальном отчете в Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1929 года:

«Не приходится от себя скрывать, что первое впечатление среди академиков от происшедшего было оглушительное. Буржуазные ученые, даже самые близкие к нам, совершенно не привыкли к такого рода методам действия в академических учреждениях, и явная растерянность читалась на лицах даже столь к нам близких членов Академии наук, как Архангельский. Я убежден, что это впечатление понемногу пройдет, в особенности, если станет очевидным, что экстренное удаление Ольденбурга не есть простой шаг расправы, но первый шаг к

²⁷ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57. Л. 187.

²⁸ Цит. по: *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 197.

²⁹ АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 61. Л. 218.

радикальному изменению всего характера и всей структуры Академии наук. <...> Академия, в которой руководящий персонал сменяется простым распоряжением советской власти, есть такое же научное учреждение, как и всякое другое научное учреждение Советского Союза. Телеграмма А. И. Рыкова одним почерком пера "советизировала" Академию наук, это, конечно, огромный шаг вперед»³⁰.

В тех кадровых рокировках, которым собирались подвергнуть Академию наук представители высших эшелонов власти, не было полного единодушия по поводу личного состава руководства Академии. Покровский — активный сторонник «советизации» АН СССР, добиваясь в Политбюро ЦК партии санкции на замену непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга В. Л. Комаровым, откровенно заявлял: «последнего лично я совершенно не знаю и говорю со слов других товарищей»³¹. Далее он подчеркивал, что даже ленинградскому Обкому неизвестно, «что собственно представляет собою Комаров» и, что «Обком очень скептически относится к кандидатуре Комарова»³². Кандидатурами Покровского были: на роль президента А. Н. Бах, на роль непременного секретаря коммунист А. М. Деборин. «Комарова, если он окажется хорошим советским работником, — настаивал Покровский, — можно будет удовлетворить созданием поста третьего вице-президента»³³.

В кадровых предложениях Г. М. Кржижановского непременным секретарем АН СССР намечался В. П. Волгин, вторым вице-президентом В. Л. Комаров, а президентом одна из трех кандидатур — А. Ф. Иоффе, Н. С. Курнаков или В. Н. Ипатьев³⁴.

Если новоявленные академики (оба избраны в действительные члены АН СССР 12 января 1929 года) М. Н. Покровский и Г. М. Кржижановский знали академическую ученую среду и рассуждали с точки зрения задачи «советизации» этого учреждения, то руководитель Комиссии по проверке аппарата АН СССР Ю. П. Фигатнер, инспирировавший фарс «академического дела» и вжившийся в роль вершителя судеб Академии наук, дал «политическую» оценку уцелевшим после «чистки» членам Президиума АН СССР А. П. Карпинскому, В. Л. Комарову и А. А. Борисяку, как «людям для нас безвредным»³⁵.

Безусловно кандидатуру Комарова на роль президента АН СССР (взамен престарелого Карпинского) уже в начале 1930 года поддерживали Н. И. Бухарин и А. В. Луначарский, но эта инициатива не нашла тогда поддержки в верхах. 25 февраля 1930 года было принято решение: «Оставить президентом Карпинского, вице-президентами утвердить т. Кржижановского, Марра и Комарова, непременным секретарем т. Волгина»³⁶.

В марте 1930 года произошло ведомственное переподчинение Академии наук: после ликвидации Управления научными учреждениями СНК СССР она попала в систему учреждений Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями при ЦИК СССР. 10 августа 1931 года вопрос о работе Академии наук был заслушан на заседании Президиума ЦИК СССР (докладчик В. П. Волгин). По докладу было принято постановление, в котором в первых строках ставилась задача «обеспечения в ряде учреждений Академии марксистско-ленинского руководства и в остальных — влияния в Академии методологии диалектического материализма»³⁷.

³⁰ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. М., 2000. С. 78.

³¹ Там же. С. 76.

³² Там же. С. 77.

³³ Там же. С. 79.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Там же. С. 83.

³⁶ Там же. С. 91.

³⁷ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 447. Л. 15.

Высшие партийные и советские органы решили официально реформировать руководство Академии наук, оставив в почетной роли президента Карпинского, одного беспартийного вице-президента — Комарова (теперь уже со стажем некоторой «благонадежности») и трех членов ВКП(б): вице-президентов Г. М. Кржижановского (избран несколько раньше, 15 мая 1929 г.) и Н. Я. Марра, а также непременного секретаря В. П. Волгина. Таким образом, впервые в истории Академии ее руководящее ядро было не избрано, а фактически назначено до выборов на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 февраля 1931 года³⁸. 3 марта АН СССР только утвердила кадровое решение директивных органов на своем Общем собрании.

С этого момента начинается новый этап в научно-организационной деятельности Комарова. По распределению обязанностей между руководителями Академии ему досталось заведование ее административно-хозяйственной деятельностью. Из письма Комарова Н. В. Старк известно, что первоначально распределение ролей планировалось иначе: «Кржижановский сообщил мне, что он 23-го [февраля] <...> сформировал на чаепитии будущий Президиум и выдвигает меня на первого вице-президента, а третьим вице-президентом — хозяйственным — академика Гребенщикова, сам же будет вторым. Все хорошо, только Гребенщиков категорически отказывается (ведь черновая-то работа целиком ему)»³⁹.

После вмешательства «высших интересов» черновая работа досталась Комарову. Кроме того, после разделения Отделения математических и естественных наук на группы он стал председателем Группы биологических наук и в этом качестве оказался очень полезен Академии. Так, важными организационными мероприятиями с участием нового вице-президента были: включение в состав академических учреждений Главного Ботанического сада, а затем слияние Ботанического сада и Ботанического музея и создание на их базе мощного Ботанического института АН СССР. Помимо биологических наук, естественно, особенно близких Комарову, он обосновал необходимость создания Географического института и введения на выборах в Академию кафедры по специальности «география». Реально был создан Геоморфологический институт, который в конце 1934 года реорганизовали в Институт физической географии АН СССР. При активной поддержке Комарова в Москве строился Физический институт АН СССР.

А по свидетельству В. А. Обручева «в 1930 г. была учреждена Комиссия по изучению вечной мерзлоты, которая через несколько лет оказалась под угрозой ликвидации. Владимир Леонтьевич, зная природу Сибири и понимая какое значение имеет вечная мерзлота на широкой территории ее распространения для успешного строительства и сельского хозяйства, взял Комиссию под свою защиту и провел ее преобразование в Комитет, а затем Институт с соответствующими его задачам штатами и средствами»⁴⁰.

Такого рода примеры позитивного административного вмешательства вице-президента можно было бы продолжить, но важно другое: Комарову — организатору науки были присущи широкий кругозор, научная интуиция, умение «проводить» важные для Академии решения в партийно-правительственных кругах. Это делало его работу весьма успешной и вызывало сочувствие в рядах членов АН СССР.

Пребывая в должности вице-президента, Комаров продолжал оставаться председателем Тихоокеанского комитета, комиссий по изучению Якутии, Байкала и Монголии (с 1930 г.), членом Комиссии экспедиционных исследований, директо-

³⁸ АПРФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 348. Л. 27.

³⁹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 86. Л. 103.

⁴⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 45. Л. 192–193.

ром Ботанического и Лесного музеев. После кончины И. П. Бородина в 1930 году он также возглавил Русское Ботаническое общество, не прекращая преподавательской и исследовательской работы. Подобная нагрузка не являлась чем-то исключительным в среде руководителей Академии, но она заставляла ученого ошутить себя в новом качестве: все меньше времени оставалось для личных научных интересов, все больше наваливалось дел административных и организационных. Как заметил С. Ю. Липшиц, выступая на «Комаровских чтениях» 1969-го года:

«Для советских ботаников и лично для В. Л. его уход от непосредственной ежедневной научной деятельности на научно-организационную и административную работу явился в известной степени ущербом. Любимой ботанике он мог уделять в силу перегруженности лишь жалкие крохи времени, что несомненно удручало его. Правда, немногие об этом догадывались, мало кто понимал тяжелые переживания, связанные с “раздвоением” личности В. Л. Не приходится спорить — организаторы науки необходимы. Как хорошо отметил Ольденбург, для того, чтобы одни ученые могли спокойно и плодотворно работать, другим приходится жертвовать собой»⁴¹.

Основной заслугой Комарова в период его шестилетнего вице-президентства обычно называют создание баз и филиалов АН СССР, часть которых со временем выросла в национальные академии наук. Еще в 1931 году, впервые заговорив на эту тему на заседании Президиума, Комаров последовательно проводил в жизнь идею научной децентрализации и создания региональных исследовательских центров. «Наша идея такова, — подчеркивал он, — организовать сеть научно-исследовательских станций на местах для непосредственного изучения того или другого природного явления или же процесса, происходящего в массе населения»⁴². По его докладу Общее собрание АН СССР в июне 1931 года приняло решение наметить создание баз в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске и Свердловске⁴³. Для руководства работой по организации баз и филиалов в составе Академии была создана Комиссия по базам, которую возглавил сам Комаров. Осуществление замысла потребовало от него настойчивости, потому что в академической среде не было единого мнения о целесообразности создания баз на местах; многие высказывали опасения, что невозможно будет должным образом решить проблему научных кадров, оборудования и материального обеспечения новых подразделений; что вновь созданные базы не смогут набрать достаточный исследовательский потенциал и только станут дискредитировать свою «метрополию». Комаров не разделял такой точки зрения, хотя и не умалял трудностей в решении предстоявших организационных задач. При его личном участии уже в 1932 г. были созданы Закавказский филиал (с двумя отделениями в Тбилиси и Баку), Дальневосточный и Уральский филиалы, Казахская и Таджикская научные базы. В 1934-м возникла Кольская, в 1936-м — Северная базы АН СССР.

В 1935 году Комаров был избран председателем уже значительно расширившей свои функции Комиссии по заведованию филиалами и базами АН СССР и в этой должности пребывал до 1945-го. При его участии в конце 1930-х годов были организованы Узбекский и Туркменский филиалы, а в годы войны — Западно-Сибирский и Киргизский.

⁴¹ Комаровские чтения XXIV. Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869–1969. Л., 1972. С. 4.

⁴² Вестник Академии наук СССР: (Внеочередной номер). Чрезвычайная сессия в Москве 21–27 июня 1931 г. М., 1931. Ст. 79–80.

⁴³ Там же. Ст. 68.

В поле зрения вице-президента находились еще два важных направления: аспирантура, официально созданная в Академии наук в 1929 году, и планирование, осуществлять которое в стенах Академии было функцией Планово-организационной комиссии, образованной в 1930-м. Оба нововведения потребовали от Комарова определенных компромиссов. Искренне сочувствуя идее воспитания молодых ученых, он не мог не видеть, что аспирантура была задумана ее государственными авторами не с единственной целью воспроизводства научных кадров высокой квалификации. Партийно-классовый подход в отборе аспирантов и преимущества, предоставляемые общественным активистам, таили в себе далеко идущий план внедрения в среду ученых партийных функционеров от науки, результаты чего Комаров смог воочию увидеть уже в годы своего президентства.

Еще более остро решался вопрос планирования научно-исследовательских работ. Конечно, ученый всегда работал по плану, но план этот существовал, как правило, у него в голове или в рабочей тетради. С введением государственного планирования, которое стало неизбежным для больших научных коллективов со значительными финансовыми сметами, в среде ученых появился определенный скептицизм и неприятие плана. Ряд маститых ученых придерживался того мнения, что план лишь организует уже наметившиеся направления научной деятельности, но никак не может обеспечить открытие чего-либо нового. По их соображениям полезность плана возрастала по мере того, как научные идеи находили техническое или иное воплощение, и оставалась профанацией, когда речь шла о фундаментальной науке. Государство же требовало от науки подробного и жесткого планирования сродни тому, что было принято на производстве. Не выполнить утвержденный план было нельзя, а отрицательный результат, который в науке, как известно, тоже результат, мог наводить контрольно-проверяющие органы на опасную для исполнителя мысль «куда идет народное добро». Наметить действительно эффективные приемы планирования научных исследований в условиях чрезвычайщины и политических лозунгов сталинского времени, когда все подчинялось идеологии, даже вопреки здравому смыслу, было почти не реально. Комаров столкнулся с этим вплотную, и не случайно, что «взрывоопасные» ситуации в общении с правительственными кураторами деятельности Академии, чаще всего, были связаны с планированием научно-исследовательских работ.

К моменту вступления Комарова в президентскую должность произошло еще одно важное событие, последствия которого сказались на судьбах АН СССР. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 8 февраля 1936 года ликвидировались Коммунистическая академия ЦИК СССР и ее институты, учреждения и основные кадры передавались Академии наук СССР⁴⁴. Спустя неделю, 15 февраля, Президиум АН СССР принял решение о создании на базе ликвидируемых Комакадемией учреждений институтов в составе АН СССР: Экономика, Мирового хозяйства и мировой политики, Истории, Советского строительства и права и Философии⁴⁵. Таким образом, препятствие в виде мнения научной общественности, над которым иронизировал А. А. Жданов, «что не плохо бы коммунистов организовать отдельно — пусть коммунисты сидят в Комакадемии, а нас не трогайте»⁴⁶, — было преодолено волевым образом. АН СССР вобрала в себя не только учреждения и кадры бывшей Комакадемии, но вместе с ними и всепожирающий вирус правящей идеологии.

Коснувшись в первую очередь гуманитарных областей знаний, реорганизация повлекла за собой идеологическую волну, связанную с «наведением порядка» внутри

⁴⁴ Правда. 8 февраля 1936 г.

⁴⁵ Вестник Академии наук СССР. 1967. № 11. С. 62.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 498. Л. 24.

научных дисциплин, с бесконечными «чистками» и «пересмотрами». Если внутрипартийная борьба, за которой следовали политические репрессии, раньше сотрясала Комакадемию, то теперь этот стиль отношений был перенесен в Академию наук.

Жертвами репрессий конца 1936—1938 годов стали не только академики Н. И. Бухарин, Н. М. Лукин, В. В. Осинский, член-корреспондент Б. М. Гессен и другие деятели бывшей Комакадемии, но и филологи-слависты, далекие от политики, члены-корреспонденты Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский, историк и археограф, член-корреспондент С. Г. Томсинский, историк литературы, член-корреспондент И. И. Замотин и многие другие ученые более скромного научного ранга из академических учреждений.

Выборы Комарова президентом Академии наук состоялись на Общем собрании АН СССР 28—29 декабря 1936 года. Несмотря на убедительные результаты голосования (68 — «за» и 2 «против»), не все было гладко и благополучно. «Спецдонесение» НКВД на имя Н. И. Ежова и Сталина отражало разные настроения в отношении кандидатуры нового президента:

«Академик А. Н. Крылов: “Выборы прошли под давлением, и это после хваленной конституции”. Академик П. П. Лазарев: “Когда же мы будем иметь возможность выбрать, ведь в этой ‘свободной’ стране мы не можем даже намечать кандидатов, их намечают без нас, а мы только голосуем”. Академик С. И. Вавилов: “Академик Комаров подходящая кандидатура для тех, кто его назначил. Для нас же был бы интересен академик Крылов. Ведь вы знаете, какая это колоритная фигура, но ведь поэтому-то его и побоялись выставить, заменив бесцветной фигурой Комарова”. Академик Н. Н. Семенов: “Большевики великолепные дрессировщики. Выдрессировали таких львов, как Крылова, Чаплыгина. Кричали, кричали о Комарове, а когда выбирать, то только два голоса были против”⁴⁷.

Действительно, кандидатура президента была одобрена Политбюро ЦК в результате голосования на бланке «вкрутовую» 22 ноября 1936 года и не вызвала какого-либо эмоционального обсуждения «в верхах»⁴⁸, с мнением академиков уже давно не церемонились. Может быть, поэтому даже в «спецдонесении» упомянуто больше ученых-противников кандидатуры Комарова, чем в избирательных бюллетенях, проголосовавших «против». Двойной стандарт морали, достигнутый страхом и умелой «дрессурой» власти, приносил запрограммированный результат даже в сложной для манипуляций общественным мнением среде научной элиты.

Первые годы президентства Комарова были сложны в силу объективных причин. Заключительный этап централизации АН СССР — перевод ее в Москву, обнародованный в 1934 году, но затянувшийся на целый ряд лет в связи со строительством новых зданий, перевозом имущества и переездом сотрудников, протекал под лозунгом «кадрового усиления». Слияние с Комакадемией, добавило в руководство наукой изрядную долю идеологического контроля, распространившегося с наук гуманитарных на науки естественные, точные и технические. Аресты в академической среде перестали быть единичными. Механизм репрессий, нуждающийся в постоянной подпитке кровью, требовал все новых жертв. Редакционная статья «*Вестника Академии наук СССР*», вышедшего в свет после широкомасштабного политического спектакля с правотроцкистским блоком, была озаглавлена цитатой из М. Горького «Если враг не сдается, — его уничтожают!» и нацеливала Академию «извлечь до конца уроки из процесса»⁴⁹. Ученым предстояло

⁴⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. М., 2000. С. 16.

⁴⁸ Там же. С. 248.

⁴⁹ Вестник Академии наук СССР. 1938. № 2. С. 8.

изжить «элементы пассивности и самоуспокоения», «крепить бдительность и беспощадно искоренять злейших врагов»⁵⁰. Под тяжестью этих директивных установок АН СССР предстояло жить и работать, Комарову — ею руководить.

К списку репрессированных ученых в 1936—1938 годах добавились фамилии физиков Ю. А. Круткова, П. И. Лукирского, И. В. Обреимова, В. А. Фока (к счастью, ненадолго); астронома Б. В. Нумерова; механика и геофизика Л. С. Лейбензона; гидро- и термодинамика А. А. Саткевича; биологов Г. А. Надсона, Б. Б. Полынова, Н. М. Тулайкова; минералога Н. М. Федоровского; электротехника Я. Н. Шпильрейна; авиаконструктора А. Н. Туполева; специалиста в области сельскохозяйственного машиностроения В. Ю. Гана; востоковедов Н. И. Конрада и А. Н. Самойловича⁵¹ и многих других. Потрясла Академику весть об аресте и последовавшем вскоре за ним расстреле неперменного секретаря АН СССР академика Н. П. Горбунова, бывшего управляющего делами СНК и СТО, первого личного секретаря В. И. Ленина. Уничтожая человека, власть позаботилась и об упразднении должности неперменного секретаря, непрерывно существовавшей в Академии с 1800 года⁵².

В конце 1933 года Академия наук в очередной раз перешла в ведение СНК СССР (до этого она несколько лет состояла при ЦИК СССР). В постановлении от 14 декабря 1933 года говорилось, что эта мера была предпринята «в целях достижения более полной связи работы Академии наук Союза ССР с практикой социалистического строительства и для установления планомерного и тесного сотрудничества Академии наук с народными комиссариатами и Государственной плановой комиссией Союза ССР»⁵³. Согласно этому документу планы Академии должны были утверждаться Совнаркомом, Устав АН СССР 1935 года добавил к этой обязанности необходимость представлять на рассмотрение правительства также ежегодные академические отчеты о деятельности.

Планово-отчетные эпопеи стали главной «ахиллесовой пятой» в отношении Академии наук и Совнаркома. Придирки правительственных чиновников и завышенные требования к науке при полной невозможности конструктивного диалога вызывали постоянное неудовольствие в высших эшелонах власти. Даже в официальной биографии (сильно превозносящей заслуги президента), присутствует признание, что «число научных работ, опубликованных Комаровым в 1938 году, было сравнительно невелико»⁵⁴. Причину этого автор усмотрел в длительных приготовлениях к написанию итогового труда о видах растений, что являлось правдой лишь отчасти. Работать, как ученому, президенту АН СССР мешали иные обстоятельства, далекие от исследовательских.

6 января 1938 года Вернадский записал в дневнике: «Комаров был вызван к Молотову, который принял его почти грубо. <...> Молотов указал Комарову, что Академия не дает того, что нужно — занимается [своими делами], не считаясь с интересами страны»⁵⁵.

Комаров был вынужден искать дипломатических путей разрешения надвигающегося конфликта. 14 апреля 1938 года, направляя краткий отчет о работе АН СССР за 1937 год председателю СНК, президент пытался предпринять превентивные меры и «смягчить» ситуацию, заверяя, что трудность заключается в том, что Академия впервые представляет отчет правительству, а не просто публикует его, как это практи-

⁵⁰ Там же. С. 6.

⁵¹ *Перченко Ф. Ф.* Список членов АН СССР, подвергавшихся репрессиям // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 236—252.

⁵² СЗ СССР. 1937. № 1263. Ст. 206.

⁵³ СЗ СССР. 1933. № 73. Ст. 444.

⁵⁴ *Павлов Н. В.* Владимир Леонтьевич Комаров. М., 1951. С. 234.

⁵⁵ Дружба народов. 1991. № 2. С. 223.

ковалось до 1935 года включительно. «Для Академии, — писал Комаров, — всего лучше было бы, если бы Вы могли раз в год принять делегацию из представителей 3-х отделений и президента и заслушать краткий устный отчет»⁵⁶.

Просьба ученых была удовлетворена. 8 мая 1938 года Молотов принял депутацию ученых для обсуждения на заседании Совнаркома СССР плана работ Академии на текущий год. Но встреча, которую также называют «совещанием у Молотова», носила скорее острый, чем деловой характер. Почти 6-часовое заседание было сведено к «критике и самокритике». После выступления Комарова и академиком-секретарей отделений правительственная сторона стала излагать претензии к Академии наук. Больше всего нападков вызвала работа Отделения технических наук (ОТН). Возникшее только в конце 1935 года, ОТН должно было, по мнению правительства, отвечать за реконструкцию всего народного хозяйства, за создание новейшей технической базы для всех его отраслей. Разумеется, такая задача для ОТН была непосильной, а ответственность за работу наркоматов и их ведомственных научно-исследовательских учреждений перекладывалась на Академию, провозглашенную «штабом советской науки». В критической части выступлений также говорилось, что

«в планах АН СССР совершенно не отражены или отражены в очень небольшой степени работы по таким важнейшим для народного хозяйства проблемам, как: применение высоких давлений для синтеза неорганических и органических соединений, для переработки горючих; подземная газификация угля; транспортировка газа; проблема автоблокировки и автостопа; проблема заменителей остро дефицитного сырья и металлов; актуальные вопросы технологии и т. д.»⁵⁷.

Совнарком не утвердил план работ Академии наук, предложив его пересмотреть и дополнить в кратчайшие сроки. Уже 11 мая состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором Комаров сообщил собравшимся о результатах совещания у Молотова. Президиум предложил всем учреждениям АН СССР на заседаниях ученых советов совместно с активом и приглашенными представителями наркоматов, отраслевых институтов и вузов, еще раз обсудить план. Руководству предписывалось упорядочить структуру Академии и заняться проблемой кадров высшей научной квалификации. Отделению технических наук рекомендовалось «провести в середине июня совещание работников московских институтов АН и заводских лабораторий для разработки плана мероприятий, обеспечивающих возможности постоянной опоры в работе институтов на заводские лаборатории»⁵⁸. Таким образом, намеченные мероприятия вместе с правительственным замыслом пополнили Академию большим количеством новых избранников и уводили АН СССР далеко в сторону от рационального и эффективного пути, по которому шло строительство академий наук стран Европы и Америки. Гигантомания в условиях хронической чрезвычайщины не только не способствовала развитию фундаментальных исследований — основы любой науки и питательной среды техники, а вела к созданию громоздкой и заорганизованной бюрократической системы, при которой ход к настоящим научным открытиям был затруднен формальными препятствиями.

19 мая 1938 года из Госплана СССР от Н. А. Вознесенского председателю СНК СССР Молотову был переслан проект постановления «О научных экспедициях Академии наук в 1938 г.», в котором, в частности, говорилось, что «Совет Народных Комиссаров Союза ССР отмечает совершенно ненормальное положение, создавшееся с научной разработкой

⁵⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 32. Л. 1.

⁵⁷ Вестник Академии наук СССР. 1938. № 5. С. 74.

⁵⁸ Вестник Академии наук СССР. 1938. № 5. С. 79.

экспедиций АН»⁵⁹. Это давало негативную оценку деятельности СОПС и усугубляло ситуацию обструкции правительственных учреждений по отношению к АН СССР.

Вызовы президента «на ковёр» чередовались с подготовкой новых ответственных документов, которые сразу же с пристрастием изучались в высоких инстанциях. В условиях недоброжелательства и доносительства работать Комарову было трудно. К тому же правительственные информаторы действовали оперативно и с большим рвением. Так, например, 28 мая 1938 года — в день открытия Общего Собрания АН СССР — на столе у Молотова лежала записочка, в которой докладывалось:

«Выступления ряда академиков были возмутительными, так академик Крылов заявил: "Доклад Комарова сделан по формуле — Ваше превосходительство, все сделано". После критики гг. Вышинского, Шмидта и Савельева, Комаров в дополнение к своему отчетному докладу сделал сообщение о решениях СНК СССР по вопросу об основных вопросах работ Академии. В этом сообщении он заявил, что "если деятельность Академии будет признана неудовлетворительной — он подаст в отставку"»⁶⁰.

26 июля Совнарком опять рассматривал план работ Академии наук и снова был им неудовлетворен. 11 сентября Президиум АН СССР «целиком и полностью» согласился с правительственной оценкой своего же документа. В «самокритическом» ключе руководящий орган Академии констатировал, что им же представленный план «не отражает с достаточной определенностью основной линии науки в СССР на борьбу с имеющимися лженаучными извращениями» и «недостаточно отражает необходимость увязки работы научных учреждений Академии наук с актуальными нуждами социалистического строительства»⁶¹. При этом правительство поручило Президиуму АН самому окончательно утвердить план текущего 1938 года, а также представить в Совнарком план на 1939 год не позднее ноября 1938-го⁶². Таким образом, сразу же начинался новый виток планирования и подготовки ответственного документа.

29 сентября 1938 года Общее собрание АН СССР наметило 33 ведущие общеакадемические проблемы, постановив упразднить в структуре Академии группы и создать вместо трех отделений восемь. В специальном письме в СНК СССР президент АН СССР подчеркивал, что новые отделения задуманы «как центры научного общения работников представленных в них дисциплин», с одной стороны, и «как опора Президиума в привлечении к разработке планов широких кругов научной общественности»⁶³, с другой. 4 октября 1938 года СНК утвердил новую структуру АН, и 29 октября Общее собрание, в основном, утвердило план работ Академии на 1939 год, внося ясность в нормативные документы о новой структуре.

Стараясь отвести от Академии наук упреки в отрыве от нужд народного хозяйства и зная о намерениях правительства ввести в число членов АН на предстоящих выборах большого количества специалистов прикладных дисциплин, Комаров написал Молотову письмо с просьбой санкционировать создание при ОТН специального транспортного комитета для координации всех работ в области транспорта и путей сообщения. Резолюция председателя СНК гласила: отказать⁶⁴. Таким образом, строить взаимоотношения с правительством, предупреждая критику со стороны последнего, тоже не удавалось.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 75. Л. 55.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 66. Л. 205–206. Стилистика документа сохранена.

⁶¹ Вестник Академии наук СССР. 1938. № 5. С. 79.

⁶² Правда. 27 июля 1938 г.

⁶³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22. Д. 1201. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Оп. 82. Д. 81. Л. 62.

«Сизифов труд» президента по установлению деловых контактов с Совнаркомом был отягощен тем, что с переходом Академии в подчинение правительству и переездом ее в Москву, ЦК ВКП(б) и СНК СССР укомплектовали академический «аппарат» своими людьми раньше, чем сделали из нее самой вполне «советское учреждение». «Ужасающее впечатление — новая молодежь, входящая в управление Академией: Данилов, Евсеев, Жданов и т. п. Зубов перед ними — культурный человек. А это мелкие щедринские типы», — охарактеризовал аппаратчиков Вернадский⁶⁵. «Культурный человек» И. В. Зубов, бывший управляющий делами АН СССР, так же как и многие его «соратники» по партии, пережил неприятности в виде исключения из ВКП(б) и отставки с занимаемой должности⁶⁶. 10 декабря 1937 года он в смятении чувств писал Молотову, направившему его в 1935 году на работу в Академию наук (по выражению самого Зубова, — очаг «вражеской нечисти»):

«Я разглядел волгинское руководство и его окружающих, дрался с Волгиным, с Бухариным, разгонял их людей, информировал Вас. Много врагов выгонял из Академии, пользуясь Вашими указаниями и помощью. Еще больше врагов у нас в Академии вскрыли органы НКВД и тут я не был в стороне. Может быть, я не все тут сделал, что нужно было, но, безусловно, делал все, что мог, сколько хватало сил, и делал честно»⁶⁷.

«Щедринские типы из города Глухова» — управляющий делами П. С. Данилов, начальник отдела кадров А. Ф. Евсеев и его помощник Д. И. Жданов затмили даже своего аппаратного предшественника. В дневниковой записи от 28 марта 1938 года Вернадский описал заседание Президиума, на котором стоял вопрос о включении Радиевого института в список учреждений АН СССР. Жданов внес неординарное предложение принять институт «условно», но что «[его] резко оборвал Комаров, указав на бессмыслицу, на невозможность принять [научное] учреждение "условно". Он сказал, что все [работают] временно, что очень могут сместить и его — президента. [Выступление Комарова] произвело огромное впечатление, тем более что Евсеев и К^о под него подкапываются»⁶⁸.

Посланцы партии и комсомола занимали должности не только в аппарате, их всячески двигали в аспирантуру и докторантуру Академии для того, чтобы в нужный момент под рукой были «обстрелянные» кадры. Директивный тон партийной организации перестал кого-либо шокировать и стал принятой нормой общения. Так, президент АН СССР вполне мог в эти годы получить от парторганизации Ботанического института записку со списком желательных кандидатов, которая выглядела так: зачислить в аспирантуру — «1) Сергеева К. С., 2) Федорова Е. И., 3) (временно оставить свободную вакансию)»⁶⁹.

Главным методом руководства страной Сталин избрал «чрезвычайшину», при которой «репрессии являются необходимым элементом наступления»⁷⁰. Постоянные лозунги «наступления», призывающие на штурм, освоение, овладение, покорение и т. п., приводили к политике экстренных мер, что с избытком вводилось в законодательство страны. Законы о трудовой дисциплине, о прогулах, об усилении ответственности за хищения государственной и общественной собственности, носившие чрезвычайный и в этой связи очень жестокий характер, усиливали атмосферу страха и подавленности, вели к увеличению армии осведомителей и «контролеров» и касались всех без ис-

⁶⁵ Дружба народов. 1991. № 2. С. 246.

⁶⁶ ЦАОДМ. Ф. 402. Д. 7–8.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 56. Л. 314.

⁶⁸ Дружба народов. 1991. № 2. С. 247.

⁶⁹ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 131. Л. 1.

⁷⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 309.

ключения слоев общества. Так, например, постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле»⁷¹, по признанию Комарова, «застигло нас врасплох»⁷². Академические учреждения в своем большинстве не имели в тот момент правил внутреннего распорядка, регламентирующих часы работы научного и обслуживающего персонала. Полагаясь на академическую традицию и свой исследовательский интерес (чем, впрочем, во все времена жива наука), научные сотрудники делали свое дело, писали и публиковали статьи, проводили эксперименты, обходясь без чрезвычайных мер ответственности за приход и уход с работы. «Сейчас этот вопрос вступил в новую фазу: — вынужден был признать Комаров на заседании специально созданной комиссии по дисциплине 21 января 1939 года, — товарищ Вышинский разослал циркуляр, в котором он предлагает все дела о нарушителях закона направлять к нему»⁷³.

Ровно через неделю после упомянутого заседания законотворческая деятельность А. Я. Вышинского стала «академической»: он был избран действительным членом АН СССР по специальности «право», развивая далее свои «исследования», еще более страшные в прикладных аспектах, чем в чистых теориях.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о трудовой дисциплине от 26 июня 1940 года ужесточил меры ответственности за нарушения. В сентябре вопрос обсуждался на парткоме АН СССР, где было зачитано письмо Комарова об ответной реакции руководства Академии: «Всего по учреждениям АН по состоянию на 1 сентября отмечено 384 случая нарушения трудовой дисциплины, из которых в 202 случаях дела были переданы в судебные органы»⁷⁴. Партийная организация, одоблив проявленную бдительность и принципиальность, осудила мягкотелость «буржуазного» крыла Академии в подходах к нарушителям:

«В Электрофизической лаборатории имели место два случая нарушений трудовой дисциплины сотрудниками лаборатории т. Кисилевым и т. Ханкевич. Директор лаборатории академик А. А. Ухтомыский не только не привлек указанных товарищей к административной ответственности, но и не назвал их фамилии на собрании сотрудников лаборатории, посвященном вопросу укрепления трудовой дисциплины. Из сообщения акад. А. А. Ухтомыского выясняется, что он «считал нетактичным» начинать новый сезон лабораторной жизни после отпусков с административных взысканий»⁷⁵.

Наряду с неприятностями по вопросам планирования, всеобщим усилением режима бесправия, с необходимостью думать одно, а говорить другое, президентская деятельность Комарова внешне выглядела вполне благополучной. Государственное увлечение юбилеями приводило к тому, что президент непрерывно выступал с речами и докладами, посвященными различным памятным датам: 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, 60-летию со дня смерти Н. А. Некрасова, 750-летию написания «*Витязя в тигровой шкуре*» Ш. Руставели, 70-летию со дня рождения М. Горького, 50-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая и другим. Он произносил живые, яркие, изобилующие пословицами и крылатыми выражениями речи, хорошо воспринимавшимися любой аудиторией — от академической до рабочей; он с увлечением занимался своим детищем — базами и филиалами АН СССР; он решал текущие организаци-

⁷¹ КПСС в резолюциях... Т. 7. М., 1985. С. 40–48.

⁷² АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 53. Л. 3.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ЦАОДМ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 28. Л. 69.

⁷⁵ Там же. Л. 70.

онные и стратегические задачи, которые во все времена составляли круг вопросов руководителя такой крупной системы научных учреждений, какой являлась Академия наук. Однако, по-видимому, с тяжелым сердцем говоря о «лженаучных теориях», которые «могут свести на нет разработку важнейших народнохозяйственных проблем», он заставлял себя публично «с особой страстью принимать к руководству это указание Совнаркома»⁷⁶.

Научное сообщество претерпевало глубокие деформации под гнетом идеологического пресса. Классово-приемлемая доктрина должна была изобличать классово-чуждую, что влекло за собой массовое появление «врагов» и «вредителей»; концепции же, которые одобрялись властью, должны были соответствовать не истине, а сиюминутным политическим целям. После гуманитарных наук через «чистилище» марксизма должны были пройти и естественные: биология, физика, химия и другие.

Одной из первых естественнонаучных «слабостей» Сталина стала генетика и ее влиятельный антипод — Т. Д. Лысенко. Вспоминал ли Комаров свои генетические увлечения 1921 года, когда молчаливо (если протокол не требовал от него административной активности) председательствовал или присутствовал на судилищах научных «ересей»?.. Во всяком случае, в докладной записке «*О борьбе реакционных ученых против академика Т. Д. Лысенко*», составленной в 1939 году заместителем Л. П. Берии Б. З. Кобуловым по заданию шефа, в списке «реакционных» противников отца новой агробологии значилась и фамилия В. Л. Комарова⁷⁷. Опытный глаз осведомителей госбезопасности еще раз усмотрел и «отреагировал» в 1945 году: «Среди биологов Академии наук СССР Лысенко авторитетом не пользуется, в том числе и у академиком Комарова В. Л. и Орбели Л. А., причем последние приписывают ему арест Вавилова Н. И.»⁷⁸.

Выборы 1939 года стали очередным испытанием «на разрыв» руководства АН. Специальным постановлением СНК СССР создавалась комиссия чиновников от науки, которая должна была гарантировать избрание нужных людей от возможных неожиданностей, потому что предстояло выбрать ряд новых сочленов «упорных в борьбе с обветшалыми канонами и традициями»⁷⁹. Совнарком не скупился на вакансии: число действительных членов предстояло довести до 130, а членов-корреспондентов до 330 человек. Необходимо было выбрать 50 академиков и 100 членов-корреспондентов, потому что в эту избирательную кампанию страна особо нуждалась в медиках, железнодорожниках, специалистах водного транспорта и т. п. для решения «грандиозных задач», достижения «невиданных масштабов» и «неслыханных успехов».

Об уязвимой позиции президента во время предвыборной кампании можно частично составить представление из дневниковой записи Вернадского от 14 ноября 1938 года: «А[лександр] Е[вгеньевич] Ферсман рассказывал, что К[омаров] в тяжелом настроении. Он ждет отставки в форме недопустимой. По-видимому, Лысенко имеет доступ к Сталину и ведет там интригу»⁸⁰.

Согласно действующему Уставу АН СССР президент избирался на 5 лет и срок полномочий Комарова истекал только в декабре 1941 года, но что стоило правящей верхушке в порожденном ею же беззаконии проигнорировать или переписать Устав, а то и найти повод избавиться от неудобного человека (можно и вместе с должностью, как в случае с непременным секретарем АН СССР Горбуновым)?..

⁷⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.

⁷⁷ Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1991. С. 288.

⁷⁸ Исторический архив. 1996. № 2. С. 151.

⁷⁹ Вестник Академии наук СССР. 1938. № 9—10. С. 41.

⁸⁰ Дружба народов. 1991. № 3. С. 263.

О том, что ситуация с досрочным переизбранием президента была вполне реальной, свидетельствует и другая запись Вернадского, от 1 марта 1939 года: «Комаров не выбирался [в президенты]. Это было неожиданностью для всех — и думаю, для него самого. Еще в начале сессии говорили о выборах»⁸¹.

Избрание в конце 1939-го новых членов привело в Академию значительные научные силы, хотя среди них, конечно же, в избытке присутствовали правительственные «протезы»: А. Я. Вышинский, М. Б. Митин, Е. М. Ярославский, Т. Д. Лысенко, Н. В. Цицин и другие; а также вошли представители прикладных направлений науки, избрание которых было бы уместнее в отраслевые академии. Но мировой опыт не был в почете у государственных мужей, и научное строительство шло по пути централизации и дальнейшего укрепления «штаба советской науки». Лысенко — феномен доселе немислимый в стенах Академии — стал членом Президиума, но его научного «соратника» Цицина в 1939 году удалось изолировать от ответственной должности. «Комаров, по-видимому, отстоял секретарем Биологического отделения Орбели. Наставляли на Цицина»⁸², — записал в одной из своих тетрадей Вернадский.

Состояние нервного перенапряжения, в котором на протяжении нескольких лет пребывал Комаров, привело к сильному обострению его хронической болезни — псориаза. К концу июня 1939 года Комаров отправился отдыхать и лечиться в Теберду, но физическая усталость и эмоциональные перегрузки нескольких лет президентства дали о себе знать в еще более тяжелом проявлении. 23 июня ему был выдан больничный лист с тревожным диагнозом «декомпенсация кровообращения», а 5 августа он перенес инсульт⁸³. Врачи констатировали кровоизлияние в правое полушарие головного мозга и левосторонний паралич.

Тяжелое состояние больного с тенденцией к ухудшению продолжалось довольно долго, но осенью, когда наметились первые признаки восстановления жизненно важных функций организма, присутствие президента потребовалось в Москве. 14 октября 1939 года исполнялось 70 лет со дня рождения В. Л. Комарова и 45 лет с начала его научной деятельности. Юбилейная процедура, получившая статус важного государственного мероприятия и укоренившаяся в новой советской обрядности, требовала присутствия виновника торжеств за столом президиума в любом физическом состоянии. Указом Президиума Верховного Совета СССР Комаров был награжден Орденом Ленина. В предъюбилейные дни центральная и местная печать пестрила заголовками, посвященными знаменательной дате. АН СССР выпустила специальный сборник статей, посвященных президенту, объемом свыше 800 страниц. В научных коллективах шли торжественные собрания.

Вернадский 7 октября 1939 года записал в дневнике: «Комаров едва ли вернется [к исполнению обязанностей президента] по состоянию здоровья»⁸⁴. Когда же улеглась вся юбилейная шумиха, утих поток поздравлений и адресов, рапортов и признаний в безграничной народной любви, появилась еще одна дневниковая запись от 9 декабря: «Комаров поддался, чувствует как бы заброшенность. Честолюбие? Или реальное стремление к делу?»⁸⁵

⁸¹ Дружба народов. 1992. № 11—12. С. 19.

⁸² Там же. С. 16. В момент подготовки постановления о реорганизации структуры АН СССР № 1068 от 4 октября 1938 г. СНК СССР рассматривал кандидатуры Т. Д. Лысенко и С. А. Зернова как возможные на должность академика-секретаря Отделения биологии (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22. Д. 1201. Л. 9—10).

⁸³ АРАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 43. Л. 44.

⁸⁴ Дружба народов. 1992. № 11—12. С. 27.

⁸⁵ Там же. С. 38.

В апреле 1940-го 70-летие Комарова еще раз было упомянуто в государственном документе: Президиум Верховного Совета СССР постановил присвоить имя ученого двум учреждениям Академии наук СССР — Ботаническому институту и Дальневосточной горно-таежной станции. Сам же президент в это время боролся с тяжкими последствиями перенесенной болезни, которые проявлялись с известной периодичностью. Любая сильная нагрузка приводила его в состояние длительной неработоспособности. По рекомендациям врачей, ему надлежало часто и длительно отдыхать, поэтому 1940 год не оставил следов активной деятельности президента, если не считать выхода в свет книги «Учение о виде растений. (Страница из истории биологии)» (М.; Л., 1940), которая, правда, была написана и подготовлена к печати несколько раньше.

Идеи и представления Комарова о виде растений оказали огромное влияние на отечественную ботанику. Обращаясь к этой теме на протяжении всей жизни, он достиг в ее изучении значительных высот и больше, чем кто-либо другой, способствовал внедрению в систематику растений понятия вида как целостного образования, составляющего конкретную часть биосферы. Однако, в представлениях позднего периода, к которому относится написание книги, ученый обнаружил несколько слабых сторон, которые проистекали из неприятия вейсмановско-моргановской теории наследственности. Хотя хромосомы и гены как будто и принимались Комаровым за носителей наследственности, тем не менее, убеждение его строилось на том, что наследственность должна адекватно отзываться на влияние среды⁸⁶. И если Н. И. Вавилов и его школа, состоявшая в основном из микросистематиков, растениеводов и селекционеров-генетиков, ставили своей задачей изучение внутренней структуры вида, начиная с него как единицы, то Комаров и его ученики, среди которых преобладали макросистематики, морфологи и флористы, занимались видом в системе рода и считали свою задачу завершенной, дойдя до категории вида. В параллельном существовании этих двух подходов не было противоречия, они отражали состояние науки своего времени. Но, все-таки, сужение теоретической базы и отрыв от новых направлений из-за «тяжелой коллизии» с генетикой снизили уровень концептуальных достижений Комарова, который не сумел или не решился встать на сторону «буржуазной прислужницы», которой, однако, принадлежало будущее в биологии.

Опасность для ученого быть принципиальным и последовательным в условиях жесткого идеологического диктата была продемонстрирована всему ученому миру арестом Вавилова, последовавшим 6 августа 1940 года. По свидетельству секретных агентов НКВД, этот репрессивный акт произвел «убийственное» впечатление на всю Академию. Из того же источника известно, что президент АН СССР В. Л. Комаров в беседе с академиком ВАСХНИЛ М. М. Завадовским сказал, что Вавилова посадили в тюрьму как жулика, разбойника или убийцу «за то, что он имел смелость не соглашаться с Лысенко»⁸⁷. Такой смелостью обладал не каждый. Поэтому, до какой степени недопонимание значения генетики у Комарова было научным заблуждением, а в какой диктовалось обычной осторожностью, нам знать не дано. Монополизм в науке делал свое дело: инакомыслие стало непозволительной вольностью и, чтобы решиться на отстаивание своего мнения, нужно было быть не только хорошим ученым, но и сильной личностью. Не раз, в зависимости от ситуации «в верхах», менявшаяся на протяжении более трех лет точка зрения Комарова на целесообраз-

⁸⁶ См. подробнее: Скворцов А. К. В. Л. Комаров и проблема вида // Комаровские чтения XXIV. Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869—1969. Л., 1972. С. 48—81; Развитие эволюционной теории в СССР. Л., 1983. С. 297—299, 413 и др.

⁸⁷ Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1991. С. 212.

ность проведения в СССР VII Международного генетического конгресса (инициатором которого АН СССР выступила еще в 1935 году), не свидетельствует о том, что президент высшего научного учреждения страны был способен на такое. Жена болгарского генетика Д. Костова — сотрудника Вавилова по Институту генетики АН СССР — описывает в своих воспоминаниях типичный эпизод тех лет:

«Место действия — какое-то заседание в Академии, время — 1939 год. Лысенко произнес речь в своем обычном нигилистическом наступательном тоне. Потом слово взял президент Академии В. Л. Комаров, одобрил его выступление. Когда заседание окончилось, Комаров пригласил Вавилова, а с ним и Дончо Костова в свой кабинет. Здесь, вынув из стола книгу Лысенко, он начал критиковать ее, высмеивать неграмотность автора. Николай Иванович нахмурился, бросил несколько иронических замечаний и холодно попрощался. Всем своим видом он показывал: двойственное поведение президента ему неприятно. Когда они вышли из кабинета, Вавилов, кивнув в сторону высоких президентских дверей, спросил Костова: «Видели? Каков наш Василий Шуйский?»⁸⁸.

Не следует, однако, становиться в позу прокурора, оценивая «пластичность» поведения и характера Комарова. Вавилов, образец принципиальности и стойкости в борьбе с Лысенко и лысенковщиной, в 1939 году был поставлен в такие условия, что сам поддержал кандидатуру своего палача при избрании его в академики АН СССР. За спиной «народного академика» была вся мощь тоталитарной государственной машины, попадание под колеса которой означало неминуемую гибель. Жизненная и нравственная планка у всех участников этой трагедии была своя...

Арест Н. И. Вавилова стал началом новой волны репрессий в ученой среде, которая прокатилась по всей стране с началом Великой Отечественной войны. За каждым репрессированным тянулся длинный «шлейф» имен его сотрудников, учеников и знакомых. По «делу Н. И. Вавилова» были арестованы Г. Д. Карпеченко, Л. И. Говоров, Н. В. Ковалев, Г. А. Левитский, А. И. Мальцев, К. А. Фляксбергер. Только двое из перечисленных вышли на свободу, пережив сталинский ГУЛАГ. Шпиономания требовала все новых и новых «доказательств», хотя мало кто верил в виновность репрессированных людей, тем более ученых, чья деятельность происходила на виду у больших научных коллективов. Из академиков и членов-корреспондентов АН в 1941—1942 годах были арестованы: философ и литературовед И. К. Луппол, физик А. Ф. Вальтер, математик Н. С. Кошляков, уже упомянутый в «деле Вавилова» цитолог и морфолог растений Г. А. Левитский, математик и физик В. С. Игнатовский. В живых остался только Кошляков и то исключительно потому, что одной из «шарашек» потребовался специалист его научного профиля. На короткий срок, но в третий раз был арестован языковед и литературовед В. М. Жирмунский.

В момент, когда оборона страны должна была стать главной функцией государства, безжалостно истреблялись люди, способные принимать обдуманые и просчитанные решения, остатки либеральной коллегиальности заменялись единоначалием, выборность — кооптация, а проверка исполнения принимала формы контроля, опасного для жизни исполнителей.

Вернадский в дневнике от 1 мая 1941 года обрисовал состояние руководящего органа Академии в предвоенные дни в следующих выражениях: «В Президиуме, который завален работой с плохим, почти негодным аппаратом, не справляются с делом. Комаров болен. Борисяк говорит, что он теперь заговаривается. Ужасно жаль — большое это несчастье для Академии»⁸⁹. Ровно через месяц, 1 июня, еще одна запись, касающаяся небла-

⁸⁸ Поповский М. Ук. соч. С. 213.

⁸⁹ Новый мир. 1995. № 5. С. 186.

гополучного положения в руководстве АН: «Мне кажется, у Комарова и Шмидта [был] удар. От этого не оправляются, и люди, так заболевшие, не могут вести такую ответственную работу без вреда для себя и для Академии. Но нет путей из этого выйти, едва ли они из личных или идейных соображений уйдут сами. На это у них нет сил — люди все честолюбивые»⁹⁰.

Однако, кроме личных и идейных соображений, которым, по мнению Вернадского, мешало реализоваться честолюбие главных действующих лиц руководства Академии, существовали соображения номенклатурные, которые учитывались или игнорировались совсем в другом месте. Номенклатура — изощренное изобретение Молотова и Кагановича — была введена в конце 1923 года и касалась всех ответственных должностей, назначение на которые (и оставление которых) происходило по постановлению Политбюро ЦК или Орграспредотдела ЦК ВКП(б)⁹¹. Президент Академии наук В. Л. Комаров, усвоивший в течение долгой жизни в советском обществе аппаратные правила, своеобразную бюрократическую этику, режим секретности и самоцензуры, устраивал власть таким, каким он был: немолодым, с подорванным здоровьем, осторожным, понятливым и податливым, при этом прекрасно образованным, тактичным с окружающими, способным понимать специфику научного творчества и готовым реагировать на злобу дня. Он был удобен для управления и хорош для представительства, в том числе и на международном уровне.

В те не очень продолжительные периоды, когда болезнь отступала, к Комарову возвращались работоспособность, научный интерес и даже смелость — качество, которое он, находясь на ответственном посту, научился в себе подавлять. Почти с молодой страстностью писал он 23 января 1941 года заместителю председателя СНК Н. А. Булганину о плачевном состоянии заповедников в стране:

«Будучи глубоко убежден в том, что сохранность природных комплексов заповедников значительно даже ценнее для советского хозяйства тех преходящих незначительных экономических выгод, которое государство может получить от промышленной эксплуатации их ресурсов, я считаю, что в заповедниках допустимы только строго продуманные по последствиям хозяйственные мероприятия, которые ведут не к разрушению, а к созданию и сохранению их природных комплексов»⁹².

За неделю до этого Комаров адресовал Молотову аналогичное письмо, в котором, ссылаясь на Тацита и древних авторов, пытался уберечь от разрушения Беловежскую Пущу: «Пуща, как единственный в мире остаток первобытного европейского леса с зубрами, оленями, своеобразным составом растительности быстрыми шагами идет к гибели»⁹³. С точки зрения «нужд народного хозяйства», заповедники, конечно же, казались властью предрержащим темой, не заслуживающей внимания и вмешательства, а вот отрыв от практики социалистического строительства мог квалифицироваться и суровее, тем более, что в правительстве знали о высказываниях Комарова в духе: «В институтах АН ведутся прикладные работы — для страны и совсем оторвано теоретические — для души»⁹⁴.

Начало Великой Отечественной войны застало Комарова в Абхазии, где он, по рекомендации врачей, находился с весны 1941 года. По постановлению правительства началась эвакуация учреждений и сотрудников АН в восточные регионы стра-

⁹⁰ Новый мир. 1995. № 5. С. 195.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 462. Л. 32.

⁹² АРАН. Ф. 2. Оп. 1а—1941. Д. 143. Л. 4.

⁹³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 158. Л. 7.

⁹⁴ Там же. Д. 112. Л. 175.

ны. 2 июля уполномоченным Совета по эвакуации АН СССР был утвержден вице-президент АН СССР О. Ю. Шмидт⁹⁵. Первоначальный план эвакуации предполагал перебазирование академических учреждений в Томск, затем оптимальным местом для осуществления первого этапа эвакуации была признана Казань. В августе 1941 года в столицу Татарской АССР переехали вице-президенты АН О. Ю. Шмидт и Е. А. Чудаков, начал работать Президиум.

По решению правительства часть ученых была эвакуирована на курорт Боровое Кокчетавского района. По возрасту и состоянию здоровья туда же должен был направиться и президент АН СССР. Комаров вместе с группой академиков выехал по направлению к Боровому, но по прибытии в Свердловск, посетив Уральский филиал АН и Уральскую комплексную экспедицию, принял решение остаться в городе и организовать там научный центр для оказания помощи фронту и тылу. Учитывая обстановку и значение Урала с точки зрения изобилия полезных ископаемых в регионе, остроту проблемы ресурсов и стратегического сырья, Комаров стал подбирать кадры для задуманной работы. В Свердловск и его окрестности стали прибывать оборудование и специалисты Института металлургии, Института горного дела, Геологического института и других учреждений АН СССР.

В конце августа 1941 года, по инициативе Комарова, на базе Уральской комплексной экспедиции была организована Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны (преобразованная в апреле 1942-го в Комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны). В состав Комиссии вошли А. А. Байков, И. П. Бардин, Э. В. Брицке, В. А. Обручев, С. Г. Струмилин и многие другие крупные ученые. В ее работе приняли участие более 800 научных и технических сотрудников, было задействовано свыше 60 учреждений⁹⁶. В академических кругах Комиссию чаще всего называли коротко — «Комиссия Комарова», и она, фактически, претендовала на роль главного рабочего органа Академии в условиях эвакуации. Открывая Общее собрание АН СССР 25 сентября 1943 года, Комаров дал высокую оценку деятельности Комиссии за два военных года и подчеркнул ее значение в создании сырьевой базы на востоке страны.

«Мне, старому русскому ученому, — говорил он, — доставляет огромное удовлетворение то обстоятельство, что в суровые осенне-зимние месяцы 1941 года, в решающие дни мобилизации всех материальных ресурсов страны для отражения вероломного нападения наглого врага, значительная группа работников Академии наук сумела плечом к плечу со старыми русскими горячками и металлургами, с пламенными уральскими патриотами поднять пласты уральских богатств и превратить их в грозное оружие уничтожения немецко-фашистских банд. Академия наук с полным сознанием выполненного долга может отметить ту значительную лепту, которую она вложила в дело огромного значения»⁹⁷.

В первый и второй этапы эвакуации, охватившие лето и осень 1941 года, Академия наук разместила имущество своих учреждений и устроила сотрудников на площадях своих Свердловского, Казахского, Узбекского, Туркменского, Таджикского и Киргизского филиалов и баз. Большинство институтов АН СССР временно обосновались в здании Казанского государственного университета и могли использовать для работы оборудование этого старейшего учебного заведения. Сложилось как бы два сильных центра эвакуированных учреждений АН СССР, вокруг которых были

⁹⁵ АРАН. Ф. 530. Оп. 1. 1934—1945. Д. 260. Л. 11.

⁹⁶ Вестник Академии наук СССР. 1943. № 4—5. С. 33.

⁹⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 39. Л. 3.

собраны крупные научные силы. Во главе казанских учреждений Академии оказался Шмидт, и там же находился другой вице-президент АН — Чудаков, деятельность свердловских академических институтов возглавил сам Комаров.

Столкновение двух «честолюбий», о которых писал накануне войны Вернадский, анализируя ненормальное положение в руководстве Академии, произошло осенью 1941 года и было связано с утверждением первого тематического плана работ АН СССР в условиях военного времени.

В августе — сентябре был разработан план, включавший, помимо традиционных для Академии научных тем, задачу доведения исследований до этапа внедрения в производство. Вице-президент Шмидт был вызван в Москву из Казани и лично доложил план работ Академии по оборонной тематике на 1942 год уполномоченному ГКО по науке С. В. Кафтанову. Технический совет ГКО получил задание подробно проанализировать этот план на секциях и представить заключение в ЦК ВКП(б) и СНК СССР⁹⁸. По заведенному порядку план изучался в Госплане СССР, и там же готовился проект правительственного постановления по нему. В процессе изучения плана в верхах, стало известно, что он не был согласован с президентом АН. Комаров в иронической форме выразил благодарность Н. А. Вознесенскому за предоставленную ему возможность ознакомиться с планом Академии и высказать свои соображения по нему⁹⁹. Критика «шмидтовского» плана со стороны президента не содержала резких выражений, но он указал, от разработки каких проблем можно было бы воздержаться до лучших времен, а какие необоснованно упущены. В качестве дополнения к плану был приложен солидный пакет материалов по проблемам сырья, топлива и транспорта Урала, энергетики и черной металлургии на востоке страны и др., которым в правительстве придавалось первостепенное значение. Резолюция Вознесенского гласила: «г. Землячке. Пропу учесть записку акад. В. Л. Комарова при оценке плана, представленного в Совнарком»¹⁰⁰. С этого началось неудовольствие в правительстве действиями вице-президента АН СССР Шмидта.

Включившись в работу над планом, Комаров при содействии Комиссии по мобилизации ресурсов Урала предложил другую его редакцию, сориентированную на срочную разработку сырьевых ресурсов восточных регионов страны на нужды обороны. В ноябре 1941-го «комаровский» вариант плана был завершен, а 12 декабря доложен академиком И. П. Бардиным правительству¹⁰¹.

Созданию конфликтной ситуации в руководстве Академии как будто ничего не предшествовало. Ни Комаров, ни Шмидт не были сторонниками отхода науки от потребностей жизни, тем более в военное время. Чувство ответственности за состояние промышленности страны сквозило в речах президента еще в довоенное время. Так, планируя работы Академии на 1941 год, он признавался: «Мое личное участие в составлении этого плана привело меня к мысли, что нам на очередь текущей работы Академии надо поставить технологические процессы. <...> Мы не завод, но рецептуру для завода мы можем дать и именно в виде не только сырья, но и технологического процесса»¹⁰². Военное время только добавило ответственности за выбор научных направлений и форм технического приложения результатов исследований, но не меняло в корне сложившихся в советское время подходов в планировании научно-исследовательских работ.

⁹⁸ Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 68.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 544б. Оп. 43а. Д. 6174. Л. 176об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 178.

¹⁰¹ Левшин Б. В. Указ. соч. С. 69.

¹⁰² АРАН. Ф. 2. Оп. 3—1940. Д. 47. Л. 32.

Письма Шмидта, направленные президенту из Казани с информацией о работе этого академического центра в эвакуации, не содержат противоречий и разногласий в выборе приоритетных направлений оборонной тематики. Так, 11 сентября 1941 года Шмидт писал:

«В Казани сосредоточены те институты Академии наук (по отделениям: Физико-математическому, Химическому и Техническому), которые в своей совокупности представляют мощный комплекс научных дисциплин, обслуживающих новейшую военную технику, не менее 90% тематики этих институтов состоит сейчас из оборонных тем и при этом наиболее актуальных, в большинстве своем поставленных по прямым заданиям соответствующих органов»¹⁰³. Та же мысль присутствует в письме от 6 октября 1941 года. Приведем фрагмент из него: «Очень радостно, что за сравнительно короткий срок институты Академии наук решительно перестроили свою работу, значительно улучшили связь, как с оборонными организациями, так и с заводами. Это относится не только к физическим и химическим институтам, но и к биологическим, Географическому, Геологическому и др. <...> Наша современная тематика требует более гибкого планирования и конкретных решений по направлению той или иной работы»¹⁰⁴.

Однако, то обстоятельство, что Шмидт доложил план работ Академии наук «в верхах», не согласовав своих действий с президентом, больно уязвило самолюбие Комарова, стремившегося лично участвовать во всех делах Академии и не снимавшего с себя ответственности за руководство ею. Сталина информировали, что не только президент был не ознакомлен с вариантом плана, представленным Шмидтом, но и ряд академиков не принимал участие в его обсуждении. Поэтому конфликт был доведен до стадии волевого его разрешения. Глава государства поддержал Комарова телеграммой от 24 марта 1942 года. В ней давалась оценка ситуации в следующих выражениях:

«Таким образом, со стороны вице-президента О. Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения от руководства президента Академии наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О. Ю. Шмидта — дезорганизующим работу Академии. Ввиду изложенных обстоятельств Совет Народных Комиссаров решил отстранить О. Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента и исключить его из состава Президиума Академии наук»¹⁰⁵.

В записках Вернадского это событие прокомментировано так: «Такие действия могут привести к развалу Академии»¹⁰⁶.

Следует отметить, что к моменту возникновения конфликтной ситуации с планом, появились первые симптомы присутствия сложившегося вокруг президента окружения — так называемой «камарильи» и заметного влияния этих людей на нездорового и стареющего Комарова. В личном архиве Вернадского сохранилась обстоятельная записка геолога Е. Л. Кринова, относящаяся к этому времени. Вызванный осенью 1941 года в Свердловск в распоряжение А. Е. Ферсмана, возглавлявшего оборонное направление исследований, Кринов писал:

«Начав работу в Свердловске, до нас стали доходить слухи о том, что вокруг Комарова создано окружение из работников Комиссии по мобилизации ресурсов Урала во главе с

¹⁰³ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1615. Л. 5.

¹⁰⁴ Там же. Л. 10—11.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 2. Д. 52. Л. 311.

¹⁰⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 52. Л. 311.

Гальпериним¹⁰⁷, а также Шпаро¹⁰⁸, которые близки к В. Л. Комарову и без советов с которыми Вл. Л. Комаров не принимает никаких решений. <...> В связи с переездом Комарова в Свердловск будто бы выплыл еще один неизвестный до этого человек, некий Чернов¹⁰⁹, который способствовал доставке вагона Комарову и который потом в Свердловске стал начальником спецчасти Комиссии по мобилизации ресурсов Урала¹¹⁰.

Далее в своей записке Кринов отметил попытки нового окружения президента заменить собой Президиум АН СССР, превышения полномочий и злоупотребления властью, им не принадлежавшей, в решениях академических проблем.

Дополнением к этой печальной картине служит письмо К. А. Ненадкевича Вернадскому от 9 сентября 1942 года из Алма-Аты. Рассказав об изысканиях по висмутовым рудам Май-Куля и ванадиевым месторождениям Кара-Тау, лабораторные пробы которых дали хорошие результаты; ученый сетовал:

«Сейчас мы сидим фактически без работы. Мне казалось, что теперь, больше чем когда-либо, и особенно здесь, в Казахстане, могли бы быть использованы и наши знания, и наш опыт. Но этого почему-то не происходит. Окружение, создавшееся вокруг нас или не понимает, или не хочет понять этого. Мы попали в какое-то средостение и пробить его трудно. Я не говорю уже о вопросе с содовыми озерами, который, как Вы знаете, был всегда мне близок и в котором я, как мне кажется, разбираюсь неплохо. Значительную долю вины в нашем безделье я отношу на счет Комиссии Комарова, которая не сумела подойти ближе к наличным силам Академии в Казахстане. По моим наблюдениям члены Комиссии больше занимались личными делами, а дело у них было на втором плане»¹¹¹.

Что можно сказать о «камарильи» первого состава?. Персонально эти лица названы: В. М. Гальперин, Б. А. Шпаро, А. Г. Чернов. По сути же — это партийные

¹⁰⁷ В. М. Гальперин с сентября 1941 г. по июль 1943 г. был ученым секретарем Комиссии Комарова. В «ученом» арсенале он имел несколько курсов экономического отделения Белорусского университета, кафедру естествознания МГУ и Марксистско-ленинский университет ВАРНИТСО. Побывав (с 1936 по 1941 гг.) ученым секретарем Редакционно-издательского совета АН СССР и заместителем ответственного редактора «Вестника АН СССР», он обратил свои взоры на «науку всех наук» и поступил в аспирантуру Института философии АН СССР. Однако учеба у него не заладилась... Любопытно, что его научным руководителем по аспирантуре был Б. Г. Кузнецов, сменивший своего ученика в «камарильи» «второго призыва».

¹⁰⁸ Б. А. Шпаро — референт В. Л. Комарова с 1938 г., юрист с законченным университетским образованием, но наилучшим образом «раскрылся» в соответствующем окружении. В жизни он успел поучиться в Московской консерватории по классу фортепиано, пройти курсы повышения квалификации при Московской прокуратуре, где и «выработал в себе марксистское мировоззрение», поработать старшим консультантом по правовым вопросам в академическом издательстве и ответственным секретарем «Вестника АН СССР». Журнал и издательство сблизили его с В. М. Гальпериним.

¹⁰⁹ А. Г. Чернов — с 1941 по 1945 гг. помощник президента АН СССР — имел еще более витиеватый путь в «большую науку». Имя за плечами профуниверситет и специальность «административно-хозяйственная работа», он начал свою трудовую деятельность сотрудником для поручений Крымского обкома ВКП(б), работал затем в ОГПУ, был в аппарате Представительства РСФСР, управделами Комитета по делам искусств при СНК СССР, состоял помощником директора МХАТа и заместителем начальника Дома культуры железнодорожников, пока не нашел себе места в спецчасти Комиссии Комарова.

¹¹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 52. Л. 344–344об.

¹¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 1140. Л. 80б.

функционеры от администрации, на месте которых в силу определенных причин могли бы оказаться и другие люди, с такими же типичными для сталинского времени биографиями. Объединившись за спиной стареющего и нездорового президента, «камарилья» беззастенчиво пользовалась его именем и авторитетом для достижения своих, далеких от блага науки целей. Была ли тут вина самого Комарова, окружившего себя людьми удобными, но недобропорядочными, пытавшимися извлечь из близости к нему ряд выгод для себя и своих «протезе» без лишней шепетильности в выборе средств?.. Думается, что была. С. И. Вавилов, сменивший Комарова на президентском посту, сумел прекратить аппаратные игры «камарильи» и удалить ее представителей из административно значимых структур Академии, хотя сломать радикально «самодостаточность» разросшегося аппарата было не под силу и ему, молодому и энергичному. Посевы 1917 года дали всходы, и АН СССР только отражала, как в маленьком осколке зеркала, те глобальные процессы, которые стали сутью советского образа жизни. Карьеризм, стремление к личной выгоде, зазнайство, чиновничество, страх и подозрительность и другие нелицеприятные человеческие качества, культивируемые властью в обществе, которым было бы удобно управлять, укоренились и в стенах Академии. Чванливость и порожденное ею подхалимство, вертикальный принцип распределения материальных благ, авантюризм и злоупотребления проникли в научную среду, долгое время остававшуюся наиболее демократичной. Государственная система развращала и портила людей, делила общество согласно строгой иерархии, будила худшие черты человеческой природы, потому что такому отдельному члену коллектива было легче выживать в аморальном окружении. Глубочайшее противоречие времени заключалось в том, что наряду с перечисленными признаками разложения здоровое ядро научного творчества все равно сохранялось, а рабочие будни академических учреждений были заполнены интересной и нужной работой, которая несмотря ни на что приводила к значительным результатам.

12 апреля 1942 года Комаров получил телеграмму от Сталина с одобрением его курса в осуществлении научно-исследовательских работ Академии наук¹¹², что было воспринято всеми как демонстрация поддержки президенту со стороны фактического руководителя государства. Решения Общего собрания АН СССР 3—8 мая 1942 года должны были закрепить победу «партии» Комарова: Президиум переводился из Казани в Свердловск, состав его членов увеличивался, а число вице-президентов возрастало с двух до шести. Однако обратной стороной медали было закрепление еще большей зависимости Академии от высших государственных чиновников: новой организационной перестройкой руководили свыше, оставляя все меньше и меньше места для какой-либо свободы выбора. Сохранилась запись телефонного разговора Комарова с Молотовым, состоявшегося 13 апреля, накануне перевыборов руководства АН СССР. Приведем только его небольшой фрагмент, характеризующий, на наш взгляд, авторитарный стиль общения руководителей государства с представителями науки:

«Тов. Молотов: — Я хочу договориться о кандидатах. У меня получается 21 человек членов Президиума.

Тов. Комаров: — А у нас 18.

Тов. Молотов: — Нужно добавить, нужно иметь 21 человека. Я хочу, чтобы у нас были согласованы члены Президиума, которых Вы называли новых, и старых, я считаю, можно оставить. Желательно Деборина не вводить.

¹¹² Павлов Н. В. Владимир Леонтьевич Комаров. М., 1951. С. 268.

Тов. Комаров: — Он очень деловит.

Тов. Молотов: — Говорят, что он не пользуется авторитетом.

Тов. Комаров: — Он единственный человек, который знает четыре отделения наук.

Тов. Молотов: — Я слышал, он не пользуется авторитетом среди академиков, и к нему нехорошо относятся.

Тов. Комаров: — А я скажу наоборот, он не виноват, если сделал философские ошибки, а в деловых вопросах он очень хороший человек, все знает, тем более, если будет Державин, который совсем не осведомлен.

Тов. Молотов: — У Вас Волгин будет.

Тов. Комаров: — Волгин по истории.

Тов. Молотов: — Вы говорите, что он хороший организатор, он Вам поможет. Волгина можно, а Деборина не включать. Многие так считают»¹¹³.

«Многие так считают» — значило бесперспективность дальнейшего обсуждения кандидатуры, тем более что ни для кого не было секретом, что сам Сталин указал, что А. М. Деборин «попал в болото идеализма», а в последующие годы был заклеен еще и как «меньшевистствующий». Более удивительна позиция Комарова, который осмелился обсуждать вопрос о введении кандидатуры Деборина в новый состав Президиума. Вызывать раздражение власти или упорствовать в своем мнении было так же опасно, как играть с огнем. Поэтому на самом высоком уровне — со Сталиным — Комаров вел себя осмотрительнее.

Совсем накануне майской сессии АН СССР 1942 года, когда в Свердловск уже стали съезжаться ее участники, президент не мог, беседуя с учеными в частном порядке, касаться вопросов предстоящих перевыборов и перестановок в руководстве Академии, потому что в верхах на этот счет еще не определились, и можно было легко поставить себя в очень неловкое положение, когда президент не только не хозяин в своем доме, но и мало информированное лицо. В письме Сталину за два дня до открытия Общего собрания Комаров предусмотрительно отмечал: «Это сделать никак нельзя до тех пор, пока я не буду иметь Ваше окончательное согласие, так как мне сообщили, что Вы сейчас лично заняты этим вопросом»¹¹⁴.

Академия теряла последние крохи самостоятельности. А летом 1942 года в ее структуре восстанавливалось Управление делами и возвращался «на круги своя» Зубов, немало потрудившийся в свое время на ниве академической «советизации»¹¹⁵. Вместо должности неперемного секретаря, так сильно раздражавшей правительство, что оно ее упразднило, после пятилетнего перерыва вводилась должность секретаря АН СССР, которую 10 мая 1942 года занял академик Н. Г. Бруевич — кандидатура тщательно подобранная правительственными чиновниками.

Майские перестановки в руководстве АН были произведены с грубым нарушением Устава Академии, поэтому потребовался ряд действий, чтобы подогнать Устав к сложившемуся статус-кво. Советское законодательство справлялось, как известно, и не с такими задачами. Поэтому 8 января 1943 года постановлением СНК СССР № 33 за подписью Сталина вводились изменения в академический Устав: статьи 37 (регламентирующая количество вице-президентов, академиков-секретарей и членов Президиума) и 43а (очерчивающая круг обязанностей секретаря Президиума с правом совещательного голоса) упразднялись; статья 38 получала новую редакцию, по которой количество руководящих лиц Академии не устанавливалось,

¹¹³ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 143. Л. 3-4.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44. Д. 1134. Л. 32.

¹¹⁵ Там же. Оп. 43. Д. 1151. Л. 178.

а только подчеркивалось, что избираются они Общим собранием сроком на 5 лет. Статья 39 в новом варианте предоставляла право академику-секретарю АН СССР «осуществлять оперативное руководство учреждениями Академии наук СССР от имени Президиума и по поручению президента»¹¹⁶. Так, задним числом было узаконено появление при президенте Н. Г. Бруевича, который активно включился в исполнение своих обязанностей «опекуна» главы АН. В мае же 1942 года должность секретаря Академии была введена решением Президиума, но она не имела столь широких полномочий¹¹⁷, а в июне того же года сам Бруевич изложил заместителю председателя СНК СССР Р. С. Землячке, круг каких обязанностей желательно совместить в этой должности. Он писал: «Ознакомившись с положением Академии, я пришел к заключению, что секретарь Академии наук обязательно должен быть членом Президиума, избираться Общим собранием Академии. Ему должны быть подчинены все центральные учреждения Академии, т. е. отдел кадров, отдел оборонных работ, управляющий делами Академии, издательство Академии, спецотдел»¹¹⁸. И, забегая вперед, заметим, что впредь все наиболее важные академические документы готовились за двумя подписями — президента и секретаря АН СССР.

В мае 1942-го Бруевич по поручению СНК обследовал деятельность Академии и представил пространный отчет с оценкой научной деятельности, жилищных условий ученых и их продовольственного снабжения в условиях эвакуации, аппарата АН СССР и ее кадров. Особый для нас интерес представляет раздел отчета — «Отношения с президентом академиком Комаровым В. Л.», в котором Бруевич сообщал, что президент встретил его не очень дружелюбно, заметив, что способен руководить Академией самостоятельно, без помощи «комиссара». Новый секретарь АН СССР информировал правительство:

«За время пребывания в Свердловске я у академика Комарова бывал почти каждый день, поставил себя по отношению к президенту в подчиненное положение и, как мне кажется, значительно смягчил отношение ко мне президента. Академик Комаров В. Л., насколько я мог заметить, человек ясного ума, несомненно упрямый, не лишен добродушия, для своего возраста обладает значительной работоспособностью. Интересы президента сосредоточены на Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, на биологическом и геолого-географическом отделениях и на Академии в целом»¹¹⁹. Не упустил из виду Бруевич и наличия «камарильи»: «Как я мог заметить, значительным влиянием на президента пользуются тов. Белкин¹²⁰ и Гальперн, работу которых он высоко оценивает. Эти товарищи сначала были растеряны моим появлением, а затем постарались не замечать меня, проводя все дела прямо через президента»¹²¹.

Сразу после майского Общего собрания АН СССР 1942 года Комаров с большой группой ученых отправился в Алма-Ату и занялся обследованием наиболее значи-

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 544б. Оп. 44а. Д. 6475. Л. 21.

¹¹⁷ Там же. Л. 2.

¹¹⁸ Там же. Л. 3.

¹¹⁹ Там же. Оп. 43а. Д. 6174. Л. 120.

¹²⁰ Р. И. Белкин в 1924 г. закончил медицинский факультет Московского университета, затем занимался научной и преподавательской работой. В 1935 г. был утвержден в звании кандидата биологических наук. С 1940 г. работал в Издательстве АН СССР старшим редактором, заместителем директора, директором. С 26 марта по 10 мая 1942 г. занимал должность секретаря Президиума АН СССР.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 544б. Оп. 43а. Д. 6174. Л. 119.

тельных горных и промышленных предприятий Казахстана с целью включения народнохозяйственных и сырьевых объектов этой республики в сферу деятельности своей Комиссии. В октябре 1942 года он распространил работу Комиссии на регион Западной Сибири, одновременно предпринимая шаги к созданию Западно-Сибирского филиала АН СССР, который окончательно сложился к середине следующего года и был официально открыт постановлением СНК СССР № 1149 от 21 октября 1943 г.¹²², охватив территорию Омской, Новосибирской, Кемеровской областей и Красноярского края. Осенью же 1942-го Комаров, едва успев организовать неотложные работы по мобилизации ресурсов Западной Сибири, вынужден был вернуться в Свердловск, где на 15–18 ноября была назначена юбилейная сессия АН СССР, посвященная 25-летию Октябрьской революции.

Мы располагаем еще одним отчетом Бруевича в СНК СССР, в котором дается оценка президентству Комарова осенью 1942 года. Приведем фрагмент из него:

«Я с президентом постоянно встречался и часто бывал у него на квартире в течение месяца (октябрь, ноябрь). Мне он показался в гораздо худшем состоянии, чем я его наблюдал весной этого года, хотя окружающие утверждают, что академик Комаров уже вполне оправился от своей обычной болезни. Академик Комаров сейчас не может сосредоточиться на одном вопросе достаточное время. Он не охватывает Академию в целом, ко всему казанскому относится почти враждебно, интересуется, главным образом, Комиссией по мобилизации ресурсов и Ботаническим институтом им. Комарова. Я не помню, чтобы наблюдал где-нибудь столь значительную лесть, как это имеет место в окружении академика Комарова»¹²³.

Секретарь АН СССР подчеркнул также, что многие члены Академии ставят в вину президенту его окружение и констатировал: «У меня сейчас сложилось мнение, что руководство Президиума и особенно президента значительно ниже работоспособности и организованности научных учреждений Академии наук»¹²⁴.

Впечатления Бруевича об административном кризисе в Академии наук, доложенные правительству, были вполне объективны: прогрессирующая болезнь Комарова не давала ему возможности обеспечить полноценное руководство Академией, разобраться в причинах неэффективного управления, окружить себя энергичными и бескорыстными помощниками. Затяжные периоды плохого самочувствия наступали все чаще, в эти моменты еще более активизировалась «свита», которая окончательно дискредитировала президента, как в глазах коллег, так и разного рода «ревизоров».

Зиму 1942–1943 годов Комаров провел в Москве. В самом конце 1942 года он направил в СНК СССР письмо с просьбой разрешить возвращение в столицу эвакуированных в Ташкент и Алма-Ату академических учреждений гуманитарного профиля, которые не могли заниматься серьезной научной работой в отрыве от библиотечной и архивной базы¹²⁵.

Накануне Нового года президент посетил Казань, а 3 января 1943 года уже был в Москве и открывал торжественное заседание, посвященное 300-летию со дня рождения И. Ньютона. Перезезды и перелеты были уже не по возрасту и не по здоровью Комарову, тем более что волнообразное течение его болезни предполагало после

¹²² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 5963. Л. 25.

¹²³ Там же. Д. 6475. Л. 10.

¹²⁴ Там же. Л. 9.

¹²⁵ Там же. Оп. 44. Д. 1131. Л. 316.

больших нагрузок неминуемый спад жизненной активности. В январе 1943 года президент собирался выехать в Свердловск, но по состоянию здоровья вынужден был до середины апреля оставаться дома. Только в разгар весны он попал в Свердловск, а затем в Алма-Ату, когда там ставился вопрос о создании на базе Казахского филиала АН СССР национальной Академии наук и начиналась большая подготовительная работа по претворению в жизнь этого решения.

В конце 1942 года Комаров писал: «Деятельность филиалов и баз, а также ряда других учреждений Академии наук, работающих на периферии, показала, насколько правильной идея приближения научных учреждений к изучаемым ими районам. В условиях военного времени особенно плодотворна работа этих учреждений по мобилизации растительных и минеральных ресурсов на нужды обороны»¹²⁶. Очередной вехой в научной децентрализации стало торжественное открытие в июле 1943-го во Фрунзе Киргизского филиала АН СССР¹²⁷, 27 сентября Узбекский филиал АН СССР постановлением СНК СССР № 1052 преобразовывался в национальную Академию наук¹²⁸.

С момента возвращения в Москву Комаров вплотную занялся проблемой эвакуации академических научных учреждений. Президент совместно с Бруевичем обратились в СНК СССР с ходатайством о эвакуации, и 13 марта 1943 года появилось постановление правительства № 269 «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву»¹²⁹. Срок переезда намечался на весну и лето 1943 года. Институты стремились вернуться к своим исследовательским базам и помещениям как можно быстрее, но вопросы транспортировки людей и оборудования в условиях военного времени решались очень тяжело. Комарову предстояло определить очередность эвакуации, лично участвовать в организации перевозок, следить за подготовкой помещений к возвращению московских учреждений, контролировать сроки. Аппарат Академии наук справлялся с этими задачами с трудом, так как многие отделы его еще находились в Казани и Свердловске и не могли полноценно участвовать в организационной работе.

2 августа 1943 г. вице-президент А. Ф. Иоффе писал Комарову из Казани:

«Без Вас не налаживается работа Президиума: Александру Александровичу [Байкову] не удается сплотить его и даже вице-президентов; каждый из нас сам по себе, ведет свою линию. <...> Очень меня беспокоит рост бумажного делопроизводства и бюрократизация такого живого дела, как оборонная работа Академии. Этот участок поручен Н. Г. Бруевичу; но он дальше бумажных планов и отчетов не идет; сотрудники отдела спецработ стремятся уйти, неудовлетворенные такой деятельностью. Правда, ряд институтов уже настолько связался с военными учреждениями и военной тематикой, что успешно работает и без Президиума. Но главное — это все-таки отсутствие дружного Президиума, отсутствие перспективы в его работе»¹³⁰.

Текущие дела также требовали постоянного внимания. Активизировалась работа Урановой комиссии, Вернадский очертил перед президентом круг проблем, которые требовали безотлагательного вмешательства. Он писал: «Я думаю, что мы должны занять в мировой научной работе после войны одно из ведущих мест, наравне с США <...>. Надо в порядке реконструкции создавать у нас *возможно быстро* научный

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 44. Д. 1186. Л. 9.

¹²⁷ Там же. Л. 13; Оп. 44а. Д. 5958. Л. 74–75.

¹²⁸ Там же. Оп. 44а. Д. 5971. Л. 43.

¹²⁹ Там же. Оп. 44. Д. 1132. Л. 6–9, 33, 41.

¹³⁰ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 668. Л. 8–9.

аппарат, находящийся на современном уровне знаний»¹³¹. Вопросы приобретения нового научного оборудования и закупки иностранной литературы не решались АН СССР самостоятельно, поэтому записка об Урановой комиссии была переслана Комаровым в СНК СССР¹³². В апреле 1943 года президент направил тревожное письмо заместителю председателя СНК А. Я. Вышинскому о незаконии промышленных вырубок на территории Ильменского заповедника¹³³. Параллельно он занимался подготовкой к академическим выборам, назначенным на осень того же года, и другими текущими делами.

Осенью Комаров совершил поездки в Алма-Ату и Свердловск и возвратился в Москву. В сентябре открывалось Общее собрание АН СССР, главным вопросом повестки дня которого стояли выборы новых членов. 27 сентября 1943 года Вернадский, присутствовавший на сессии, записал в дневнике свои впечатления о нездоровом физическом состоянии президента: «Комаров держится или по приказанию начальства, или, не осознавая своей дряхлости за власть и почет. Ярко проявилась моральная и умственная слабость Президиума Академии»¹³⁴. Неприятно поразило старого академика и большое количество генералов «в новой форме с погонами», что было следствием выдвижения в члены АН СССР целого ряда специалистов военного профиля. За несколько месяцев до выборов Вернадский писал Комарову: «Вы знаете, что я всегда с Вами откровенен и должен сказать, что очень неприятное впечатление делает тематика теперешних выборов. Точно проводят каких-то своих людей»¹³⁵.

Потребность в создании отраслевых академий меньше, чем через год будет осознана и советскими организаторами науки, но выборы 1943 года, в результате которых АН СССР пополнилась 36 академиками и 58 членами-корреспондентами, привели в ряды Академии большое количество представителей военно-прикладных специальностей.

Эмоциональные перегрузки и регулярное переутомление скоро сказались на состоянии здоровья Комарова. В начале 1944 года ему был рекомендован постельный режим, и только в конце весны — начале лета он смог приступить к своим обязанностям. Еще находясь дома, президент включился в разработку комплекса мероприятий по укреплению позиций отечественной астрономии. План первоочередных мер предполагал восстановление разрушенной Пулковской обсерватории, организацию Астрофизического комитета, интенсивное развитие астрономического приборостроения, обмен опытом с западными специалистами и другие направления деятельности¹³⁶.

11 января 1944 года руководство Академии докладывало Молотову, что завершена эвакуация московских учреждений АН СССР. В письме за подписями Комарова и Бруевича сообщалось, что «в Москву переведено 61 учреждение Академии наук, в том числе 40 институтов и отдельных лабораторий, перевезено 3109 чел. Сотрудников учреждений, 5809 членов их семей, 3731 тонна грузов (научное оборудование, материалы, инвентарь, а так же личные вещи сотрудников)»¹³⁷.

Как только состояние здоровья президента позволило переносить переезды, Комаров отправился летом 1944 года в Закавказье, где филиалы АН уже начали офор-

¹³¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 55. Л. 1940б.—195.

¹³² Там же. Л. 20б.

¹³³ ГАРФ. Ф. 544б. Оп. 44а. Д. 5958. Л. 32.

¹³⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 180б.

¹³⁵ Там же. Д. 55. Л. 207.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 544б. Оп. 4б. Д. 3163. Л. 151—154.

¹³⁷ Там же. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 4.

мляться в самостоятельные национальные академии наук. Он посетил Азербайджанский филиал АН СССР в Баку и преобразованные из филиалов Академию наук Грузинской ССР в Тбилиси и Академию наук Армянской ССР в Ереване.

В 1944 году исполнялось 75 лет со дня рождения и 50 лет с начала научной деятельности В. Л. Комарова. Опять, как из рога изобилия, посыпались приветствия и торжественные заседания, юбилейные издания и адреса, почести и награды, которым, по новой советской юбилейной традиции, казалось, не будет конца. Торжественное чествование президента началось в Москве, затем было перенесено в Ленинград. Дружный хор ораторов славил Комарова, зачитывались правительственные приветственные телеграммы, вручались ордена и памятные подарки. Но на фоне мифотворческого процесса шел и другой, менее заметный со стороны, но разрушительный по сути.

Накануне юбилея Вернадский встретился с президентом АН по делам своей лаборатории. Его дневниковая запись, как безжалостный диагноз врача: «Тяжелое впечатление от посещения В. Л. Комарова. Боль[ой] совсем. Трудно с ним разговаривать»¹³⁸. Плачевное физическое состояние президента всячески подчеркивалось беззащитной «активностью» его окружения. В отчаянном письме секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову директор Института горючих ископаемых АН СССР С. С. Наметкин изложил ситуацию в руководстве Академией наук следующим образом:

«Уже не первый месяц и не первый год в академической среде приходится слышать зловещее слово “камарилья”. Правда, у громадного большинства, кому приходилось иметь дело лично с В. Л. Комаровым, он всегда оставлял наилучшее впечатление человека высокой культуры, глубоких и разнообразных научных интересов, искренне желающего помочь академическим учреждениям в их научной работе. К сожалению, однако, всякая попытка не только добиться чего-либо у президента, но даже его видеть и разговаривать с ним давно уже наталкивается на прочное кольцо его окружения. Как правило, всякий разговор с президентом проходил за последние годы в присутствии представителя этого окружения; всякая просьба, даже согласованная с президентом, неизбежно проходила затем корректуру у того же окружения и нередко оставалась совсем без ответа. Нужно ли удивляться, что за таинственной завесой деятельности этого окружения, или, как его называют, “камарильи” (Чернов, Кузнецов¹³⁹, Френкин¹⁴⁰ и др.), пышно расцвела система

¹³⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 23. Л. 520б.

¹³⁹ Б. Г. Кузнецов получил образование в Днепрпетровске, где обучался в Политехническом институте и Институте народного образования. Затем в его послужном списке были: Институт экономики РАНИОН, работа в Госплане СССР, во Всесоюзном институте энергетики и электрификации, в Энергетическом институте АН СССР и еще в «бухаринском» Институте истории науки и техники. После переезда АН СССР в Москву он стал секретарем парткома Академии, в мае 1936 г. — кандидатом экономических наук без защиты диссертации. Спустя месяц защитил докторскую диссертацию, которая к концу года была утверждена. В окружении президента укрепился в 1944 г., став заместителем Комарова по вновь организованному Институту истории естествознания АН СССР.

¹⁴⁰ И. З. Френкин учился в Харьковском технологическом и Азербайджанском нефтяном политехническом институтах, затем работал старшим инспектором РКИ, инструктором Бакинского комитета партии, председателем правления нефтяного акционерного общества, находящегося в Иране. С 1934 г. — заместитель директора Института горючих ископаемых АН СССР до тех пор, пока не был уличен в получении крупной взятки и уволен в 1944 г. При Комарове оказался в качестве ученого секретаря Комиссии АН СССР по нефтяным ресурсам Кавказа, которая фактически существовала при президенте.

сведения личных счетов и нашел приют самый беззащитный, а говорят, даже преступный авантюризм»¹⁴¹.

Новые «опекуны» президента, оказавшиеся при нем в 1944–1945 годах, так же, как и прежние, не стеснялись в выборе средств. Скандальные истории о злоупотреблениях при использовании продовольственного и промтоварного довольствия, трофейного имущества, предназначенных якобы для президента, распространялись по учреждениям Академии, компрометируя в первую очередь ее главу.

Летом 1944 года на повестку дня выдвинулся вопрос о реэвакуации ленинградских академических учреждений. 4 июня Комаров и Бруевич обратились к заместителю председателя ГКО Молотову с просьбой оказать Академии помощь в сохранении культурных ценностей и хранилищ Ленинграда. В письме говорилось:

«Научные богатства Академии наук СССР в Ленинграде представляют собой национальное и мировое достояние и могут быть оценены в миллиарды рублей. В начале войны, летом 1941 г., лишь очень немногие из этих ценностей удалось эвакуировать из Ленинграда. <...> Перечисленные выше ценности после трехлетнего нахождения в не отапливаемых помещениях или в ящиках в подвалах, срочно требуют нормальных условий хранения и самого тщательного наблюдения и ухода за ними, возможного только в застекленных, отапливаемых и имеющих исправную кровлю помещениях»¹⁴².

Распоряжением СНК СССР № 16044-р от 5 августа 1944 года начиналась подготовка к возвращению ленинградских научных учреждений АН СССР¹⁴³ и планировался отъезд из мест эвакуации в первую очередь четырех ведущих институтов: Физико-технического, Радиового, Физиологического им. И. П. Павлова и Ботанического им. В. Л. Комарова. В конце года распоряжением ГКО № 7056 устанавливались сроки реэвакуации ленинградских академических институтов с января по апрель 1945-го¹⁴⁴. Руководство Академии во главе с Комаровым самостоятельно определяло очередность переезда. В январе планировалось перевезти 571 сотрудника вместе с членами семей из Казани, а в марте – апреле 439 человек с семьями из Ташкента, Сталинабада, Алма-Аты и других городов¹⁴⁵.

В октябре 1944 года президент занимался вопросом о возобновлении работы уникальной типографии ленинградского отделения академического издательства, «являющейся единственной в СССР по богатству восточных шрифтов и формульных знаков, специально приспособленных для выпуска академических изданий»¹⁴⁶. Транспорт, топливо, бумага для типографий, жилье, освобождение академических помещений, занятых другими учреждениями во время эвакуации, сметы, штаты, пенсии семьям умерших ученых, планы, отчеты и многие другие вопросы решались Комаровым ежедневно в рамках его президентских обязанностей.

13 ноября 1944 года состоялась личная встреча Комарова со Сталиным¹⁴⁷. В ходе беседы были затронуты проблемы координации научной деятельности национальных научных центров и высказана мысль о необходимости создания специаль-

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 359. Л. 88–89.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 6015. Л. 6.

¹⁴³ Там же. Оп. 46. Д. 3166. Л. 48.

¹⁴⁴ Там же. Оп. 46а. Д. 6004. Л. 123.

¹⁴⁵ Там же. Л. 128.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 46. Д. 3167. Л. 51.

¹⁴⁷ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 197. Л. 1–6.

ного Совета для осуществления этих задач при АН СССР. Был положительно решен вопрос о праздновании двух юбилеев: 220-летия Академии наук и 100-летия Географического общества. Комаров познакомил Сталина с инициативным письмом академиков В. И. Вернадского и Н. Д. Зелинского о необходимости создания Института истории естествознания. Сталин выразил удивление, что такого института до сих пор нет в системе учреждений АН СССР, хотя, по-видимому, едва ли мог забыть, что институт подобного профиля прекратил свое существование вскоре после «процесса» над его директором — академиком Бухариным. Затем Сталин поставил задачи оказания научной помощи нефтяной промышленности, не увлекаясь при этом «глубокими горизонтами»¹⁴⁸, а отыскивая нефть на небольших глубинах залегания, и обеспечения новыми источниками железной руды ленинградской промышленности за счет полезных ископаемых Онежского озера, Ладogi и территорий к северу от них. В ходе беседы Сталин поинтересовался, как президент АН СССР оценивает современное состояние науки в Германии. Комаров высказал мнение, что варварское отношение гитлеровского режима к деятелям культуры отбросило Германию в научном отношении на много лет назад. Кроме того, Сталин рекомендовал наладить снабжение институтов АН СССР научной литературой и оборудованием за счет импорта и пообещал удовлетворить личную просьбу президента о проведении после войны научной экспедиции в южные страны с целью пополнения коллекции оранжерейных растений Ботанического института в Ленинграде, сильно пострадавшей в дни блокады города.

Комплекс вопросов, затронутых в беседе, стал основным содержанием деятельности Комарова на заключительном этапе его президентства. 22 ноября 1944 года СНК принял постановление № 1615 об образовании в системе учреждений АН СССР Института истории естествознания и назначении В. Л. Комарова его директором. Сразу же начались организационные заботы, связанные с получением помещения, подбором и утверждением штата сотрудников, приобретением научной литературы и необходимого инвентаря. По замыслу Комарова вся деятельность Института должна была подчиняться задаче «разработке истории мирового и особенно русского естествознания, хранения и публикации научного наследства классиков русской науки»¹⁴⁹.

Постоянного внимания Комарова потребовали вопросы, связанные со строительством Ботанического сада в Москве. Еще в 1935 году правительственная комиссия по размещению учреждений АН СССР в столице приняла решение об отводе под Ботанический сад 330 га земель в районе Калужского шоссе и Воробьевых гор. Первую очередь сада в 101 га земли планировалось освоить с 1938 по 1945 год. Однако война помешала осуществлению намеченного замысла. 21 января 1945 года было принято специальное постановление СНК СССР, которое вносило существенные коррективы в уже начатую работу: основная площадь Ботанического сада переносилась с Воробьевых гор на территорию парка им. Ф. Э. Дзержинского площадью в 280 га, примыкавшую к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке¹⁵⁰. Стратегия создания Московского Ботанического сада, масштаб работ требовали квалификации руководящего руководства, которое в известной части взял на себя президент АН СССР.

С конца 1944 года под руководством Комарова готовилось научное обоснование проекта создания металлургической базы в северо-западном районе страны¹⁵¹.

¹⁴⁸ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 197. Л. 5.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 2722. Л. 31; Оп. 46. Д. 3167. Л. 116.

¹⁵⁰ Там же. Оп. 47. Д. 2722. Л. 233—237, Д. 2729. Л. 47.

¹⁵¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 114; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 449. Л. 100—101.

В качестве весомых аргументов выступали: наличие железных руд Кольского полуострова, углей Печорского бассейна, металлического лома в районах Ленинграда, Москвы и Горького и крупнейших залежей торфа в районе Череповца.

20 декабря 1944 года в рамках предварительной договоренности Комаров отправил Сталину письмо с обоснованием даты 220-летнего юбилея АН СССР. Точная дата основания Петровской Академии наук — 28 января 1724 года — традиционно не бралась в рассмотрение при назначении времени юбилейных торжеств. В 1776, 1826 и 1876 годах празднование проводилось с опозданием на два года, в 1925 — на год. Комаров предложил остроумное обоснование желанию Сталина иметь грандиозную по размаху юбилейную сессию АН СССР именно в мае 1945 года. «Дата юбилея должна быть назначена, как мне кажется, с учетом одного решающего, принципиального требования, — писал президент. — Она должна подчеркнуть роль Петра Первого как основателя Академии наук и связь такого важного события в истории России как основание Академии, — с Петровыми преобразованиями»¹⁵². Далее в рассуждениях президента шло перечисление фактов — в мае 1725 года Академии был передан дом, намеченный для этой цели Петром I, приехали в Россию первые академики, библиотека Академии наук получила книги из личного хранилища Петра. «Исходя из этого, — продолжал Комаров, — (а также с учетом ряда практических удобств, которые в данном случае совпадают с принципиальными соображениями), я считал бы наиболее правильным назначить юбилейные торжества на май 1945 г.»¹⁵³. Точные даты сессии АН СССР были первоначально намечены на период с 25 мая по 7 июня 1945 года, но в связи с победой СССР в Великой Отечественной войне и накануне подписания Акта о капитуляции правительство СССР постановлением № 1019 перенесло проведение юбилейной сессии на 15–28 июня 1945 года¹⁵⁴.

Грандиозный масштаб задуманных торжеств хорошо вписывался в план Сталина показать всему миру мощь и размах народа-победителя. И хотя подготовка к юбилею носила оттенок хорошо известных на Руси «потемкинских» приготовлений, АН СССР в связи с празднованием 220-летия была отпущена сумма в размере 11,5 млн. рублей из резервного фонда СНК СССР¹⁵⁵, увеличен объем капиталовложений на 1945 год до 30 млн. рублей¹⁵⁶. Юбилей Академии рассматривался как политическое событие. Здания АН СССР и ее учреждений подновлялись, ремонтировались, украшались трофейными коврами, вазами и скульптурами; сотрудникам, которым предстояли контакты с иностранными гостями, выдавались отрезки материи на пошив новых костюмов и талоны на получение «приличной» обуви. При этом повседневные академические вопросы решались, как всегда, трудно. Например, получение 30 пишущих машинок для нужд Академии потребовало личного вмешательства президента и специального постановления СНК СССР, и то могло быть удовлетворено лишь на треть¹⁵⁷.

Младший обслуживающий персонал Академии, которому по чину было не положено предстать перед глазами высоких гостей, не пользовался юбилейными благами. 23 мая 1945 года Комаров попытался несколько изменить эту ситуацию, послал Молотову письмо, в котором говорилось:

¹⁵² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 2729. Л. 33.

¹⁵³ Там же. Л. 32.

¹⁵⁴ Там же. Оп. 47а. Д. 4559. Л. 102.

¹⁵⁵ Там же. Оп. 47. Д. 2721. Л. 207.

¹⁵⁶ Там же. Л. 46.

¹⁵⁷ Там же. Л. 24, 27.

«Я позволил себе просить Правительство о пересмотре окладов заработной платы вспомогательного персонала Академии только тогда, когда убедился, что в Ленинградском и Московском университетах и в других высших учебных заведениях оклады вспомогательного персонала, чуть ли не вдвое выше окладов, существующих в Академии наук. Ведь недопустимо такое положение, когда уборщица в здании Академии в Ленинграде получает 135 рублей в месяц, в то время как уборщица в здании Университета, находящегося по другую сторону той же улицы, получает 250 рублей, или когда лаборант в институте Академии получает 400 руб., в то время как лаборант вуза 700 рублей в месяц»¹⁵⁸.

Это письмо для нас интересно хотя бы потому, что оно целиком «комаровское»: направленное в Совнарком, оно не имеет привычного «соавтора» Бруевича и, само собой разумеется, что в его подготовке совсем не была заинтересована вездесущая «камарилья».

Зимой 1944—1945 годов Комаров опять пережил обострение псориаза и только в начале марта смог включиться в организацию подготовки празднования 220-летия АН СССР. В апреле он отдыхал в Барвихе, а затем переехал к себе, на Николину гору. Заседания Всесоюзного юбилейного комитета проходили у него на даче. Одних приглашений на торжества от имени Академии было свыше 1500; Сталин, лично просматривавший списки иностранных гостей, разрешил пригласить 155 зарубежных ученых и по одному представителю от 54 научных организаций¹⁵⁹.

15 июня 1945 года Комаров руководил первым приемом гостей в стенах Нескучного дворца, где располагался Президиум АН СССР в Москве. 17 июня состоялось торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов. В последующие дни участники сессии посещали институты и отделения АН СССР, слушали секционные доклады, знакомились с выставками, специально развернутыми к юбилею. 23 июня состоялось заседание Президиума АН СССР при участии делегаций от республиканских академий и ряда зарубежных гостей. 24 июня 1945 года все участники юбилейных торжеств присутствовали на историческом параде Победы на Красной площади. 26 июня в Большом зале Государственной филармонии состоялось торжественное заседание с последующим осмотром ленинградских учреждений АН СССР и достопримечательностей города. 29 июня все возвратились в Москву, а 30 июня в честь участников юбилейной сессии правительство устроило прощальный прием в Кремле. В 19 часов вечера в Георгиевском зале появились Сталин и члены Совета Народных Комиссаров СССР. Под гром аплодисментов Молотов пригласил президента АН СССР В. Л. Комарова и высшее руководство Академии занять места в президиуме. Начался четырехчасовой банкет, во время которого краткие речи заканчивались тостами, и слово переходило от представительной стороны к ученым и наоборот. Комарову слово предоставили после В. П. Обручева и Л. А. Орбели, что на языке кремлевских символов означало, что им недовольны. Ходили слухи, что престарелый президент позволил себе задремать, находясь в президиуме, и это было замечено Сталиным. Не новичок в коридорах власти, Комаров должен был понимать, что его президентству наступает конец.

Двухнедельное празднование 220-летия Академии наук завершалось. По окончании юбилейных торжеств, когда гости стали разъезжаться, Комаров использовал пребывание в Москве некоторых представителей руководства академий наук союзных республик, чтобы провести первое заседание Совета по координации деятельности этих академий. Заслушивались отчеты, намечались планы на будущее...

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 2723. Л. 124—124об.

¹⁵⁹ Там же. Оп. 47а. Д. 4558. Л. 102.

События, связанные с отставкой президента, развивались следующим образом. В конце июня Молотов срочно вызвал к себе группу академиков и держал перед ними речь, которая сводилась к тому, что здоровье президента АН СССР В. Л. Комарова окончательно подорвано, в полную силу руководить Академией он не может. Поскольку в ближайшее время от Академии наук потребуется большая работа, в особенности, в области физики, постольку и кандидатура нового президента должна отвечать запросам времени. Участник этого собрания И. П. Бардин так описал последующие события:

«Затем меня, как вице-президента, командировали вместе с Бруевичем поехать к Комарову и объявить ему о решении правительства. Комаров не знал об этом, и жалко было смотреть на старика. Он держался за власть. Сил не было, но желание было. Представительства он не любил. Но работал он хорошо и подбирал людей очень внимательно. Визит был короткий, мы немножко потолковали и разъехались. Владимир Леонтьевич подал заявление, и мы собрались на собрание для выборов»¹⁶⁰.

Выборам новой кандидатуры в президенты предшествовало изучение подноготной претендентов на эту ответственную должность. Второе управление НКГБ внесло свою лепту в составление досье на ряд административно значимых фигур в Академии наук. 8 июля 1945 года на стол Сталина, Молотова и Маленкова легла справка о 22 академиках, могущих, по мнению госбезопасности, претендовать на роль президента. Список, на всякий случай, открывал действующий президент АН СССР. В справке, помимо анкетных данных, говорилось:

«Комаров свыше 25 лет тяжело болен (экзема кожи), что ограничивает его научную и общественную деятельность. Физическое состояние его настолько плохое, что он без посторонней помощи не может передвигаться. На Комарова имеют влияние не столько ученые, сколько его окружение — жена, помощник Чернов и секретарь Шпаро. Комаров неприязненно относится к академику-секретарю Академии наук академику Бруевичу и академику Байкову. В последнее время со стороны ученых высказывается мнение, что в связи с плохим физическим состоянием президента Комарова ему следовало бы подать в отставку»¹⁶¹.

14 июля 1945 года Комаров передал в Президиум АН СССР заявление с просьбой об освобождении его от обязанностей президента по состоянию здоровья, в котором писал: «Преемником моим хотел бы видеть С. И. Вавилова»¹⁶², и перечислял длинный список своих обязанностей, которые хотел бы за собой сохранить: общес. руководство Московским Ботаническим садом, Ботаническим институтом, Институтом истории естествознания, Ломоносовским домом, серией «*Научное наследие*» и редактирование «*Юношеской энциклопедии*».

17 июля состоялось чрезвычайное Общее собрание АН СССР, посвященное переизбранию президента. Хотя обстановка в зале и не предвещала никаких неожиданностей, вице-президент Волгин не преминул перестраховаться, подчеркнув:

«Само собой разумеется, мы не могли поставить столь важный вопрос на обсуждение Общего собрания, не зная, как же относится высший орган Советской власти к смене руководства Академии наук. <...> Совет Народных Комиссаров признал возможным в

¹⁶⁰ АРАН. Ф. 661. Оп. 1. Д. 345. Л. 4.

¹⁶¹ Исторические архивы. 1996. № 2. С. 144.

¹⁶² АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 59. Л. 131.

настоящее время разрешить вопрос в направлении освобождения Владимира Леонтьевича от исполнения обязанностей президента Академии наук»¹⁶³.

Общее собрание АН СССР удовлетворило просьбу Комарова, от души пожелав ему здоровья и сил.

Не обошел это событие вниманием и СНК СССР. 23 июля 1945 года было издано распоряжение № 11180-р за подписью Молотова, которое позволяло сохранить за бывшим президентом его оклады, легковую машину, квартиру, дачу и прочие номенклатурные блага «на время существования такового»¹⁶⁴. Циничный канцелярский стиль был точен — кончалась «земная слава» бывшего президента АН СССР академика В. Л. Комарова.

Комаров после отставки поселился сначала на даче, а затем в конце лета возвратился в московскую квартиру на Пятницкой и пытался работать. Накануне советского праздника — Дня сталинской конституции, в ночь на 5 декабря 1945 года, его не стало.

* * *

При жизни В. Л. Комаров сполна отдал должное юбилейному жанру: наверное, не десятки, а сотни часов провел он в президиумах различных памятных собраний, немало речей произнес по поводу... Сам он неоднократно являлся виновником торжеств и празднований, выдерживал шквал поздравлений, поток признаний во всенародной любви и уважении. Самая обстоятельная его научная биография сталинской поры, изданная в связи с пятилетием со дня кончины, завершалась оптимистическими словами: «Пройдут годы. Память о крупнейшем ученом-натуралисте, обаятельном человеке и замечательном гражданине и патриоте Советской страны будет жить в сердцах новых поколений»¹⁶⁵.

Прогноз автора, высказанный столь высокопарно, пока не сбывается. Тоненькая книжечка, изданная опять же к юбилею — 100-летию со дня рождения В. Л. Комарова и состоящая из сообщений, доложенных на XXIV «комаровских чтениях» 3 октября 1969 года, пожалуй, единственная на сегодняшний день попытка сказать живое слово о бывшем президенте АН СССР, его научных трудах и жизненных проблемах.

Не претендуя на завершенность или полноту, а наоборот, подчеркивая, что это лишь опыт в первом приближении рассмотреть одну из ключевых фигур АН СССР в контексте истории советского общества и социальной истории науки, автор надеется, что современные возможности, открывшие историкам науки ранее недоступные документальные материалы и позволившие опубликовать объективные исследования, приведут к появлению такой научной биографии В. Л. Комарова, которая отделит зерна от плевел и поможет разобраться в этой противоречивой личности, потому что, как удачно заметил один из научных последователей ученого, «фигура В. Л. Комарова достаточно велика, чтобы не умалиться от упоминания его недостатков, и слишком уважаема, чтобы ее превращать в приторную икону»¹⁶⁶.

¹⁶³ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 45. Л. 189.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 2723. Л. 188.

¹⁶⁵ Павлов Н. В. Владимир Леонтьевич Комаров. М., 1951. С. 291.

¹⁶⁶ Скворцов А. К. В. Л. Комаров и проблема вида // Комаровские чтения XXIV: Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова. 1869—1969. Л., 1972. С. 49.

ДВУХСОТЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК

M. Yu. Sorokina. The 200th Anniversary of the Russian Academy of Sciences, 1925. In September of 1925, the Russian Academy of Sciences celebrated its 200th anniversary with a gala jubilee. The jubilee, which was the first international forum of scientists held in Russia after the World War, October Revolution and the Civil War, was attended by delegations of prominent scientists from a variety of countries. The celebrations, which showcased the accomplishments of Russian science, were designed to foster and consolidate the international position of Soviet science. In the wake of the celebrations, Germany emerged as the leading partner for Soviet science. Those who planned the jubilee, the paper argues, had very different designs.

Ты смехом и старомоден,
рассуждаешь невпопад,
ручеек из самовара
принимаешь за водопад.

Даниил Хармс,

«Комедия города Петербурга», 1931

Академические юбилеи никогда не праздновались так часто и пышно, как в советские времена. 200-летний юбилей Российской Академии наук (РАН) / Академии наук СССР (АН СССР) отмечался с 5 по 14 сентября 1925 года в Ленинграде и Москве и был первым в череде этих празднеств.

В отличие от других форм советских ритуалов (публичная дискуссия, критика и самокритика, суды чести и др.), привнесшихся в науку преимущественно из партийно-государственного социума¹, культура юбилейного перформанса унаследовала свои важнейшие структурные элементы от дореволюционной традиции подобных празднований². «Юбилейный канон», сформировавшийся за два столетия истории Императорской Академии наук, носил ярко выраженный представительский характер. Он предписывал присутствие на торжественном Общем собрании Академии Государя Императора, высших светских и религиозных лиц империи, дипломатического корпуса; провозглашение новых почетных и иностранных членов Академии; «высочайшие» пожалования академиком орденов, медалей, званий и т. п. Советская власть полностью сохранила и даже увеличила значимость практической стороны юбилейного ритуала для научного сообщества, что немедленно привело к максимальному расширению юбилейной практики и вместо «круглых» дат стали широко отмечаться всевозможные промежуточные, например, 220-летие АН СССР (1945). Выбор года основания Академии в течение XX столетия переместился от 1726-го к более раннему — 1724-му³.

¹ Из многочисленных работ, посвященных роли ритуала в советском обществе, отметим следующие: Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998; Kojevnikov A. Games of Stalinist Democracy: ideological discussions in Soviet sciences 1947–52 // Sh. Fitzpatrick (ed.) Stalinism. New directions. London, New York: Routledge, 2000. P. 142–175.

² Впервые подчеркнуто в: Орел В. М. Юбилеи Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 31–37.

³ Какую именно дату считать днем основания Российской Академии наук, не очень ясно до сих пор — 22 января 1724, когда император Петр Великий представил Правитель-

Однако, если до революции юбилейное действо разворачивалось в замкнутом пространстве Императорского Двора и с участием приближенных к нему, то теперь оно было дополнено элементами публичности новых «советских» ритуалов, срежиссированных крупнейшими художниками русского театрального авангарда как массовые народные празднества. Местом торжеств становятся не только дворцы, но и площади, заводы и фабрики; участниками — не только академики и вожди, а все работники науки и трудящиеся массы. Карнавализация служила надежной пропагандистской оболочкой важнейших изменений в положении академиков и всего российского научного сообщества в целом.

Специальным постановлением правительства СССР от 25 июля 1925 года юбилей Академии был объявлен *государственным* праздником⁴. Впервые после императора Петра Великого, основателя Академии наук, государственная власть России публично объявила, что наука является сферой государственных интересов, приоритета и престижа. 27 июля Академия наук, числившаяся по ведомству самого бедного Наркомата — Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР, совместным постановлением высших органов исполнительной власти СССР — Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР получила новый статус — *высшего научного учреждения при правительстве СССР*⁵, ее персонал и бюджет были увеличены вдвое⁶.

Изменение статуса РАН коренным образом меняло ее положение в складывавшейся «сталинской» системе организации науки и в социальной структуре советского общества в целом. С этого момента бывшая Императорская Академия наук стала главным стратегическим партнером большевистской партийно-государственной власти в области научной деятельности, а академики — «первенствующее учебное сословие» — были признаны частью советской государственной элиты и получили приоритетное положение в развитии международных научных связей.

ствующему Сенату проект Положения об основании Петербургской Академии наук и художеств, или 28 января, когда Сенат издал Указ об ее учреждении, или, например, 17 сентября 1725 — день первого научного собрания. В XVIII—XIX вв. ориентировались на эту последнюю дату и отмечали очередной юбилей на первом Общем собрании Академии нового года (1776, 1826, 1876); в XX в. стали праздновать непосредственно в юбилейный год и уже никак не связывая с датами Общих собраний; скорее наоборот, приурочивая их к «назначенным» юбилейным дням (1925, 1945, 1975) и только последний — 275-летний юбилей — внес разнообразие в эту традицию: впервые в 1999 Российская Академия наук признала датой своего основания «петровский» 1724, как советовал еще в декабре 1944 президент АН СССР В. Л. Комаров почетному академику И. В. Сталину: «Дата юбилея должна быть назначена, как мне кажется, с учетом одного решающего принципиального требования. Она должна подчеркивать роль Петра Первого как основателя Академии наук и связь такого важного события в истории России как основание Академии, — с Петровыми преобразованиями». Однако далее заметил: «Исходя из этого (а также с учетом ряда практических удобств, которые в данном случае совпадают с принципиальными соображениями), я считал бы наиболее правильным назначить юбилейные торжества на май 1945 г.» (ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 47. Д. 2729. Л. 32–33. Принишу благодарность Г. А. Савиной, «подарившей» мне этот документ).

⁴ «Известия». 1925. 26 июля; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 48. Ст. 363 (далее — СЗ СССР).

⁵ СЗ СССР. 1925. № 48. Ст. 351; см. также: Документы по истории Академии наук СССР: 1917–1925 гг. / Сост. В. А. Тряпкина. Л.: Наука, 1986. С. 323 (далее — Документы по истории АН). В дальнейшем исключительно для удобства используется только доюбилейное название Академии — РАН.

⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 76.

Еще недавно «бывшие»⁷, академики чествовались теперь всей страной. В дни юбилея РАН получила свыше 2000 приветственных адресов и посланий от советских и зарубежных организаций. Высшие государственные деятели СССР (М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский и др.) принимали активное участие в юбилейных торжествах. На многочисленных банкетах «сливки коммунизма и науки», по выражению газетного репортера⁸, сидели вместе, за одним столом, наглядно воплощая библейский образ общности застолья как общности в жизни, доверия, братства и прощения. Портреты трех седовласых старцев — президента РАН А. П. Карпинского, вице-президента В. А. Стеклова и неперемного секретаря С. Ф. Ольденбурга украшали обложки центральных журналов, а образ юбилея как национально-народного праздника постоянно подчеркивался советской прессой.

Международное значение юбилея РАН определялось тем, что он был первым после революции, Первой мировой и Гражданской войн крупным международным научным форумом в России. Впервые после 1914 года Россия настолько «открылась» для мирового научного сообщества, что целые делегации и отдельные ученые имели возможность лично посетить страну и своими глазами оценить состояние русской науки и перспективы сотрудничества с ней. Эта открытость была своего рода вызовом и одновременно предложением себя в качестве равноправного партнера. Все советские организаторы торжества — от руководителей государства до академиков — постоянно декларировали «интернациональный» характер науки и свою готовность поддерживать все шаги, направленные «к беспрепятственному и широкому интернациональному общению научных деятелей»⁹. Советская пресса единодушно именовала академический юбилей «праздником ученых всего мира». Никогда еще на ее страницах не появлялось одновременно такое количество уже почти забытых в СССР «дореволюционных» атрибутов — фраков и бабочек, орденских лент и моноклей европейских гостей юбилея; визуальный образ «интернационального научного праздника» дополняли экзотические одежды восточных гостей.

Между тем, из нескольких сотен потенциальных иностранных гостей в СССР приехало только 98 ученых из 24 стран¹⁰. А. Эйнштейн¹¹, Э. Резерфорд, М. Кюри и многие другие известные ученые, в том числе иностранные почетные и члены-корреспонденты РАН, предпочли не участвовать либо уклониться от участия в «советских» торжествах, и юбилей Российской Академии, где самой большой национальной делегацией оказалась германская, неожиданно приобрел ярко выраженный немецкий акцент.

На третий день празднования, 7 сентября, в Ленинграде состоялась советско-германская встреча, на которой хозяев представляли высшие должностные лица

⁷ До 1917 в «Табели о рангах», определявшей чиновничество в Российской Империи, должность академика соответствовал одному из высших классов — 4-му, к которому относились также генерал-майоры, контр-адмиралы, директора департаментов в министерствах и губернаторы.

⁸ Исторический вечер // Красная газета. 1925. 7 сентября. Опубликовано в моей статье «Придать... импозантный характер» (Природа. 1999. № 12. С. 63; далее — Сорокина, 1999).

⁹ Документы по истории АН. С. 327 (из речи председателя ЦИК СССР М. И. Калинина).

¹⁰ Документы по истории АН. С. 328.

¹¹ См.: Раскин Н. М. Письмо Эйнштейна в Академию наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1966. Вып. 20. С. 3; Автографы ученых в Архиве Академии наук СССР. Л.: Наука, 1978. С. 37, 120–121.

СССР, присутствовавшие на юбилее, — М. И. Калинин, нарком просвещения А. В. Луначарский, управляющий делами СНК СССР Н. П. Горбунов, а также академик С. Ф. Ольденбург, германскую — президент Обществ содействия немецкой науке (*Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft*) и изучения Восточной Европы (*Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas*) Ф. Шмидт-Отг, ученые секретари Берлинской Академии наук М. Планк и Г. Людерс, а также Э. Майер. Сам факт такой двусторонней встречи, высокий официальный уровень представительства СССР и преобладание на юбилее германских ученых породили у зарубежных участников торжество впечатление о германофильстве в русской учено-административной и правительственной среде¹².

Интенсивное развитие советско-германских научных контактов во второй половине 1920 — начале 1930-х годов, громкие публичные манифестации союза двух «национальных» наук (Недели русской науки, советской исторической науки в Германии в 1927—1928 и др.), многочисленные совместные экспедиции (в том числе с участием советских правительственных чиновников), казалось бы, бесспорно подтверждали вывод о продолжении традиции «прогерманской» ориентации русских академиков и их правительственных патронов¹³. Весьма показательно, что единственные работы, непосредственно посвященные юбилею, до недавнего времени принадлежали именно историкам бывшей Восточной Германии, трактовавшим его как ключевое событие в возрождении исторически традиционных русско-германских научных связей¹⁴. Однако более детальное изучение подготовки празднования 200-летия РАН показывает, что «немецкий акцент» юбилея был произвольным и не планировался специально ни русскими академиками, ни их властными патронами.

Более того, постановочный эффект грандиозного пропагандистского спектакля «Юбилей Академии наук» складывался из нескольких «сценариев». Некоторые из них создавались заранее, другие носили явно импровизационный характер, сочинялись или возникали по ходу юбилея. Стремление участвовать в спектакле целого ряда явных и неявных «игроков» из симметричных высших государственных и общественных структур как СССР, так и стран Европы и США, привело к тому, что первоначальный «академический» сценарий стал претерпевать существенные

¹² Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (BAR). G. Vernadsky Coll. В. 84 (мнение чешского слависта М. Мурко см. в письме Г. В. Вернадского его отцу, академику В. И. Вернадскому, 3 октября 1925).

¹³ См. новейшую работу, полностью опровергающую этот вывод: *Старостин Б. А.* Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации // *Российская Академия наук: 275 лет служения России*. М.: Янус-К, 1999. С. 259—321, а также: *Советско-германские научные связи времени Веймарской республики*. СПб.: Наука, 2001; *Соболев В. С.* Возобновление диалога: Берлинская и Российская Академии наук в первой половине 20-х годов // *Немцы в России. Российско-немецкий диалог*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 312—315.

¹⁴ *Rudolf Ludloff.* Der Aufenthalt deutscher Hochschullehrer in Moskau und Leningrad 1925: anlässlich des 200 jährigen Bestehens der Russischen Akademie der Wissenschaften und ihrer Umwandlung in die Akademie der Wissenschaften der UdSSR // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena*. Jahrgang 6. 1956/57. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe. Heft 6. S. 709—721 (далее — Ludloff, 1956/57); *Conrad Grau.* Die deutschen Universitäten und die 200-Jahr-Feier der Akademie der Wissenschaften der UdSSR 1925 // *Deutschland — Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit*. Humboldt-Universität zu Berlin, 1966. S. 172—177 (далее — Grau, 1966).

изменения и в иной момент становился похож на слоеный пирог из нескольких, совершенно автономно разыгрываемых пьес. Их пересечение создавало причудливую, лишенную жесткой причинно-следственной связи и заранее известного конца композицию в духе экспериментальных спектаклей Всеволода Мейерхольда¹⁵, в которых презентация симультанности происходящего была главным режиссерским приемом.

Замысел спектакля «юбилей Академии наук» был многослойным, в равной мере обращенным к советскому научному сообществу и западному научному и общественному мнению. Его успешное с точки зрения укреплявшейся сталинской власти проведение закрепило за академическими юбилеями на все последующие годы особую знаковую роль, маркирующую «смену вех» советской государственной научной политики¹⁶.

Хотя история подготовки и проведения юбилея долгое время не привлекала самостоятельного внимания исследователей¹⁷, все историки советской науки отмечают его «рубежное» значение как для процесса становления государственной системы организации науки в СССР, утверждения новых взаимоотношений между наукой и большевистской властью¹⁸, так и для истории развития международных связей советской науки, преодоления ее изоляции на международной арене после окончания Первой мировой войны¹⁹. Понимание «рубежности» как «исходного пункта новых

¹⁵ Например знаменитый «Ревизор» (1925).

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 121. Д. 33. Л. 62–66 (Справка директора Архива АН СССР Г. А. Князева о праздновании юбилея АН в 1925). О знаковой роли академических юбилеев в государственной научной политике в СССР см.: *Krementsov Nikolai*. A «Second Front» in Soviet Genetics: The International Dimension of the Lysenko Controversy, 1944–1947 // *Journal of the History of Biology*. 29: 1996. P. 237.

¹⁷ Многие годы единственной работой на эту тему оставалась статья А. В. Кольцова «200-летний юбилей Академии наук» (Вопросы истории естествознания и техники. 1974. Вып. 1 (46). С. 11–21), а также разделы в монографиях А. Е. Иоффе, А. В. Кольцова и др. (см. прим. 19). Только в предверии 275-летнего юбилея РАН появилось сразу несколько работ Ю. Х. Копелевич, однако они базируются на весьма ограниченном архивном материале, см.: *Копелевич Ю. Х.* Немецкие ученые на праздновании 200-летия АН СССР // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция. 1998. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 186–188; *Копелевич Ю. Х.* Немецкие ученые на праздновании 200-летия АН СССР // Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001. С. 126–143; *Копелевич Ю. Х., Колчинский Э. И.* Политические итоги академического юбилея 1925 г. // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 37–55.

¹⁸ При этом А. Vucinich, например, делает акцент на использовании академиками юбилея для подчеркивания созвучия их деятельности нуждам нового общества (*Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970)*. Univ. of California Press. Berkeley, Los Angeles, London, 1984. P. 116–118); V. Tolz, напротив, полагает, что юбилей, прежде всего, понадобился большевикам для демонстрации уважения к науке (*Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1997. P. 33–34). Д. А. Александров утверждает, что юбилей был «организован не столько самой Академией, сколько Совнаркомом и Наркоматом иностранных дел СССР» (*Александров Д. А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 11.).

¹⁹ *Иоффе А. Е.* Международные научные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. М.: Наука, 1975. С. 124–131 (далее — Иоффе, 1975); *Кольцов А. В.* Ленин и станов-

отношений» в обеих перспективах — внутренней и внешней — было сформулировано еще в 1925 году непререкаемым секретарем РАН С. Ф. Ольденбургом²⁰. В такой формулировке тезис академика точно попадал в большевистскую доктрину создания «нового человека». Этому человеку «нашего, нового мира» должны были соответствовать и «новые центры новой науки».

В настоящей статье нам хотелось бы показать, кому и какими виделись внутренние и внешние перспективы «новой науки в новой стране»; кто и как в СССР готовил стартовую площадку для «новой науки» и почему именно «старые» академики оказались базовым партнером новой власти²¹. Рассмотрение ряда конкретных вопросов — кто из иностранных ученых и почему был приглашен на академический юбилей, каким национальным делегациям отдавался приоритет, как и кем на государственном и личном уровнях осуществлялось лоббирование тех или иных персоналий и организаций, и, наконец, каков был международный резонанс юбилея — поможет уточнить его оценку как переломного момента в развитии международных связей советской науки в целом и как «opening demarche» советско-германских научных отношений.

Утраченный статус

Подготовка к празднованию 200-летнего юбилея Академии наук началась еще в дореволюционные годы. Впервые о грядущей годовщине напомнил в 1912 году ученый корреспондент АН в Риме, историк Е. Ф. Шмурло, в специальной записке предоживший приурочить к ней выпуск ряда работ по эпохе Петра Великого²². Однако

ление Академии наук как центра советской науки. Л.: Наука, 1969. С. 266–269 (далее — Кольцов, 1969); *Кольцов А. В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932. Л.: Наука, 1982. С. 125–127 (далее — Кольцов, 1982); *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс-Феникс-Atheneum, 1991. С. 168–169; *Соболев В. С.* Для будущего России: Деятельность Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия 1890–1930 гг. СПб.: Наука, 1999. С. 76–79 (далее — Соболев, 1999). Совершенно иную перспективу задает П. Форман, упоминая юбилей 1925 в контексте реализации немецкой версии идеологии «научного интернационализма» и показывая сложную амальгаму политических и собственно научных интересов в Веймарской Германии и манипулирование ими (*Paul Forman. Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: The Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I* // *ISIS*. Vol. 64, № 222 (June 1973). P. 151–180).

²⁰ Особенно полно он изложен в докладе С. Ф. Ольденбурга «*Научно-культурные итоги академического юбилея*», опубликованном в журнале «*Научный работник*» (1925. Кн. 3. С. 8), републикован в: *Документы по истории*. С. 341.

²¹ Эти и другие аспекты юбилея-200 частично уже рассматривались в серии моих статей и публикаций, см.: Сорокина, 1999; «Мы не нищие ...»: Из дневника *Е. Г. Ольденбург* // *Источник*. 1999. № 6. С. 28–41 (далее — Сорокина, 1999 (1)); «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика-Якобсона» // *In Memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина*. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 117–142 (далее — Сорокина, 2000); Ученые и политика: Постверсальская Европа и международное научное сотрудничество (проект «200-летний юбилей Российской Академии наук» (1925 г.) // *Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации*. М., 2001. С. 354–381.

²² Протоколы Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. 21 марта 1912 г. П. 144. Записку Е. Ф. Шмурло см. в 1-м приложении к этому протоколу.

в те годы тема будущего юбилея развития не получила. Только 2 декабря 1917 года на Общем собрании РАН непреходящий секретарь С. Ф. Ольденбург реанимировал идею празднования. В течение января — февраля 1918 года все отделения Академии избрали своих представителей в общеакадемическую юбилейную комиссию²³. Однако ее первое заседание состоялось уже после окончания Гражданской войны — в мае 1922 года²⁴; фактически комиссия так и не приступила к работе, ее третье и последнее заседание провели 22 июня 1923 года²⁵.

Тихая кончина первой юбилейной академической комиссии была прямо связана с планами по реорганизации Академии наук, которые начинала осуществлять сформировавшаяся к этому времени академическая «тройка» — ядро будущего все- сильного академического аппарата — Президиума РАН²⁶, состоявшая из вице-президента, математика В. А. Стеклова (1863/64—1926), непреходящего секретаря, индолога С. Ф. Ольденбурга (1863—1934) и академика-секретаря Отделения физико-математических наук (ОФМ), геохимика А. Е. Ферсмана (1883—1945)²⁷. Эта «тройка» академиков-администраторов реально управляла всей внутренней и внешней деятельностью Академии наук в первое послереволюционное десятилетие, устранив «рядовых» академиков от участия в принятии решений.

Необходимость реформирования Академии была вызвана очевидным падением ее влияния во властных и научных кругах. Почти сразу после большевистского переворота (1917) РАН, объединявшая в составе трех Отделений (физико-математических наук (ОФМ), исторических наук и филологии (ОИФ), русского языка и словесности (ОРЯС) 46 академиков²⁸, начала активное взаимодействие с новой властью. Инициаторами движения навстречу большевикам были академики-естественники. «Жизнь теперь будет строиться на новых началах, — писал академик А. Н. Крылов академику П. П. Лазареву уже в январе 1918 года, — и способствовать ее скорейшему устройству следует всем, и надо стремиться к тому, чтобы наука заняла должное положение, а это проще всего достигается взаимным содействием, а не чужаением»²⁹. Вскоре непреходящий секретарь Ольденбург начал вести непосредственные переговоры о сотрудничестве с представителями новой власти.

²³ Под председательством С. Ф. Ольденбурга в комиссию вошли В. И. Вернадский, В. А. Стеклов, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Бартольд, А. А. Шахматов и Е. Ф. Карский (Протоколы Физико-математического отделения Российской Академии наук. 10 января 1918 г. П. 29; Протоколы Историко-филологического отделения Российской Академии наук. 17 января 1918 г. П. 39; Протоколы Общего собрания Российской Академии наук. 16 февраля 1918 г. П. 45).

²⁴ К этому моменту академики А. С. Лаппо-Данилевский и А. А. Шахматов скончались, а В. И. Вернадский уехал за границу.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 25. Л. 12.

²⁶ Между тем, только Устав АН СССР 1927 г. впервые зафиксировал Президиум как академическую административную структуру.

²⁷ О них см.: *Игнациус Г. И.* Владимир Андреевич Стеклов. М.: Наука, 1967; Сергей Федорович Ольденбург: Сборник статей. М.: Наука, 1986; *Перельман А. И.* Александр Евгеньевич Ферсман. М.: Наука, 1983, а также: *Каганович Б. С.* Начало трагедии: (Академия наук в 1920-ые годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 124—144.

²⁸ После 1917 8 академиков и 2 почетных члена оказались в эмиграции; 15 членов-корреспондентов покинули Россию к 1925. Подавляющее большинство из них были гуманитариями.

²⁹ Документы по истории АН. С. 27.

Такая позиция академиков дала быстрые и ожидаемые ими плоды. В первом же концептуальном документе Наркомпроса РСФСР, определявшем основы взаимодействия науки и государства, — так называемом «*Положении к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства*» — ведущим центром этой работы была названа специальная комиссия при Академии наук, пополнявшаяся представителями других научных учреждений и обществ³⁰. Хотя в целом задачи науки формулировались весьма расплывчато, здесь отмечалось, что программа научных работ должна выполняться «*средствами широко организованного коллективного исследования на основе привлечения рассыпанных в стране научных сил разнообразных уровней*»; говорилось о необходимости учета научных сил и средств, то есть высказывались те программные положения, на основе которых Академия наук еще в дореволюционные годы предлагала реформировать организацию научных исследований в России. По сути, академикам был предложен их собственный план, декорированный революционной фразеологией. Не имевшие своей программы научного строительства, руководители Наркомпроса делали ставку на разработанный в стенах Академии наук план создания государственной сети научно-исследовательских институтов. То, что было положено под сукно при царском правительстве, оказалось сразу востребовано большевиками и начало реализовываться.

Формулировку соглашения, на основе которой стали развиваться отношения между новой властью и Академией наук, выработала специальная академическая комиссия, в состав которой вошли практически все крупнейшие ученые-естественники РАН: «*Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за сильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром*»³¹. Сотрудничество в обмен на признание центрального положения РАН в научной жизни России (СССР) и союз партийно-государственной и научной элит обеспечивались на основе этой формулы, отлитой в феврале 1918 года, на протяжении всех последующих семи десятилетий советской истории.

Однако ко времени окончания Гражданской войны этот многообещающий для Академии договор оказался явно под угрозой. РАН продолжала оставаться в подчинении Наркомпроса РСФСР, стремившегося контролировать ее связи с советскими и зарубежными партнерами. С другой стороны, наметившаяся еще в годы Первой мировой войны тенденция фактического исхода академиков — авторов или «воспреемников» многих проектов исследовательских институтов, предпочитавших реализовывать их где угодно, только не в нише Академии, снова ярко проявила себя. Капиталоемкая наука немедленно уходила туда, где сосредоточивались материальные ресурсы — в динамично развивавшиеся ведомственные научные структуры ВСНХ, Наркомздрава, Наркомзема и др.³².

«Автономия» Академии, лишенной реальной бюджетной поддержки — единственного в СССР источника финансирования науки, немедленно оборачивалась перспективой научной стагнации. Номинально оставаясь «первенствующим ученым сословием», РАН фактически потеряла рычаги влияния на развитие собствен-

³⁰ Известия Российской Академии наук. 6 сер. 1918. №14. С. 1391.

³¹ Протоколы ОС РАН, 1918. П. 47; Прил. С. 32.

³² Общие обзоры организации науки в СССР в эти годы см.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М.: Наука, 1973. С. 119—268; *Graham Loren R.* The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // *Social Studies of Science*, 5 (1975). P. 303—329; *Krementsov Nikolai.* Stalinist Science. Princeton, 1997. P. 11—30.

но исследовательского процесса, что точно подметила комиссия «начальника» и главного оппонента РАН — НКП РСФСР в январе 1924 года³³. В известном смысле РАН пережила себя и остро нуждалась в институциональной самоидентификации. Академиком предстояло решить, какой Академия должна быть в дальнейшем.

Выдвинувшиеся в годы Гражданской войны руководители Академии — Стеклов и Ферсман, а также Ольденбург, при всей разнице их происхождения, научных карьер и политических взглядов, сходились во мнении, что перспективы развития РАН зависят от ее отношений с властью. Стремясь восстановить утраченный статус РАН, они предлагали правительству страны стать главным патроном Академии. Ресурс аргументов, понятных большевикам и способных склонить их к такому решению, был весьма ограничен. Утилитарная, практическая польза научных исследований, столь созвучная большевистской доктрине о революционном переделе мира и понятная партийцам любого уровня, уже с успехом эксплуатировались ведомственной наукой. Едва ли не единственными самостоятельными аргументами РАН, способными склонить чашу весов в ее пользу, оставались образ Академии как «традиционного авторитета», представляющего интересы всей российской науки, и ее высокий международный престиж.

В многочисленных записках и обращениях, направленных Академией наук в правительство в начале 1920-х годов, академиком удалось создать и поддерживать «миф об Академии». Упорно и настойчиво в официальных документах они заменяли название «Академия наук» выражением «наука и ее деятели». Масштаб деятельности РАН назывался не иначе, как общегосударственным. Академики постоянно подчеркивали, что интересы РАН тождественны интересам высших правительственных органов, и что только они могут обеспечить эффективное развитие научных исследований как одного из средств возрождения страны и ее международного авторитета³⁴.

Тактика риторического мифотворчества оказалась результативной. Весной 1922 года Стеклову удалось добиться создания Особого Временного комитета науки при СНК РСФСР (далее — ОВКН; Особый комитет науки), с помощью которого он надеялся обеспечить прямые правительственные кредиты РАН и изменение ее ведомственного статуса. Этой же цели была подчинена и организация 200-летнего юбилея РАН, которую Стеклов начал проводить через ОВКН³⁵. В «Воспоминаниях» он откровенно писал, что «воспользовался мыслью о предстоящем <...> юбилее РАН (в 1924 или 1925 г., можно праздновать по желанию, исторические даты есть)» и наметил программу торжеств в «международном масштабе», предложив их в то же время сделать «национальным праздником»³⁶. Именно акцентирование политического значения будущей акции как средства повышения международного престижа СССР, прагматично предложенное руководителями Академии наук большевистским лидерам, стало той «изюминкой» концепции юбилейного проекта, которая обеспечила его поддержку высшими государственными и партийными функционерами.

³³ «В работе РАН преобладает система индивидуализма и внутренней замкнутости <...> Отсюда ясна утрата влияния РАН на работу новых научно-исследовательских учреждений» (ГАРФ. Ф. А2307 (Главнаука). Оп. 7. Д. 8. Л. 940б.).

³⁴ См., например: Документы по истории АН. С. 169—170, 174—177, 279—280, 310—315; Международные научные связи Академии наук СССР. 1917—1941 / Сост. Ю. А. Панцырев. М.: Наука, 1992. С. 38—41, 53—57 (далее — Международные научные связи АН); Организация науки. С. 70—74, 125—127, 199—202 и др.

³⁵ Впервые с докладом о плане подготовки к юбилею РАН В. А. Стеклов выступил на заседании ОВКН 19 декабря 1922 (ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 37. Д. 7. Л. 272).

³⁶ Стеклов В. А. Указ. соч. С. 297.

«Новые центры новой науки»

Международную составляющую юбилея академики начали готовить зимой 1921—22 годов. Первой страной, получившей академическое приглашение, стала Франция. По воспоминаниям академика Крылова, ему было дано поручение передать Парижской Академии наук от имени РАН приглашение командировать своих представителей на предстоящий юбилей и в начале 1922 года он встретился для этого с М. Бертенон и Э. Пикаром³⁷; осенью 1924 он вторично вместе со Стекловым встретился с французскими учеными.

Параллельно академики предприняли первые важные шаги по организации юбилея и в советских властных структурах. 19 декабря 1922 года Стеклов выступил на заседании Особого комитета науки с докладом о плане подготовки к юбилею РАН³⁸. Комитет одобрил представленную Стекловым программу, включавшую большой список мероприятий по ремонту академических зданий, переоборудованию музеев, проведению выставок и выпуску научных и научно-популярных изданий, а также принял решение о приглашении иностранных ученых и создал специальную юбилейную комиссию с участием В. А. Стеклова, С. Ф. Ольденбурга и представителей Петроградского губисполкома (Б. М. Позерн) и Петроградской Главнауки (М. П. Кристи). Это решение, в целом положительное для Академии, оставляло ее инициативу на локальном городском уровне.

Только через два года, зимой 1925 года, академикам удалось переместить вопрос о юбилее на всесоюзный (общегосударственный) уровень. 18 февраля академики Стеклов и Ольденбург направили председателю СНК А. И. Рыкову «Записку»³⁹, в которой просили правительство СССР придать юбилею РАН статус государственного торжества с приглашением иностранных ученых⁴⁰.

Академики говорили с властью на ее собственном языке — языке политической риторики. Ни разу не упомянув о проблемах финансирования, они сразу акцентировали политическое значение будущего торжества, проведение которого, по их словам, «убьет не совсем еще заглушенные кривотолки внутри страны», и его значимость в международных отношениях как демонстрацию заботы советского правительства о науке и научных работниках, которая опровергнет разговоры о «варваризации» страны. Приведя многочисленные примеры участия представителей правительств в международных научных конгрессах и торжествах до- и послевоенной Европы, академики заметили, что использовать благожелательное отношение заграничных научных кругов крайне желательно «для пользы научного дела и по соображениям государственной предусмотрительности».

К 1925 году проблема места и роли СССР на карте постверсальского мира перешла для большевиков в плоскость практической политики. Поражения советских

³⁷ Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984. С. 253.

³⁸ Справку В. А. Стеклова об организации празднования 200-летнего юбилея РАН и о кредитах для этого см.: ПФА РАН. Ф. 162 (В. А. Стеклов). Оп. 3. Д. 7. Л. 1—7.

³⁹ Записка датирована 18 февраля; возможно, Рыков получил ее немного позднее.

⁴⁰ Собственного названия «Записка» не имеет. Она известна по копии, сохранившейся в Архиве внешней политики МИД Российской Федерации (далее АВП РФ) в фонде «Секретариат Г. В. Чичерина» (Ф. 04), в котором находится недавно рассекреченное «Досье «Юбилей Академии наук»» (Оп. 59. № 56954. Папка 424), где концентрировались наиболее значимые для наркома документы, связанные с организацией 200-летия РАН (далее все ссылки на это дело — Досье «Юбилей АН»). Записка опубликована в приложении к кн.: Сорокина, 1999. С. 69—72.

республик в Венгрии (1919) и «германского октября» (1923) означали потерю надежды на немедленную «мировую революцию». В то же время успехи в восстановлении экономики Советской России в рамках «новой экономической политики» привели к постепенному утверждению в 1924–25 годах сталинско-бухаринской концепции «построения социализма в одной стране» как официальной доктрины государственного строительства. Очевидная необходимость внешних ресурсов для этого ставили большевиков перед выбором внешнеполитической стратегии: продолжать ли посредством Коминтерна (Г. Е. Зиновьев) провоцировать «мировую революцию» или же с помощью энергичной политики Наркоматов иностранных дел (Г. В. Чичерин) и внешней торговли (Л. Б. Красин) последовательно укреплять разнообразные международные отношения на Западе и Востоке. Идея «мировой революции», никогда не покидавшая советских вождей, к середине 1920-х вынужденно уступала публичное первенство внешней политике «мирного сосуществования» и, восстанавливая статус «нормальной» дипломатии, Сталин впервые в 1924 году ввел в состав ЦК партии Л. Б. Красина, а в 1925 — Г. В. Чичерина.

Для преодоления экономической и дипломатической изоляции большевики, так же как и Веймарская Германия, стремились все более активно использовать научные, образовательные, культурные связи как инструмент международного влияния⁴¹. Борьба за районы «культурного воздействия» и развитие культурной экспансии — «захват новых стран под свое культурное влияние»⁴² — назывались среди важнейших практических задач пролетарской власти.

Идея «культурного наступления» была весьма созвучна собственным устремлениям русских ученых, в том числе академиков. К началу 1920-х годов в России во многих дисциплинах уже сформировались научные сообщества со своей профессиональной инфраструктурой⁴³, и русской науке стало тесно в национальных границах, она стремилась к расширению своего географического и институционального пространства. «Нам надо завоевать самостоятельность», — писал еще в 1911 году из Берлина В. И. Вернадский⁴⁴.

Неудачи России в Первой мировой войне наглядно продемонстрировали, что технологическое отставание страны равносильно потере ее геополитического значения, что заставило власть и общество по-новому взглянуть на возможности российской науки и необходимость ее государственной поддержки⁴⁵. В свою очередь в рамках созданной в 1915 году при Академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) начинает разрабатываться кон-

⁴¹ См.: *Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy.* Princeton, 1960; *Голубев А. В. «Звездный час» советской культурной дипломатии: 1929–1939 годы* // Россия и современный мир. 2 (23). М., 1999. С. 224–244; *Голубев А. В. Советское общество 1930-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов* // Россия и Европа в XIX–XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сборник научных трудов. М., 1996. № 86. С. 215 и др.

⁴² *Каменева О. Д. Культурные связи с заграницей* // Научный работник. 1925. Кн. 2. С. 142.

⁴³ Подробнее см.: *Александров Д. А. Указ. соч.*

⁴⁴ АРАН. Ф. 518 (В. И. Вернадский). Оп. 7. Д. 55. Л. 52 об. (письмо жене от 11/24 сентября из Берлина).

⁴⁵ Подробнее см.: *Иванов А. Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны»* // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 108–128; *Kojevnikov A. World War I and the Transition to the Soviet System of Scientific Research* // На переломе. Отечественная наука в первой половине XX века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 38–54.

цепция общенациональной государственной сети научно-исследовательских институтов, а также план создания сети русских научных институтов в различных странах мира — в Лондоне, Париже, Берлине, Каире, Вашингтоне, Буэнос-Айресе, Пекине и Сиднее⁴⁶.

Последовательное укрепление старых и динамичное развитие новых международных связей также служили укреплению международного присутствия российской науки. Одним из инструментов утверждения самостоятельной роли на сцене мировой науки были выборы иностранных членов Петербургской Академии наук. На протяжении 1900—1917 годов иностранными почетными членами и членами-корреспондентами Академии наук были избраны 34 немецких, 28 французских, 16 английских и 11 итальянских ученых, что обнаруживало тенденцию переориентации академиками своих исторических сложившихся германоцентричных связей в сторону англо-романо-американского мира. Первые крупные после Первой мировой войны и фактически последние свободные, не стесненные контролем власти, выборы иностранных почетных членов и членов-корреспондентов РАН, проведенные в 1924 и 1925 годах, еще более утвердили эту тенденцию. Избрав в 1924 — 60, а в 1925 — еще 30 зарубежных ученых, РАН за два года увеличила количество иностранных сочленов сразу вдвое. Расширяя количество и географию зарубежного участия в своих рядах, академики четко сохраняли баланс национального представительства. Количество избранных французских и немецких ученых было практически одинаково — в 1924 году по 13, в 1925 — соответственно 6 и 8. В то же время выборы продемонстрировали новое направление развития международных контактов академиков — в 1924 году РАН избрала в свой состав сразу 7 американских ученых — абсолютный рекорд за весь «советский» период истории Академии наук (1918—1988)⁴⁷.

Стремясь восстановить прерванные личные зарубежные связи, академики охотно участвовали в прорыве политической изоляции Советской России. Опыт совместной практической работы академиков и дипломатов уже был накоплен немалый. Под лозунгом распространения «культурного влияния России на Востоке» в конце XIX века в Константинополе усилиями византиниста Ф. И. Успенского и российских послов в Турции А. И. Нелидова и И. А. Зиновьева был создан первый академический институт — Русский археологический институт; с той же целью НКВД и РАН пытались воссоздать его в 1924 году⁴⁸. В качестве экспертов академики-востоковеды С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, В. В. Бартольд постоянно взаимодействовали с до- и послереволюционными российскими ведомствами иностранных дел⁴⁹; историк С. Ф. Платонов участвовал в переговорах с Польшей (1920). «Мы опирались на нее [РАН] в переговорах с соседними державами о мире», — признавался нарком просвещения А. В. Луначарский⁵⁰, а его заместитель, известный антагонист Академии наук М. Н. Покровский, возглавлявший Комиссию по

⁴⁶ Организация науки. С. 369—370; Международные научные связи АН. С. 25—27.

⁴⁷ Подсчитано по: Российская Академия наук. Персональный состав. Книга 2: 1918—1973. М.: Наука, 1999.

⁴⁸ *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 61.

⁴⁹ См.: *Андреев А. И.* От Байкала до священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.—Самара—Прага: Агни, 1997; а также: ГАРФ. Ф. 581. (С. Ф. Ольденбург). Оп. 1. Д. 42. Л. 1—7; Документы по истории АН. С. 275—276.

⁵⁰ Кольцов, 1969. С. 115.

заграничным командировкам Наркомпроса, не только не препятствовал поездкам академиков за границу, а напротив, даже выступал их партийным поручителем⁵¹. Только за период с 1918 по 1924 год 103 сотрудника РАН побывали за границей⁵². Пропагандистский расчет советских чиновников вполне оправдывался: в отличие от неумелых и неизвестных Европе представителей «пролетарской» науки, уважаемые академики солидно и весомо олицетворяли новую Россию за границей. Так, по словам генерального консула СССР в Риме, академик П. П. Лазарев в 1924 году «умело и ловко "рекламировал" советскую науку, советский быт и политический строй среди многочисленных итальянских ученых и общественных деятелей, с которыми он очень активно завязывал деловые и личные связи и много способствовал <...> рассеянию всяких вздорных мыслей о СССР»⁵³.

По итогам зарубежных поездок академики опубликовали ряд статей и книг, в которых наряду с описанием изменений институциональной карты западной науки лейтмотивом звучала мысль о перераспределении ведущих ролей среди традиционных научных центров Европы и Северной Америки. Обратной стороной констатации этих изменений должен был стать выбор национальной научно-организационной стратегии и приоритетов международного сотрудничества.

С нескрываемым восхищением описывал «другой мир» американских институтов и лабораторий, фондов и грандиозных средств, вкладываемых в науку в США, академик Лазарев. Научная гегемония может перейти из Европы в Америку, — предупреждал он⁵⁴, и с этим выводом полностью соглашался академик Стеклов в книге «В Америку и обратно» (1925). Напротив, настоящее бывших столпов предвоенной научной Европы, прежде всего Франции и Германии, Ольденбургом описывалось как кризисное⁵⁵, а Ферсман прямо противопоставлял кипучую деятельность скандинавских стран замерзшей жизни Германии. «Я оказался в стране, где наука мне ничего нового дать не могла, — писал он. — <...> Ни новых идей, ни смелого полета мысли, ни новых музеев, ни новых научных учреждений»⁵⁶. Свою книгу Ферсман назвал «Новые центры новой науки», и к таким «новым центрам» академики причисляли Россию.

Катализированная Первой мировой войной и послевоенным политическим и культурным изоляционизмом, к середине 1920-х годов идеология «научного творчества как национального дела»⁵⁷ получила значительное распространение в советской академической среде, став важной опорой утверждавшегося в СССР национал-большевизма. «Я твердо верю и понимаю только национальную (русскую) науку, — заявлял академик Ферсман, — и большевики нас научили национализму»⁵⁸, а академик Ольденбург категорически отказывался в дни юбилея от помощи Академии «извне», в том числе от содействия Рокфеллеровского фонда⁵⁹. Утверждение академиками

⁵¹ Как, например, в случае с заграничной командировкой (1922—1926) В. И. Вернадского.

⁵² Иоффе, 1975. С. 111—124 (глава «Советские ученые за рубежом»).

⁵³ ГАРФ. Ф. А2307 (Главнаука). Оп. 7. Д. 22. Л. 98—101.

⁵⁴ Лазарев П. П. Америка и ее наука // Научный работник. 1925. Кн. 1. С. 149.

⁵⁵ См.: Ольденбург С. Ф. Европа в сумерках. На пожарище войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию, Францию летом 1923 г. Пг., 1924.

⁵⁶ Ферсман А. Е. Новые центры новой науки. Л., 1925. С. 13, 15.

⁵⁷ BAR. G. Vernadsky Coll. В. 12 (письмо 24 мая 1923 г. сыну).

⁵⁸ BAR. G. Vernadsky Coll. В. 86. Ф. 1924-1 (из письма А. Е. Ферсмана В. И. Вернадскому от августа 1924).

⁵⁹ War, Revolution, and Peace in Russia. The Passages of Frank Golder, 1914—1927. Comp., ed., and intro. by Terence Emmons and Bertrand M. Patenaude. Stanford Ca: Hoover Institution Press, Stanford Univ., 1992. P. 308.

лозунга и стратегии создания «новой науки» как «национальной», так естественно вписывавшихся в сталинскую идеологию построения автаркийного общества («построения социализма в одной стране»), означало для российского научного сообщества завершение длительного процесса осознания собственной самодостаточности. В то же время Сталин, инстинктивно тянувшийся к имитации имперского стиля и начинавший возводить фундамент будущей эпохи «сталинского классицизма», присматривал надежных внепартийных союзников и будущий академический юбилей должен был продемонстрировать всему миру, что они уже есть.

Покровители и оппоненты

Через несколько дней после получения «Записки» академиком Стеклова и Ольденбурга председатель правительства СССР А. И. Рыков направил ее 24 февраля 1925 года на «высочайшее» решение — в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой поставить этот вопрос на заседании уже на следующий день, 25 февраля. «Я считаю, — писал председатель СНК, — что следует придать этому празднованию импозантный характер», что на «советском» языке означало: «весь план празднования будет утверждаться нами», «речи и выступления наших академиков будут с нами согласованы», «в списки приглашенных мы сможем включить ученых из колониальных стран и доминионов»⁶⁰.

«О юбилее Академии наук» — так формулировался вопрос в протоколе заседания Политбюро⁶¹. Однако еще в регистрационной карточке «Материалов к протоколам Политбюро» академический проект трансформировался в «вопрос НКВД», а сам юбилей тем самым — во внешнеполитическую акцию Советского государства⁶². Содокладчиками Рыкова на Политбюро выступили нарком иностранных дел Чичерин и два члена ЦК партии, полпред во Франции — Л. Б. Красин и полпред в Англии — Х. Г. Раковский. Политбюро разрешило приезд иностранных ученых и поручило СНК СССР ассигновать необходимые на организацию юбилея средства⁶³.

То, как быстро и решительно, с нарушением иерархической и процедурной последовательности, минуя непосредственных «начальников» Академии — Наркомпрос РСФСР и СНК РСФСР⁶⁴, решение о праздновании юбилея было проведено через высшие партийно-государственные инстанции, говорит о том, что время обращения академиков к Рыкову и сама технология продвижения «Записки» на самый «верх», были выбраны неслучайно и поддерживались очень влиятельными коммунистами. За кулисами решения Политбюро стояли нарком Красин и управляющий делами СНК СССР Н. П. Горбунов.

⁶⁰ Оригинал письма А. И. Рыкова: РГАСПИ. Ф. 669 (А. И. Рыков). Оп. 1. Д. 5. Л. 11—11 об.; копия: Досье «Юбилей АН». Л. 2—3. Письмо опубликовано: Сорокина, 1999. С. 68.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 490 Л. 3. Ныне все материалы Политбюро, касающиеся АН, опубликованы в: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): 1922—1952 / Сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 35—36 (далее — Есаков, 2000).

⁶² РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 163. Д. 477. Л. 22.

⁶³ К сожалению, в моем распоряжении имеется только глухая протокольная запись этого заседания Политбюро, которая не позволяет проследить ход принятия решения.

⁶⁴ Решение о проведении первого в СССР международного научного съезда лимнологов (август 1925) также проходило утверждение на Политбюро ЦК РКП(б), но после предварительного рассмотрения подготовленных Наркомпросом РСФСР документов на Оргбюро и в Секретариате ЦК партии (см.: РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 112. Д. 665. Л. 96—97).

Леонид Борисович Красин (1870—1926) был хорошо известен как сторонник максимального расширения торгово-экономических контактов с Западом. Ему поручались самые деликатные миссии: военно-технические переговоры с Германией и заключение торгового договора с Англией (1921), переговоры о западных кредитах для СССР и выплате «царских долгов» (1924—1926). На протяжении всего первого полугодия 1925 года, когда Красин вел об этом переговоры с Францией, обсуждение французского направления буквально не сходило с повестки дня заседаний Политбюро, потеснив на время германское⁶⁵. Будучи членом ОВКН, Красин хорошо знал и поддерживал планы академиков⁶⁶, а, получив осенью 1924 года назначение первым советским послом во Францию, стремился использовать потенциальный ресурс научных связей уже на новом поприще. На информацию Красина об интересе французских ученых к юбилею РАН академики ссылались в «Записке», направленной Рыкову⁶⁷, а в январе — феврале 1925 года, как бы в подтверждение этого, в советской прессе появились статьи о благожелательном отношении именно французских ученых к науке новой России и их готовности приехать на юбилей⁶⁸.

Все организационные вопросы подготовки юбилея — от обеспечения правовой базы и финансирования до приглашения ученых и руководства прессой — принял на себя управляющий делами СНК СССР Николай Петрович Горбунов (1892—1938)⁶⁹. После образования в декабре 1922 года Союза именно Горбунов поддерживал РАН в борьбе за всесоюзный статус. Вскоре при активном содействии ученых он стал патроном целой системы общесоюзных научных учреждений, в том числе научных империй — АН СССР и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук.

В течение марта 1925 года Горбунов провел правительственные кредиты на организацию юбилея РАН⁷⁰ и начал формировать его исполнительный аппарат. В состав Юбилейной комиссии СНК СССР по предложению РАН вошли А. И. Рыков (председатель), члены — А. В. Луначарский, зам. наркома иностранных дел М. М. Литвинов, зам. председателя ОГПУ СССР Г. Г. Ягода, председатель Коминтерна и Лепсовета Г. Е. Зиновьев (его заместителем Г. Е. Евдокимов), академики В. А. Стеклов и

⁶⁵ Только в феврале 1925 Красин дважды (2 и 26) побывал на приемах у Сталина (Сводки приема И. В. Сталиным посетителей за 1925—1928 гг. // Исторический архив. 1999. № 4. С. 16).

⁶⁶ О связях академиков с Красиным см.: *Ольденбург С. Ф.* Памяти друга науки // Памяти Л. Б. Красина. М.; Л.: 1926. С. 44—45; *Документы по истории АН.* С. 275, 295; Ленин и Академия наук. Сборник документов / Под ред. академика *П. Н. Поспелова.* М.: Наука, 1969. С. 61, 62, 110, 113—117, 130.

⁶⁷ Сорокина, 1999. С. 72.

⁶⁸ Известия ВЦИК. 1925. 17 января; Академик Шербатской о современной Франции // Известия. 1925. 17 февраля.

⁶⁹ См. о нем: *Подвигина Е. П.* Николай Петрович Горбунов // *Горбунов Н. П.* Воспоминания. Статьи. Документы / Сост. *А. Н. Горбунов, Г. А. Савина, А. П. Трошина.* М.: Наука, 1986. С. 5—41; *Пархоменко А. А.* Академик Н. П. Горбунов // *Репрессированная наука.* Вып. 1. Л.: Наука, 1991. С. 408—423.

⁷⁰ Постановлением СТО СССР от 27 марта 1925 «Об организации празднования 200-летнего юбилея АН» РАН получила на оборудование зданий 250 000 руб., персонально на работы по дому № 2а на Тучковой набережной, где располагалась лаборатория Нобелевского лауреата И. П. Павлова, еще 60 000 руб. отдельной строкой и на текущие расходы 40 000 руб. (ПФА РАН. Ф. 162 (В. А. Стеклов). Оп. 3. Д. 7. Л. 42—43; ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 37. Д. 67. Л. 154 и др.

С. Ф. Ольденбург, зам. председателя Госплана СССР Г. М. Кржижановский, член Реввоенсовета А. С. Бубнов и сам Горбунов⁷¹. На первом заседании комиссии СНК 8 мая было принято решение об образовании двух подкомиссий — по Ленинграду и Москве, которые должны были заниматься конкретной организацией работы. На этой стадии составы всех комиссий были достаточно сбалансированы — академики и советские чиновники были представлены пропорционально, а главное, — ни одна из комиссий не включала откровенных антагонистов РАН типа М. Н. Покровского.

Программы празднования в Ленинграде и Москве были близнецами и состояли из двух основных представительских элементов: многочисленных торжественных заседаний, банкетов с участием представителей правительства СССР, концертов и спектаклей, а также осмотра научных учреждений (академических — в Ленинграде, Физического института КЕПС, Центрального аэродинамического института, Института народного здравоохранения и других — в Москве)⁷². «Технология гостеприимства», отработывавшаяся в эти годы, безотказно действовала в дальнейшем в течение многих десятилетий. Единственным новшеством москвичей стало предложение о проведении демонстрации на Красной площади, однако Полибюро ЦК РКП(б) отвергло его⁷³.

В самой Академии отношение к юбилею и его академическим организаторам было весьма неоднозначным. Академики-гуманитарии хорошо знали о презрительном отношении к их работе вице-президента Стеклова и, в свою очередь, недолюбливали математика; Ольденбурга, еще со времен его участия в качестве министра просвещения во Временном правительстве (июль — август 1917 года), многие в Академии считали карьеристом; в кризисных условиях борьба за личное и институциональное выживание еще более обостряла и без того нелицеприятные отношения среди академиков⁷⁴. Делая, по его мнению, дело и избегая лишних дискуссий, Стеклов лишь дважды — 13 мая и 1 августа 1925 года — поставил в повестку дня Общего собрания РАН вопросы юбилея, причем в обоих случаях академикам пришлось лишь принять к сведению его доклады⁷⁵. Зная о негативном отношении многих коллег, Ольденбург опирался исключительно на верных ему сотрудников канцелярии Академии и своих коллег-подчиненных по Азиатскому музею РАН, который он возглавлял⁷⁶.

Новый юбилейный комитет РАН был образован в апреле 1925 года Президиумом РАН. В его состав, кроме Стеклова и Ольденбурга, вошли президент РАН А. П. Кар-

⁷¹ Комиссия утверждена 6 мая постановлением СНК СССР (ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 1. Д. 11. Л. 269, 278–278 об., 317–318).

⁷² В ленинградскую подкомиссию вошли: Н. П. Горбунов, Г. В. Цылерович, И. И. Кондратьев, В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург (ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 4. Л. 2); в составе московской подкомиссии: А. И. Рыков, М. И. Рогов, А. В. Луначарский, П. П. Лазарев, А. П. Пинкевич, Н. И. Троцкая, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, И. И. Мирошников, позднее — Ф. Н. Петров, О. Д. Каменева (ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 4. Л. 5–50б., 25).

⁷³ Есаков В. Д. Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М.: Янус-К, 1997. С. 455; Есаков, 2000. С. 41.

⁷⁴ См., например: *Перченко Ф. Ф.* Указ соч. С. 180.

⁷⁵ ОС. 1925. 13 мая. п. 66, 67; 1 августа. п. 106

⁷⁶ Так, Бюро по приему иностранных гостей первоначально должен был возглавить академик-индолог Ф. И. Щербатской, а его членами стали дочь президента РАН Е. А. Толмачева и управляющий делами Конференции Б. Н. Молас. На время торжеств к Бюро были прикомандированы сотрудники Ольденбурга по Азиатскому музею — Е. Э. Бертельс, В. Эберман, Н. В. Алабышев.

пинский, академик-секретарь ОИФ, арабист И. Ю. Крачковский, управляющие делами Конференции и Правления Б. Н. Молас, Д. Н. Халтурин и Г. Н. Соколовский⁷⁷. Традиционное паритетное представительство всех Отделений РАН в общеакадемических комиссиях было нарушено — ОРЯС, или «славянское», не имело своего представителя; вскоре после юбилея и само оно было упразднено.

Выстроенная Горбуновым и академиками исполнительная пирамида просуществовала до 2 июля 1925 года, когда получила высшее, партийное завершение: по докладу Рыкова постановлением Политбюро ЦК РКП(б) была учреждена «Комиссия Политбюро для руководства празднованием юбилея Ленинградской АН», членами которой утвердили А. В. Луначарского и Г. Е. Евдокимова. «Третьего» поручили подыскать Секретариату ЦК⁷⁸, который предложил назначить председателем Комиссии Владимира Павловича Милютин (1884–1938)⁷⁹ — второзрядного советского чиновника, всего лишь члена коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, но, в то же время, заместителя председателя Президиума Коммунистической Академии М. Н. Покровского⁸⁰. 9 июля Милютин возглавил и другую Комиссию Политбюро — «по организации Всесоюзной Академии наук»⁸¹. Так в течение одной недели был совершен аппаратный переворот: вместо патрона (самого председателя СНК СССР) партийным контролером РАН назначили фактически ее главного конкурента — Коммунистическую Академию⁸². В конце июля Милютин и Покровский были введены и в Юбилейную комиссию СНК СССР⁸³.

Конечно, такой резкий поворот невозможно было осуществить только силами даже высокопоставленных чиновников Наркомпроса РСФСР и Коммунистической Академии, реальное влияние которых в высших партийно-государственных структурах было весьма ограниченным. Их активным союзником в борьбе с неожиданным возвышением Академии наук выступили союзные республики. Придание юбилею РАН, а затем и самой Академии, общесоюзного значения вызвало значи-

⁷⁷ Иногда назывался комиссией. Первое заседание состоялось 25 апреля. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1925. Д. 35. Л. 5.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 509 Л. 3.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 112. Д. 676. Л. 106, 107; Есаков, 2000. С. 38–39. До революции Милютин некоторое время учился в Московском университете и Коммерческом институте, но с 1903 полностью отдался революционной работе. Нарком земледелия первого состава СНК (до 4 ноября 1917), однако в дальнейшем его партийная и советская карьера пошла на убыль: в 1918–21 зам. председателя ВСНХ, председатель экономического отдела ВЦИК. С 1922 представитель Коминтерна в Австрии и на Балканах, откуда возвращен в 1924. В Коммунистической Академии курировал секцию экономики. В 1933–1938. Милютин возглавлял Ученый Комитет при ЦИК СССР.

⁸⁰ В разгар этих оргперемещений, 5 июля, М. Н. Покровский опубликовал в «Правде» программно-погромную статью «О наших научных кадрах», в которой с нескрываемым сарказмом писал о том, что РАН держится исключительно «беспотомственными вымирающими стариками», а интерес к ней является сугубо «верхущечным процессом». В конце статьи он делал оптимистичный вывод о скорой смене «стариков» молодыми советскими кадрами Институтах красной профессуры.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 510 Л. 6; Д. 511 Л. 6.

⁸² О взаимоотношениях РАН и Комкадемии см.: *David-Fox Michael. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929.* Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 1997. P. 201–222 etc; *Symbiosis to Synthesis: The Communist Academy and the Bolshevikization of the Russian Academy of Sciences, 1918–1929 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropes.* 46:2 (1998).

⁸³ ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 1. Д. 13. Л. 107–109; СЗ СССР. 1925. № 48. Ст. 363.

тельное недовольство республиканских Наркомпросов и ЦИКов, увидевших в этом ущемление их собственных прав⁸⁴. Принятая в январе 1924 года первая Конституция СССР зафиксировала норму об исключительных правах союзных республик в области культуры и просвещения, предоставляя Союзу лишь право установления общих начал в этой области. Давление республик в вопросах культурного строительства в это время было столь велико, что в январе 1925 года III-я конференция Главнаук⁸⁵ Наркомпросов союзных республик высказалась за сосредоточение всей научно-исследовательской работы исключительно в НКП союзных республик и признала целесообразным не создавать органов управления наукой ни при ЦИК СССР, ни при СНК СССР, попытавшись тем самым установить монополию республиканских органов на управление наукой. Внутриполитическая борьба федеральных и республиканских властей, проходившая в это время еще с переменным успехом, оказалась исключительно важным фактором в истории становления тех научных структур, которые имели или претендовали на то, чтобы иметь всесоюзный характер. Играя на разнице интересов федеральных и республиканских чиновников, академикам удалось добиться общегосударственного статуса Академии, однако они еще не понимали, что желающий принадлежать к государственной элите в СССР непременно тестируется на идеологическую «чистоту». И как раз этот тест будут проводить «коммунистические» академики.

Но пока деятельность лидеров Комакадемии Покровского и Милютин в составе Юбилейной комиссии СНК СССР была почти незаметна⁸⁶; комиссию продолжали неофициально именовать «комиссией Горбунова». «Троянский конь» Комакадемии сыграет свою роль позже — в 1926—1929 годах при подготовке нового Устава и выборов в Академию наук теперь уже СССР.

Процедуры и прецеденты

Февральское решение Политбюро дало старт процедуре согласования состава иностранных гостей юбилея, которая включала прохождение списков, составленных Академией наук, через Наркомпрос, НКИД и Иностранный отдел ОГПУ, среди которых ведущим в это время был НКИД.

Первоначальные списки, подготовленные Ольденбургом к январю — февралю 1925 года, отражали формально-процедурный подход к приглашаемым. Персональные приглашения направлялись всем иностранным почетным членам и членам-корреспондентам РАН, которых насчитывалось 180⁸⁷, коллективные — тем академиям и университетам, с которыми Академия имела постоянные контакты и которые должны были самостоятельно формировать состав юбилейных делегаций. Одновременно национальная структура приглашений очень свидетельствовала о прошлых и будущих приоритетах академиков и РАН в целом в сфере международных контактов.

Персональные приглашения отражали прежде всего исторически сложившиеся связи академиков: 66 из них было направлено в Германию, 43 во Францию, 26 в Англию, 21 в Италию и 20 в США. География учрежденческих приглашений, напротив,

⁸⁴ Есаков, 2000. С. 11.

⁸⁵ Главнаука — одно из управлений Наркомата просвещения.

⁸⁶ М. Н. Покровский с 10 июля в течение 2 месяцев — ровно до окончания академических торжеств был в отпуске.

⁸⁷ Подсчитано по: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик: Ее задачи, разделение и состав. Л., 1925. С. 58—59. Из них 15 почетных членов и 165 членов-корреспондентов.

демонстрировала новые интересы академического сообщества: наибольшее количество приглашений ушло в США — 41, по 36 в Германию и Францию, 29 в Италию и 16 в Англию. Стремление академиков «за океан» и к балансу европейских связей было столь велико, что даже в августе, когда стало ясно, что ученые США и Франции игнорируют приглашение на юбилей РАН, а немецкие будут самой большой национальной делегацией, порядок речей на юбилейном банкете все равно выстраивали в соответствии с этими приоритетами. Первым из иностранных делегатов должен был выступать представитель от «англо-американской группы», затем романский и только после них германской; славянские и восточные делегаты заключали список⁸⁸.

Затем списки Ольденбурга поступили к Горбунову, который с февраля 1925 года вел их согласование с другими советскими инстанциями, постоянно известая академиков о возникающих на этом этапе проблемах. Персональная селекция иностранных ученых, замешанная на идеологической цензуре, или «процеживание», как называли эту процедуру сами академики, весьма заботила их. Они знали, что Главнаука Наркомпроса «настраивала» НКВД против приезда некоторых ученых по политическим мотивам. Между тем, как опасались русские академики, если иностранные коллеги узнают о том, что их «фильтруют», они могут совершенно не поехать, а резкое сокращение зарубежных гостей может, в свою очередь, отрицательно сказаться на положении РАН: «Если не будет или мало будет иностранных гостей на академическом празднике, — записывала слова Ольденбурга его жена в дневнике, — то правительство может подумать, что РАН никому за границей не нужна и не интересна; тогда пойдут различные осложнения, и Главнаука окончательно восторжествует и вмешается в жизнь РАН и с ней может произойти такая же история, что и с университетами, то есть она развалится и погибнет»⁸⁹. Таким образом, и академики, и их советские партийные патроны оказались равно заинтересованы в полном сокрытии внутренних процедур от иностранных коллег и тем более западного общественного мнения.

Однако опасения академиков оказались преждевременными. По итоговым сведениям регистрационного бюро РАН приглашения были отправлены 315 зарубежным учреждениям 47 стран и 340 отдельным ученым, то есть их было сделано почти вдвое больше, чем изначально предлагала РАН⁹⁰. Все организаторы юбилея были одинаково заинтересованы в его пропагандистском успехе и соответственно в максимальном количестве зарубежных участников. Нарком просвещения Луначарский, получивший академические списки сразу после решения Политбюро и знавший о «высочайшем одобрении», кажется, даже не рассматривал их и 2 марта поставил визу, что возражений не имеет⁹¹. Столь же неожиданно неощутимой оказалась и роль Иностранного отдела ОГПУ, который в начале мая одобрил списки РАН, рекомендуя исключить только польского слависта М. Розвадовского⁹².

⁸⁸ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

⁸⁹ Цит. по: Сорокина, 1999 (1). С. 30.

⁹⁰ Яковлев В. Л. Указ. соч. С. 71; для сравнения: по СССР разослано 770 приглашений (220 — учреждениям и 550 персональным).

⁹¹ АРАН. Ф. 1759 (М. Н. Покровский). Оп. 4. Д. 396. Л. 25.

⁹² Досье «Юбилей АН». Л. 40. Розвадовский Я. М. (1867—1935) — польский языковед, профессор Краковского университета, член Польской Академии знаний (с 1903), в 1925—1929 ее президент, член-корреспондент РАН с 1911. О надзоре Ленинградского представительства ОГПУ за настроениями в РАН, в том числе во время юбилея 1925, см.: *Купайгородская А. П. Ученые под наблюдением органов политического контроля (Ленинград, 20-е годы) // Проблемы всемирной истории: Сборник статей в честь А. А. Фурсенко.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 229—236.

Совсем по-иному складывались отношения РАН и НКИД, где «юбилейное дело» курировал зам. наркома Максим Максимович Литвинов (1876–1951), в отличие от «государственников» Чичерина и Красина имевший репутацию «партийного» дипломата и ориентировавшегося на западную социал-демократию⁹³. Его зависимость от мнения германских соратников академики уже успели почувствовать ранее. Когда весной 1925 года в немецкой социал-демократической печати появились критические статьи об избрании в декабре 1924 года иностранным членом-корреспондентом РАН исламоведа Карла Беккера (1876–1933), «реакционного» прусского министра просвещения, Литвинов немедленно информировал Наркомпрос «о неприятном впечатлении» от «новейших назначений (! — М. С.) Академии наук в Ленинграде» и запросил, согласовались ли они с ним⁹⁴. Наркомпрос с готовностью подтвердил влиятельному заместителю Чичерина, которого многие считали реальным хозяином НКИД, что Академия своевольно избирает своих иностранных членов и такой порядок совместными усилиями НКП и НКИД необходимо изменить⁹⁵.

Действительно, в отличие от ОГПУ и НКП, НКИД более пристально занимался изучением списков РАН. Персональный список был отправлен на рецензирование в страноведческие отделы НКИД, ответы которых были положительными⁹⁶; только подотдел Балканских стран назвал «безусловно нежелательным» приезд трех славистов — В. Н. Златарского и Л. Милетича (Болгария) и А. Белича (Королевство сербов и хорватов)⁹⁷; во второй половине апреля Коллегия НКИД в целом одобрила списки РАН. Однако в начале мая она приняла три важные поправки к апрельскому постановлению: 1. согласовать персональный список с советскими полпредами, запросив у них дополнительные кандидатуры⁹⁸, причем из беседы Стеклова с Литвиновым выяснилось, что НКИД запретил рассылку приглашений иностранным ученым по персональному списку до получения отзывов из полпредств⁹⁹; 2. исключить из числа приглашаемых болгарских, румынских и швейцарских ученых¹⁰⁰ и 3. пополнить список монгольскими представителями¹⁰¹. Позиция НКИД по расширению списка приглашаемых была поддержана Юби-

⁹³ О ситуации в НКИД, изнутри раздираемом конфликтом между наркомом Г. В. Чичериным и его заместителем М. М. Литвиновым, см.: *Соколов В. В.* Неизвестный Г. В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 3–18, а также: *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. А2307 (Главнаука). Оп. 7. Д. 23. Л. 376 (М. М. Литвинов — В. Н. Яковлевой 15 апреля 1925).

⁹⁵ ГАРФ. Ф. А2307 (Главнаука). Оп. 7. Д. 23. Л. 377 (В. Н. Яковлева — М. М. Литвинову 17 апреля 1925).

⁹⁶ Подотдел Среднего Востока сомневался в необходимости приезда английских и американского индологов А. Стейна, Ф. Томаса и Ч. Р. Ленмэна (Досье «Юбилей АН». Л. 38.), а подотдел Дальнего Востока отметил отсутствие ученых из азиатских стран и предложил свои кандидатуры (Досье «Юбилей АН». Л. 39).

⁹⁷ Досье «Юбилей АН». Л. 35.

⁹⁸ Письмо НКИД в полпредства опубликовано: Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 283–284. В 1-м варианте, позднее отвергнутом, НКИД запрашивал не только новые кандидатуры ученых, но и публицистов и общественных деятелей (Досье «Юбилей АН». Л. 11).

⁹⁹ АРАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 13. Л. 191.

¹⁰⁰ Швейцария бойкотировалась СССР после убийства полпреда В. В. Воровского, Болгария и Румыния как страны с «кровавыми», антикоммунистическими режимами.

¹⁰¹ Досье «Юбилей АН». Л. 51.

лейной комиссией СНК СССР. «Тройке» Литвинов—Ягода—Горбунов поручили окончательно согласовать список¹⁰².

Неожиданная перспектива увеличения количества иностранных гостей вызвала острые разногласия в юбилейном комитете РАН, где каждый академик стремился расширить представительство своей дисциплины. Стеклов предложил включить более 40 сейсмических, геологических, метеорологических и других естественно-научных учреждений, а также Институт Карнеги и три университета Канады, где незадолго до этого побывал. В ответ академик-секретарь ОИФ Крачковский выставил свой список — из более, чем 20 восточных музеев, библиотек, университетов¹⁰³. Мнение же ОРЯС вообще никого не интересовало — ни в самой РАН, ни в «инстанциях». Между тем, оказалось, что спор Стеклова и Крачковского за представительство «своих» был беспочвенным — оба списка в полном объеме были включены НКИД в число приглашаемых.

К концу мая стали приходиться ответы из полпредств. Критерий оценки кандидатов НКИД точно выделил еще в запросе наличие сведений, «что тот или иной из перечисленных ученых известен активными выступлениями против Советской Власти или относится к ней определенно враждебно»¹⁰⁴. Полпред в Германии Н. Н. Крестинский, хотя и назвал «реакционерными и консерваторскими» В. Нернста, М. фон Лауэ и А. Е. Лагорио, но подчеркнул, что против Советской власти они не выступали. Полпредство в Норвегии (А. М. Коллонтай) констатировало, что все указанные ученые «известны с лучшей стороны»: о Ф. Нансене «всего и говорить», В. М. Гольдшмидт — беспартийный с некоторым уклоном в пользу рабочей партии и т. д.¹⁰⁵ Полпредство в Дании (Е. Рубинин) отметило, что «за исключением Н. Бора, известного своими радикальными взглядами, остальные вообще в политической жизни участия не принимают»¹⁰⁶. В итоге оказалось, что практически никто из иностранных членов РАН в выступлениях против Советской власти замечен не был. Единственной жертвой НКИДовской проверки стал избранный представителем Норвежской АН славист Олаф Брок, которому не прошли критичной книги об СССР¹⁰⁷.

В то же время реакция полпредств совпала в общей оценке приглашаемых, сформулированной советником полпредства в Италии А. М. Макаром: «Имена по наведенным справкам вполне приемлемы, но, конечно, недостаточны». И как будто зная о том, что происходит в РАН, добавил: «Хотя у нас и Советская власть, но ограничить приглашения на празднование одними математиками (“социализм — это учет”) и семитологами не следует»¹⁰⁸.

Дополнять дипломаты предлагали теми, кого считали «подлинными» друзьями — прежде всего членами обществ «новой России», «сближения с СССР» и т. п., которых

¹⁰² ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

¹⁰³ Досье «Юбилей АН». Л. 114—117.

¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 165. Папка 127. Л. 54.

¹⁰⁵ Досье «Юбилей АН». Л. 122.

¹⁰⁶ Досье «Юбилей АН». Л. 109.

¹⁰⁷ Технологию «отказа» разработал сам М. М. Литвинов, использовавший для дискредитации Брока норвежскую социал-демократическую печать. После кампании в прессе Брок сам отказался от поездки СССР (Досье «Юбилей АН». Л. 264). Отмечу, что решение советских дипломатов поддерживал Ф. Нансен (ГАРФ. Ф. А2307 (Главнаука). Оп. 7. Д. 12. Л. 253 (из письма и.о. зав. Главнаукой А. П. Пинкевича С. Ф. Ольденбургу от 29 августа 1925). В январе 1949 О. Брок вместе с Нобелевскими лауреатами Г. Дейлом и Г. Меллером попадет в тройку первых исключенных из АН СССР иностранных членов.

¹⁰⁸ Досье «Юбилей АН». Л. 139.

лоббировало через своих зарубежных уполномоченных, часто рекрутируемых из польских работников, стремившееся активно вмешиваться в организацию юбилея РАН Всесоюзное Общество по культурным связям с границей (ВОКС)¹⁰⁹.

В децентрализованной системе международных связей СССР в эти годы ВОКС отвечало и опиралось преимущественно на левую интеллигенцию. Однако именно известная политическая ангажированность ВОКСовских креатур приводила к тому, чего так боялись академики: их старые зарубежные коллеги стали отказываться или молча игнорировать приглашения. Так, из-за слухов о поездке в Ленинград делегации чехословацкого «Общества сближения с новой Россией» и его председателя «левого» профессора З. Неелды, на юбилей из более, чем двадцати приглашенных чехословацких ученых, приехали только четверо.

Можно резюмировать, что, несмотря на активную переписку с полпредствами в течение всего лета 1925 года, влияние советских дипломатов на окончательное количество и состав иностранных гостей было очень незначительным. Большинство полпредств работали в странах пребывания один-два года и были плохо осведомлены о местной научной и культурной жизни. Отправляемые ими сведения часто носили неопределенный характер, а предлагаемые кандидаты уже были заявлены в списках РАН. По сравнению с первоначальным вариантом расширение списков произошло за счет только двух существенных изменений: полного включения списков Стеклова и Крачковского и добавления по предложению полпредств представителей научно-учебных учреждений ряда азиатских стран (прежде всего Японии и Монголии). В то же время неоднократные попытки ВОКС вмешиваться в процесс формирования зарубежных научных делегаций имели прямой негативный эффект и действовали против желания РАН и советских властей видеть в СССР максимальное количество иностранных ученых.

«Завести новые связи»

В отличие от своих русских коллег¹¹⁰, часть европейских ученых весьма активно влияла на состав участников поездки в СССР, равно энергично взаимодействуя со своими правительствами, советскими полпредствами и РАН. Так, в полпредства СССР в Берлине и Риме регулярно поступали письма от немецких и итальянских ученых о необходимости субсидирования их поездки советским правительством¹¹¹, а полпред СССР в Италии П. М. Керженцев прямо писал Ольденбургу, что для приезда итальянцев надо их материально поддержать¹¹².

¹⁰⁹ Его возглавляла Ольга Давыдовна Каменева, родная сестра Л. Д. Троцкого.

¹¹⁰ Из всего массива официальных документов мне удалось найти только 4 случая инициирования приглашений иностранцам русскими академиками: историк С. Ф. Платонов просил за председателя Польской делегации по исполнению Рижского договора Э. Кунце, уполномоченного польской делегации В. И. Суходольского и профессора Берлинского университета К. Штелина; географ Л. С. Берг — за директора Французского института в Праге А. Фишеля; А. П. Карпинский по просьбе В. Г. Хлопина — за радиологов О. Хана, Ф. Панета и Л. Мейтнер (Берлин), С. Мейера (Вена); В. Н. Ипатьев — за берлинского профессора Н. Каро (ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 24, 27, 65; Д. 9. Л. 137; Д. 10. Л. 190). Всем им приглашения были направлены.

¹¹¹ Досье «Юбилей АН». Л. 147; АВП РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 165. Папка 127. Л. 62; ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 10. Л. 172.

¹¹² ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 10. Л. 172.

В СССР хорошо понимали, что хотя «сближение» вещь «очень духовная», но без материальных ресурсов достигнуть его не удастся¹¹³. Однако финансирование европейцев поначалу не предусматривалось Горбуновым; субсидии выделялись лишь для ученых азиатских стран¹¹⁴, которым из резервного фонда СНК СССР возмещали путевые расходы¹¹⁵. Однако по мере приближения торжеств, когда становилось все более понятно, что «наплыва» гостей не будет, организаторы юбилея предприняли новые усилия, чтобы сделать его материально привлекательным для всех потенциальных участников: Наркомат внешней торговли выпустил распоряжение о таможенных льготах для иностранцев¹¹⁶; СНК СССР издал постановление о бесплатном визировании их паспортов и бесплатном проезде в спальных вагонах и каютах 1-го класса; для иностранцев ввели льготы по международным телефонным переговорам и пересылке корреспонденции внутри СССР¹¹⁷.

В конце августа был установлен размер совнаркомовской субвенции для гостей: 500 долларов для «отдаленных» (азиатских) и 300 — для «близких» (европейских) стран¹¹⁸. Поименные списки получивших ее ученых найти не удалось, однако и по сохранившимся отрывочным данным тенденцию выбора можно уловить. Если приоритетное для большевиков восточное направление субсидировалось полностью, то в число ученых из «близких стран» попали те участники юбилея, которые имели личные связи с академиком Стекловым, прежде всего итальянские¹¹⁹.

Участие в беспрецедентно открытом юбилее РАН давало потенциальную возможность всем зарубежным ученым восстановить в полном объеме старые контакты, установить новые, а учитывая стремление советских ученых и властей к перспективным долгосрочным программам сотрудничества, закрепиться в СССР на многие годы вперед. Между тем, реакция европейских и американских ученых на приглашение РАН довольно ясно показала, во-первых, реальную заинтересованность в развитии связей с русской наукой, а во-вторых, значительную зависимость ученых от политических ситуаций в их странах.

Так, в Италии, где с приходом к власти Б. Муссолини ожили и получили поддержку национальные научные институты, заинтересованным в поездке в СССР ученым без труда удалось поставить этот вопрос на уровень национального представительства страны и инициировать приглашение в СССР итальянского министра просвещения, о чем в частном письме Стеклову просил профессор Туринского университета Г. Фубини¹²⁰. Параллельно ректор Римского университета Ф. Севери говорил об этом с полпредом Керженцевым¹²¹. Совместный демарш Стеклова и его итальянских коллег достиг цели: хотя итальянский министр не появился в СССР, но сами итальянцы, получив субсидию советского правительства, приехали в Ленинград в полном составе.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 5283 (ВОКС). Оп. 7. Д. 1. Л. 240б. (уполномоченный ВОКС С. Б. Членов — О. Д. Каменевой 23 мая 1925).

¹¹⁴ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 8. Л. 1—1 об. В этот список вошло 20 ученых Алжира, Египта, Ближнего Востока, Японии, Индии и Турции (Досье «Юбилей АН». Л. 120—121).

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 5а. Д. 703. Л. 2, 8.

¹¹⁶ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 1. Д. 13. Л. 105; ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 71 об.; Ф. 162 (В. А. Стеклов). Оп. 3. Д. 7. Л. 50—50об.

¹¹⁸ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

¹¹⁹ ПФА РАН. Ф. 162 (В. А. Стеклов). Оп. 3. Д. 7. Л. 116.

¹²⁰ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 30—30об.

¹²¹ Там же. Д. 10. Л. 173.

Напротив, во Франции «от имени» французских ученых стремился выступать министр просвещения А. де Монзи. На встрече с Красиным он заявил, что не только лично оскорблен фактом рассылки приглашений помимо него как министра, но и что многие французские ученые откажутся от поездки на юбилей, увидя в этом стремление обойти французское правительство¹²². За этим заявлением министра скрывалось соперничество нескольких групп французских ученых за монопольное представительство во франко-советских научных отношениях, о чем в письме академику Лазареву рассказывал Ж. Патуйе (Patoillet), бывший директор Французского института в Петрограде, а в 1925 году профессор Лионского университета¹²³. Соперничество это было настолько острым, что Патуйе просил немедленно уничтожить письмо.

И хотя по просьбе Красина Коллегия НКВД санкционировала решение «о приглашении на юбилей *министров просвещения всех стран*»¹²⁴, французы вообще проигнорировали юбилей РАН¹²⁵, используя для этого громкую кампанию в прессе, объявившей Ольденбурга и Ферсмана германофилами и большевиками. Обвинение в непатриотизме было очень весомым в послевоенной Европе и никто из французских ученых, за исключением личного друга Ольденбурга, индолога С. Леви и сиолога П. Пеллю, не рискнул связываться с дискредитированными в общественном мнении Франции «советскими» академиками с немецкими фамилиями.

Немецкие ученые заняли позицию, прямо противоположную французской. Основную мотивацию поездки на юбилей точно сформулировал Ф. Шмидт-Отт¹²⁶; в то же время некоторые немецкие ученые прямо объясняли желательность поездки необходимостью содействуя удерживающей свои позиции в РАН «немецкой партии»¹²⁷.

Образ Академии наук как реакционного «немецкого» или «пронемецкого» сообщества с антирусскими тенденциями, противостоящего «демократической» науке университетов, сложился в российском общественном мнении еще в XIX веке и активно эксплуатировался против Академии¹²⁸. В действительности, такая репутация была со-

¹²² Досье «Юбилей АН». Л. 157, 158.

¹²³ АРАН. Ф. 459 (П. П. Лазарев). Оп. 4в. Д. 183. Л. 9—10об.

¹²⁴ АВР РФ. Ф. 0136 (Референтура по Франции). Д. 131. Папка 107. Л. 2. Курсив мой — М. С. К 25 июля уточнили, что речь должна идти все-таки о министрах 13-ти европейских стран (Австрии, Германии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Великобритании, Италии, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши и Швеции), а также Китая, Греции, Мексики, Монголии, Персии, Турции и Японии, которым и были направлены приглашения РАН (ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 10. Л. 167—167об., 168.). Идея глобализации юбилея РАН и превращения его в «истинный Интернационал науки», который мог «выйти только из Москвы, где бьется сердце Коминтерна и Профинтерна» (А. В. Луначарский), импонировала большевистским руководителям. Политбюро ЦК РКП(б) санкционировало приглашение на юбилей президента не признававшей СССР Чехословакии Томаша Г. Масарика (РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 509. Л. 2; Есаков, 2000. С. 36—37. (Подробнее об этом см.: Сорокина, 2000) и премьер-министра Франции, известного математика и иностранного члена-корреспондента РАН Поля Пенлеве (РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 513; Есаков, 2000. С. 39—40).

¹²⁵ Подробнее см.: Сорокина, 1999. С. 64—65.

¹²⁶ Цит. в переводе по: Grau, 1966. S. 175.

¹²⁷ Grau, 1966. S. 174. Конечно, сведения о ней были бесконечно далеки от реальности, но наличие такой мотивации само по себе весьма показательно.

¹²⁸ Об этом см.: А. Усичинич. Ibid. P. 41—46 etc.; V. Tolz. Ibid. P. 6—7; Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. С. 188; Трохачев С. Ю. Немцы и русские в Академии наук первых лет XIX в. // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 92—98; Старостин Б. А. Указ. соч.

вершенно беспочвенной. «Во главе "немецкой" партии Академии наук стоял К. Веселовский, а главой "русской" был барон Розен», — с глубокой иронией замечал академик Вернадский¹²⁹, но представление о русских академиках как ученых «немецкой ориентации» продолжало оставаться живучим и среди советских чиновников и у зарубежных коллег. В 1920-е годы оно подпитывалось активным стремлением немецких ученых восстановить свои утраченные позиции в России. Именно они стали инициаторами возобновления связей с русскими коллегами сразу после подписания Брестского мирного договора (март 1918)¹³⁰. Предложения об установлении контактов с РАН поступали из Германии постоянно¹³¹. Вскоре они были подкреплены сигналами и от большевистского правительства, чьи политические, идеологические и экономические интересы в это время были тесно связаны с Германией. Политически изолированные на международной арене решениями Версальского договора (1919), Россия и Германия по необходимости сближались и в апреле 1922 года в Рапалло был подписан двусторонний договор, положивший официальное начало отношениям между бывшими противниками.

Еще до его заключения, в феврале 1922 года, Ольденбург был вызван Президиумом Коллегии НКП РСФСР для переговоров «по установлению связи» между РАН и пятью Академиями Германии¹³². Однако претендуя на роль выразителя интересов всей российской науки и рассчитывая на членство в Международном исследовательском совете¹³³, лидеры РАН достаточно осторожно шли на прямые официальные контакты с германскими Академиями.

Напротив, немецкие научные администраторы стремились наращивать интенсивность контактов со всеми советскими структурами — научными, общественными, дипломатическими и т. д. Так, когда в Берлине обнаружили, что Общество изучения Восточной Европы не получило приглашения на юбилей РАН, его представители сами обратились в советское полпредство, где, по словам А. Штанге, секретаря полпредства и уполномоченного ВОКС, хорошо знали, что общество «проводит к нам благожелательную политику и неоднократно оказывало услуги <...>, не говоря об его общей полезной для нас деятельности»¹³⁴. Особый статус Общества среди германских связей советского полпредства и ВОКС подчеркивался в письме председателя ВОКС О. Д. Каменевой С. Ф. Ольденбургу: «Общество это и в период политического конфликта в прошлом году не прерывало своей деятельности по сближению между русской и германской научно-культурной

¹²⁹ BAR. Coll. Rodichev family. В. 4 (письмо В. И. Вернадского Ф. И. Родичеву от 22 апреля 1928).

¹³⁰ Иоффе, 1975. С. 44. См. также: *Муравьев Ю. П.* Советско-германские культурные связи в период Веймарской республики // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 5. С. 55–62; *Муравьев Ю. П.* Советско-германские связи в годы Веймарской республики // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. № 5. С. 177–200; *Космач В. А.* Советская Россия в германской внешней культурной политике в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) // Россия и Германия. Вып. 1. М.: Наука, 1998. С. 262–280.

¹³¹ Протоколы Общего собрания РАН. 1918. П. 319.

¹³² Протокол Общего Собрания РАН. 1922. 11 февраля. П. 44.

¹³³ Стремление русских академиков восстановить и расширить свое влияние в международных научных организациях наталкивалось на ограничения в их членстве. Под давлением представителей Франции, Великобритании и еще ряда стран Устав созданного в 1918 Международного исследовательского совета (МИС) запрещал прием в него научных организаций Германии и ее союзников в мировой войне; Россия также была исключена из сформированного в 1919 списка участников МИС. Между тем, без членства России в этой организации ни РАН, ни какая другая российская научная ассоциация или союз не могли быть приняты в другие отраслевые международные научные союзы.

¹³⁴ АВР РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 165. Папка 127. Л. 61.

работой»¹³⁵. Здесь же персонально перечислялись имена деятелей Общества, которых было необходимо пригласить: профессора О. Гетч, Ф. Шмидт-Отт, Ганиш. В известном смысле Шмидт-Отт, фактически возглавивший немецкую делегацию на юбилее РАН, в СССР привез себя сам и сам предложил себя и возглавлявшиеся им структуры в качестве главного посредника в немецко-советских научных контактах. В российских архивах мне не удалось обнаружить ни одного документа, который хотя бы косвенно говорил о том, что с советской стороны двусторонняя советско-германская встреча «на высшем уровне» 7 сентября планировалась или предполагалась заранее. Скорее всего, это была импровизация или домашняя заготовка немецких гостей, прежде всего самого Шмидт-Отта. Возможно, характерный пример таких «импровизаций» демонстрирует рассказанная академиком С. Ф. Платоновым история о том, как на юбилейном банкете секретарь Общества Восточной Европы Х. Ионас просил его устроить Шмидт-Отта за центральный стол вместе с Президиумом Академии и почетными гостями¹³⁶; в контексте шмидт-оттовского «движения на восток» история эта кажется очень реалистичной.

Отмечу, что и многие другие немецкие ученые стремились приехать в СССР и восстановить свои русские связи. Несмотря на то, что германский МИД жестко контролировал процесс подготовки университетов к поездке, вплоть до запрета на оформления виз в СССР¹³⁷, уже к середине июля в Ленинграде было получено из Германии 14 положительных ответов от отдельных ученых и 17 — от учреждений¹³⁸.

В свою очередь в условиях продвижения Германии «на Запад», к заключению Локарнского соглашения (октябрь 1925 г.), означавшего ее возвращение в европейское сообщество, большевистское руководство внимательно и ревниво следило за всеми шагами Германии на сторону «от» СССР, в том числе за реакцией германского МИД и ученых на приглашение РАН. О неоднократных визитах в советское полпредство в Берлине немецких профессоров (ректор Берлинского университета Хольб и 24 июля, М. Планк и Г. Людерс 22 июля)¹³⁹, не без влияния германского МИД связывавших возможность поездки с вынесением оправдательного приговора трем немецким «студентам-фашистам», обвинявшимся в подготовке убийства И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин информировал всех членов Политбюро и Коллегии НКВД¹⁴⁰.

¹³⁵ ПФА РАН Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 8. Л. 122. См. также Л. 121, 217.

¹³⁶ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 52, 140 (далее — Академическое дело). Эта история была рассказана Платоновым в показаниях на следствии по «делу Академии наук». Разумеется, я отдаю себе отчет в том, насколько тенденциозно, а местами абсолютно фантастично, это сфабрикованное следственное дело. Однако совершенно отказать ему в праве быть источником нельзя, см.: *Ананьич Б. В., Паняев В. М.* «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. 2 (120). М.: Наука, 1999. С. 338—350.

¹³⁷ Подробнее об этом: Ludloff, 1956/57. S. 709—721; Grau, 1966. S. 172—177.

¹³⁸ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 10. Л. 51, 85, 155. В итоге из Германии приняли приглашения 20 учреждений: Академии наук в Берлине, Гейдельберге и Лейпциге; 12 (из 23) университетов (Берлин, Бонн, Бреславль, Галле, Гамбург, Гейдельберг, Геттинген, Кенигсберг, Лейпциг, Мюнстер, Мюнхен, Йена), Научное общество Кенигсберга и Геттингена, Общество изучения Восточной Европы; Геологическое управление (Берлин) и Прусский метеорологический институт.

¹³⁹ Досье «Юбилей АН». Л. 163—164, 169—172.

¹⁴⁰ Досье «Юбилей АН». Л. 180—181. Несомненно, Г. В. Чичерин, один из главных сторонников советско-германского связей, сам был заинтересован в изменении смертного приговора студентам и также использовал ситуацию в своих целях.

В конечном итоге вопреки желанию германского МИД и неожиданно для русских академиков Ф. Шмидт-Отг стал главой самой большой национальной делегации на юбилее — из Германии приехало 28 ученых (с учетом сопровождающих 39 человек). Другие страны оказались представлены существенно скромнее: Италия — 8 человек (с учетом сопровождающих 16), Англия — 7, Швеция — 6, Япония — 5, по 4 участника из Франции и Чехословакии, по 3 из США, Индии, Испании, по 1 из Китая, Турции, Бельгии, Голландии, Дании, Венгрии и др.¹⁴¹

«О современной России — или ничего или наше»¹⁴²

Отсутствие ожидаемого количества иностранных гостей не сказалось на программе юбилея, который был проведен в полном объеме и с запланированным размахом. В СССР все стремились внести свою лепту в организацию грандиозного научного форума «*Интернационала науки*». В Ленинграде пускали дрожжевой завод и ходатайствовали о присвоении ему имени Академии наук. В честь юбилея выпустили марку, Академию приветствовали самаркандские евреи, Фарфоровый завод и «Казанская республика». Пресса сообщала, что в связи с приближением юбилея на ленинградских кладбищах приступили к поиску могил скончавшихся академиков. Именитый пушкинист Б. Л. Модзалевский нашел правнучку М. В. Ломоносова — 13-летнюю пионерку Нину Быкову и просил предоставить ей место на юбилейных торжествах.

Младший персонал Академии обеспечили новой форменной одеждой. Для украшения академического Конференц-зала из Москвы выписали красное сукно и три алые скатерти, Юбилейный комитет РАН сделал специальное распоряжение о приобретении бюста Ленина в Академии художеств¹⁴³, причем выбрать подходящий поручили непосредственно президенту и вице-президенту РАН¹⁴⁴. Стиль был нарушен только однажды: выбирая, в какой цвет покрасить здания Академии, остановились на оранжевом — «елизаветинском» цвете Академии.

Многие из иностранных ученых, особенно те, кто был лично заинтересован в контактах с Россией, впоследствии и в частных беседах, и в прессе положительно отзывались о происходивших в СССР изменениях и особенно о поддержке науки советским правительством. Профессор Брюссельского университета, математик К. Люркен написал столь дружественную СССР брошюру о юбилее, что ВОКС издало ее на свои деньги¹⁴⁵. Французский индолог С. Леви с одобрением рассказывал о переходе СССР в стадию государственного социализма; американский историк Ф. Голдер отметил, что «крестьянин <...> уже сейчас <...> чувствует себя в общем лучше, чем при царском режиме»¹⁴⁶. И даже немецкий историк античности Э. Майер, до поездки настроенный резко критично по отношению к Советам и активно выступавший против поездки немецких ученых на юбилей, вернувшись в Германию, заявил в журнале «*Deutsche Rundschau*», что новая власть в России пришла всерьез и на-

¹⁴¹ Документы по истории АН. С. 328; мои уточнения по: ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 13. Л. 72.

¹⁴² АРАН. Ф. 1759 (М. Н. Покровский). Оп. 4. Д. 38. Л. 2 (из письма М. Н. Покровского О. Д. Каменевой).

¹⁴³ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

¹⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 12 (Юбилейный комитет РАН). Оп. 1. Д. 2. Л. 29 об.

¹⁴⁵ Un Jubile Académique et Pays des Soviets. Bruxelles, 1926; ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 37. Д. 1. Л. 205.

¹⁴⁶ ВАР. G.Vernadsky Coll. В. 12 (письмо В. И. Вернадскому сыну от 10 ноября 1925).

долго, и высказался за максимальное расширение германо-советских научных контактов¹⁴⁷. Напротив, попавший в категорию «нежеланных» славянских гостей чешский славист М. Мурко рассказывал, что условия работы ученых очень тяжелы, печатать в области славистики и древнерусской литературы почти ничего не удастся¹⁴⁸.

Тем не менее, нужного и ожидаемого большевиками громкого международно-го резонанса не было, о чем свидетельствовали собранные полпредствами и ВОКС материалы зарубежной прессы. Планировавшееся Горбуновым издание обзора иностранной печати о юбилее пришлось отложить, а потом и вовсе отдать в руки ВОКС, где он исчез¹⁴⁹. Том юбилейных материалов, подготовленный РАН, также не был издан.

Первые международные итоги юбилея Стеклов и Ольденбург резюмировали в докладе Горбунову 24 сентября: представители восьми стран (Германия, Япония, Франция, Италия, Китай, Дания, США и Монголия) выразили желания возобновить прежние отношения. На фоне полученных предложений, сводившихся в основном к реализации индивидуальных планов зарубежных ученых, связанных с потребностью работать на территории СССР, привлекательно выделялось предложение Шмидт-Отта — о «совместной работе русской и германской науки»¹⁵⁰. Идея совместной работы двух «национальных» наук была поддержана в СССР. Ее абстрактная формулировка открывала перспективу своего конкретного наполнения для всех советских организаций и их патронов — от Коммунистической Академии и ВОКС до СНК СССР, АН СССР и ведомственной науки, независимо от того, какое именно содержание они вкладывали в понятие «наука».

28 сентября председатель «Комиссии Политбюро по руководству празднованием юбилея Всесоюзной Академии наук» Милютин докладывал лично И. В. Сталину «о результатах переговоров с иностранными учеными»¹⁵¹; итоговый доклад его Комиссии был направлен Милютиным в ЦК РКП(б) «для сведения» лишь месяц спустя — в конце ноября 1925 года¹⁵². Его текст почти дословно повторял сентябрьский доклад академиков Горбунову: комакадемических деятелей интересовал контроль над Академией и ее связями, а не их содержание. Политбюро ЦК РКП(б) санкционировало дальнейшие переговоры АН СССР с зарубежными коллегами под контролем «Комиссии для связи и наблюдения за работой Академии наук»¹⁵³, окончательно зафиксировав новую конфигурацию «сталинской науки».

¹⁴⁷ Перевод статьи Э. Майера на русский язык сохранился в фонде М. Н. Покровского (АРАН. Ф. 1759. Оп. 5. Д. 48. Л. 2–30).

¹⁴⁸ VAR. G. Vernadsky Coll. B. 84 (из письма Г. В. Вернадского отцу 3 октября 1925).

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 37. Д. 1. Л. 209 об. Однако в мае 1926 Н. П. Горбунов воспрепятствовал публикации работы ВОКС. Текст обзора сохранился, см.: Там же. Л. 219–235.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5446 (СНК). Оп. 37. Д. 62. Л. 1–3; частично опубликован в: Международные научные связи АН. С. 229–231.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 84. Д. 1046. Л. 150. В опубликованных «Сводках приема И. В. Сталиным посетителей за 1925–1928 гг.» нет указания на обсуждавшиеся вопросы (Исторический архив. 1999. № 4. С. 8). О конкретном содержании этого доклада пока сведений нет.

¹⁵² См.: Есаков, 2000. С. 42–44.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 526. Л. 5; Есаков, 2000. С. 41. Постановление Политбюро опубликовано в: «Наше положение хуже каторжного»: Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 110–111. Состав комиссии утвержден Политбюро опросом 19 ноября 1925: председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов (председатель), А. В. Луначарский, В. П. Милютин, Н. П. Горбунов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.

Завершение юбилейной кампании открывало новую страницу в истории Академии наук — теперь уже СССР. Академик Стеклов, во время проливного дождя сопровождавший при осмотре Кремля иностранных гостей юбилея, сильно промок и с сентября 1925 года постоянно чувствовал себя больным. Лечение в Италии не помогло и 30 мая 1926 года он умер. В новой истории новой Академии главными героями должны были стать и новые люди.

Заключение

Организация 200-летнего юбилея РАН стала первым опытом полномасштабного взаимодействия двух «советских» элит — научной и партийно-государственной. Каждая из этих групп еще находилась в стадии становления, но их лидеры уже вполне сознавали возможные преимущества такого союза и в дальнейшем проблемы РАН — от реформирования до заграничных поездок академиков и их награждения — почти всегда будут решаться непосредственно на заседаниях Политбюро. Интерференция внутренних и внешних интересов научной и государственной элит стала важным фактором постепенного утверждения с середины 1920-х годов новой для России концепции «национальной науки», двуединой опорой которой были представления о науке как сфере государственного приоритета и о государстве как главном источнике процветания науки.

Общие цели преодоления политической и культурной изоляции и общая в главных чертах научно-организационная стратегия позволили академикам и их властным патронам без особого труда принять и общую концепцию и программу проведения академического юбилея, предложенную академиками, и также совместно его подготовить и провести. Скрывавшиеся под покровом общности идеологические и политические разногласия, а также личные антипатии организаторов «новой науки» еще не мешали их взаимодействию настолько, чтобы сорвать одинаково необходимую и Академии, и ее покровителям и оппонентам общую пропагандистскую акцию.

Международное значение юбилея как «открытой сцены» для завязывания новых и укрепления старых, но теперь уже партнерских, отношений превалировало в глазах и большевиков и академиков. Несмотря на то, что списки зарубежных участников, подготовленные РАН, опирались, прежде всего, на формально-процедурный подход (членство в РАН), они были подвергнуты политической и идеологической цензуре, которую осуществлял в это время НКВД. Попытки его руководителей влиять на состав зарубежных участников привели, вопреки пессимистичным ожиданиям академиков, не к уменьшению, а к увеличению количества участников за счет представителей азиатских стран; в то же время, несмотря на проверку приглашаемых РАН зарубежных ученых «на лояльность» Советам, практически никто из них отсеян не был.

В отличие от НКВД, вмешательство претендовавшего на монополию в зарубежных культурных связях и известного своей «левой» ориентацией ВОКС существенно осложнило в ряде стран формирование делегаций. Откровенная демонстративность подхода ВОКС к научному юбилею как своего рода политическому бизнесу отпугивала многих политически нейтральных или желавших выглядеть такими западных ученых.

Д. 531. Л. 9). Характерно, что в дальнейшем она именовалась и «Комиссией по укреплению научной связи АН с иностранными научными учреждениями», и «Комиссией по международным научным связям и по работе АН СССР».

В свою очередь симметричная контрпропаганда в ряде европейских стран, прежде всего во Франции, где были сильны позиции русской политической эмиграции, также сыграла значительную роль в том, чтобы превратить юбилей РАН в глазах ученых исключительно в политическое шоу. Успех этой контрпропаганды привел к тому, что самой многочисленной и представительной национальной делегацией на юбилее РАН оказалась немецкая, которая сумела в полной мере использовать предоставившейся ей шанс для закрепления на, казалось бы, утраченном русском плацдарме.

Наконец, нельзя не отметить и еще одно обстоятельство. Грандиозный размах академических торжеств был столь же неожидан для многих русских ученых, как и для посторонних наблюдателей. Его прямым следствием стало то, что, по словам академика Платонова, «академическая среда <...> почувствовала себя радикально освеженной и изменила настроение в сторону большей научной активности», а юбилей в целом способствовал оживлению интереса к Западу¹⁵⁴.

* * *

Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить за советы и критику этой работы Сьюзан Соломон и Николая Кременцова; за большую помощь в сборе материалов Александра Потемкина и сотрудников Архива внешней политики РФ МИД РФ, Петербургского филиала Архива РАН и его бывшего заведующего В. С. Соболева.

¹⁵⁴ Академическое дело. С. 107—108, 110, 133, 200.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ: ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗООЛОГИ — ЭМИГРАНТЫ

S. I. Fokin. Different fates. Zoologists of St.-Petersburg — emigrants. The short version of life stories for five graduates of Saint-Petersburg University who left Russia after 1917 is presented in the publication. The majority of the persons (Metalnikoff, Davidoff, Uvarov and Hoare) are world-renowned scientists who did a lot in different fields of biology and opened by own investigations a new perspectives in the science. For Professor S. I. Metalnikoff, Doktor V. M. Schutz and Academician C. A. Hoare the first attempt to make an adjusted and sequencing biography is given. In the article a number of archive materials and unknown citations from the emigrants personal letters to Russia were used. The text is illustrated by rare or unpublished photos of the heroes.

Санкт-Петербург часто называют культурной столицей России. До 1918 года, в течение двух веков, он был и фактической столицей Российской империи, а Санкт-Петербургский университет, расположенный в здании петровских двенадцати коллегий, в свою очередь, являлся главным университетом страны. Созвездие имен, связанных с университетом, воистину впечатляет: знаменитые ученые, поэты, художники, писатели, общественные деятели¹. Многие научные школы зарождались именно здесь. Так, возникновение и развитие отечественной научной школы зоологии беспозвоночных в большой мере связаны с подразделением университета, известным как зоотомический кабинет.

Зоотомический кабинет естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета был образован в 1871 году при разделе зоологической кафедры. Отцом-основателем его был крупный зоолог, ректор университета, профессор К. Ф. Кесслер (1815—1881). Как специалист, он интересовался преимущественно позвоночными животными, и при образовании на базе кафедры зоологии двух кабинетов — зоологического и зоотомического — Кесслер остался главой первого. Профессором зоотомии был приглашен из Казанского университета первооткрыватель педогенеза у насекомых Н. П. Вагнер (1829—1907). С тех пор и по настоящее время зоотомический кабинет (теперь кафедра зоологии беспозвоночных СПбГУ) был и остается крупнейшим отечественным центром подготовки специалистов в самых разных областях этого раздела зоологической науки.

Особенно много для совершенствования преподавания и развития научной работы в стенах кабинета сделал приемник Вагнера, всемирно известный протозоолог и крупный организатор высшего образования в России, профессор В. Т. Шевяков (1859—1930). С 1894 по 1911 год, когда он заведовал кабинетом, преподавание зоологии беспозвоночных в университете значительно улучшилось. Шевяковым была проведена полная реорганизация учебного процесса и переоборудование кабинета по образцу зоологического института Гейдельбергского университета (Германия), где Шевяков учился и работал с 1885 по 1894 год². Современники признавали, что зоотомический кабинет при Шевякове, несомненно, стал лучшим в России учреждением подобного рода.

Усилия заведующего кабинетом и его сотрудников привели к прекрасным результатам. За годы руководства кафедрой Шевяковым ее закончили М. П. Римский-Корсаков, С. И. Метальников, П. П. Иванов, К. Н. Давыдов, С. В. Аверинцев, В. Д. Зеленский, В. А. Догель, Ю. А. Филипченко, И. И. Соколов, Б. П. Уваров, А. М. Дьяконов, И. П. Филиппов, А. А. Любищев, В. Н. Беклемишев, Д. М. Федотов, ставшие впоследствии крупными учеными в различных отраслях биологии, и многие другие. Как вспоминал академик

¹ Знаменитые универсанты. Именной указатель. СПб., 2002.

² *Fokin S. I. Professor W. T. Schewiakoff: life and science // Protist. 2000. Vol. 151. P. 181—189.*

АМН СССР проф. В. Н. Беклемишев (1890—1962): «В эти годы среди молодых зоологов и студентов, группировавшихся вокруг зоотомической лаборатории, создалась атмосфера исключительного научного энтузиазма и совершенной преданности науке, согретая культом дружбы и товарищества»³.

В. А. Догель (1882—1955), сменивший Шевякова в 1913 году на посту заведующего кабинетом, продолжил начинания своего учителя и создал ту зоологическую «догелевскую» школу, причастностью к которой до сих пор гордятся университетские зоологи-«беспозвоночники»⁴.

Потом был 1917 год, в октябре которого ход русской истории круто изменил свое направление. Перед десятками тысяч людей в России сразу после революции или несколькими годами позднее реально вставал вопрос об отъезде, а иногда, и бегстве из страны. Был он насущен и для петербургских ученых. Некоторые из них уехали, некоторые были высланы, многие остались... Закономерно, что для выпускников зоотомического кабинета Петербургского университета революция 1917 года тоже стала чертой, разделившей жизнь надвое и разлучившей друзей и коллег, кого надолго, кого — навсегда.

Поколение первых учеников Шевякова или тех, кто лишь заканчивал при нем свое университетское образование, уже полностью вошло к этому времени в науку, они почти все сами стали докторами зоологии и профессорами. Последние его выпускники еще только делали в науке свои первые, хотя и уверенные шаги. К 1917 году закончили учебу в университете и первые ученики Догеля.

Нам известно восемь выпускников зоотомического кабинета, которые, оказавшись после революции в разное время и по разным причинам за пределами России, вынуждены были прожить там (в Америке, Франции, Англии, Швейцарии) вторую (для многих из них большую) часть жизни. Это — С. И. Метальников (1870—1946), Б. В. Сукачев (1874—), К. Н. Давыдов (1877—1960), Б. П. Уваров (1886—1970), В. М. Шиц (1886—1958), Д. Н. Бородин (1886—1957), Б. Ф. Соколов (1889—) и С. А. Гоар (1892—1984). Их жизнь на Западе сложилась по-разному, но, в большинстве, они не изменили своей профессии. Все они не порывали, по возможности, связей с Родиной, со своими друзьями и коллегами в советской России. Фрагменты их переписки хранятся в разных архивах (прежде всего в ПФА РАН). Это позволяет, правда далеко не в одинаковой степени, узнать, как универсамтам жилось на чужбине, что думали они о событиях в России, узнать их человеческую, а не только научную судьбу.

Они, как было принято в российском научном сообществе начала XX века, часто бывали за границей — на биологических станциях и в научных институтах. Некоторые отдыхали или лечились на Средиземном море, в Швейцарии. Как правило, это были сравнительно короткие поездки. Никто не знал, что однажды за границей им придется остаться навсегда...

В настоящей статье я не имею возможности рассказать о судьбах всех перечисленных выше зоологов-эмигрантов, о некоторых (Сукачев, Бородин и Соколов) для этого нет пока и достаточного материала. Поэтому я коснусь судеб только пяти выпускников зоотомического кабинета: Метальникова и Давыдова, оказавшихся во Франции, Уварова и Гоара, окончивших свои дни в Англии, а также Шица, который стал жителем Швейцарии.

Известный русский эмбриолог и зоолог-фаунист, член-корреспондент Французской Академии наук, Константин Николаевич Давыдов родился 18 декабря 1877 года⁵ в Тверской губернии в семье отставного военного, прямого потомка знаменитого Дениса Давыдова. В 1896 году, окончив Псковскую гимназию, он поступил в Петербургский уни-

³ Беклемишев В. Н. Дмитрий Михайлович Федотов (к семидесятилетию) // Тр. ИМЖ. 1959. Вып. 27. С. 5—11.

⁴ Фокин С. И. (ред.). Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882—1955). // Тр. СПбОЕ. 2002. Сер. 1. Т. 95.

⁵ Даты рождения приведены в статье по старому стилю.

верситет, где специализировался по зоотомическому кабинету у В. Т. Шевякова. Еще в гимназические годы Константин Николаевич заинтересовался орнитологией, по которой на первом курсе университета опубликовал свою первую научную работу. В университете он увлекся изучением беспозвоночных, но на всю жизнь сохранил привычки натуралиста-охотника.

Параллельно с учебой в университете Давыдов начал работу в Особой зоологической лаборатории Академии наук у академика А. О. Ковалевского (1840–1901), одним из последних учеников которого он был (с конца 1910 года Давыдов стал штатным сотрудником этой лаборатории).

За время обучения в университете Давыдов дважды (1897, 1898) с научной целью совершал поездки в Палестину и Аравию, а в 1899 году работал на Севастопольской биологической станции. В 1900 году Константин Николаевич проводил исследования на Неаполитанской зоологической станции, где приступил к изучению регенерации у беспозвоночных (иглокожие, кольчатые черви, кишечнодышащие). Это направление исследований позднее было им продолжено в магистерской (1909) и докторской (1915) диссертациях. В 1902 году Давыдов совершил экспедицию в Индонезию, где собрал чрезвычайно богатые зоологические и этнографические коллекции.

В 1914 году Давыдов опубликовал «Курс эмбриологии беспозвоночных» — первый на русском языке учебник по сравнительной эмбриологии. Аналогичный курс он читал в качестве приват-доцента в Петроградском университете. Вот как вспоминал о нем один из студентов — В. Н. Беклемишев: «К. Н. Давыдов с его великолепным даром слова и необычным соединением самого романтического воображения с самым ясным и трезвым умом и самой основательной ученостью в эти годы (1910–1916) впервые создавал свой курс эмбриологии беспозвоночных, впоследствии доставивший ему всесветную известность»⁶. Летние сезоны 1911–1914 годов Давыдов снова работал на Средиземном море. В 1918 году он был избран профессором зоологии Пермского университета. Ввиду сложного военного и экономического положения, в котором оказалась Пермь в период Гражданской войны, Давыдов вернулся в Петроград, где в 1920–1921 годах работал в Биологической лаборатории Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта и принимал участие в работе Олонекской комплексной экспедиции (1920–1921).

Таким образом, Константин Николаевич во время революции был уже достаточно известным ученым. Сложности в личной жизни и невозможность соединиться с любимым человеком, оставаясь в России, вынудили Давыдова покинуть родину. Впрочем, как туманно намекала в своих воспоминаниях его жена, Агния Юрьевна Давыдова (Верещагина), «были и другие причины»⁷. Считается, что самое тяжелое бытовое положение ученых Петрограда наступило в 1921–22 годах, когда последствия Гражданской войны и экономической политики «военного коммунизма» проявились в полной мере. Холод, голод, отсутствие электричества, задержки зарплаты по 2–3 месяца были реалиями тогдашней жизни научных учреждений. Очевидно, что такое положение способствовало решению Давыдова оставить родину. В декабре 1922 года он нелегально перешел границу с Финляндией, а затем через Германию добрался до Франции. Французскую визу Давыдов получил благодаря хлопотам С. И. Метальникова, который уже почти три года к тому времени жил и работал в Париже⁸. На родину Давыдов не вернулся.

⁶ Любичев А. А. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове // Тр. НИЕТ. 1966. Т. 46. Вып. 11. С. 105–116.

⁷ Давыдова А. Ю. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове. Машинописный текст из архива семьи Б. Е. Райкова. 260 с.

⁸ Давыдова А. Ю. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове. Машинописный текст из архива семьи Б. Е. Райкова; Петр Евграфович Ковалевский. Дневники 1918–1922. СПб., 2001. Т. 1.

Во Франции, где профессор Давыдов прожил большую часть своей «зарубежной» жизни, он работал в лабораториях М. Коллери (в Париже) и О. Дюбоска (в Баньюльс-сюр-Мер). За это время он подготовил и опубликовал «Руководство по сравнительной эмбриологии беспозвоночных» (1928), принесшее ему мировую известность. В 1927 году Давыдов опять работал в Неаполе, теперь уже по гранту «Рокфеллеровского фонда».

Несмотря на научное признание, жили Давыдовы бедно, а французский круг общения никак не мог заменить им соотечественников, с которыми удавалось лишь переписываться. В письме 1932 года к своему близкому другу В. В. Редикорцеву (1873—1942) Давыдов писал: «Что сказать тебе о себе? Живу неплохо, но очень с женой грустим о России. Среди французов есть немало лиц дружески расположенных, но друзей нет и не может быть. Очень уж у нас различная психология <...>. Очень скучно по оставшимся в России друзьям — с тобой, с Кузнецовым ведь связано немало <...>. Столько позади хороших, по-настоящему хороших минут и переживаний»⁹.

Дважды Давыдов подолгу жил с семьей в Индокитае, где работал в Океанографическом институте в городе Кауда, близ Нья-Танга (1929—1934; 1938—1939). Это позволило ему значительно улучшить свое материальное положение. Научные же результаты работ Давыдова в Индокитае были поистине феноменальны: он описал свыше 140 видов губок, более 500 видов кишечнополостных и почти 100 видов мшанок. В частности, им были обнаружены десять видов чрезвычайно редких ползающих гребневиков — *Stenoplana*. Сотни представителей других групп беспозвоночных были впервые отмечены проф. Давыдовым для этого региона. Обработкой собранных Давыдовым коллекций занимались зоологи почти всей Европы. В области систематики и фаунистики Давыдов совершил больше открытий, чем все зоологи, работавшие в Индокитае в предшествующие 25 лет¹⁰.

В начале Второй мировой войны Давыдов получил должность руководителя работ Национального центра научных исследований Франции, а в 1949 году Парижская академия избрала Константина Николаевича своим членом-корреспондентом. Наряду с обработкой тропических сборов, Давыдов в 1940—1950-х годах много работал над сводками, явившимися итогом его многолетних исследований. Они были опубликованы в «Руководстве по зоологии» — *Traité de Zoologie* (1948—1959): «Эмбриология иглокожих», «Тип стомохордовых», «Эмбриональное развитие наукообразных», «Класс форонид». Всего им было опубликовано более 100 научных работ.

Давыдов был исключительно талантливым оратором, его лекции бывшие студенты вспоминали спустя десятилетия; имел он постоянный успех и выступая с разнообразными популярными лекциями во Франции. Тонкий знаток природы: натуралист-охотник, тип ученого теперь полностью исчезнувший, в конце жизни Давыдов написал несколько блестящих очерков о русской природе, к сожалению, оставшихся неопубликованными¹¹.

«С самого начала своей жизни во Франции, — вспоминала жена Давыдова, — мы все время поддерживали переписку с родными в Ленинграде, а К. Н. и с некоторыми близкими друзьями-учеными, до 1937 года, когда сразу все оборвалось»¹². Только в 1955 году Давыдовы получили вести с родины: пришли письма от А. А. Любишева (1890—1972) и В. Н. Беклемишева. В ответ Константин Николаевич писал Любишеву:

«Милый и дорогой Александр Александрович. Только что получил Ваше письмо и несказанно обрадовался — столько старых чудных воспоминаний пробудило оно в моей душе. Так счастлив, что мои

⁹ Письма К. Н. Давыдова к В. В. Редикорцеву. ПФА РАН. Ф. 75б. Оп. 1. Д. 114. Л. 9.

¹⁰ Бляхер Л. Я. Константин Николаевич Давыдов. М., 1963.

¹¹ Там же.

¹² Давыдова А. Ю. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове. Машинописный текст из архива семьи Б. Е. Райкова.

старые друзья еще помнят обо мне — не много уж их осталось в живых. Какое это было хорошее время, когда мы вместе собирались в нашей уютной лаборатории Академии <...>. Ну, довольно о прошлом — нервы не выдержат испытания. Что сказать о себе? Я женат с 23-го года (на сестре покойного Верещагина — Вы ее встретили раз у меня) и в этом отношении очень счастлив. Моя жена — лучшая моя помощница и сотрудница. Есть сын — профессор русского языка в лучших лицеях Парижа, пишет даже учебники для французов. Женат на французенке <...>. Мечтаем возвратиться в Россию, для которой сохраняю лучшие экземпляры ктеноплены и целоплены¹³»¹⁴.

Несмотря на активную переписку с русскими коллегами и друзьями и визиты некоторых из них в Париж в последние годы жизни Давыдова¹⁵, побывать на родине ему уже не пришлось. 21 июня 1960 года, через 11 дней после случившегося инсульта, Константин Николаевич скончался.

Известный отечественный биолог, один из основателей психонейроиммунологии Сергей Иванович Метальников родился 23 апреля 1870 года в селе Кротково Сентиглеевского уезда Симбирской губернии в семье потомственного дворянина, майора И. М. Метальникова. Окончив Ларинскую гимназию в Санкт-Петербурге в 1890 году, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета столичного университета.

Сергей Иванович специализировался в зоотомическом кабинете у профессора Н. П. Вагнера, а позже — у В. Т. Шевякова. Ввиду слабого здоровья Метальников учился на год дольше обычного (пять лет), фактически же свидетельство об окончании курса (диплом I степени) получил лишь в 1896 году, так как за участие в студенческой кассе взаимопомощи и комитете по подаче петиций был на 8 месяцев исключен из университета¹⁶.

Еще в студенческие годы Метальников начал исследовательскую работу под руководством академика А. О. Ковалевского, одним из немногих учеников которого в Петербургском университете он считается. Объектом его изучения были выделительные органы насекомых. Определенное влияние (в смысле выбора направления ряда дальнейших исследований) на него оказал протозоолог (в 1894—1895 годах приват-доцент) В. Т. Шевяков, под руководством которого Метальников начал свою научную деятельность и в Особой зоологической лаборатории Академии наук.

Научно-философское мировоззрение Сергея Ивановича в большой степени сложилось под влиянием известного анатома и педагога, автора научной системы физического воспитания П. Ф. Лесгафта (1837—1909), преподававшего в университете. У него же, в Биологической лаборатории, Сергей Иванович начал работать с 1895 года, еще не окончив курс университета¹⁷. Дружба Метальникова с однокурсником, будущим крупным философом Н. О. Лосским (1870—1965), по-видимому, пробудила в нем серьезный интерес к философии. Вместе с другом и несколькими сверстниками Метальников организовал у себя дома философский кружок, который через некоторое время стал собираться на квартире М. Н. Стоюниной — директора и основательницы известной в Петербурге частной женской гимназии. В этой гимназии в качестве пансионерки училась будущая жена Сергея Ивановича — Ольга Владимировна Димитриева.

¹³ Роды редких ползающих гребневиков (*Stenophora*), обнаруженных Давыдовым в Индокитае.

¹⁴ Любичев А. А. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове // Тр. НИЕТ. 1966. Т. 46. Вып. 11. С. 105—116.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Метальников С. И. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27555. Л. 58.

¹⁷ Лесгафт П. Ф. ЦГИА СПб. Ф. 2165. Оп. 1. Д. 130. Л. 7.

После окончания университета Метальников был оставлен на два года для подготовки к профессорскому званию и работал у академика Ковалевского в Особой зоологической лаборатории. В 1897 году он поехал на стажировку за границу к знаменитому протозоологу проф. О. Бючли в Гейдельберг, затем на Виллафранкскую зоологическую станцию и дважды побывал (октябрь 1897 — январь 1898; ноябрь 1898 — апрель 1899) на Неаполитанской зоологической станции, где изучал внутриклеточное пищеварение у морских ежей и исследовал состав крови и фагоцитарные органы у червя *Sipunculus nudus*. Затем Метальников стажировался у И. И. Мечникова в Институте Пастера в Париже и, по возвращении, поступил лаборантом в Особую зоологическую лабораторию Академии наук. В качестве штатного сотрудника этой лаборатории Метальников летом 1901 года участвовал в последней экспедиции академика Ковалевского на Принцесвы острова.

В лаборатории Академии наук Сергей Иванович состоял лаборантом с 1901 по 1910 год. Кроме того, он активно работал в Биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта (с 1900 года как член совета лаборатории), преподавал (с 1902) на курсах Воспитательниц и руководительниц физического образования (Лесгафтовских), на Высших женских (Бестужевских) курсах, где был избран профессором зоологии в 1911 году; участвовал в организации и работе общества «*Маленькие зоологи*». Значительное время в начале 1900-х годов Метальников посвятил работе в Институте экспериментальной медицины, где в качестве стажера проводил исследования в лабораториях Н. О. Зибер-Шумовой (1856—1916) и М. В. Ненцкого (1847—1901).

Несмотря на упоминания, распространенные в литературе¹⁸, основой для которых, видимо, послужила фраза из обзора работ Метальникова 1940 года¹⁹, он никогда не был профессором Петербургского университета и не преподавал там. Сдав в 1905 году магистерские экзамены, Метальников получил степень магистра зоологии за работу «*Экспериментальные исследования над пчелиной молью (Galleria mellonella)*» (1908).

Начав научную карьеру как зоолог-физиолог, Метальников в 1900—1901 годах стажировался (по рекомендации А. О. Ковалевского), а в 1904—1908 неоднократно работал в лаборатории профессора И. И. Мечникова (1845—1916) в парижском институте Пастера²⁰. Эта работа определила его интерес к новому направлению научных изысканий — иммунологии. После смерти Лесгафта Метальников возглавил в 1909 году Биологическую лабораторию, где развернулись его работы по сперматоксинам, иммунитету у насекомых и физиологии пищеварения инфузорий, а также по изучению условно-рефлекторного механизма иммунных реакций (1909—1916). В эти же годы Сергей Иванович был избран заместителем директора Высших лесгафтовских курсов.

Помимо научной и преподавательской деятельности Метальникова продолжали волновать общефилософские вопросы бытия и, в частности, проблема бессмертия. В период работы в Биологической лаборатории Метальников становится масоном²¹. Он вел активную общественно-научную деятельность: сотрудничал с популярными научными журналами; был редактором отдела журнала «*Природа*», главным секретарем «*Санкт-Петербургского Биологического общества*», организованного при его участии в 1912 году, а в 1918 году — одним из основателей Таврического университета в Симферополе.

¹⁸ Серков А. И. Русское масонство 1731—2000. Энцикл. словарь. М., 2001. С. 542.; Ульянкина Т. И. Метальников Сергей Иванович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энцикл. биограф. словарь. М., 1997. С. 408—410.

¹⁹ Travaux du Professeur S. Metalnikov chef de Service a l'Institut Pasteur. МТА. Archive Institute Pasteur (далее — АИР).

²⁰ Метальников С. И. ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 388.

²¹ Серков А. И. История русского масонства 1845—1945. СПб., 1997.

Приход к власти большевиков Метальников воспринял как катастрофу. Сразу после октябрьского переворота (в ноябре 1917 года) Сергей Иванович уехал в Крым, где у него возле Аюдага было солидное имение «Артек». В открытке своему другу и однокурснику по университету Н. Я. Кузнецову (1873—1948) он писал: «Милый и дорогой друг Николай Яковлевич, вот уже 3 недели как я в Артеке. Уехал из Петрограда, т. к. боялся, что проклятые бандиты-большевики перервут сообщение с Югом и я не буду в состоянии поехать к своим. Живем мы в Артеке. Здесь пока что очень спокойно, но людей почти не видим, о событиях узнаем спойкой через 10 после того, как они свершились»²². Однако и Крым скоро перестал быть спокойным местом. В конце января 1918 года Сергей Иванович писал в Петроград: «9-го в Ялту явились большевистские суда из Севастополя и началось форменное сражение матросов и татар <...> 6 суток город бомбардировали с моря. Можешь себе представить, что испытывали все мирные жители. Теперь весь город находится во власти матросов и хулиганов-красногвардейцев. Очень мечтаем эмигрировать куда-нибудь: в Америку или Австралию. Но как это сделать! Вот вопрос»²³.

В Петербург он больше не вернулся, хотя поездка в Пермь в конце лета 1918 года говорит о том, что Метальников пытался найти место для научных занятий в России²⁴. Это ему не удалось, и в 1919 году вместе с семьей через Константинополь и Варну Метальников уехал в Париж, куда был приглашен директором Института Пастера профессором Э. Ру (1853—1933) возглавить одну из лабораторий. В конце 1920 года Сергей Иванович на месяц вернулся в Крым и чудом попал на французский дредноут «Вальдек Руссо», который последним ушел из Севастополя на Запад²⁵.

Во французский период своей жизни проф. Метальников стал одним из основоположников психонейроиммунологии²⁶. Он занимался изучением иммунитета беспозвоночных (прежде всего насекомых), связью иммунитета с деятельностью нервной системы, а также разработкой биологических способов борьбы с вредными насекомыми. По всем перечисленным направлениям исследований им были опубликованы многочисленные статьи²⁷. С начала 1930-х годов Метальников все больше внимания уделял проблемам эволюции и бессмертия. «Борьба против смерти» (1937) и «Роль психических факторов в эволюции» (1940) — последние его крупные произведения.

Несмотря на постоянную работу (до 1940) и значительные заработки (несколько премий Парижской Академии наук), семья Метальниковых, как и большинство эмигрантов, жила весьма скромно: у Сергея Ивановича и Ольги Владимировны было трое детей. Хотя старшие (Анна и Екатерина) были уже замужем и жили отдельно, отцу приходилось им помогать. Помимо сына Сергея в семье жила теща, внучка Сергея Ивановича и сын его друга Николая Лосского²⁸.

Вначале, как у многих эмигрантов, у Метальникова были надежды на скорое возвращение, но они быстро рассеялись. В 1926 году он писал на родину: «Я не знаю, почему Стрельников²⁹ вывел заключение о моем намерении приехать на родину. По временам я скучаю и мне очень хотелось бы побывать у вас, повидаться со всеми друзьями и близкими, но я понимаю, что это пока невозможно»³⁰.

²² Письма С. И. Метальникова к Н. Я. Кузнецову. ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418. Л. 69.

²³ Там же. Л. 71.

²⁴ Там же. Л. 67.

²⁵ *Петр Евграфович Ковалевский*. Дневники 1918—1922. СПб., 2001. Т. 1.

²⁶ *Серков А. И.* Русское масонство 1731—2000. Энцикл. словарь. М., 2001. С. 542.

²⁷ Travaux du Professeur S. Metalnikov chef de Service a l'Institut Pasteur. MTA. Archive Institute Pasteur (далее — АИР).

²⁸ Письма С. И. Метальникова к Н. Я. Кузнецову. ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418., Л. 73.

²⁹ И. Д. Стрельников (1887—1981) — один из учеников Метальникова по Биологической лаборатории, который считал С. И. своим приемным отцом.

³⁰ Письма С. И. Метальникова к Н. Я. Кузнецову. ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418., Л. 77.

С годами Метальников отошел от юношеского атеизма, а в научном плане стал «практическим» виталистом³¹. «Без идеализма и без религии плохо жить на нашей грешной земле», — писал он в конце 1920-х годов своему самому близкому другу Н. Я. Кузнецову³². Во Франции Метальников вошел в ложу «Северная Звезда» и активно сотрудничал с другими масонскими организациями, где неоднократно выступал с докладами «Наука и мораль», «Бесмертие и эволюция смерти», «Материализм и мировая катастрофа»³³.

Сергей Иванович всю жизнь был общительным и отзывчивым человеком, при этом (до революции) достаточно богатым. Многие его ученики и коллеги не раз пользовались его помощью. Помогал он соотечественникам и во Франции. В 1927 году Метальниковым удалось приобрести небольшой участок земли недалеко от Тулона на Средиземноморском побережье. В доме, построенном там, как когда-то в Артеке, бывали коллеги и знакомые, там же семья пережила начало Второй мировой войны.

Профессор Метальников несомненно был видным ученым, он опубликовал свыше 200 научных работ, прежде всего в области сравнительной физиологии беспозвоночных, прикладной микробиологии и иммунологии. Некоторые его работы открыли новые направления исследований и имели значительный потенциал для практического использования в промышленности и сельском хозяйстве. Его исследованиями в области прикладной микробиологии перед войной интересовались в Германии и Америке, а в конце XX века изучение антимикробных пептидов, участвующих в иммунном ответе насекомых, развернулись в родном Сергею Ивановичу Петербургском университете. Одно из семейств этих соединений названо в честь первооткрывателя гуморального иммунитета насекомых метальниковинами.

Живя во Франции, Метальников не только занимался наукой, но и активно участвовал в жизни русских общественных организаций: Русского народного университета в Париже, Русского национального объединения и академической группы. Он был избран председателем Комиссии по вопросам о положении науки и ученых в России. В Русском народном университете Сергей Иванович, являясь товарищем председателя, читал лекции по биологии и медицине. Входил Метальников также и в попечительский комитет русской зоологической станции в Вилла-Франке (Вильфранш-сюр-Мер).

В Париже у Метальникова было около 100 учеников разных национальностей, многие из которых стали впоследствии известными учеными³⁴. Среди учеников, оставшихся в советской России, наиболее известен И. Д. Стрельников, ставший крупным специалистом по эволюционной морфологии и физиологии животных и экологии насекомых.

В 1939 году Сергей Иванович писал своему товарищу по университету профессору М. Н. Римскому-Корсакову (1873—1951): «Я по-прежнему здоров и совсем не чувствую старости <...> и никогда у меня не было такого стремления к творчеству как теперь»³⁵. К сожалению, обстановка, сложившаяся в Институте Пастера в начале Второй мировой войны, не способствовала продолжению исследований Метальникова. Осенью 1940 года его лабораторию закрыли, и он был отправлен на пенсию³⁶, что, конечно, сильно ухудшило его материальное положение и моральное состояние. Есть неподтвержденное указание на то, что Метальников был арестован нацистскими властями, и это сыграло решающую роль в его

³¹ Термин А. Г. Гурвича (1874—1954), активного участника Биологического общества.

³² Письма С. И. Метальникова к Н. Я. Кузнецову. ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418., Л. 78.

³³ Серков А. И. История русского масонства 1845—1945. СПб., 1997.

³⁴ Travaux du Professeur S. Metalnikov chef de Service a l'Institut Pasteur. MTA. Archive Institute Pasteur (далее — АИР).

³⁵ Письма С. И. Метальникова к М. Н. Римскому-Корсакову. ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 331. Л. 14.

³⁶ Переписка С. И. Метальникова с Институтом Пастера. АИР. РАМ. 55. 8459.

болезни³⁷. По-видимому, к 1943 году состояние здоровья Сергея Ивановича настолько ухудшилось, что он был помещен в клинику для душевнобольных в Медоне. Там он и скончался 27 сентября 1946 года.

Несколько особняком от других, по формальным признакам, стоит судьба члена Королевского общества Великобритании, профессора С. А. Гоара³⁸, отец которого журналист Артур Гоар (Arthur Stowell Hoar) был англичанином, а мать — Амалия Шалле (Aimee Challe) русской подданной, уроженкой Витебска. Родившись в Голландии 6 марта 1892 года, Сесиль Артурович имел двойное гражданство, хотя и жил с 6 лет с матерью в Санкт-Петербурге. Окончив Петроградский университет в 1917 году, где он специализировался в зоотомическом кабинете у профессора В. А. Догеля, Гоар, как и его учитель, начал заниматься протозоологией. В 1918 году молодой ученый был избран ассистентом на кафедру биологии в Военно-медицинскую академию к известному зоологу, профессору Н. А. Холодковскому. Такое многообещающее начало научной карьеры, к сожалению, для отечественной протозоологии и паразитологии, было прервано. Красный террор конца 1918–1919 годов затронул и иностранцев, проживавших в Петрограде. Для Гоара он обернулся, к счастью, только 2 месяцами тюрьмы в 1919 году. Через год (в июне 1920 г.) он уехал из России. Формально отъезд был санкционирован Российской АН как командировка для изучения кровяных паразитов и патогенных простейших в научных центрах Франции и Англии. Вернуться в Россию Гоар должен был в апреле 1921 года. В виду того, что отец Сесили Артуровича был англичанином, в Англии он оказался скорее репатриантом, по крайней мере, для местных властей.

Вначале Гоар не собирался оставаться в Англии навсегда, поскольку рассчитывал на скорое возвращение в Россию. В этой связи у него велась интенсивная переписка с его учителем — Догелем. Так, в конце 1921 года он писал в Петроград:

«Дорогой Валентин Александрович, <...> хотелось бы узнать, как протекает работа в *Alma Mater*, что Вы делаете, как все живете <...>. Работы очень много и все время занято ею. Условия жизни здесь при малом содержании позволяют только-только свести концы с концами <...>. Мне очень приятно было бы получать вести от Вас и коллег и хоть таким образом участвовать в Вашей жизни. Если нужны справки по литературе, я по мере возможности готов наводить их для всех своих коллег. Какая у Вас в этом году зима? Как с топливом и питанием?»³⁹. Спустя год Гоар все еще надеялся найти применение своим знаниям в Петрограде: «Очень был рад получить Ваше письмо. Приятно слышать, что, несмотря на все невзгоды, Вам удастся поставить научную работу на ноги снова <...> Я хочу Вам сказать, что очень ценю Вашу готовность в будущем иметь меня у себя. Я сам не теряю надежды вернуться, т. к. поле деятельности в России гораздо шире. Думаю, что мое пребывание здесь может быть тоже полезно, т. к. я накапливаю «багаж» <...> Таким образом, у меня будет специальность, в которой, как Вы знаете, в России сейчас весьма мало знатоков, а в Петрограде тем более <...> Передайте, пожалуйста, мой глубокий привет всем старшим и младшим коллегам. Хотелось бы на ковре-невидимке прилететь в Питер и всех Вас повидать и по городу походить!»⁴⁰.

После трех лет упорной работы и жизни «на стипендию» Сесиль Артурович, получил, наконец, в Англии постоянную должность.

³⁷ Лавренова О. А., Ульянкина Т. И. Наука Будущего. Переписка Н. К. Рериха и С. И. Метальникова // Культура и время. 2003. № 2. (в печати).

³⁸ Goodwin L. G., Bruce-Chwatt L. J. Cecil Arthur Hoare: 1892–1984. // Trans. R. Soc. Trop. Med. 1985. Vol. 77. P. 295–323.

³⁹ Письма С. А. Гоара к В. А. Догелю. Архив КЗБ СПбГУ. Ф. 3.

⁴⁰ Там же.

«В смысле материальном, — писал он Догелю, — положение только немного улучшилось, ибо нашему брату везде неважно платят, но в смысле положения (равняется университетской доцентуре) и спокойствия — значительно лучше. Думаю, что Вам об этом будет приятно узнать. Не думайте, что я забросил мысль о России. При настоящем положении вопрос этот, конечно, отдаленный, но связь моя со всеми Вами не так легко порвется, и меня будет тянуть опять, соединиться с Вами и с русской широкой природой, которой так не достает здесь натуралисту»⁴¹.

Впервые на российскую землю после отъезда за границу, Гоар вступил, будучи уже всемирно известным специалистом по паразитическим простейшим, профессором и академиком на пенсии, только в 1959 году. На протяжении долгих 39 лет он не терял связи с Россией: доставал коллегам нужную литературу, переводил на английский присланные ими работы, писал о потерях русской науки. Символично, что профессор С. А. Гоар вместе с профессором Ю. И. Полянским участвовал в редактировании английского издания «Общей протистологии» В. А. Догеля, увидевшей свет в 1965 году. Англоязычный мир познакомился с этой фундаментальной работой Догеля благодаря двум его ученикам.

Безусловно, одним из наиболее известных русских эмигрантов-зоологов стал за рубежом Б. П. Уваров, окончивший естественное отделение Петербургского университета в 1910 году. Приехавший в столицу из маленького провинциального Уральска, третий сын мелкого банковского служащего⁴², Борис Петрович, по воспоминаниям своего однокурсника А. А. Любичева⁴³, был одним из самых талантливых и целеустремленных студентов зоотомического кабинета того времени. Рано определившись в своих пристрастиях — энтомология (прямокрылые), он даже не проходил студентом большого практикума (специального сравнительно-анатомического курса по основным группам беспозвоночных животных), а сконцентрировался на работе в Русском энтомологическом обществе. Одним из его неформальных учителей был профессор Н. Я. Кузнецов. Уварова привлекали полевые исследования. Сначала это было изучение прямокрылых Уральской области⁴⁴, куда он ездил вместе со своими сокурсниками В. М. Шицем и Д. Н. Бородиным, а после окончания университета — работа энтомологом в Мургабе (Байрам-Али, Туркмения).

Вскоре после этого Уварова, как специалиста по борьбе с саранчовыми, перевели в Ставрополь, где он организовал Ставропольское энтомологическое бюро (1912). В 1915 году он переехал в Тифлис (Тбилиси) и стал старшим специалистом по прикладной энтомологии в департаменте земледелия⁴⁵. В Тифлисе Уваров жил и во время революции в России, оказавшись таким образом за границей (Грузия в то время была независимым государством). В 1920 году он принял предложение английских коллег и уехал с семьей в Лондон. Его «международная карьера» началась в Имперском бюро по энтомологии, а потом, продолжалась, главным образом, в качестве руководителя противосаранчового исследовательского центра, созданного на базе Британского музея.

Переписывался Уваров, по преимуществу, с Н. Я. Кузнецовым, с которым его связывали профессиональные интересы. Он писал своему учителю из Лондона:

«Дорогой Николай Яковлевич, <...> Вы интересуетесь, как мои дела и настроения. Дела текут размеренным порядком, и дни и недели только мелькают одни за другими, из них складываются

⁴¹ Там же.

⁴² Уваров Б. П. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 50126.

⁴³ Любичев А. А. Воспоминания о Борисе Петровиче Уварове. ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 506.

⁴⁴ Там же; 25. Крыжановский О. Л. Сэр Борис П. Уваров. Полководец противосаранчевых армий // Природа. 2000. № 3. С. 61–66.

⁴⁵ Письма Б. П. Уварова к Н. Я. Кузнецову. ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 708. Л. 6.

годы: вот уже 8 лет, как я здесь. На обстановку и условия работы жаловаться никак нельзя — всегда я стремился к работе в большом Музее и теперь оказался в самом большом, какой только существует. Однако человек ничем не бывает доволен и иногда является непреодолимая склонность к нытью. Главная причина — изрядная скука и жизни, и работы в английских условиях: все течет спокойно и ровно, нет ни больших неприятностей, ни ярких радостей. В работе меня немало угнетает то, что чувствуешь себя изолированным — людей с широкими интересами среди здешних энтомологов нет, все только специалисты, притом служебные, вне службы не работающие, и даже не интересующиеся работой. Не с кем, поэтому, поговорить и поспорить на разные общие темы <...>. Словом, можно подвести итог в таком виде — жить и работать хорошо, но иногда до тошноты скучно. В результате со страхом замечаю, как постепенно гаснет огонек энтузиазма к работе, без которого становится иногда пусто на душе. Играет в этом некоторую роль, вероятно, и просто оторванность от Родины, но об этом говорить не приходится — надо, так или иначе, сидеть здесь»⁴⁶.

В 1929 году в Африке и Азии был небывалый всплеск размножения саранчи. Сельское хозяйство огромных территорий несло колоссальные убытки⁴⁷. Эколого-зоогеографическое направление работ Уварова в этих условиях оказалось полностью востребованным, а его международный авторитет как главного специалиста по прикладной энтомологии, рос с каждым годом. Уваров постоянно выезжал в Юго-Западную Азию и Африку, чтобы на месте налаживать изучение и борьбу с саранчой. Параллельно он публикует ряд крупных систематических и прикладных работ. Фактически он становится отцом «акридологии». Из 2000 видов саранчовых Африки около 500 были описаны Уваровым, им был открыт феномен фазности в развитии этих прямокрылых⁴⁸. Его заслуги перед международным сообществом (противосаранчовый центр работал с 1945 года под эгидой ООН) были отмечены орденами «*Михаила и Георгия*» (Англия), «*Почетного легиона*» (Франция) и «*Льва*» (Бельгия). Б. П. Уваров был избран членом Королевского общества (1950) и получил в Англии личное дворянство.

Все это время он был в постоянной переписке с коллегами из России и помогал им по мере возможности — книгами, журналами, а то и продуктовыми посылками.

«Дорогой Михаил Николаевич! — писал Уваров М. Н. Римскому-Корсакову, одному из своих учителей по университету, — с удовольствием исполняю Вашу просьбу написать о своей группе в Университете <...>. Надо сказать, что немало из этой группы «вышли в люди». Компания в лаборатории беспозвоночных была дружная, а временами — довольно бурная; немало было безобидного мальчишества, но работали много и упорно — по крайней мере, другие, а я лично большой склонности к микротому не питал и над «живорезами» подтрунивал <...>. Словом, профессиональным энтомологом я сделался без всякой квалификации, кроме чисто любительской — раньше это было возможно. Впрочем, главной своей школой я считаю Энтомологическое общество»⁴⁹.

Побывать на родине сэру Б. П. Уварову пришлось только в 1968 году, в дни XIII Международного энтомологического конгресса. Профессор А. А. Любищев, знавший Бориса Петровича на протяжении 60 лет, так закончил свои воспоминания о нем: «Во всей своей деятельности он прожил жизнь, достойную подражания и я не знаю ни единого пятнышка на этом моральном облике»⁵⁰.

⁴⁶ Там же. Л. 24.

⁴⁷ Крыжановский О. Л. Сэр Борис П. Уваров. Полководец противосаранчевых армий // Природа. 2000. № 3. С. 61–66.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Письма Б. П. Уварова к М. Н. Римскому-Корсакову. ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 539. Л. 64.

⁵⁰ Любищев А. А. Воспоминания о Борисе Петровиче Уварове. ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 506. Л. 9.

Молодой магистрант-зоолог В. М. Шиц, сын преподавателя естествознания земской школы (впоследствии банковского служащего) из Новгорода⁵¹, в период революции 1917 года находился в Париже. Он окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета с дипломом I степени вместе с Уваровым в 1910 году. До начала Первой мировой войны Виктор Михайлович работал в Лесном институте сверхштатным ассистентом по зоологии у профессора Н. А. Холодковского (в то время многие профессора и доценты преподавали сразу в нескольких учебных заведениях). В 1913 году Шиц блестяще сдал магистерские экзамены и был прикомандирован к Особой зоологической лаборатории Академии наук. Работал в Неапале и на русской биологической станции Вильфранш-сюр-Мер, близ Ниццы, где занимался в течение двух лет изучением сперматогенеза у моллюсков. Видимо, эта работа могла бы вырасти в магистерскую диссертацию, но война и дальнейшие события тому помешали.

Пребывание Шица в Париже не имело отношения к науке — это была военная служба. Призванный в армию он попал в особую артиллерийскую комиссию, созданную в Париже российским военным агентом графом А. А. Игнатьевым. После революции в России эта комиссия проработала еще почти два года и распалась. Одно время Шиц был химиком-исследователем в Лионе, а осенью 1919 года переехал в Берн. Оттуда он надеялся вернуться в Россию, но надежды эти не осуществились, и Шиц навсегда остался в Швейцарии.

Так как получить работу иностранцам было практически невозможно, он принял (точнее, со временем получил) швейцарское гражданство. В 1924 году женился на уроженке Берна. Зоологическое образование ему не пригодилось: все места в местном университете были заняты, да и к иностранцам, даже с немецкой фамилией, в Швейцарии относились с большим предубеждением. Сначала Виктор Михайлович попробовал заниматься бактериологией, но появилась семья, и работать без оплаты стало совершенно невозможно. В 1925 году Шиц окончательно забросил науку.

Неожиданно он обнаружил у себя определенные способности к рисованию, которые после посещения специальной школы в Берне и занятий у художника в Париже, стали основой его профессиональной деятельности. Всю свою дальнейшую жизнь Шиц зарабатывал рисованием настенных таблиц для университета, школ и просветительских учреждений. Работа эта была непостоянная, неприбыльная и позволяла временами едва сводить концы с концами. Но выбора не было. Отдушинами в жизни Виктора Михайловича стали рисование «для себя» (впрочем, кое-что ему удавалось продавать на выставках), коллекционирование марок, переписка со своим университетским педагогом профессором М. Н. Римским-Корсаковым (сыном знаменитого композитора) и лекции о России, которые Шиц устраивал при каждом удобном случае. Во время Второй мировой войны и сразу после нее интерес к России в провинциальной Швейцарии был значителен, и лекции русского, который, несмотря на швейцарское гражданство, все равно оставался в глазах аборигенов иностранцем, пользовались успехом.

М. Н. Римский-Корсаков, известный энтомолог и популяризатор наследия своего великого отца, был удивительно деликатным и душевным человеком, что не мешало ему, однако иметь твердые убеждения, которым он никогда не изменял. Очевидно, он понял, что является для бывшего ученика «светом в окошке», к тому же Михаил Николаевич любил писать письма. Их переписка продолжалась с 1922 по 1950 год.

В академическом архиве сохранилось около 150 писем и открыток, посланных из Берна⁵². В них, по сути, история всей «заграничной» жизни Шица — документы трагедии целого поколения и в то же время свидетельство стойкости человеческого духа. Письма Римско-Корсакова, к сожалению, не сохранились. Михаил Николаевич не был поклонником

⁵¹ Письма Б. П. Уварова к М. Н. Римскому-Корсакову. ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 539.

⁵² Шиц В. М. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45546.

советского строя и, по-видимому, отговаривал Шица от возвращения на родину. Тем не менее, как и многие, Виктор Михайлович хотел вернуться, тем более, что он не был, в прямом смысле слова, эмигрантом. В начале 1922 года он писал Римскому-Корсакову:

«Многоуважаемый и дорогой Михаил Николаевич! Мне очень хотелось бы узнать поподробнее как о Вашем житье-бытье, так и вообще о положении Высшей школы в современной России. Я собираюсь в скором времени, однако не раньше осени, вернуться в Россию, а потому мне было бы желательно предварительно узнать об условиях существования, а главное, на что я могу надеяться по приезду в Россию? В 1919—1921 годах я был занят писанием большого труда «Насекомые и болезни»⁵³, который в скором времени будет напечатан в Праге»⁵⁴.

Как уже упоминалось, многие эмигранты в начале 1920-х годов предполагали, что советский режим в России явление временное и не за горами скорое возвращение на родину. Римский-Корсаков, наблюдая ситуацию «изнутри», не обнадеживал своего швейцарского корреспондента. Подтверждением тому письмо из Берна конца 1922 года:

«Многоуважаемый Михаил Николаевич! Получил Ваше скорбное письмо и очень благодарю за весточку. Я было уже совсем собрался ехать в Россию, в особенности после разговора с Л. А. Тарасевичем и С. И. Метальниковым (на прошлой неделе я ездил в Париж). Последний даже заявил мне, что по всем данным «нарыв рассасывается» и «через год и вовсе рассосется». Ваше письмо звучит, кажется, диссонансом к столь оптимистическому взгляду и мне, увы, сдается, что Вы правы <...>. Вопрос о хлебе насущном стоит очень остро и, кажется, здесь подохнуть с голоду так же легко, как и у Вас.»⁵⁵

Тем не менее, Виктор Михайлович никак не мог смириться с тем, что возвращение невозможно:

«Спасибо за сведения, которые Вы мне даете. При подобных обстоятельствах лучше, конечно, отложить возвращение на родину. Я могу перенести все, кроме морального гнета. Однако и здесь живется не особенно сладко. Если у Вас остается мало досуга на научную работу, то у меня его и совсем нет. Только и делаю, что рисую стенные таблицы по микробиологии и паразитологии. Этим и живу <...>. Скажите объективно, Вы либо настроены так мрачно или же на самом деле действительность столь неприглядна, что порождает у Вас черные мысли? При чтении Ваших писем всегда мороз по коже проходит. Думается, что худшее уже в прошлом и что, наконец, мы вступили в эру творения, а не разрушения. Думается, что Россия достаточно настрадалась и уже успела очухаться от пьяного кошмара, объявшего ее <...>. Ваши письма рассеивают все эти мечты и надежды и <...> удерживают меня от возвращения. Я стою теперь перед дилеммой: оставаться здесь, значит навсегда отказаться от научной деятельности и окончательно превратиться в поденщика, зарабатывающего себе хлеб насущный тем или иным способом. Ехать в Россию? — но что мне сулит родина?? Что если и там, вместо науки, придется гнаться за тем же куском хлеба, только еще более черствым»⁵⁶.

К концу 1924 года жизнь расставила все по местам, не оставив Шицу выбора: «Дорогой Михаил Николаевич! Давненько не писал Вам. Со времени последнего письма много воды утекло. Мои российские похождения окончились совершенно неожиданно (т. е. конечно для меня неожиданно): со-

⁵³ К сожалению, этот внушительный труд: свыше 500 страниц текста и 309 рисунков так и не был издан. Дочь В. М. Шица — Татьяна Викторовна Декоппет-Шиц передала его в дар кафедре зоологии беспозвоночных

⁵⁴ Письма В. М. Шица к М. Н. Римскому-Корсакову. ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 623. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Л. 8.

ветские власти не только отказали мне в наложении визы на паспорт, но отказали мне в правах гражданства (хотя, будучи русским, я, конечно, никогда и не ходатайствовал о “приобретении” оных прав)⁵⁷.

Шли годы, у Шица выросли две дочери. Одна стала учительницей, а потом театральным критиком, другая — архитектором, а он все делал и делал таблицы. Периоды относительного благополучия сменялись полным безденежьем. Он тяготился своею «бернской» жизнью, но понимал, что другой не будет. Выручала семья, переписка с Римским-Корсаковым, «русские» лекции и вечера, которые с середины 30-х годов Шиц устраивал для местной публики, да писание статей о России для местной прессы. Доклады с музыкальным сопровождением «Н. А. Римский-Корсаков, его жизнь и творчество», «Чайковский», «Санкт-Петербург — Ленинград», «День Пушкина» имели успех среди бернцев.

Он живо откликался в письмах на события в СССР и в мире, всегда говоря про Россию — «у нас». Прошла война, которую Шиц особенно переживал, и по окончании которой ненадолго у него снова вспыхнула надежда на репатриацию. Крут тем его лекций о России продолжал расширяться, неоднократно Виктора Михайловича приглашали выступать по местному радио, но забота о «хлебе насущном» не отпускала, а здоровье стало заметно сдавать. В начале 1951 года умер М. Н. Римский-Корсаков, и около трех лет связи с родиной у Шица не было. Потом на его письма откликнулся Любищев, с которым они изредка переписывались. В 1958 году В. М. Шица не стало.

«Так и прошла вся жизнь в нелепом ожидании чего-то, что никогда не сбудется, — писал Виктор Михайлович в одном из последних писем к Любищеву. — Вечный бег на месте. Вечная погоня за заработком! Ты, брат, совершенно не знаешь, что такое “демократическая” Швейцария, раз спрашиваешь, почему я, дескать, не при университете и бросил науку <...>. Но кто же, милый мой, моей персоной интересуется?! В лучшем случае интересуются мною как хорошим, а главное дешевым работником, а в худшем — прямо плюют на меня. Я пришелся не ко двору <...>. Ни Богу свечка, ни черту кочерга! А время бежит и скоро стукнет 70 годков! Таким образом, я стал хорошим “табеленмалером”, посредственным художником и скверным писателем (от времени до времени я пишу статейки в местные газеты). Впрочем, я написал большой труд “Россия и Европа” и нишу теперь издателя <...>. С тех пор как умер Корсинья, с которым я состоял в оживленной переписке, я ничего более не знаю о России. В общем, живешь здесь как в темнице <...>. Одним словом, жизнь прошла здесь даром, в бесконечном ожидании <...>. Я, конечно, не вкусил прелестей социалистического мира, но капиталистического рая я вкусил вполне, прямо сказать обьялся им»⁵⁸.

Стало уже общим местом говорить о том, сколько мы потеряли, лишив страну миллионов граждан. В большинстве это были честные люди и хорошие работники. Тысячи из них были талантливы, а десятки — гениальны. Там, за пределами отечества, они, вне зависимости от национальности, оказались русскими. Голос крови и загадочной русской души эхом звучит еще в сердцах их детей и внуков, считающихся уже французами, американцами, немцами <...>. Их отцам и дедам было трудно, горько, а порой и мучительно жить вдали от родины, но такова оказалась их судьба.

Я благодарен всем, способствовавшим появлению этой статьи: Т. В. Декоппет-Шиц (Decoppet-Schitz, Wabern, Switzerland), М. Н. Телуповой (Париж, Франция), Н. И. Стрельниковой, Е. В. и О. И. Райковым (С.-Петербург, Россия), Д. Демельеру (D. Demellier, Archive Institute Pasteur, Paris, France), А. Корлякову (Париж, Франция) и А. В. Смирнову (С.-Петербург, Россия), а также сотрудникам С.-Петербургского филиала архива Российской Академии наук.

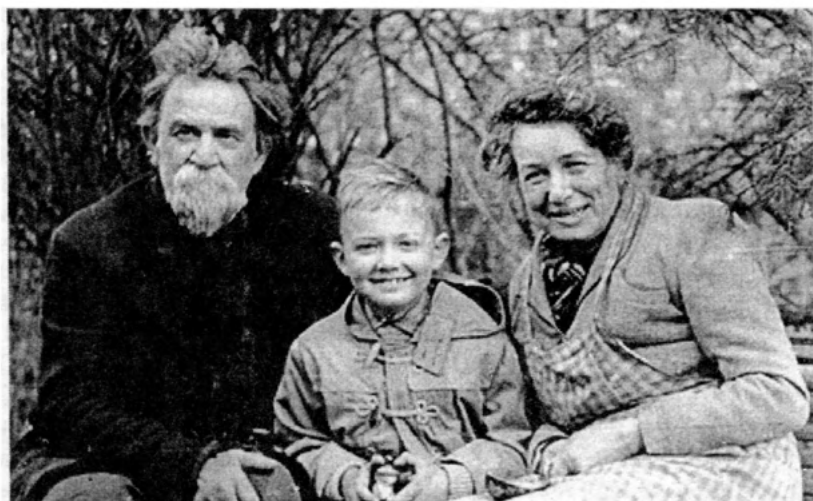
⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ Письма В. М. Шица к А. А. Любищеву. ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 479. Л. 2—9.

Иллюстрации

1. На Севастопольской биологической станции
Слева направо: Р. К. Минкевич, К. Н. Давыдов, Г. А. Шнейдер, А. С. Догель
Архив автора. Публикуется впервые

2. К. Н. и А. Ю. Давыдовы с внуком Михаилом. Со, Франция, Апрель 1960
Архив автора. Публикуется впервые

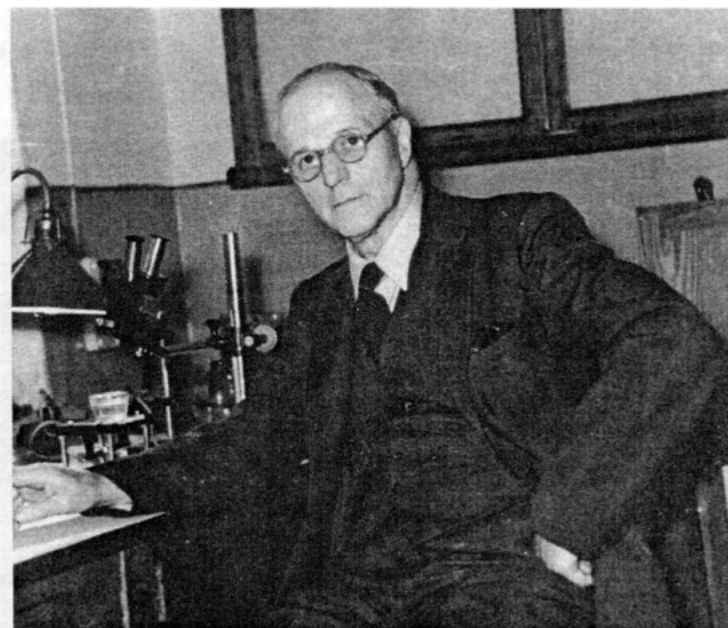
3. С. И. Метальников. Петербург, 1900-е.
Архив КЗБ СПбГУ. Публикуется впервые

4. С. И. Метальников. Франция, 1930-е. Печатается с разрешения Андрея Корлякова, автора
книги «Русская эмиграция в фотографиях, Франция 1917–1947»
(Париж: ИМКА-ПРЕСС, 2001)

5. С. А. Гоар (стоит справа пятый) в группе студентов и преподавателей зоотомического кабинета. Петроград, 1916 (?).
Архив КЗБ СПбГУ. Публикуется впервые

6. С. А. Гоар. Ленинград, 1959.
Архив автора. Публикуется впервые

7. Преподаватели и студенты Зоотомического кабинета. Петербург, 1908.

Сидят (слева): П. П. Иванов, В. Д. Зеленский, А. В. Швейер, В. Т. Шевяков, М. Н. Римский-Корсаков, В. А. Догель и А. С. Щепотьев. Стоят (второй ряд, слева): Д. Н. Бородин, П. В. Корнаков, ?, В. М. Исаев, Г. Н. Нилус, Оль. Третий ряд (слева): Цукерман, ?, Голованов, И. Н. Филиппьев, Д. М. Федотов. Верхний ряд (слева): И. И. Соколов, Б. П. Уваров, Д. А. Смирнов, А. А. Любищев, ?, В. В. Никольский. Архив КЗБ СПбГУ

8. Б. П. Уваров в своем лондонском кабинете. 1955, февраль.
Архив КЗБ СПбГУ

9. В. М. Шиц после сдачи магистерского экзамена. Петербург, март 1913.
Архив КЗБ СПбГУ. Публикуется впервые

10. В. М. Шиц. Автопортрет. Берн, 1936 (?).
Архив автора. Публикуется впервые

**НАУЧНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ —
ИДЕОЛОГИИ, ПОКРОВИТЕЛИ И СЕТИ:
7-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС***

N. L. Krementsov. Scientific internationalism — ideology, patrons and networks: the 7th International genetics congress. The history of the 7th international genetics congress is considered in detail and in social and political context.

Осенью 1936 года около тысячи генетиков из почти сорока стран готовились принять участие в 7-м Международном генетическом конгрессе, который должен был состояться в Москве в первую неделю августа следующего года. Они писали доклады, заказывали билеты и готовили экспонаты к выставке, которая должна была сопровождать заседания. Их усилия координировались советским оргкомитетом, регулярно информировавшим участников об изменениях в научной и экскурсионной программе, имевшихся гостиницах и средствах транспорта. Все шло по плану.

Неожиданно, 14 декабря «*Нью-Йорк Таймс*» опубликовала телеграфное сообщение из Москвы, объявив, со ссылкой на «неофициальные источники», что по «решению советского правительства» конгресс отменен. Газета также сообщала, что несколько советских генетиков, в том числе президент предстоявшего конгресса Н. И. Вавилов, арестованы. Неожиданная новость побудила западных генетиков к немедленным действиям. Они посылали письма и телеграммы в советские посольства, просили западных дипломатов о помощи и публиковали гневные резолюции в научных журналах. Эта активная кампания, очевидно, возымела действие. Спустя неделю, 22 декабря, «*Нью-Йорк Таймс*» перепечатала из «*Известий*» редакционную статью, в которой утверждалось, что конгресс не отменен, а просто отложен, и что Вавилов не арестован. В течение следующих трех месяцев советские генетики добились разрешения правительства на проведение конгресса годом позже, в августе 1938. Но вскоре после этого Международный организационный комитет (МОК) генетических конгрессов решил перенести конгресс в Великобританию и проводить его в августе 1939 года.

* Данная работа является результатом более чем десятилетних изысканий в архивах России, США, и Великобритании. Я хотел бы выразить признательность Американскому философскому обществу (American Philosophical Society), Институту гуманитарных исследований в Эдинбурге (Institute for Advanced Studies in Humanities), Институту истории медицины в Лондоне (Wellcome Institute for the History of Medicine), Дибнеровскому Институту в Кембридже (Dibner Institute) и Международному Центру имени Вудро Вильсона в Вашингтоне (Woodrow Wilson International Center for Scholars), а также Библиотеке Лилли Индианского Университета (Lilly Library, Indiana University, Bloomington) за финансовую поддержку моих исследований. Многие коллеги щедро поделились со мной своими архивными находками, и мне хотелось бы особенно поблагодарить Татьяну Лассан, Марину Сорокину, Гил Винчестер (Guil Winchester) и Дайану Пол (Diane Paul) за копии различных документов, предоставленных ими в мое распоряжение. Ранние версии этой работы были представлены на нескольких конференциях и семинарах в США и Канаде в 1996–2002 гг., и я благодарен их участникам за благожелательную критику. Я многим обязан и моим коллегам Марку Адамсу (Mark Adams), Михаилу Конашеву, Сюзан Соломон (Susan Solomon), Марине Сорокиной и Даниелу Тодесу (Daniel Todes), читавшим различные варианты этой работы и сделавшим массу ценных замечаний и предложений.

Что же произошло? Почему советское руководство отменило конгресс? И почему спустя три месяца оно изменило свое собственное решение? И почему после этого МОК перенес конгресс в Великобританию? Однако прежде чем обратиться к деталям этой загадочной истории, необходимо поместить ее в рамки существующей литературы о «научном интернационализме»¹.

1. Научный интернационализм

Проблема интернационализма находится в фокусе внимания историков науки довольно давно, и посвященная ей литература распадается на две неравные и почти несвязанные между собой части. Одна рассматривает проблему интернационализма через призму научных учреждений, анализируя деятельность международных ассоциаций, исследовательских институтов, обществ, фондов и т. п. Работы этого «институционального» жанра варьируют от истории Международного исследовательского совета до анализа деятельности Нобелевского и Рокфеллеровского фондов². Вторая и значительно меньшая часть имеющейся литературы рассматривает проблему в терминах научных идеологий и культуры, исследуя различные убеждения, идеи, стандарты и принципы, такие, как универсальность научного знания, кооперация и конкуренция, националистические чувства и местные стили исследований, которыми пронизаны идеалы и реалии международной науки³.

Хотя вроде бы освещающие одну и ту же проблему, эти два подхода разделены глубокой пропастью. Прежде всего, идеологии и культуры невозможно прямо «пе-

¹ Используя этот термин, я следую тщательному анализу понятия «научный интернационализм» в работах *Schroeder-Gudehus B. Deutsche Wissenschaft und Internationale Zusammenarbeit, 1914–1928. Geneva: Dumaret & Golay, 1966;* и *Forman P. Scientific internationalism and the Weimar physicists: The ideology and its manipulation in Germany after World War I // ISIS. 1974. V. 64. P. 151–180.* Более подробно судьбы международной науки и генетических конгрессов рассматриваются в моей книге: *Krementsov N. L. International Science between the World Wars: The case of genetics. London, 2004.*

² См.: *Science, technology and society in the time of Alfred Nobel / Eds. Bernhard C. G., Crawford E., Sorbom P. Oxford: Pergamon Press, 1981;* *Pancaldi J. Scientific internationalism and the British Association // The Parliament of science: The British association for the advancement of science, 1831–1981 / Eds. MacLeod R., Colins P. Northwood: Science Reviews, 1981. P. 145–169;* *Cock A. J. Chauvinism and internationalism in science: The international research council, 1919–1926 // Notes and Records of the Royal Society of London. 1983. V. 37. P. 249–288;* *Solomon's house revisited: The organization and institutionalization of science / Ed. Frangsmyr T. Canton, MA: Science History Publications, 1990;* *Science and empires: Historical studies about scientific development and European expansion / Eds. Petitjean P., Jami C., and Moulin A. M. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1992;* *Crawford E. Nationalism and internationalism in science, 1880–1939. Four studies of the Nobel population. Cambridge: Cambridge University press, 1992;* *Crawford E., Shinn T., Sorlin S. The nationalization and denationalization of the sciences: An introductory essay // Denationalizing science: The contexts of international scientific practice / Eds. Crawford E., Shinn T., Sorlin S. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 1–42.*

³ См.: *Solomon J.-J. The «internationale» of science // Science Studies. 1971. V. 1. P. 23–42;* *Schroeder-Gudehus B. Nationalism and internationalism // Companion to the history of modern science / Eds. Olby R. et al. London–New York: Routledge, 1989. P. 909–919;* *Denationalizing science: The contexts of international scientific practice / Eds. Crawford E., Shinn T., Sorlin S. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1993;* *International science and national scientific identity: Australia between Britain and America / Eds. Home R. W., Kohlstedt S. G. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1991.*

ревести» в научные учреждения, и они не очень помогают понять институциональные воплощения научного интернационализма, и наоборот. Во-вторых, идеология интернационализма изучалась, главным образом, с точки зрения научного сообщества, в то время как отношение «покровителей» сообщества к этой идеологии (за исключением работ по истории Нобелевских премий и Рокфеллеровского фонда) остается практически неизученным. И, в-третьих, целый ряд событий и мероприятий — таких, как международные экспедиции, публикации и, естественно, конгрессы, явно подпадающие под категорию «международной науки», но которые невозможно отнести ни к учреждениям, ни к идеологиям или культурам, «проваливаются» в эту пропасть между институциональным и идеологическим подходами к проблеме интернационализма.

Конгрессы, пожалуй, наиболее явное воплощение двойственной природы научного интернационализма, поскольку время и место их проведения, программа, представительство различных стран, содержание выставок и экскурсий являются результатом «переговоров» и согласования между отдельными национальными научными сообществами. В то же время международный конгресс представляет собой удобный инструмент для достижения местных/национальных целей, особенно для научного сообщества страны, его проводящей. Национальные сообщества используют международные съезды для повышения престижа их дисциплины в глазах местных «патронов», что часто ведет к весьма острой конкуренции между отдельными научными сообществами за право проведения конгресса.

При рассмотрении истории научного конгресса ни институциональный, ни идеологический или культурологический подход, сам по себе, никак не помогает нам понять, что именно происходило во время подготовки конгресса и почему события развивались именно таким, а не каким-то иным образом. Мне кажется, что нам необходим дополнительный инструмент для анализа; инструмент, который позволит свести воедино различные воплощения того, что мы называем «научным интернационализмом», и который закроет пропасть между институциональным и идеологическим пониманием этого феномена. Ни учреждения, ни идеологии не являются кантовскими «вещами в себе»: они не существуют в вакууме или головах историков, их изучающих. Они создаются, осуществляются и воплощаются в действиях отдельных ученых и их групп, которые образуют особые *сети*⁴.

Используя понятие «сети», я следую по стопам М. Адамса, убедительно продемонстрировавшего его продуктивность в объяснении некоторых весьма загадочных явлений в истории советской науки. Подобно Адамсу, используя это понятие, я не вкладываю в него «ничего сугубо специального или технического. Я не имею в виду “сети” социологов или социальных теоретиков и еще в меньшей степени “сети” компьютерных специалистов. Скорее, я имею в виду гораздо менее строгое значение, которое это слово имеет в повседневном языке и которое знакомо каждому историку — персональные сети»⁵. Именно такая «персональная сеть» друзей, коллег, учителей и их учеников является одним из главных героев этой истории. В отличие от истории, анализировавшейся Адамсом, в этой истории действует дисциплинарная сеть; ее членов объединяло не только многолетнее личное знакомство, но также (и это особенно важно) их вовлеченность в развитие конкретной дисциплины — генетики. Кроме того, в отличие от

⁴ Я использую слово «сеть» для перевода английского понятия «network», которое не имеет аналога в русском языке.

⁵ См.: Adams M. Networks in action: The Khrushchev era, the Cold war and the transformation of Soviet science. Trondheim: Trondheim Studies on East European Cultures and Societies, 2000. P. 11–12.

Адамса, анализировавшего действия «национальной» сети, в нашей истории действует международная сеть, включавшая ученых из многих стран.

Существующая литература о научном интернационализме посвященная, в основном, периоду с 1890-х по 1920-е годы, анализирует быстрый рост международной науки в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, «распад» этой науки во время войны и ее медленное восстановление после окончания военных действий⁶. Судьба научного интернационализма в 1930-е годы привлекала значительно меньшее внимание исследователей. Историки, занимавшиеся этим периодом, уделяли гораздо большее внимание появлению «национальных» наук, изучая возникновение «арийской науки» в фашистской Германии и «пролетарской науки» в советской России⁷. История 7-го Международного генетического конгресса показывает, что политическое напряжение между Россией Сталина, Германией Гитлера и западными «демократиями», которое пронизывало это десятилетие, подорвало значение классической формулы научного интернационализма: «участие страны в славе ученого устраняет /для этого ученого/ всякое противоречие между интересами его страны и интересами его науки»⁸. На протяжении 1930-х годов для советских ученых интересы их науки весьма часто приходили в противоречие с интересами и их местных «покровителей», и их зарубежных коллег. И именно эти противоречия, как мы увидим, в конечном счете, определили судьбу генетического конгресса.

2. Международная генетическая сеть и российские генетики

С самого начала наука о наследственности или генетика, как в 1906 году окрестил ее английский биолог У. Бэтсон, была международной. Пожалуй, наилучшей иллюстрацией этого положения является событие, ставшее символом рождения новой науки, — одновременное открытие в 1900 году в трех странах забытых почти на полстолетия законов Менделя: К. Корренсом в Германии, Х. де Фризом в Голландии и Э. фон Чермаком в Австрии. На протяжении последующих двух десятилетий генетика быстро институтировалась в различных странах, главным образом в Великобритании, Германии, Голландии и США⁹. Международные контакты в этой бурно развивающейся области были важны не только как средство обмена результатами и их подтверждения и, следовательно, поддержания «универсальности» получаемого знания. Они были также необходимы для распространения особой «системы производства» генетических знаний, которая приобретала очертания на протяжении этих десятилетий; системы, построенной на использовании определенного лабораторного орга-

⁶ См., к примеру: *Grundmann S. Zum Boykott der deutschen Wissenschaft nach dem ersten Weltkrieg // Wissenschaftliche Zeitschrift der Technischen Universität Dresden. 1965. Bd. 14. S. 799–906; Kevles D. J. Into hostile political camps: The reorganization of international science in World War I // ISIS. 1970. V. 62. P. 47–60; Schroeder-Gudehus B. Les scientifiques et la paix: La communauté scientifique internationale au cours des années 20. Montreal: Presse de l'Université de Montreal, 1978; Schroeder-Gudehus B. Pas de Locarno pour la science: La coopération scientifique internationale et la politique étrangère des États pendant l'entre-deux-guerres // Relations Internationales. 1986. V. 46. P. 173–94; Crawford E. Internationalism in science as a casualty of the First World War // Social Science Information. 1988. V. 27. P. 163–201.*

⁷ См., к примеру: *Lecourt D. Proletarian science? The case of Lysenko. London: NLB, 1977; Proctor R. N. Racial hygiene: medicine under the Nazis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988; Kremensov N. Stalinist science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997; Weale A. Science and the swastika. London: Channel 4 Books, 2001.*

⁸ *Forman P. Scientific internationalism and the Weimar physicists. P. 152.*

⁹ См.: *Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988.*

низма, такого как мышь, дрозофила, кукуруза или пшеница. Обмен новыми мутантами, разновидностями и культурами стал неотъемлемым элементом занятий генетикой¹⁰.

Ученые, вовлеченные в генетические исследования, поддерживали тесные контакты посредством переписки и личных встреч на различных международных форумах, главным образом, конференциях по селекции растений и животных. Первая такая конференция, проведенная в 1899 году в Лондоне и позже объявленная первым международным генетическим съездом, в действительности называлась «*Международная конференция по гибридизации (скрещиванию видов) и скрещиванию разновидностей*»¹¹. Следующий съезд, состоявшийся три года спустя в Нью-Йорке, назывался «*Международная конференция по селекции растений и гибридизации*»¹². И только в 1906 г. этот форум, опять собравшийся в Лондоне, получил название «*Международной конференции по генетике*»¹³. Спустя пять лет следующая «*4-ая международная конференция по генетике*» была проведена в Париже¹⁴. Первая мировая война прервала проведение международных генетических съездов более чем на пятнадцать лет.

Россия не была представлена на этих предвоенных форумах в сколько-нибудь значительной форме, поскольку в России генетика — как научная дисциплина — начала развиваться только после прихода к власти большевиков в 1917 году¹⁵. Однако с самого своего рождения российская генетика развивалась в тесном контакте с зарубежными исследованиями и исследователями. Три основателя этой дисциплины в России — Ю. А. Филипченко, Н. К. Кольцов и Н. И. Вавилов — установили и поддерживали прочные связи со своими зарубежными коллегами. Кольцов, основавший в 1916 году Институт экспериментальной биологии, вскоре ставший центром генетических исследований в Москве, поддерживал постоянный контакт с германскими генетиками, особенно с Р. Гольдшмидтом и Э. Бауером¹⁶. Филипченко, организовавший в 1918 году первую в России лабораторию (а чуть позднее и кафедру) генетики в Петроградском университете, а два года спустя Бюро по евгенике при Академии наук, в 1911–12 годах работал в Мюнхене в лаборатории известного генетика Р. Гертвига¹⁷. Вавилов, принимавший активное

¹⁰ Об особенностях такой системы производства генетического знания и системы обменов дрозофилой см.: *Kohler R. E, Lords of the fly*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

¹¹ См.: International conference on hybridization (the cross-breeding of species) and on the crossbreeding of varieties, 1899 // *Journal of the Royal Horticultural Society*. 1900. V. 24.

¹² См.: Proceedings of the international conference on plant breeding and hybridization, held in the rooms of the American institute of the City of New York and in the Museum building of the New York Botanical garden, September 30 and October 1 and 2, 1902 // *Memoirs of the Horticultural Society of New York*. 1904. V. 1.

¹³ См.: Report of the third international conference on genetics, London 1906 / Ed. *Wilks W.* London: Royal Horticultural Society. [1907].

¹⁴ См.: Comptes rendus et rapports, IV Conference internationale de genetique, Paris, 1911 / Ed. *de Vilmorin P.* Paris: Masson et cite, 1913.

¹⁵ Всего несколько русских селекционеров приняли участие в парижской конференции без докладов, хотя в 1910-х гг. некоторые профессора начали преподавать «менделизм». См., например, *Богданов Е. Д.* Менделизм или теория скрещивания. М.: Книгоиздательство студентов Московского сельскохозяйственного института, 1914.

¹⁶ См.: *Adams M.* Science, ideology, and structure: The Kol'tsov institute, 1900—1970 // *The social context of Soviet science.* / Eds. *Lubrano L. L., Solomon S. G.* Boulder, Colo.: Westview Press, 1980. P. 173 - 204.

¹⁷ См.: *Adams M.* Filipchenko, Iurii Aleksandrovich // *Dictionary of scientific biography*. V. 17. Suppl. II / Ed. *Holmes F.* New York: Scribners' Sons, 1990. P. 297—303.

участие в создании в 1922 году Института экспериментальной агрономии и Института прикладной ботаники и новых культур¹⁸, которые вскоре станут всероссийскими центрами генетики растений, в 1913–14 годах изучал генетику в Великобритании под руководством У. Бэтсона, во Франции под руководством Ф. де Вильморена и в Германии под руководством Э. Геккеля¹⁹.

Хотя мировая война, революции и Гражданская война прервали контакты российских и зарубежных ученых почти на десятилетие, как только военные действия закончились, старые контакты были возобновлены, а новые установлены. Осенью 1921 года Вавилов прибыл в США. Он посещал селекционные станции и университетские кафедры и даже организовал Российское сельскохозяйственное бюро в Нью-Йорке, чтобы облегчить обмен материалами между российскими и американскими селекционерами. На обратном пути в Россию он также посетил центры изучения генетики растений в Великобритании, Франции и Швеции. В следующем 1922 году Г. Дж. Меллер — член знаменитой «мушиной комнаты» Т. Х. Моргана — отправился в Россию, с целью посетить основные генетические лаборатории Москвы и Петрограда²⁰. Он встретился с основателями российской генетики и их учениками, такими как А. С. Серебровский, чьи работы по генетике кур были весьма сходны с аналогичными исследованиями британских и американских генетиков²¹. Меллер познакомил российских коллег с замечательными достижениями школы Моргана за последние десять лет и подарил им коллекцию мутантов дрозофилы, привезенную им из США²².

На протяжении 1920-х годов советская генетика росла чрезвычайно быстро: новые лаборатории и кафедры создавались под эгидой самых разных государственных ведомств, включая Наркомзем, Наркомздрав, Наркомпрос, ЦИК и даже Комкадемию. Этот институциональный рост сопровождался упрочением контактов с западными коллегами. В 1923 году Академия наук избрала ведущих зарубежных генетиков У. Бэтсона и Т. Х. Моргана иностранными членами. В следующем году еще четверо генетиков — Т. Харди, Г. Дженнингс, В. Иогансен и Х. де Фриз — стали членами академии²³. В 1925 году Бэтсон приехал в СССР на празднование 200-летия Академии наук. В том же году один из наиболее талантливых учеников Кольцова Н. В. Тимофеев-Ресовский отправился в Германию, чтобы помочь О. Фогту в организации отдела генетики при Институте по изучению мозга имени Кайзера Вильгельма. Не удивительно, что, когда международное сообщество решило провести первый послевоенный международный конгресс, российские генетики приняли самое активное участие в его подготовке: Н. К. Кольцов стал первым рос-

¹⁸ В 1930 году эти институты были объединены во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) под руководством Вавилова.

¹⁹ См.: *Popovskii M.* The Vavilov affair. Humden, Conn.: Archon Boors, 1984.

²⁰ См.: *Carlson E. A.* Genes, radiation, and society: The life and work of H. J. Muller. Ithaca: Cornell University Press, 1970.

²¹ См.: *Adams M.* Serebrovskii, Aleksandr Sergeevich // Dictionary of scientific biography. V. 18. Suppl. II. P. 803–811; Александр Сергеевич Серебровский / Ред. *Воронцов Н. Н.* М.: Наука, 1993.

²² См.: *Меллер Г. Г.* Результаты десятилетних генетических исследований с *Drosophila* // Успехи экспериментальной биологии. 1923. Т. 1. С. 292–321; *Muller H. J.* Observations of biological science in Russia // Scientific Monthly. 1923. V. 16. P. 539–552.

²³ См.: Академия наук СССР. Персональный состав, 1917–1974. Москва: Наука, 1974. Т. 2. С. 366–383.

сийским членом Международного организационного комитета (МОК), решившего, что следующий 5-й конгресс будет проведен в 1927 году в Берлине.

Предстоящий конгресс стимулировал и первую попытку провести международный генетический форум в СССР. Незадолго до открытия берлинского конгресса Оргбюро ЦК РКП(б)²⁴ получило две петиции с просьбой разрешить советским генетикам пригласить следующий съезд в Москву в 1930 году. Одна петиция была подписана главой Наркомпроса А. В. Луначарским, но можно с уверенностью утверждать, что она была инспирирована Кольцовым: комиссар был членом Русского евгенического общества, организованного Кольцовым в 1923 году²⁵. Другая петиция была подписана членом ЦИК и коллегии Наркомзема, директором Института прикладной ботаники Вавиловым²⁶. Оргбюро согласилось с предложением и разрешило генетикам пригласить следующий конгресс собраться в Москве²⁷.

Советские генетики сформировали одну из самых больших делегаций на берлинском конгрессе (только немецкие генетики превосходили их числом), и их появление на международном форуме произвело настоящую сенсацию. Их доклады затрагивали практически все области генетических исследований и продемонстрировали международному сообществу, что новая, оригинальная и весьма многочисленная группа исследователей появилась на генетической «сцене». Два доклада привлекли особое внимание собравшихся. Вавилов представил на конгрессе свою теорию центров происхождения культурных растений. Г. Д. Карпеченко — молодой цитолог из вавиловского Института прикладной ботаники — продемонстрировал конгрессу первый в мире успешный межродовой гибрид (между редькой и капустой — *Raphanobrassica*). На этом же конгрессе С. С. Четвериков — руководитель генетического отдела в кольцовском ИЭБ — изложил свои идеи о роли генетики в эволюционных процессах, заложившие основы популяционной генетики. Однако, несмотря на усилия нескольких российских и немецких генетиков (главным образом, Кольцова, Гольдшмидта и Бауера) было решено проводить следующий конгресс в 1932 году не в России, а в США.

Несмотря на эту неудачу, в промежутке между конгрессами советские генетики значительно расширили свои международные контакты. С 1927 по 1932 год пятеро молодых талантливых советских генетиков получили стипендии Рокфеллеровского фонда для годичной стажировки в США. Ученик Филипченко Ф. Г. Добржанский направился в Колумбийский университет в лабораторию Моргана. Два ученика Серебровского И. И. Агол и С. Г. Левит присоединились к Меллеру в Техасском университете. А двое сотрудников Вавилова Г. Д. Карпеченко и М. С. Навашин отправились в Калифорнийский университет в Беркли для работы в лаборатории Э. Бабкока. Кроме того, советское правительство финансировало стажировки ряда молодых генетиков растений в различных лабораториях Европы и США.

²⁴ Управляющий аппарат ЦК включал в эти годы Секретариат, Организационное бюро (Оргбюро) и Политическое бюро (Политбюро), которые контролировали различные отделы и сектора ЦК.

²⁵ Об истории русской евгеники см.: *Adams M. Eugenics in Russia // The wellborn science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / Ed. Adams M. New York: Oxford University Press, 1990. P. 153–216.*

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 329. Л. 7–8, 124, 145–149.

²⁷ О взаимоотношениях Рокфеллеровского фонда и советской науки см.: *Susan G. Solomon and Nikolai Krementsov. Giving and taking across borders: The Rockefeller Foundation and Russia, 1919–1928 // Minerva. 2001. № 3. P. 265–298.*

Поездки советских генетиков за границу сопровождались приездами их зарубежных коллег в СССР. По окончании берлинского конгресса известный американский генетик Л. К. Данн посетил генетические лаборатории Москвы и Ленинграда. Несколько зарубежных исследователей, включал Э. Баура и Р. Гольдшмидта, приняли участие в Первом всероссийском съезде по генетике и селекции в Ленинграде в 1929 году. Зимой того же года известный британский генетик С. Дарлингтон побывал в Ленинграде. Летом 1931 года другой известный британский генетик Дж. Хаксли посетил Советский Союз в качестве гостя только что образованного «Интуриста». А зимой 1931–32 годов еще один член школы Моргана — К. Бриджес — провел шесть месяцев в Лаборатории генетики АН СССР, возглавляемой Вавиловым.

Следующий, 6-й международный генетический конгресс состоялся в 1932 году в небольшом городке Итака в штате Нью-Йорк, в котором находится известный своей сельскохозяйственной школой Корнельский университет. Оргкомитет конгресса включал всех звезд американской генетики: Т. Х. Морган (президент), Э. М. Ист (председатель программного комитета), М. Демерек (выставочный комитет), Р. Кук (ревизор), К. Литтл (генеральный секретарь), Ч. Давенпорт (финансы), Р. Эмерсон (местный комитет), Л. Данн (транспорт) и Д. Джонс (публикации). Около двадцати советских генетиков получили персональные приглашения оргкомитета принять участие в конгрессе, но только один из них — Н. И. Вавилов, ставший к тому времени академиком АН СССР и президентом ВАСХНИЛ, — сумел получить разрешение на поездку²⁸. На пленарном заседании «Генетика и эволюция» он разделил трибуну с тремя основателями эволюционной генетики — Р. Фишером, Дж. Б. С. Холдейном и С. Райтом. Вавилов был избран вице-президентом конгресса и заменил Колюцова на посту российского представителя в МОК.

Избранный конгрессом МОК включал представителей пятнадцати стран под председательством норвежского генетика О. Мора (бывшего первым зарубежным стажером в лаборатории Моргана в 1918 году)²⁹. МОК должен был выбрать место и время проведения следующего конгресса и осуществлять необходимые организационные мероприятия до той поры, пока соответствующий национальный комитет не будет назначен и не приступит к своим обязанностям. Вавилов прибыл в Итаку с разрешением советского правительства еще раз пригласить конгресс собраться в Москве, которое он и представил в МОК³⁰. На специальном заседании члены МОК решили, что следующий конгресс должен быть проведен в 1937 году, но вопрос о месте его проведения оставили открытым.

Тем временем советские генетики продолжали укреплять свои международные связи. В 1932 году Т. Х. Морган, Н. Х. Нильсон-Элле, Э. фон Чермак и Х. де Фриз стали почетными членами АН СССР, а в феврале следующего года Г. Меллер был избран членом-корреспондентом³¹. В сентябре 1933 года Меллер переехал в Совет-

²⁸ Еще один советский представитель, глава сельхозотдела Амторга В. Саенко принял участие в конгрессе.

²⁹ В состав МОК, избранный на конгрессе, вошли Э. фон Чермак (Австрия), Р. Вандендрейс (Бельгия), О. Винге (Дания), Х. Федерлей (Финляндия), Р. Вильморен (Франция), Р. Гольдшмидт (Германия), Дж. Б. С. Холдейн (Великобритания), А. Гиджи (Италия), С. Икено (Япония), Т. Таммес (Нидерланды), О. Мор (Норвегия) Х. Нильсон-Элле (Швеция), О. Шлягинхауфен (Швейцария), Н. Вавилов (СССР) и Р. Эмерсон (США).

³⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 317. Л. 30–34.

³¹ См.: Академия наук СССР. Персональный состав, 1917–1974. Т. 2. С. 406–408. Это издание не упоминает избрание Меллера.

ский Союз и стал главным специалистом в Лаборатории генетики АН СССР, которая примерно в это же время была преобразована в Институт генетики. Два его ученика Д. Раффел и К. Офферман вскоре присоединились к Меллеру. В том же году болгарский генетик Д. Костов стал сотрудником Института генетики. В 1934 году в институте выступил с лекциями С. Дарлингтон.

3. Организация конгресса в Москве

В середине апреля 1935 года, с приближением времени предстоящего конгресса, председатель МОК О. Мор направил Вавилову письмо с запросом о ситуации с приглашением 7-го международного генетического конгресса в СССР³². 10 мая Вавилов ответил, что он поднимет этот вопрос в правительстве. В соответствии с правилами советской системы проведение международного конгресса требовало разрешения Оргбюро и Политбюро ЦК. Чтобы подготовить почву для такого разрешения, Вавилов обратился в президиум АН СССР. В записке президиуму Вавилов отметил, что он уже обсуждал идею проведения конгресса в СССР с главой Наркомзема М. Черновым и главой Отдела науки ЦК К. Бауманом, и что оба с энтузиазмом ее поддержали³³. Не удивительно, что 2 июня президиум постановил: «Признать целесообразным созыв 7-го Международного генетического конгресса в Союзе ССР в августе 1937 г. Войти в СНК с соответствующим ходатайством»³⁴. 3 июля Вавилов сообщил Морю, что он добился поддержки конгресса со стороны Наркомзема, Наркомпроса и Академии наук. «Как только я узнаю более определенно о решении нашего правительства, я немедленно вам сообщу», — заключил он³⁵.

Получение разрешения правительства потребовало времени. 13 июля президиум направил официальное ходатайство Бауману, который в свою очередь направил свои собственные рекомендации трем секретарям ЦК: Сталину, Н. И. Ежову (курировавшему кадры) и А. А. Андрееву (курировавшему сельское хозяйство). Вопрос был поставлен в повестку дня Оргбюро, которое 31 июля разрешило Академии наук провести конгресс и поручило Отделу науки подготовить предложения по его организации и составу³⁶. Спустя два дня Политбюро утвердило это решение³⁷.

В конце августа Вавилов сообщил Морю, что правительство разрешило проведение конгресса в СССР, и теперь настала очередь МОК официально принять советское приглашение³⁸. Спустя месяц Мор прислал Вавилову личное письмо, сообщив ему, что большинство членов МОК проголосовали за принятие приглашения СССР. А в середине ноября, Мор направил официальное подтверждение в президиум Академии наук³⁹.

³² Мор Вавилову. 16 апреля 1935 г. Копия этого письма находится среди бумаг Л. Данна, хранящихся в Библиотеке Американского философского общества (APS, Philadelphia). Далее ссылки на эту коллекцию будут даваться как «Коллекция Данна».

³³ См.: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8390. Оп. 1. Д. 656. Л. 2—2 об.

³⁴ См.: Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 83. Л. 186.

³⁵ Вавилов Морю, 3 июля 1935 г. Это письмо сохранилось среди бумаг Мора, найденных Гил Винчестер в Анатомическом институте Университета Осло. Далее ссылки на эту коллекцию будут даваться как «Коллекция Мора». Копия этого письма также находится в Коллекции Данна.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 590. Л. 49.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 9.

³⁸ Вавилов Морю, 29 августа 1935 г. Коллекция Данна.

³⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1935. Д. 83. Л. 171—172.

Как только официальный ответ МОК был получен, президиум начал обсуждение предварительной программы и состава оргкомитета и 5 декабря утвердил проекты, подготовленные Вавиловым⁴⁰. Неожиданно, как может показаться на первый взгляд, председателем оргкомитета был назначен не Вавилов, а человек, не имевший никакого отношения ни к генетике, ни к Академии наук — А. И. Муралов. Замнаркома земледелия и старый член партии, Муралов в начале 1935 года по постановлению ЦК заменил Вавилова на посту президента ВАСХНИЛ. Кажется весьма вероятным, что Вавилов специально поставил имя Муралова в проект состава оргкомитета: в виду тесных контактов Муралова с парт- и госаппаратом, его кандидатура казалась идеальной в качестве главы оргкомитета. Вавилов и вице-президент АН В. Л. Комаров стали заместителями председателя; бывший рокфеллеровский стипендиат, а ныне директор Медико-генетического института Наркомздрава Левит — генеральным секретарем; Меллер возглавил программную комиссию; а другой рокфеллеровский стипендиат М. С. Навашин — выставочную комиссию. Оргкомитет также включал таких известных генетиков, как Кольцов, Серебровский и Карпеченко, и целый ряд официальных представителей Академии наук и ВАСХНИЛ: бывшего секретаря Ленина, а ныне академика-секретаря АН СССР, Н. П. Горбунова; молодого, но уже широко известного директора Одесского института генетики и селекции, академика ВАСХНИЛ Т. И. Лысенко; вице-президента ВАСХНИЛ Г. К. Мейстера и директора Института ботаники АН СССР Б. А. Келлера.

На следующий день Вавилов написал Мору: «Мы выдвинули кандидатуры членов оргкомитета. Эти кандидатуры должны теперь быть утверждены Правительством. Как только это будет сделано, Комитет немедленно приступит к работе»⁴¹. Утверждение состава Оргкомитета затянулось почти на два месяца. В конце декабря Бауман представил проект в Оргбюро, которое утвердило его только 29 января⁴². Спустя два дня Политбюро подтвердило решение Оргбюро и поручило Муралову в три месяца представить предложения оргкомитета по работе конгресса⁴³. 5 февраля решение Политбюро в виде постановления СНК было направлено в АН СССР⁴⁴.

Как только все формальности были соблюдены, Оргкомитет начал работу и 17 февраля провел первое официальное заседание, посвященное главным образом программе⁴⁵. Оргкомитет решил, что конгресс должен сконцентрировать свое внимание на трех предметах: генетические аспекты эволюции, селекция сельскохозяйственных животных и растений и генетика человека. Примерно через месяц, 13 марта Муралов представил в СНК предварительный бюджет расходов Оргкомитета на текущий 1936 год в сумме 333,3 тысячи рублей⁴⁶. А три дня спустя Оргкомитет провел очередное заседание, на этот раз посвященное месту и времени проведения конгресса. Первоначально, следуя модели XV Международного физиологического конгресса, состоявшегося в 1935 году, планировалось открыть генетический конгресс в Ленинграде, а затем проводить его в Москве. Однако, ссылаясь на

⁴⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1935. Д. 83. Л. 165—165 оборот; этот документ опубликован в: Международные научные связи Академии наук СССР, 1917 - 1941. М.: Наука, 1992. С. 183—184.

⁴¹ Вавилов Мору. 7 декабря 1935. Коллекция Данна.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 114. Д. 601. Л. 42.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 73.

⁴⁴ АРАН. Ф. 201. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

⁴⁵ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 3. Л. 41—44.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 788. Л. 15.

различные технические трудности, которые пришлось преодолевать их коллегам-физиологам, Оргкомитет отказался от этого плана и решил провести конгресс целиком в Москве в последнюю неделю августа⁴⁷. Вавилов регулярно информировал Мора о всех дискуссиях и решениях Оргкомитета.

23 апреля Оргкомитет провел очередное заседание, назначившее Вавилова президентом, а Т. Х. Моргана почетным президентом предстоящего конгресса. На заседании также были внесены изменения в программу конгресса. Эти изменения были сделаны по просьбе более чем 30 американских генетиков, включая Бриджеса, Данна, Кука, Дженнингса и Литтла, предложивших ввести в программу специальную дискуссию по вопросам, связанным с расовыми и евгеническими проблемами⁴⁸.

В действительности, идея этой дискуссии, скорее всего, была выдвинута немецким эмигрантом биологом Ю. Шакселем, возглавлявшим в это время лабораторию в АН СССР. В конце ноября 1935 года, после того как проведение съезда в Москве было утверждено правительством, Шаксель написал письмо своему соотечественнику В. Ландауэру, работавшему в США, с предложением «**поставить на обсуждение конгресса национал-социалистическую расовую теорию**»⁴⁹. Ландауэр с готовностью поддержал эту идею и подготовил проект письма в Оргкомитет, который разослал на подпись всем ведущим американским генетикам, связанным с изучением генетики человека⁵⁰. 2 апреля 1936 года он отправил это письмо со своей сопроводительной запиской Левиту. В своей записке Ландауэр также предположил, что «**русские этнологи, работающие с национальными меньшинствами, могут сыграть важную роль в дискуссии**»⁵¹.

Просьба американских генетиков поставила Оргкомитет в непростое положение, поскольку в СССР в конце 1920-х годов евгеника стала объектом широкой политической атаки и была «запрещена» во время «великого перелома». В 1930 году и Русское евгеническое общество, и издаваемый им «*Русский евгенический журнал*» прекратили свое существование. Включение в программу конгресса «**дискуссии по вопросам, связанным с евгеническими проблемами**», таким образом, было чревато политическими неприятностями. Неудивительно, что Оргкомитет решил, что «**доклады по смежным с генетикой дисциплинам**» включать в программу не стоит, но последнее пленарное заседание должно быть посвящено «**обсуждению расовых вопросов**» и озаглавлено «*Генетика человека и расовая теория*», обойдя всякое упоминание евгеники и евгенических проблем⁵².

В конце апреля Государственная штатная комиссия утвердила штаты Оргкомитета в количестве 11 человек, включая стенографистку, машинистку, бухгалтера, курьера, переводчика, и нескольких секретарей⁵³. А в начале мая, во исполнение решения Политбюро, Муралов представил длинную записку Сталину и Молотову, к которой был приложен проект постановления СНК о конгрессе⁵⁴. Постановление

⁴⁷ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 3. Л. 25–27.

⁴⁸ Американские генетики Левиту, 2 апреля 1936, АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 2. Л. 35–37. Через несколько дней Левит получил письмо от Дж. Хаксли, поддержавшего предложение его американских коллег. См.: Хаксли Левиту, 15 апреля 1936. Там же. Л. 34.

⁴⁹ См.: Шаксель Ландауэру, 28 ноября 1935 и Шаксель Ландауэру, 3 мая 1936, Коллекция Данна.

⁵⁰ См., например: Ландауэр Давенпорту. 29 февраля 1936. Бумаги Ч. Давенпорта в APS (далее — «Коллекция Давенпорта»).

⁵¹ Ландауэр Левиту, 2 апреля 1936, АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 2. Л. 40–41.

⁵² АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 3. Л. 19–21.

⁵³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 788. Л. 12.

⁵⁴ Муралов Сталину и Молотову, 4 мая 1936. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 4–17.

обязывало ряд наркоматов и различных госучреждений обеспечить подготовку и проведение конгресса. Большая часть постановления касалась ремонта и переоборудования генетических лабораторий и институтов, которые иностранные делегаты должны были посетить во время конгресса. Муралов запросил «4–5 миллионов рублей» на финансирование съезда.

13 июля Оргкомитет разослал «Информационное письмо № 1» и начал рассылку персональных приглашений отдельным генетикам выступить с докладами на пленарных заседаниях⁵⁵. В течение лета Оргкомитет переписывался с советскими и иностранными учеными и регулярно встречался с чиновниками различных наркоматов по поводу финансирования и обеспечения конгресса, и в частности, выставки, которая должна была быть проведена во время конгресса. В середине августа Муралов представил в СНК записку о проводимой Оргкомитетом работе.

В начале сентября президиум АН СССР заслушал доклад Муралова о проделанной работе и одобрил план действий Оргкомитета, включая предварительную программу заседаний⁵⁶. В конце того же месяца Муралов и Левит направили проект программы и его обоснование в Отдел науки ЦК⁵⁷. В проекте предусматривались шесть основных направлений работы конгресса: 1) эволюция в свете генетических исследований; 2) генетика и селекция растений; 3) генетика и селекция животных; 4) гены, мутации и структурные основы наследственности; 5) отдаленная гибридизация и полиплоидия; 6) генетика человека и расовые теории. В проекте также поименно назывались советские и зарубежные генетики, приглашенные выступить с докладами на пленарных заседаниях по каждому из этих направлений.

В середине октября СНК утвердил бюджет текущих расходов Оргкомитета до конца года в размере 160 тысяч рублей⁵⁸. А к концу месяца Оргкомитет получил ответы на Информационное письмо № 1 от почти 900 генетиков из более чем 40 стран. Наибольшее число писем пришло из США (369), затем следовали Великобритания (83), Германия (82), Канада (32), Япония (25), Швеция (22), Голландия (20), Китай (16), Франция (16), Швейцария (15), Польша (14) и Индия (13)⁵⁹. Казалось, все идет как нельзя более хорошо.

Неожиданно, 14 ноября Политбюро решило «отменить созыв в СССР в 1937 году 7-го международного конгресса по генетике»⁶⁰.

4. Отменили или отложили?

Решение Политбюро было громом среди ясного неба. Даже члены Оргкомитета, которые три дня спустя были информированы об этом решении в форме совершенно секретного постановления СНК, не знали ни причин, побудивших Политбюро отменить конгресс, ни деталей принятия этого решения. Однако, несмотря на предупреждение на постановлении СНК — «не подлежит оглашению», — им необходимо было представить какое-то объяснение советским и зарубежным ученым, приглашенным на конгресс.

⁵⁵ См., например: Вавилов Моргану, 15 июня 1936. Центральный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД). Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 1186. Л. 35.

⁵⁶ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 16. Л. 17.

⁵⁷ Муралов и Левит в Отдел науки ЦК, 28 сентября 1936. АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 2. Л. 1—5.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 788. Л. 1.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 46.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 982. Л. 40.

25 ноября Меллер написал длинное письмо Горбунову с просьбой об инструкциях — что отвечать его корреспондентам, в особенности иностранцам, которые были приглашены представить тексты своих докладов на пленарных заседаниях к началу января. Меллер отмечал: «Мне не нужно в моих ответах входить в детали. Можно просто сказать, что оказалось невозможным провести конгресс следующим летом. Или, если даже такая информация вызывает возражения, я могу просто написать, что я больше не имею отношения к программному комитету и что дальнейшие вопросы должны быть адресованы вам»⁶¹. По-видимому, Горбунов одобрил идеи Меллера, поскольку в начале декабря последний направил письма нескольким западным генетикам (в частности, Мору, Эмерсону, Данну и Дарлингтону), в которых писал: «оказалось невозможным провести Конгресс здесь следующим летом»⁶². Вавилов направил аналогичное письмо Мору, сообщив председателю МОК, что «по решению Правительства оказалось, что в течение следующего года и весьма возможно в течение 1938 г. будет невозможно провести конгресс в СССР», и, отметив, «что он не знает определенно причин такого решения»⁶³.

Однако советским генетикам явно не хотелось расставаться с идеей проведения конгресса в Москве, и они немедленно начали координированную кампанию по его «спасению». Формулировка решения Политбюро — «отменить созыв в 1937 году в СССР 7-го Международного конгресса по генетике» — могла быть интерпретирована по-разному. С одной стороны, она могла означать полный отказ от проведения конгресса в СССР, а с другой, лишь невозможность его проведения именно в 1937 году. Очевидно, воспользовавшись последним прочтением решения, Горбунов вместе с Г. М. Кржижановским (вхожим в высшие партийные круги вице-президентом АН) написали письмо Молотову⁶⁴. Явно по подсказке Вавилова, партийные руководители академии предупреждали главу советского правительства, что «полный отказ от созыва Генетического конгресса может вызвать нежелательные толкования и выступления не в интересах престижа советской науки», и просили разрешения провести конгресс годом позже — в августе 1938. Горбунов и Кржижановский даже предлагали как именно подать отсрочку конгресса: «президиуму Академии наук представляется, что такого рода перенесение конгресса является наиболее удобной формой, вполне объясняемой подготовкой к 20-летию Октябрьской революции и проведением в 1937 году Международного геологического конгресса». Скорее всего, Молотов был слишком занят, чтобы прислушаться к предупреждениям академиков — в это время шла подготовка к Съезду Советов, который в начале декабря должен был принять новую «сталинскую» конституцию страны, — и очень скоро предсказания академиков стали сбываться.

Пока советские генетики вели переписку с партийными боссами, новость об отмене конгресса просочилась наружу. 9 декабря известный гарвардский генетик Ист послал секретарю Американского генетического общества (АГО) Демереку записку с запросом о конгрессе. Поводом к этому обращению послужило письмо, полученное Истом от Кольцова, в постскриптуме которого Кольцов писал: «Кажется, что 7-й генетический конгресс будет отложен»⁶⁵. Обеспокоенный Демерек немедленно позвонил в Нью-Йоркскую контору Интуриста, отвечавшего за организацию

⁶¹ Меллер Горбунову, 25 ноября 1936. АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1935. Д. 83. Л. 105.

⁶² См., например: Меллер Данну, 9 декабря 1936. Коллекция Данна.

⁶³ Вавилов Мору, 9 декабря 1936. АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 1. Л. 23.

⁶⁴ Кржижановский и Горбунов Молотову, [?] ноября 1936. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 83. Л. 104.

⁶⁵ Ист Демереку, 9 декабря 1936. Бумаги М. Демерека в APS. (Далее — «Коллекция Демерека»).

поездки американской делегации в Москву. Как он сообщил Исту: «На прошлой неделе они получили телеграмму с датой проведения конгресса геологов, и обещавшую в ближайшие дни сообщить дату нашего конгресса. Они очень сомневаются, что он будет отложен. Тем не менее, они посылают сегодня телеграмму в Москву с запросом и пообещали дать мне знать, как только они получают ответ. Я буду держать вас в курсе дела»⁶⁶. Два дня спустя, сотрудники «Интуриста» действительно сообщили Демереку, что им удалось выяснить: «Нам очень жаль, но мы вынуждены информировать вас о том, что сегодня утром мы получили телеграмму из московского отделения о том, что 7-й международный конгресс по генетике не состоится в Москве в 1937 году»⁶⁷. Но Демерек в этот момент находился в отъезде и получил письмо «Интуриста» только 16 декабря, когда, в определенном смысле, оно уже потеряло свою актуальность.

14 декабря «*Нью-Йорк Таймс*» опубликовала телеграмму своего московского корреспондента: «По неофициальным сообщениям, 7-й Международный генетический конгресс, который должен был состояться здесь в следующем августе, отменен по приказу советского правительства»⁶⁸. Телеграмма, однако, касалась не только отмены конгресса. Американский корреспондент также сообщал, что президент предстоящего конгресса Вавилов вместе с другим известным генетиком, бывшим рокфеллеровским стипендиатом И. Аголом, арестованы, а генеральный секретарь оргкомитета Левит стал мишенью жесткой критики со стороны партийных руководителей. Корреспондент привел возможные причины отмены конгресса:

«Интересная история раскола среди советских генетиков, многие из которых обвиняются деятелями Коммунистической партии в поддержке взглядов германских фашистов на генетику и даже в укрывательстве “троцкистов”, лежит в основе отмены конгресса. Тот факт, что многие из наиболее известных генетиков Советского Союза находятся под огнем партийной критики, по мнению некоторых, является главным мотивом действий правительства».

«Раскол», упоминавшийся в статье, был на самом деле полемикой по «спорным вопросам генетики» между двумя группами советских генетиков, во главе которых стояли члены оргкомитета конгресса — Вавилов и Лысенко⁶⁹. Полемика длилась уже более года и ко времени публикации в «*Нью-Йорк Таймс*» подходила к своей кульминации: 19 декабря открытая дискуссия между сторонниками двух группировок должна была начаться на 4-й сессии ВАСХНИЛ.

Статья в «*Нью-Йорк Таймс*» побудила западных, особенно американских и британских, генетиков к немедленным действиям. Целый ряд известных ученых направил письма и телеграммы послу СССР в США А. А. Трояновскому с запросами как о судьбе Вавилова, Агола и Левита, так и о судьбе конгресса. Среди корреспондентов Трояновского были Нобелевский лауреат Т. Х. Морган, известный антрополог из Колумбийского университета Ф. Боас, редактор «*Журнала наследственности*» Р. Кук, президент Американской ассоциации содействия науке Э. Конклин и секретарь АГО М. Демерек. Аналогичные запросы получили и советский консул в Сан-Франциско, и посол СССР в Великобритании И. И. Майский.

⁶⁶ Демерек Исту, 10 декабря 1936. Там же.

⁶⁷ Рос Кулер Демереку, 12 декабря 1936. Там же.

⁶⁸ См.: Moscow Cancels Genetics Parley // *New York Times* (далее — NYT). December 14, 1936. P. 18.

⁶⁹ Детальный анализ первой фазы противостояния Лысенко и Вавилова см.: *Joravsky D. The Lysenko affair*. Chicago: Chicago University Press, 1986; *Krementsov N. L. Stalinist science*.

Западные генетики не только бомбардировали советских дипломатических представителей письмами и телеграммами, они также попытались мобилизовать местных политических деятелей. На следующий день после публикации в «*Нью-Йорк Таймс*» Данн отправил телеграмму Эмерсону, предложив ему «попросить [министра сельского хозяйства США] Геври Уоллеса посетить советское посольство»⁷⁰. Эмерсон немедленно адресовал соответствующую просьбу министру⁷¹. Через два дня, Давенпорт обратился к Госсекретарю США с требованием «передать по дипломатическим каналам правительству СССР его протест» против преследований его коллег⁷². Дарлингтон направил аналогичное требование Британскому министерству иностранных дел и попытался сагитировать руководство Британской ассоциации содействия науке присоединиться к его протесту. И американские, и британские дипломаты, однако, не пожелали вмешиваться. Как писал в своем ответе Дарлингтону чиновник Британского МИДа: «Это дело не представляется одним из тех, в которые Правительство Ее Величества могло бы с пользой вмешаться»⁷³. Госдепартамент США прислал Давенпорту почти идентичный ответ на его письмо Госсекретарю⁷⁴.

Советские дипломаты реагировали совершенно иначе. Трояновский немедленно переправил все запросы от американских ученых в НКВД. Так же поступил и советский консул в Сан-Франциско⁷⁵. Масла в огонь подлила и «*Нью-Йорк Таймс*», опубликовавшая 17 декабря саркастическую редакционную заметку об отмене конгресса под заголовком «*Наука и диктаторы*»⁷⁶. Более того, на следующий день ведущий американский научный журнал «*Science*» перепечатал без всяких комментариев первое сообщение «*Нью-Йорк Таймс*» под заголовком «*Запрещение московской сессии международного генетического конгресса*»⁷⁷.

Западные генетики также немедленно мобилизовали свои научные организации. Вопрос о конгрессе был поставлен в повестку дня годовичных заседаний Американской ассоциации содействия науке и Американского генетического общества, которые должны были начаться 30 декабря в Атлантик-Сити, «в надежде», по выражению Демерека, «что мнение американских ученых поможет открыть глаза ответственных лиц в России»⁷⁸.

Эта активная кампания на Западе очевидно «открыла глаза» ответственным лицам. 21 декабря «*Известия*» на первой странице опубликовали редакционную статью под заголовком «*Ответ клеветникам из "Сайенс Сервис" и "Нью-Йорк Таймс"*», кото-

⁷⁰ Данн Демереку, 15 декабря 1936. Коллекция Данна.

⁷¹ Эмерсон Данну, 17 декабря 1936. Там же.

⁷² Давенпорт Госсекретарю США, 17 декабря 1936. Коллекция Давенпорта. Это письмо также было опубликовано в русском переводе Ю. Н. Вавиловым без указания места хранения оригинала. См.: «Это не только национальное самоубийство, но и удар в лицо цивилизации». Неизвестное письмо американского ученого в защиту советских генетиков. Предисловие и публикация Ю. Н. Вавилова // Вестник РАН. 1992. № 6. С. 99–103.

⁷³ С. Никол Дарлингтону, 1 февраля 1937. Отдел западных рукописей Библиотеки Бодлеяна (Оксфорд, Великобритания). Бумаги С. Дарлингтона С. 91. Г. 10 (далее — Коллекция Дарлингтона)

⁷⁴ См.: Р. Келли Давенпорту, 29 декабря 1936. Коллекция Давенпорта.

⁷⁵ См.: Архив внешней политики России (далее — АВПР). Ф. 192. Оп. 3. Папка 24. Д. 53. Л. 52–53, 57–59, 68; Ф. 192. Оп. 4. Папка 36. Д. 76. Л. 1.

⁷⁶ Science and dictators // NYT. December 17, 1936, P. 26.

⁷⁷ Abandonment of the Moscow meeting of the International congress of genetics // Science. 1936. V. 84. P. 553–554.

⁷⁸ Демерек Исту, 16 декабря 1936, Коллекция Демерека.

рая на следующий же день была перепечатана «*Нью-Йорк Таймс*»⁷⁹. «*Известия*» среагировали в первую очередь на информацию, озаглавленную «*Наука — невинный прохожий*», которую американское агентство научных новостей «*Сайенс Сервис*» разослало 14 декабря в американские газеты. Основываясь на сообщении корреспондента «*Нью-Йорк Таймс*», информация выражала сожаление по поводу отсутствия «интеллектуальной свободы» в СССР, проявившейся в аресте Вавилова и отмене конгресса⁸⁰. Статья в «*Известиях*» напрочь отвергла все обвинения в ограничении свободы науки: «*Действительная свобода исследовательских работ, действительная интеллектуальная свобода существует только в СССР, где наука работает не в пользу и не по найму кучки капиталистов, а на благо и в интересах всего народа, всего человечества*»⁸¹. В качестве иллюстрации «*Известия*» ссылались на дискуссии «по вопросам генетики», которая началась два дня назад на сессии ВАСХНИЛ. Затем в статье отмечалось, что Вавилов вовсе не арестован, а на следующий день будет выступать с пленарным докладом на сессии: «*Насчет ареста Вавилова "Нью-Йорк Таймс" просто наврал*». Далее в статье утверждалось, что Агол действительно арестован, но его арест не имеет никакого отношения к генетике или конгрессу: он арестован «за прямую связь с троцкистскими убийцами». В самом конце статьи отмечалось, что конгресс вовсе не отменен, а «отложен на некоторое время по просьбе ряда ученых, пожелавших удлинить сроки своей подготовки к конгрессу». Организаторам ответной кампании — а редактором заметки в «*Известиях*» был лично Сталин — очевидно, показалось недостаточным ограничиться лишь редакционной статьей. На следующий день «*Известия*» опубликовали телеграмму академика Н. И. Вавилова в американскую газету «*Нью-Йорк Таймс*», повторившую основные положения статьи, с одним существенным отличием — в телеграмме Агол даже не упоминался⁸².

На следующий день, 23 декабря, «*Нью-Йорк Таймс*» опубликовала перевод «телеграммы», которую Вавилов сам доставил в московское бюро газеты⁸³. «*Нью-Йорк Таймс*» также признала, что сообщение об аресте Вавилова было «ошибкой в [телеграфной] передаче материала»⁸⁴. В тот же день, Трояновский разослал телеграммы всем американским ученым, обращавшимся к нему за разъяснениями: «*Ваша информация неверна. Профессор Вавилов не арестован. Генетический конгресс не отменен, а всего лишь отложен по желанию многих ученых иметь больше времени для подготовки*»⁸⁵.

⁷⁹ Ответ клеветникам из «Сайенс Сервис» и «Нью-Йорк Таймс» // *Известия*. 21 декабря 1936. С. 1; См.: также Moscow defends delay on genetics // *NYT*. December 22, 1936. P. 19.

⁸⁰ Эта цитата из следующего сообщения, озаглавленного «*Генетика в СССР*» и пространственного «*Сайенс Сервис*» 21 декабря. После появления статьи в «*Известиях*» советское посольство в Вашингтоне стало внимательно отслеживать информацию «Сайенс Сервис». Копия этого сообщения сохранилась в материалах посольства. См.: АВПР. Ф. 192. Оп. 3. Папка 24. Д. 53. Л. 67.

⁸¹ Хотя мне не удалось найти это сообщение, опубликованным в американских газетах, и никто из американских генетиков, обращавшихся к советским дипломатам за разъяснениями, о нем не знал, оно сумело найти дорогу в СССР (скорее всего через ТАСС, с которым «Сайенс Сервис» имел соглашение об обмене научными новостями) и вместе с публикациями «*Нью-Йорк Таймс*» спровоцировало жесткую реакцию советского руководства. См.: АВПР. Ф. 192. Оп. 4. Папка 36. Д. 76. Л. 17–18.

⁸² Телеграмма академика Н. И. Вавилова в американскую газету «*Нью-Йорк Таймс*» // *Известия*. 22 декабря 1936. С. 4.

⁸³ См.: Vaviloff defends science in Soviet // *NYT*. December 23, 1936. P. 8.

⁸⁴ На следующий день московские газеты опубликовали заметки с красноречивыми заголовками: «*Нью-Йорк Таймс*» и «Сайенс Сервис» оправдываются // *Вечерняя Москва*. 23 декабря 1936. С. 1; *Известия*. 24 декабря 1936. С. 3.

⁸⁵ См., например, Трояновский Моргану, 23 декабря 1936, Коллекция Данна.

Телеграммы советского посла, вместе с публикациями «*Нью-Йорк Таймс*», успокоили волнение западных ученых о судьбе Вавилова, но мало что объяснили в ситуации с отменой конгресса и перспективах его проведения в СССР. Как Добржанский выразился в одном из писем Данну: «Отличный образчик дипломатии. Вавилов не арестован — но это не означает, что он не был арестован. Кто эти многие ученые? Отложен до какого времени?»⁸⁶.

4 января 1937 года Вавилов отправил Мору длинное письмо, отметив, что оно «личное, для вашего личного сведения», в котором развил официальное объяснение по поводу ситуации с конгрессом:

«Тот факт, что Международный геологический конгресс, объявленный раньше Генетического конгресса, тоже должен проводиться в этом году в Москве, создал определенные трудности с гостиницами. Эта проблема еще более усугубляется большим притоком людей из провинциальных городов и деревень, ожидаемым в связи с большой сельскохозяйственной выставкой, которая организуется этим летом в Москве. Уже только из-за этого некоторые советские генетики и селекционеры посчитали желательным, если возможно, отложить конгресс»⁸⁷.

Вавилов продолжил: «принимая во внимание все эти обстоятельства, советское Правительство решило отложить конгресс». Однако закончил он свое письмо на оптимистической ноте: «Вопрос: о конгрессе в нашем случае зависит от решения нашего Правительства и его финансовой помощи. Генетики и селекционеры (нашей страны) чрезвычайно заинтересованы в конгрессе, и я верю, что будет возможным организовать конгресс здесь, если не в 1937, то 1938 г.».

Оптимизм Вавилова был явно обоснован и, в конечном счете, оправдался. 15 января Президиум АН СССР принял решение: «Просить Президента АН В. Л. Комарова возбудить перед председателем СНК В. М. Молотовым ходатайство об изменении структуры и срока созыва конгресса»⁸⁸. Два месяца спустя, 19 марта, Политбюро постановило: «Одобрить предложение Академии наук СССР о переносе созываемого в Союзе ССР 7-го Международного генетического конгресса на август 1938 г.»⁸⁹.

5. Перенос конгресса в Великобританию

Однако, после известия об отмене конгресса в Москве, зарубежные генетики немедленно начали акцию по его проведению в какой-нибудь другой стране. Даже после того, как они узнали, что конгресс «не отменен, а отложен», они посчитали, что «местные организаторы явно не имели права откладывать конгресс. Если они не в состоянии выполнить свои обязательства, все дело должно вернуться обратно в Международный организационный комитет для решения»⁹⁰. Резолюция, принятая на декабрьском собрании АГО, призывала МОК «организовать проведение 7-го Международного конгресса как можно скорее»⁹¹.

⁸⁶ Добржанский Данну, 21 декабря 1936, Коллекция Данна.

⁸⁷ ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 1436. Л. 58—58об.

⁸⁸ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 16. Л. 11

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 986. Л. 5. Два дня спустя это решение Политбюро было выпущено в форме еще одного секретного постановления СНК. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 128. Л. 95.

⁹⁰ См.: Коллекция Демерека.

⁹¹ См.: Коллекция Демерека.

Такой поворот событий на деле означал, что ответственность за конгресс опять легла на плечи председателя МОК Отто Мора. Однако, с 19 декабря, когда Мор впервые услышал об отмене конгресса, до начала марта, когда он получил первое официальное письмо из Москвы с извещением, что конгресс отложен до августа 1938 года, председатель МОК путался в паутине, сотканной из молчания официальной Москвы, частных писем советских генетиков и горячих дебатов их западных коллег по поводу того, что же делать с конгрессом.

Мор впервые узнал о проблемах с конгрессом 19 декабря, когда американский член МОК Эмерсон прислал ему следующую телеграмму: «Московский конгресс отменен. Немедленно предпринимайте попытки организовать конгресс где-либо еще в 1938. Проводить конгресс в США неудобно. Можно ли провести его в скандинавских странах»⁹². Мор посчитал телеграмму «совершенно непонятной»⁹³. Всего несколькими неделями ранее, в середине ноября, он встречался в Копенгагене (на конференции, организованной Нильсом Бором) с Меллером, и тот никоим образом не дал ему понять, что конгресс может быть отложен. Напротив, у Мора сложилось впечатление, что «организация конгресса идет в полном соответствии с планом»⁹⁴. За несколько дней до телеграммы Эмерсона, Мор получил личное письмо от Меллера, объявившее, что «оказалось невозможным проводить здесь конгресс следующим летом». «Без сомнения, — продолжал Меллер, — официальное сообщение по этому поводу будет вскоре выпущено». Однако никаких официальных сообщений не последовало, и Мор было трудно поверить в информацию Эмерсона. Тем не менее, он немедленно отправил телеграмму в Москву: «Эмерсон телеграфировал, [что] конгресс отменен. Шлите информацию».

Мору пришлось ждать довольно долго. Только через неделю, 26 декабря, он получил ответ Муралова: «Конгресс не отменен, а в соответствии с пожеланиями ряда генетиков время [проведения] будет изменено. Точное время будет определено в ближайшем будущем»⁹⁵. Через два дня Мор получил телеграмму и от Вавилова: «Конгресс отложен. Вскоре посылаем информацию»⁹⁶. 5 января Мор получил письма от Демерека и Эмерсона, с вложенными в них вырезками из «*Нью-Йорк Таймс*», сделавшими всю картину еще более запутанной. В тот же день Мор написал детальные ответы своим американским коллегам, отметив, что «если это будет необходимо, он отправится в Москву, чтобы получить полную информацию»⁹⁷. Еще через два дня Мор послал длинное письмо Муралову с просьбой немедленно сообщить, что именно произошло в Москве⁹⁸.

К этому времени, Мор наверняка уже получил «неофициальную» информацию из письма Вавилова от 9 декабря: «по решению правительства, оказалось, что в следующем, и, скорее всего в 1938 году, провести конгресс в СССР будет невозможно». Вавилов заключил: «Ваши права как председателя Международного комитета — опять в полной силе, и решение о том, в какой стране проводить конгресс, теперь зависит от вас и комитета. Официальное письмо от Академии наук будет послано вам через несколько дней»⁹⁹. Однако официальная Москва по-прежнему молчала, что существенно усилило беспокойство Мора.

⁹² Эмерсон Морю, 19 декабря 1936. Коллекция Мора.

⁹³ Мор Муралову, 7 января 1937. АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 1. Л. 4—5. Копия этого письма также находится в Коллекции Данна.

⁹⁴ Мор Эмерсону, 5 января 1937. Коллекция Демерека

⁹⁵ Муралов Морю, 26 декабря 1936. Коллекция Мора

⁹⁶ Вавилов Морю, 28 декабря 1936. Коллекция Мора. Проект этой телеграммы в АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 16. Л. 13.

⁹⁷ Мор Эмерсону, 5 января 1937. Копии этого письма были также направлены Данну и Демереку. См.: Коллекция Данна и Коллекция Демерека.

⁹⁸ Мор Муралову, 7 января 1937.

⁹⁹ Вавилов Морю, 9 декабря 1936. АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 1. Л. 23.

Если Москва хранила молчание, то западные генетики высказывались в полный голос. История с конгрессом вызвала горячие дебаты среди американских генетиков. Во время декабрьского собрания АГО, естественно, все только и говорили об отмене конгресса не только на заседаниях, но и в кулуарах. Во время одной из таких кулуарных дискуссий Данн, Демерек и Эмерсон решили, что Мор должен немедленно отправиться в Москву. Цель такой поездки была двойной. С одной стороны, американские генетики хотели выяснить, какова же реальная ситуация в Москве по вопросу отмены конгресса и собираются ли советские организаторы заново пригласить конгресс. С другой стороны, они хотели узнать, что советские генетики (в первую очередь, Вавилов и Меллер) думают по поводу места проведения конгресса на тот случай, если будет невозможно организовать его в Москве. Американские генетики также надеялись, что Мору удастся добиться встречи «с кем-нибудь из правительства, чтобы выяснить, каково же в действительности официальное отношение к генетике»¹⁰⁰. Они даже были готовы оплатить его поездку.

Не все американские генетики, однако, относились к этой проблеме одинаково. Кук, к примеру, считал, что советское правительство действовало весьма «высокомерно» в истории с конгрессом. Он не верил, что «чего-то можно добиться в процессе дальнейших переговоров с советскими руководителями» и настаивал на том, что если американские генетики поедут на отложенный конгресс в Россию, они «потеряют лицо». Кук хотел убедить Мора в том, что «американские генетики нетерпимо относятся к действиям советского правительства»¹⁰¹. И действительно, в февральском номере редактируемого им «Журнала наследственности» Кук напечатал свою собственную редакционную статью с резкой критикой отмены конгресса¹⁰². Многие западные генетики разделяли «нетерпимость» Кука, но отнюдь не соглашались с предлагаемыми им действиями. Как писал ему Демерек:

«Стоящий перед нами теперь вопрос заключается не в том, как нам дать сдачи за полученную оплеуху, а как исправить создавшуюся ситуацию. После США, Россия обладает самой большой группой активно работающих генетиков, и любое действие, которое вызовет негативную реакцию российского правительства, может изолировать эту большую группу и сделать для нее невозможным участие в международных конгрессах. Мне кажется, что Международный комитет должен быть очень осторожным в своих действиях. Комитет, несомненно, имеет право изменить место проведения конгресса, однако, весьма сомнительно, что он должен воспользоваться этим правом в противовес Российскому правительству»¹⁰³.

Кук неохотно согласился с доводами своих коллег. Американские генетики стали торопить Мора с поездкой в Москву и даже предоставили в его распоряжение деньги «для облегчения и ускорения планов спасения конгресса»¹⁰⁴.

Мор, однако, был в нерешительности. Для начала он посоветовался с норвежским министром иностранных дел и норвежским послом в СССР (который был его старым знакомым). Давление американских генетиков также побудило его в начале февраля отправить еще одну телеграмму в Москву: «Пожалуйста, ответьте на мое письмо. Абсолютно необходимо знать поможет ли вам мой приезд в Москву»¹⁰⁵. Десять дней

¹⁰⁰ Данн Литтлу, 12 января 1937. Коллекция Данна.

¹⁰¹ Кук Данну, 18 января 1937. Там же.

¹⁰² См.: R. C. [Robert Cook], The genetics congress // Journal of Heredity. 1937. V. 28. P. 24–26.

¹⁰³ Демерек Куку, 22 января 1937. Коллекция Данна.

¹⁰⁴ Данн Мору, 13 января 1937. Там же.

¹⁰⁵ Мор Оргкомитету, 3 февраля 1937. Русский перевод см.: АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 2. Л. 17.

спустя он получил телеграмму от Вавилова и Муралова: «Ложная информация и выдумки "Нью-Йорк Таймс" совершенно опровергнуты телеграммой академика Вавилова в "Нью-Йорк Таймс". Дата конгресса определена на 1938 г. исключительно с целью лучшей подготовки. Мы посылаем вам детальную информацию»¹⁰⁶. Телеграмма даже не упоминала предложение Мора приехать в Москву, и никакой «детальной» информации он не получил в течение почти месяца. Хотя официальная Москва по-прежнему молчала, к этому времени Мор получил очередное личное послание Вавилова от 4 января, с более оптимистическим прогнозом: «Я верю, — писал Вавилов, — что будет возможно организовать конгресс в Москве, если не в 1937, то в 1938 году»¹⁰⁷.

Однако, несмотря на оптимизм Вавилова, обеспокоенный молчанием официальной Москвы и преследуемый многочисленными запросами генетиков всего мира о судьбе предстоящего конгресса, Мор вступил в переписку со шведскими, голландскими и британскими генетиками, спрашивая их, не сможет ли одна из этих национальных групп «организовать конгресс в 1938 или даже в 1939 г.» Он не очень-то рассчитывал на скандинавские страны. Когда в 1935 году МОК обсуждал вопрос о месте проведения будущего конгресса, шведские генетики сначала предложили провести его в Лунде, «но позже отказались от этой идеи из-за практических трудностей». Мор думал, что может быть британские генетики «возьмутся помочь нам выбраться из этой ситуации»¹⁰⁸. Он даже пригласил британского члена МОК Дж. Б. С. Холдейна поехать вместе с ним в Москву. Однако, хотя Холдейн был «целиком за» проведение конгресса в Москве, он не мог присоединиться к Морю в его поездке, поскольку, как он выразился: «мое место в Испании»¹⁰⁹. В это время Холдейн планировал свою вторую поездку в Мадрид, чтобы принять участие в интернациональной бригаде, действовавшей на стороне республиканцев в Гражданской войне в Испании¹¹⁰.

В конце февраля, однако, надежды Мора оправдались. Он получил совершенно неожиданное письмо от директора Института животноводства в Эдинбурге Ф. А. Кру, которое предлагало приемлемый выход из создавшейся ситуации. Отметив, что после объявленной отмены конгресса, он сам ни в коем случае «в Россию не поедет» и что «конгресс необходимо оттуда вывести», Кру предложил Эдинбург в качестве наиболее подходящего места для конгресса и попросил Мора поддержать его предложение¹¹¹.

Только в начале марта Мор наконец-то получил толстую бандероль из Москвы, в которой находилось официальное письмо Оргкомитета, подписанное Мураловым и Вавиловым и датированное 17 февраля. Советские организаторы извинялись за задержку: «Ситуация вокруг этой проблемы была настолько сложной, что, несмотря на наше желание немедленно предоставить вам полную информацию, мы, к сожалению, до сих пор не могли этого сделать». Письмо начиналось с отрицания сообщений американской прессы (в бандероль была вложена копия телеграммы Вавилова в «Нью-Йорк Таймс»). Затем авторы перешли к изложению событий на декабрьской «дискуссии по генетике», заметив, что «в результате сессии Академии сельскохозяйственных наук был установлен специальный фонд в размере миллиона рублей для финансирования экспериментальных исследований наиболее фундаментальных проблем генетики и селекции, которые были подняты на

¹⁰⁶ Горбунов и Вавилов Морю, 13 февраля 1937. Коллекция Мора.

¹⁰⁷ Вавилов Морю, 4 января 1937. ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 1436. Л. 58—58об.

¹⁰⁸ Мор Куку, 16 марта 1937. Коллекция Данна.

¹⁰⁹ Холдейн Морю, 2 февраля 1937, Коллекция Мора.

¹¹⁰ См.: Clark R. W. JBS: The Life and Work of J. B. S. Haldane. New York: Coward-Mc Cann, Inc., 1968.

¹¹¹ Кру Морю, 20 февраля 1937. Коллекция Мора.

сессии». (В качестве приложения в бандероль были вложены ежедневные бюллетени, выходявшие во время сессии, с текстами или резюме докладов и выступлений практически всех участников.) Только после этого Муралов и Вавилов перешли к вопросу о конгрессе, повторив официальное объяснение его «задержки». Наиболее важным в письме было утверждение, что «организаторы добились разрешения правительства провести конгресс в Москве в 1938 г.». Они предложили МОК утвердить новую дату проведения конгресса и выразили надежду, что Мор использует свой авторитет для достижения «желательного разрешения проблемы»¹¹². Предложение Мора приехать в Москву опять не получило никакого ответа.

13 марта Мор подтвердил получение бандероли и довольно холодно информировал авторов письма: «в подтверждение мандата данного Международному комитету я считаю необходимым поставить этот вопрос на рассмотрение Комитета». Он также предупредил своих советских корреспондентов о том, что «неожиданная задержка конгресса создала определенную неуверенность среди тех самых людей, которые наиболее активно собирались на конгресс в СССР», и пообещал держать их в курсе дела¹¹³.

На этот раз Мор даже не упомянул свое желание приехать в Москву. Как он объяснял Куку три дня спустя: «одной из причин, по которой я отложил мое посещение Москвы, был визит одного американца, приехавшего прямо из Москвы с приветом от моего давнего друга, с которым он там непосредственно общался»¹¹⁴. «Давним другом» был естественно Меллер, а «американцем» оказался журналист Р. Лунд, который действительно несколько раз встречался с Меллером в Москве. Лунд поделился с Мором своими впечатлениями о Москве, Меллере и положении в советской генетике¹¹⁵. Хотя, по его собственному признанию, генетика была «весьма далека» от его интересов и он не знал, «о чем собственно идет спор», его впечатления были не очень обнадеживающими¹¹⁶. Лунд был совершенно уверен в том, что «они ни при каких условиях не будут проводить конгресс, и откладывают его в качестве первого шага к полному забвению». Он также рассказал Мору, что Меллер собирается вскоре покинуть Россию и направиться в Испанию в составе интернациональной бригады медиков.

Информация, привезенная прямо из Москвы, несомненно, добавила Мору неопределенности в выработке его предложений для МОК. Ему потребовалось немало времени для подготовки «вопроса» к рассмотрению его членами Комитета. И те-

¹¹² Муралов и Вавилов Мору, 17 февраля 1937. Коллекция Мора. Проект этого письма в АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 1. Л. 6–8.

¹¹³ Мор Муралову и Вавилову, 13 марта 1937. Коллекция Данна. Русский перевод см.: АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 1. Л. 9.

¹¹⁴ Мор Куку, 16 марта 1937. Коллекция Данна.

¹¹⁵ Мне не удалось установить, как долго Лунд пробыл в Москве, но ему, несомненно, удалось добиться расположения Меллера. Меллер даже доверил ему вывезти «контрабандой» в Норвегию корректуру своей книги «Библиография генетики дрозофилы», которая готовилась к изданию Академией наук, но натолкнулась на цензурные рогаки (Меллера попросили убрать ссылки на работы арестованных генетиков, таких как Агол, и на работы некоторых немецких генетиков, к примеру, Паулы Гертвиг, которые считались «фашистскими»). Возможно, что Лунд также привез Мору личное письмо от Меллера, хотя Гил Винчестер не смогла найти никаких следов такого письма в Бумагах Мора. См. также: Меллер Мору, 22 ноября 1937. Коллекция Мора.

¹¹⁶ Лунд также поделился своими впечатлениями с Данном, телефон и адрес которого ему дал Мор. После короткого телефонного разговора Лунд направил Данну письмо, из которого и заимствованы последующие цитаты. См.: Лунд Данну, 19 марта 1937. Коллекция Данна.

перь уже советские организаторы начали беспокоиться. Как упоминалось выше, 16 марта Политбюро разрешило проведение конгресса в Москве в 1938 году. Однако это разрешение досталось непростой ценой — оргкомитет конгресса был существенно «реорганизован»¹¹⁷. 27 марта новый оргкомитет провел заседание, на котором было решено отправить Мору следующую телеграмму: «Для обсуждения подготовки конгресса считаем необходимым ваш приезд в Москву за наш счет»¹¹⁸.

Мор, однако, не стал паковать чемоданы и собираться в Москву. Взамен, 8 апреля он разослал всем членам МОК длинный меморандум. В меморандуме Мор пересказал содержание своей переписки с советским Оргкомитетом (копии всех отправленных и полученных официальных писем и телеграмм были приложены). Он также отметил, что, судя по бюллетеням сессии ВАСХНИЛ, присланным ему из Москвы, «*между ведущими советскими генетиками возникли глубокие разногласия относительно основных принципов генетики*», и, по его мнению, эти разногласия могут повлиять на работу конгресса. Далее Мор утверждал, что прежде, чем поставить на голосование новое приглашение Москвы, он посчитал необходимым выяснить «*не имеется ли других вариантов*». Он направил соответствующие письма и теперь ожидает на них ответов, — отметил Мор, — а пока хотел бы получить «*общие соображения*» членов МОК, которые необходимы ему для того, «*чтобы его поездка в Москву была полезной*»¹¹⁹.

Ответы на меморандум Мора из разных стран начали приходить в начале мая, и большинство из них поддержало его идею поехать в Москву, чтобы получить информацию из первых рук. Более того, в середине мая Меллер прибыл в Великобританию по пути из Испании в США. Он активно и весьма успешно агитировал британских генетиков в пользу проведения конгресса в Москве. Как Дарлингтон писал Мору 14 мая: «*Четыре дня назад я убедил Холдейна (против его воли) сообщить вам, что многие из нас поддерживают идею проведения Генетического конгресса в Великобритании. На этой неделе у меня оставался Меллер, и мы с ним детально обсудили всю ситуацию. В конце концов, мы пришли к противоположному выводу (который также поддержал Хаксли), — а именно, что конгресс должен быть проведен в Москве*»¹²⁰.

Казалось, Мор, наконец, решился отправиться в Москву. Но 20 мая он получил еще одно письмо от Дарлингтона: «*Мне только что сообщили, что Кольцов и Серебровский арестованы. <...> Хаксли предлагает, чтобы мы немедленно организовали протест, подписанный всеми ведущими генетиками страны*»¹²¹. В тот же день Мор отправил гневное письмо в Москву: «*Если это правда, то всякая мысль о проведении Международного генетического конгресса в СССР должна быть отброшена*»¹²². По странному совпадению, в этот же день американские генетики также получили и немедленно распрост-

¹¹⁷ Президент АН Комаров стал председателем Оргкомитета, Муралов и Лысенко — заместителями председателя; генетики, подвергшиеся наиболее острой критике во время сессии ВАСХНИЛ — Карпеченко, Кольцов и Серебровский — были выведены из состава оргкомитета. Мейстер заменил Левита на посту генерального секретаря. Вавилов, Меллер, Келлер и Горбунов сохранили свои позиции. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 20. Д. 2487. Л. 8—10.

¹¹⁸ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 16. Л. 8. Телеграмма была подписана следующим образом: «Президент Академии наук Комаров; Оргкомитет — Муралов и Вавилов». Подпись третьего заместителя — Лысенко — на телеграмме отсутствовала.

¹¹⁹ Копия этого меморандума сохранилась в переписке Вавилова. ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 1436. Л. 61—67.

¹²⁰ Дарлингтон Мору, 14 мая 1937. Коллекция Мора.

¹²¹ Дарлингтон Мору, 14 мая 1937. Там же.

¹²² Мор Муралову и Вавилову, 20 мая 1937. АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 4. Л. 29—29.

ранили «достоверную» информацию о том, что «семнадцать профессоров нескольких московских университетов и институтов посажены в тюрьму» в результате декабрьской дискуссии на сессии ВАСХНИЛ¹²³.

Как вскоре выяснилось, информация о новых арестах в России была «сконструирована» из сообщений русских эмигрантских газет Пео Коллером — венгерским эмигрантом, работавшим у Кру в Институте животноводства в Единбурге¹²⁴. 28 мая Вавилов послал Мору телеграмму: «Информация, полученная вами об арестах Кольцова и Серебровского, совершенно неверна. Письмо следует»¹²⁵. Но эта неверная информация оказалась решающей в определении всех последующих действий и решений зарубежных генетиков.

17 июня Оргкомитет послал Мору еще одно письмо с призывом приехать в Москву: «Мы с нетерпением ожидаем положительного ответа от Международного организационного комитета, который особенно необходим для того, чтобы вовремя связаться с иностранными участниками конгресса. Ваш визит в Москву весьма поможет эффективной подготовке конгресса. Пожалуйста, сообщите нам заранее дату вашего прибытия»¹²⁶.

Но Мор явно уже принял решение. Он ответил: «Я думаю, что мне лучше не приезжать сейчас в Москву, поскольку мой приезд может создать у вас неверное впечатление, что я надеюсь на возможность проведения конгресса в Москве в 1938 г.». Он далее сообщал, что «этот вопрос будет теперь поставлен перед Международным Комитетом для разрешения»¹²⁷. Кажется весьма вероятным, что к этому времени Мор уже знал о том, что Британское общество генетиков согласилось проводить конгресс у себя в стране в том случае, если, «по мнению Международного Комитета, его проведение в Москве окажется невозможным»¹²⁸. И, по мнению Мора, это явно было невозможно.

Тем временем, на протяжении июня и июля, Меллер весьма активно пытался убедить своих коллег в США в том, что совершенно необходимо проводить конгресс в СССР¹²⁹. Но агитация Меллера, хотя и успешная в плане изменения мнения многих американских генетиков, опоздала оказать решительное воздействие на ситуацию в целом¹³⁰.

21 июля Мор направил членам МОК еще один длинный меморандум. Он снова пересказал содержание своей переписки с советскими организаторами и выразил сожаление по поводу того, что «необоснованные слухи» проникли в прессу. Но, снова предупреждал своих читателей Мор, «разногласия» среди советских генетиков «таковы, что они не могут быть проигнорированы, хотя я и уверен в том, что и зарубежные участники, и советские генетики будут иметь полную свободу для выражения своих мнений на конгрессе в Москве». Он поставил членов МОК перед выбором: либо принять новое приглашение СССР и проводить конгресс в 1938 году в Москве, либо проводить его в Великобритании в 1939 году¹³¹.

¹²³ Демерек Данну, Эмерсону и Мору, 20 мая 1937. Коллекция Данна.

¹²⁴ См.: Коллер Мору, 10 июня 1937. Коллекция Мора.

¹²⁵ Вавилов Мору, 28 мая 1937. Коллекция Мора. Проект этой телеграммы см.: АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 4. Л. 25.

¹²⁶ Комаров, Муралов, Вавилов и Мейстер Мору, 17 июня 1937. Коллекция Мора. Проект этого письма в ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 143б. Л. 71—2.

¹²⁷ Мор Оргкомитету, 29 июня 1937. АРАН. Ф. 201. Оп. 5. Д. 4. Л. 53; также: ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 143б. Л. 72—73.

¹²⁸ Холдейн Мору, 27 июня 1937. Коллекция Мора.

¹²⁹ См.: Меллер Данну, 17 июня 1937. Коллекция Данна.

¹³⁰ См., например: Л. Коль Меллеру, 9 июля 1937. Lilly Library, Muller Papers. (далее — Коллекция Меллера). Box 1, Folder 1937, January — October.

¹³¹ Копии этого меморандума сохранились в различных архивах. См., например: Коллекция Данна.

К середине сентября большинство членов МОК проголосовало за проведение конгресса в Великобритании. Примерно в это же время Меллер принял предложение Кру переехать в Эдинбург и занять должность в Институте животноводства. 18 ноября Британское генетическое общество решило проводить конгресс в Эдинбурге. А четыре дня спустя Меллер написал Мору длинное письмо из Эдинбурга, заметив: «Решение международного комитета [не проводить конгресс в России] не было ошибкой»¹³².

Конгресс состоялся в последнюю неделю августа 1939 года в Эдинбурге, но как того и опасались их американские коллеги, Политбюро не разрешило советским генетикам принять в нем участие.

6. Ученые и их «покровители»

Описанные выше события ставят ряд вопросов: Почему Политбюро отменило конгресс в ноябре 1936 года? И почему это решение было изменено спустя всего несколько месяцев? Однако прежде чем мы попытаемся ответить на эти вопросы, необходимо для начала разобраться в том, чем руководствовалось Политбюро, разрешая провести международный генетический конгресс в СССР.

Как мы видели, советские генетики пытались пригласить конгресс в Москву начиная с 1927 года. Они прекрасно понимали выгоды проведения международного съезда в СССР. В свете все увеличивавшихся в 1930-е годы трудностей выезда советских ученых за границу, конгресс дал бы им возможность представить большое число новых членов в международную генетическую сеть и таким образом укрепить их международные контакты. В дополнение к этому, конгресс, естественно, способствовал бы повышению престижа, и соответственно финансирования, их дисциплины. К примеру, генетики воспользовались будущим конгрессом, чтобы добиться разрешения на издание «*Советского генетического журнала*»¹³³.

В свою очередь, советское руководство изначально поддержало идею проведения конгресса в СССР и дважды официально позволило генетикам представить приглашение международному сообществу. Начиная с 1930 года Советский Союз был местом проведения нескольких международных форумов, включая 2-й *Международный конгресс почвоведов* (1930), 4-ю *Международную конференцию гидрологов* (1933), 4-й *Международный антитревматический конгресс* (1934) и 15-й *Международный конгресс физиологов* (1935). Правительство щедро финансировало каждое из этих собраний. К примеру, оно выделило три с половиной миллиона рублей на проведение Физиологического конгресса, а реальные расходы на его проведение достигли почти четырех миллионов¹³⁴. Естественно, что главной целью расходования таких астрономических сумм была не наука как таковая, а пропаганда. Международные научные съезды стали трибуной для пропаганды достижений «первого в мире социалистического государства» в науке, образовании и медицине.

Советские ученые прекрасно знали об этой цели и постоянно использовали ее в переговорах со своими «покровителями» в парт- и госаппарате по поводу международных конгрессов. К примеру, в докладе СНК о «политическом значении» конгресса почвоведов, руководители АН особо указывали на многочисленные публикации иностранных участников конгресса за рубежом, которые дали «очень точную и

¹³² Меллер Мору, 22 ноября 1937. Коллекция Мора и Коллекция Меллера.

¹³³ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1935. Д. 83. Л. 165—165 об. Отмена конгресса остановила создание журнала.

¹³⁴ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 3151.

верную картину» того, что они видели в СССР, «в противовес тем лживым клеветническим выдумкам по адресу Союза, которые характерны для заграничной прессы»¹³⁵. Советские ученые пользовались подобными же аргументами для получения разрешения властей на проведение двух международных конгрессов, планировавшихся на 1937 год: 7-го Генетического и 17-го Геологического. Вавилов, к примеру, пытаясь обеспечить поддержку генетического конгресса правительством, подчеркивал, что «проведение конгресса у нас будет иметь, прежде всего, большое политическое значение»¹³⁶.

Организация Физиологического конгресса в 1935 году иллюстрирует, как советское руководство использовало этот международный форум для достижения своих собственных целей. Политбюро назначило особый «Комитет содействия по созыву в СССР 15-го Международного физиологического конгресса», в состав которого вошли Председатель ЦИК И. А. Акулов, нарком здравоохранения Г. Н. Каминский, замнаркома иностранных дел Н. Н. Крестинский, глава Агитпропа А. И. Стецкий, председатели Московского и Ленинградского горисполкомов, Н. А. Булганин и И. Ф. Кодацкий¹³⁷. Более того, незадолго до открытия конгресса в Ленинграде Политбюро назначило дополнительную комиссию «по руководству физиологическим конгрессом» под председательством секретаря Ленинградского обкома А. А. Жданова¹³⁸. Акулов открыл конгресс приветствием от советского правительства, которое было отредактировано и утверждено лично Сталиным, и в котором восхвалялись успехи советской науки, а президент конгресса Нобелевский лауреат И. П. Павлов ответил на это приветствие речью, в которой благодарил правительство за постоянную заботу о науке¹³⁹. Политбюро внимательно наблюдало за конгрессом и пыталось им «руководить». Так, 14 августа на вечернем заседании должен был решаться вопрос о сроках и месте проведения следующего конгресса. Ранним утром этого дня Жданов направил шифровку Сталину, испрашивая его «указания». Поводом для обращения Жданова было то, что некоторые делегаты предлагали провести следующий конгресс в Германии. Сталин немедленно ответил: «Считаем, что не следует допускать, чтобы конгресс собрался в Германии. Дайте соответствующее указание советской делегации»¹⁴⁰. Пропаганда «достижений советской науки» велась на самом высоком уровне. Когда конгресс перебрался из Ленинграда в Москву, Молотов дал полуторачасовую аудиенцию членам Международного оргкомитета физиологических конгрессов. А 17 августа Молотов председательствовал на великолепном банкете, организованном для участников конгресса в Кремле в присутствии высокопоставленных партийных и правительственных чинов. Глава советского правительства произнес пятнадцатиминутный тост, подчеркнув невероятный рост советской науки и ее значение для советского государства¹⁴¹. Нарком здравоохранения Г. Н. Каминский также дал прием в честь иностранных делегатов. Советская пресса описывала ход конгресса

¹³⁵ См.: ПФА АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1932. Д. 37. Л. 109—109об. Цит. по: Международные научные связи АН СССР. С. 141.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 317. Л. 38об.

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 105б. Л. 188.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 97о. Л. 5.

¹³⁹ См.: Вступительная речь президента конгресса акад. Павлова // Збарский Б. И., Каганов В. М. XV Международный физиологический конгресс. М.—Л.: Биомедгиз, 1936. С. 15—16; Речь Секретаря ЦИК СССР тов. И. А. Акулова // Там же. С. 19—21.

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 113. Цит. по: Есаков В. Д. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б), 1922—1952. М.: РОССПЕН, 2000. С. 188.

¹⁴¹ См.: Прием в честь делегатов конгресса в Большом Кремлевском дворце // Збарский Б. И., Каганов В. М. XV Международный физиологический конгресс. С. 142—151.

во всех подробностях, публикуя «дневник съезда», фотографии и выступления участников и описания банкетов и приемов.

Что же произошло, что побудило Политбюро отменить генетический конгресс, и таким образом, упустить шанс для широкомасштабной пропаганды? В публикации «*Нью-Йорк Таймс*» от 14 декабря было предложено две гипотезы. Первая, что советское руководство отменило конгресс, поскольку некоторые советские генетики обвинялись в развитии взглядов, «напоминающих расовые теории германских нацистов». Вторая, что отмена была связана с атакой Лысенко против менделевской генетики. Третья гипотеза, представленная в официальных объяснениях причин «отсрочки», предполагала, что конгресс был каким-то образом «не готов», и требовалось дополнительное время для его подготовки.

В пользу первой гипотезы, казалось бы, говорит письмо Вавилова Мору от 4 января 1937 года:

«Примерно семь месяцев назад мы получили коллективное письмо из Америки, подписанное многими генетиками и просящее нас включить в программу Конгресса обсуждение расовой проблемы. Лично я сомневался в необходимости [такого шага], но другие члены оргкомитета настояли на ее включении. Письмо иностранных генетиков было опубликовано в наших газетах, и в германской прессе появились нежелательные комментарии. Советское правительство не поддержало включение этого вопроса в нашу программу»¹⁴².

Вавилов, однако, скорее всего, ошибался. Он писал Мору под впечатлением событий последних недель, в особенности, только что закончившейся дискуссии о «*Спорных вопросах генетики*». Накануне сессии, рупор партидеологов, журнал «*Под знаменем марксизма*» опубликовал статью, подписанную зав. отделом науки московского горкома Э. Кольманом. Озаглавленная «*Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука*», статья обрушилась на Левита и сотрудников его Медико-генетического института за поддержку «фашистских взглядов» на генетику человека¹⁴³. А следующий декабрьский номер журнала опубликовал разгромную рецензию на очередной том «*Трудов Медико-генетического института*»¹⁴⁴. Более того, Левит и его институт подверглись резкой критике и на 2-ом Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров, проходившем в конце декабря¹⁴⁵. Во время самой сессии некоторые участники жестоко критиковали учителя Левита — Серебровского — за его ранние евгенические публикации. Особый гнев критиков вызывала статья Серебровского, опубликованная в 1929 году, в которой он предлагал использовать в СССР приемы искусственного оплодотворения для «положительной евгеники» человека¹⁴⁶. В результате этой критики, в последний день сессии Серебровский вынужден был

¹⁴² ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 1—1. Д. 1436. Л. 58—58об. Мне не удалось найти «публикации этого письма» в советской прессе. Единственная статья, упоминавшая письмо американских генетиков, была опубликована в июне в «*Известиях*». См.: Шаксель Ю. Расовое учение, наука и пролетарский интернационализм // *Известия*. 18 июня 1936. С. 2—3.

¹⁴³ См.: Кольман Э. Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // *Под знаменем марксизма*. 1936. № 11 С. 64—72.

¹⁴⁴ См.: Карлик Л. Труды Медико-генетического института им. М. Горького // *Под знаменем марксизма*. 1936. № 12. С. 169—186.

¹⁴⁵ См.: По ложному пути // *Правда*. 26 декабря 1936. С. 4.

¹⁴⁶ См.: Серебровский А. С. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // *Труды кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте*. 1929. № 1. С. 1—19.

произнести «покаянную» речь, признав, что в своих евгенических работах он совершил «целый ряд грубых политических и антинаучных, антимарксистских ошибок»¹⁴⁷.

Однако летом 1936 года, когда вопрос о включении в программу конгресса «расовой проблемы» обсуждался в коридорах власти, он получил одобрение и поддержку верхов. В конце июня Бауман направил Сталину и Молотову длинную записку «О подготовке 7-го Международного генетического конгресса»¹⁴⁸. Зав. отделом науки ЦК подчеркнул: «Научная разработка проблем генетики человека не может не связываться с критикой расовых теорий, и поэтому конгрессу придется уделить большое место обсуждению и критике этих теорий». Бауман отметил, что инициатива постановки этого вопроса на конгрессе исходит от «группы (33 чел.) видных американских и английских генетиков, настроенных антифашистски», и что Хаксли и Дженнингс намечены докладчиками по этому вопросу на пленарном заседании. Он предложил, «ввиду особой важности» этого вопроса, заранее организовать широкую кампанию в советской и зарубежной печати «с критикой расовых теорий». Такая кампания, отмечал Бауман, необходима для «мобилизации ученых и всей интеллигенции против фашизма». При этом, подчеркивал глава Отдела науки, «необходимо максимально использовать антифашистски настроенных ученых других стран».

По-видимому, такая кампания по «критике расовых теорий» была действительно начата тем летом. 1 июня «Известия» опубликовали большую статью Ю. Шакселя «Расовое учение, наука и пролетарский интернационализм», с критикой нацистской концепции расы и «биологических основ» фашистской политики. Цитируя работы Ф. Боаса и Дж. Хаксли, Шаксель противопоставлял взгляды «прогрессивных западных ученых» и «фашистский бред» германских биологов и политиков. Он отмечал, что американские генетики «внесли предложение об обсуждении расового вопроса в организационный комитет VII международного генетического конгресса» и что «это предложение было принято»¹⁴⁹. Более того, когда в октябре Муралов и Левит представили программу конгресса на утверждение Отдела науки, его чиновники опять поддержали идею дискуссии по вопросу «генетика в связи с расовым учением»¹⁵⁰.

Мне не удалось найти никаких свидетельств, что предполагаемая дискуссия как-то повлияла на решение Политбюро, принятое 14 ноября, хотя очевидно, что эта дискуссия стала объектом обсуждения верхов *после* сессии ВАСХНИЛ. Есть основания полагать, что после газетных публикаций на западе, вопрос о «генетике в связи с расовым учением» привлек пристальное и явно негативное внимание партийных руководителей. Кампания на западе подвинула Политбюро назначить специальную комиссию для проверки работы оргкомитета, председателем которой стал заведующий Сельхозотделом ЦК Я. А. Яковлев, бывший нарком земледелия и активный сторонник «экспериментов» Лысенко, в особенности яровизации. Комиссия провела расследование действий оргкомитета и программы конгресса и нашла их неудовлетворительными. Как Яковлев рапортовал Сталину и Молотову в конце января 1937 года, программа была подготовлена таким образом, «что дала бы *перевес сторонникам фашистской генетики*»¹⁵¹. Среди тем работы конгресса, которые были особенно уязвимы с этой точки зрения, Яковлев назвал генетику человека и эволюцию

¹⁴⁷ См.: Бюллетень IV сессии. № 8. 30 декабря 1936. С. 21.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 37–40. Недатированная копия этого документа была обнаружена В. Д. Есаковым в Президентском архиве и опубликована в: *Есаков В. Д.* Академия наук. С. 214–216.

¹⁴⁹ См.: *Шаксель Ю.* Расовое учение, наука и пролетарский интернационализм. С. 2–3.

¹⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 46–52.

¹⁵¹ Цит. по: *Есаков В. Д.* Академия наук. С. 246. Подчеркнуто в оригинале.

в свете генетических исследований. Оценка Яковлева, очевидно, не прошла незамеченной: когда в марте Политбюро разрешило созвать конгресс в августе следующего 1938 года, весь раздел генетики человека был исключен из программы.

В их переписке с западными коллегами советские генетики настойчиво отрицали утверждение «*Нью-Йорк Таймс*» о том, что отмена конгресса была каким бы то ни было образом связана с их полемикой с Лысенко и его сторонниками. И действительно, к моменту публикации сообщения в «*Нью-Йорк Таймс*» эта полемика длилась уже более года и проходила главным образом на страницах сельскохозяйственных журналов и газет. Основным предметом дискуссии была доктрина Лысенко о «переделке наследственности». Лысенко отрицал концепцию гена как материального носителя наследственности, отвергал законы Менделя и утверждал что внешние условия «прямо» воздействуют на «наследственность» растений. Он также обвинял своих оппонентов в «практической бесплодности» и «противоречии марксизму».

Атака Лысенко против, как он ее называл, «формальной генетики», побудила ее сторонников начать контратаку. В июле 1936 года президиум ВАСХНИЛ выступил с инициативой проведения открытой дискуссии по «спорным вопросам генетики»¹⁵². В это время ВАСХНИЛ была одним из оплотов генетики, считавшейся научной основой «социалистической реконструкции сельского хозяйства». Два вице-президента академии — М. М. Завадовский¹⁵³ и Н. И. Вавилов — были известными сторонниками генетики. Два ведущих советских генетика, члены оргкомитета конгресса — Серебровский и Кольцов — были членами академии. Многие члены академии, работавшие в области селекции растений и животных, также поддерживали менделевскую генетику. Характерно, что в своем обращении к Сталину и Молотову с просьбой о разрешении дискуссии, глава Наркомзема Чернов и президент ВАСХНИЛ Муралов подчеркивали, что такая дискуссия была бы особенно необходима в свете предстоящего конгресса, поскольку она позволит советским генетикам выступить на конгрессе «единым фронтом»¹⁵⁴. Их просьба была удовлетворена: в августе аппарат СНК разрешил проведение дискуссии и назначил ее на декабрь 1936 года¹⁵⁵. Президиум ВАСХНИЛ быстро организовал издание целого тома, озаглавленного «*Сборник работ по дискуссионным вопросам генетики и селекции*», со статьями сторонников, как Лысенко, так и Вавилова, который должен был быть роздан участникам дискуссии¹⁵⁶.

Хотя взлет Лысенко по ступеням научной и бюрократической иерархии и был поддержан рядом партийных и государственных деятелей, включая Сталина, нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих, что они в тот момент активно поддерживали его атаку против генетики и генетиков. Напротив, есть основания считать, что, по крайней мере, до декабрьской сессии партаппарат занимал определенно нейтральную позицию по отношению к генетическим дебатам. В своей записке, посланной тем летом Сталину и Молотову, Бауман информировал руководство о содержании дискуссии. Он отметил, что многие ученые, с которыми он разговаривал на совещании в ВАСХНИЛ, не согласны со взглядами Лысенко,

¹⁵² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 1107. Л. 64; Ф. 8390. Оп. 1. ДД. 757—767, 789.

¹⁵³ М. М. Завадовский — один из учеников Кольцова в это время работал в основном в области механики развития. См.: *Завадовский М. М.* Страницы жизни. М.: МГУ, 1991.

¹⁵⁴ Чернов и Муралов Сталину и Молотову, 8 июля 1936. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 828. Л. 3.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 7486. Оп. Ша. Д. 828. Л. 1.

¹⁵⁶ См.: *Сборник работ по дискуссионным проблемам генетики и селекции*. М.: ВАСХНИЛ, 1936.

но они «побаиваются выступить» против него, «рассуждая, примерно, так, что т. Лысенко пользуется поддержкой партии и правительства и спорить с ним невыгодно, хотя он и неправ». По мнению Баумана, «это создает не совсем здоровую атмосферу в области научной мысли», и поэтому им, «как заведующим отделом науки ЦК ВКП(б), была подчеркнута необходимость и полная возможность свободного обсуждения в СССР спорных вопросов генетики»¹⁵⁷.

Более того, если судить по ее непосредственным результатам, декабрьская дискуссия закончилась «победой» генетиков. По итогам сессии президиум ВАСХНИЛ принял специальное постановление, выделившее около миллиона рублей на расширение экспериментальных работ по «спорным вопросам» генетики в вавилонских институтах — ВИРе и Институте генетики¹⁵⁸. Материалы дискуссии были немедленно опубликованы в виде специального тома¹⁵⁹. Можно предположить, что дискуссия сыграла свою роль и в усилиях генетиков добиться разрешения Политбюро на проведение конгресса в 1938 году. Активный участник описываемых событий, Меллер, однако, полагал, что отмена конгресса была результатом совместного влияния лысенковской атаки на генетику и включения в программу конгресса «вопроса о расе». В письмах, адресованных Хаксли и написанных по дороге в Испанию 9 и 13 марта 1937 года, Меллер даже признался, что в каком-то смысле он лично был ответственен за неприятности, обрушившиеся на генетику, поскольку он сам был причиной неприязненного отношения Сталина к генетике в целом и к генетике человека в особенности¹⁶⁰. Действительно, 5 мая 1936 года Меллер отправил Сталину свою только что вышедшую в Англии книгу «Из тьмы», в которой он пропагандировал идеи «положительной евгеники»¹⁶¹. В письме, посланном вместе с книгой, Меллер пытался убедить Сталина использовать его идеи на практике¹⁶². Обрушившись на «умолчания и извращения этого вопроса, ясно видимые в бессмысленной болтовне по поводу "Евгеники" в современных буржуазных "демократиях" и злобной доктрине "чистоты расы", используемой нацистами как орудие классовой борьбы», Меллер предложил, что благосостояние нации может быть радикально улучшено посредством добровольного искусственного осеменения женщин спермой «одаренных личностей». Риторика Меллера и особенно время, выбранное им для посылки книги Сталину — через две недели после того, как президиум АН СССР принял предложение западных генетиков о включении в программу конгресса «расовых вопросов», — позволяют предположить, что Меллер рассчитывал на восприятие его послания как составной части антифашистской кампании, организуемой в этот момент генетиками. В письмах Хаксли, Меллер отмечал, что он не получил никакого ответа на свое письмо, но узнал стороной, что Сталин «прочел книгу, остался ею недоволен и приказал начать атаку против нее». Меллер полагал, что атака на Серебровского (чьи идеи лежали в основе предложенной Меллером программы) на сессии ВАСХНИЛ была проведена по прямому указанию Сталина.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 37.

¹⁵⁸ РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. Д. 781. Л. 1.

¹⁵⁹ См.: Спорные вопросы генетики и селекции. М.: Сельхозгиз, 1937.

¹⁶⁰ Меллер Хаксли, 9 и 13 марта 1937. Коллекция Меллера и Коллекция Дарлингтона.

¹⁶¹ См.: Muller H. J. Out of the Night. A Biologist View of the Future.

New York: Vanguard, 1935.

¹⁶² Две слегка различающиеся копии английского оригинала письма Меллера Сталину сохранилась в Коллекции Меллера (Writings, Box 3, Folder 1936; General papers, 1936, May 4). Все цитаты даны по английскому оригиналу. Русский перевод письма, обнаруженный в Президентском архиве, был недавно опубликован Ю. Н. Вавиловым. См.: Письмо Германа Меллера — И. В. Сталину // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 65–78.

Подобно Вавилову, Меллер писал свои письма Хаксли под впечатлением событий на сессии ВАСХНИЛ, и особенно его личных разговоров с присутствовавшими на ней двумя высокопоставленными партийными чиновниками — Бауманом и Яковлевым. Как Меллер свидетельствовал в своих письмах, во время дискуссии они оба высказывались в пользу ламаркистского взгляда на наследственность, пропагандировавшегося Лысенко, и что «это представляет собой взгляды высших официальных кругов», имея в виду, по-видимому, лично Сталина. Однако до сих пор никому не удалось найти в партийных архивах никаких свидетельств того, что Сталин лично приказал отменить конгресс или «координировал» атаку Лысенко на генетику и ее лидеров.

Нам остается, таким образом, довольно радикальная гипотеза, что официальное объяснение причин «отсрочки» конгресса, — необходимость дополнительного времени для подготовки — имело некоторые основания. Действительно, полный текст ноябрьского решения Политбюро гласил: «отменить созыв в СССР в 1937 г. VII Международного конгресса по генетике, ввиду [его] явной неподготовленности»¹⁶³. Однако, не какие-то мифические ученые, а Политбюро посчитало конгресс «неподготовленным».

Есть основания полагать, что идея отсрочки конгресса возникла, по крайней мере, за четыре месяца до решения Политбюро, во время обсуждения подготовки конгресса в аппарате СНК в июле 1936 года¹⁶⁴. 10 августа Муралов направил зампреду СНК доклад о работе оргкомитета, в котором отмечал: «отсрочка Конгресса на 1938 год может вызвать отрицательную реакцию за границей»¹⁶⁵. Муралов указал, что похожая ситуация сложилась и перед созывом предыдущего 6-го конгресса, когда «возник вопрос не следует ли его отложить в связи с [мировым] экономическим кризисом, но и в этих условиях Оргкомитет решил не нарушать принцип пятилетних интервалов». Муралов настаивал на том, что август 1937 года будет идеальным временем для проведения конгресса, поскольку в это же время откроется Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, которая, по словам Муралова, позволит Советскому Союзу «показать иностранцам все наши достижения». С другой стороны, продолжал Муралов, при конгрессе будет организована своя выставка, на которой будут представлены достижения зарубежной науки и которую смогут посетить многие советские специалисты по селекции и животноводству, прибывшие в Москву для участия в сельскохозяйственной выставке.

Боле того, спустя шесть дней Муралов направил аналогичную записку Молотову, отметив, что «перенесение Конгресса на другой год может вызвать ряд больших осложнений», вплоть до «пересмотра страны, где будет созван конгресс»¹⁶⁶. Он снова перечислил те выгоды, которые Советский Союз получит от проведения конгресса, в особенности его «широкое значение для ознакомления иностранцев с положением науки в СССР». Еще через неделю Муралов направил копию этой записки двум членам Политбюро Л. Кагановичу и В. Чубарю¹⁶⁷. По-видимому, в тот момент доводы Муралова оказались убедительными.

Тем не менее, три месяца спустя председатель СНК Молотов разослал членам Политбюро короткую записку: «Предлагаю решение ЦК о конгрессе по генетике отменить как нецелесообразное (ввиду явной неподготовленности)»¹⁶⁸. Вопрос не обсуждался

¹⁶³ РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 3. Д. 982. Л. 40.

¹⁶⁴ См.: ГАРФ. Ф. 6824. Оп. 1. Д. 16. Л. 79.

¹⁶⁵ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 2. Л. 10—12. Цит. на Л. 10.

¹⁶⁶ АРАН. Ф. 201. Оп. 3. Д. 2. Л. 6—9. Цит. на Л. 6.

¹⁶⁷ См.: Есаков В. Д. Академия наук в решениях Политбюро. С. 212—214.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1128. Л. 21.

на очередном заседании, члены Политбюро — Калинин, Ворошилов, Чубарь, Андреев и Микоян — просто поставили «за» и свои подписи под текстом Молотова. Каганович также проголосовал «за», но приписал и свои соображения: «Не решение ЦК нецелесообразное, а подготовители конгресса негодные, что не вначале внесли предложение, а дела не подготовили. Отменить придется». Стоит отметить, что подписи Сталина на документе нет. В тот день главы Политбюро в Кремле не было, он отдыхал на «ближней даче».

Записка Молотова с убедительностью показывает, что инициатива отмены конгресса была выдвинута СНК, где эта идея муссировалась с середины лета, а не аппаратом ЦК или даже лично Сталиным, как позднее утверждал Меллер. Если бы эта идея была выдвинута партаппаратом, к примеру, Отделом науки ЦК, она почти наверняка была бы представлена на решение Политбюро не Молотовым, а одним из секретарей ЦК (Андреевым или Чубарем), или же зав. отделом науки Бауманом. Записка Молотова также опровергает предположение, что отмена конгресса была связана с планировавшейся на конгрессе дискуссией по «расовым вопросам». Аппарат СНК был меньше всего заинтересован в научной программе конгресса. Эти вопросы были прерогативой Отдела науки: именно в Отдел науки Левит и Муралов направили в конце сентября проекты научной программы и списка приглашенных докладчиков, и, спустя несколько недель, сотрудники Отдела утвердили оба проекта. Аппарат СНК, с другой стороны, был, прежде всего, вовлечен в решение вопросов финансирования и организации конгресса.

Что же, по мнению Молотова, было «неподготовлено» к конгрессу? Молотов был, прежде всего, бюрократам: глава СНК работал с бумагами по 14–16 часов в день. (По слухам, остальные члены Политбюро даже прозвали его «Железной задницей».) Таким образом, возможно, что «неподготовлены» были, прежде всего, различные бумаги, необходимые для проведения конгресса: проекты постановлений СНК, которые должны были быть согласованы со всеми госучреждениями, упомянутыми в постановлениях. Судя по сохранившимся архивным материалам, имелось, по крайней мере, несколько проблем такого сорта. Так, Наркомат финансов (как того и можно было бы ожидать) никак не соглашался с расчетами по бюджету конгресса, подготовленными оргкомитетом. Сходным образом, Госплан выдвинул ряд возражений против подготовленных проектов постановлений СНК и вернул их в оргкомитет «на доработку»¹⁶⁹. В течение всего лета аппарат СНК откладывал решение по бюджету конгресса¹⁷⁰. 19 октября Муралов, Вавилов и Левит посетили зампреда СНК Я. Рудзутака и добились утверждения тескущих расходов оргкомитета до конца года¹⁷¹. Обсуждение всего бюджета было назначено на 23 октября, но Муралов заболел, и заседание было перенесено на 13 ноября¹⁷². К сожалению, архивы не сохранили стенограммы этого заседания, но, без всякого сомнения, именно это заседание вдохновило записку Молотова, разосланную членам Политбюро на следующий день.

Можно, однако, предположить, что не готовы были не только бумаги, но и само «генетическое шоу». Главной политической целью проведения международных конгрессов в СССР было продемонстрировать иностранцам «успехи советской науки». Для достижения этой цели, программы конгрессов предусматривали многочисленные экскурсии в различные университеты, институты и музеи не только в Москве,

¹⁶⁹ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 42–44.

¹⁷⁰ См., например: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 192. Л. 68–70.

¹⁷¹ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 788. Л. 1.

¹⁷² См.: ГАРФ. Ф. 6824. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

но и в провинции. К примеру, программа Международного геологического конгресса включала поездки делегатов в Ленинград, Пермь и Свердловск. Специально для демонстрации иностранцам различных геологических научных учреждений в этих городах Оргкомитет запросил в СНК почти миллион рублей для обновления их оборудования и ремонта¹⁷³. Аналогичная программа экскурсий была запланирована и для генетического конгресса, и генетики направляли в СНК аналогичные запросы на финансирование¹⁷⁴.

Именно такого рода «демонстрации» и были не готовы к генетическому конгрессу. Главным элементом «шоу» должен был стать новый Институт генетики АН СССР, строительство которого началось в Москве в апреле 1936 года. Однако, как всегда, строительство затянулось. Как ученый секретарь института М. Прохоров писал Горбунову в ноябре 1936 года:

«Здания института и готовность теплиц по темпам, какие сейчас имеются, не обеспечит ранней весной использование их, а это ухудшит подготовку основной материальной базы к Конгрессу. Вся деловая работа Конгресса сосредоточена в Институте, так как Конгресс должен проходить под общим руководством Академии наук СССР. Эти обстоятельства «могут создать нехорошее впечатление», что-де в социалистическом обществе «хуже» наука развивается, чем в капиталистическом, что противоречит природе социалистического общества»¹⁷⁵.

Другим важным элементом «генетического шоу» должна была стать Всесоюзная выставка, которая должна была представить всему миру достижения советского «коллективизированного» сельского хозяйства и сельскохозяйственной науки, включая генетику. Руководителем научной программы выставки был никто иной как Вавилов. Возможность посетить выставку широко рекламировалась среди участников конгресса с того самого момента, когда было принято решение о проведении конгресса в Москве¹⁷⁶. Но строительство павильонов выставки непомерно затянулось, и было очевидно, что она не будет готова к августу 1937 года. Другие учреждения, вовлеченные в генетические исследования и включенные в программу конгресса, прежде всего, Московский ботанический сад и биологический факультет МГУ, также не были готовы к приему иностранцев. Возможно, что именно «неподготовленность» всех этих учреждений и имел в виду Молотов в своей записке. Весьма характерно, что через несколько дней после утверждения новой даты проведения конгресса, Политбюро также утвердило новую дату открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — 1 августа 1938 года¹⁷⁷.

Можно, однако, полагать, что хотя «неподготовленность» конгресса и была главной причиной его отмены, она была явно не единственной. Если рассматривать связанные с конгрессом события в более широком политическом контексте тех дней, вырисовывается еще один возможный мотив для решения Политбюро. 19 августа 1936 года, то есть примерно в то же время, когда идея «отложить» конгресс циркулировала в аппарате СНК, первый московский процесс над так называемым «троцкистско-зиновьевским блоком» обозначил начало «большого террора». Спустя не-

¹⁷³ См.: ГАРФ. Ф. А-220б. Оп. 69. Д. 2215. Л. 90–92.

¹⁷⁴ См., например: аналогичный запрос Серебровского о финансировании для его кафедры генетики в МГУ в АРАН.

¹⁷⁵ Прохоров Горбунову, 16 ноября 1936. АРАН. Ф. 2. Оп. М935. Д. 83. Л. 101.

¹⁷⁶ См., например: *Otto Mohr. The next International genetics congress // Science. 1935. V. 82. P. 565–566.*

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1141. Л. 8.

елю все обвиняемые на процессе были приговорены к смертной казни, и приговор немедленно приведен в исполнение. «Большой террор» свирепствовал над страной в долгие годы и привел к расстрелу почти одного миллиона и к аресту почти восьми миллионов граждан¹⁷⁸. Террор нанес тяжелый урон стране, и, хотя и не прямо, генетический конгресс, возможно, стал одной из его жертв. Приписка Кагановича к записке Молотова показывает, что он винил в необходимости отмены конгресса подготовителей». Кого Каганович мог иметь в виду? Весьма вероятно, что Каганович подразумевал председателя оргкомитета А. Муралова, который в конце августа 1936 года обращался к могущественному члену Политбюро с просьбой не откладывать конгресс. В то время, когда Политбюро принимало решение об отмене конгресса, старший брат Муралова Николай, находился в тюрьме как «враг народа». Арестованным летом 1936 года как один из активных соратников Троцкого, Николай Муралов появится в качестве одного из главных обвиняемых на втором московском процессе «вредителей» в январе 1937 года и будет расстрелян по его окончании. Вполне возможно, что связь официального представителя конгресса с арестованным «врагом народа» сыграла не последнюю роль в решении Политбюро. Некоторые участники событий были в этом убеждены: в одном из писем Хаксли Меллер утверждал, что эта связь «помогла подорвать авторитет [конгресса]»¹⁷⁹.

С другой стороны, возможно, что Каганович имел в виду генерального секретаря оргкомитета С. Левита. Как мы видели, осенью 1936 года Левит и его институт стали объектом жестокой критики партаппаратчиков за приверженность к «фашистской» интерпретации генетики человека. Одним из наиболее неистовых криков был зав. отделом науки Московского горкома Э. Кольман. Кольман не ограничился публикацией в журнале «Под знаменем марксизма» ругательной статьи против Левита и его сотрудников. 5 ноября 1936 года он также направил Молотову (в обход официальной иерархии) обширную записку с «информацией о положении на научном фронте»¹⁸⁰. Главной темой записки было «значительное обострение лассовой борьбы на нашем научном фронте». В качестве основной проблемы Кольман выделил «фашизацию научной теории» и назвал Левита ее главным проповедником. Это обстоятельство имеет особое значение, — объяснял Кольман, — поскольку Левит является секретарем оргкомитета международного генетического конгресса». «Созыв этого конгресса у нас в 1937 г. абсолютно необеспечен, — продолжал Кольман, — состав конгресса обещает быть чуть ли не на половину фашистским. Среди наших генетиков имеется ослепительный теоретический разброд». Молотов внимательно прочел записку и отчеркнул процитированные выше фразы красным карандашом. Возможно, что донос Кольмана также сыграл определенную роль в решении судьбы конгресса и его генерального секретаря. Через десять дней после доноса, 16 ноября «Известия» опубликовали злобный фельетон братьев Тур против Левита и его сотрудников¹⁸¹. В течение осени Левит неоднократно вызывался в горком для объяснений и покаяний и, в конце концов, 5 декабря был исключен из членов партии¹⁸². В обстановке Большо-

¹⁷⁸ О «большом терроре» см.: *Conquest R. The Great terror: A reassessment.* New York: Oxford University Press, 1990; *Getty A. J., Naumov O. V. The road to terror: Stalin and the self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

¹⁷⁹ Меллер Хаксли, 9 марта 1937.

¹⁸⁰ См.: Кольман Молотову, 5 ноября 1936. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 30. Л. 185–190.

¹⁸¹ См.: *Братья Тур.* Контрамарка в Пантеон // *Известия.* 16 ноября 1936. С. 4; также *Братья Тур.* В пылу увлечения // *Известия.* 10 декабря 1936. С. 3.

¹⁸² См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1935. Д. 83. Л. 100.

го террора, это было обычным прелюдом к аресту. Левит действительно будет арестован следующей зимой и расстрелян как «враг народа»¹⁸³.

Помимо подрыва «политического авторитета» отдельных лиц, связанных с организацией конгресса, террор, по-видимому, также основательно изменил отношение советских руководителей к международным отношениям в целом и к научным международным контактам в частности. Летом 1935 года, на банкете, организованном в честь участников Международного физиологического конгресса, Молотов высоко оценил роль «международной науки»:

«Вы, делегаты конгресса, могли сами убедиться в том, как высок авторитет науки в нашей стране, как близко принимают к сердцу интересы науки трудящиеся советской республики, как велика вера в массах в силу науки и ее будущее. Само отношение трудящихся к настоящему конгрессу и его деятелям является показателем того, что созданный в нашей стране союз труда и науки делает трудящимся массам СССР близкими и понятными интересы подлинно интернациональной науки. Важнейшая роль международных научных конгрессов заключается в том, что они поднимают авторитет науки в глазах народов всего мира и дают новые толчки к дальнейшему росту мировой науки на пользу всего человечества (аплодисменты)»¹⁸⁴.

Однако ровно через год, летом 1936 года, «Правда» начала воинственную «патриотическую» кампанию, обвинив некоторых советских ученых в «низкопоклонстве» перед западной наукой. Поводом к развязыванию кампании стало обвинение известного математика академика Н. Н. Лузина в том, что он публиковал свои работы в иностранных, а не отечественных изданиях¹⁸⁵. Как показывают недавно обнаруженные в партархивах материалы, кампания получила личное благословение Сталина¹⁸⁶. К началу осени кампания несколько поутихла, только для того, чтобы начаться с новой силой спустя несколько месяцев. В тот самый день, когда «Известия» объявили, что конгресс не отменен, а просто отложен, «Правда» опубликовала статью только что «избранного» президента АН СССР Комарова, атаковавшую двух членов Академии — химиков В. Ипатьева и Л. Чичибабина — за их отказ вернуться в СССР из зарубежных командировок¹⁸⁷. Спустя неделю, Общее собрание исключило Ипатьева и Чичибабина из Академии, а 6 января 1937 года «Правда» объявила, что оба бывших академика лишены советского гражданства¹⁸⁸. Как того можно было ожидать, Лысенко и его сподвижники немедленно воспользовались «патриотической» кампанией. На декабрьской дискуссии они утверждали, что развивают взгляды «отечественных» ученых — Мичурина и Тимирязева — в то время как их противники поддерживают «иностранные» теории Менделя и Моргана.

Какими бы резонами не руководствовались члены Политбюро, решая судьбу конгресса, они явно не предполагали, что их решение вызовет жесткую реакцию

¹⁸³ См.: Adams M. Levit, Solomon Grigorevich // Dictionary of scientific biography. V. 18. Suppl. II. P. 546–549.

¹⁸⁴ Цит. по: Збарский Б. И., Каганов В. М. XV Международный физиологический конгресс. С. 147.

¹⁸⁵ О «деле Лузина» см.: Levin A. E. Anatomy of a public campaign: «Academician Luzin's case» in Soviet political history // Slavic Review. 1990. V. 49 N. 1. P. 90–108; Юшкевич А. П. «Дело» академика Н. Н. Лузина // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 377–394.

¹⁸⁶ См.: Дело академика Николая Николаевича Лузина / Ред. Демидов С. С., Левшин Б. В. Санкт Петербург: РХГИ, 1999. С. 22–23; 257–258.

¹⁸⁷ См.: Комаров В. Академики невозвращенцы // Правда. 21 декабря 1936. С. 3.

¹⁸⁸ См.: Недостойные гражданства СССР // Правда. 6 января 1937. С. 2.

западных ученых и язвительные комментарии западной прессы. Возможно, что они считали проведение конгресса своим «внутренним» делом. Отменив один конгресс «в виду явной неподготовленности», они имели в запасе другой, геологический конгресс, который должен был исполнить отведенную ему роль в демонстрации «успехов советской науки» и пропаганде «достижений социалистического общества»¹⁸⁹.

Кампания, развернувшаяся на западе, заставила членов Политбюро пересмотреть свое решение. В течение января — марта 1937 года нарком иностранных дел М. М. Литвинов, глава Отдела науки ЦК Бауман и председатель СНК Молотов неоднократно обсуждали судьбу конгресса с представителями АН. В конце концов, Политбюро разрешило проведение конгресса в Москве. Доступные документы позволяют предположить, что в этот раз решение предварительно обсуждалось четырьмя членами Политбюро — Сталиным, Ворошиловым, Кагановичем и Молотовым. Остальные четверо — Калинин, Андреев, Микоян и Чубарь — просто проставили «за» на проекте, подписанном первой четверкой. Хотя им и пришлось пожертвовать несколькими пунктами программы и согласиться с новым составом оргкомитета, советским генетикам явно удалось убедить своих «покровителей» в партаппарате в том, что выгоды от проведения конгресса в СССР значительно перевешивают отрицательные последствия его односторонней отмены.

7. Научные сети в международном контексте

Почему же МОК решил перенести конгресс в Великобританию? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, нам необходимо понять, чем руководствовался МОК в выборе Москвы как места проведения конгресса.

В середине 1930-х годов советские ученые занимали ведущие позиции в мировой генетике. В количественном отношении — по числу кафедр, лабораторий, научных сотрудников и публикаций — советская генетика занимала второе место в мире после США. По подсчетам Роберта Колера, в 1936–37 годах советские ученые, занимавшиеся генетикой дрозофилы, опубликовали больше статей, чем их коллеги во всех остальных европейских странах и Японии вместе взятые, и лишь чуть-чуть меньше, чем американские дрозофилисты¹⁹⁰. В некоторых разделах, таких как, например, генетика человека, советские ученые первенствовали в мировых исследованиях. Как Давенпорт отмечал в своем письме Госсекретарю США: «Я неоднократно говорил многим американским исследователям, изучающим генетику человека, что Россия все дальше отрывается от США в изучении этого предмета, в котором они ранее лидировали»¹⁹¹.

Более того, к середине 1930-х годов многие советские генетики стали полноправными членами международной генетической сети и установили прочные связи с западными, особенно американскими, коллегами. Вавилов был лично знаком со всеми ведущими генетиками мира. Во время их поездок в США, рокфеллеровские стипендиаты Агол, Добржанский, Карпеченко, Левит и Навашин установили контакты не только с сотрудниками тех лабораторий, в которых они стажировались, но и с ведущими американскими специалистами в областях их узкой специализации. Добржанский после окончания своей стажировки остался работать в США в лаборатории Моргана, сначала в Колумбийском университете, а позднее в Калифор-

¹⁸⁹ См. огромную пропагандистскую кампанию по поводу геологического конгресса в прессе: Правда, 21–24, 27, 29–30 июля 1937; Известия, 21–24, 26, 29–30 июля 1937.

¹⁹⁰ См.: Kohler, *Lords of the fly*. P. 296–297.

¹⁹¹ Давенпорт Госсекретарю США, 17 декабря 1936.

нийском технологическом институте¹⁹². Агол и Левит работали не только у Меллера в Техасе, но и провели лето 1931 года в лаборатории Давенпорта в Колд Спринг Харборе. Карпеченко, работая в лаборатории Бабкока в Беркли, неоднократно посещал лабораторию Моргана в Пасадене. Переезд Меллера в СССР также весьма способствовал упрочению контактов сети с советскими коллегами. Именно личные связи и авторитет Вавилова, Меллера, Кольцова, Левита и других ведущих советских генетиков сделали Москву естественным (хотя и не для всех членов сети равно привлекательным) выбором как места проведения конгресса. Не удивительно, что после того, как организация конгресса в Швеции оказалась невозможной, члены МОК единогласно проголосовали за его проведение в Москве.

Почему же МОК переменял свое отношение и перенес конгресс в Великобританию? Главным основанием для этого решения послужило восприятие западными генетиками московских событий и особенно причин отмены конгресса советским правительством. Как мы видели, новость об отмене конгресса вызвала целую бурю среди членов сети. Но реакция на эту новость отдельных ученых существенно различалась в соответствии с их политическими симпатиями, научными интересами и институциональными амбициями.

Прежде всего, отмена конгресса в Москве предоставила возможность генетикам какой-то другой страны воспользоваться преимуществами проведения конгресса в их стране. Ничего удивительного, что несколько европейских сообществ немедленно попытались воспользоваться этой возможностью. Так, секретарь Голландского общества генетиков А. Л. Хагедорн предупреждал Мора: «ваш комитет поступит мудро, исключив из рассмотрения такие политизированные страны, как Германия, Россия или Италия» и предложил взамен провести конгресс в Голландии¹⁹³. Однако голландский представитель в МОК Т. Таммс не разделяла оптимизма своего коллеги по поводу проведения конгресса в Амстердаме, главным образом из-за трудностей с его финансированием, и Мор не стал предпринимать никаких действий в этом направлении¹⁹⁴.

Аналогичное предложение Ф. Кру провести конгресс в Эдинбурге оказалось гораздо более успешным. Поначалу, большинство британских генетиков совсем не прельщала перспектива ввязываться в столь непростое дело, как организация конгресса. Активный сторонник социалистических идей британский представитель в МОК Дж. Б. С. Холдейн упорно поддерживал идею проведения конгресса в Москве. Он даже проголосовал за Москву уже после того, как Британское генетическое общество пригласило форум собраться в Великобритании. За стараниями Кру организовать конгресс в Эдинбурге, очевидно, стояло желание упрочить свое собственное скромное положение и периферическое положение его института в британском генетическом сообществе. (Что ему, несомненно, удалось: незадолго до открытия конгресса в Эдинбурге Кру стал членом Королевского общества). Тот, кто предпочитает видеть историю как результат тайных заговоров, мог бы даже предположить, что слух об аресте Кольцова и Серебровского, который в некотором смысле определил судьбу конгресса, совсем не случайно был распушен именно Пео Коллером, бывшим правой рукой Кру в его Институте животноводства. Именно из-за этого Холдейн, к примеру, считал абсолютно неэтичным проводить конгресс в Эдинбурге¹⁹⁵.

¹⁹² О Добржанском см.: The evolution of Theodosius Dobzhansky: His life and thought in Russia and America / Ed. Adams M. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

¹⁹³ Хагедорн Мору, 27 апреля 1937. Коллекция Мора.

¹⁹⁴ Таммс Мору, 19 июня 1937. Коллекция Мора.

¹⁹⁵ См.: Холдейн Мору. 23 июля 1937. Коллекция Мора.

Сходным образом, можно было бы предположить, что Кру пригласил Меллера перебраться в Эдинбург, несмотря на то, что ему лично Меллер был совсем не симпатичен, только для того, чтобы обеспечить проведение конгресса именно в Эдинбурге, а не в таких центрах британской генетики как Лондон, Кембридж, или Оксфорд. Аналогичным образом, резкое изменение позиции Меллера в отношении проведения конгресса в СССР той осенью могло быть связано с весьма своевременным приглашением Кру переехать в Эдинбург, поскольку, после того, как Меллер решил покинуть СССР, все его попытки найти место во Франции или Англии оказались безрезультатными.

Отношение отдельных американских генетиков к событиям в СССР также существенно различалось. Роберт Кук — консерватор, с хорошо известными антисоветскими настроениями — был с самого начала против принятия приглашения Москвы. После известия об отмене конгресса, он использовал свое положение редактора *«Журнала наследственности»* для того, чтобы навязать свое отрицательное мнение мировому сообществу. Весьма характерно, что многие и советские, и западные генетики посчитали такие действия Кука неэтичными¹⁹⁶. Других членов АГО, однако, больше заботило состояние их дисциплины, чем какие-либо политические события в России. По своей должности секретаря АГО М. Демерек считал своей обязанностью подробно информировать всех членов общества о развитии ситуации в Москве и регулярно рассылал поступавшую информацию¹⁹⁷. Поддержка Демерек-ком московского конгресса была явно связана с его собственными научными интересами — генетикой дрозофилы. В 1934 году он вместе с Бриджесом организовал ДИС — *«Дрозофильную информационную службу»* — и советские генетики были самой большой группой вне США, работавшей в этой области¹⁹⁸.

Естественно, главной фигурой в решениях МОК был его председатель О. Мор. Его отношение к проблеме претерпело существенную эволюцию — от решительной попытки исправить ситуацию с помощью личной поездки в Москву до значительных усилий по переносу конгресса в Эдинбург. Кажется вероятным, что такая эволюция была в большой мере связана с его политическими убеждениями. Мор был либералом с весьма благосклонным отношением к социалистическим идеям. И как большинство представителей западной левой интеллигенции, он был глубоко потрясен московскими процессами 1936—37 годов. Незадолго до публикации в *«Нью-Йорк Таймс»* об отмене конгресса, он писал Данну: *«Убийство Зиновьева, Каменева и остальных оказалось тяжелым ударом для всех нас, кто смотрел на Россию с надеждой на будущее. Особенно здесь в Норвегии, где сейчас гостит Троцкий»*¹⁹⁹. Более того, именно в то время, когда Мор узнал о проблемах с проведением конгресса и предложил советскому оргкомитету свою помощь, в Москве начался второй процесс над «вредителями». Как Мор отмечал в письме Данну от 25 января 1937 года: *«Трагический и отвратительный процесс над Радеком все сейчас перевернул. Как фантастично и невероятно! Для меня, кто действительно верил в солидное развитие СССР, сначала процесс Зиновьева-Каменева, а теперь и этот процесс, стали ужасным ударом»*²⁰⁰. Этот «удар» несомненно, повлиял на отношение Мора к московскому конгрессу и побудил его распространить свое собственное отрицательное мнение среди членов МОК.

¹⁹⁶ См.: Гчиги Мору, 22 апреля 1937; Бабкок Мору 18 мая 1937. Коллекция Мора.

¹⁹⁷ См., например, копии циркуляров Демерека от 16 и 22 декабря 1936. Коллекция Дания.

¹⁹⁸ См.: Kohler, *Lords of the Fly*. P. 296—297.

¹⁹⁹ Мор Данну, 6 декабря 1936. Коллекция Данна.

²⁰⁰ Мор Данну, 25 января 1937. Коллекция Данна.

И все же, несмотря на убедительность всех этих личных мотивов и действий как источника решения МОК о переносе конгресса, если мы будем концентрироваться исключительно на «личных» аспектах этой истории, мы можем упустить из виду более серьезный фактор — «коллективный» ответ международной генетической сети на события в Москве; ответ, который был определен не только (и не столько) политическими убеждениями, исследовательскими и институциональными интересами, симпатиями и антипатиями отдельных индивидуумов, но и, что особенно важно, самой природой сети и «силовым полем», образованным политическим треугольником — Германия Гитлера, Россия Сталина и западные «демократии», — внутри которого этой сети пришлось действовать.

Сеть — нечто большее, чем сумма индивидуумов, ее составляющих. Это особое целое, со своими собственными «холистическими» характеристиками и способами функционирования. Международная генетическая сеть представляла собой «скрытую» подструктуру генетики как дисциплины. Ее «русская ветвь» представляла вторую в мире по величине и активности группу генетиков, и как таковая была чрезвычайно важна для «благополучия» и сети, и всей дисциплины. Как Дани указывал в своем письме Меллеру в начале января 1937 года:

«Мы все знаем, что самое главное для всех нас — это держаться всем вместе, и что генетика будет продолжаться, невзирая на [судьбу] конгресса. Особенно два наиболее активных центра, США и СССР, должны быть главным образом озабочены продолжением контактов и должны попытаться повлиять на решение международного комитета таким образом, чтобы провести конгресс в месте, приемлемом для этих двух больших групп»²⁰¹.

Генетическая сеть была, прежде всего, дисциплинарной сетью. Ее члены, естественно, поддерживали контакты с различными индивидуумами вне их дисциплины: в ответ на события в Москве западные генетики мобилизовали свои связи с местными политическими и научными силами. Но хотя эти контакты были весьма впечатляющими, они все же были весьма ограничены. В июле 1937 года, то есть именно в то время, когда МОК обсуждал перенос конгресса в Британию, в Москве проходил 17-й Международный геологический конгресс. Тем не менее, доступные материалы показывают, что в поисках заслуживающей доверия информации о положении дел в России западные генетики даже не пытались связаться со своими соотечественниками, принимавшими участие в геологическом конгрессе.

История генетического конгресса убедительно свидетельствует, что действия и реакции сети во многом определяются ее «процедурными правилами» — условиями и принципами, на которых строится ее функционирование. Фундаментом любой сети является *доверие*. Ее члены действуют на основе передаваемой друг другу информации, которая обычно не всегда известна за пределами сети. Однако среди западных генетиков было широко распространено недоверие к сообщениям из России. Так Мор жаловался Данну: «Письмам, полученным мною из России, верить нельзя»²⁰². С одной стороны, такое недоверие было следствием изолированности советской части сети — ни один из советских генетиков не выезжал из страны после 1933 года. Все контакты советских генетиков с их коллегами осуществлялись через переписку или посредников. Только Меллеру было разрешено покинуть СССР, что сделало его одним из ключевых «узлов» в усилиях сети по организации конгресса. С другой стороны, такое недоверие было побочным продуктом особой риторической куль-

²⁰¹ Дани Меллеру, 7 января 1937. Коллекция Дани.

²⁰² Мор Данну, 4 августа 1937. Коллекция Дани.

туры, развитой советскими учеными в качестве адаптации к политическому прессу со стороны их «покровителей» в партаппарате²⁰³. В своей переписке с зарубежными коллегами они часто использовали «двойной стандарт», говоря одно в своих личных письмах и другое в официальных сообщениях, и часто пересыпая даже личные письма официальными лозунгами и клише. Хотя в Советском Союзе такой двойной стандарт был совершенно необходим для выживания и был хорошо понятен всем посвященным, он весьма существенно усилил недоверие западных ученых к сообщениям из России. Как Мор писал Меллеру в ноябре 1937 г.: «Невозможность доверять получаемой информации вызывает непереносимое чувство. И невозможность писать открыто, даже друзьям, из-за боязни, что твое письмо может принести им неприятности, вызывает еще более невыносимое чувство»²⁰⁴. Однако если оставить личные чувства в стороне, такое недоверие заставило западных генетиков с гораздо большим (чем они того заслуживали) доверием отнестись к свидетельствам «очевидцев», типа Р. Лунда, и советам «специалистов по советским делам», типа норвежского посла в СССР, убедившего Мора, что поездка в Москву может быть для него весьма небезопасной.

В результате всего этого, сеть действовала на основании слухов и догадок. Несмотря на многократные заверения советских генетиков о беспочвенности утверждений «*Нью-Йорк Таймс*» о том, что отмена конгресса была связана с атакой лысенковцев, многие западные генетики искренне в них поверили. Что в свою очередь, заставило их поверить, что советское правительство «недоброжелательно» настроено в отношении генетики. И опять-таки, несмотря на многочисленные опровержения со стороны советских генетиков, и, несмотря на то, что советское правительство в конечном итоге согласилось на проведение конгресса в Москве, такое убеждение разделялось многими западными генетиками и существенно повлияло на их восприятие событий в России. Например, хотя Вавилов послал Мору бюллетени декабрьской сессии ВАСХНИЛ для того, чтобы продемонстрировать ему возможность свободной дискуссии между генетиками и их противниками, Мор воспринял их как доказательство «очевидной тенденции к политической интерпретации фактов и мнений» в СССР²⁰⁵.

История генетического конгресса показывает не только важность строения и принципов функционирования сети, но и еще большую важность политического контекста, в котором сеть оперирует. В сентябре 1939 года в своем сообщении о работе конгресса в Эдинбурге, Кру заметил: «В наши дни главная квалификация, требуемая от того, кто принимается за организацию международного конгресса, — это абсолютно необоснованный оптимизм и полное игнорирование современных политических событий»²⁰⁶. Тем не менее, в своих усилиях по организации конгресса, генетики оказались в ловушке «силового поля» политической напряженности между гитлеровской Германией, сталинской Россией и западными «демократиями».

Многие западные генетики рассматривали события в советской генетике через призму событий в германской генетике и считали ситуацию в обеих странах весьма сходной. Как Кук отмечал в письме Трояновскому: «Мы не можем не выразить сожалений по поводу того, что советские ученые, по-видимому, находятся в опасности подвергнуться такому же интеллектуальному распытию, которому недавно подверглись германские ученые

²⁰³ О культуре советской науки в 1930-е гг. см.: *Krementsov N. L. Stalinist science.*

²⁰⁴ Мор Меллеру, 26 ноября 1937. Коллекция Меллера и Коллекция Мора.

²⁰⁵ Мор Данну, 4 августа 1937. Коллекция Мора и Коллекция Данна.

²⁰⁶ *Crew F. A. E. Seventh international genetical congress // Nature. 1939. V. 144. P. 496–498. Cit. on P. 496.*

при нацистском режиме»²⁰⁷. Многие западные генетики не только считали политические режимы в обеих странах диктатурами, при которых «академическая свобода» не может существовать и в принципе не существует, их также беспокоило то, что в обеих странах их дисциплина становится «острой политической проблемой»²⁰⁸.

Со времени прихода Гитлера к власти многие генетики с тревогой наблюдали растущее использование «генетического лексикона» в нацистской пропаганде и политических программах, равно как и растущее использование нацистской риторики некоторыми из их германских коллег. Именно поэтому, когда немецкие эмигранты Ю. Шаксель и В. Ландауэр выступили с инициативой включить в программу московского конгресса дискуссию о «генетике в связи с расовой теорией», 33 ведущих американских и британских генетика активно поддержали их предложение, и также поступили их советские коллеги. Генетики явно хотели дистанцировать свою науку от «фашистских извращений».

Однако, в середине 1930-х годов генетика оказалась политически «заряженной» и в Советском Союзе, главным образом благодаря атаке лысенковцев на «формальную генетику». Сторонники Лысенко обвиняли своих оппонентов в несовместимости менделевской генетики с марксизмом, практическом бесплодии и поддержке «фашистских взглядов» на генетику человека. В условиях воинствующей антифашистской политики СССР обвинения в пристрастии к «фашистским взглядам» были особенно опасными. Характерно, что в качестве средства спасения московского конгресса Добржанский предлагал в декабре 1936 г.: «было бы очень хорошо, если бы американские генетики написали что-то вроде популярного трактата на тему “генетика — противоположность нацистской теории” и отправили такой трактат в Москву»²⁰⁹.

Декабрьская дискуссия между сторонниками Вавилова и Лысенко оказалась одним из решающих факторов в переносе конгресса в Британию. Обзор дискуссии, опубликованной в «Nature», охарактеризовал ее как «атаку на современную генетическую теорию»²¹⁰. По собственному признанию Мора: «единственное, что дало мне реальное основание для моих действий, были бюллетени дискуссии, присланные мне Вавиловым. После того как они были переведены, я понял, что теперь Москва не может быть подходящим местом для проведения конгресса»²¹¹.

Мы, однако, должны задаться вопросом, чем Лысенко так «напугал» Мора? Очевидно, что совсем не все члены сети разделяли этот страх. Эмерсон, к примеру, предлагал Мору: «это было бы совершенно приемлемо, если бы обе стороны были представлены на конгрессе в докладах и обсуждениях»²¹². Ответ на выше сформулированный вопрос, по моему мнению, состоит в том, что для Мора и многих других генетиков символизировала атака Лысенко на их дисциплину, а именно — вторжение советских политических деятелей на священную территорию науки. Западные ученые полагали, что позиция Лысенко поддерживалась советским руководством и выражала «официальное отношение» к генетике. Как отметил один из американских генетиков: «Это — полная катастрофа, что Советы присоединились к Германии в предписывании науке официальных доктрин»²¹³. На пике неприятностей к конгрессом в декабре 1936 года Американское общество натуралистов даже приняло специальную резолюцию, в которой от-

²⁰⁷ Кук Трояновскому, 19 декабря 1936. АВПР. Ф. 192. Оп. 3. Д. 53. Папка 24. Л. 57.

²⁰⁸ Дженнингс Данну, 24 декабря 1936. Коллекция Данна.

²⁰⁹ Добржанский Данну, 21 декабря 1936. Коллекция Данна.

²¹⁰ Genetic theory and practice in the USSR // Nature. 1937. V. 139. P. 185.

²¹¹ Мор Меллеру, 26 ноября 1937. Коллекция Меллера.

²¹² Эмерсон Мору, 19 апреля 1937. Коллекция Мора

²¹³ Дженнингс Данну, 22 декабря 1936. Коллекция Данна.

мечалась «растущая в некоторых странах мира тенденция требовать от исследователя, чтобы его работы соответствовали официально утвержденным доктринам». В резолюции далее утверждалось: «общество хотело бы подчеркнуть, что интеллектуальный прогресс совместим только с полной свободой в проведении исследований»²¹⁴.

В случае советской науки, однако, такая «полная свобода» оплачивалась правительством: со времени большевистской революции государство было единственным «покровителем» науки. Западные ученые хорошо знали, что фантастический рост науки при советском режиме был следствием щедрого финансирования этим режимом научных исследований (и невероятный прогресс советской генетики был лучшей тому иллюстрацией). Они постоянно приводили примеры из советской науки в своих жалобах на жалкие условия, в которых им самим довольно часто приходилось работать²¹⁵. Они хотели, чтобы их правительства поддерживали науку и финансировали их исследования. Однако они не могли принять вмешательство правительства в их «внутренние» дела. В письме Госсекретарю США Давенпорт отмечал: «Люди науки верны двум вещам — своей науке и своей стране». Но, следуя главному принципу научного интернационализма, Давенпорт настаивал на том, что верность науке более важна для ученого: «именно благодаря верности своей науке, ученые способны совершать открытия и приумножать знания, которые столь ценны для их страны»²¹⁶.

Советское правительство явно думало по-другому. Посол СССР в Великобритании И. И. Майский утверждал в своем ответе английским биологам: «В СССР преобладающий взгляд на науку состоит в том, что наука не должна считать себя неким полубогом с правом выбирать свое собственное направление без учета нужд и требований народа (читай правительства. — Н. К.). Наоборот, главной целью науки является верное обслуживание нужд народа»²¹⁷. Как мы видели, в течение второй половины 1936 г. посредством серии публичных «патриотических» кампаний, правительство ясно продемонстрировало ученым, что верность советской стране гораздо более важна, чем верность их науке. Летом 1937 года Меллер убеждал своих западных коллег:

«Давайте сделаем все, что мы можем, чтобы эффективно поддержать наших достойных коллег, таких, как Вавилов, Карпеченко, Левит, Навашина, Серебровский, Кольцов, в это тяжелое время, критическое для них и для нашей науки. Мы сами не можем от этого пострадать, мы сами не выходим под огонь на передовую, мы можем только принести пользу, поддерживая научные концепции, которые мы все — независимо от политических убеждений — разрабатывали и отстаивали всю свою жизнь»²¹⁸.

Но страстные призывы Меллера не смогли преодолеть принципов функционирования сети. Как Мор писал Данну почти в то же самое время:

«Остается один главный довод: должны ли мы отправиться в Москву, чтобы поддержать достойных генетиков, находящихся в критической ситуации? Этот довод для меня весьма весом. Но, ты знаешь, Дани, насколько я могу судить, ситуация такова, что наша открытая поддержка вполне может принести им большие неприятности. Я только что обсуждал этот

²¹⁴ Scientific freedom // Nature. 1937. V. 139. P. 185.

²¹⁵ См., например: Холдейн Мору. /Не позднее 27/ июня и 13 октября 1937. Коллекция Мора.

²¹⁶ Давенпорт Госсекретарю США, 17 декабря 1936.

²¹⁷ Science in the USSR // Nature. 1937. V. 139. P. 227.

²¹⁸ Меллер Данну, 17 июня 1937 (из Остина).

вопрос с нашим послом в Москве (старым либералом, которого я хорошо знаю), и он думает, что последняя возможность — самая вероятная»²¹⁹.

В очередной раз советы «специалиста по советским делам» перевесили доводы человека, знавшего московскую ситуацию изнутри.

8. Научный интернационализм: идеологии, покровители и сети

История 7-го международного генетического конгресса освещает сложные «переговоры», в которые были вовлечены советские генетики, их покровители в госаппарате и их западные коллеги, по поводу научного интернационализма и различных толкований этого понятия всеми «договаривающимися сторонами».

Советские генетики страстно хотели провести конгресс в Москве. В дополнение к существенному росту финансирования и укреплению контактов с международной сетью, конгресс, возможно, был их самым верным орудием в отражении атаки Лысенко и его сторонников на их дисциплину. Генетики явно рассчитывали, что их западные коллеги помогут им открыть глаза их патронам в госаппарате на истинное лицо Лысенко как невежественного демагога. Этот расчет базировался на одном из главных принципов идеологии научного интернационализма — универсальности научного знания. Такая универсальность подразумевает, что знание, полученное в одной лаборатории (государстве), должно быть истинным в любой другой лаборатории (государстве). Универсальность научного знания также подразумевает, что ученые других лабораторий выступают в роли независимых, нейтральных, не вовлеченных в местные дела (будь то борьба за ресурсы или политические разногласия) «верификаторов» результатов, полученных в какой-либо лаборатории. Именно на статус западных ученых как таких нейтральных «судей» и рассчитывали советские генетики, полагая, что их покровители в партаппарате прислушаются к мнению и авторитету зарубежных генетиков. Весьма характерно, что, когда в июне 1937 года советские генетики узнали о возможном переносе в Великобританию, они немедленно стали готовиться к такой возможности, планируя провести в следующем году Всесоюзную генетическую конференцию с участием большого числа зарубежных генетиков, поддерживавших идею проведения конгресса в Москве²²⁰.

Если советские генетики старались провести конгресс в Москве, чтобы упрочить позиции своей дисциплины, их покровители в Политбюро имели в виду совсем другое применение для конгресса. В 1930-е годы главной целью Политбюро в поощрении международных научных контактов была пропаганда «советских достижений». В своих решениях Политбюро руководствовалось довольно простыми утилитарными соображениями: любой международный форум был средством демонстрации достижений СССР в науке и рекламы этих достижений за границей. Особая программа экскурсий и выставок, сопровождавшая любой международный форум, была составлена так, чтобы тщательно контролировать все, что зарубежные участники могли и не могли увидеть, и таким образом «формировать» их впечатления о советской науке и советской стране.

Именно неуверенность в том, что генетический конгресс был «готов» выполнить эту пропагандистскую функцию, подвигнула Политбюро отменить конгресс. Важнейшие элементы генетического «шоу» — Институт генетики и Всесоюзная сель-

²¹⁹ Коллекция Данна. Мор Данну, 4 августа 1937. Коллекция Данна.

²²⁰ См.: АРАН. Ф. 201. Он. 6. Д. 4. Л. 1–3.

скохозяйственная выставка — были не готовы принять иностранных посетителей. Кампания, развязанная Лысенко против «формальной» генетики, и особенно его атака на ее лидеров — Вавилова, Кольцова, Левита и Серебровского, входивших в состав оргкомитета конгресса, — вполне возможно также сыграла определенную роль в создании атмосферы сомнения в «целесообразности» проведения конгресса в Москве и подозрения в отношении его организаторов. Включение в программу заседаний дискуссии о «генетике человека и расовой теории» возможно, имело такой же эффект, поскольку в это время в новоязе партидеологов сама фраза «расовая теория» приобрела отчетливую «фашистскую» окраску, а генетика человека, в целом, приобрела некий «фашистский» подтекст в глазах партаппаратчиков.

Политбюро, однако, явно не ожидало, что его решение принесет больше вреда, чем пользы, спровоцировав широкую кампанию в западной прессе и побудив международное генетическое сообщество к бомбардировке советских официальных лиц телеграммами и гневными письмами. Такая реакция международной сети также во многом основывалась на идеях научного интернационализма, хотя и понимаемых в слегка ином смысле. Как Давенпорт подчеркнул в письме Госсекретарю США:

«СССР не может считать себя вправе распоряжаться своими генетиками, как ему того захочется. СССР должен заплатить долг цивилизации и особенно генетике. Он широко воспользовался открытиями людей науки и практическими приложениями этих открытий и обязан вернуть долг цивилизации посредством умножения знаний о природе и контроле над ней. Если он теперь в любой области науки откажется платить этот долг, затормозив исследования в этой науке, он может ожидать только того, что весь остальной мир не позволит ему далее пользоваться свободными плодами прогресса науки во всем остальном мире. СССР не может требовать всего от цивилизации, не давая взамен ничего»²²¹.

Жесткая реакция международной сети, несомненно, помогла советским генетикам убедить Политбюро в необходимости проведения конгресса в Москве. Однако, международная сеть оказалась неспособной и отнюдь не жаждущей вступить в сражение с советскими критиками генетики на их собственной территории. Западные генетики, несомненно, подозревали, что перенос конгресса в другую страну может иметь «катастрофические последствия» для их советских коллег: «Вавилов, Левит и остальные будут ассоциироваться с буржуазными принципами, в то время как Лысенко окажется (как он на то и претендует) истинно советским лидером»²²². Они боялись, что если конгресс будет перенесен в другую страну, «настроения в России будут таковы, что советским генетикам не позволит участвовать в Конгрессе»²²³.

Перенос конгресса в Великобританию действительно имел самые неприятные последствия для советской генетики. Он не только помешал советским генетикам принять участие в конгрессе (как того и опасались их американские коллеги) и, таким образом, углубил изоляцию советской генетики. Он также способствовал усилению «патриотического» настроения советского руководства в отношении международных научных связей. В августе 1939 года, незадолго до открытия конгресса в Эдинбурге, Кру получил телеграмму из Москвы. Хотя и подписанная Вавиловым, телеграмма была в действительности написана А. Я. Вышинским и отредактирована Молотовым. Телеграмма в частности гласила: «Советские генетики считают невозможным принять участие в конгрессе, проводимом в Шотландии, вместо его изначально плани-

²²¹ Давенпорт Госсекретарю США, 17 декабря 1936.

²²² См.: Дарлингтон Мору, 14 мая 1937. Коллекция Мора.

²²³ Эмерсон Мору, 19 апреля 1937. Коллекция Мора.

ровавшегося проведения в Советском Союзе»²²⁴. Очевидно, что советские руководители восприняли перенос конгресса как афронт.

Более того, перенос конгресса усилил и без того растущее подозрение советских руководителей в отношении одного из главных принципов научного интернационализма — свободного обмена результатами научных исследований и их взаимной проверки учеными разных стран. Уже в процессе «дела Лузина» Политбюро дало ясно понять советским ученым, что публикация исследований за рубежом более не является приемлемым способом их верификации посредством независимой экспертизы зарубежными учеными. Такие публикации теперь рассматривались не как знак признания достижений советских ученых, которые, в соответствии с принципами научного интернационализма, повышали международный престиж СССР, а как идеологически неприемлемые «низкопоклонство и раболепие перед Западом». Такая позиция верхов подразумевала, что зарубежные ученые более не могут выступать в качестве нейтральных «судей» в оценке советских научных исследований. И действительно, советское руководство делегировало эту функцию партаппаратчикам и партидеологам: следующая дискуссия между сторонниками Вавилова и Лысенко в октябре 1939 года проходила перед конклавом «судей», назначенных Политбюро из числа доверенных партийных философов. Не удивительно, что в этой ситуации, аргументы Лысенко против менделевской генетики — несовместимость с марксизмом, практическое бесплодие и «иностранное происхождение» — оказались гораздо более весомыми, чем критика генетиками многочисленных недостатков экспериментов и теории Лысенко²²⁵.

Мы можем только предполагать, что, если бы конгресс все-таки состоялся в Москве, советским генетикам, возможно, удалось бы значительно упрочить свои позиции и, может быть, даже успешно отразить атаку Лысенко на их дисциплину.

²²⁴ См.: АВПР. Ф. об1. Оп. 1. Папка 4. Д. 28. Л. 42–45.

²²⁵ Детальный анализ этой дискуссии см.: *Krementsov N. L. Stalinist science*; и *Кременцов Н. Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: Советская биология в 20-х — 30-х годах. Санкт Петербург, 1998. С. 107–164.*

СИБИРСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. ИЗ ИСТОРИИ УНИКАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

I. V. Cherkazjanova. Siberian soviet Encyclopedia as one of landmark of Russian science on historic breakthrough. The publication of the Siberian Soviet Encyclopedia in the 1930s is closely linked to the exploration and developing of Siberia in the years of the first five-year plans. It was the first large-scale publication on the region in the field of popular science. The individual articles were written by both Siberian authors and members of the Academy of Science from Leningrad and Moscow. The edition was never finished though, owing to political repression in the country and removal from their work of editors and authors. Attempts to pick up the work on the last volumes again in the 1940ies ended with no result.

«Сибирская советская энциклопедия» (ССЭ) рождалась в сложное для страны время — эпоху «великого перелома» — период важнейших социально-экономических и политических перемен. В ее драматической судьбе, насильно прерванной и исковерканной, как в зеркале, отразились история страны, история российской советской интеллигенции и судьбы многих авторов энциклопедии, отстраненных от науки, оклеветанных, уничтоженных.

В настоящее время далеко не каждая, даже крупная, библиотека может похвастаться наличием этого уникального издания. Ограниченный тираж ССЭ и ее неординарная судьба сделали энциклопедию библиографической редкостью вскоре после ее выхода в свет. Уже на начальной стадии подготовки пятитомного издания стали возникать препоны. Выпуск томов постоянно тормозился по политическим и идеологическим причинам. Первый том вышел в сентябре 1929 года со значительным отставанием от плана. Печатание второго тома началось в июне 1930 года, а закончилось в марте 1931-го. Современники с энтузиазмом восприняли выход первых томов энциклопедии, отклики были помещены во многих периодических изданиях¹. Издание третьего тома затянулось еще больше. Рукопись поступила в набор 11 ноября 1931 года, первые листы подписали к печати в марте 1932-го, полностью же том отпечатали 2 апреля 1933 года. В мае того же года рукопись четвертого тома была сдана в типографию, к маю 1937-го отпечатали первые 17 листов, остальные были сверстаны, но к печати не подписаны. Пятый том так и не был создан, лишь в конце 1945 года московский библиограф, краевед, искусствовед А. Н. Турунов составил к нему словник.

Исследователи обратились к истории создания энциклопедии в конце 1960-х годов. С. Г. Лившиц, преподаватель Новосибирского книготоргового техникума, опубликовал подробную статью о первой краевой энциклопедии², однако умолчал об истинных причинах прекращения издания. Как признание роли ССЭ в развитии истории науки следует рассматривать статью о самой энциклопедии, включенную в состав «Омского историко-краеведческого словаря»³. В 1994 году автор сло-

¹ Отзывы поместили газеты «Правда» (1929, № 243), «Известия» (1929, № 267), «Вечерняя Москва» (1929, № 238) и др. Заграничные отклики об энциклопедии опубликовал журнал «Сибирские огни» (1930, № 5, С. 139).

² Лившиц С. Г. Первая Сибирская краевая энциклопедия // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 36–50.

³ Виле П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 239.

варной статьи уже смог открыто сказать о том, что многие члены коллектива энциклопедии были незаслуженно объявлены «врагами народа» и отстранены от работы. О роли ученых Москвы и Ленинграда в подготовке ССЭ был сделан доклад автором настоящей статьи⁴.

Закономерно появление на рубеже 1920–30-х годов именно Сибирской энциклопедии. Этому краю отводилась огромная роль в планах построения социализма, особенно в годы первых пятилеток. Повышенное внимание к экономике региона требовало углубленного изучения его природных богатств, вызывало интерес к его прошлому, к культурному наследию населявших Сибирь народов.

Энциклопедии, как правило, содержат уже накопленные сведения. Совершенно иначе создавалась ССЭ, которая сама стала мощным толчком к развитию знаний о Сибири. Изученность края к 1917 году оставалась крайне низкой. Например, в области геологии и почвоведения она составляла 24 %, картографическое обследование было проведено лишь на 23 % территории. Наиболее изученной оказалась флора края (36 %)⁵. Поэтому редкая статья для готовящегося издания писалась в кабинете, многие создавались буквально «с колес», в процессе научных исследований. Для того, чтобы подготовить даже небольшую заметку, требовались серьезные исследования. Так, например, чтобы написать некоторые статьи по археологии, понадобились систематические, детальные раскопки в Минусинской котловине и на Алтае. Они проводились под руководством двух ленинградских ученых С. А. Теплоухова и М. П. Грязнова. Сотрудник, позже заведующий метеоритным отделом Минералогического музея АН СССР, Л. А. Кулик совместно с омским минералогом П. Л. Дравертом написал для третьего тома большую статью «Метеориты». Этому предшествовала сложнейшая Тунгусская экспедиция 1927–1928 годов к месту падения знаменитого метеорита, которая чуть не стоила жизни Кулику.

Мысль о создании регионального справочника универсального характера зародилась в середине 1926 года в стенах «Сибкрайиздата». Это была первая попытка подготовить широкомасштабное научно-популярное издание о Сибири. Идею энциклопедии поддержала редакция «Большой советской энциклопедии» в лице ее редактора О. Ю. Шмидта. Предложение об энциклопедии поддержал и 1-й Сибирский краевой научно-исследовательский съезд в декабре 1926 года. Инициатором выступил 28-летний руководитель Сибирского краевого издательства М. М. Басов — один из первых советских журналистов Сибири, один из основателей журнала «Сибирские огни» и первый редактор ССЭ. Другой важнейшей фигурой в истории энциклопедии стал ученый секретарь энциклопедии (1927–1933), сибиряк П. К. Казаринов — библиограф, этнограф, краевед. В 1922–1926 годах он возглавлял Восточно-Сибирское отделение РГО, в 1930-м стал первым директором Сибирской краевой научной библиотеки. На его плечи легла основная тяжесть сложнейшей организационной работы по подготовке энциклопедии.

8 апреля 1927 года бюро Сибкрайкома ВКП(б) утвердило главную редакцию ССЭ. В нее вошло 28 человек — цвет сибирской науки, 17 из них были членами Общества изучения Сибири и ее производительных сил⁶. Это были М. К. Азатов-

⁴ Черказьянова И. В. Участие ученых Москвы и Ленинграда в создании Сибирской советской энциклопедии // Наука и техника: вопросы истории и теории: Тезисы XX годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (22–25 ноября 1999 г.). СПб., 1999. С. 37–38.

⁵ Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. М., 1933. С. 705.

⁶ Сибироведение. 1927. № 5. С. 23–24.

ский — филолог, профессор Иркутского университета, председатель Иркутского бюро Общества изучения Сибири; Н. Д. Бушмакин — антрополог, ректор Иркутского университета; Н. В. Гувовский — инженер, ректор Томского политехнического института; П. Л. Драверт — минералог и поэт, профессор Омского сельхозинститута, председатель Омского бюро Общества изучения Сибири; В. Н. Саввин — медик, ректор Томского университета; М. А. Усов — геолог, председатель Сибирского геологического комитета, председатель Томского бюро Общества изучения Сибири. Вся повседневная работа по подготовке издания велась президиумом главной редакции в составе М. М. Басова, А. А. Ансона, В. Г. Болдырева, П. К. Казаринова, Г. И. Черемных. К работе только над первым томом было привлечено около 500 авторов, большинство из которых были сибиряками.

Самое активное участие в энциклопедии приняли представители академической и вузовской науки из Москвы и Ленинграда. Только для первого тома ими было подготовлено около 70 обобщающих, структурообразующих статей. Академики В. А. Обручев, А. Е. Ферсман, А. Н. Самойлович, Б. Я. Владимирцов оказали огромную помощь в подготовке энциклопедии.

По количеству подготовленных обобщающих материалов нет равных академику В. А. Обручеву, известному исследователю геологии Сибири. Его судьба и научные интересы теснейшим образом были связаны с Сибирским краем. Профессиональная карьера ученого начиналась в качестве геолога в Иркутском Горном управлении. В 1892—1894 годах он участвовал в экспедиции Г. Н. Потанина в Центральную Азию и Китай, в 1919—1921 преподавал в Томском технологическом институте, с 1922-го стал профессором Горной академии в Москве. В конце XIX века его работы были связаны с проектированием Транссибирской и Закаспийской железных дорог. Обручев — автор статей ССЭ «*Геологическое строение Сибири*», «*Вулканические явления*», «*Докембрий*», «*Ледники*» и многих других. Со второго тома ССЭ он был назначен редактором раздела «*Геологическое строение и полезные ископаемые*». Результаты многолетних работ Обручева обобщены в трехтомной монографии «*Геология Сибири*» (1935—38) и «*Истории геологического исследования Сибири*» (т. 1—5, 1931—1959).

Академик А. Е. Ферсман, вице-президент АН СССР написал статью «*Геохимия*». Одним из редакторов ССЭ был почетный академик Э. К. Пекарский — лингвист-этнограф, составитель фундаментального многотомного «*Словаря якутского языка*». Он редактировал раздел «*Народности*» в первом томе энциклопедии. Якутию он хорошо изучил в период своей ссылки, здесь он жил с 1881 по 1895 год, участвовал в научных экспедициях по Якутии и Восточной Сибири.

Московские исследователи участвовали, главным образом, в разработке материалов по истории революционного движения (М. В. Брамсон, И. П. Дубинский, М. М. Константинов, Б. Г. Кубалов, П. Н. Лепешинский, Г. И. Лурье, Д. К. Чудинов, Б. З. Шумяцкий и др.) и истории Сибири (С. В. Бахрушин, В. И. Шунков и др.). Многие из них знали Сибирь не понаслышке. Так, М. М. Константинов, автор статей «*Каторга и ссылка*», «*Колчаковщина*», родился в Иркутской губернии, работал в Иркутске, на Дальнем Востоке и лишь позже переехал в Москву. П. Н. Лепешинский — один из организаторов и руководитель Истпарта (1921—1924), директор Исторического музея и Музея Революции, был дважды в ссылке в Сибири. Среди авторов ССЭ профессора Московского университета: К. В. Базилевич, старший научный сотрудник Института истории СССР АН (с 1936); С. В. Бахрушин, член-корреспондент АН (1939); В. Н. Харузина — первая в СССР женщина-профессор этнографии; выпускник МГУ, ученик Бахрушина В. И. Шунков, член-корреспондент АН (1962). Одним из авторов статьи «*Индустриализация*» был Н. Н. Колосов-

ский — специалист по экономической географии, доктор географических наук. Он организовал ряд экспедиций по изучению Восточной Сибири, принимал участие в работах Госплана по экономическому районированию СССР, в разработке первого пятилетнего плана. В числе московских авторов были известные географы, историки книги и периодики Н. В. Здобнов, А. Н. Турунов.

Академическая наука была представлена в таких областях знания, как этнография, языковедение, лингвистика, археология, искусствоведение, а также по различным отраслям науки о земле. Перечень всех научных учреждений Ленинграда, сотрудники которых участвовали в подготовке энциклопедии, занял бы слишком много места. Назовем лишь некоторые: Минералогический, Зоологический, Азиатский музеи АН СССР, Музей истории религии АН СССР, Эрмитаж, Русский музей, Главная геофизическая обсерватория, Почвенный институт АН СССР, Академия истории материальной культуры и др. Активное участие приняли востоковеды: индолог академик А. П. Баранников, монголоведы академик Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе, тюркологи академик А. Н. Самойлович и С. Е. Малов, японовед Д. М. Позднєв. Геофизик Б. П. Вейнсберг, директор Главной геофизической обсерватории (с 1924), до этого назначения он был профессором Томского технологического института (1909—1923). Как специалист по арктическим льдам и в области земного магнетизма, он внес большой вклад в изучение Сибири. Гидробиолог Г. Ю. Верещагин является автором теории морского происхождения озера Байкал. В соавторстве он подготовил статьи о Байкале и Ангаре. Почвовед академик Л. И. Прасолов — автор учения о почвенных провинциях, один из составителей почвенной карты мира. В 1931 году он возглавлял Кузнецко-Барнаульскую экспедицию АН СССР. С. А. Теплоухов создал первую классификацию археологических культур Южной Сибири, разработал периодизацию культур эпохи бронзы. Его выводы сохранили свою актуальность до настоящего времени. Для энциклопедии он подготовил статьи «*Курганы и могилы*», а в соавторстве с В. В. Бунаком статью «*Металлический период*». М. П. Грязнов классифицировал древние культуры Алтая. Им самостоятельно и в соавторстве написаны статьи «*Архитектура*», «*Археологические исследования*», «*Каменные бабы*».

Привлечение ученых из Москвы и Ленинграда к составлению энциклопедии было продолжением тех связей, которые уже сложились между центром и регионами. С конца 1920-х годов АН вела целенаправленную работу по созданию научных баз и филиалов в восточных районах и республиках страны, организовывала комплексные экспедиции по изучению Сибири. Музеи Иркутска, Минусинска, Омска, Красноярска, Барнаула в 1920-е годы были тесно связаны с АН и академическими учреждениями, которые помогали обрабатывать сибирские коллекции⁷. Контакты устанавливались и через совместную работу, переписку, личное знакомство ученых. Давние дружеские отношения связывали, например, академика В. И. Вернадского с П. Л. Дравертом, возглавлявшим Омскую метеоритную комиссию. Товарищами по минусинской ссылке были В. Д. Вегман, заведующий Сибирским отделением Истпарта, курировавший на общественных началах в энциклопедии отдел «*История революционного движения. Каторга и ссылка*», и П. Н. Лепешинский. В 1928 г. они написали совместную статью «*В. И. Ленин в сибирской ссылке*»⁸.

В истории подготовки и издания энциклопедии можно выделить несколько этапов: 1926—1929, 1929—1933, 1933—1945 гг. Первый — период организационной, мето-

⁷ Сибироведение. 1928. № 8. С. 8.

⁸ Познанский В. В. Д. Вегман — исследователь и революционер // Отечество. Краеведческий альманах. № 1. М., 1990. С. 88.

дической подготовки издания и выхода в свет первого тома. Это время наивысшего творческого подъема, наибольшего энтузиазма составителей и авторов. Первый том отличается высоким уровнем академических требований к изданию и его содержанию. В результате огромнейшей работы он увидел свет, хотя и на год позже, чем намечалось. Выход первого тома был приурочен к 10-летию освобождения Сибири от колчаковцев. Первоначально планировалось издавать энциклопедию в Ленинграде, но в итоге она издавалась в Москве и печаталась в типографии «Правды».

Следующие два этапа в истории энциклопедии связаны с изменением политического курса в стране и усилением политических репрессий, с ускорением темпов индустриализации и проведением насильственной коллективизации. Репрессии обрушились на интеллигенцию, в целом, и на Академию наук, в частности. В конце 1920-х — начале 1930-х годов был организован ряд судебных процессов, связанных с «делами специалистов». Наибольший резонанс получили процессы «Промпартии» и «Крестьянской партии». В конце 1929 года органы ОГПУ начали раскручивать «академическое дело», жертвами которого стала большая группа ученых, в том числе четыре академика — С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский и пять членов-корреспондентов АН СССР. Ученых обвинили в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии⁹. «Академическое дело» нанесло серьезный удар по АН, и в целом, по общественным наукам. Вслед за этим создателей ССЭ стали упрекать в увлечении «академизмом».

«Академическое дело» повлекло за собой фабрикацию целого ряда «дел краеведов». Весной и летом 1930 года удар обрушился на главные центры краеведения, репрессиям подверглись практически все работники в центре и на периферии. Были арестованы ученый секретарь Центрального бюро краеведения Д. О. Святский, ведущий петербурговед страны Н. П. Анциферов, многие другие краеведы. Так, в 1931 году воронежским ОГПУ любители родной старины были зачислены в «воронежскую областную монархическую контрреволюционную организацию "Краеведы"», расправа над ее «участниками» не заставила себя долго ждать. 12 апреля 1931 года постановлением Сибкрайисполкома было закрыто Общество изучения Сибири и ее производительных сил¹⁰. Краеведение по всей стране было объявлено лженаукой, оно осуждалось за «монархическую», «буржуазно-помещичью», «кулацко-эсеровскую» направленность. Последней точкой в разгроме краеведения стало постановление СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», принятое в 1937 году.

На этом этапе авторам «Сибирской энциклопедии» предстояло более решительно отразить динамизм социалистического строительства, уход в «академизм» и «историзм» был недопустим. Читатель — труженик пятилетки должен был видеть эту пятилетку и на страницах энциклопедии. Такие требования создавали дополнительные трудности редакторам и авторам. Так, статья «Индустриализация» и статья о кадрах переделывались несколько раз, менялась и памятка по их составлению.

Со второго тома начались изменения в структуре издания. Решено было актуализировать темы и разделы, привести их в соответствие с реалиями экономической и политической жизни страны. Был существенно изменен раздел «Население», подраздел «Демография. Колонизация. Населенные пункты» был перенесен в

⁹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб., 1998.

¹⁰ Пугачева Н. М. Сибирское краеведение в 1920—1930-е гг. // Известия ОГИК музея. № 2. Омск, 1993. С. 16.

раздел «Народное хозяйство», так как демография стала трактоваться как прикладная наука. В разделе «Народное хозяйство» появились подразделы «Коллективизация», «Планирование народного хозяйства и народно-хозяйственный учет», «Охота и охотоведческое хозяйство». Такое внимание к охотоведению объяснялось возрастанием роли экспорта советской пушнины как одного из источников финансирования промышленности.

Значительной переработке подвергся раздел «Общественная жизнь». Исчезли подразделы «Краевое и местное управление, обычное право» и «Вопросы военной обороны». Закономерным было появление в разделе «Культурное строительство» подраздела «Антирелигиозная работа». С конца 1920-х годов развернулась особенно активная борьба против всякого проявления религиозности. «Союз безбожников» именно в 1929 году был переименован в «Союз воинствующих безбожников». Разгром исторической науки в ходе «академического дела» привел к тому, что из энциклопедии вообще исчез раздел «История и археология», а вместо него появилось название «История классово-борьбы».

В этот период произошли изменения и в составе редколлегии: увеличилось число партийных функционеров, советских и хозяйственных деятелей, были отстранены от работы некоторые ученые. После «академического дела» из числа редакторов исчез С. В. Бахрушин, крупнейший специалист по истории Сибири. В 1931 году он был осужден в числе «руководителей» так называемого «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» и приговорен к ссылке на 5 лет. В 1933 году под Новосибирском был расстрелян В. Г. Болдырев — один из редакторов раздела «Экономическая география Сибири», консультант Сибирской краевой плановой комиссии, бывший в прошлом членом Уфимской дирекции. Осенью 1936 года арестовали и в 1937-м расстреляли первого историка революции и Гражданской войны в Сибири В. Д. Вегмана. Органы ОГПУ объявили его руководителем троцкистской группы в Новосибирске, главной целью которой была подготовка покушений на жизнь руководителей партии и правительства. В январе 1934 года был арестован профессор Г. В. Круссер, входивший в состав главной редколлегии энциклопедии, активный член Западно-Сибирского отдела РГО¹¹. Главный редактор 1-го тома М. М. Басов был отстранен от руководства, перемещен из Москвы в Иркутск и оставлен только в роли заместителя главного редактора по Восточной Сибири. С 1931 года энциклопедию возглавил известный государственный и партийный деятель Б. З. Шумяцкий.

1930-е годы — наиболее драматичный период и для энциклопедии, и для ее участников. Из-за начавшихся репрессий второй и третий тома вышли с опозданием. Четвертый том целиком был только сверстан, но к печати не подписан, поэтому изготовлено было всего 20 экземпляров. В январе 1937 года совещание по делам энциклопедии приостановило дальнейшую верстку и печатание, фактически прекратив ее издание. Макет четвертого тома и весь архив были отправлены из Москвы в Новосибирск, где хранятся в Государственном архиве Новосибирской области.

Большая популярность издания, его незавершенность наталкивали на мысль о его переиздании и даже доработке последних томов. Первыми заговорили об этом сами участники создания энциклопедии: в письмах А. Н. Турунова 1945–1947 годов к М. К. Азадовскому неоднократно заходила речь о возобновлении издания. Турунов

¹¹ Ремизов А. В. Омское краеведение (страницы недавней истории) // Известия ОГИК музея. № 5. Омск, 1997. С. 58.

долгие годы учился и работал в Сибири (Томске, Иркутске), в 1923 году переселился в столицу и до 1930 года был научным сотрудником Центрархива. В 1930—1937 годах он совмещал основную работу с работой в ССЭ: был ее техническим редактором и выпускающим. Вернувшись с фронта, он в числе первых дел стал заниматься поиском путей к возобновлению издания ССЭ. 20 декабря 1945 года он сообщал в Ленинград Азадовскому о том, что составил словник к пятому тому. Ему было чрезвычайно важно заручиться поддержкой авторитетных ученых, чтобы поставить вопрос о доиздании двух томов энциклопедии. «Если бы, скажем, ряд академиков (например, В. А. Обручев, Н. Н. Баранский¹², Вы и др.) подняли этот вопрос, может быть, дело и продвинулось бы, тем более что организуется специальное Географическое издательство. Можно было бы усилить географический элемент и подсократить другие разделы», — писал Турунов¹³. По его просьбе академик Обручев обратился с письмом в поддержку многострадальной энциклопедии к Г. М. Маленкову, секретарю ЦК ВКП(б). В свою очередь, Обручев предложил Турунову помощь в обновлении раздела по геологии и подготовке недостающих статей. Вслед за Обручевым соответствующие письма в ЦК направили М. К. Азадовский и Н. Н. Баранский. По этим обращениям в отделе пропаганды и агитации ЦК партии было создано совещание, куда пригласили и Турунова. Было решено не издавать четвертый и пятый тома энциклопедии, а вместо этого подготовить двухтомный справочник по Сибири, который бы готовился в редакции «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) одновременно с подготовкой второго издания БСЭ. Для этого даже предполагалось затребовать архив ССЭ из Новосибирска в Москву. Фактически этим решением в завуалированной форме был наложен запрет на возобновление издания.

Еще какое-то время Турунов был настроен оптимистично в отношении энциклопедии, надеялся, что 2-й Всесоюзный съезд географов (январь 1948 г, Ленинград) поддержит эту идею, надеялся на поддержку академика Л. С. Берга. Но, вопреки ожиданиям, сам Турунов не был приглашен на съезд, а вместе с этим и идея не получила огласки и необходимой поддержки. Азадовский не разделял энтузиазма московского библиографа. Видимо, более трезво оценивая обстановку, он понимал, что за решением по вопросу о ССЭ стоит желание партийных функционеров отвлечь внимание от трагических судеб ее создателей. Страх тех лет не успел забыться, более того, он ежедневно подогревался. Впереди было «Ленинградское дело», «дело врачей»... В сентябре 1948 года, по признанию Турунова, он вступил в полосу неудач. По сокращению штатов его уволили из Всесоюзной книжной палаты, и на какое-то время он остался без дела, подрабатывая редкими заказами в редакциях. Можно предположить, что увольнение Турунова не было случайным, уж больно рьяно он взялся за дело, которое органы «похоронили» еще в довоенное время. Последние годы Турунов служил главным библиографом в Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке, но к идее ССЭ больше не возвращался.

Переписка М. К. Азадовского была опубликована в 1969 году, что, видимо, послужило толчком для группы ученых вновь поднять вопрос о ССЭ. 16 июля того же года «Советская Сибирь» опубликовала обращение видных ученых, писателей о необходимости переиздания Сибирской энциклопедии. К этому времени не осталось в живых никого из тех, кто пытался возродить энциклопедию в послевоенный период. В

¹² Баранский Николай Николаевич (1881—1963), экономико-географ, член-корреспондент АН СССР с 1939 г.

¹³ Письма ученых-сибиреведов и писателей М. А. Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т. 1. Сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск, 1969. С. 302.

1972 году писатель А. Коптелов, академик А. Окладников и историк В. Соскин, высоко оценивая значение «*Сибирской энциклопедии*», снова пишут о судьбе книги¹⁴. Однако энциклопедия не доведена до конца и до настоящего времени.

Драматическая судьба издания стала памятником той страшной эпохи, но тома ССЭ остаются и сегодня настольными книгами для исследователей края. Это издание не утратило актуальности и сегодня. Многие его статьи являются порой единственным источником о деятелях времени его создания. За прошедшие десятилетия после выхода в свет ССЭ наши знания о Сибири несоизмеримо выросли, поэтому дописывать «летопись» 1930-х годов с позиций сегодняшнего дня было бы неверно. Что же касается создания совершенно нового издания, то сейчас это уже не пугает издателей, хотя иногда приходится сожалеть, что рыночная конъюнктура, а не стремление к истине, определяют теперь зачастую качество подобных изданий. В этой ситуации важно обратиться к опыту предшественников.

¹⁴ Коптелов А., Окладников А., Соскин В. Еще раз о «*Сибирской Советской энциклопедии*» // Сибирские огни. 1972. № 7. С. 181–185.

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-ЭМИГРАНТЫ В ЛАГЕРЯХ ДИ-ПИ И ТОЛСТОВСКИЙ ФОНД (США)

T. I. Uljankina. The Russian scientists – emigrants in the DP camps: Tolstoy Foundation (USA). In May 1945, as it is known, a mass repatriation of Russian citizens was spread in Europe. It was carried out by NKVD at the border filtration camps and especially at «DP» («displaced persons») camps, numbering hundreds of thousands refugees of the Second World War. Among them there were a lot of scholars and scientists-emigrants of the post-October period — who had left Russia in the 1920-th as Russians (not Soviets) and having either «Nansen's» passports or the passports of the East or Central Europe countries, already occupied by the Soviet troops. Many of them had to wait what the future may bring them in store, for several years constantly feeling fear and being under the sword of Damocles. A number of International Organizations took an active part in the fortunes of those people, like the International Refugee Organization in Geneva, United Nations Relief and Rehabilitation Administration — UNRRA, and others. However, the most effective action to rescue the Russians from repatriation in West Europe and to assist them to the USA was taken by so called Tolstoy Foundation in New York. It was created by Alexandra Lvovna Tolstoy (1884–1979), the youngest daughter of the famous Russian writer and thinker Leo Tolstoy. The author had a great honor to study the Alexandra Tolstoy correspondence in Tolstoy Foundation in winter 2001. It help me a lot to understand how tragic were the fortunes of Russian immigrants-scientists in the post-war period in Europe.

Как известно, с мая 1945 по январь 1952 года в Европе проводилась массовая репатриация советских граждан в СССР. Предусматривалось добровольное и принудительное возвращение в СССР всех советских граждан, оказавшихся за пределами своей страны в годы Второй мировой войны. Исключение составляли лишь жители тех стран, территория которых была присоединена к СССР в 1939–1940-м годах. На практике же репатриационные комиссии без разбора отправляли в СССР всех русских по национальности и исключения делались очень редко¹. «Война окончена. Настал страшный период репатриации — охоты за нашими черепами», — писала русская эмигрантская газета «Голос национальной России»². Насильственная репатриация проводилась органами НКВД как во всех фронтовых пунктах, пограничных фильтрационных лагерях, так и в специально созданных международными организациями лагерях ДИ-ПИ (сокращенное название «перемещенного лица» — от англ. «displaced person»), в которых были сосредоточены сотни тысяч беженцев. В общей сложности к началу 1950-х годов в СССР было возвращено около 4,5 млн человек³. К 1 января 1952 года за границей осталось всего 10% от общего числа находившихся в лагерях беженцев⁴. По договоренности СССР с союзниками (США и Великобритани-

¹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М., 1979. С. 283–287.; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 35–38.; Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

² Новик С. Голос национальной России, 1954. С. 1, 7.

³ Новости Толстовского Фонда (Нью-Йорк), 1954. С. 17.

⁴ Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 21.

ей) факты насилия при совершении репатриационных действий были тщательно засекречены на долгие годы.

В архивах США (Толстовский Фонд, Русская академическая группа в США, Бахметьевский архив Колумбийского университета) сохранились документы, отражающие судьбы некоторых русских ученых — эмигрантов первой («послеоктябрьской») волны, попавших в лагеря ДИ-ПИ в Германии, Австрии, Франции. Например, в Архиве Толстовского Фонда сохранилась переписка А. Л. Толстой с профессорами М. М. Новиковым, А. Н. Митинским, Н. С. Арсеньевым, А. В. и С. А. Зеньковскими, Г. К. Брижицким, В. С. Федувичем, Б. И. Одинцовым, П. С. Шилловским и другими, а также с теми соотечественниками из США, кто бескорыстно помогал беженцам деньгами, посылками, гарантийными и рекомендательными письмами (С. С. Белосельским-Белозерским, И. И. Сикорским, П. А. Сорокиным, Л. А. Магеровским и другими). Материалы дают наглядное представление о трагически сложных судьбах многих представителей русской интеллектуальной элиты в изгнании, о мучительном страхе перед возможной репатриацией. Приведем содержание двух писем из лагерей ДИ-ПИ в Германии, датированных маем и июнем 1945 года.

Письмо 1:

«25 мая 1945 г.

В Военную комендатуру

Группа русских политических эмигрантов, находящихся в Wegscheid, Hauzenberg и других окрестных местах, численностью около 300 человек, среди которых мужчины и женщины, взяла на себя ответственность просить Военную комендатуру защитить нас.

Большинство членов нашей группы это — политические эмигранты, которые нашли убежище в Чехословакии и прожили там по 20—25 лет; некоторые имеют чехословацкие паспорта.

Состав группы следующий:

Члены Русской Императорской фамилии	4
Архимандрит (священник)	1
Университетские профессора	14
Инженеры и специалисты	80
Врачи	10
Представители других профессий и члены их семей	30

Как нам известно, никто из членов группы, не был членом ни одной из политических партий ни в Германии, ни в Словакии и не принимал участие в войне против Альянса.

Наша группа состоит главным образом из бывших русских офицеров и общественных деятелей, тех, кто принимал участие в первой мировой войне, и тех, кто остался лояльным Альянсу и эмигрировал после Русской революции (1917—1920).

Мы покинули Словакию с желанием уйти на территорию, оккупированную американскими войсками. Исходя из вышесказанного, мы просим: убежища; разрешения на работу на территории, оккупированной Альянсом, или в Америке, или в Англии, или в странах, находящихся под их надзором; мы рассчитываем получить транспорт для перевозки наших семей туда, где мы смогли бы найти работу. Инженеры готовы на любую работу по строительству офисов, полезную Вам».

Письмо 2:

«В Военную комендатуру
Отделение FID3

JJP/1 gm

4 июня 1945

От кого: от граждан Чехословакии
Кому: капитану Джонсону,
Отделение 12 Е3, Пассау,
Германия

1. Группа граждан Чехословакии (бывших русских) была силой препровождена в лагерь DP с намерением насильственно репатриировать их в Россию.
2. Такая насильственная эвакуация противоречит всем директивам SHAEF, поскольку никакие лица других национальностей (кроме русских), не подвергаются репатриации без их желания вернуться на родину.
3. Просим, чтобы Вы изучили и остановили эту практику, поскольку она стала постоянной.

Для Военной комендатуры писал офицер Яромир Посписил (Jaromir J. Pospisil)
Lt Col QMC DMGO⁵.

Наиболее эффективным в спасении русских от репатриации в СССР оказался Толстовский Фонд (Tolstoy Foundation, Inc. 289 — Fourth Ave, New York, N.Y.), созданный младшей дочерью Л. Н. Толстого — Александрой Львовной Толстой (1884—1979). Вместе с группой единомышленников, деятелей искусства и науки 15 апреля 1939 года она основала «организацию помощи русским беженцам с центром русской культуры в Америке»⁶. В списке учредителей и членов правления Фонда — д-р Этан Колтон (Ethan Colton), Борис Бахметьев, Сергей Рахманинов, профессор Михаил Ростовцев, Татьяна Шауфус, Борис и Гертруда Сергиевские, Игорь Сикорский и Алексис Вирен (Alexis Wipren). Бывший президент США Герберт Гувер (Herbert Hoover) стал почетным председателем Фонда.

С началом Второй мировой войны сотрудники Толстовского Фонда активно включились в работу по оказанию помощи беженцам и узникам войны в Европе. В связи с этим И. И. Сикорский писал А. Л. Толстой в январе 1943 года: «Я полностью согласен с Вами, в том, что работа с Узниками Войны, это самое главное и мы все очень благодарны Вам и Вашей организации за то, что Вы делаете в этом отношении»⁷. Через сотрудников таких организаций как «Bible Society» и «American Red Cross» Толстовский Фонд переправлял на пароходах, идущих во Францию и Финляндию, посылки с продовольствием, одеждой, литературой, православными крестами и пр. С окончанием войны сотрудники Фонда связались с лагерями ДИ-ПИ в Германии, Франции, Австрии и помогали им в получении индивидуальных разрешений на эмиграцию в США.

Кроме того, Александра Львовна призвала русских, живущих в США, в частности П. А. Сорокина в письме от 15 мая 1946 года, информировать Толстовский

⁵ Ms. Coll. Novikov Mikhail Mikhailovich // BAR — The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Library for Rare Books and Manuscripts of Columbia University. N.Y. 6 Boxes. Box 5. Subject File UNRRA University Munich. Пер с англ. Т. И. Ульякиной.

⁶ Tolstoy Foundation, Inc. History, Aims and Achievements. New York, 1976. P. 10.

⁷ Архив Толстовского Фонда, ящик VIP, фонд И. И. Сикорского.

Фонд обо всех известных им беженцах, находящихся в лагерях ДИ-ПИ в Европе, с целью оказания им помощи. Это было сделано за два года до выхода в США «Закона о перемещенных лицах» (1948). На обращение Толстой откликнулись многие. В документе «Список профессоров и доцентов, известных мне как находящихся в Европе и нуждающихся в переселении в U.S.A.» названы 17 семей русских ученых, находящихся в лагерях ДИ-ПИ⁸.

Для защиты интересов русских в лагерях ДИ-ПИ из Нью-Йорка в Мюнхен была направлена ближайшая помощница А. Л. Толстой — Татьяна Алексеевна Шауфус (1891—1995), возглавлявшая в те годы Иммиграционный отдел Американского комитета помощи беженцам. 22 сентября 1947 года она открыла первый Европейский офис Толстовского Фонда, который занялся регистрацией беженцев, остро нуждавшихся в переезде в США. За семь последующих лет было учреждено еще 17 Европейских и Заокеанских представительств Толстовского Фонда (Мюнхен, Франкфурт, Гамбург, Зальцбург, Велс, Клагенфурт, Триест, Рим, Париж, Брюссель, Лондон, Тегеран, Дамаск, Аман, Бейрут, Рио де Жанейро и Сан Пауло)⁹.

До 1948 года для эмиграции в США из Европы необходимо было получить не только вызов на работу, но и гарантию оплаты перевоза беженцев и их семей через океан. Так, в письме М. Н. Юрина из Лос-Анджелеса (Калифорния) в Толстовский Фонд от 12 ноября 1947 года говорится, что «гарантом» в отношении горного инженера, проф. А. Н. Митинского и его жены Елены, находившихся в лагере ДИ-ПИ в Баварии (Германия), «выступила группа горных инженеров Калифорнии, собравших <...> требуемые 270 долларов для перевоза семьи Митинского в США»¹⁰.

Зачастую, предлагаемая работа в США не соответствовала ни профессии, ни интересам эмигрировавшего. Но многие были согласны и на это. Так, профессор М. М. Новиков соглашался «даже на работу в библиотеке или канцелярии»¹¹, профессор А. Н. Митинский — «на любую работу в лаборатории»¹² и т. д. Профессору А. В. Зеньковскому и его сыну, профессору С. А. Зеньковскому были предложены контракты на работу на фабрике, на которые они, по-видимому, дали согласие, с тем только, чтобы гарантировать свой переезд в США¹³. Но были и счастливые исключения. Например, устройство профессора Н. С. Арсеньева на службу в Свято-Владимирскую семинарию в Нью-Йорке было предreshено заранее, еще во Франции¹⁴.

Во многом благодаря усилиям Толстовского Фонда в 1948 году в США был, наконец, принят «Закон о перемещенных лицах», который предусматривал въезд беженцев из Европы в Америку до 1 января 1952 года по строго ограниченным квотам. По этому поводу 20 июля 1948 года Толстая писала профессору Новикову в лагерь в Регенсбурге, где в то время находились четыре поколения его большой семьи: «Новый закон о ввозе 205.000 беженцев в течение двух лет, ограничен многими правилами и

⁸ Архив РАГ в США. Переписка ученых с К. Г. Белоусовым.

⁹ Новости Толстовского Фонда (Нью-Йорк), 1954. С. 9.

¹⁰ Архив Толстовского Фонда, фонд А. Н. Митинского.

¹¹ Архив Толстовского Фонда, фонд М. М. Новикова. Письмо М. М. Новикова графине С. В. Паниной от 12 января 1949 г.

¹² Архив Толстовского Фонда, фонд А. Н. Митинского. Письмо А. Н. Митинского А. Л. Толстой от 12 июня 1948 г.

¹³ Архив Толстовского Фонда, фонд Зеньковских. Письмо проф. А. В. Зеньковского А. Л. Толстой от 20 апреля 1949 г.; Архив Толстовского Фонда, фонд Зеньковских. Письмо протоиерея В. В. Зеньковского (Париж) владыке Иоанну Бруклинскому (США) от 10 июля 1949 г.

¹⁴ Архив Толстовского Фонда, фонд Н. С. Арсеньева.

трудностями <...>. Дорогой профессор, <...> хотелось бы посоветовать Вам использовать для легализации новый законопроект для перемещенных лиц, в котором обращено особое внимание на профессоров и ученых. Искренне Ваша»¹⁵.

Сотрудники Толстовского Фонда, заключившие соглашение с Черч Ворлд Сервиз (Church World Service) и Государственным департаментом США, делали все возможное, чтобы максимально быстро освободить лагеря ДИ-ПИ и не дать увезти насильно в СССР ни одного русского. Они готовили гарантийные письма на проживание и работу, помогали в получении мандата УНРРА (UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration — международного объединения, созданного в 1943 году, на которое возлагались заботы о жертвах войны¹⁶), ходатайствовали перед Государственным департаментом. Оплату переезда через океан — около 150 долларов на человека, — как правило, вносила Church World Service на условиях последующего погашения этой суммы в США в рассрочку. Но были и исключения. Например, о семье профессора М. М. Новикова ходатайствовала перед князем С. С. Белосельским-Белозерским Ассоциация американских и иностранных ученых (The Association of American and Foreign Scholars, Inc.). Ассоциация брала на себя и частичное погашение расходов на переезд в размере 50 долларов¹⁷. После выдачи консулом США визы в ближайших портах Германии и других стран Европы перемещенных лиц сажали на небольшие военные корабли. В Нью-Йорке их встречали сотрудники Толстовского Фонда. Те, кто имели приглашение на работу, ехали по месту назначения, другие — на Толстовскую Ферму на Лэйк Роуд. С 1940 года Ферма функционировала в основном как Дом для престарелых и детский лагерь, но с 1947 стала местом приюта первых ДИ-ПИ из Европы. Только за семь лет (1947—1954) здесь побывало 3 517 человек. В общей сложности, благодаря усилиям Фонда, из лагерей ДИ-ПИ в Европе было спасено около 13 000 человек¹⁸. Некоторых пожилых людей отправляли в Дома для престарелых во Франции, Голландии, Швейцарии, открытых благодаря помощи Толстовского Фонда¹⁹.

Всего с мая 1947 по 1952 год из западных зон Германии и Австрии в страны Европы и Америки было вывезено 213 388 человек, из них в Канаду — 38 708, США — 35 223, Англию — 23 025, Австрию — 50 307, Бельгию — 15 000, Францию — 12 398, Бразилию — 3 710 человек²⁰.

Перевоз русских беженцев из Европы в США не всегда проходил гладко. С 1948 года в Толстовский Фонд поступали письма от ДИ-ПИ о многих беззакониях, творимых чиновниками ИРО (IRO — International Refugee Organization — приемницы УНРРА с 1947). Это и отказ от оформления документов в США по причинам медицинского характера и принуждение чиновников к выезду в Австралию и Южную Америку²¹. Имели также место случаи отказа на получение визы у консула США по политическим соображениям. Так, в начале апреля 1950 года из поезда Мюнхен — Бремен,

¹⁵ см. прим. 7. Вох 1, письмо А. Л. Толстой М. М. Новикову от 20 июля 1948 г.

¹⁶ UNRRA // The Columbia Encyclopedia. Second edition / In one vol. Ed. W. Bridgewater, E. Sherwood. Morningside Heights, New York., 1950. P. 2039.

¹⁷ см. прим. 7. Вох 1, письмо Г. К. Белоусова М. М. Новикову от 21 апреля 1949 г.

¹⁸ Новости Толстовского Фонда, 1954. С. 23.

¹⁹ см. прим. 12. Письмо жены проф. В. А. Погорелова — Брониславы Погореловой, февраль 1951 г.

²⁰ см. примеч. 3. С. 78.

²¹ Архив Толстовского Фонда, фонд Л. Ф. Магеровского. Письмо протоиерея А. Калиберского (Russ. Orth. Church, Uniondale, Pa).

перевозившего 250 ДИ-ПИ в порт для посадки на пароход, администрацией ИРО было снято 108 человек за их принадлежность к «коммунистическим профсоюзам» и другим советским организациям (МОПР, ОСОАВИАХИМ и т. п.). Началась очередная кампания Толстовского Фонда по защите потерпевших и пересмотру их дел. В мае 1951 всех, задержанных в 1950 году, выпустили в США. «Двери США были открыты, и пароходы, перевозящие ДИ-ПИ из Европы в США, были буквально наводнены «бывшими членами профсоюзов»», — сообщали «Новости Толстовского Фонда»²².

Из страха перед принудительной репатриацией беженцы часто давали ложные сведения при регистрации в лагерях ДИ-ПИ. В США у них начинались серьезные неприятности, вплоть до депортации в СССР. К 1954 году число таких людей в США возросло до 20 000. Это явление получило название «березовской болезни», по имени поэта и писателя Родиона Березова, подлежавшего депортации из США за неверные сведения в своих анкетах²³. Сотрудники Толстовского Фонда старались узнать подлинные биографии, с тем, чтобы найти правильный выход из положения и помочь избежать наказания.

²² Новости Толстовского Фонда, 1954. С. 22, 17.

²³ Там же, С. 9.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА*

E. I. Kolchinsky. Academy of sciences of the USSR and the Second World War. The second world war has considerably changed the structure of the Academy of sciences of the USSR, its cultural and political place in a society, having deepened symbiosis between scientific community, a military-industrial complex, the state-party device and power ministries. Academy of sciences of the USSR participated in reequipment of the country not only the projects, sold in its institutes. Members of academy headed establishments of other departments, various interdepartmental scientific and technical councils, the commissions and committees that allowed the academic community to play a key role in integration of a military — defensive science of the USSR. But the academic purposes and values nevertheless contradicted a totalitarian mode and became the reason of ideological campaigns during the post-war period.

«Осколок империи» или «Министерство науки»

Санкт-Петербургская Императорская Академия наук всегда была связана с военными ведомствами. Ее вовлеченность в решение военно-оборонных задач возросла в годы Первой мировой войны. Ряд академических проектов прямо финансировался Особым совещанием при императоре Николае II по обороне государства. Созданная в 1915 году при Академии наук Комиссия по изучению производительных сил России, куда входили и представители правительственных учреждений, решала задачи обеспечения промышленности стратегическим сырьем и выполнения заказов для оборонных предприятий. Во время Гражданской войны многие академики возглавили учреждения ВСНХ, занимавшиеся военно-оборонными проблемами.

По инициативе В. Н. Ипатьева при Академии наук в 1921 году были созданы экспериментальные мастерские по новейшим изобретениям. Он был одним из организаторов Особого технического бюро, призванного решать прикладные военно-технические проблемы армии и флота. Вплоть до начала 1930-х это шло путем непосредственных связей отдельных учреждений АН СССР по линии военных заказов с различными военно-техническими управлениями Наркомата обороны. Угроза Второй мировой войны потребовала коренных преобразований ее структуры. Отныне институционализация академических исследований, кадровый рост АН СССР, ее проекты и их идеолого-политическое оформление должны были обеспечить ускоренную модернизацию страны в условиях приближающейся войны. От академического сообщества власти требовали активно способствовать перевооружению армии и пропагандистской подготовке к войне.

К этому времени уже был установлен политико-идеологический и административный контроль над АН СССР, объявленной в 1925 году высшим научным учреждением страны. Для выживания академическое сообщество жертвовало независимостью, свободой научного творчества и даже жизнями некоторых своих членов, приняло систему планирования научных исследований и демонстрировало готовность усилить связь науки и практики. Это было оценено властями, осуществившими после провала «культурной революции» крутой поворот в проведении научной политики: от пролетарско-интернациональной к консервативно-государственной. Возрождая имперские ценности, власти вновь рассматривали АН СССР как символ формировавшейся советской Империи. Ей предоставлялись огромные ма-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 04-03-00067а

териально-финансовые и людские ресурсы. Общее количество ее сотрудников уже к 1932 по сравнению с 1917 годом увеличилось в десять раз, составив в 2 236 человек, а число научных учреждений достигло 89. АН СССР становилась централизованной, иерархичной и политизированной.

25 ноября 1933 года Политбюро ЦК ВКП(б) подчинило АН СССР напрямую Совнаркому¹, что мотивировалось необходимостью установить «плановое и тесное сотрудничество с наркоматами и Государственной плановой комиссией»². 25 апреля 1934 года вышло постановление «О переводе АН СССР в Москву». 26 июня в Москве состоялось первое заседание Президиума АН СССР, а к концу 1934 года большинство академических учреждений уже разместились в столице. Отныне даже второстепенные вопросы, вплоть до повестки заседания Президиума и о заграничных командировках, решались в Политбюро.

Переезд должен был завершить превращение Императорской Академии наук в советское правительственное ведомство и утвердить модель организации науки в рамках сталинской культуры. Решение принималось без учета мнения ученых. Им оставили лишь право «одобрять и сердечно благодарить». Переезд на долгие годы осложнил деятельность многих институтов, наспех размещенных в зданиях, непригодных для исследований. Треть институтов и членов Академии наук осталось в Ленинграде, положив начало конкуренции новой академической метрополии в Москве с ее «исторической родиной». Тем не менее, многие академики, подобно Н. И. Вавилову, уверяли: «Перевод Академии в Москву — это создание новой сильной базы исследовательской работы по всему СССР»³. По мнению В. И. Вернадского, происходило «не простое переселение из одной столицы в другую, а развертывание по новому и широкому плану научной организации Академии, концентрирующей научную мысль и научную мощь Союза»⁴.

На самом же деле переезд диктовался всецело видением лидерами страны места АН СССР. Они надеялись более эффективно использовать членов АН СССР в качестве экспертов. Само академическое сообщество превращалось в элитное, номенклатурное сословие, формирование которого от поступления в аспирантуру до занятия высших должностей контролировалось партийными органами⁵. К середине 1930-х годов правительство обеспечило преобладание среди академиков москвичей — руководителей научно-исследовательских институтов прикладного характера. Это предполагало масштабное вовлечение академического сообщества в создание новых видов военной техники, химического и биологического оружия, новых технологий и материалов оборонного производства, в открытие и освоение месторождений полезных ископаемых.

Резко возросла общая численность академиков, которых до революции было только 44. Уже в результате выборов 1929 года прибавилось 42 новых академика и 37 членов-корреспондентов, которые по статусу фактически были приравнены к академикам, получая деньги за звание, состав академической элиты фактически утратился. В предвоенное десятилетие было избрано еще 104 академика и 192 чле-

¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952 / Ред. Е. Д. Есаков. М., 2000. С. 139.

² Документы по истории АН СССР. Л., 1988. С. 238–239.

³ За социалистическую науку. 1934, 30 апреля.

⁴ Цит. по: Мочалов И. И. В. И. Вернадский (1863–1945). М., 1982. С. 283.

⁵ Korenjuk N. Die Akademie der Wissenschaften der UdSSR als elitäre Korporation // Im Dschungel der Macht: Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000. S. 65–84.

на-корреспондента. На 1 января 1941 года АН СССР включала 119 академиков и 182 члена-корреспондента⁶. Среди них были много ученых, напрямую связанных с созданием новых типов вооружений, их оборудования и военно-промышленных технологий (радио-, электро- и теплотехники, радиофизиков и радиохимиков, оптиков, химиков-технологов, механиков, авиа- и кораблестроителей, микробиологов, патофизиологов) и т. д. Это радиотехники Л. И. Мандельштам, Н. Д. Папалекси и В. В. Шулейкин, оптики С. И. Вавилов и Д. С. Рождественский, химики Н. Я. Демьянов, Н. Д. Зелинский, С. В. Лебедев, физико-химики Н. Н. Семенов, А. Н. Теренин, В. Г. Хлопин и А. Н. Фрумкин, физики П. Л. Капица и В. А. Фок, аэро- и гидродинамик С. А. Чаплыгин, авиаконструктор А. Н. Туполев, кораблестроители А. Н. Крылов, П. Ф. Папкович, В. Л. Позднюнин, Ю. А. Шиманский, металлурги А. А. Байков, И. П. Бардин, М. П. Павлов. Для некоторых из них в АН СССР были созданы крупные институты: Физико-математический, Физических проблем, Органической химии, Общей и неорганической химии, Геологический, Энергетический, Горючих ископаемых, Горного дела, Металлургии, Механики, Машиноведения, Автоматики и телемеханики и другие. Они руководили также институтами, подчинявшимися ВСНХ, Научно-технический совет которого до 1937 года возглавлял академик Н. И. Бухарин, наркоматам авиационного, судостроения, здравоохранения.

Подчинив своим задачам и целям АН СССР, власть приступила к ликвидации всех учреждений коммунистической науки, созданных ранее в качестве ее конкурентов. В декабре 1935 года Политбюро ликвидировало Коммунистическую академию, передав ее учреждения и основных сотрудников АН СССР⁷. В 1938 году был закрыт Институт красной профессуры⁸, различные марксистские научные общества еще раньше прекратили свое существование⁹.

Вливание в АН СССР всего блока общественных дисциплин от политэкономии до философии означало перевод ее в статус правительственной организации, разрабатывавшей отныне принципы «научного планирования для всей социальной сферы». Трансформировалось само понятие «академическая наука», означавшее отныне главным образом ведомственную принадлежность.

Государственный взгляд на науку, глубоко усвоенный в рамках национальной культуры российским академическим сообществом, всегда находившимся на службе у правительства, позволял его членам легко приспосабливаться к складывавшейся модели организации науки. Идеи государственности, патриотизма, национальной исключительности и ксенофобии в принципе позволяли создать организационную структуру и этос науки, интегрирующие дореволюционные традиции

⁶ Российская Академия наук. Персональный состав. Т. 2. М., 1999. С. 11–47, 161–201; АН СССР: Справочник-календарь на 1941 г. С. 12–137.

⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1922–1952. С. 216–272.

⁸ Козлова Л. А. Институт Красной Профессуры (1921–1938 годы). Историкографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112; David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks. Ithaca; London, 1997; Берендт Л.-Д. Институт красной профессуры «кузница кадров советской партийной интеллигенции» (1921–1938) // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки // СПб., 2002. С. 166–197.

⁹ Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб., 1999; Kolchinski E. Dialektik als intellektueller Klueppel. Auf der Suche nach einer marxistischen Synthese zwischen Philosophie und Biologie // Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Joettingen, 2000. S. 84–105.

с остатками революционной идеологии. Несогласных ждали политико-идеологические проработки, завершавшиеся нередко их арестом и гибелью. Естественно, это не устраивало тех академиков, которые, достигнув реальных успехов, осознавали свою незаменимость в определении научной стратегии в условиях приближавшейся войны. Они добивались крупномасштабных комплексных программ, обеспечивавших взаимосвязанное развитие прикладных и фундаментальных исследований в интересах укрепления научно-технического, промышленного и оборонного потенциала страны. Тяготясь своей зависимостью от партийно-правительственных чиновников и критически относясь к официальной идеологии, они ограничивались лишь ритуальными формами солидарности и старались влиять на научную политику письмами-обращениями к руководству. Последнее, однако, не было склонно допускать их к управлению наукой, выбирая в качестве научных экспертов партийных идеологов и выдвиженцев «культурной революции» типа Т. Д. Лысенко.

Не всегда отличая науку от псевдонауки, власти перед войной огромное внимание уделяли идеологическим и политическим воззрениям академиков. Чтобы отбить у них охоту апеллировать к мировому научному сообществу, в 1936 году были развязаны кампании вокруг академика Н. Н. Лузина и группы ученых из Пулковской обсерватории за публикацию статей в зарубежных изданиях¹⁰. Пропагандировался образ СССР как «осажденной крепости», ведущей битву за выживание с внешними врагами и их многочисленными внутренними пособниками. Нарастала международная изоляция советских ученых. Началась волна засекречивания и шпиономании, способствовавшая выводу работ из-под контроля научной общест-венности и мешавшая подлинной централизации исследований. В 1937 году «большой террор» накрыл академическое сообщество.

«Осажденная крепость»

Институционализация оборонных исследований в АН СССР резко ускорилась после создания в 1935 году Отделения технических наук, включавшего в 1940 девять институтов по комплексным научно-техническим исследованиям и ряд комитетов и комиссий, координировавших деятельность отраслевых и вузовских организаций, занятых проблемами оборонной промышленности, разработкой военной техники и ее внедрением в производство¹¹. Незадолго до начала войны многие институты, подчинявшиеся ВСНХ и наркоматам, были переданы АН СССР. Только в 1939–1940 годах она пополнилась 11 институтами, в том числе Физико-техническим (ФТИ), Физической химии (ИФХ) и Радиевым (ГРИ), в которых разворачивались исследования, ставшие вскоре основой для Атомного проекта.

Всего к 1941 году в АН СССР было уже 108 научных учреждений, в том числе 76 институтов¹². Накануне войны в ней работало 10 282 человека, из них 4 700 науч-

¹⁰ Демидов С. С., Есаков В. Д. Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб., 1999. С. 9–50; Levin A. E. Anatomy of Public Campaign: «Academican Luzin's Case» in Soviet Political History // Slavic Review. 1990. Vol. 49. 1. P. 90–108; Kuznick P. Beyond the Laboratory. Scientist as Political Activists. Chicago, 1987; Успенская Н. В. Вредительство... в деле изучения солнечного затмения // Природа. 1989. 8. С. 86–98; McCutcheon R. The 1936–1937 Purge of Soviet Astronomers // Slavic Review. 1991. Vol. 50. 1. P. 100–117.

¹¹ Козлов Б. И. Вклад Академии наук в индустриализацию России: 1925–1941 гг. // Вест. РАН. 2000. Т. 70. № 12. 1059–1068.

¹² Отчет о работе АН СССР за 1940 г. М.; Л., 1941. С. 12–13; Левшин Б. В. Российские научные учреждения и ученые в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. М., 1996. С. 11.

ных сотрудников¹³, что означало увеличение штата за десять предвоенных лет в пять, а по сравнению с 1917 годом — в 50 раз. Такой темп численности и институционализации многократно превышал показатели в аналогичных учреждениях Германии и Японии, также интенсивно готовившихся к войне. Бюджет АН СССР вырос с 3,9 млн р. в 1928 году до 176 млн р. в 1940. Для академической элиты строились дачи, обеспечивались заграничные поездки на лечение, устанавливались высокие оклады, превышавшие у особо выдающихся ученых, определяемых СНК, официальные оклады даже членов правительства и Политбюро. В 1936 году существенно повысилась зарплата и других научных сотрудников АН СССР. Профессия ученого становилась социально престижной и привлекательной. Ученые были освобождены от службы в армии.

За мощную финансовую поддержку власть требовала быстрой отдачи, прежде всего, в военной области. Проблема укрепления связей АН СССР с крупнейшими институтами отраслевой науки и промышленностью обсуждалась на Мартовской сессии АН СССР 1936 года¹⁴. От ученых требовали уделять больше внимания прикладным военным проблемам. По решению ЦК ВКП(б), наркома обороны К. Е. Ворошилова и начальника вооружений РККА М. Н. Тухачевского при Президиуме АН была создана группа военных представителей НКО СССР для координации работ академических учреждений по фундаментальным и прикладным исследованиям, направленным на создание новых образцов вооружений и военной техники. Особые отделы, работавшие на оборону, были созданы практически во всех институтах физико-математических и химических профилей.

Особенно тесные отношения сложились у академиков с кораблестроителями¹⁵. В 1936–1937 годах было принято несколько правительственных постановлений о строительстве «большого флота», соизмеримого или даже превосходящего флоты Англии и США. Программа не имела полного материального обеспечения: не хватало толстой брони, изделий машиностроения, вооружения. Тем не менее, АН СССР пыталась помочь ее осуществлению. Создатель Физико-математического института АН СССР академик А. Н. Крылов консультировал основные конструкторские бюро Наркомата судостроения, созданные в Ленинграде для проектирования кораблей, строившихся на всех заводах страны (ЦКБ-4 — линкоры, ЦКБ-17 — крейсера, ЦКБ-18 — подводные лодки). Во второй половине 1930-х годов он опубликовал более десяти работ по баллистике, теории корабля и девиации компаса, которые были удостоены в 1941 году Сталинской премии. Проблемами вибрации корабля и его строительной механикой занимался член-корреспондент П. Ф. Папкович. Академик В. Л. Позднюнин возглавлял созданный им Институт судостроения и судоремонта. Член-корреспондент Ю. А. Шиманский стал председателем Межведомственной комиссии по броневой защите кораблей и береговых укреплений, разрабатывал в Институте военного кораблестроения (с 1939 года ЦНИИ-45) принципы и схемы бронирования, активно участвовал в проектировании и строительстве первых советских боевых кораблей, включая линкор «Измаил». С 1938 года здесь начал работать будущий академик В. В. Новожилов, один из главных создателей атомных

¹³ Митрякова Н. М. Структура, научные учреждения и кадры АН СССР // Организация научной деятельности. М., 1968. С. 215.

¹⁴ О ее подлинных и скрытых целях и задачах см.: Визгин В. П. Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР. Советская физика в фокусе // ВИАТ, 1990. № 1. С. 31–46; Визгин В. П. Мартовская (1936 г.) сессия АН СССР. Советская физика в фокусе II (архивное приближение) // ВИАТ, 1991. № 3. С. 36–55.

¹⁵ Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. СПб., 2001–2003

подводных лодок, опубликовавший накануне войны «Теорию тонких оболочек», позволившую усовершенствовать расчеты корпусов подводных лодок. В 1939 году был создан НИИ-48 (впоследствии ЦНИИ «Прометей»), занимавшийся созданием броневых сталей для кораблей, авиации, танков, в том числе для Т-34 и КВ, лучших танков Второй мировой войны. Всего в период с 1925 по 1941 год было построено 4 крейсера, 37 эсминцев, 206 подводных лодок. Более 200 боевых кораблей, в том числе все запланированные линкоры, оставались на стапелях к июню 1941 года, что не позволило флоту играть существенную роль в боевых действиях.

Из институтов АН СССР наибольшую помощь флоту оказал ФТИ, возглавляемый академиком А. Ф. Иоффе. Лаборатория будущего президента АН СССР А. П. Александрова, где работали также будущие академики И. В. Курчатов и В. М. Тучкевич, разработала меры по защите кораблей от мин и торпед. Здесь же совместно с минно-торпедным НИИ ВМФ (Б. А. Гаев) будущие академики А. И. Алиханов и С. Н. Журков разрабатывали электродуговой резак для прорезания подводной лодкой проволочных сетей. М. П. Бронштейн работал над определением скорости самолета в «слепом» полете. В конце 1930-х годов велись исследования по «бесследному» движению торпед, радиолокационному обнаружению целей, неконтактным взрывателям, бронезащите и т. д. Всего в плане ФТИ на 1940 год значилось более десятка «оборонных» тем и еще большое количество конкретных разработок приборов и оружия. 21 апреля 1940 года под руководством А. Н. Крылова и А. Ф. Иоффе была проведена дискуссия о новых неконтактных взрывателях торпед, обнаружении подводных лодок, противолодочных системах и т. д.

Ученые АН СССР вели исследования в области авиатроники и противовоздушной обороны. Сотрудники ФТИ параллельно с Ленинградским электрофизическим институтом (ЛЭФИ) решали проблему радиобнаружения самолетов. 7 января 1934 года директор ЛЭФИ академик А. А. Чернышев подписал договор с НКО СССР на разработку радиобнаружителя самолета, порученную Б. К. Шембелю, Ф. А. Мюллеру. В дальнейшем на базе ФТИ был организован НИИ-9, в котором были продолжены эти работы, увенчавшиеся к концу 1939 года созданием экспериментального образца радиодальномера «Стрелец». Украинский физико-технический институт (УФТИ) по заданию Управления связи НКО разрабатывал импульсную станцию орудийной наводки, однако созданный образец «Зенит» не удалось внедрить в массовое производство.

Разработку радиолокационных станций дальнего обнаружения и радиолокационных станций орудийной наводки курировали разные военные ведомства: Управление противовоздушной обороны и Главное артиллерийское управление. Но поскольку научно-исследовательская база была крайне ограничена, фактически их координация осуществлялась на уровне самих разработчиков. В конструирование систем радиобнаружения самолетов был включен и коллектив ФТИ, где по рекомендации Ворошилова и Тухачевского состоялось совещание с участием членов Академии А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилова, В. П. Линника, Н. Д. Папалекси и А. А. Чернышева. Сотрудники ФТИ Д. А. Рожанский и Ю. Б. Кобзарев в 1935–1938 годах на Комбинате мощного радиостроения (КМРС), главным инженером которого был будущий член-корреспондент радиотехник А. Л. Минц, создали импульсные радиолокационные станции обнаружения самолетов («Вега», «РУС-2»), запущенные в 1940 году в серийное производство. Здесь же был налажен выпуск нескольких серий армейских радиостанций «Север», «Пчела», «Агат». В НИИ-33, созданном в 1937 году, проводили теоретические и опытно-конструкторские работы по созданию радионавигационных наземных радио-маяков и оборудованию радиосвязи в коротковолновом и ультракоротковолновом диапазоне.

Война в Испании выявила отставание советской авиации от немецкой, объяснимое в значительной степени замкнутостью различных авиастроительных коллективов и отрывом в авиастроении научно-исследовательских работ от опытно-конструкторских самолетов и их серийного производства. По рекомендации будущего члена-корреспондента А. С. Яковлева, побывавшего в 1939 году в Германии, при Центральном аэродинамическом институте (ЦАГИ), возглавляемом академиком С. А. Чаплыгиным, было организовано Бюро новой техники. Его сотрудники будущие академики Л. И. Седов, В. В. Струминский и другие, выпустили в 1941 году книгу «Руководство для конструкторов» с подробными рекомендациями по проектированию самолетов, их агрегатов и устройств. Там же работал будущий президент АН СССР М. В. Келдыш, опубликовавший в 1941 году цикл работ по расчету колебаний крыла самолета, за который был удостоен Государственной премии. Для «шлифовки» скоростных самолетов и повышения точности аэродинамического эксперимента были созданы большая самолетная труба ЦАГИ Т-101, а также специальный Лётно-исследовательский институт, усилена научная и экспериментальная база конструкторских бюро.

Однако из-за отмеченных ранее недостатков в координации научных исследований, конструкторских разработок и производства, а также массовых репрессий к началу войны не было налажено серийное производство новейших самолетов (например, бомбардировщиков Т-2, Т-57, Пе-2, истребителей И-17, Як-11, МиГ-1, ЛаГГ-3), и времени для модернизации советской авиации не хватило¹⁶.

Более подготовленными к использованию в военных целях оказались исследования Отделения химических наук, изначально связанные с деятельностью химической военной промышленности, в становлении которой огромную роль сыграли академики В. Н. Ипатьев и Н. С. Курнаков. Директор ИФХ будущий лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов создал количественную теорию разветвленных цепных реакций, имевшую огромное значение для понимания взрыва газов и создания взрывчатых веществ. Многие академики-химики (С. В. Лебедев, А. Е. Порай-Кошиц, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский) работали в Государственном институте прикладной химии (ГИПХ) при Военно-Химическом комитете и в ЛГУ. В ГИПХе были завершены исследования, открывшие путь к промышленной технологии искусственного каучука, а также большое количество работ по синтезу разнообразных органических веществ, полимеров¹⁷. В 1934 году А. Е. Фаворский организовал Институт органической химии. Приход Гитлера к власти прервал советско-немецкое сотрудничество в разработке и испытании химического оружия, но работы в этом направлении продолжались, и в них участвовали ученые АН СССР.

В работы по повышению обороноспособности страны были вовлечены академики Геологического и Биологического отделений АН СССР. Благодаря геологам (А. Д. Архангельскому, В. И. Вернадскому, И. М. Губкину, А. Н. Заварицкому, В. А. Обручеву, С. С. Смирнову А. Е. Ферсману) к началу 1940-х годов СССР вышел на первое место в мире по разведанным запасам полезных ископаемых, включая нефть, газ, уголь, и был полностью обеспечен стратегически важным минераль-

¹⁶ *Соболев Д. А.* Немецкий след в истории советской авиации. Об участии немецких специалистов в развитии авиастроения в СССР. М., 1996. С. 46–56; *Соболев Д. А.* История самолетов. 1919–1945. М., 1997. С. 154, 167, 221.

¹⁷ Наука и военная техника / Сост. Б. И. Иванов, Е. А. Иванова, Э. А. Тропп. СПб., 2001. С. 31–30.

ным сырьем для металлургической, химической и атомной промышленности. Академик Л. А. Орбели решил ряд проблем подводной и авиационной физиологии, связанных с глубоководными спусками и высотными полетами. Во многих учреждениях Наркомата обороны (НКО) и Наркомата внутренних дел (НКВД) шли работы по созданию бактериологического, химического и токсикологического оружия и мерам защиты¹⁸. К ним привлекались паразитологи, микробиологи и биохимики из Института микробиологии и Института биохимии АН СССР, возглавляемых соответственно академиками Г. А. Надсоном и А. Н. Бахом. В них, например, участвовали заместители Баха: биохимик Б. И. Збарский, разработавший вместе с В. П. Воробьевым метод бальзамирования тела В. И. Ленина, и токсиколог Г. Майриновский, ставший в 1938 году руководителем лаборатории № 1 НКВД, специализировавшейся на умерщвлении заключенных при помощи биохимических ядов¹⁹. Таким образом, как и их японские коллеги, советские ученые разрабатывали биологические оружие, в то время как в Германии работы по созданию биологического оружия не велись, так как немецкие генералы и сам Гитлер были против него²⁰.

Участвуя в решении прикладных военных задач, ученые АН СССР старались убедить власти, что прорыв в создании нового поколения оружия и военной техники возможен благодаря исследованиям в области ракетостроения, ядерной физики. При Физическом Институте (ФИАН) в 1935 году была создана постоянная Комиссия по освоению стратосферы во главе с будущим президентом АН СССР С. И. Вавиловым, а также два общественных стратосферных комитета, где активную роль играл будущий главный конструктор первых космических кораблей С. П. Королев. Был организован Реактивный научно-исследовательский институт РНИИ. В марте 1935 года им была проведена Всесоюзная конференция по использованию реактивных аппаратов для освоения стратосферы. Ученые АН СССР участвовали в усовершенствовании ракетных систем залпового огня — «катюш», созданных в РНИИ под руководством А. Г. Костикова²¹.

С 1933 года регулярно проходили конференции по атомному ядру и использованию внутриатомной энергии. В 1940 году по инициативе руководства ГРИ Президиум АН СССР образовал Комиссию по проблеме урана во главе с В. Г. Хлопиным, которой было поручено разработать план работ по использованию внутриатомной энергии урана. В нее наряду с академиками С. И. Вавиловым, В. И. Вернадским,

¹⁸ Эти факты только недавно стали достоянием широкой общественности благодаря книгам: *Домбровский И. В.* Перевертыш. М., 1997; *Alibek K. with S. Handelman.* Biozard. New York, 1999; *Левина Е. С.* Экспериментальная биология в системе безопасности России второй половины XX века: биологическое оружие или здравоохранение // Наука и безопасность России / Ред. А. Г. Назаров, М., 2000. С. 367–394. И причина этого не только в секретности работ, связанных с опытами над заключенными. Как и их американские коллеги, участвовавшие в разработке биологического оружия (см.: *Fitzgerald G. René Dubos in the Library with Candlestick* // *Recent Science Newsletter*, 2000. Vol. 2. 2. P. 1, 10–13), советские ученые, помня о судьбе экспериментаторов над людьми в Японии и Германии, сами предпочитали помалкивать о своих заслугах в деле повышения обороноспособности страны. В этом они резко отличаются от создателей атомного и водородного оружия, ракет и т. д.

¹⁹ *Бобрынев В.* «Доктор смерть». М., 1997; *Birstein J.* The Perversion of Knowledge. Cambridge, 2001. P. 161.

²⁰ *Geiser E.* Hitler und Biowaffen. Münster, 1998.

²¹ *Анфимов Н. А., Бирюков Ю. В.* Вклад Российской Академии наук в развитие ракетной техники и космонавтики // *Вест. РАН*. 2000. Т. 70. 1. С. 14–20.

А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсманом вошли молодые физики И. В. Курчатов, Г. Н. Флеров, сыгравшие главную роль в разработке и реализации Атомного проекта. Его успех в 1940-х годах был обусловлен в значительной степени тем, что будущие его участники, работавшие в ФТИ, ИФХ и ГРИ и других академических институтах, вели совместные исследования задолго до его начала. Причем один и тот же ученый нередко одновременно работал в разных институтах, с максимальной эффективностью используя их оборудование и интеллектуальный потенциал. Так, И. В. Курчатов, создавший в ГРИ первый в Европе циклотрон, в предвоенные годы интенсивно трудился над сооружением более мощного циклотрона в ФТИ. В обоих институтах работал член-корреспондент А. И. Алиханов, получивший в 1941 году вместе с будущим академиком А. И. Алиханьяном одну из первых Сталинских премий за работы по радиоактивности. В ГРИ, возглавляемом В. И. Вернадским, а затем В. Г. Хлопиным, Г. Н. Флеров и К. А. Петржак открыли спонтанное деление ядер. Здесь же изучались продукты деления атомного ядра, природная и искусственная радиоактивность. Сотрудники ИФХ Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон, занимавшиеся теорией детонации, впоследствии сыграли решающую роль в создании атомной и водородной бомб. В консолидации будущих участников Атомного проекта особую роль сыграли теоретические исследования в ФТИ, которыми руководил член-корреспондент Я. И. Френкель. В них участвовали все крупнейшие сторонники квантовой физики, в том числе будущие лауреаты Нобелевской премии Л. Д. Ландау и И. Е. Тамм. К началу войны в АН СССР были готовы к началу работ по созданию атомного оружия, однако нет данных, что были предприняты попытки заручиться правительственной поддержкой²².

Несмотря на участие всех технических и естественных институтов АН СССР в военных проектах, до войны не удалось в полной мере использовать ее потенциал в военных целях. Это, прежде всего, объяснялось отсутствием единого правительственного органа, планирующего, координирующего и контролирующего все научные исследования в стране. Эти функции не выполняла ни АН СССР, ни Отдел науки Госплана, ни Отдел науки ЦК ВКП(б), созданный в 1935. Хотя план формально был главным механизмом управления, он, как правило, разрабатывался самими учеными. Интеграция академической науки с отраслевой и вузовской осуществлялась, прежде всего, за счет личных контактов и «совместительства», когда ученый работал в учреждениях различной ведомственной подчиненности. Не только в масштабах всей АН СССР, но и в пределах отдельных институтов не было «объединенной тематики». Иногда один и тот же исследователь вел несколько разрозненных научных тем.

Научное сообщество оставалось слабо интегрированным и раздираемым межведомственными противоречиями. Сложившаяся система позволяла поддерживать на высоком уровне исследования лишь в отдельных областях, но оказывалась неэффективной в разработке и внедрении новых технологий по всему спектру научно-исследовательских разработок. Даже отраслевая наука, приписанная к наркоматам, не была заинтересована в модернизации производства, обновлении технологии и снижении энергетических и материальных затрат. Конкуренция внутри научного сообщества отнюдь не исчезла, но проявлялась, прежде всего, в борьбе за покровительство правящей элиты и финансово-материальные ресурсы, что приводило нередко к разгрому целых отраслей науки и массовым репрессиям, что, в свою очередь, вело к дезорганизации и гасило всяческую инициативу.

²² История советского атомного проекта. Документы, воспоминания и исследования. Вып. 1. / Ред.-сост. В. П. Визгин. М., 1998. С. 55.

В работе над оборонными проектами еще только начинал складываться особый стиль организации научной деятельности ученых АН СССР с сотрудниками НКО, НКВД, наркоматов здравоохранения, судостроения, авиастроения и т. д. Ядро проектов, как правило, составляли сотрудники АН СССР, однако, их реализация, чаще всего, шла по выражению будущего президента АН СССР А. Н. Несмеянова, «минуя организационные формы Академии»²³. Ее учреждения шли по пути симбиоза чистой науки и военно-промышленного комплекса (ВПК), символами которого вскоре стали последующие президенты АН СССР С. И. Вавилов, М. В. Келдыш и А. П. Александров. Ведущую роль в этом симбиозе начинал играть НКВД, особенно после назначения в 1938 году его руководителем Л. П. Берия. Была существенно расширена практика создания в тюрьмах разного рода лабораторий, особых конструкторских бюро (ОКБ), научно-исследовательских институтов (НИИ), прозванных «шарашками». Арестованных инженеров и ученых, включая академиков и членов-корреспондентов, все чаще после приговора направляли на работы в такие «шарашки».

Из «врагов народа» формировали целые научные коллективы, призванные трудиться на благо Родины, разрабатывая новые образцы боевых самолетов (ЦКБ-28 НКВД в Москве), кораблей (ОКБ-196 НКВД в Ленинграде и ОКБ НКВД в Болшовой). В «шарашках» трудилось большинство известных конструкторов самолетов и двигателей (Р. Л. Бартини, К. А. Калинин, В. М. Мясищев, В. М. Петляков, Д. А. Томашевич, А. Н. Туполев, В. А. Чижевский), основоположники отечественного ракетостроения (С. П. Королев, В. П. Глушко, Г. Э. Лангемак, И. Т. Клейменов); кораблестроители, специалисты в области энергетики и гидромеханики корабля, изобретатели и конструкторы в области морской техники, гидрографы, создатели вычислительных машин и т. д. (А. И. Берг, В. Л. Бжезинский, А. К. Назаров и др.)²⁴.

К сожалению, до сих пор нет специальных исследований, посвященных реальному вкладу подобных «шарашек» в перевооружение страны. Судя по отрывочным сведениям из биографии заключенных в них ученых, многие из которых (А. И. Берг, С. П. Королев, М. П. Глушко, А. Н. Туполев и другие) стали академиками за заслуги в создании военных самолетов, надводных и подводных кораблей, ракет и т. д., различные ОКБ и НИИ НКВД перед войной были важными центрами в разработке боевой техники и оружия. Подобный способ «воспитания» академической элиты невозможно найти ни в одной другой стране, включая Германию и Японию.

Преобразования в Отделении общественных наук АН СССР также были нацелены на подготовку к войне. По инициативе Сталина в середине 1930-х годов был принят ряд постановлений, означавших смену патриотического курса по пропаганде «передового советского строя» на восхваление «героического прошлого» и «великого русского народа». В патриотическом воспитании особое место уделяли юбилеям ученых. В передовой статье «Правды» от 19 апреля 1932 года, посвященной 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина, говорилось: «Все лучшее, что есть в рядах ученых мира, тяготеет к нашей стране». В соответствии со специальными решениями Политбюро юбилей Д. И. Менделеева (1934) и М. В. Ломоносова (1936) превратились в национальные праздники по чествованию «гениальных сыновей великого русского народа».

Большое значение придавали пропаганде достижений советской науки, свидетельствовавших о заботе советского правительства об ученых и науке. АН СССР была провозглашена штабом советской науки, а Москва — центром мировой науки.

²³ Несмеянов А. Н. На качелях XX века. М., 1999. С. 146.

²⁴ Доценко В. Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995. С. 64, 290 и др.; Соболев Д. А. Репрессии в советской авиапромышленности // ВИЕТ, 2000. 4. С. 45.

В отличие от Общества Кайзера Вильгельма, в котором не было институтов по общественным наукам, Отделение общественных наук АН СССР включало в себя весь спектр гуманитарных и социально-экономических наук²⁵.

«Все во имя победы»

Вторжение немецких войск в СССР в июне 1941 года и оккупация ими большой части европейской территории, привело к катастрофическим экономическим трудностям и к существенным изменениям в структуре и работе партийно-государственного аппарата. Ослаб диктат партийных чиновников и повысилась роль профессионалов во всех сферах деятельности. Ученые стали не только экспертами и советниками правительства, но и партнерами власти, участвуя в выработке решений по научным, экономическим и политическим вопросам. Признавая науку необходимой для спасения страны, власть придала АН СССР новые обязанности и новые права. И она не преминула этим воспользоваться.

Уже на второй день войны — 23 июня, состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором выступили О. Ю. Шмидт, И. П. Бардин, П. Л. Капица, А. Н. Колмогоров, Г. М. Кржижановский, В. П. Никитин, В. Н. Образцов и другие. Всем академическим институтам было поручено срочно пересмотреть тематику и методы работы, оставляя только работы, способные дать быстрый эффект²⁶. Повышение обороноспособности должны были обеспечить: 1) разработка новых видов оружия; 2) создание новых технологий и их внедрение в оборонную промышленность; 3) помощь в перестройке промышленности на военный лад; 4) мобилизация сырьевых ресурсов и поиск замены дефицитных материалов; 5) идеолого-пропагандистское обеспечение. 29 июня 1941 года центральные газеты опубликовали обращение к «Ученым всех стран», подписанное 42 академиками. Они заверяли правительство в своей преданности и призывали мировое научное сообщество «сложить все силы для защиты культуры от гитлеровских варваров».

Война существенно изменила культурную атмосферу сталинской системы. Смертельная угроза создала новые основы для сотрудничества между учеными и бюрократией — защиту отечества не от выдуманного, а весьма реального и безжалостного врага. Она вела к появлению новой риторики, одинаково понятной и ученым, и партийным чиновникам — риторики патриотизма. Ее ключевыми фразами стали «Отечество в опасности!» и «Все во имя победы». Менее чем за десять дней во всех институтах были пересмотрены планы с учетом неотложных задач обороны страны. На расширенном заседании Президиума АН СССР (30 сентября — 2 октября) был утвержден план работ по 245 приоритетным темам, направленным на создание новых видов вооружения и боеприпасов, развитие военной промышленности и транспорта, разработку методов лечения раненых, изыскание замен жидкому топливу. Так, Институт машиностроения ОТН АН СССР переключился на создание новых сплавов для моторостроения, совершенствование технологии производства деталей самолетов, модернизацию авиационного вооружения.

Для координации и оперативного решения проблем создавались новые формы организации науки. 10 июля Государственный комитет обороны (ГКО), возглавля-

²⁵ В Германии задачи идеолого-политической подготовки к войне возлагались на Национал-социалистическую Академию наук, созданную в Геттингене в 1937 году, а также «Общество наследия предков» («Ahnenerbe»), организованное в 1935 году под эгидой СС.

²⁶ Архивные документы и материалы // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1996. С. 251.

емый И. В. Сталиным, образовал Научно-технический совет (НТС) во главе с членом правительства по делам высшей школы С. В. Кафтановым, в состав которого вошел ряд академиков: металлург И. П. Бардин, физики А. Ф. Иоффе и П. Л. Капица, физикохимик Н. Н. Семенов, а также будущие академики — механик Н. Г. Бруевич, химики М. М. Дубинин, И. Л. Кнунянц, В. В. Коршак, И. В. Петрянов-Соколов и Н. М. Жаворонков, математик В. А. Котельников. НТС создал специальные секции по физике, химии, биологии и геологии. Впоследствии ГКО создал Советы по радиолокации, по противотанковым средствам, по геологическому и географическому обслуживанию Красной Армии и т. д., при которых были сформированы группы специальных исследовательских институтов и лабораторий. Кафтанова назначили председателем ГКО по науке. Он был обязан оперативно докладывать Сталину о нуждах научных институтов и передавать приказы Верховного главнокомандующего научному сообществу. Это способствовало научному обеспечению нужд фронта и тыла, повышало эффективность исследований и ускоряло их внедрение в производство. В 1943 году руководителем научных работ при ГКО стал академик С. И. Вавилов.

Практически все наркоматы и центральные государственные органы создали специальные научные советы, курировавшие исследования в своих отраслях. Эти новыми органами, как правило, руководили известные ученые. Многие из них заняли высокие должности в госаппарате, став заместителями наркомов по черной металлургии, электрической промышленности, электростанциям, здравоохранения, а академик П. Л. Капица фактически был членом правительства, возглавляя Главное управление по кислороду, задачей которого было производство и использование кислорода в военных и промышленных целях. В рамках различных военных ведомств были также созданы специальные научные комиссии и советы под руководством академиков. Им присваивались генеральские звания, так как они реально воплощали в жизнь лозунг: «Все для фронта».

Организационная перестройка резко ускорила принятие решений и их реализацию. 16 июля 1941 года правительство постановило эвакуировать на восток учреждения АН СССР, и 22 июля из Москвы выехали первые 11 институтов и лабораторий. В конце июля в Казани начал работу Президиум АН СССР, координировавший основные работы по военной тематике, так как туда были вывезены большая часть сотрудников ленинградских ФТИ, ИХФ и ГРИ и их научное оборудование. В этот период были перебазированы, главным образом, научные учреждения из западных, вскоре захваченных врагом районов и лишь частично из центральных. Эвакуация академических учреждений из Москвы и Ленинграда приостановилась к середине августа, когда из Ленинграда успело уехать только 1 200 человек, а более 2 000 осталось в осажденном городе. В октябре — ноябре началась массовая эвакуация академических учреждений из Москвы, а с февраля по июнь 1942 года происходил вывоз научных учреждений из Ленинграда. В итоге война резко изменила сеть академических учреждений, которая, несмотря на потери на Украине и в Белоруссии, не только не сократилась, но и существенно расширилась. Они размещались теперь в 45 географических пунктах страны.

Для создания научно-технической базы в новых индустриальных центрах на востоке страны, куда было эвакуировано около 2 500 промышленных предприятий, в Свердловске 29 августа 1941 года была сформирована Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны во главе с президентом АН СССР В. Л. Комаровым. С апреля 1942 года ее деятельность, в которой активно участвовало более 800 ученых, в том числе академики А. А. Байков, И. П. Бардин, Э. В. Брицке, В. А. Обручев, С. Г. Струмилин и около 60 научных организаций,

была распространена на Западную Сибирь и Казахстан. В июне 1942 года вице-президент АН СССР Е. А. Чудаков возглавил Комиссию по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны. В ее составе среди 500 ученых были академики Г. М. Кржижановский, Ф. П. Саваренский, К. И. Скрябин, А. М. Терпигоров, И. А. Трахтенберг, В. Г. Хлопин. 3 апреля 1942 года АН СССР организовала Комиссию по научно-техническим военным проблемам во главе с академиком А. Ф. Иоффе и Комиссию по выявлению дополнительных пищевых ресурсов для фронта и тыла во главе с Л. А. Орбели, который стал через месяц вице-президентом АН СССР. До этого, он уже с 17 июля 1942 года осуществлял руководство Военно-санитарной комиссией. Кроме того, были созданы и активно работали оборонные комитеты ученых в Томске, Новосибирске, Кузнецке, Магнитогорске и других городах.

Созданная в 1941 году в Ленинграде под руководством академика Н. Н. Семенова Комиссия по реализации оборонных предложений, в которую вошли академики Б. Г. Галеркин, А. Ф. Иоффе, член-корреспондент М. А. Шателен и другие, только в первые месяцы войны рассмотрела около 800 проектов. Комиссия, прежде всего, решала задачи создания эффективных способов защиты кораблей от мин, обеспечения четкой и бесперебойной работы Ладожской трассы, конструирования прибора для исследования деформации ледового покрова, составление различных навигационных и баллистических таблиц и т. д.²⁷ Ведущую роль в этих проектах играли оставшиеся в Ленинграде сотрудники ФТИ, ИФХ, ГРИ, Пулковской обсерватории. Несмотря на налеты вражеской авиации и артиллерийские обстрелы, голод, холод они продолжали работать, участвуя в решении военных проблем.

Тесно связанная еще с предвоенного времени с оборонной промышленностью, АН СССР оказалась готова в короткий срок создать «большую науку», предопределившую исход Второй мировой войны. Объединив ученых и специалистов различных учреждений и ведомств, комиссии и комитеты, возглавляемые академиками, давали возможность оперативно решать вопросы военного производства и научно-технической помощи фронту. Здесь можно назвать лишь некоторые из результатов их трудов.

Прежде всего, это разработка методов массового промышленного производства новых типов танков и бронетранспортеров, самолетов-штурмовиков и истребителей, артиллерийских орудий и минометов, ракетных установок и автоматического оружия. Под руководством академиков А. А. Байкова, И. П. Бардина и М. П. Павлова была составлена научная программа перестройки и развития металлургической промышленности на востоке страны. В результате уже в 1941 году было освоено производство броневой стали в мартеновских печах в Магнитогорске. Внедрение в промышленность в 1942 году автоматической сварки, разработанной Б. Е. Патоном, поставило на поток производство танков Т-34 конструкции М. И. Кошкина, а также тяжелых танков КВ и ИС, самоходных артиллерийских установок, разработанных будущим членом-корреспондентом Н. Л. Духовым. В 1944 году под руководством И. П. Бардина были проведены исследования по технологии производства стали в конверторах с применением кислорода.

Открытия в механике, оптике, связи, криогенной технике, химической технологии, нахождение новых источников сырья и топлива, разработка и внедрение новых технологий в производство использовались для создания новых видов вооружений. В первые годы войны удалось ликвидировать отставание советского авиа-

²⁷ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934—1945 гг. СПб., 1997.

строения, однако основные успехи были достигнуты за счет увеличения объемов производства. Принципиальные изменения происходили только в сфере оборудования самолета и увеличения мощности двигателя. В конструкторских бюро будущих академиков В. Я. Климова, А. А. Микулина, С. К. Таманского были созданы новые типы военных двигателей, позволившие значительно увеличить скорость, грузоподъемность, маневренность и дальность полетов военных самолетов разных систем. Группа ученых и инженеров во главе с академиком А. А. Бочваром создали новый литейный материал для танковых и авиационных моторов. Вскоре были освоены новые модификации истребителей, штурмовиков (ЛА-5, ЛА-7, Як-3, Як-9, Ил-10 и других) конструкции будущего члена-корреспондента С. А. Лавочкина и академиков С. В. Ильюшина и А. С. Яковлева. Уже в 1943 году советская авиация не уступала немецкой ни в количественном, ни в качественном отношении. Вместе с тем в отличие от Германии и Японии, в ВВС СССР за годы войны не появилось ни одного принципиально нового серийного самолета²⁸.

Еще в мае 1942 года в СССР был совершен первый полет на реактивном самолете. В. П. Глушко разработал новый тип жидкостно-реактивного двигателя (ЖРД) для самолетов-перехватчиков, а С. П. Королев создал эскизный проект такого самолета. В 1944 году в Институте ракетной авиации был создан отдел по исследованию ЖРД под руководством А. М. Исаева, где создавались двигатели для зенитных и баллистических ракет и других космических аппаратов. Однако боевые реактивные самолеты в годы войны в СССР созданы не были.

11 февраля 1943 года ГКО по инициативе ученых постановил начать работы по ядерному оружию²⁹. Комиссия по урану была ликвидирована, и 31 августа основано центральное учреждение Атомного проекта — Лаборатория 2 АН СССР, которую возглавил И. В. Курчатов. Задачей Лаборатории 3, созданной в 1945 году во главе с А. И. Алихановым, стала разработка и сооружение тяжело-водородного реактора. Началось сооружение комбината «Маяк» (Челябинск — 40) по производству плутония, ознаменовавшее новый этап в симбиозе АН СССР и ВПК в виде крупных закрытых городов.

Значительная часть академических исследований в эти годы была посвящена вопросам военно-медицинского характера, разработке медицинских препаратов и новых методов оперирования и лечения, используемых в военно-полевой хирургии и госпитальной терапии. Сотрудники Физиологического института изучали влияние голода, обстрелов и бомбардировок на возникновение и течение неврозов. Академик А. А. Ухтомский, отказавшийся эвакуироваться из осажденного Ленинграда, вместе со своими сотрудниками занимался вопросами ликвидации последствий травматического шока, имевшими большое значение для спасения раненых, а академик И. С. Бериташвили исследовал влияние на организм взрывной волны. Создавались новые препараты для лечения ран и переломов костей, разрабатывались антибиотики. В Институте биохимии АН СССР под руководством В. Н. Букина была разработана технологическая схема промышленного производства витаминов, по которой построено 15 заводов для снабжения витаминами воинских частей.

²⁸ *Соболев Д. А.* История самолетов. 1919—1945. М., 1997. С. 246.

²⁹ Труды Международного симпозиума «Наука и общество. История советского атомного проекта» (40—50-е гг.). Т. 1—2. М., 1997; Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общ. ред. *Л. Д. Рябева*. Т. 1. 1938—1945. М., 1998; Т. 2. Атомная бомба. 1945—1954. Кн. 1—2. М., 2000.

Деятельность учреждений гуманитарного профиля была направлена на патриотическое воспитание населения. Обществоведы писали статьи и брошюры, выступали с лекциями и докладами в тылу и на фронте, рассказывая слушателям о героическом прошлом Родины. На академическое сообщество правительство возложило миссию укрепления союзнических связей с США и Великобританией. Оно должно было создавать у интеллектуальной элиты Запада позитивный образ СССР, оплота демократии и социальной справедливости, заклятого врага фашизма. В отличие от «патриотической» лексики 1930-х годов, которая была предназначена для обособления советского общества от «вредных» зарубежных влияний, патриотизм времен Великой Отечественной войны послужил основой нового интернационализма. Антифашистская коалиция «Большой тройки» — СССР, Великобритания и США — значительно уменьшила «изолирующий барьер» между советскими учеными и их коллегами за рубежом.

Война резко повысила социальный статус членов АН СССР, а ее президиум практически самостоятельно принимал решения по вопросам в области научной политики и организации исследований. Партийно-государственный аппарат лишь утверждал их предложения, не жалея средств на развитие фундаментальных исследований даже в условиях военного времени. Несмотря на огромные потери в годы войны, ее численный состав увеличился на 7 %. Было создано 24 новых научных учреждения, общее число которых в 1945 году достигло 132. Часть филиалов АН СССР была преобразована в Академии наук Узбекистана, Армении, Азербайджана. Были созданы также новые филиалы (Западно-Сибирский, Киргизский, Казанский) и базы (в Коми, Архангельске, на Дальнем Востоке)³⁰. Расширилось число Академий, контролируемых членами АН СССР. В 1943 году член-корреспондент В. П. Потемкин стал президентом Академии педагогических наук, а в 1945 году академик-хирург Н. Н. Бурденко возглавил Академию медицинской наук (АМН). АМН состояла из 25 институтов, большая часть которых была прямо связана с разработкой биологического оружия и изысканием антибиотиков. Актом признания вклада ученых в победу над врагом стали выборы в АН СССР в 1943 и 1946 годах. Это были самые большие пополнения Академии наук за всю ее историю. За два года состав увеличился на 79 академиков и 170 членов-корреспондентов. Характерно, что большинство из них были представителями дореволюционного научного сообщества. Учитывая огромную роль физики в войне, Сталин предложил избрать президентом АН СССР С. И. Вавилова. Симбиоз академического сообщества, ВПК и правительственной элиты практически был завершен.

Но тяжелы были и потери. Сотни ученых погибли на фронте. В руины обратились академические учреждения на оккупированных территориях. Многие академические здания пострадали от бомб и артиллерийских снарядов. Только в Ленинграде во время блокады умерли 470 сотрудников учреждений АН СССР. К концу Второй мировой войны взрывы США атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки придали научным исследованиям беспрецедентное политическое значение. Атомная бомба, ставшая символом одновременно и успехов американской науки, и положения США как супердержавы на международной арене, заставила советских лидеров усилить внимание к развитию отечественной науки. Для укрепления обороноспособности СССР 13 мая 1946 года было принято постановление СМ СССР о создании новой отрасли промышленности — ракетостроения. Его развитие первоначально

³⁰ Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л., 1988. С. 202–209.

шло на базе использования немецких технологий и разработок в области дальнебойных и зенитных управляемых ракет. Стремительно увеличивавшиеся масштабы проектов и рост их штатов, возникновение закрытых городов (Арзамас-16, Челябинск-40) создавали базис для становления новых типов взаимодействия между наукой и властью, наукой и политикой, наукой и идеологией.

Война, таким образом, значительно изменила институциональное строение АН СССР, ее культурное и политическое место в обществе, углубив симбиоз между научным сообществом, военно-промышленным комплексом, государственно-партийным аппаратом и силовыми министерствами. АН СССР участвовала в перевооружении страны не только проектами, созданными в ее институтах. Ее члены возглавляли учреждения других ведомств, различные межведомственные научно-технические советы, комиссии и комитеты, что позволяло академическому сообществу играть ключевую роль в интеграции военно-оборонной науки СССР.

Отныне проблемам фундаментальной науки власть придавала геополитическое значение. Вскоре, однако, выяснилось, что столь пристальное внимание чревато новыми бедами. Вновь была предпринята попытка реализовать модель науки, где централизованный и строго иерархический партийно-государственный аппарат жестко контролировал структуру, кадры, коммуникации и направления исследований научного сообщества. В конце 1950-х годов при Президиуме АН СССР была создана «Секция прикладных проблем». Входившие в нее военные ученые координировали перспективные оборонные исследования на уровне соответствующих отделений. Но, хотя АН СССР стала неотъемлемой частью государственной машины, ее цели и ценности, противоречившие тоталитарному режиму, не исчезли, что, в конечном счете, стало причиной идеологических кампаний в послевоенный период.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АНТИБИОТИКОВ 1940—1950-х ГОДОВ: НАУКА, ПРОИЗВОДСТВО, ПОЛИТИКА

E. S. Levina. A short story of the Soviet antibiotics from the beginning of 1940 to the end of 1950s: Science, industry and policy. The story of an organization's process of fundamental investigations for antibiotics drugs problem and organizational matters of its productions in the USSR after the end of the Second World War are described: scientific base, biological sources, proceedings, equipments, etc; training of specialists (researchers and physicians), scientific information, periodicals etc. The leading part of the USSR Academy of Sciences as a coordinator of investigation and cooperation's processes is emphasized. Scientific biographies for a few important persons are presented in a short form (Zinaida V. Yermolyeva, medical microbiologist, doctor; Mikhail M. Shemyakin and Alexandr Khokhlov (chemists); Georg F. Gauze and Nikolai A. Krassilnikov, biologists).

К началу 1990-х годов мировой наукой было описано около 8000 антибиотиков, выделенных из природных источников, прежде всего почвенных микроорганизмов. Около 100 антибиотиков нашли практическое применение в медицине и сельском хозяйстве. Молекулы природных антибиотиков, начиная с первых, структуры которых были установлены вскоре после их изоляции в индивидуальном состоянии, стали постоянным объектом химической трансформации с целью получения более эффективных терапевтических препаратов. История открытия и внедрения в лечебную практику антибиотиков достаточно сложна и не избежала дискуссионных моментов, связанных с определением приоритета тех или иных исследователей¹. История же организации решения насущной для страны проблемы в условиях послевоенного времени, когда в течение 10 лет в СССР было построено «с нуля» и запущено масштабное производство необходимых для здравоохранения лекарств и важных для народного хозяйства реагентов, представляет значительный интерес с позиции как когнитивной, так и социальной истории науки².

Что такое «антибиотик»?

Антибиотическая активность, которую научились накапливать в искусственных условиях в среде культивирования микроорганизмов, представлялась распространенной и целесообразной с позиции способности последних подавлять рост конкурентов. Термин «антибиотик» впервые встречается в работах лаборатории З. Ваксмана в конце 1930-х годов в связи с исследованиями почвенных микроорганизмов, и к 1942 он становится общеупотребительным в значении бактериоли-

¹ Florey, H. W., Chain, E. B., Heatley, N. G. // *Antibiotics*. Vol. 1. P. 280—293; Chain, Ernst. *A Short History of the Penicillin Discovery: From Fleming's Observations in 1929 to the Present Time* // *Symposium on the History of Antibiotics*. Honolulu. Apr. 1979. P. 14—29; Балезина Т. И. К истории получения З. В. Ермольевой пенициллина // *Антибиотики и химиотерапия*. 1998. 43. № 5. С. 7—9.

² Навашин С. М. Отечественному пенициллину 50 лет: история и прогнозы // *Антибиотики и химиотерапия*. 1994. Т. 39. № 1. С. 3—10.; Дебабов В. Г. Методы создания промышленных штаммов-продуцентов // *Биотехнология*. 1985. № 5 С. 1—10.; Воробьев А. А., Петрова Л. И. Актуальные вопросы малой биотехнологии // *Биотехнология*. 1986. № 1. С. 134—136.

тического (бактериостатического) вещества¹. Начало эры антибиотиков принято относить к 1942–43 годам, когда было реально освоено промышленное производство пенициллина.

К концу XX века понятие было существенно расширено (противоопухолевые антибиотики, метаболиты животных клеток, компоненты клеточных мембран, проявляющие некую активность, следствием которой случается гибель клеток и т. п.).

Как известно, антибиотики принадлежат к самым различным классам химических соединений и образуются продуцентами в природных условиях, как правило, в крайне незначительных количествах. Определенное распространение получило представление об антибиотиках как «факторах адаптации» или «факторах преодоления стрессовых ситуаций». Оно соответствует другому определению их биологических функций, согласно которому антибиотики — это *эффекторы перехода культуры в новую стадию развития* (дифференциация мицелия, спорообразование и т. д.). Ухудшение условий роста в результате жизнедеятельности самого продуцента или других микроорганизмов, в частности, снижение концентрации питательных веществ, вызывает необходимость в таких переходах. Это биологически оправдано, но имеет место только тогда, когда антибиотик образуется в количествах, значительно превышающих потребность в нем как эффекторе, т. е. внутриклеточном биорегуляторе, или сигнальной молекуле. Установлено, что на природных штаммах и, особенно, на получаемых мутантах с повышенной продуктивностью, практически постоянно подтверждается тот факт, что накопление в среде антибиотика не параллельно росту культуры. Биосинтез в значительных количествах обычно наступает при замедлении скорости роста культуры. Это обстоятельство привело к включению антибиотиков в обширную и неопределенную в отношении очерченности границ группу *вторичных метаболитов*, представляющих собой практически неограниченный источник биологически активных молекул. *Антибиотические свойства* проявляют около 5 % вторичных метаболитов и лишь незначительная часть их нашла применение в клинике, ввиду того, что большинство токсично или проявляет ту или иную неконтролируемую фармакологическую активность. Выявление вторичных метаболитов по их антибиотическому, чаще всего антимикробному эффекту, отражает их специфику лишь в том отношении, какое необходимо человеку. С позиций антропоморфизма эти метаболиты — антибиотики. Однако их действительная роль в природе не может быть основана на потребностях человека⁴.

Антибиотики, являясь, с одной стороны, одним из достижений научно-технической революции XX века, с другой, — стали негативным фактором изменения среды, поскольку они оказывают очевидное селективное давление на окружающую человека микрофлору (в условиях лечебных учреждений и местах их производства, на животноводческих фермах и т. д.). Главные проблемы в области антибиотиков, не теряющие остроты со временем, связаны, прежде всего, с необходимостью борьбы с распространением резистентности к «старым» препаратам. Подходы к созданию «новых» антибиотиков в значительной мере основаны на достижениях таких относительно недавно сформировавшихся фундаментальных дисциплин как молекулярная биология, молекулярная генетика, биоорганическая химия. Поиск и направленная трансформация антибиотиков ведутся с учетом

¹ Хохлов А. С. Низкомолекулярные микробные ауторегуляторы. М., 1988; Ваксман З. А. Антибиотики. Их природа, получение и применение. М., 1946. С. 39, 64.

⁴ Там же.

данных о молекулярной организации субклеточных структур, специфических для микроорганизмов, о метаболических циклах, свойствах индивидуальных макромолекул — потенциальных мишеней для антибиотиков и, наконец, с учетом того, что известно о конкретных защитных механизмах микробной клетки. Кроме того, стратегия поиска и создания новых антибиотиков требует в качестве теоретической основы знания биологической роли отдельных антибиотиков, то есть их функций в организме продуцентов. Это позволяет прогнозировать возможности и результаты поиска при определенных его направлениях, а также предвидеть многие конкретные трудности, связанные с реализацией поисковых исследований и широким применением тех или иных антибиотиков⁵.

Прежде, чем были сформулированы в современном виде эти, основанные на результатах обширных исследований, положения, уже предпринимались попытки изолировать, накапливать и исследовать свойства антимикробных природных и синтетических веществ. Производство антибиотических веществ, разработка их лекарственных форм и схем практического применения составили отдельные отрасли микробиологической и химико-фармацевтической промышленности и медицинской науки.

Создание антибиотической промышленности в целом потребовало решения множества специальных проблем и вместе с тем привело к появлению следующих научных направлений:

- 1) поиск новых продуцентов, создание коллекций, создание промышленных штаммов;
- 2) решение инженерно-технологических задач;
- 3) стимулирование и развитие новых разделов биохимии;
- 4) развитие ряда разделов органической химии;
- 5) проблемы, заданные спецификой применения антибиотиков в различных областях (медицина, ветеринария, растениеводство, пищевая промышленность).

Первые препараты антибиотиков

В СССР в предвоенные годы и во время войны (в Москве, а также в Казани, Свердловске, Средней Азии, куда были эвакуированы научные учреждения) изучался ряд биогенных продуктов, обладающих бактериостатической или бактерицидной активностью (мицетин и аспергеллин Н. А. Красильниковым⁶; пенициллин-крустозин З. В. Ермольевой⁷, грамицидин Г. Ф. Гаузе⁸). Продукты метаболизма грибов накапливались в культуральной среде и испытывались в виде грубых

⁵ *Навашин С. М.* Отечественному пенициллину 50 лет: история и прогнозы // Антибиотики и химиотерапия. 1994. Т. 39. № 1. С. 3—10.; *Дебабов В. Г.* Методы создания промышленных штаммов-продуцентов // Биотехнология. 1985. № 5. С. 1—10.; *Воробьев А. А., Петрова Л. И.* Актуальные вопросы малой биотехнологии // Биотехнология. 1986. № 1. С. 134—136.

⁶ *Красильников Н. А., Коренько А. И.* Биологические лечебные препараты — мицетин и аспергеллин // Рефераты научно-исследовательских работ ОБН АН СССР за 1941—1943 г. М.: Изд. АН СССР, 1945. С. 132. ГАРФ. Ф. Р — 6742. Оп. 1. Д. 257. Л. 1—6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 270. Л. 78—84.

⁷ ГАРФ. Ф. А-6742. Д. 257. Л. 204.

⁸ Достижения советской медицины в годы отечественной войны. М.: Медгиз, 1943. С. 149—162.; *Gauze, G. F.* Gramicidin S. Review of recent work // *Lancet*. 1946. V. 2. P. 46—47.

экстрактов. Целенаправленный поиск начался только после успеха терапии уже выделенными из среды, но еще не охарактеризованными в химическом отношении веществами — пенициллином и стрептомицином — в Англии, США и СССР.

История открытия З. В. Ермольевой, независимо от оксфордских ученых, пенициллина, первые клинические применения полученных в лаборатории препаратов в условиях войны, обмен препаратами и штаммами-продуцентами с Г. Флори, бывшим в Москве в декабре 1943 — январе 1944 года в составе Англо-Американской медицинской миссии, описана в документах⁹, научной¹⁰, и даже художественной литературе¹¹. Эта романизованная писателем Вениамином Кавериним история, тем не менее, абсолютно точна в изложении, так как автор, брат Л. А. Зильбера, хорошо знал и лично Ермольеву, и научную среду микробиологов этого времени. К концу войны препараты антибиотиков (пенициллин и стрептомицин) стали известны как терапевтические. В Англии и Северной Америке (США, Канаде) развернулось их промышленное производство¹². Советский Союз стоял перед необходимостью обеспечить борьбу с инфекциями — раневыми, послеоперационными, желудочно-кишечными, туберкулезом, сифилисом и другими в условиях послевоенного времени, осложненного политическим противостоянием бывших союзников по антигитлеровской коалиции, проявившегося еще до знаменитой фултоновской речи У. Черчилля.

Сложность поиска и создания высокопродуктивных штаммов хорошо иллюстрируется на примере селекции продуцентов пенициллина. В мире по признаку биосинтеза пенициллина было исследовано 36 000 штаммов плесени, выделенных из образцов почв, собранных на всех континентах, отобрано для работы 16 000, перспективными оказались 3400, причем они синтезировали антибиотик на уровне 100 ед./мл (или 0,001 мг/мл). Это означает, что для выделения 1г пенициллина необходимо было не менее 300 л культуральной жидкости продуцента. Из всех изученных в первые годы продуцентов только один штамм (случайно обнаруженная на дынной корке плесень, в дальнейшем превращенная в штамм Q176, подвергнутый, в свою очередь модификации¹³) производил в 400 раз больше пенициллина, чем первые штаммы. В Великобритании биохимик Эрнст Чейн и микробиолог Говард Флори работали в контакте с лета 1938 года. Чейн вспоминал, что Флори считал вещество, выделяемое пенициллином, лизирующим ферментом, а Пэйн, главный редактор журнала, опубликовавшего статью Флеминга в 1929 году, считал этот факт вовсе не интересным, поскольку в то время медицинские микробиологи в Англии (как и в России) были увлечены лизоцимом. В январе 1939 года

⁹ ГАРФ. Ф. А-6742. Д. 257. Л. 204.; The Royal Society Library. Sir Howard Florey's Collection. 98.HF.47.2. Part 2. Chapter 15. P. 153—160. Report on Scientific mission to Moscow by H. W. Florey with the assistance of A. G. Saunders; Michael B. Shimkin. A personal account of some U.S.—U.S.S.R. medical exchanges and contacts, 1942—1962 // Perspectives in Biology and Medicine. September 1970. P. 565—585.

¹⁰ Ермольева З. В., Балезина Т. И., Левитов М. М. // Журн. микробиол. 1944. № 7—8. С. 79—84.; Ермольева З. В. Пенициллин. М.: Медгиз, 1946.; К истории открытия отечественного пенициллина // Антибиотики и химиотерапия. 1993. Т. 39. № 1. С. 13—32.

¹¹ Каверин В. А. Очерк работы. Открытая книга. Литературные заметки. Избранные письма. М.: 1999. С. 32—616. Впервые опубликовано: Новый мир. 1949. № 9, 10 (ч. 1); 1952, № 2, 3, 4 (ч. 2).

¹² The Royal Society Library. M. S. 7230; 7236 a, b. Report of Penicillin Research and Production in the U.S.A. and Canada. By W. R. Boon and W. B. Hawes.

¹³ РГАЭ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 278. Л. 32.

Британский Медицинский исследовательский совет заинтересовался их исследованиями, и в сентябре того же года было открыто целевое финансирование исследований бактерицидной активности продукта жизнедеятельности плесневых грибов, одновременно поддержанное и Рокфеллеровским фондом в лице его представителя, приехавшего в Лондон. В США, вскоре после опубликования в августе 1940 года статьи о пенициллине из Оксфорда, над этой проблемой начал работать Дуосон. Источником штамма пенициллиума была лаборатория Флеминга, ученик которого, работавший в 1935 году в Пенсильвании, привез образец плесени. Американские исследователи, пережив ряд трудностей, получили грубый пенициллин — 15 октября 1940 года в США была сделана первая инъекция пациенту. В британском Оксфорде клинические испытания нового антибактериального средства продвигались с трудом, и в апреле 1941 года Рокфеллеровский фонд оплатил Флори с сотрудником трехмесячную поездку в США. Как пишет биограф Чейна, коллеги не консультировались с ним по этому поводу, и он не знал о приглашении Флори и Хейтли вплоть до дня их отъезда. Уже в мае 1941 года в «*New York Times*» появилась статья «*Rise up to Life*», возвестившая миру о появлении лекарства. Так, именно в США были организованы клинические испытания и производство пенициллина. В годы войны (и позже) правительство США продолжало приглашать английских специалистов на выгодных условиях. Хейтли пробыл в США около года, Флори, вернувшись в Англию, в течение двух следующих лет организовал производство пенициллина (Sir William Dunn School of pathology, Oxford). В 1944 году производство было передано двум коммерческим фирмам. Патенты на способ производства пенициллина были оформлены, по настоянию Чейна, в США и Англии. Чейн в начале исследований, уже предпринимая попытки изолировать вещество, подавляющее рост бактерий в чашках Петри, не разделял энтузиазма Флори относительно перспектив организации производства, полагая, что вещество может быть токсично и для животных, и для человека. Однако после проведенных в США и Британии испытаний, принимая во внимание опыт своего отца — промышленного химика, изменил мнение и настоял на необходимости патентной защиты. В мае 1943 года англичанами (Флори и Кэрнс) были проведены массовые испытания пенициллина в Северной Африке¹⁴.

В декабре 1943 года и в СССР были испытаны первые препараты пенициллина Ермольевой¹⁵. Единственным источником информации об английских работах по пенициллину в это время были, как вспоминали участники событий, «коротенькие секретные донесения Н. Г. Гращенкова из Лондона»¹⁶. Ситуация здесь почти повторяла историю работ по созданию ядерного оружия в СССР. В перечне великих открытий XX века эти работы стоят рядом и то, что З. В. Ермольева была, как и И. В. Курчатов, второй, ничуть не умаляет их заслуг. Исследования начинались одновременно и независимо, и в обоих случаях США, мобилизовав всю мощь мировой науки и техники, (каждый из их проектов был, по существу, международным), вырывались вперед в реализации идеи.

¹⁴ Douglas E. Wellcome Witnesses to Twentieth Century Medicine. Vol. 6 Post Penicillin Antibiotics: From acceptance to resistance? Ed. by E. M. Tansey and R. A. Reynolds, London, 2000 P. 7.; Chain E. A Short History of the Penicillin Discovery: From Fleming's Observations in 1929 to the Present Time // Symposium on the History of Antibiotics. Honolulu. Apr. 1979. P. 14–29.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-6742. Д. 257. Л. 5.

¹⁶ Навашин С. Зинаида Виссарионовна Ермольева. М.: ГНЦА. 1998. С. 9–10.

Координация исследований и организация производства

Организация промышленного производства известных к концу войны антибиотиков требовала создания надежной научной базы, подготовки кадров специалистов (микологов, биохимиков, химиков-аналитиков, медиков, инженеров-технологов и т. д.), разработки методов контроля за качеством препаратов и ходом лечения, создания соответствующих лекарственных форм, специального оборудования для новой отрасли промышленности и, наконец, строительства предприятий. Для всего этого требовались правительственные решения, выделение средств и сил в стране, вынужденной восстанавливать разрушенное войной хозяйство в условиях, когда колоссальные средства, минуя нужды мирного строительства, направлялись на создание атомного оружия.

Координация исследований была поручена АН СССР, организовавшей, по решению Правительства 31 октября 1946 года при Биоотделении Комиссию по антибиотикам¹⁷. Кроме того, при Ученом Медицинском Совете (УМС) Министерства здравоохранения (МЗ) СССР в феврале 1947 года была учреждена своя комиссия, на первых порах практически дублировавшая академическую. В 1949 году АН СССР и МЗ СССР разграничили сферы деятельности в области антибиотиков¹⁸, и в начале 1950-х годов за второй из этих комиссий были закреплены вопросы терапевтического применения антибиотиков.

Ни одно из имевшихся в стране биотехнологических производств (это были, главным образом, производства вакцин и сывороток, в меньшей степени — органо-препаратов, ряд бродильных производств в пищевой промышленности), для культивирования продуцентов антибиотиков — плесневых и лучистых грибов — не годилось. В том же году в МЗ СССР было учреждено Управление по антибиотикам, а затем, путем реорганизации Министерства фармацевтической промышленности, создано Министерство медицинской промышленности с уже упомянутым Управлением, названным теперь Управлением антибиотиков и органо-препаратов, под руководством А. П. Гришковой¹⁹. Комиссии в 1947—49 годах концентрировали информацию о ходе работ по организации исследований, обсуждая, главным образом, текущие вопросы: проект создания специализированного института, программы совещаний специалистов, уже занятых и вовлекаемых в исследования, заслушивали академических ученых, предлагавших как свои решения принципиальных трудностей нового биотехнологического производства, так и стратегию развития области исследования продуцентов (селекция, направленная и спонтанная, физиология и биохимия грибов и микробов)²⁰. Для сравнения отметим, что в США, где были известные школы микологов, исследования антибиотиков начинались несколько иначе, именно, на базе университета, занимавшегося по заказу Департамента сельского хозяйства почвенной микробиологией. З. Ваксман и Р. Дюбо, пионеры исследований и авторы антибиотиков стрептомицина, грамицидина, гризелина, позднее — тетрациклинов, работали в Рутгерском и Рокфеллеровском

¹⁷ Дальнейшая судьба Комиссии: 16 января 1947 Комиссия была передана Отделению биологических наук, 25 августа 1949 — Институту микробиологии АН СССР, 15 мая 1953 — ликвидирована.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 132. Д. 266. Л. 118.

¹⁹ Указ ВС СССР подписан Н. М. Шверником 14 июня 1946; РГАЭ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁰ АРАН. Ф. 199 (Институт микробиологии) и Ф. 534 (Биоотделение).

университетах, а сами антибиотики были обнаружены в процессе поиска продуцентов витамина В₁₂. В этом исследовании микологами была разработана скрининговая система, с успехом примененная и для задач изучения продуцентов антибиотиков. Обнаруженная учеными бактерицидная активность продукта жизнедеятельности лучистых грибов заказчиков не заинтересовала, так как они не предполагали на нее спроса, в то время как витамины хорошо продавались. Напомним, что именно в США, в лаборатории Бюро сельскохозяйственной химии в Пеории, в 1931 году была определена систематическая принадлежность плесневого грибка (*Penicillium notatum*), подавляющего рост микробов в экспериментах Александра Флеминга, изолированного им в индивидуальном состоянии и присланного коллегам²¹.

В СССР штам, выделенный З. В. Ермольевой в Москве, в Лаборатории биохимии микробов ВИЭМ, был определен микологом Л. И. Курсановым как «*весьма близкий к Penicillium crustozum*». Советские специалисты в области почвенной микробиологии работали в нескольких научных учреждениях, прежде всего, в институтах ВАСХНИЛ и АН СССР. В первые послевоенные годы, когда проблема антибиотиков была признана актуальной, вплоть до придания созданию антибиотиков оборонного значения, было решено стимулировать подготовку специалистов в области микологии и почвенной микробиологии на биолого-почвенном факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (кафедра низших растений, руководитель Л. И. Курсанов, и кафедра биологии почв, руководитель Н. А. Красильников). В 1948 году на факультете был введен спецкурс «*Учение об антибиотиках*» (Г. Ф. Гаузе и Н. С. Егоров), в 1950 — «*Антибиотики*» (А. Н. Белозерский)²².

Решение всего комплекса проблем организации исследований и производства антибиотиков было крайне затруднено. Ведущими специалистами, занятыми в этой области на рубеже 1945–46 годов были медицинские микробиологи. С Ермольевой работали биохимики М. М. Левитов и В. А. Северин, микробиолог Т. И. Балезина, несколько научно-технических сотрудников. Работы по химиотерапии инфекций велись также и в Центральном институте микробиологии и эпидемиологии, дважды реорганизованном в первые послевоенные годы (Х. Х. Плanelьес, Н. С. Кашинцева (при консультации Г. Ф. Гаузе), В. И. Гончарова, Ю. В. Соловьева)²³. Микологов, специалистов по физиологии и биохимии продуцентов, на первых порах явно не хватало, и взять их было неоткуда. Медицинская часть работы зависела от врачей, которые вели лечение больных в клиниках. Существенной была поддержка смелого эксперимента главным хирургом Советской Армии, первым президентом АМН СССР Н. Н. Бурденко. Среди непосредственно участвовавших в нем медиков наиболее известна терапевт А. М. Маршак, работавшая после войны в Институте хирургии им. А. В. Вишневского. Она оформила наблюдения за ходом лечения пациентов военного госпиталя еще никому не известным антимикробным препаратом — нативным раствором пенициллина — в 1945 году, и эти наблюдения легли в основу ее диссертации, первой работы по клинике пенициллина в СССР.

²¹ Wellcome Witnesses to Twentieth Century Medicine. Vol. 6. Post Penicillin Antibiotics: From acceptance to resistance? Ed. by E. M. Tansey and R. A. Reynolds, London, 2000. P. 9.

²² Биологический факультет реорганизован в биолого-почвенный факультет в сентябре 1948 после сессии ВАСХНИЛ. См.: *Летопись Московского университета 1755–1979*. М.: Изд. МГУ, 1979. С. 230, 234, 254, 285, 293.

²³ См. раздел «*Химиотерапия и антибиотики*» отчета ЦИЭМа 1958 г., когда в АМН СССР обсуждались проблемы обеспечения широкого фронта исследований. Тема «*Антибиотики и оборона*» признавалась как «провал». Материал рабочего архива ЦИЭМ им. Н. Ф. Гамалея, документы папки «*История*», не систематизированы.

А. Г. Натрадзе, с 1942 года бывший заместителем наркома здравоохранения, а с 1947 — заместителем министра медицинской промышленности, при котором организовывалась пенициллиновая промышленность, вспоминал, как много усилий потратила Ермольева, доказывая необходимость развития и науки и производства антибиотиков.

«Мы, работники промышленности, привыкли к тому, что очень многие люди, изобретатели, предлагали различные лекарственные вещества для производства. К этому делу мы относились с недоверием, считали, что это очередной поход в Министерство здравоохранения для того, чтобы протолкнуть новый препарат.<...>. Я собрал работников промышленности и попросил Зинаиду Виссарионовну объяснить значение антибиотика пенициллина. После этого было принято решение перепрофилировать завод № 40 на производство пенициллина <...>. В 1944 г. мы организовали производство на заводе № 40, на Карповском заводе²⁴, на мясокомбинатах, и пенициллин стал поступать в госпитали <...>. Одновременно мы начали запрашивать другие страны, — продолжал Натрадзе, — Англию, Францию²⁵, чтобы нам продали лицензию на производство пенициллина. Мы организовали комиссию, направили делегацию в эти страны для закупки лицензии. В результате переговоров о закупке лицензии нам заложили очень большую цену — 10 млн долларов. Мы посоветовались с министром внешней торговли А. И. Микояном. Было решено купить ее, тем более что они производят пенициллин глубинным способом. Мы дали согласие на закупку. Переговоры велись длительное время. В конце нам сообщили, что они ошиблись в расчетах и цена будет не 20, а 30 миллионов. Мы начали обсуждать этот вопрос с правительством и решили заплатить 20 миллионов и закупить лицензию. Через месяц мы получили сообщение, что авторами этого метода производства являются не только англичане, но и американцы, поэтому у них появились разногласия и решение вопроса откладывается. Потом они сообщили, что и за 30 миллионов не продадут. Анастас Иванович сказал: «Они не хотят нам продавать». Когда комиссия вернулась, мы уже имели отработанный метод глубинного выращивания грибка»²⁶.

Событиям, о которых рассказывал Натрадзе, предшествовало длительное обсуждение собственных возможностей налаживания производства компетентными специалистами, собранными в упоминавшуюся Комиссию по антибиотикам АН СССР, председателем которой был назначен академик-секретарь Биоотделения Л. А. Орбели²⁷. Фактически же работой руководил А. И. Опарин. Комиссия, организованная в декабре 1946, уже в январе 1947 года намеревалась созвать представителей всех ведомств, заинтересованных в производстве новых лекарственных средств, и специалистов, уже вовлеченных в исследования и опытное производство, осваивавшее технологию получения пенициллина. Методика, достаточно четко разработанная Ермолевой, Балезиной, Левитовым и Севериным в Институте биологической профилактики инфекций²⁸, при передаче в заводские помещения, выделенные в

²⁴ Имеется в виду фармацевтический завод им. Л. Карпова в Москве, район Копотни.

²⁵ Это ошибка, во Франции в это время пенициллин не производили и патентом не располагали.

²⁶ Из выступления А. Г. Натрадзе на Конференции во ВНИИА. См.: Антибиотики и химиотерапия. 1994. Т. 39. № 1. С. 21—22.

²⁷ Стенограммы всех заседаний сохраниены в АРАН. Практически все заседания 1947 начинались и заканчивались обсуждением «прорех» в производстве, несмотря на четкое понимание учеными-организаторами производства причин такого положения.

²⁸ Институт, организованный на базе Лаборатории биохимии микробов и иммунитета З. В. Ермолевой, позднее — Всесоюзный научно-исследовательский институт пенициллина (ВНИИП).

цехах мясокомбинатов, где регламентами уже были предусмотрены бактериологические и биохимические лаборатории для контроля качества сырья и продукции, плохо воспроизводилась в руках неподготовленных работников. Специалистов мало сказать «не хватало», их просто не было. Бывало, что при обсуждении достоинств штамма во главу угла предлагалось ставить не столько его продуктивность, сколько морфологические особенности, позволяющие не слишком подготовленному человеку легко отличить штамм под микроскопом от постороннего микробного загрязнения²⁹. Кроме московского, силами высококлассных специалистов НИИ эпидемиологии Управления гигиены РККА в конце войны было организовано свое производство пенициллина в Кирове. Это были две базы полупромышленного производства, ценность которых заключалась в том, что они были целиком построены на отечественном сырье и оборудовании. В Кирове, в частности, находились первые установки для глубинного культивирования (так называемые «танки») в то время как в Москве применяли все еще только поверхностный способ (небольшие плоские сосуды — «матрасы»)³⁰. С зимы 1945–46 годов функционировало производство на установках Микробиологического института при заводах Шотта-Цейса в Йене, изготовленных, в отличие от российских, полностью из стекла, чему придавалось положительное значение. Это было предприятие малой мощности, но важное в политическом отношении как созданное на территории, подконтрольной Советской Военной Администрации Германии (СВАГ), невоенное производство почти на три тысячи рабочих мест³¹. Работали на западных штаммах, как считалось, вторичного происхождения и недостаточно активных. Руководство медицинской промышленности в Москве настороженно относилось к предприятию, возглавляемому профессором Кнолем. Понимая, что низким качеством немецкий пенициллин обязан не слабости технологии, которую педантичные немцы аккуратно воспроизводят, министерские чиновники сомневались, передать ли в Йену лучший штамм и тем ускорить работу усилением биологической базы. «Опасения тов. Байчикова³², что развитие научной деятельности может способствовать обогащению отдельных немецких ученых, что нежелательно, законное, — соглашался А. Я. Берлин³³. — Хорошо бы

²⁹ РГАЭ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 270. Л. 76. А. А. Имшенецкий, докладывавший по этому вопросу на совещании в Министерстве, призывал «срочно подготовить товарищей, которые будут работать с этими штаммами», пока преимущественно американскими, но при этом подчеркивал, что «это ни в коем случае не снимает с нас параллельно вести серьезную исследовательскую работу по получению наших советских штаммов не только более активно, но как показывает последняя работа, <...> мы не должны чувствовать себя спокойно, потому что опыт показывает, что даже лучшие штаммы, просуществовавшие некоторое время, могут все-таки, потом деградировать в результате лабораторного хранения. <...> Мы должны разработать метод принципиально научной селекции культур активного пенициллина. Мы должны сегодня упорядочить все грибное хозяйство на заводах».

³⁰ Васильев Н. Т., Пименов Е. В., Калининский В. Б., Бакулин М. К. Вклад военных медиков в разработку технологий промышленного производства первых отечественных антибиотиков // Антибиотики и химиотерапия. 1996. № 5. С. 3–6.

³¹ Левина Е. С. Восстановление деятельности медико-биологических научных учреждений на территории Восточной Германии в 1945–49 гг. // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Выпуск III / ред. Колчинский Э. И. СПб.: СПФ ИИЕТ РАН, 2002. С. 118–128.

³² Обсуждается доклад Байчикова А. Г. о работе Научно-технического отдела Минмедпрома в Германии за 1947.

³³ А. И. Берлин, сотрудник Всесоюзного химико-фармацевтического института им. С. Орджоникидзе

загрузить их лаборатории изготовлением полупродуктов»³⁴. А. Г. Пасынскому³⁵ поручалось поехать для оценки работ Научно-технического отдела СВАГ в Германию, чтобы определить дальнейшее направление работ по синтезу пенициллина немецким химикам и культивирования продуцентов стрептомицина — биологам и технологам, после чего рассмотреть эти работы на «более узком совещании»³⁶.

Во всех случаях пенициллин производился, как свидетельствуют стенограммы заседаний комиссий и первых общесоюзных совещаний по антибиотикам³⁷, невысокого качества. Мнения специалистов, входивших в комиссии при Биоотделении и при УМС МЗ СССР, относительно способов наиболее эффективной и скорейшей организации собственного производства пенициллина требуемого качества и объема, разделились. Н. М. Бородин, ветеринарный врач по образованию, уже работавший по пенициллину на заводе бакпрепаратов в Баку и успевший пройти стажировку в Англии (лаборатории Флори, Чейна и Ройстрика, сентябрь 1945 — декабрь 1946 года) до того, как «железный занавес» опустился, был введен в академическую комиссию и назначен в июле 1947 года директором Института пенициллина НКЗ СССР в Москве³⁸. Он трезво оценивал первые попытки получить пенициллин в цехах колбасных заводов и настаивал на покупке технологии и оборудования у союзников³⁹. Ряд специалистов, знакомившихся с производством пенициллина в США в 1945 году, выступили на Первом Совещании по антибиотикам в поддержку этого мнения.

П. Г. Стрелков, сотрудник Института физических проблем АН СССР и автор конструкции фильтров для очистки воздуха, необходимого для продувания через толщу среды культивирования продуцента, побывавший в США, выступая на первом совещании по антибиотикам, уверял:

«Если мы будем делать все сами, будем сами проектировать, не только заводы, но и исследовательскую аппаратуру, производственные аппараты и производственные механизмы, тогда мы будем строить нашу промышленность десятки лет. Если мы прямо поставим вопрос, что нам нужно иметь центральную организацию с исследовательским институтом и с импортным узловым оборудованием, если мы попросим Президиум АН СССР выпитить эти вопросы перед правительством, то мы сможем промышленность и науку создать за два года. Если мы так не поставим вопрос, то мы пренебрежем долгом советских ученых и советских граждан»⁴⁰.

Такая позиция, отраженная в резолюции первого совещания по антибиотикам (январь 1947 года), убедила правительство в необходимости ведения переговоров о

³⁴ «Опасения» оправдались уже в 1960-х. Учреждение под руководством доктора Кюля превратилось в Институт микробиологии и экспериментальной терапии, а производственный его отдел — в процветающее предприятие ГДР «Йена-Фарм».

³⁵ А. Г. Пасынский, физико-химик, зам директора ВНИИ пенициллина.

³⁶ Стенограмма совещания у А. Г. Натрадзе, заместителя министра медицинской промышленности СССР, 13 февр. 1947. РГАЭ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 277. Л. 42—47.

³⁷ Материалы двух Всесоюзных совещаний, приходивших в закрытом режиме, не публиковались, но краткая информация давалась в Бюллетенях ограниченного распространения. С 1956 была введена практика проведения Конференций по антибиотикам, материалы которых (за исключением вопросов технологии) публиковались в новом журнале «Антибиотики».

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Л. 11.

³⁹ АРАН. Ф. 534. Д. 40. Л. 1—16.

⁴⁰ АРАН. Ф. 199. Оп. 1—1947. Д. 158. Л. 24—26.

покупке⁴¹. Сделка, однако, не состоялась⁴², а основной участник переговоров Бородин, доверие которому было оказано по рекомендации А. И. Микояна, стал перебежчиком⁴³. В последующие два года силами своих специалистов были доработаны регламенты и запущены несколько крупных производств пенициллина на трех фармацевтических заводах в Москве и Ленинграде. В 1947 году было закончено проектирование, а к концу 1948 и строительство, еще двух заводов на Украине (в Киеве и Харькове), двух в Белоруссии (в Минске и Пивненске) и одного в Латвии (в Риге). Работа продвигалась в соответствии с русской поговоркой «глаза страстят, а руки делают».

Как видно, инженеры, приглашенные в производство антибиотиков, легче, чем биологи, относились к возможности форсировать работу, в то время как последние остерегались давать определенные прогнозы и обещания. Профессор И. С. Фремель из Института спиртового брожения, отстаивая преимущества своего учреждения, напоминал, что в США производство антибиотиков начинали организовывать на предприятиях пищевой промышленности и, по его убеждению, общее мнение о том, что глубинный способ культивирования плесеней пришел из Америки — ошибочно.

«Во-первых, этот метод был предложен во Франции в Пастеровском Институте Баденом в 1896 г. для производства спирта путем глубинного выращивания именно плесневых грибов. В 1927 г. метод применили в Праге (а затем и на Кенигсбергской фабрике — Е. Л.) для производства лимонной кислоты. В 1940 г. в нашем Институте разработали метод выращивания *Asp. niger* для нужд спиртового производства (получение амилазы). В 1941—42 гг. в Пеории, США, северная область, в которой разрабатывали пенициллин, приспособили метод для своих нужд. Здесь много внимания уделяется “танкам”, а это известная конструкция. “Танк” — это просто емкость. Способ глубинного выращивания состоит из очень простых операций, осуществление которых не представляет никаких затруднений (рассказывает и показывает чертежи). В США производится контрольная очистка воздуха ультрафиолетом. Мы об этой очистке имели данные 1—5 года назад, но не имели возможности пользоваться»⁴⁴.

⁴¹ АРАН. Ф. 199. Оп. 1—1947. Д. 158. Л. 25—47. В закрытом заседании обсуждался доклад проф. П. Г. Стрелкова (Институт физических проблем АН СССР) об организации и технике производства пенициллина в США.

⁴² Отметим, что в исследовании стрептомицина в США при решении вопроса о предоставлении эксклюзивного права на производство и распространение антибиотика авторам (Рутгеровскому Университету) и фирме «Мерк», финансировавшей исследования, возобладали точка зрения Ваксмана. Ваксман считал это открытие чрезвычайно важным и настаивал на широкой доступности его на гуманитарной основе — через *неэксклюзивные* права. Поэтому, несмотря на то, что по первому соглашению Мерк имел все права на участие в патентах Рутгера, были внесены изменения: один университет становился бенефициарием, один университет получал неисключительное право, вследствие чего еще семь компаний купили лицензию на производство. Патентная политика Рутгера не менялась вплоть до 1976. В рассматриваемом случае с лицензией на производство пенициллина по американской технологии во главу угла ставились, очевидно, не гуманитарные, а политические мотивы.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 19131. Л. 1—12. Как вспоминал позднее директор ВНИИА С. М. Навашин, он, будучи уже в начале 1960-х у Флори в Оксфорде, узнал в одном из ученых, портреты которых, как прошедших стажировку в лаборатории, были вывешены в коридоре Модлин Колледжа, фото Бородина, фигурировавшего под другим именем. См.: Ермольева З. В. Пенициллин. М.: Медиздат.; Ермольева З. В., Фурер Н. М. Антибиотики и их применение. М.: Знание, 1959.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 270. Л. 92. Сконструированы ОКБ-2 5-го ГУ.

К горячей речи Фремеля можно было бы добавить, что в СССР в 1941–42 годах Г. М. Франк, будущий академик, организатор и директор Института биофизики АН СССР, в то время сотрудник отдела ВИЭМ, эвакуированного в Казань, сконструировал бактерицидные УФ-лампы, которые выдержали испытание в местных госпиталях (стерилизация помещений, терапия ран). Лампы вполне годились для целей медпромышленности⁴⁵.

Создание технологического оборудования, прежде всего ферментеров и контрольно-измерительной аппаратуры, а также оборудования для проведения каждой из стадий производства (экстракции, концентрирования, лиофильного высушивания, таблетирования и расфасовки) решалось на базе отечественных разработок и частично на базе трофейного оборудования. Для проведения биосинтеза антибиотиков в условиях глубинного роста микроорганизмов и интенсивной аэрации с сохранением стерильности, в Кирове были сконструированы и на Урале произведены ферментеры большей, чем первые аппараты военного времени, емкости (объемом 500 и 1000 л, впоследствии доведенные до 10 и 50 тыс. л. Набор сопутствующего оборудования, такого как проточные сепараторы и центрифуги для отделения биомассы, экстракторы, аппаратура для концентрирования растворов производились при участии лучших специалистов многих ведомств. Первые установки для лиофильного высушивания пенициллина были сконструированы и установлены на заводе им. Карпова в Москве сотрудниками лаборатории П. Л. Капицы. Важной деталью установки были уже упоминавшиеся фильтры для стерилизации воздуха, изготовленные еще во время войны на Марийском бумажном комбинате в Мордовии также под руководством академических ученых, бывших тогда в эвакуации в Казани⁴⁶. Для нужд производства антибиотиков со временем было существенно стимулировано производство ряда специальных препаратов и реактивов, например, питательных сред, специальных сорбентов для проведения ионообменной и других видов хроматографии, к которым перешли, отказавшись от использовавшегося на первых парах активированного угля⁴⁷.

Организация производства актиномицетных антибиотиков, в первую очередь стрептомицина, развивалась под научным руководством Н. А. Красильникова параллельно созданию пенициллиновой промышленности. Первые партии препарата были получены в 1948 году. Красильников был приглашен во ВНИИ пенициллина и других антибиотиков, сотрудничал с Ленинградским и Московским университетами (кафедры микробиологии), Рентгенологическим и Химико-фармацевтическим институтами в Ленинграде, ВНИХФИ в Москве. Поскольку во ВНИИА исследования были сосредоточены на пенициллине, в производстве которого оставались и возникали новые проблемы, Красильников организовал лабораторию в Московском химико-фармацевтическом институте Минздрава РСФСР. Организованная им комплексная бригада из специалистов разного профиля выезжала на заводы для внедрения регламентов, решения конкретных проблем в запуске производства. Он предлагал работать по возможности с американскими штаммами в целях экономии времени, так как отечественный штамм не

⁴⁵ АРАН. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 111. Л. 34. Документы о работе в ВИЭМе во время эвакуации.

⁴⁶ Особенностью аппаратов были оригинальные бактерицидные фильтры, за разработку и промышленное освоение которых П. Г. Стрелков и Б. Б. Гутман были удостоены Сталинской премии в 1943. См.: Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947) / ред. Ваилов С. И. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 526.

⁴⁷ Эта работа велась в Научно-исследовательском институте особо-чистых веществ (Ленинград).

только уступал по активности, но и был склонен к лизису в культуре, что определялось, как вскоре выяснилось, фаговой инфекцией. Сам Красильников был занят исследованием производственного штамма в сравнении его со штаммом З. Ваксмана, который был привезен в Москву в 1946 году. Были организованы экспедиции и поиск в почвах СССР фагоустойчивых форм. В 1949 году имелось уже 800 новых культур, из которых 150 оказались стрептомицин-образующими (подвиды *Act. globisporus*). Из двух штаммов — 58 и 63 — был получен вариант стрептомицина — глобиспорин⁴⁸. Работы по систематике и биологии актиномицетов — продуцентов антибиотиков были удостоены в 1951 году Сталинской премии; Золотой медали и премии им. И. И. Мечникова⁴⁹.

В 1952 году Красильников подготовил для Президиума АН записку о состоянии исследований антибиотиков в мире и СССР, которая была послана в аппарат ЦК для информации. В ней констатировалось сильное отставание отечественной промышленности антибиотиков, и давались рекомендации для исправления положения. Главная из них — возобновить в АН комиссию по антибиотикам, которой и поручить разработку стратегии и координацию работ. Упоминались и более очевидные причины отставания — недостаток сил и средств⁵⁰.

В течение нескольких лет в стране были все же получены высокопродуктивные штаммы для стрептомицина, хлортетрациклина, окситетрациклина и другие. К 1956 году в Институте по изысканию новых антибиотиков АМН СССР удалось создать базовый музей живых культур, располагавший нужными продуцентами.

На рубеже 1950–60-х годов было освоено производство микробиологическим путем ряда витаминов и аминокислот, необходимых для оптимизации питательных сред, и ряда ферментов, нашедших применение в качестве реактивов в исследовательских лабораториях и смежных производствах. Таким образом, организация производства антибиотиков ознаменовала появление новой отрасли промышленности — биотехнологической, в которую со временем пришли технологии генной и клеточной инженерии.

Премирование создателей первых антибиотиков

Пионерами отечественных исследований в области антибиотиков были крупные микробиологи. Их вклад в развитие фундаментальной науки и научной основы промышленности антибиотиков был оценен: лауреатами Сталинских премий стали Г. Ф. Гаузе (1946), А. Н. Красильников (1951).

В 1950 году создателям отечественного пенициллина Сталинская премия по конкурсу 1949 года была присуждена без участия З. В. Ермольевой и Т. И. Балезиной — авторов первых, вселивших надежду на успех, образцов⁵¹. Формальным поводом к принятой формулировке присуждения — «за совершенствование технологии и внедрение в производство» — и исключению ученых из представленного к премированию авторского коллектива было утверждение, что промышленное производство было основано на штаммах, полученных во вновь организованном Институте пенициллина и других антибиотиков (к этому времени ВНИИА МЗ СССР) помимо пионеров

⁴⁸ Гутина В. Н. Николай Александрович Красильников. М.: Наука. 1982. С. 48–51.

⁴⁹ Определитель бактерий и актиномицетов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949 (Золотая медаль и премия им. И. И. Мечникова, 1951); Актиномицеты-антагонисты и антибиотические вещества М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950 (Сталинская премия, 1951).

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Л. 110–119.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 270. Л. 117.; Д. 279. Л. 770б., 116–117.

исследований пенициллина в СССР и на технологиях, доработанных непосредственно в заводских лабораториях. Реально, как показывает анализ материалов МЗ СССР и Министерства медицинской промышленности СССР, в производстве применялись и отечественные, и зарубежные штаммы, технологии же экстракции и сушки препаратов также сочетали отечественные и зарубежные разработки. Игнорирование вклада Ермольевой и ее сотрудников, подготовивших к тому же и кадры специалистов, как для пенициллиновой промышленности, так и для клиники применения пенициллинов, было результатом интриг, нередких в истории присуждения Сталинской премии как высшей оценки заслуг ученых и инженеров перед страной. Зинаида Виссарионовна тяжело пережила такую оценку ее поистине героического труда. В течение многих лет она вела в институте, от руководства которым была фактически отстранена, лабораторию экспериментальной терапии, возглавляла в ЦИУ врачей кафедру микробиологии и организованную ею там же Лабораторию новых антибиотиков. Направлением работы этих лабораторий стал поиск наиболее рациональных терапевтических схем, в том числе и комплексных, бывших действительно последним словом в химиотерапии инфекционных заболеваний, а также подготовка специалистов. Через курсы освоения методов и повышения квалификации в области антибиотикотерапии (Кафедра микробиологии ЦИУ врачей МЗ СССР) прошли тысячи врачей и без этой самоотверженной работы нельзя представить истории введения антибиотиков в практику медицины в СССР. Огромное значение имело учреждение в 1956 году журнала «*Антибиотики*» (в настоящее время «*Антибиотики и химиотерапия*»), главным редактором которого стала Ермольева, издание первых руководств по клиническому применению антибиотиков и учебника для медвузов⁵². Авторитет автора был чрезвычайно высоким. Напомним, что Ермольева была избрана членом-корреспондентом АМН СССР на первых выборах в мае 1945 года. Внимательное прочтение документов обнаруживает любопытное обстоятельство: все ученые и организации, выдвигавшие тогда Зинаиду Виссарионовну, называя ее в рекомендациях достойной звания академика, то есть *действительного члена* АМН, в числе заслуг называли открытие ею пенициллина и получение первых препаратов пенициллина. Действительным членом АМН СССР З. В. Ермольева стала в 1963 году.

«*Пенициллин не заменит хирурга и антиоксической сыворотки*». Это категоричное замечание было высказано Ермольевой на одном из заседаний Комиссии по антибиотикам при обсуждении терапевтических схем применения нового лекарства. Напомним, что в это послевоенное время, когда госпитали были полны ранеными, она выступала, прежде всего, не как автор пенициллина, а как врач, работавший на фронтах и имевший награды и заслуги, равные боевым.

Занимаясь разработкой терапевтических схем, Ермольева проявила незаурядные качества организатора сотрудничества специалистов. Общеизвестным результатом такого сотрудничества, как подчеркивают авторы обзорных статей, было значительно меньшее, чем в мировой практике пенициллинотерапии, количество осложнений в начале введения антибиотика в клинику благодаря его разумному применению. Это сокращение доз, разработка большего числа вариантов лекарственных форм (таблетки, взвеси, аэрозоли, мази, внутримышечные инъекции), применение их в сочетании с другими лекарственными средствами, что снижало риск и частоту развития устойчивости.

⁵² Ермольева З. В. Пенициллин. М.: Медиздат; Ермольева З. В., Фурер Н. М. Антибиотики и их применение. М.: Знание, 1959.

«Отсутствие у нас тенденции к нагромождению различных антибиотиков, умеренные их дозы, рациональные схемы применения, цикловые и прерывистые методы лечения (Г. П. Руднев и И. А. Кассирский), несомненно, способствуют проявлению побочного действия пенициллина», — писали Ермольева и Фурер в руководстве для врачей, изданном в 1958 году⁵³. Нельзя исключить, что причинами такого подхода могли быть как ограниченное количество препарата (производство, по известным причинам, было налажено позже), так и знакомство с опытом применения антибиотиков в Европе и Америке, который свидетельствовал, что изменчивость микробов-возбудителей требует периодической корректировки терапевтических прописей. Именно отечественными пионерами исследования клинических возможностей антибиотиков было применено сочетанное применение последних с другими биогенными препаратами, по существу, иммуномодуляторами по современной терминологии.

Советское производство в 1950-е годы выпускало, в основном, два пенициллина — G пенициллин (бензилпенициллин) и V (феноксиметилпенициллин), получаемые на основе исходной пеницилловой кислоты. Активность их по отношению к микроорганизмам, чувствительным к пенициллину, приблизительно одинакова, но по отношению к стафилококкам, по данным на конец 1950-х, феноксиметилпенициллин был несколько более активен, хотя колебания в чувствительности различались на порядок: для того, чтобы задержать рост и размножение чувствительных микробов достаточно от 0,1 до 1,0 единиц, бактерицидное же действие (литическое) требует до 10—20 единиц. Проблема борьбы с коварными стафилококковыми инфекциями не решена медициной до настоящего времени, так как чувствительность различных штаммов к одному антибиотику может различаться более чем в 250 раз, что не всегда преодолимо. В течение же рассматриваемого периода (за 18 лет применения пенициллина) число устойчивых к нему стафилококков возросло с 5—10 % в 1945 году до 50—70 % к концу 1950-х. Существенно, что при организации производства, когда среди многих проблем стояла задача стандартизации производимых партий пенициллина, у советских микробиологов не было собственных штаммов стафилококков и работа велась на двух полученных из Англии образцах, обновление которых было под большим вопросом. Типичными для заседаний Комиссии по антибиотикам конца 1940-х годов были заявления производителей: «производство пережило исключительные трудности из-за отсутствия ряда химикатов и материалов».

Методы определения пенициллина, необходимые не только на производстве, но и для совершенствования лекарственной формы и контроля за ходом лечения, спешно создавались. Ермолевой и ее ученицей Е. А. Ведьминой был разработан микрометод количественного определения пенициллина в крови и других биологических жидкостях, позволивший выяснить, например, что при введении внутримышечно водного раствора лекарства исчезает из крови через 4—5 часов, при использовании новокаина — задерживается до 67 часов; с применением экмолина⁵⁴ — сохраняется до 12 часов. На этой основе теми же авторами предложены лекарственные формы экмоновоциллин-1 и -2, бициллин-1 и бициллин-2. Первые препараты позволяют делать инъекции один раз в сутки, вторые — в 7—10 дней, а при увеличении дозы препарат пенициллина удерживается до 14 дней, что делает возможным предупреждение ревматических атак. Авторы не сообщали об аналогах в мировой промышленности, хотя они были, но их книга⁵⁵ предназначалась

⁵³ АРАМН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 164. Л. 203.

⁵⁴ Препарат из молок осетровых рыб (см. ниже).

⁵⁵ АРАМН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 164. Л. 94.

для советских терапевтов и была ориентирована на отечественные препараты. Проблема совершенствования аналитических методов не могла быть решена окончательно — менялись препараты, производством и клиникой предъявлялись более высокие требования. В 1953 году вновь рассматривался метод определения пенициллина. Прежде методы были биологическими (подавление дыхания стафилококков, метод Варбурга), теперь речь шла о модификации алкалометрического метода (титровании), разработанной на кафедре Военно-медицинской Морской Академии в Ленинграде, как для жидкого, так и для сухого пенициллина.

Предложен был калориметрический метод для бензилпенициллина с учетом того, что нововведения должны быть хорошо отработаны, чтобы не останавливать производство. Для природного пенициллина К (гептил-пенициллина) метода не было до середины 1950-х годов⁵⁶.

Вторым из антибиотиков, получивших распространение в первые годы антибиотикотерапии, был стрептомицин и его варианты. Стрептомицин имел более широкий спектр действия (грамположительные и грамотрицательные микробы, туберкулезная палочка), но дал сразу серьезные осложнения за счет действия самого препарата и его примесей (токсическое действие на ЦНС, нарушение координации движений, слуха характерно и для чистого стрептомицина). Лаборатория экспериментальной терапии Ермольевой в сотрудничестве с клиницистами разработала дозы (не выше 0,5–1,0 г в сутки в комбинации с другими препаратами, более эффективен в присутствии хлористого кальция, CaCl_2), при которых токсического действия не наблюдается, но устойчивость развивается быстрее и чаще. Проявление токсичности значительно снижалось при введении витаминов (B_1 , B_2 , PP), использовании пантотената стрептомицина вместо сульфата. Было предложено и сочетанное лечение с пенициллином, что предотвращало резистентность микробов кокковой группы, а также с другими биологическими и синтетическими препаратами (фтивазид, ПАСК⁵⁷, экмолин).

Наиболее заметный успех стрептомициновой терапии — лечение туберкулезно-го менингита — инфекции, считавшейся летальной в детском возрасте. Применение стрептомицина с 5–8 дня заболевания давало выздоровление в 80 % случаев (против 100 % смертности без антибиотика).

Другой класс актиномицетных антибиотиков был представлен хлортетрациклином и аналогами (ауреомицином, биомицином), окситетрациклином и рядом его аналогов, не утративших значение в терапевтической клинике до настоящего времени. Проявления перекрестной устойчивости ко всем трем антибиотикам до некоторой степени компенсировались терапевтическими схемами. Ермольевой с сотрудниками было разработано внутримышечное введение тетрациклинов в растворе новокаина и экмолина, что позволяло уменьшать дозы тетрациклинов в 5–10 раз сравнительно с дозами, назначаемыми для приема внутрь. Это препараты широкого спектра действия, которыми лечатся такие опасные инфекции как чума и туляремия, сыпной тиф.

Третий класс — макролидов⁵⁸ — в отечественной практике был представлен эритромицином и близким по структуре олеандомицином. Спектр действия эритромицина (открыт Мак Гайром в США), близок к пенициллину. Препарат малотоксичен,

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 744. Л. 85–86.

⁵⁷ Пара-амино-салициловая кислота.

⁵⁸ Woodward R. Struktur und Biogenese der Makrolide // Eine neue Klasse von Naturstoffen Angew. Chem. 1957. V. 69 (1). P. 50.

почти не вызывает побочных явлений, что очень важно. В опытах Е. А. Ведыминой и Т. И. Голосовой, осваивавших терапию, было установлено, что из 51 выделенного ими от больных штамма стафилококков, более половины устойчивы ко всем другим антибиотикам, но чувствительны к эритромицину.

В течение нескольких лет медицинская промышленность СССР выпускала альбомуцин, железосодержащий антибиотик пептидной природы, полученный в Лаборатории антибиотиков АМН СССР⁵⁹. Клиника всех препаратов продолжала совершенствоваться. В решение медицинских проблем, от клинических испытаний лекарственных препаратов до коррекции схем лечения и разработки методов лабораторного контроля за ходом лечения, было вовлечено большое количество учреждений при участии видных клиницистов (А. Ф. Библибина, М. С. Вовси, Г. В. Выгодчикова, Г. П. Руднева, И. Г. Руфанова, Г. Н. Сперанского и других) под контролем УМС МЗ СССР и Фармкомитета при нем. Контроль качества препаратов осуществлялся централизованно ЦГНКИ им. Л. А. Тарасевича в Москве.

Создание научных учреждений и кадровая политика

В 1953 году на базе Лаборатории антибиотиков АМН СССР под руководством Г. Ф. Гаузе (образованной из его же существовавшей ранее в Институте малярии, медицинской паразитологии и гельминтологии лаборатории), был организован Институт по изысканию новых антибиотиков АМН СССР. Хроника событий была такова:

Г. Ф. Гаузе, работавший в 1941 году в МГУ, по условиям военного времени был вынужден покинуть университет и работал заведующим отделом госсанинспекции Сталинского района Москвы и, по совместительству, в Институте медицинской паразитологии и тропической медицины НКЗ. Здесь в 1942 году был впервые изолирован грамицидин С («грамицидин Советский», в отличие от грамицидина Дюбо, исследовавшегося в США). Источником антибиотика стал один из подвигов *Bacillus brevis*, обнаруженный М. Г. Бражниковой в образце почвы, взятом близ протекавшей рядом с институтом речки Серебрянки. В процессе очистки образца от примесей липидов были получены кристаллы вещества пептидной природы, как и препараты Дюбо. Директор института, П. Г. Сергиев, заинтересовался этой работой. В декабре 1943 – январе 1944 года в Москве побывали Флори и его коллеги по Англо-Американской медицинской миссии. В числе препаратов, которыми обменялись советские и американские медики, был и препарат грамицидина С. Благодаря этой кооперации была установлена полная химическая структура пептида методами хроматографии (аминокислотный состав, А. Белозерский) и рентгеноструктурного анализа (кристаллическая структура, Д. Ходжкин). Грамицидин был испытан во фронтовых условиях в хирургии, однако впоследствии более детальное клиническое исследование выявило побочное действие антибиотика (гемолиз эритроцитов), послужившее причиной рекомендации ограничить его применение только в качестве наружного средства.

В теоретическом плане важной была статья Гаузе 1943 года «Борьба за существование у микробов на службе лечения ран»⁶⁰. Автор указывал на роль естественного отбора в возникновении антибиотиков и справедливо полагал, что к открытию ново-

⁵⁹ К 80-летию и 55-летию научной деятельности профессора Марии Георгиевны Бражниковой // Антибиотики и химиотерапия. 1993. Т. 38. № 7. С. 60–61.

⁶⁰ Гаузе Г. Ф. Борьба за существование у микробов на службе лечения ран // Усп. совр. биол. 1943. Т. 16. Вып. 5. С. 530–552.

го класса лекарств привели исследования по борьбе за существование у микроорганизмов. З. Ваксман выступил с резкой критикой этих представлений⁶¹. Гаузе, возражая Ваксману⁶², соглашался с тем, что все многообразие форм борьбы за существование между микроорганизмами нельзя сводить только к антибиотическим веществам, но образование антибиотиков, тем не менее, является одним из элементов в сложных процессах этой борьбы. В том же году Гаузе выпустил в научно-популярной серии АН СССР работу «Лекарственные вещества микробов» (стенограмма публичной лекции).

2 июня 1947 года Президиум АМН заслушал письмо министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова о разработке проблемы антибиотиков и постановил обсудить с директорами соответствующих институтов вопрос об организации изучения антибиотиков в системе АМН за счет изъятия из плана или консервации менее важных проблем⁶³.

6 октября того же года на заседании Президиума АМН П. Г. Сергиев, директор Института тропической медицины, паразитологии и гельминтологии АМН СССР (бывшего Института медицинской паразитологии и тропической медицины НКЗ), сделал сообщение о работе Комиссии по организации лаборатории антибиотиков, была также утверждена и ее структура, предложенная Комиссией⁶⁴. 16 июля 1948 года в АМН был поставлен вопрос об объединении Лаборатории антибиотиков Института малярии и группы сотрудников из Лаборатории антибиотиков Института микробиологии и эпидемиологии⁶⁵. 28 июля Бюро Президиума АМН, рассмотрев вопрос об организации лаборатории антибиотиков по докладу проф. Г. Ф. Гаузе и члена-корреспондента АМН З. В. Ермольевой, приняло решение организовать лабораторию в составе двух отделов — биологического и экспериментально-физиологического — в составе Института биохимии АМН СССР (впоследствии Института биологической и медицинской химии АМН СССР)⁶⁶. Решение было реализовано только 2 августа 1949 года, когда Бюро Президиума АМН вновь вернулось к этому вопросу и утвердило структуру лаборатории в составе трех отделов — биологического, экспериментальной физиологии и химического — со штатом в 54 единицы, назначив исполняющим обязанности заведующего Г. Ф. Гаузе⁶⁷.

Согласно отчету лаборатории за 1949 год в нее входили 3 рабочие группы: 1) группа микробиологии (руководитель профессор Г. Ф. Гаузе), которая вела изыскание продуцентов новых антибиотиков, 2) группа биохимии (руководитель ст. научный сотрудник М. Г. Бражникова), проводившая исследовательскую работу по выделению активных действующих начал новых антибиотиков и по их получению в химически чистом виде, 3) группа химиотерапии (руководитель ст. научный сотрудник В. А. Шорин), занимавшаяся изучением токсичности, фармакологического действия и лечебных свойств новых антибиотиков на различных моделях⁶⁸.

⁶¹ Ваксман З. Антибиотики, их природа, получение и применение. М., 1946.

⁶² Гаузе Г. Ф., (рец.) Ваксман З. Антибиотики, их природа, получение и применение. М., 1946 // Сов. книга. 1946. № 12. С. 56–57.

⁶³ АРАМН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. Л. 94.

⁶⁴ Там же, л. 203.

⁶⁵ Институт микробиологии и эпидемиологии МЗ РСФСР, в 1949, переданный МЗ СССР и удостоенный имени почетного академика Н. Ф. Гамалея (см. ниже). АРАМН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 112.

⁶⁶ АРАМН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 255. Л. 181, 182.

⁶⁷ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 94. Л. 119.

⁶⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 613. Л. 164–166. Всесоюзный научно-исследовательский институт по изысканию новых антибиотиков: проспект. Гл. ред. Г. Ф. Гаузе. М., 1978.

В соответствии с распоряжением СМ СССР № 14114-р от 23 октября 1953 года на заседании АМН 18 ноября того же года было принято решение организовать Институт по изысканию новых антибиотиков на базе сектора антибиотиков Института фармакологии, экспериментальной химиотерапии и химиопрофилактики и бывшей Лаборатории антибиотиков АМН СССР. На новый институт возлагались: 1) изыскание новых антибиотиков, образуемых микроорганизмами, эффективных для лечения и профилактики бактериальных и вирусных инфекций; 2) разработка методов получения новых антибиотиков с целью испытания их лечебного действия, испытание лечебных свойств новых антибиотиков на экспериментальных моделях.

Таким образом, в структуре академического института были заложены все основные направления исследований природных антибиотиков.

Временным исполняющим обязанности директора института был назначен С. Д. Юдинцев, легендарный декан Биологического факультета МГУ и все еще кандидат биологических наук, уволенный с поста по итогам сессии 1948 года еще до общего приказа министра высшего образования С. В. Кафтанова. В 1960 году Юдинцева сменил Гаузе, бывший до этого его заместителем. В 1961 году заместителем директора по научной работе становится ученица Гаузе — Т. П. Преображенская, известная своими работами в области эколого-географических закономерностей в распространении актиномицетов-антагонистов, классификации и систематики актиномицетов.

Значимость проблемы исследований позволяла привлекать к работе в институте нужных специалистов без оглядки на их анкетные данные. Такими специалистами были, в первую очередь, сами научные руководители — Юдинцев и Гаузе, занимавшие достаточно твердую позицию в отношении лысенковской биологии в сталинское и послесталинское время. Напомним, что акции осени 1948 года, вызванные установкой на неуклонное проведение в жизнь решений августовской Сессии ВАСХНИЛ в АМН СССР, обрушились не только на представителей теоретических дисциплин, относившихся к Отделению медико-биологических наук, но также, хотя и в меньшей степени, и на учреждения Отделения гигиены микробиологии и эпидемиологии, в которую входили тогда еще лишь юридически оформленная Лаборатория антибиотиков, и Отделения клинической медицины. На расширенном заседании Президиума АМН СССР 9–10 сентября 1948 года были «разоблачены проявления кейсманнстско-морганистских извращений» в учреждениях системы АМН. Профессор Гаузе был обвинен в проведении идеалистических взглядов, как в вопросах общей биологии, так и в вопросах микробиологии, и освобожден от руководства лабораторией⁶⁹. Если бы не заинтересованность правительства в исследованиях антибиотиков, то Гаузе ждала более суровая судьба и ему пришлось бы искать работу не только вне АМН, но и вне науки⁷⁰. В реальности отстранение оказалось временным, и современники склонны были видеть в этом не просто счастливый случай, а проявление профессиональной защищенности Гаузе, так же как и Шорина, положение которого тоже могло оказаться под ударом. Крупный паразитолог, в прошлом сотрудник Пастеровского Института в Париже, он по

⁶⁹ Цит. по: Б. Ш. Нувахов, И. Е. Карнеева, Ю. А. Шилинис. История, хронология и динамика структуры Российской Академии медицинских наук. М.: Медицина, 1995.

⁷⁰ Об этом же эпизоде упоминает, со слов М. Г. Бражниковой, Я. М. Галл. См.: Yasha M. Gall, Mikhail B. Konashev. The discovery of Gramicidin S: the Intellectual Transformation of G. I. Gause from Biologist to Researcher of Antibiotics and on its Meaning for the Fate of Russian genetics // Hist. Phil. Life Sci. 2001. V. 23. P. 137–150.

личному желанию репатрировался из Франции в 1946 году⁷¹, был принят в Институт малярии и, примкнув к лаборатории Гаузе, успешно работал в дальнейшем в области антибиотиков несколько десятилетий.

В ходе идеологических кампаний 1948–1952 годов был реорганизован, активно участвовавший в решении проблемы антибиотиков ВНИХФИ им. С. Орджоникидзе, являвшийся отраслевым институтом Главхимпрома. В процессе реорганизации, вызванной, как сообщалось, необходимостью иметь в АМН СССР Институт фармакологии и экспериментальной терапии (1952) для широкой разработки экспериментальной, и в том числе лекарственной, терапии патологических состояний, перестройке были подвергнуты (на этот раз в свете решений Объединенной (Павловской) сессии АМН СССР и АН СССР) академические Институт нормальной и патологической морфологии (1944–1952) и Лаборатория по разработке проблемы введения лекарственных веществ непосредственно в центральную нервную систему (1946–1948). Историки медицины считают, что в этих событиях проявилось намерение скрыть политическую акцию в науке объективными причинами, так как клиническая медицина действительно остро нуждалась в изыскании новых лекарственных средств как синтетического, так и биогенного происхождения, но в процессе реорганизации научных учреждений из лабораторий были удалены специалисты, не поддержавшие борьбы против «вирховианства» и «анато-локалистического направления в медицине»⁷². На решение комплексной проблемы антибиотикотерапии, успешное развитие которой возможно только в тесном сотрудничестве медиков с биологами и химиками, разрушение установившихся профессиональных творческих связей и их ограничение, вызванные перестройкой учреждений, оказывали негативное влияние.

В ходе политической кампании конца 1940-х годов пострадала и член Комиссии по антибиотикам, академик АН СССР Л. С. Штерн, разработавшая метод введения антибиотиков (стрептомицина и пенициллина) непосредственно в центральную нервную систему для лечения заболевания, считавшегося смертельным — менингита у детей. 11 августа 1948 года она была освобождена от обязанностей директора Института физиологии АН СССР. Ее положение усугублялось обвинениями в космополитизме, которые прозвучали во время обсуждения результата ее работ на заседании Правления Московского общества физиологов, биохимиков и фармакологов и Бюро ОМБН АМН СССР, состоявшемся 6, 12 и 19 октября 1948 года. Руководимая ею Лаборатория, основным направлением исследований которой было изучение влияния изменений непосредственной среды органов и тканей на деятельность организма как в эксперименте, так и в клинике, была переведена в подчинение МЗ СССР, а затем перепрофилирована⁷³.

Л. С. Штерн, физиолог с мировым именем, защищалась не только от профессиональных, но и от идеологических и политических обвинений. На открытом заседании Общества присутствовали и выступали в ее защиту родители излечен-

⁷¹ Архив РАН. Личное дело В. А. Шорина. Как вспоминают, со слов В. А. Шорина, сотрудники Института, история его возвращения неординарна. Он сопровождал В. М. Молотова в качестве гида в прогулке по Парижу, был взят им в личный самолет и так, как был на прогулке в жаркий день — налегке, прибыл в Москву в сопровождении министра иностранных дел и без проблем прошел процедуру репатриации. Т. А. Преображенская, 2001; Ю. В. Дудник, 2003, частные сообщения.

⁷² Нуахова Б. Ш., Карнеева И. Е., Шилинис Ю. А. История, хронология и динамика структуры Российской Академии медицинских наук. М.: Медицина, 1995. С. 133.

⁷³ Там же. С. 114–115.

ных ею детей. На упрек в отсутствии советского патриотизма, высказанный ей аспирантом, Штерн ответила, что, приехав в СССР из Швейцарии только в 1925 году, она чувствует себя советским человеком в большей степени, нежели все присутствующие в зале, поскольку они стали советскими людьми только потому, что здесь родились, а она, Штерн, сделала свой выбор сознательно... Комиссия Отделения медико-биологических наук тщательно подготовила разгром работ Штерн и ее ближайших сотрудников, профессоров Г. Н. Кассиля и Я. А. Росина. Председателем комиссии был фармаколог М. П. Николаев, в работе комиссии участвовал академик-секретарь ОМБН АМН СССР и председатель Общества И. П. Разенков. Основной доклад «Критика научной концепции акад. Л. С. Штерн» сделал профессор А. Б. Бернштейн. Он «выявил основные ошибки» Штерн и ее сотрудников, «приведшие к вредным последствиям для медицинской науки и практики здравоохранения»⁷⁴. Судьбу Штерн решил более громкий политический процесс: как член Еврейского антифашистского комитета, образованного в годы войны, она была арестована по делу ЕАК в 1949 и только после трехлетнего заключения на Лубянке и ссылки в Дзямбул смогла в 1954 году вернуться к работе, возглавив отдел физиологии Института биофизики АН СССР⁷⁵.

Программа двух академических центров — Института по изысканию новых антибиотиков АМН СССР и Института микробиологии АН СССР — включала фундаментальные исследования по физиологии и биохимии продуцентов (селекцию и отбор наиболее продуктивных), исследования механизма действия антибиотиков на микробные клетки и, частично, на животные клетки в культурах, оставляя проблему влияния антибиотиков на макроорганизм специализированным медицинским институтам и лабораториям.

К работе по анализу структуры антибиотиков, их классификации, созданию полусинтетических и синтетических антибиотиков и их аналогов, было привлечено большое число специалистов Институт органической химии (ИОХ) АН СССР, Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института (ВНИХФИ), научно-исследовательского института полупродуктов и красителей (НИОПИК), а также МГУ, ЛГУ, Московского института тонкой химической технологии (МИТХТ), Военно-медицинской Академии им. С. М. Кирова и других учреждений. В 1960-е годы лидером направления стал Институт химии природных соединений (ИХПС) АН СССР под руководством М. М. Шемякина.

Шемякин оценил важную практическую роль антибиотиков и большое теоретическое их значение буквально в первые годы их появления. В конце Великой Отечественной войны он начал работы по изучению химии пенициллина и предпринял попытки синтеза оксазалонов (азлактонов), которые в тот период рассматривались как близкие пенициллинам вещества. В 1948 году Комиссия по антибиотикам рассматривала синтетический вариант пенициллина, полученный в лаборатории Шемякина. Производство природного продукта, несмотря на проблемы контроля направленности синтеза пенициллинов в культурах, было признано более экономичным и везде в мире преобладал биогенный синтез. Даже пенициллиновая кислота (6-АПК), на основе которой создавались варианты препарата, была получена не синтетически, а ферментативным гидролизом природного пенициллина (фирма Bayer, ФРГ, 1959). Химический синтез в те годы имел успех в производстве одного

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-9120. Оп. 2. Д. 3818.

⁷⁵ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Ред. В. П. Наумов. М.: Наука, 1994. С. 376. (Публикация Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.)

из тетрациклинов — хлорамфеникола (или хлоромецитина⁷⁶, в советской фармакопее — *левомицетина*, продуцируемого *Actinomyces aureofaciens*), ставшего вторым после пенициллина объектом систематического химического изучения. Воспользовавшись опубликованными данными о структуре этого антибиотика, Шемякин с группой сотрудников разработал технологически удобный метод его синтеза, включающий стадию деления получающегося рацемата на оптически активные формы (1949, в открытой печати не публиковалось). Были найдены методы превращения оптически активного хлорамфеникола в аналоги, различающиеся по заместителям, изучение биологической активности которых позволило сделать ряд общих выводов о структурных особенностях молекулы антибиотика, необходимых для проявления активности⁷⁷. Метод был освоен промышленностью, хотя при решении вопроса о введении его возникли некоторые проблемы. Альтернативный метод синтеза был предложен группой химиков из Лаборатории экспериментальной химиотерапии (НИИ санитарно-химической обороны) под руководством В. С. Ханеня⁷⁸. Авторы альтернативного препарата под названием *синтомицина* ратовали за преимущество их препарата по причине меньшей стоимости его производства сравнительно с левомицетином Шемякина. Нужно отдать должное Фармакологическому комитету при УМС МЗ СССР, высказавшемуся решительно за левомицетин как лекарственную форму, изготовленную на основе индивидуального биологически активного изомера на том основании, что его оптический антипод токсичен для человека. Рацемат (синтомицин) был принят только для наружного применения в виде мази (1950). Работа группы Ханеня была оценена положительно: его Лаборатория, преобразования которой в институт он добивался через ЦК КПСС, была переведена во ВНИХФИ, учреждение более высокой категории, что позволило увеличить заработную плату всему составу лаборатории⁷⁹.

Попытки химического синтеза антибиотиков предпринимались в Академии наук СССР (лаборатория И. Л. Кнунянца, Институт элементоорганической химии АН СССР; М. П. Герчук, ИОХ АН СССР), на химическом факультете МГУ (лаборатория А. Н. Несмеянова), но практического применения разрабатываемые методы синтеза не нашли.

История группы, затем Лаборатории Шемякина в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР, а с 1959 года — Института химии природных соединений (ИХПС) АН СССР⁸⁰, представляет специальный интерес как часть истории становления в стране такой продуктивной области экспериментальной науки как биоорганическая химия (или химия природных соединений), основное содержание которой составили исследования связи структуры органических соединений, встречающихся в объектах живой природы, с их биологической функцией.

⁷⁶ Название отражает структуру и происхождение антибиотика — «хлорсодержащее вещество из гриба».

⁷⁷ Хохлов А. С. Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности // Михаил Михайлович Шемякин (1908–1970). Материалы к биографии ученых СССР. Сер. химических наук. вып. 65. М.: Наука, 1978. С. 11–25.

⁷⁸ Ф. С. Ханеня, лауреат Сталинской премии, в период Великой Отечественной войны, когда из-за отсутствия сырья (ацетанилида) был практически прекращен выпуск сульфамидов — единственных средств борьбы с инфекциями в то время, нашел новый вид сырья (фенилуретилан), разработал и внедрил метод его производства.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 348. Л. 46–53; 61–64.

⁸⁰ В настоящее время Институт биоорганической химии им. М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова РАН.

Доклад Шемякина на Менделеевском съезде 1958 года произвел сильное впечатление на аудиторию и привлек в проблему множество молодежи. Антибиотики становились объектом исследований, на которых были выполнены фундаментальные работы по структурной органической и функциональной биологической химии. В ИХПС со временем объединились талантливые химики трех поколений — от М. М. Шемякина и Л. А. Щукиной, получивших специальное образование во второй половине 1920-х — 1930-е годы, и выпускников вузов конца 1940-х (М. Н. Колосова, М. Ю. Фейгиной, А. С. Хохлова) до выпускников новых кафедр биоорганической химии, молекулярной биологии и биотехнологии второй половины 1960-х — 1970-х годов. О личности Шемякина оставлено не так много письменных воспоминаний, но в памяти многих «Мих-Мих», как его коротко называли подчиненные, был эталоном, с которым сравнивали и продолжают сравнивать последующее руководство института как в отношении таланта организатора научных коллективов, так и эрудиции и несравненного чутья специалиста в области тонкого органического синтеза. Один из его сотрудников, молодость которого, по его собственному заключению, была бурной «именно из-за этого неумного человека», — А. М. Шкроб, прославившийся пионерскими исследованиями компонентов клеточных мембран, — уверяет, что Шемякин был бы идеальным объектом для науковеда, изучающего, как влияет эмоциональность руководителя на жизнь коллектива. Сфера его научных интересов непрерывно расширялась, и больше всего он боялся остановиться на достигнутом, «искать под фонарем»⁸¹. Доминантой его личности была преданность делу, ради которого он не жалел ни себя, ни других. Наверное, это было веянием времени, сурового послевоенного выживания и хрущевской «оттепели», сопровождавшейся большим интересом к научным исследованиям, которым, в целом, отводилось немалое место в развитии страны, а области изучения антибиотиков, признававшейся стратегически значимой и имеющей отношение к обороне страны, тем более. В широком смысле речь шла не об установлении структуры и не о синтезе химических соединений, как бы сложны они ни были, а о стремлении понять, почему именно так Природа сконструировала эти соединения, и как такие конструкции взаимодействуют, реализуя биологическую функцию. Химия собственно антибиотиков в институте была представлена Лабораторией Шемякина, образованной на основе предшествовавшей ей лаборатории в Институте биологической и медицинской химии, к которой в 1959 году при образовании ИХПС АН СССР была присоединена аналогичная лаборатория Института органической химии (ИОХ) АН СССР, а также группой (лабораторией) выделения и очистки (под руководством А. С. Хохлова), лабораторией биологических испытаний, лабораторией химии пептидов (под руководством Л. А. Щукина) и увеличивавшимся числом исследовательских групп ставших позднее известными химиками Л. Д. Бергельсона, В. К. Антонова, М. Н. Колосова и других. Большинство природных антибиотиков представляют собой смесь близко родственных веществ и их разделение представляет собой специальную задачу, которая сочетается с проблемой выбора условий культивирования продуцентов, направляющих их биосинтез, тестирования биологической активности на клеточных и животных моделях. Решение комплексных задач от наращивания продуцента до установления строения химически чистого соединения с антибактериальной или противоопухолевой активностью требовало объединения специалистов разных профилей, которым свойственен разный стиль работы, что создавало определенные, не всегда преодолимые трудности. Образцом такого рода исследований

⁸¹ Шкроб А. М. Время Шемякина // Знание-сила. 1996. № 2. С. 44–55.

стали: установление структуры и синтез хлорамфеникола; разработка принципиальной схемы полного синтеза тетрациклина и его осуществление, в котором группа Шемякина опередила группы под руководством лауреатов Нобелевской премии Р. Вудворда, Д. Бартона и профессора А. Муксфельдта⁸²; синтез токсичного, но интересно в исследовании депсипептидного антибиотика валиномицина⁸³ и исследование механизма действия других мембрано-активных антибиотиков.

Надо отдать должное дальновидности Шемякина, стремившегося создать и развить в стране «самые плодотворные», как отмечает Шкроб, направления современной химии. Кроме того, он сумел-таки «повернуть химиков лицом к биологии». «Кто скажет, что ему это не удалось?», — пишет Шкроб⁸⁴. Добавим, «при активной поддержке директора Института физико-химической и радиационной биологии В. А. Энгельгардта», благодаря настойчивости которого в 1959 году были образованы оба института.

В АН СССР в конце 1959 года, в пору оживления надежд на возможность преодоления влияния «лысенковской» идеологии на отечественную науку, разрабатывался план развития исследований по проблеме «Химия биологически активных соединений на 1960—75 гг.», химия природных и модельных биологически активных соединений определялась при этом как «фундамент, без которого невозможно успешное развитие кардинальных проблем естествознания». Предполагалось, что в ближайшее 15-тилетие эта область химии, особенно область химии биогенных полимеров, должна стать одним из ведущих разделов органической химии, так как она определяет развитие всех основных дисциплин медико-биологического цикла, а также оказывает сильное влияние на решение многих важных практических вопросов здравоохранения, сельского хозяйства, ряда отраслей промышленности⁸⁵. Эти ожидания были обоснованы, и в полной мере, оправдались. В направлении химии антибиотиков, как части этой области фундаментальной науки, было сделано достаточно много и в предшествующие десятилетия, в том числе и для создания научной основы производственных технологий.

Важное практическое значение антибиотиков стимулировало интенсивные поиски новых антибиотиков. В результате был накоплен огромный фактический материал, который требовал соответствующей классификации. Были предложены разные системы классификации: по биологическому происхождению (по типу продуцента), по характеру биологической активности и т. п. Решающий вклад в классификацию антибиотиков по их химической природе был сделан благодаря публикации монографии М. М. Шемякина и А. С. Хохлова «Химия антибиотических веществ» (1949; 1953) и двухтомной монографии (1961, в соавторстве с коллективом сотрудников), в которых описывалось современное состояние химии антибиотических веществ. Сами авторы монографии решали, помимо научных и производственных проблем, задачу подготовки кадров. Хохлов в период работы руководителем отдела в Институте антибиотиков МЗ СССР проводил исследования по синтезу левомицетина (хлорамфеникола), модификации феноксиметилпенициллина, выделению полимиксина М, организовывал их производство, стал автором первого (синтетического) противоракового антибиотика сарколизина. М. Н. Колосов исследовал взаимосвязь структуры и функции левомицетина и в дальнейшем участвовал в при-

⁸² Михаил Михайлович Шемякин (1908—1970). Материалы к биографии ученых СССР. Сер. химических наук. вып. 65. М.: Наука, 1978. С. 15.

⁸³ Там же. С. 25.

⁸⁴ Шкроб А. М. Указ. соч. С. 52.

⁸⁵ АРАН. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 134. Л. 150—153.

оритетных исследованиях структуры тетрациклинов⁸⁶. Школа М. М. Шемякина, конечно, не ограничивается этими двумя именами, равно как и научные биографии обоих ученых не исчерпываются названными успехами и должны быть рассмотрены в специальной работе.

Разумеется, в отраслевых институтах — ВНИИА, ВНИХФИ, даже Институте по изысканию новых антибиотиков АМН СССР, обстановка носила не столь академический характер. Исследования здесь были ориентированы не на демонстрацию очередных достижений отечественной науки мировому научному сообществу, а на решение конкретных задач, связанных с обеспечением производства.

Главной задачей ВНИА МЗ СССР была разработка и внедрение производственных регламентов, контроль за ходом промышленного производства⁸⁷. Существенную роль сыграло приглашение в Институт таких крупных генетиков как С. И. Алиханян (генетика микроорганизмов) и А. А. Прокофьева-Бельговская (генетика и цитология животной клетки), для которых участие в актуальном направлении прикладной науки означало возможность сохранить профессию в сложнейший период гонений на классическую генетику после Сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

Архивные материалы позволяют проследить историю сотрудничества (и соперничества) двух названных головных институтов МЗ СССР в области исследования антибиотиков. В 1950—60-х годах в разработку проблемы включились новые институты. Отметим только Ленинградский научно-исследовательский институт антибиотиков (ЛНИИА), преобразованный из Кожно-венерологического института, специализировавшийся на разработке и клиническом изучении фунгицидных антибиотиков⁸⁸, и упоминавшийся выше Институт особо чистых веществ АН СССР (Ленинград), разрабатывавший методы очистки антибиотиков различной химической природы.

Антибиотики животного происхождения

Ко второй половине 1940-х годов уже были известны антибиотические вещества животного происхождения, прежде всего, лизоцим, ряд белков крови, обладающих бактерицидной и вирулицидной активностью, эритроин, экмолин. Авторы этих препаратов исходили из давнего предположения Н. Ф. Гамалеи, указавшего в 1877 году на антибактериальное действие животных тканей (вытяжки из ткани селезенки, печени, почек, зубной железы). В клиническую практику в 1946—47 годах были введены лизоцим (источник — яичный белок, который содержится также в слезах, мокроте слизистой носа, слюне, сыворотке крови, лейкоцитах, костном мозге, хрящах и тканях других органов животных) и экмолин, изолированный из молок осетровых рыб. Два последних препарата изучены и предложены в качестве терапевтических и профилактических Ермольевой и ее сотрудниками. Важной особенностью антибиотиков животного происхождения считают их способность сочетать антибактериальную активность с активированием защитных сил организма человека, что вызывает интерес клиницистов, так как увеличивает возможности

⁸⁶ Михаил Николаевич Колосов (1927—1985). Материалы к биографии ученых СССР. Сер. биохимия. № 13. М.: Наука, 1995. С. 6—18.

⁸⁷ *Навашин С. М.* Отечественному пенициллину 50 лет: история и прогнозы // Антибиотики и химиотерапия. 1994. Т. 39. № 1. С. 3—10; *Телегин Л. П.* 50 лет промышленности антибиотиков // Антибиотики и химиотерапия. 1993. Т. 39. № 1. С. 11—17; *Кузнецова С. М.* Государственный Научный Центр Антибиотиков (ГНЦА). 1997. Т. 42. № 5. С. 10—20.

⁸⁸ ЦГАНТД. С.-Петербург. Ф. 373. Д. 215.

применения препаратов для лечения и профилактики инфекций, особенно детских. Мягкое и щадящее действие лизоцима было высоко оценено в отоларингологии, особенно при лечении голосовых связок оперных певцов, в глазной клинике. Экмолин нашел широкое применение не только как антимикробное, но и противовирусное средство, впервые примененное для профилактики гриппа (снижение заболеваемости в 2–3 раза). Экмолин, как уже упоминалось, применялся в комплексной терапии, обладая способностью усиливать антимикробное действие антибиотиков и удлиняя время пребывания последних в организме человека, а также воздействовать на устойчивые формы микроорганизмов, препятствуя образованию форм, резистентных к пенициллину, стрептомицину, тетрациклину.

В 1946 году в разделе «*Терапевтические заметки*» журнала «*Педиатрия*» Л. А. Зильбер (Институт биологической профилактики инфекций⁸⁹) в соавторстве с Л. М. Якобсон (Инфекционная клиника Института педиатрии), опубликовали сообщение о новом антибиотическом веществе, испытанном в качестве профилактического и лечебного средства при дифтерии.

«При изучении механизма естественного иммунитета, — писали авторы, — у нас возникло предположение о возможной роли в механизме этой формы иммунитета веществ антибиотического типа. Если плесневые грибки приобрели в процессе своей эволюции способность вырабатывать антибиотические вещества (пенициллин и др.), то подобный же процесс, сопровождающийся образованием веществ антибиотического типа, мог иметь место и при эволюции животных организмов. Мы и пытались извлечь из животного организма подобные вещества»⁹⁰.

В качестве объекта были взяты белые крысы, маловосприимчивые к дифтерии. Было показано, что экстракты различных органов этих животных обладают бактериостатическим действием в отношении дифтерийного микроба. В поисках методов выделения веществ, обуславливающих это действие, авторы остановились на методике, использованной А. С. Кониковой при выделении из печени кролика и плаценты человека антибиотических веществ, активных в отношении кокковой группы, и выделили из различных органов крысы вещество, обладающее не только бактериостатической, но и бактерицидной активностью в отношении дифтерийной палочки, *B. brevis*, некоторых видов стафилококка и стрептококка. Изучение распределения вещества в организме показало, что оно содержится в эритроцитах. Анализу подвергли эритроциты людей, обезьян, быков, свиней, овец, кроликов, морских свинок и кур. Изучение роли вещества в иммунитете тех или других клеток организма, независимо от общей восприимчивости организма к данной инфекции, показало, что вещество оказалось плохо диффундирующим. На этом основании предположили, что при наличии его в одних тканях или клетках (что, вероятно, обуславливает их иммунитет), его может и не быть в других, следовательно, в восприимчивом к данной инфекции организме окажутся и иммунные к нему ткани и клетки, то есть речь идет о местном иммунитете.

⁸⁹ Л. А. Зильбер, выдающийся микробиолог, вирусолог, иммунолог и инфекционист, был трижды арестован по ложным обвинениям (1935; 1937; 1939). Вернулся в марте 1944 из заключения. Первые годы после возвращения в науку работал в Лаборатории микробиологии и иммунологии Института биологической профилактики инфекций и в Институте эпидемиологии и микробиологии МЗ СССР, в которых велись исследования антибиотических веществ.

⁹⁰ Педиатрия. 1946. С. 62.

Не дожидаясь окончания длительных опытов, имевших теоретическое значение, авторы продолжили изучение вещества, названного эритроном, учитывая его резко выраженное противодифтерийное свойство. Эритрин в высоком разведении (1:32 000) подавлял рост дифтерийной палочки; смесь нескольких смертельных доз палочки с эритроном в отношении 1:1 000 оказалась безвредной при введении под кожу морской свинки, в то время как контрольные животные погибали. Опыты с дифтерийным токсином, проведенные в ЦИЭМе Ю. В. Соловьевой, дали тот же эффект: полная нейтрализация при одновременном введении и в пробирке. Показано терапевтическое действие препарата и установлена его безвредность.

В клинике дифтерии, как известно, стоят две задачи: дезинтоксикация больного и борьба с бактерионосителем выздоровевших. Первое достигается введением больших доз сыворотки, что далеко небезразлично для больного. Дозировка сыворотки пропорциональна интенсивности местного процесса, после подавления местного очага прекращается поступление токсина и больной вступает в фазу клинического выздоровления. Эти показания использовали при оценке эффективности препарата. В клинике провели лечение 138 больных (дети в возрасте от 1 года до 12 лет), отработали методику и убедились, что применение эритроина сокращает срок лечения вдвое и выгодно отличается от лечения сывороткой. Во втором случае очищение зева больного от пленок идет медленнее, с эритроном же картина меняется через 1–2 суток. Динамика зависит от точности воспроизведения методик, индивидуальной особенности течения болезни, но всегда вдвое быстрее, чем при серотерапии. Abortивное течение местного процесса позволяло снижать сыворотку до 2 000 активных единиц (АЕ) при нетоксической форме — до 4 000 при токсической, при дифтерии зева и оперированном крупе — до 30 000. Используемые же при серотерапии дозы — 74 — 125 — 60 тысяч АЕ соответственно. В отчете НИИ Биологической профилактики инфекций за 1947 год подробно говорится об успехе поездки Л. Якобсон в Латвию для профилактики дифтерии с помощью препаратов эритроина⁹¹. Напомним, что речь идет о настойчивых попытках медиков обеспечить борьбу с инфекционными заболеваниями на огромной территории Союза, в первую очередь, на пострадавших от оккупации, в условиях более чем ограниченных возможностей первых послевоенных лет. Антибиотиков практически еще не было, так как их производство находилось в зачаточном состоянии⁹².

Среди документов архива И. В. Сталина В. Д. Есаковым обнаружен экземпляр журнала со статьей Л. А. Зильбера и Л. М. Якобсон об эритроине (ЖМЭИ, 1946, № 12.). В журнал вложена записка с лаконичной подписью «П.» , что означает «Поскребышев»: «Об эритроине. Статья Зильбера с изложением полного технологического процесса получения эритроина»⁹³.

В тексте статьи отчеркнуты синим карандашом абзацы, содержащие описание метода получения препарата (С. 5), определение его активности (С. 6) и выводы (С. 9). Внутри абзацев простым карандашом подчеркнуты отдельные слова, уточняющие детали метода.

⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 2. Д. 925. Л. 40.

⁹² УМС МЗ СССР 23.2.1948 подробно рассмотрел имеющиеся материалы о применении эритроина в медицинской практике, как положительные, так и отрицательные и принял следующее решение: «1. На основании произведенных клинических наблюдений над применением эритроина у больных дифтерией и бактерионосителей признать этот советский антибиотический препарат эффективным, могущим оказать существенную помощь в борьбе с дифтерией. 2. Ввести эритрин в широкую медицинскую практику для местного лечения дифтерии и для борьбы с бактерионосительством». РГАСПИ. Ф. 558. Д. 1612.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Д. 1612. Л. 1.

Учитывая обстановку весны 1947 года, когда в ЦК ВКП(б) готовился сценарий обвинения академика-секретаря АМН СССР В. В. Парина, профессоров Н. Г. Ключевой и Г. А. Роскина в шпионаже и антипатриотических поступках (варианты обвинения еще обсуждались) за передачу в США рукописи книги о препарате для лечения рака («КР», позже ставшего известным под названием «круцин»), понятно, что статья просматривалась Сталиным на предмет «утечки информации». Возможно, возникал вопрос и об авторах эритроина, так как Парин передал американским коллегам образцы двух советских препаратов — «КР» и эритроина. Можно только гадать, по какой причине злая судьба на этот раз обошла Зильбера, только весной 1944 года освобожденного из заключения, но, очевидно, что в выборе жертв и меры их вины последнее слово было за Сталиным. Ключева и Роскин были подвергнуты показательному общественному «Суду чести» (июнь 1947), Парин осужден Военной коллегией Верховного суда (февраль 1948)⁹⁴. Можно полагать, что решающее значение в «непривлечении» Зильбера имело признание значимости разрабатываемой им теории этиологии злокачественного роста. Не исключено также, что «вождь народов» был осведомлен о стойкости ученого, не сломленного тремя арестами, тюремным заключением и Печлагом, и не рассматривался идеологами в качестве возможного фигуранта для дачи признательных показаний.

16 ноября 1947 года на препарат «эритрин» было выдано авторское свидетельство.

В 1951 году состоялось совещание по новым антибиотикам, на котором Зильбер не присутствовал. А. И. Пантелеева из ЛГУ, выступая в дискуссии, сетовала на отсутствие связи между специалистами, работающими в разных городах по проблеме антибиотиков, и сообщила, что еще в 1949 году, во время конференции по белкам в Ленинграде, Зильбер просил заведующего университетской кафедрой микробиологии⁹⁵ Владимирова проследить, не обладают ли некоторые производные гемоглобина антибактериальными свойствами, как раз в связи с открытием эритроина. Удалось выяснить, что эритрин — это гемин, антибактериальная активность которого зависит от целостности пиррольных групп, в то время как пептидная часть гемоглобина инертна. Пантелеева предложила изъять термин «эритрин» из обращения и говорить о «бактерицидных свойствах гемина»⁹⁶.

Замечание об отсутствии контактов между специалистами справедливо и объяснимо требованиями секретности, которыми достаточно жестко ограничивались исследования биологически-активных соединений, особенно с учетом разыгравшейся в этот период шпиономании и кампании борьбы с космополитизмом.

Результаты дальнейшего подробного изучения эритроина были обобщены Зильбером и соавторами в статье 1953 года, выполненной в ЦИЭМе им. Н. Ф. Гамалея⁹⁷. Исследовалась связь химического строения производных гемина (гемин, бромгемин, иодгемин, ацетгемин, псевдогемин, протопорфирин, эфир протопорфирина, гематопорфирин) с их антибактериальной активностью. Было показано, что замена галлоида при железе и его отсутствие не влияет на антибактериальную активность, так же как и удаление железа. Гидрирование двух боковых цепей в при-

⁹⁴ Подробное исследование организации процесса см.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело «КР». Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: ИРИ РАН, 2001; *Krementsov Nikolai.* The Cure. A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War. London: Univ. Chicago Press, Ltd., 2002.

⁹⁵ Вероятно, это ошибка — кафедры биохимии (Е. Л.)

⁹⁶ АРАН. Ф. 199. Оп. 1. Д. 245. Л. 125.

⁹⁷ *Зильбер Л. А., Соловьева Ю. В., Волина Е. В. и Кравченко Н. А.* Об антибактериальном действии гемина и его производных // Биохимия. 1953. Т. 18. Вып. 1. С. 109–111.

сутствии железа и галлоида, также как и одной боковой цепи в отсутствие железа и галлоида лишает молекулу активности (гематопорфирин и ацетгемин). Псевдогемин (разорвана одна связь между пиррольными кольцами) лишен активности. Таким образом антибактериальной активностью (в отношении дифтерийной палочки и стафилококков, некоторых бактерий кишечной группы) обладает замкнутая структура, лишенная боковых цепей, но включающая двухвалентное железо. Гемин и эритрин несколько различаются по активности в отношении к различным бактериям, в каждом случае показывая достоверное подавление жизнеспособности бактерий. Что касается механизма действия, было показано, что эритрин угнетает активность дегидрогеназ, ферментов бактерий, которые переносят водород от окисляемого субстрата до окислителя, то есть нарушают у чувствительных к нему бактерий дыхание.

Работа, имевшая отношение не столько к поиску перспективных препаратов животного происхождения (хотя нельзя было сказать, что из микробных культур они более доступны) сколько к механизму естественного иммунитета, не была завершена. Продолжения не последовало, поскольку Зильбер, разрабатывавший с 1944 года вирусогенетическую теорию происхождения злокачественного роста, окончательно ушел в онкологию.

Противораковые и противовирусные антибиотики

Выступая в 1951 году на совещании по новым антибиотикам, З. В. Ермольева, обобщая материал по антибиотикам животного происхождения, подчеркивала, что роль антимикробных веществ как фактора естественного иммунитета была и остается руководящей. Среди направлений поиска первыми среди заболеваний называются рак и саркома, для лечения которых «до сих пор нет полноценных лекарств»⁹⁸.

Среди исследованных к тому времени биогенных антибиотиков удалось обнаружить около 20 веществ, обладающих несомненной способностью подавлять злокачественные опухоли в эксперименте на животных, но надежных нетоксических средств для *лечения* злокачественных опухолей человека среди них не было. Испытания такого рода веществ в качестве возможных лекарственных препаратов, продвигавшиеся с большим трудом, проводились в организованном в 1951 году Институте экспериментальной патологии и терапии рака (ИЭПТР) АМН СССР, директором которого стал приехавший в Москву из Горького пластический хирург Н. Н. Блохин⁹⁹.

На конец 1950-х годов в стадии клинической апробации в ИЭПТР были зарубежные препараты саркомицин, пуромидин и азасерин, но ввиду их высокой токсичности лечение приходилось быстро прерывать.

Принципиальные трудности поиска противораковых средств еще труднее преодолимы, чем в случае антимикробных. При изыскании антимикробных средств можно, в общем, рассчитывать на нахождение вещества, которое действует на биохимические процессы, важные для микроорганизма, но не играющие большой роли в жизни теплокровных животных и человека. Другой возможностью является избирательное подавление процесса, который, хотя важен и для микрооргани-

⁹⁸ АРАН. Ф. 199. Оп. 1. Д. 245. Л. 55.

⁹⁹ История института экспериментальной патологии и терапии рака, возникшего на базе Лаборатории биотерапии рака Н. Г. Ключевой после неоднократных попыток Минздрава прекратить разработку противоракового трипаносомного препарата, и сопутствовавшие этому обстоятельства см.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Указ. соч. С. 320–369; *Блохин М. Г.* Н. Н. Блохин — врач, ученый, человек. М.: Медгиз, 2001.

ма, и для человека, но осуществляется по-разному. В практике экспериментальной терапии рака найти вещество, которое было бы инертно по отношению к нормальным тканям, долго не удавалось. Испытывались, в большинстве случаев, цитостатики, являвшиеся, по существу, клеточными ядами. Направленный поиск стал возможен, когда, биологами были вскрыты механизмы ключевых процессов метаболизма тканей макроорганизма и достигнуто понимание природы злокачественного роста, с одной стороны, и химиками — связь структуры исследуемых соединений с их биологической активностью для прогнозирования возможных точек приложения в клетке, с другой¹⁰⁰.

В 1950-е годы никаких предположений относительно возможного механизма действия противоопухолевых препаратов практически не высказывалось. Речь шла только о чисто эмпирическом подборе схемы терапии и доз. Были и примеры удаchi такого подхода к проблеме. В экспериментальную клинику нового института входил синтетический препарат сарколизин, разработанный химиком-органиком А. С. Хохловым и специалистом в области химиотерапии рака Л. Ф. Ларионовым. Препарат показывал стабильную активность в отношении одного вида опухоли — семиомы (в последующие 15 лет спектр действия препарата был расширен). Однако современники, авторы советских обзоров, не называют этого и ряда других, уже проходивших испытания препаратов, как и незавершенную работу Ключевой над противоопухолевым препаратом биогенного происхождения — КР, нашедшую во второй половине 1940-х годов и возобновленную в обстановке глубокой секретности только в 1959. Этот препарат его авторы — Г. И. Роскин и Н. Г. Ключева — относили к антибиотикам животного происхождения (экстракт из клеток простейшего *Trypanosoma cruzi*).

Что касается противовирусных препаратов, то в рассматриваемое время к такому относили антибиотики тетрациклинового ряда и эритромицин, нашедшие применение против инфекций, вызываемых такими крупными вирусами, как возбудители трахомы, пситтаксикоза, орнитоза, венерической лимфогранулемы и атипичной пневмонии. Тетрациклины чаще использовались (и используются) для местного применения. Ряд антибиотиков, в эксперименте подавляющих развитие инфекций, вызываемых мелкими и средними вирусами (ряд отечественных препаратов против гриппа, японского энцефалита, полиомиелита), не дошел до клиники ввиду их токсичности (как ахромовиомицин, активный против японского энцефалита и еленин против полиомиелита).

В дальнейшем стало понятно, что противовирусные препараты по механизму действия должны быть блокаторами репликации, рибонуклеазами и т. д. Кроме того, противовирусные препараты должны быть рассчитаны на активацию иммунитета.

Антибиотики в животноводстве и пищевой промышленности

Специфика применения антибиотиков в различных областях ставила разные задачи: в медицине — побочное действие, проблема реабилитации после массивной антибиотикотерапии; в ветеринарии — тоже лечение; в животноводстве — применение в качестве кормовых добавок, так как стало известно, что некоторые антибиотики стимулируют рост животных; в растениеводстве — защита растений от грибных и бактериальных инфекций; в пищевой промышленности — применение в качестве консервантов.

¹⁰⁰ В 1984 А. С. Хохлов, выступая с лекцией на международном семинаре в Любляне, подробно разобрал этот вопрос.

Применение антибиотиков в ветеринарии, в животноводстве, в растениеводстве и в пищевой промышленности развивалось и контролировалось отраслевыми институтами ВАСХНИЛ и Министерства пищевой промышленности СССР.

Наращивание производства продуктов питания требовало увеличения заготавливаемого сырья. Это достигалось применением антибиотиков в животноводстве и птицеводстве для стимуляции роста молодняка кормовыми добавками с антибиотиками, борьбы с вирусными (чумой свиней, чумой птиц, бруцеллезом и туляремией) жвачных животных, сибирской язвой), желудочно-кишечными и другими инфекциями. Любопытно, что при сравнении эффекта от различных добавок к кормам птиц (цыплят, гусей и прочих), результат, аналогичный воздействию достаточно дорогих антибиотиков (пенициллина, стрептомицина, биомицина в индивидуальном состоянии и в смеси с эсмолином), был получен с продуктом отходов пенициллинового производства и настоем чайного гриба. Предполагалось, что, помимо витаминного комплекса, образующегося при сбраживании сахарозы в чайном настое «грибом» (в действительности симбиоз уксуснокислых бактерий и дрожжей), в среде культивирования накапливается не только витаминный комплекс, но и термостабильное антибиотическое вещество, которое действует на ряд микробов. Аналогичный факт обсуждался на одном из первых заседаний академической комиссии по антибиотикам в 1947 году (работа по культивированию гриба дальневосточного происхождения, для антибиотика предлагалось наименование «медузомицин», но практического применения эти препараты не нашли). Рассмотренные факты применения антибиотиков в животноводстве и птицеводстве отразили попытки ученых содействовать скорейшему решению продовольственной проблемы. При этом обсуждались вопросы применения антибиотиков в качестве консервантов — вводить ли препараты перед забоем скота, выдерживать ли туши после забоя, и проблема срока введения до забоя, исходя из возможной токсичности для людей. В резолюции совещания рекомендовано «все учесть и передать армии»¹⁰¹. Руководство работой осуществлялось Техсоветом Министерства промышленности продовольственных товаров совместно с Проблемной Комиссией по антибиотикам АМН СССР и Комиссией УМС МЗ СССР.

В 1960—70-е годы с углублением знаний о структуре и свойствах антибиотических веществ, сложилась другая область применения их в качестве реагентов для эксперимента в фундаментальной физико-химической биологии (ингибиторы метаболических процессов)¹⁰².

В связи с попытками синтеза антибиотиков и актуальностью проблемы поиска биологических (в том числе антибактериальных) активностей, с учетом военных программ оборонного значения, в 1958 году была предпринята попытка широко поставить проблему испытания биологической активности новых продуктов химического синтеза. В мире синтетическая органическая химия переживала подъем, в СССР крупные химические институты, как академические, так и прикладные, университетские кафедры, институты химии нефти и т. д. имели в своем распоряжении тысячи новых производных всех классов органических соединений. Спектр их возможного биологического действия необходимо было знать ввиду их возможного

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 2. Д. 2293. Л. 126. (апрель 1956).

¹⁰² Молекулярные основы действия антибиотиков. Ред. Г. Ф. Гаузе. Перевод с англ. Ю. В. Дудника. М.: Мир, 1975; четкое изложение механизмов действия антибиотиков различных классов с позиции их возможного использования в экспериментальной биологии приведено в современном справочном издании: Кольман Я., Рем К.-Г. Наглядная биохимия. Перевод с нем. Л. В. Козлова, Е. С. Левиной, П. Д. Решетова. М.: Мир, 2000. С. 250—251.

промышленного и бытового применения. В Постановлении СМ СССР от 23.9.54 говорилось: «Обязать МЗ организовать изучение новых продуктов химического синтеза, выявление биологических активностей». Эта работа вменялась в обязанность ряду институтов, но при неопределенности поставленных задач дело шло вяло. Конкретизация проблемы — испытание для применения в медицине и в качестве дезинфицирующих средств — не облегчила выбор организационных мер. В качестве головного учреждения был утвержден Институт фармакологии и химиотерапии АМН СССР, но в документах приведен весь список учреждений, занимающихся химсинтезом — он огромен¹⁰³. Приказ МЗ «О расширении работ по выявлению физиологически активных веществ новых продуктов хим. синтеза и использования их для создания медицинских и дезинфекционных средств» подписан в октябре 1958 года.

В 1959 году был образован академический ИХПС, в 1963 — Отделение биофизики, биохимии и химии физиологически активных соединений (ОББХФС) АН СССР, которому было поручено научное руководство не только академическими, но всеми профильными институтами, в том числе новым Институтом биологических испытаний химических соединений, широко задуманным межведомственным учреждением. Институт просуществовал до 1985 года (последние 20 лет им руководил Л. А. Пирузян).

К концу 1950-х годов в СССР была создана сеть специализированных институтов, не только обслуживавшая промышленность антибиотиков, но и решавшая крупные проблемы фундаментальной биологии и медицины. Задача создания промышленности антибиотиков, в основном, также была решена: в стране функционировали 12 заводов разной мощности (5 крупных заводов были построены за Уралом в 1958–61 годах), которые производили спектр бактерицидных и фунгицидных антибиотиков, поступивших к тому времени на вооружение медицины.

Работы велись и по созданию сильно токсичных антибиотиков с точки зрения возможного их использования против переносчиков особо опасных трансмиссивных инфекций. Кроме того, более токсичные препараты в малых дозах пытались применять в онкологии, в то время практически «вслепую».

Вместе с тем, на вопрос, обеспечивала ли отечественная промышленность потребности в антибиотиках, нужно ответить отрицательно. Отметим, что импорт препаратов до середины 1960-х годов был незначителен: фармацевтические фабрики ГДР и Венгрии, лидеров фармацевтического производства среди стран СЭВ, еще не набрали темпов, а торговые связи с западными фирмами были в стадии организации.

Необходимо подчеркнуть, что вопросы приоритета при исследовании антибиотиков не являлись главными, а методические и фундаментальные задачи не рассматривались как самоцель. Целью было решение проблемы стабильного производства ключевых для терапии инфекционных заболеваний препаратов. Для этого требовалось найти новые биологически активные вещества, выявить их структуру и предложить методы либо изоляции, либо синтеза. Эти задачи непреходящи хотя бы потому, что резистентность болезнетворной микрофлоры возникает практически сразу после введения антибиотика в медицинскую практику¹⁰⁴. Успех медиков в борьбе с природной изменчивостью микробов стал возможен в результате сочетания академических исследований с инженерными разработками, что позволило создать научную и технологическую базу отечественной промышленности антибиотиков, ставшую существенным фактором реального здравоохранения на многие десятилетия.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. А-8009. Оп. 2. Д. 2425. Л. 55–72.

¹⁰⁴ Антибиотики и оболочка бактериальной клетки // Итоги науки и техники. Сер. Биотехнология. Т. 31. Ред. Ю. О. Сазыкин и П. С. Навашин. М.: 1991.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ГЕНЕТИКИ НА РОДИНЕ И ЗА РУБЕЖОМ: НАУКА, КНИГА, ОБЩЕСТВО*

М. В. Konashev. Russian geneticists on the native land and abroad: science, book, and society. In XX century the Russian science appeared divided on a science simply Russian (Soviet) and a science of Russian (the same Soviet mainly) scientists abroad. In these conditions for the divided colleagues, and frequently also friends, special value was got with communication, that is correspondence. Essential and very important component of such correspondence invariably was the book. It was not only a subject of interest, discussion and an exchange, but also dialogue. Owing to the book and through the book contrary to all political and ideological barriers and to prejudices, Russian geneticists abroad and on the native land, in the USSR developed the science and developed as scientists and as persons

В XX веке отечественная наука, как и литература, оказалась разделенной на какое-то исторически, может быть, и короткое время на науку просто отечественную (советскую) и науку отечественных (тех же советских, главным образом) ученых за рубежом. Хотя ученые эмигрировали (временно или навсегда) и из царской России, в том числе и по политическим причинам, эмиграция после революции 1917 года¹, часто независимо от воли и желания самих эмигрантов приобрела тотально политический характер. В начале 1930-х годов был введен в употребление термин «невозвращенец», и именно тогда, а не раньше и не позже, ученых, как и многих других граждан СССР, разделили раз и навсегда на тех, кто «здесь», и тех, кто «там»². Одно из печальных следствий такого разделения заключалось в том, что люди, ставшие (иногда неожиданно для них же самих), как это произошло, например, с генетиками Ф. Г. Добржанским и Н. В. Тимофеевым-Ресовским, «невозвращенцами», становились ими подчас в абсолютном значении этого слова: дорога назад, на родину, была им закрыта³.

В этих условиях для разделенных коллег, а зачастую и друзей, особое значение приобретала переписка. Существенным и очень важным ее компонентом неизменно была книга. Она являлась не только предметом интереса, обсуждения и

* Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Проект № 02-03-18008а.

¹ Исторические события 1917 г. в России, приведшие к изменению старого социально-политического порядка и установлению нового, определяются и будут определяться по-разному. Тем не менее, для многих историков несомненно, что эти события были именно революцией, хотя ее временные и иные границы также остаются предметом обсуждения.

² *Генис В. Л. Невозвращенцы 1920-х — начала 1930-х годов // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 46—63.*

³ *Кошарев М. Б. Отечественные генетики за рубежом и советская генетика // Зарубежная Россия. 1917—1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 174—178. О случае Ф. Г. Добржанского см. подробнее: Кошарев М. Б. Ученый в разделенном мире: Ф. Г. Добржанский и становление биологии в начале века // Науковедение, 2000. № 3. С. 209—224. О ситуации с Н. В. Тимофеевым-Ресовским см.: Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. Ф. Тимофеева-Ресовского. Вступительная статья Я. Г. Рокитянского. Документы / Составители Я. Г. Рокитянский, В. А. Гончаров, В. В. Нехотин. М.: Academia, 2003.*

обмена, но и, как теперь принято говорить, духовной составляющей диалога, одной из стержневых мировоззренческих и культурных опор, предпосылкой, условием и символом осмысленной и одушевленной человеческой жизни. Благодаря книге и через книгу вопреки всем политическим и идеологическим барьерам и препонам, а также предрассудкам, отечественные генетики «там» и отечественные генетики «здесь» развивали свою науку и развивались сами как ученые и как личности. Определенную и достаточно точную картину той роли, какую играла в этом книга, позволяет получить переписка всемирно известного генетика-эволюциониста Ф. Г. Добржанского, находившегося с декабря 1927 года до конца жизни в США⁴, с рядом его коллег и друзей, оставшихся в СССР, в частности с В. В. Алпатовым, Ю. Я. Керкисом, Н. Н. Медведевым и другими⁵. Переписка была вынужденно прервана по политико-идеологическим причинам в середине 1930-х годов и восстановлена в конце 1960-х. Писем второго периода (после восстановления переписки) больше количественно и они богаче по содержанию. Добржанский обменивался со своими коллегами и друзьями отписками статей, информацией о новых книгах, самими книгами по специальности (по всем интересовавшим корреспондентов новым направлениям и актуальным проблемам), а также книгами вне круга непосредственных профессиональных интересов, рецензиями на книги (в том числе написанными самими корреспондентами). Устраивая коллегам подписку на некоторые иностранные издания, Добржанский, в свою очередь, получал отписки и книги от них, а также помощь в подписке на советские издания. Ему сообщали, часто в деталях, о планах написания статей, обзоров, рецензий, книг, а также о переводах и изданиях в СССР зарубежной литературы. В итоге поддерживался интенсивный и обширный, в первую очередь, профессиональный книгообмен. В начале 1970-х годов он стал особенно интенсивным.

Кроме того, в конце 1920-х — начале 1930-х годов книгообмен не включал книг (и статей в журналах) по гуманитарной тематике, в том числе художественную литературу, и, таким образом, практически не имел мировоззренческого оттенка. Когда переписка стала вновь возможной и была восстановлена, указанный аспект не только появился, но и подчас имел для корреспондентов большое значение. В целом, переписка, связанная с книгами, позволяет лучше и детальнее представить как творческие планы ее участников, так и их умонастроения, вкусы и взгляды, а также условия, при которых их планы и идеи осуществлялись или нет. Поскольку основные корреспонденты хорошо и давно знали друг друга и оставались друзьями, а в некоторых отношениях и единомышленниками, анализ переписки позволяет также уйти как от старых, зачастую насаждавшихся сверху, так и от новых мифов не только о советской науке и ученых, но и о советском обществе в целом.

⁴ О Ф. Г. Добржанском см.: *Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 56—71; Конашев М. Б. По ту и по эту сторону океана (Феодосий Григорьевич Добржанский: 1900—1975) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 1996. Вып. 1. С. 45—58.*

⁵ О переписке в целом см.: *Конашев М. Б. Переписка русских и американских генетиков в 1940—1960 гг. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2000 / Под ред. В. М. Орла. М.: ИИЕТ РАН, 2000. С. 437—438.*

Обмен оттисками и книгами

С просьбой о присылке оттисков работ, а также книг как самого Добржанского, так и самых разных других зарубежных авторов, к Ф. Г. Добржанскому обращались не только его старые друзья и коллеги, но и неизвестные ему молодые ученые. Среди них были В. В. Алпатов, В. В. Бабков, Л. Я. Бляхер, М. Д. Голубовский, Ю. Я. Керкис, Ю. И. Новоженков и другие⁶. При этом просьбы часто сопровождались высокими оценками вклада Добржанского в отечественную и мировую науку, а также указанием на то, для какой цели запрашивается то или иное издание и каким образом оно будет использовано. Так, последнее письмо Алпатова предвоенной поры от 14 августа 1931 года*, начинается с заверения о том, что он следит за научной работой Добржанского и восхищается ею. Сорок лет спустя, в письме от 26 марта (1971) тот же Алпатов писал, что прочитал присланный Добржанским очередной, третий том «*Очерков по генетике и эволюции*»⁷ и «порадовался успеху Вашему в жизни. Я не знаю никого из соотечественников, достигших такой славы за рубежом»⁸.

В письме от 11 мая (1972?) из Новосибирска Голубовский благодарил Добржанского за «*Генетику эволюционного процесса*»⁹, которую только что получил, и обещал: «Я ее прочту с большим удовольствием и буду использовать при чтении курса популяционной генетики в Новосибирском университете»¹⁰.

Бляхер в письме от 10 апреля (1972) из Москвы, выражая Добржанскому благодарность за ту же книгу, полученную накануне, оценивал ее так: «Не сочтите за пустой комплимент, но я действительно не знаю ничего равного в мировой генетической и эволюционной литературе». Естественно, он также не мог не отметить, как приятно было встретить в ней имена отечественных ученых: Н. И. Вавилова, И. И. Шмальгаузена, С. С. Четверикова, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Б. Л. Астаурова, Н. П. Дубинина, Г. Д. Карпеченко, Ю. А. Филипченко, В. В. Сахарова, Д. Д. Ромашова, Р. Л. Берг и других. По мнению Бляхера, хорошо было бы вспомнить также Н. К. Кольцова, П. Ф. Рокитского и А. С. Серебровского¹¹. Эти высокие оценки были связаны, прежде всего, с тем, что «*Генетика эволюционного процесса*» представляла собой синтез генетики и дарвинизма на качественно новом, по сравнению с 1930-ми годами, уровне. Об этом сам Добржанский писал Н. Н. Медведеву 16 января (1970): «Вы правы — пишу книгу "*Genetics of the evolutionary process*", вместо нового издания "*Genetics and the origin of species*". За 20 лет эволюционная теория так переменялась, что пытаться модернизировать старую книгу уже не стоило»¹².

Обоснования своим просьбам корреспонденты давали Добржанскому и тогда, когда он сам не был автором запрашиваемой книги. В письме из Новосибирска от 18 ноября (1974) Керкис писал:

«Мне бы очень хотелось иметь несколько книжек. В частности: последнее, кажется 3-е, издание Штерновой "*Генетики человека*" и какой-либо, считаемый в США в настоящее

⁶ APSL. B:D65. Th. Dobzhansky Papers.

* Далее годы отправления писем указаны в круглых скобках. — *Ред.*

⁷ *Dobzhansky Th.* (ed.) *Evolutionary biology*. Vol. 3. New York: Appleton-Century-Crofts. 1969.

⁸ APSL. B:D65. Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

⁹ *Dobzhansky Th.* *Genetics of the evolutionary process*. New York; London: Columbia University Press, 1970.

¹⁰ APSL. B:D65. Th. Dobzhansky Papers. Georgivsky A. B. (находилось в этом деле).

¹¹ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Blyakher [Blacher]. [1972].

¹² APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev N. [1930–1975].

время лучшим, учебник *общей* (выделено Керкисом. — М. К.) генетики, где в наиболее разумной форме сочетались бы классическая и молекулярная генетики с основами практического использования генетики в селекции. Наверное, есть у Вас что-нибудь подобное Вашему с Дзюном учебнику, сослужившему такую службу в свое время¹³. Это мне очень нужно для моей <педагогической> работы и для сравнения программы моего курса с принятой сейчас у Вас. Для других целей мне очень нужен Cold Spring Harbor'овский том за 1974 год¹⁴.

Помимо «Генетики эволюционного процесса» из книг Добржанского по эволюционной теории и генетике наибольшей популярностью, судя по переписке, пользовалась также монография «Эволюционирующее человечество»¹⁵.

Последняя удостоилась похвалы в первую очередь, просто потому, что была написана и опубликована раньше. Еще в письме от 10 февраля (1969) из Ленинграда И. И. Канаев хвалил эту книгу Добржанского¹⁶.

Обмен отгисками и книгами начался фактически сразу после того, как Добржанский в качестве стипендиата Международного фонда по образованию (Рокфеллеровский фонд) прибыл в лабораторию Т. Г. Моргана в Нью-Йорке. Первым получателем отгисков и книг от Добржанского был создатель и заведующий одной из первых в Европе и первой в России кафедры генетики Ленинградского университета, административный и научный руководитель Добржанского, его коллеги и друг Ю. А. Филипченко¹⁷, а в его лице и вся ленинградская школа генетиков¹⁸. Прежде всего, Добржанский посылал Филипченко отгиски своих статей, опубликованных в тот период в ведущих американских и немецких биологических журналах. Так, в письме к Филипченко от 4 октября (1929) из Пасадины Добржанский писал:

«Лечат у меня отгиски двух работ — из *Biolog[isches] Zentr[alblatt]* и из *Proceedings Nat[ional] Acad[emy of] Sci[ences]*. А в Ленинграде лежат не разосланные отгиски из *Archiv f[ür] Entwickl[ungsmechanik]*. Я буду просить Керкиса выслать мне их штук 100 сюда. А я пришлю ему и Вам по пачке “здешних” моих отгисков с просьбой раздать их

¹³ *Sinnot E. W., Dunn L. C., Dobzhansky Th. Principles of genetics. 4th ed. New York: McGraw-Hill, 1949.* Последнее, 5-е издание вышло в ботанической серии издательства МакГроу-Хилл: *Sinnot E. W., Dunn L. C., Dobzhansky Th. Principles of genetics. 5th ed. New York: McGraw-Hill, [1958] (McGraw-Hill publications in the botanical sciences).*

¹⁴ APSL. B:D65. Th. Dobzhansky Papers. Kerkis, [2 fold., 1969—75].

¹⁵ *Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species.* New Haven: Yale University Press, 1962.

¹⁶ APSL. B:D65. Th. Dobzhansky Papers. Kanaev. [1969—74].

¹⁷ О Ю. А. Филипченко см.: *Горощенко Ю. Л. Юрий Александрович Филипченко — основатель отечественной генетической школы // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 12—22.; Конашев М. Б. Редкое сочетание мужества, таланта и беззаветного служения науке и родине. Юрий Александрович Филипченко (1882—1930) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Вып. 2. СПб., 1998. С. 51—62; Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко, 1882—1930. М.: Наука, 1978; Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко // Выдающиеся советские генетики. М.: Наука, 1980. С. 88—100; Прокофьева-Бельговская А. А. У истоков отечественной генетики. К 100-летию со дня рождения Ю. А. Филипченко // Природа, 1982. № 2. С. 99—105; Adams M. Filipchenko, Iurii Aleksandrovich // Dictionary of scientific biography. New York: Charles Scribners Sons, 1990. V. 17. Suppl. 2. P. 297—303.*

¹⁸ О роли Ф. Г. Добржанского в становлении этой школы см.: *Конашев М. Б. Феодосий Григорьевич Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 29—36.*

ряду лиц в лаборатории, присовокупив к ним по одному из оттисков из Archiv [für] Entwick[lungsmechanik]¹⁹.

Примерно через две недели в письме от 16 октября (1929), тоже из Пасадины, он сообщил Филипченко: «Примерно неделю назад отправил большой пакет с оттисками уже напечатанного — для Вас и для других членов лаборатории»²⁰.

В ответ Филипченко посылал все, выходявшее из-под пера членов его школы, сотрудников кафедры и лаборатории. Например, в письме от 26 марта (1928) он писал: «М[ежду] пр[очим] Ч. I Дом[ашних] животи[ных] Семип[алатинской] губ[ернии]²¹ уже почти готова — вышла очень хорошо; скоро получите ее и несколько оттисков»²². Добржанский предложил также Филипченко приобретать необходимую научную литературу, а тот, в свою очередь, попросил Добржанского сделать подписку на несколько зарубежных генетических журналов²³. В результате, Добржанский оказал существенную помощь в комплектации рабочей библиотеки школы Ю. А. Филипченко необходимой научной периодикой, монографиями и учебниками, а также другими изданиями по специальности. В свою очередь, Добржанский получал от коллег с родины всю выходявшую новую литературу и, таким образом, держал руку на пульсе отечественной генетики и биологии в целом.

В получении оттисков и книг с родины не обходилось без проблем во взаимоотношениях как с коллегами, так и с государством. Следуя обычной практике, принятой среди ученых, Добржанский сначала посылал оттиски своих работ всем тем генетикам, которые работали по той же или близкой проблематике. Однако, не получив практически ничего в ответ от московских генетиков, принял решение ограничить список рассылки. В письме к Филипченко от 4 октября (1929) он, в частности, жаловался: «Например, граждане из компании Четверикова и Серебровского мне видно не посылают оттисков из принципа, хотя я им до сих пор посылал. Конечно, больше этого делать не стану»²⁴. Разумеется, оттиски своих работ он посылал и коллегам за рубежом, получая, в свою очередь, оттиски их работ. Часто такой обмен происходил напрямую во время посещения генетических лабораторий, кафедр университетов и участия в конференциях. В результате Добржанский возвращался из поездок с пополнениями личной библиотеки. Так, в письме от 2 июня (1929) из Остина (Техас), рассказывая Филипченко о визите к Пейптеру в Техасский университет, Добржанский отмечал: «Как бы то ни было, спорить иногда полезно — мы расстались друзьями, и я получил полный комплект его оттисков, из них два оттиска бывших у него в единственных экземплярах, не считая переплетенных в "полное собрание сочинений". Полное собрание сочинений имеется у каждого американца — по моему это очень удобно»²⁵. Другое письмо от 30 сентября (1929), написанное по дороге из Нью-Йорка в Чикаго, с сообщением о поездке в Колд Спринг Харбор для выступления там с докладом²⁶, Добржанский заключал: «В результате поездки в Cold Spring кроме приятных и полезных воспоминаний получил также огромнейшую кипу оттисков (Demerec

¹⁹ У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2000. С. 239.

²⁰ Там же. С. 241.

²¹ Домашние животные Семипалатинской губернии. Ч. I. Лошадь, марал. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.

²² У истоков академической генетики... С. 300.

²³ Там же. С. 142, 394–395.

²⁴ Там же. С. 240.

²⁵ Там же. С. 208.

²⁶ Ф. Г. Добржанский неоднократно ездил в генетический отдел Института Карнеги в Вашингтоне, в Колд Спринг Харборе, возглавляемый М. Демерецем.

отдал мне дублиеты оттисков из своей библиотеки, а Metz и Blakeslee дали по комплекту»²⁷. Это отягощает чемодан, но, конечно, весьма и весьма полезно»²⁸.

После внезапной смерти Ю. Ф. Филипченко весной 1930 года, когда школа осталась на какое-то время без научного лидера, Добржанский посылал оттиски и книги двум молодым ее членам, своим коллегам и друзьям — Ю. Я. Керкису и Н. Н. Медведеву, а также Т. К. Лепину и Я. Я. Лусу.

В числе корреспондентов Добржанского начала 1930-х годов, с которыми поддерживался книгообмен, были и два москвича: Н. П. Дубинин и В. В. Алпатов. Внимательно следивший за всей отечественной генетической литературой, Добржанский, в целом, довольно скептически относившейся к научной продукции школы А. С. Серебровского, сразу отметил работы Дубинина конца 1920-х годов и признал их определенную ценность, хотя и критиковал при этом автора. В письме к Филипченко от 9 марта (1929) из Пасадины Добржанский писал:

«Внимательно изучил произведения Серебровского и его учеников. Ох, Юрий Александрович, очень это подозрительная вещь. Но и хитро придуманная: явно его взгляды ни чему, или не многому, противоречат, но когда вдумаешься, то видишь, что это ужасная ерунда. А фактический материал этих самых Аголов и Дубининых уже совсем подозрительный. Я бы очень хотел побывать у него в лаборатории и посмотреть на все это собственными глазами»²⁹.

Вероятно, Добржанский имел в виду работы Серебровского и его учеников, опубликованные в книге «Труды Всероссийского съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10—16 января 1929 г.» Л.: Издание редакционной коллегии съезда. 1930. Т. 2.³⁰ В письме от 27 ноября (1929) из Пасадины Добржанский писал:

«Сегодня получил оттиск работы Дубинина — из Журнала Эксперимент[альной] Биологии»³¹. Прочел его и изумился. Что это Дубинин усумнился в правильности теории своего

²⁷ Demerec Milislav (1895—1966), американский генетик. В 1916 окончил сельскохозяйственный институт в Крисевцы. В 1923—1960 работал в генетическом отделе Института Карнеги в Вашингтоне, в Колд Спринг Харборе.; Metz Charles W., американский генетик, работал на экспериментальной биологической (эволюционной) станции в Колд Спринг Харборе в 1929; Blakeslee Albert Francis (1871—1954), ботаник, генетик. В 1896 окончил Уэслейнский университет. В 1912—1941 исследователь на экспериментальной биологической (эволюционной) станции Института Карнеги в Колд Спринг Харборе.

²⁸ У истоков академической генетики... С. 235.

²⁹ Там же. С. 174.

³⁰ См., например: *Серебровский А. С.* Проблемы и методы геногеографии // Труды Всероссийского съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде 10—16 января 1929 г. Л.: Издание редакционной коллегии съезда. 1930. Т. 2. С. 71—86. Другая работа А. С. Серебровского 1929 г. была опубликована уже после написания письма: *Серебровский А. С. и Дубинин Н. П.* Искусственное получение мутаций и проблема гена // Успехи экспериментальной биологии. 1929. Т. 8. Вып. 4. С. 235—247. Возможно, речь идет также о статьях, опубликованных ранее. См. например: *Дубинин Н. П.* Влияние последовательных оплодотворений на признаки потомства у *Drosophila melanogaster* // Журнал экспериментальной биологии. Сер. А. 1928. Т. 4. Вып. 2. С. 131—159.; *Серебровский А. С., Дубинин Н. П., Агол И. И., Сленков В. Н. и Альтшуллер В. Е.* Получение мутаций рентгеновскими лучами у *Drosophila melanogaster* // Журнал экспериментальной биологии. Сер. А. 1928. Т. 4. Вып. 3/4. С. 161—180.

³¹ *Дубинин Н. П.* Исследование явления ступенчатого аллеломорфизма у *Drosophila melanogaster*: 1. Аллеломорфы scute¹, scute², scute³ // Журнал экспериментальной биологии. Сер. А. 1929. Т. 5. Вып. 2. С. 53—85.

патрона, будто всякая мутация есть deficiency, или это сам патрон взялся за ум? Ведь работа того же Дубинина в *Biologisch[es] Zentralblatt* всего несколько месяцев тому назад заключала полный ассортимент перлов по этой части³². В таком же виде эта работа представляет собою нечто совершенно другое — нельзя ведь не признать, что открытое ими явление заслуживает самого серьезного внимания. Вообще, знаете ли Вы, что делается в этой лаборатории? Это меня очень интересует, т. к. все, что оттуда выходит, несет на себе печать какой-то смеси гениальности и сумасшествия»³³.

В письме к Филиппченко от 1 января (1930) из Пасадины Добржанский дал подробный критический разбор прочитанной им последней статьи Дубинина:

«Получил на днях рукопись Юлиа Яковлевича (Ю. Я. Керкиса. — М. К.), но еще не засел за ее перевод³⁴. <...> Во всяком случае, если его (Керкиса. — М. К.) будут ругать, то на это будет гораздо менее основа[ний], чем можно было бы разругать произведение Дубинина, вышедшее в редактируемом в некотором роде Вами «*Журнале Экспериментальной Биологии*»³⁵. Так как Вы вряд ли особенно вчитывались в эту работу, то скажу об ней пару слов. Открытое им явление несомненно глубоко интересно, и, вероятно, сыграет известную роль в выработке генетических представлений. С этой стороны работа важная и ею можно было бы гордиться — как ни как прогресс нашей русской науки. Но посмотрите, что делает автор с фактами, чтобы получить из них те выводы, которые ему желательны. Обратите внимание на стр. 82, где приводится серия «участков» для *scute*³, *scute*² и *scute*¹, при чем делается вывод, что каждая из этих мутаций захватывает только участки, лежащие рядом «по плану». Выпишите эти участки в ряд, и убедитесь в том, что в любой из трех комбинаций (*sc*³-*sc*¹, *sc*³-*sc*², *sc*²-*sc*¹) ничего подобного на самом деле нет — всюду резкие нарушения этой правильности! Еще лучше на стр. 71, где говорится, что у *scute*³ стерноплевральные щетинки отсутствуют, в то время как у *scute*¹ они имеются; посмотрите данные на таблице 15, из которой явствует, что у *scute*¹ эти щетинки отсутствуют в большем % случаев чем у *scute*³. Вот как иногда пишутся работы! А ведь у Керкиса все уж настолько ясно, насколько оно может быть ясным! По существу его работы я спокоен — надеюсь, она будет украшением коллекции работ вышедших из нашей лаборатории»³⁶.

В свою очередь Дубинин в письме от 2 мая (1936) писал Добржанскому, что с глубочайшим интересом следит за его работами и, более того, учитывает его критику собственных исследований: «С Вашими замечаниями по популяциям *Drosophila*, я совершенно согласен, в основном <мы> думали о них раньше, и конечно учтем в дальнейшей работе»³⁷. Хотя в архиве Добржанского это единственное письмо Дубинина 1930-х годов, его содержание показывает, что, скорее всего, между двумя генетиками велась достаточно интенсивная переписка, по крайней мере, до 1936 года включительно. В том же письме Дубинин сообщал, что на днях вышлет Добржанскому все свои последние оттиски и недостающие номера биологического журнала.

³² Dubinin N. P. Allelomorphentreppen bei *Drosophila melanogaster* // *Biologisches Zentralblatt*. 1929. Bd. 49. N. 6. S. 328–339.

³³ У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. С. 259.

³⁴ См.: *Kerkis J. The growth of the gonads in Drosophila melanogaster* // *Genetics*. 1931. V. 16. P. 212–224.

³⁵ Ю. А. Филиппченко был редактором журнала совместно с Н. К. Кольцовым. Кроме того, до 1930 вместе с последним он был и редактором другого биологического журнала — «*Успехи экспериментальной биологии*».

³⁶ У истоков академической генетики... С. 263–264.

³⁷ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Dubinin Nikolai Petrovich, [ca. 1968].

Со вторым московским корреспондентом, В. В. Алпатовым, зоологом и энтомологом, Добржанский познакомился и близко сошелся в США, где Алпатов как и Добржанский пробыл в качестве стипендиата Международного образовательного совета (Рокфеллеровского фонда) с лета 1927 до начала августа 1929 года на стажировке в лаборатории Р. Перля в университете Джона Гопкинса. В августе 1928 года Алпатов посетил лабораторию Т. Г. Моргана, о чем Добржанский так сообщал в письме к Филипченко от 8 августа (1928) из Вудс Холла: «Для три назад к нам приехал из Балтимора Алпатов, который проведет у нас неделю и с которым мы поведем быть может в Итаку на конгресс³⁸ и на Ниагару»³⁹. Во время этого посещения молодые ученые окончательно подружились. В том же письме Добржанский в частности писал: «С Алпатовым мы очень мило проводим время, он милейший человек и с ним можно поговорить как следует, вплотную, и вынести из этого разговора кучу удовольствия»⁴⁰. Вторая встреча состоялась летом следующего года во время поездки Добржанского по ряду биологических лабораторий, в том числе в лабораторию Р. Перля. По оценке Добржанского, именно в этой лаборатории талант Алпатова проявился в полную силу, о чем Добржанский также писал Филипченко в письме от 9 июня (1929) из Нью-Йорка:

«Приехал в Baltimore и провел день в лаборатории Peaгl'я. Сведения о ее роскоши и удобствах сильно преувеличены. Конечно, хорошая лаборатория, но ничего из ряда выходящего. По-моему, самое интересное из его работ, которые там делаются, это работа нашего дорогого В. В. Алпатова. Сам Peaгl видно ушел в писание всякого полупопулярно-получающего вздора, и будто бы работает по раку. Ну, не знаю, что у него выйдет с раком, т. к. не люблю, когда люди садятся не в свои сани. Думаю, что это чепуха. Кроме того — продолжительность жизни, почему-то у моллюсков, кроме того конституции у человека. Последние интересны преимущественно как грандиозное собрание сильно порнографических фотографий. Впрочем — опять-таки не ручаюсь, это ведь не моего ума дело. Только раньше Peaгl обещал больше интересного. По-моему, он в состоянии разложения. Алпатов же у него под крылышком расцвел и делает хорошие работы с дрозофилой и другими животными»⁴¹.

Алпатов был полон научных замыслов и планов, часть из которых, преодолевая самые разные трудности, ему удалось осуществить по возвращению на родину. Тогда же и началась переписка Алпатова с Добржанским⁴². В письме от 20 апреля (1930) Алпатов просил прислать книги и обещал сам их посылать⁴³. В другом письме, написанном, вероятно, весной или летом того же года, Алпатов вновь просил при-

³⁸ Имеется в виду 4-ый Международный энтомологический конгресс, который проходил в Итаке, США с 11 по 21 августа 1928. Кроме Ф. Г. Добржанского, В. В. Алпатова в списке зарубежных членов конгресса от России значатся: П. И. Адрианов, Н. Н. Богданов-Катков, Д. Н. Бородин, И. Н. Филипьев, Д. Н. Кашкаров, А. Б. Мартынов, В. В. Никольский, П. А. Зайцев, М. Н. Римский-Корсаков и И. А. Парфентьев. См.: Fourth International Congress of Entomology. V. I. Proceedings. Naumburg a/saale: Gotter, 1930. P. 43.

³⁹ У истоков академической генетики... С. 86.

⁴⁰ Там же. С. 87.

⁴¹ Там же. С. 209—210.

⁴² Первое письмо было послано В. В. Алпатовым с дороги, вероятно, в сентябре 1929. В письме он сообщал, что на следующий день утром будет в Москве, устал от гостиниц в Нью-Йорке, Париже и Берлине, и виделся в Берлине с Н. В. Тимофеевым-Рессовским. См.: APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930]

⁴³ Там же.

слать кое-что из книг и журналов⁴⁴ и сообщал о слухах, что к осени Добржанский вернется домой, и о том, что смерть Филипченко — ужасная потеря (Ю. А. Филипченко скончался 19 мая 1930 года). В предыдущем письме (также без даты) Алпатов благодарил Добржанского за присланные оттиски. В последнем письме предвоенной поры от 14 августа (1931) Алпатов сообщал, что отправил оттиски своей экологической лаборатории и просил подписать его на «*Science and Invention*» на полгода.

С середины 1930-х и до конца 1960-х годов в научном и человеческом общении Ф. Г. Добржанского с биологами на родине наступил вынужденный перерыв⁴⁵. Социально-политическая обстановка в СССР и США, особенно в разгар холодной войны, мягко говоря, не способствовала попыткам сохранения или возобновления этого общения. В те годы Добржанский был почти уверен, что его корреспонденты, скорее всего, погибли. Тем большую радость испытал он, узнав, что друзья и коллеги не только в добром здравии, но и продолжают трудиться на благо отечественной генетики, хотя и оказались разбросанными почти по всем отечественным генетическим центрам⁴⁶. Соответствующие сведения (и адреса) Добржанский получил из первых рук — от Ю. И. Полянского (с которым был знаком по Ленинграду еще до отъезда в США) на XV всемирном зоологическом конгрессе в Лондоне в 1958 году⁴⁷. С восстановлением переписки возобновился и книгообмен Добржанского с советскими исследователями, основными участниками которого теперь стали В. В. Алпатов, Ю. Я. Керкис, К. М. Хайлов, Ю. И. Новоженев, Л. Я. Бляхер, И. И. Канаев, В. С. Кирпичников, Г. Ф. Гаузе, Н. Н. Воронцов, Р. Л. Берг, М. Д. Голубовский, А. А. Любишев⁴⁸.

Добржанский часто по собственной инициативе посылал нужные книги, причем не только близким друзьям. Это мог быть как давно известный, так и совсем безвестный коллега. Так, письмо Б. Л. Астаурова от 14 Мая (1969) начинается следующим образом: «Дорогой Феодосий Григорьевич! Подозреваю, что это Вам я обязан за

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: *Конашев М. Б.* Ученый в разделенном мире: Ф. Г. Добржанский и становление биологии в начале века // *Науковедение*, 2000. № 3. С. 217–219. См. также: *Конашев М. Б.* Переписка русских и американских генетиков в 1940–1960 гг. // *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2000.* / Под ред. *В. М. Орла*. М.: ИИЕТ РАН, 2000. С. 437–438.; *Конашев М. Б.* Научные связи русских и американских генетиков в 20–30-е годы XX века: «нетрадиционное» измерение исторической судьбы? // *Плехановские чтения. Исторические судьбы России.* 29.05–30.05.1999 г. Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 93–96.; *Конашев М. Б.* Самоцензура отечественных генетиков и эволюционистов в переписке с зарубежными коллегами в 1930-е годы // *Историческая психология сталинизма и ее судьба. Тезисы международной научной междисциплинарной конференции.* Санкт-Петербург, 19–21 мая 1998. Под ред. чл.-корр. РАО проф. *В. И. Старцева*. СПб.: Минерва-2, 1998. С. 56–58.

⁴⁶ Сведения о судьбе генетиков школы Ю. А. Филипченко можно получить из биографических статей о них, указанных в «*Библиографии по истории отечественной генетики: 1986–2003*», в данном выпуске. См.: С. 398–413.

⁴⁷ Наряду с впечатлениями от конгресса и от встречи с соотечественниками эти сведения и адреса Ф. Г. Добржанский записывает в своем дневнике 16, 17–18 июля 1958. См.: APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

⁴⁸ См. соответствующие файлы (части) архива Ф. Г. Добржанского: APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930]; Kerkis. [2 fold., 1969–75]; Khailov K. M. [1970–74]; Novojenov, [1966–71]; Blyakher [Blacher], [1972]; Kanaev, [1969–74]; Kirpichnikov V. [1972–74]; Gause G. [1970]; Vorontsov N. N. [ca. 1973]; Berg, V [1969]; Babkov, Vasilii Vasil'evich, [1972–75]; Georgivsky A. B.; Ljubishev, [1971]; Unknown.

очень меня поразившую присылку издательством М.И.Т. нового издания книги Л. С. Берга. Если я догадался верно, искренне благодарю Вас за это»⁴⁹.

Естественно, что в переписке авторы писем часто давали оценки или комментарии как на сами полученные или отосланные книги, так и на те или иные события, связанные с их появлением на свет.

Литература по специальности

В первую очередь заслуживает внимания оценка биологами выпускавшейся в СССР специальной литературы. По мнению корреспондентов Добржанского хорошей биологической литературы выходило, в целом, мало. Наиболее крайней точкой зрения отличался Алпатов. В письме от 30 января (1970) он утверждал:

«По биологии выходит мало замечательного. Начинают печатать Серебровского. Вышли «Генетичес[еские] основы селекции животных и растений»⁵⁰. Скоро выходит «Генетический анализ»⁵¹. Вспоминая его, приходишь к выводу, что он был думающим и оригинальным человеком. <...> Р. С. Е. С. Смирнов напечатал книгу «Таксономический анализ». Понять ее никто не может так туманно изложен итог его жизни»⁵².

Тем не менее, все заслуживавшее, по мнению посылавших, внимания Добржанского все же высылалось, либо корреспонденты спрашивали о его желании иметь то или иное издание. Кроме того, Добржанского извещали об изданиях, еще только запланированных к выпуску, а также о случаях, когда издание, которое могло бы представлять интерес, приобрести не удалось. Посылка книг или извещение о их появлении или приобретении часто сопровождалось тем или иным комментарием или дополнительной информацией. Тот же Алпатов в письме от 21 сентября (1975?) извещал, что уже посылал Добржанскому письмо о выходе в свет книги В. И. Вернадского о времени и пространстве⁵³. Для Добржанского все работы Вернадского представляли особый интерес, поскольку Добржанский не только был с ним лично знаком, но и сотрудничал в научном плане в 1918–1919, 1921–1922 и 1924 годах, обмениваясь при этом письмами. Та часть переписки, которую удалось обнаружить в архивах, опубликована⁵⁴. Алпатов писал также, что поскольку болел, то не был уверен, что сможет купить книгу и послать Добржанскому. В письме от 29 октября (1971) из Цхалтубо (Грузия), Алпатов благодарил Добржанского за «хорошо выбранные книги. Они читаются мною с интересом и пользой» и сообщал: «Сейчас вышла в свет книга Бляхера «Проблема наследования приобретенных признаков»⁵⁵, всколыхнувшая воспоминание о 20-х годах, ламаркизме, Ваше

⁴⁹ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Astaurov V. L.

⁵⁰ Серебровский А. С. Селекция животных и растений. М.: Колос, 1969.

⁵¹ Серебровский А. С. Генетический анализ. М.: Наука, 1970.

⁵² APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

⁵³ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. В 2-х кн. Кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975.

⁵⁴ Из переписки Ф. Г. Добржанского с В. И. Вернадским // Природа. 1990. № 4. С. 91–96. См. также: У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2000. С. 11–19.

⁵⁵ Бляхер Л. Я. Проблема наследования приобретенных признаков. История априорных и эмпирических попыток ее решения. М.: Наука, 1971.

участие в дискуссии⁵⁶. Могу прислать!» В письме от 24 февраля (1973) из Москвы Алпатов писал: «На днях выходит том воспоминаний Л. С. Берга по эволюц. вопросам, включая "Номогенез"⁵⁷. Английское 2-е издание с Вашим предисловием⁵⁸ в Москве имеется». В письме от 13 августа (1973) из Москвы Алпатов писал: «Вышла книжка А. С. Серебровского "Некоторые проблемы эволюционной теории", законченная в рукописи в 1939 году и лежавшая без движения до сего года⁵⁹. Книгу Вам посылаю отдельным пакетом. Она устарела на 20 лет к моменту завершения рукописи». В письме от 29 сентября (1973) из Цхалтубо, где Алпатов отдыхал и лечился на курорте, он писал о книге тогда еще молодого ленинградского зоолога В. Б. Касинова⁶⁰, которую может прислать Добржанскому: «Касинов ученик нашего оригинального и вдумчивого зоолога Светлова⁶¹. <...> Книга очень широкого плана, великолепного охвата биологической мировой литературы, но автор скептически относится к попыткам моим и Гаузе⁶² связать морфологию организма с морфологией молекул-кирпичиков». В письме от 28 октября (1973) Алпатов сообщал, что в Москве появилась новинка — книга Н. В. Тимофеева-Ресовского в компании с молодыми авторами по популяциям⁶³, и если авторы ее Добржанскому не прислали, он берется прислать. В письме от 7 февраля (1974) из Москвы Алпатов писал, что издали еще одну книгу Майра по эволюции⁶⁴. По мнению Алпатова: «Книга хорошо написана, но автор ее, по-моему, типичная немецкая бездарность, ведь ничего нового он так и не придумал, а писать мастер»⁶⁵. При всей эпатажности высказывания Алпатова, в противовес которому, конечно же, можно было бы привести не одно прямо противоположное⁶⁶, у него были и свои, так сказать объективные, основания. К моменту выхода книги на русском языке Э. Майр, наряду с несколькими другими зарубежными биологами (Дж. Г. Симпсоном, Л. Стеббинсом, Б. Реншем, наконец, даже Ф. Г. Добржанским) считался в СССР «отцом-основателем» современной эволюционной теории или современного дарвинизма⁶⁷. При этом Майру повезло, возможно, больше всех других зарубежных эволюционистов: переводы именно его книг издавались в СССР достаточно регулярно и сравнительно вове-

⁵⁶ Добржанский Ф. Г. Что и как наследуется у живых существ? Л.: Госиздат, 1925; *его же*. К вопросу о наследовании приобретенных признаков // Преформизм или эпигенез? Вологда: Северный печатник, 1926. С. 27–47. О дискуссии между сторонниками и противниками ламаркизма в СССР см.: Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. С. 280–322.

⁵⁷ Вероятно, В. В. Алпатов имел в виду издание, появившееся 4 года спустя: *Берг Л. С.* Труды по теории эволюции. 1922–1930. Л.: Наука, 1977.

⁵⁸ *Dobzhansky Th.* Foreword // *Berg L. S.* Nomogenesis or Evolution Determined by Law. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1969. P. VII–X.

⁵⁹ *Серебровский А. С.* Некоторые проблемы органической эволюции. М.: Наука, 1973.

⁶⁰ *Касинов В. Б.* Биологическая изомерия. Л.: Наука, 1973.

⁶¹ Павел Григорьевич Светлов (1892–1974), зоолог, эмбриолог, зав. кафедрой генетики животных ЛГУ в конце 1940-х. и лаборатории эмбриологии, входившей в состав кафедры, проф., член-корр. АМН СССР.

⁶² Гаузе Георгий Францевич (1910–1986), биолог, эколог.

⁶³ *Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В.* Очерк учения о популяции. М.: Наука, 1973.

⁶⁴ *Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974.

⁶⁵ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

⁶⁶ См. например предисловие к самой книге: *Гептнер В. Г.* Предисловие к русскому изданию // *Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. С. 5–7.

⁶⁷ В соответствующих списках Э. Майр всегда занимал одно из первых мест.

мя. В целом больше всего было переведено именно его сочинений, хотя труды практически всех зарубежных ученых по эволюционной теории поступали в главные советские библиотеки. По-своему показательно, что когда появилась одна из самых объемистых книг Майра, посвященная истории эволюционной биологии, советские биологи хотели добиваться именно ее перевода⁶⁸. Данное утверждение основано на частных беседах как автора данной статьи, так и его старших коллег, в частности Я. М. Галла, А. Б. Георгиевского, Э. И. Колчинского с ведущими советскими биологами того времени: Н. Н. Воронцовым, М. С. Гиляровым, А. Л. Тахтаджяном, Ю. И. Полянским, В. С. Кирпичниковым и др.

В первой половине 1970-х годов большое внимание в переписке корреспонденты уделяли и книгам по истории их собственной профессиональной области — генетики и биологии в целом. В письме от 26 июня (1974) Алпатов сообщал, что встретил Н. Н. Медведева, одного из учеников Филипченко и самого Добржанского⁶⁹, и что Медведев пишет книгу о Филипченко⁷⁰, а также о скором выходе 2-го тома книги «История биологии. 20-й век»⁷¹. Оба тома, по мнению Алпатова, — непревзойденные отечественные справочники по истории биологии, опубликованные в XX веке. Эта оценка Алпатова осталась верной и после окончания столетия, в завершающей трети которого вообще не появилось ни одной книги учебного или справочного характера по истории биологии в целом на русском языке. Только в начале XXI века вышли два новых, но кратких учебных пособия по истории биологии⁷². В письме от 29 июня (1975) из Москвы Алпатов сообщал: «Готовится переиздание трудов Филипченко. Это хорошо! Для молодежи. Примечательных книг по биологии выходит мало». В письме от 28 августа (1975) из Болшево спрашивал:

«Выходит учебник “Генетика” — новое издание Дубинина⁷³. Прислать ли Вам его? Вам я давно ничего не посылал, так как не ходил по магазинам книжным во время моей болезни. <...> Р. С. Через 30 лет после кончины В. И. Вернадского вышел том его, посвященный философским проблемам “Пространство и время в естествознании”⁷⁴. Я его не купил, так как был в больнице. Боюсь, что теперь удастся сделать это с большим трудом. Тиражи книг Вернадского очень не велики, а его популярность велика».

Алпатов спрашивал Добржанского, послать ли ему этот том. Аналогичные запросы приходили к Добржанскому из Ленинграда от И. И. Канаева⁷⁵. В письме от 19

⁶⁸ *Mayr Ernst. The growth of biological thought. Diversity, evolution, inheritance. Cambridge (Mass.), 1982*

⁶⁹ См.: *Ватти К. В., Тихомирова М. М. Ленинградская генетическая школа // ВИЕТ, 1991. № 4. С. 27–34.; Конашев М. Б. Феодосий Григорьевич Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 29–36.*

⁷⁰ *Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко, 1882–1930. М.: Наука, 1978.*

⁷¹ *История биологии с начала XX века до наших дней. М.: Наука, 1975.*

⁷² *Юсуфов А. Г., Магомедова М. А. История и методология биологии. М.: Высшая школа, 2003; Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки (история биологии). Вып. 1, 2. / Ред.-составитель Э. И. Колчинский. М.: Янус-К, 2003.*

⁷³ *Дубинин Н. П. Общая генетика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1976.*

⁷⁴ *Вернадский В. И. Размышления натуралиста. В 2-х кн. Кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975. 174 с.*

⁷⁵ *Иван Иванович Канаев (1893–1984), генетик, историк науки. В 1918 окончил физико-математический факультет Петербургского (Петроградского) университета. В 1926—*

января (1970) тот спрашивал: «Известно ли Вам, что недавно вышло новое, второе издание "Проблем дарвинизма" Шмальгаузена, переработанное и дополненное?». В письме был и еще один вопрос: «Разрешите спросить Вас, что Вы могли бы посоветовать мне прочесть из новейших работ по вопросу о наследовании одаренности, талантов? Книгу Осборна я выписал и очень признателен Вам за ее рекомендацию»⁷⁶.

Добржанскому специально сообщали о тех книгах, в которых давались оценки его научной деятельности. В письме из Новосибирска от 29 сентября (1975) Керкис писал:

«Позавчера отправил Вам отдельным пакетом только что вышедшую из печати брошюру А. <Пехова> о социальном и биологическом в человеке⁷⁷. <Пехов> — один из молодых и новых идеологов и блкстителей порядка в биологии и генетике. Почитайте, найдете много интересных для Вас мест и лестные отзывы о Вашей персоне (!)⁷⁸. А Вы мне пишете, что "грехи не прощаются"! Диалектика, дорогой мой!»

Непосредственно лестные отзывы Добржанскому о его работах посылал один А. А. Любищев⁷⁹. В письме от 26 мая (1971) он, например писал, что недавно получил от друзей содержание отзыва о своей работе «Проблемы систематики»⁸⁰, который был написан Добржанским⁸¹, а также прочел предисловие Добржанского к новому английскому изданию «Номогенеза» Л. С. Берга⁸², и ему очень понравились слова Добржанского относительно Тейяр де Шардена в книге «Mankind

1930 аспирант при лаборатории экспериментальной зоологии и генетики. В 1929—1932. ученый секретарь ПЕНИ. В дальнейшем работал в Ленинградском университете, 1-м Ленинградском медицинском институте, 2-м Ленинградском институте, Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР, Институте физиологии им. И. П. Павлова. С 1957 в Ленинградском отделе Института истории естествознания и техники АН СССР.

⁷⁶ Скорее всего речь идет об одной из следующих двух книг: *Osborn F. Preface to Eugenics*. N. Y.: Harper, 1951., *Osborn F. (ed.). The Future of Human Heredity*. New York: Weybright & Talley, Inc. 1968.

⁷⁷ *Пехов А. П. Социальные проблемы генетики*. М.: Знание, 1975.

⁷⁸ В брошюре дается следующая оценка одной из книг Ф. Г. Добржанского: «После разгрома фашизма и окончания второй мировой войны казалось, что борьба вокруг расового вопроса несколько стихла. Преступления фашизма были так велики, что расисты некоторое время уже не решались широко выступать со своими взглядами. За рубежом даже стали появляться отдельные работы, которые имели выраженную антирасистскую направленность. Среди этих работ положительное значение имела изданная в 1946 г. книга Л. Данна и Т. Добжанского "Наследственность, расы и общество". В этой книге авторы довольно четко обосновывали положение, что смешивание в результате браков близких по своему происхождению рас не только не опасно биологически, но даже благоприятно. Что касается смешивания более отдаленных по происхождению рас, то, по Данну и Добжанскому, оно также определялось биологически безопасным». См.: Там же. С. 25.

⁷⁹ Любищев Александр Александрович (1890—1972), систематик, энтомолог, генетик, д-р с.-х. наук, проф.

⁸⁰ *Любищев А. А. Проблемы систематики // Проблемы эволюции*. Новосибирск: Наука, Т. 1. 1968. С. 7—29.

⁸¹ *Dobzhansky Th. The Parable of the Beast // Quart. Rev. Biol.* 1969. V. 44. P. 213—214.

⁸² *Dobzhansky Th. Foreword // Berg L. S. Nomogenesis or Evolution Determined by Law*. Cambridge: Mass. Inst. of Technology Press, 1969. P. VII—X.

*Evolving*⁸³. Возможно, эти оценки понадобились Любишеву, чтобы попробовать восстановить переписку с Добржанским. Далее в письме он писал, что поэтому (то есть имея такие оценки Добржанского) он решил еще раз напомнить Добржанскому о своем существовании и на днях послал наземной почтой ксерокопии четырех оттисков: 1) «Систематика и эволюция»; 2) «Проблемы систематики»; 3) «Далонология»; 4) «Об ошибках при применении математики в биологии», а также № 2 журнала «Природы» за 1971 год со своей статьей «Значение и будущее систематики»⁸⁴. Кроме того, оттиск английской работы о философских аспектах систематики⁸⁵ должны были выслать Добржанскому непосредственно из редакции журнала «Annual review of entomology»⁸⁶.

В свою очередь ряд отечественных изданий получил прямую похвалу Добржанского. В письме Медведеву от 29 мая (1975) Добржанский высоко оценил книгу «Очерк учения о популяции»⁸⁷: «Последняя у меня уже была, но книга хорошая, и подарю один экземпляр в хорошие руки (часто присылают русские книги людям по-русски не читающим — это обычно бесполезно)»⁸⁸.

Литература по истории генетики

В переписке 1970-х годов едва ли не самой важной темой, связанной с книгами, становится история генетики и биологии в целом, прежде всего, отечественной.

Первым эту тему в переписке поднял И. И. Канаев. В письме от 10 февраля (1969) из Ленинграда Канаев в связи с тем, что за год до этого он начал заниматься историей генетики человека в XX веке, спрашивал Добржанского о том, какие вышли хорошие книги и статьи последних лет по евгенике и ее истории. В том же письме он спрашивал: «Знаете ли Вы книгу В. М. Флоринского *“Усовершенствование и вырождение человеческого рода”*. Спб. 1866 г.?»⁸⁹ В историческом аспекте это любопытная книга⁹⁰. В следующем письме от 14 марта (1969) он пояснил, что книга Флоринского в 1926 году была переиздана в сокращенном и отредактированном виде М. М. Волоцким, автором книги о роде Достоевского⁹¹. Итогом интереса Канаева

⁸³ Возможно, А. А. Любищев имел в виду следующую фразу: «Вдохновляющая попытка набросать оптимистическую философию космической, биологической и человеческой эволюции была предпринята Тейяр де Шарденом». См.: *Dobzhansky Th. Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species*. New Haven: Yale University Press, 1962. P. 347.

⁸⁴ *Любищев А. А. Систематика и эволюция // Внутривидовая изменчивость наземных позвоночных животных и микроэволюция*. Тр. Всесоюз. совещ. 1965. Свердловск, 1965. С. 45–57; *Проблемы систематики // Проблемы эволюции*. Новосибирск: Наука, Т. 1. 1968. С. 7–29; *Далонология // Вопросы литературы*. 1965. 9. С. 238–240; *Об ошибках при применении математики в биологии // Журн. общ. биол.* 1969. Т. 30. № 5–6. С. 572–584, 715–723; *Значение и будущее систематики // Природа*. 1971. № 2. С. 15–23.

⁸⁵ *Lubishev A. A. Philosophical aspects of taxonomy // Ann. rev. entomol.* 1969. V. 14. P. 19–38.

⁸⁶ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Ljubishev, [1971].

⁸⁷ *Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В. Очерк учения о популяции*. М.: Наука, 1973.

⁸⁸ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, N. [1930–1975].

⁸⁹ *Флоринский В. М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода*. Спб.: [журн. «Дело»], 1866. [2]

⁹⁰ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Канаев, [1969–74].

⁹¹ *Флоринский В. М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода*. 2-е изд., под ред. и со вступ. ст. М. В. Волоцкого. Вологда: Сев. печатник, 1926.

к истории евгеники стал ряд работ, в частности монография об основоположнике евгеники Ф. Гальтоне⁹². Таким образом, фактически первой темой из истории генетики стало формирование и развитие евгеники. Евгеника, безусловно, предшествовала генетике, была очень популярна не только в околонуучных, но и в научных кругах разных стран, в том числе в СССР вплоть до начала 1930-х годов⁹³. Поскольку евгенические идеи и программы как в теории, так и на практике активно использовались далеко не самыми прогрессивными политическими силами и партиями, включая национал-социалистов в Германии, какие-либо писания на евгенические темы, как и само упоминание евгеники, в СССР были фактически под запретом. Всякий запретный плод сладок, но не всякий запретный плод полезен или так хорош, как о нем думают. Сама запретность евгеники (как и многого другого в СССР) создавала некий ореол привлекательности, на чем, естественно, пытались спекулировать самые разные люди как в советское, так и постсоветское время. Причем делалось это несмотря на то, что сами генетики, даже те, кто увлекались евгеникой, отказались от нее еще до того, как она попала в официальную опалу как в Советском Союзе, так и на Западе⁹⁴. Вполне объективно смогли разобраться в этой проблеме как отечественные генетики 1920-х годов⁹⁵, так и исследователи, пришедшие в науку позднее⁹⁶.

Второй исторической темой в переписке была тема уже собственно из истории генетики, а именно — начало отечественной генетики, хотя внешне эта тема выглядела как биография основателя ленинградской школы генетики Ю. А. Филипченко. В письме из Новосибирска от 29 октября (1975) Керкис писал: «Видел Николая Николаевича Медведева в Москве. <...> Его рукопись о Ю. А. Филипченко я читал. Трoгает преданность своему учителю, но написана она плохо. Я ему сделал ряд замечаний, но учел ли он их, не знаю. А. А. Прокофьева тоже не раз сцеплялась с ним. Характер у него тяжелый, но мы очень очень дружны и всякий раз, когда я бываю в Москве, встречаемся!»⁹⁷

⁹² Канаев И. И. Фрэнсис Гальтон. 1822—1911. Л.: Наука, 1972.

⁹³ Канаев И. И. На пути к медицинской генетике // Природа. 1973. № 1. С. 62—68; Адамс М. В. Политика в области человека в СССР: 1920—1940 // Эволюционная биология / Под ред. Э. И. Колчинского. (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90. вып. 1.). СПб., 1994. С. 15—25; Кошаев М. Б. От евгеники к медицинской генетике // Дни медицины и биологии в Петербурге. СПб., 1998. С. 18—42.

⁹⁴ Одним из характерных последствий этого было изменение в названии Бюро по евгенике при Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) России Российской Академии наук, образованного в феврале 1921 по инициативе Ю. А. Филипченко. В 1925 оно превратилось в Бюро по генетике и евгенике, а в 1927 в Бюро по генетике. См: Кошаев М. Б. Бюро по евгенике (1922—1930) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 12. С. 22—28.

⁹⁵ Так, например, в письме Ю. А. Филипченко от 14, 16 ноября 1928 из Пасадины (США) Ф. Г. Добржанский сообщал: «Должен сказать, что мое знакомство с американскими евгениками меня очень разочаровало, чтобы не сказать больше. Сейчас я готов всецело присоединиться к Вашему мнению об отрицательной евгенике, в котором Вы были, помните, одиноки, что с Вами бывает редко. Больше того, сейчас для меня вся евгеническая доктрина является глубоко скомпрометированной, я сидя здесь дал себе ясный отчет в том, из каких источников берут начало потоки евгенических идей. Право препаскудный источник. <...> Коротко говоря, в Америке все это дело ведется самой реакционной, самой твердолобой частью [народа]. <...> Но, конечно, одно дело наследование таланта, а другое дело евгеника со всеми атрибутами».

⁹⁶ См. например: Гершензон С. М., Храпунов С. Н. Перипетии евгеники в руках графомана // Природа. 1992. № 4. С. 72—73.

⁹⁷ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis, [2 fold., 1969—75].

Сам Медведев, хотя и сообщал Добржанскому о том, что написал биографию Филипченко, свой труд никак не оценивал. 9 января (1975) Медведев спрашивал Добржанского:

«Давно не имею от Вас никаких сведений. Не замышляете ли что-нибудь написать по истории генетики, и не нужны ли Вам какие-либо источники? Я сам отдал дань этому жанру литературы и написал очерк о жизни и деятельности Ю. А. Филипченко, размером 7—8 печатных листов. Не знаю, как поспасливится напечатать⁹⁸. На эту тему мне удалось достать две книги — Данна и Стертеванта⁹⁹. Обе книжечки хорошие, хотя и не перекрывающие одна другую»¹⁰⁰.

Вечное движение

Наконец, третьей исторической темой стала также тема по истории отечественной генетики, но в силу ряда причин, она оказалась самой актуальной и животрепещущей для корреспондентов. Этой темой «номер 1», в определенном смысле темой всей переписки была безусловно книга «Вечное движение» Н. П. Дубинина¹⁰¹, вызвавшая отрицательную реакцию не только генетиков, но и, в целом, биологов доверенных поколений, в особенности непосредственных участников описываемых событий. В письме от 13 августа (1973) из Москвы Алпатов писал:

«Предстоит еще одно любопытное литературное зрелище. Вышла в свет книга Н. П. Дубинина «Вечное движение» о жизни вообще и собственной научной деятельности в частности. Книга содержит 450 страниц текста и тираж ее 100 000 экз. Я пока ее не видел, но думаю она будет забавна и <вскроет> кое-что в смысле загадок превращения ученого в полу-лысенковца. Постараюсь книгу Вам переслать, хотя это и не просто, т. к. за ней уже гоняются по магазинам»¹⁰².

А в письме от 28 октября (1973) Алпатов сообщал: «Гвоздем осеннего книжного сезона продолжает быть книга Дубинина — образец подлости, <легкомыслия>. Несмотря на тираж в 100 000 экз. достать ее трудно и мой экземпляр все время у кого-то в процессе чтения»¹⁰³. Два года спустя в письме от 29 июня (1975) из Москвы Алпатов сообщал: «Вышло второе издание книги Дубинина «Вечное движение», дополненное и исправленное. Может оно Вас интересовать?»¹⁰⁴

В письме от 14 сентября (1973) Керкис спрашивал, получил ли Добржанский посланную им, Керкисом, книгу Дубинина. Добавлял, что с нетерпением ждет впечатлений Добржанского, отмечая, что в «Европе эта книга уже известна и надо сказать оценена правильно»¹⁰⁵.

⁹⁸ Книга была опубликована три года спустя: *Медведев Н. Н.* Юрий Александрович Филипченко. М.: Наука, 1978.

⁹⁹ *Dunn L. C.* A short history of genetics; the development of some of the main lines of thought, 1864—1939. New York: McGraw-Hill, [1965]. *Sturtevant A. H.* A history of genetics. New York: Harper & Row, [1965].

¹⁰⁰ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev N., [1930—1975].

¹⁰¹ *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М.: Политиздат, 1973; 2-е изд.: 1975; 3-е изд.: 1989.

¹⁰² APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

Советские коллеги Добржанского явно были заинтересованы в том, чтобы книга Дубинина дошла до него и не сомневались, что она будет им, по крайней мере, прочитана. В результате Добржанский получил, как минимум, три ее экземпляра. В письме от 16 сентября (1973) из Новосибирска Керкис писал, что утром отправил Добржанскому письмо, а вечером получил от него письмо с подтверждением получения книги Дубинина.

«Неважно, что мой экз. третий! Подарите Лернеру! Ему тоже не без интереса будет! Вот так, дорогой мой друг, такие бывают люди. Я написал Дубинину, что произведение его могу оценить, к сожалению, только *однозначно* (выделено Керкисом. — М. К.). Пользы мне от этого не будет, но иначе не могу. Вообще говоря, он и в молодости был такой и сейчас это результат развития его генотипа в благоприятной среде. <...> Правильно сделали, что отказались писать рецензию на эту книгу! Не Вам надо это делать. Но кто-то должен и обязательно, притом И. возможно, с Вашей помощью, т. к. без этого не получится. Книжку “дамы” про Вас пришлите¹⁰⁶. У нас ведь тоже пишут в таком роде всякую “клюкву”, и это всегда остается на совести авторов — профессиональных писака. Другое дело, когда, подобно Дубинику, человек сам о себе начинает “клюкву” писать. А в случае Дубинина это ведь не только “клюква”, а просто мерзость и очень во многом не соответствующая действительности. Уж мы то, его ровесники, которых, правда, уже не очень много осталось, все достаточно хорошо знаем. А я, в частности, оценку этой фигуры Ник. Изв. Вавиловым, с которым я был очень близок к моменту окончания У-та, и до последних дней его жизни»¹⁰⁷.

Через два года, в письме из Новосибирска от 15 августа (1975) Керкис писал:

«Недавно вышло 2-ое издание, тоже 100 000-ым тиражом известной Вам книги Дубинина. Т. к. оно стереотипное, без всяких изменений, то я его Вам не посылаю. Вот таковы дела! Это волнует, портит настроение, но, конечно, не делает погоду. Единственно, что тяжело, что можно по пальцам сосчитать оставшихся стариков, подобных мне, близко и хорошо знавших Н. И. Вавилова, его отношение к Дубинину и вместе переживавших события. Только эти уже <единичные> люди могут оценить по заслугам это произведение. Молодежь же читает взахлеб и принимает все за чистую монету. Интерес же к этому периоду развития биологии у нас в стране проявляет огромное число людей совершенно непричастных к биологии. Вот в чем вред этой книги и в чем ее громадная популярность. Переживем и это, а историки пусть разбираются. Они должны будут разобраться!»¹⁰⁸

Месяцем позже, в связи с предстоявшим проведением Международного генетического конгресса в Москве в 1978 году¹⁰⁹ и обсуждением возможности приезда

¹⁰⁶ Имеется в виду кн.: *Land B. Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Th. Dobzhansky*. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1973. Эту книгу, если она была послана по почте, Керкис мог и не получить, поскольку все иностранные издания, нежелательные с цензурной точки зрения, причем даже те, что предназначались не библиотекам, а частным лицам, попадали в спецхран. В Ленинграде один экземпляр этой книги находился в спецхране Библиотеки АН СССР и имел специальный спецхрановский шифр: с/х 2702к. Об аналогичном случае из этой практики см.: *Конашев М. Б. Доктор Кабо, Current Anthropology и спецхран // Цензура в России: Материалы Международной научной конференции / Свердл. обл. науч. б-ка им. В. Г. Белинского. Екатеринбург: Б-ка им. В. Г. Белинского, 1996. С. 111—113; см. также: Лютова К. В. Спецхран Библиотеки Академии наук. Из истории секретных фондов. СПб., 1999. С. 120—121.*

¹⁰⁷ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis, [2 fold., 1969—75].

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ XIV Международный генетический конгресс проходил в Москве с 21 по 30 августа 1978.

на этот конгресс Добржанского¹¹⁰, отвечая на некоторые вопросы последнего, в письме из Новосибирска от 29 сентября (1975) Керкис попутно вновь возвратился к оценке книги Дубинина:

«Организатором конгресса является ВОГИС — Всесоюзное О-во Генетиков и Селекционеров им. Н. И. Вавилова. Дубинин во главе этой организации тоже не стоит! Конечно, своей книгой он заработал себе очень недобрую славу. Но у кого? У сотни стариков, а у нас в стране у нескольких десятков, переживших все вместе с ним, знающих, что он врёт, но не могущих это доказать. Заметьте, Н. П. ссылается везде на устные высказывания людей, которых уже нет в живых! Я то, будучи предельно близок к Николаю Ивановичу, знал его отношение к Н. П. и знаю, где и в чем Н. П. врёт, но какой толк из этого?! А публика ведь читает эту книгу “взахлеб” и всем нравится: вот-де какой герой! Малость нескромнен, но это бывает...! Нас скоро не будет, а молодежь будет читать и верить, пока какие-нибудь историки в этом разберутся. А кому надо разбираться? Вот в этом трагедия! Очень приятно, конечно, что Ваши коллеги-ровесники разбираются во всем. Рецензия на эту книгу очень нужна. Вы глубоко правы, говоря, что “умолчание в истории о правде есть самая зловредная ложь!”¹¹¹.

Еще через месяц после краткой поездки на конгресс в Брно, в письме из Новосибирска от 29 октября (1975) Керкис писал:

«Меньше недели назад я вернулся из Чехословакии <...>. Обстановка у чехов была очень непринужденная, и мы о многом говорили. Меня поразила осведомленность моих коллег о книге [Н. П.] и однозначная ее оценка. Желательность перевода этой книги на английский язык очевидна всем. Предисловие к этому переводу можете, наверное, написать только Вы и никто другой. Сделайте это сейчас независимо от того, кто и когда будет книгу переводить»¹¹².

Мнение Добржанского представляло особый интерес и еще для одного его старого коллеги 1920-х годов — Н. Н. Медведева. На открытке от 8 декабря (1973) Медведев спрашивал в постскрипуме: «Имеете ли Вы возможность следить за нашей литературой, видели ли книгу Н. П. Дубинина?»¹¹³

Был у этой ситуации и стародавний аспект, выражаемый формулой «плетью обуха не перешибешь». В письме от 18 декабря (1973) Алпатов писал:

«В биологии местной больших событий не произошло. Bestseller'ом продолжает быть книга “Вечное движение” или как ее в шутку называют “Личное самовдвижение”. Людям далеким от биологии она нравится, а биологи-генетики находят в ней все больше и больше неточностей и искажений. Пока рецензий на нее не появилось, Малиновский, говорят, написал разгромную рецензию, но кто решится ее напечатать?»¹¹⁴

В письме Медведеву от 29 мая (1975), касаясь вопроса написания книг по истории биологии, Добржанский выразил-таки, хоть и в частном порядке, свое мнение о книге Дубинина, повторяющее фактически мнение Алпатова:

¹¹⁰ См. подробнее об этом: *Конашев М. Б.* Отечественные генетики за рубежом и советская генетика // Зарубежная Россия. 1917—1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 174—178.

¹¹¹ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis, [2 fold., 1969—75].

¹¹² Там же.

¹¹³ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev N., [1930—1975].

¹¹⁴ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

«Еще об истории биологии. Все, что я хочу сказать, это то, что есть разница между мемуарами и историями. Вы и я жили долго и видели много, и за последние 48 лет весьма разное. Ваши и мои мемуары могут быть ценны (если конечно они правдивы, а не ложь вроде "Вечного Самовосхваления"). Но одно дело летопись, другое история. Историк должен постигать события описываемые летописцем в связи с другими событиями и всеобщим положением вещей в данное и в прошлое время»¹¹⁵.

Иначе говоря, Добржанский полагал, что в данном конкретном случае с книгой Дубинина, так же как и в других случаях, ученый, в том числе и он сам, имеет право на свое мнение о прошлом, в частности в виде мемуаров. Но писать историю, претендующую на какую-то степень объективности, имеет право и должен именно историк, ибо только он может выйти за пределы точки зрения, основанной на субъективном личном опыте, благодаря использованию объективных данных и методов исторической науки, какой бы несовершенной она ни была, и какими бы неполными и, в свою очередь, субъективными ни были ее эмпирические данные. Другими словами, Добржанский отдавал исследование прошлого на откуп профессионалам, что не исключало, а скорее даже предполагало право (а иногда и обязанность) выражения собственного представления об этом прошлом участника исторического процесса или единичного события в нем.

Однако у нежелания Добржанского писать рецензию, или, если говорить в общем виде, выражать публично свое отношение к книге Дубинина была и еще одна, может быть (для самого Добржанского, во всяком случае), даже более веская причина. Ведь высказать свое мнение не как историк, а как человек, свидетель описываемых событий, он вполне мог бы. Но не стал. Почему?

Ответ на этот вопрос находим у самого Добржанского. Во время XIII Международного генетического конгресса, проходившего с 20 по 29 августа 1973 года в Беркли (США) Добржанский сделал в своем дневнике запись, датированную 24–27 августа 1973 года:

«Передали мне 2 экземпляра автобиографии Дубинина, надеясь что я эту книгу рецензирую и изругаю. Книга (я прочел половину) написана превосходно, все служит самовосхвалению Дубинина и очернению всех других русских генетиков. Но, во-первых, за одно самовосхваление ругать особенно не приходится, это ведь свойство очень многих. Во-вторых, сейчас я почувствовал себя, пожалуй, впервые отрезанным от России, и в складку русских генетиков вмешиваться мне не к чему. Но какая огромная разница между Медведевскими книгами¹¹⁶ и книгой Дубинина! Они говорят об одном и том же. Но, по Дубинину, Коммунистическая партия была всегда права, даже для Лысенко у него нет полного осуждения! Роль Сталина в деле Лысенко замолчена, где умер Вавилов утаено, вообще утаено все, что дает понятие о терроре, лжи, жестокости в России. Несомненно, Дубинину до патриотизма Медведева очень далеко, но ведь если <...> это написать в реферате книги, то в России это помогло бы Дубинину, а не его противникам. В общем, в это дело вмешиваться я не стану»¹¹⁷.

¹¹⁵ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev N., [1930–1975].

¹¹⁶ Вероятно, Ф. Г. Добржанский имел в виду несколько книг Ж. А. Медведева, опубликованных на Западе на рубеже 1960-х – 1970-х, в первую очередь: *Medvedev Zh. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. Traslated by I. M. Lerner. New York–London: Columbia Univ. Press, 1969.* Подготовленная еще в начале 1960-х. книга была издана на родине автора лишь в начале 1990-х: *Медведев Ж. А. Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966).* М.: Книга, лтд, 1993.

¹¹⁷ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers.

Таким образом, Добржанский не хотел быть использованным, к тому же в ситуации, которая, как он считал, была уже внутренним делом советских генетиков, и которая не совсем была ясна ему. Кроме того, прямо не высказывая это даже самому себе, он, тем не менее подсознательно (а может, и вполне сознательно) не хотел лишиться раз «дразнить гусей» в надежде, пусть и почти призрачной, все же попасть на родину.

Перевод и издание книг

Важное место в переписке занимали и сообщения корреспондентов Добржанского о собственной деятельности, связанной с написанием и изданием книг. Причем эта деятельность часто имела своей отправной точкой опять-таки книгу, полученную от Добржанского. Так, в письме от 26 марта (1971), отвечая сразу на два письма Добржанского от 2 декабря (1970) и 13 марта (1971) Алпатов писал о проблемах с переводом книги Нейла «*География жизни*»¹¹⁸, присланной ему Добржанским: «Я взялся за перевод, т. к. думал быть совсем свободным и от службы, а это не свершилось. Пришлось привлечь ряд помощников и превратиться в редактора. Книга оказалась трудной, т. к. большинство названий животных и растений не на латыни. Сейчас с ней покончили и могу думать и писать о своем»¹¹⁹. Осенью того же года, в письме от 29 октября (1971) из Цхалтубо Алпатов сообщал о том, как продвигаются дела: «Книгу <Нейла> я перевел на русский язык, и она должна в ближайшие месяцы появиться в продаже»¹²⁰.

В письме от 13 августа (1973) из Москвы Алпатов писал: «Благодаря Вашей любезности в присылке подлинника мне удалось осуществить перевод книги "*Geography of life*" и издать ее тиражом 40 000 экз. Книга пользуется успехом и из-за картинок и текста»¹²¹.

Месяц спустя в письме от 29 сентября (1973) из Цхалтубо, где Алпатов отдыхал и лечился на курорте, он повторно известил об успехе книги, которую раскупили за две недели.

Видимо, благодаря такому успеху Алпатов решил продолжить переводческую деятельность. В письме от 7 февраля (1974) из Москвы он просил снова о присылке популярных по медицине и биологии книг именно для перевода, но с одним условием: «Больших книг не посылайте. В Лен. библиотеке их так много, что я не успеваю их читать»¹²².

Добржанский откликнулся на эту просьбу, и уже в письме от 26 июня (1974) Алпатов благодарил его за «присылку интереснейших книг» по антропологии и обещал: «Я сделаю попытку Allard перевести на русск. язык»¹²³.

В письме от 18 марта (1975) Алпатов инструктировал Добржанского о будущих посылках: «Если будете посылать, то лишь карманные дешевые от <газетчиков> книжонки по био и мед <...>. Сейчас рождается мною организмов[анный] перевод "*Dajoz Ecologie*" (400 стр. по русски)¹²⁴. Это не первый сорт, но нужен для многочисл. биологов практиков и "теоретиков"»¹²⁵. В последнем письме от 5 октября (1975) из Москвы Алпатов сооб-

¹¹⁸ Neill W. T. *The Geography of life*. New York: Columbia University Press, 1969.

¹¹⁹ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

¹²⁰ Там же. Книга была опубликована в том же году: Нейл У. Т. *География жизни*. Сокр. пер. с англ. В. В. Алпатова. М.: Прогресс, 1973.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

¹²⁴ Dajoz, Roger. *Précis d'écologie* / par Roger Dajoz. 2. ed. Paris: Dunod, 1971.

¹²⁵ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W., [ca 1930].

шал, что вышла в свет переизданная под его редакцией книга Р. Дажо по экологии¹²⁶. При этом он счел необходимым повторить: «Книга не гениальная, но по зубам многим читателям»¹²⁷.

Добржанский оказывал Алпатову также содействие в публикации интересных отечественных изданий за рубежом. В письме от 9 мая (1974) Алпатов ходатайствовал перед Добржанским за книгу тогда еще молодого, но, по оценке Алпатова, дельного историка науки В. И. Назарова «*Эволюционная теория во Франции после Дарвина*»¹²⁸. Алпатов считал, что книга эта заслуживает внимания Добржанского, достойна заметки о ней, посланной в один из биологических журналов в США (Алпатов называл, в частности, «*Journal of the History of Biology*» и «*American Naturalist*»), и что было бы хорошо «рекомендовать перевод книги на франц. или англ. язык». Добржанский тут же откликнулся на просьбу и рекомендовал книгу одному из французских издательств, о чем сообщил и самому автору. К сожалению, как писали когда-то, по независящим от автора и рекомендателя причинам, французский перевод книги так и не увидел свет.

Сам В. И. Назаров в письме из Москвы от 25 января (1975) писал Добржанскому, что только что получил письмо от Е. Бозигера¹²⁹,

«который сообщил мне, что в случае необходимости я могу обратиться к Вам в связи с проектом издания моей книги во Франции», а также что «В декабре 1974 г. Всесоюзное агентство по авторским правам направило мою книгу в парижское издательство «*Masson*» («*Masson et Cie*», 120, boulevard Saint-Germain, 75006 Paris) на предмет издания ее на французском языке. Я убежден, что для положительного решения этого вопроса решающее значение имел бы Ваш отзыв. Я был бы Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы смогли найти время для самой краткой рекомендации и направили бы ее непосредственно в издательство *Masson*, а одну из копий — мне заказным письмом».

В следующем письме от 17 февраля (1975) из Москвы Назаров писал: «Я был счастлив, получив так быстро Ваши письмо и копию рекомендации для «*Masson*», которую Вы направили Э. Бозигеру. Приношу Вам свою самую глубокую благодарность»¹³⁰. Добржанский отправил письмо в издательство «*Masson et Cie*» 5 февраля (1975) с поддержкой плана издания книги Назарова во Франции, отметив в письме, что познакомился с оригинальным изданием книги на русском¹³¹.

С похожими просьбами о поддержке в публикации статей или книг за рубежом обращались к Добржанскому и другие его коллеги на родине, иногда напрямую. В. С. Кирпичников¹³², посылая экземпляр журнала «*Успехи современной биологии*», в котором была напечатана его статья «*Биохимический полиморфизм и проблема так*

¹²⁶ Дажо Р. Основы экологии / Пер. с фр. В. И. Назарова, под ред. проф. В. В. Алпато-ва. М.: Прогресс, 1975.

¹²⁷ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov, W. [ca 1930].

¹²⁸ Назаров В. И. Эволюционная теория во Франции после Дарвина. М.: Наука, 1974.

¹²⁹ Бозигер, французский генетик, сотрудничавший и друживший с Ф. Г. Добржанским. Одним из результатов этого сотрудничества было несколько их совместных публикаций, в частности книг: *Dobzhansky Th. et Boesiger E. Essais sur l'évolution*. Paris: Masson, 1968. x, 183 p.; *Dobzhansky Th. et Boesiger E. Human Culture. A Moment in Evolution* / Edited and completed by Wallace Bruce. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1983.

¹³⁰ B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Nazarov, V. I. [1975].

¹³¹ Там же.

¹³² Валентин Сергеевич Кирпичников (1908—1991) — генетик, специалист по генетике рыб.

называемой недарвиновской эволюции»¹³³, в письме от 28 ноября (1972) обращался к Добржанскому с просьбой посмотреть статью и сказать, возможно ли, по его мнению, напечатать ее в каком либо американском журнале?¹³⁴ Если Добржанский сочтет это возможным и целесообразным, то пусть посоветует, где это можно сделать. Со своей стороны Кирпичников был готов: 1) дополнить статью новыми данными (опубликованными в 1972 году), относящимися к дискуссии «нейтралистов» и «селекционистов»; 2) перевести статью на английский язык. При этом автор, однако, оговаривался, что если перевод можно сделать в США, он был бы очень рад, статья выиграла бы в качестве английского языка, и ускорило бы ее напечатание. В то же время, если Добржанский сочтет, что печатание статьи в США нецелесообразно (устарела; повторяет многое, уже опубликованное; и т. д.), он, Кирпичников, не будет в претензии. В заключении письма Кирпичников сообщал, что работает над книгой «Генетические основы селекции рыб», которая, как он надеется, в 1974 году будет напечатана¹³⁵. В письме от 8 декабря (1974) на английском языке он сообщал, что послал бандеролью опубликованную книгу, добавляя, что работает над более обстоятельной работой по «генетическим методам отбора рыб», эта работа уже завершена на 80 %, и он надеется закончить ее в течение зимы, и спрашивал о возможности публикации первой, либо, что предпочтительнее, второй работы в США¹³⁶.

Иногда переводческое предприятие встречалось с трудностями поистине трагикомическими. В письме от 28 февраля (1974) из Севастополя К. М. Хайлов, сообщая, что получил из Японии перевод своей книги «Экологический метаболизм в море»¹³⁷, сокрушался: «Шпрингер (научный, конечно) хочет приобрести право на издание другой моей (с коллегой) книги по экологической биохимии. Редакция "Marine Chemistry" предложила войти в ее состав, но я не смогу выдержать у нас экзамен на знание газет и поэтому из этого предложения ничего не выйдет»¹³⁸.

Особо следует остановиться на попытках коллег и друзей Добржанского на родине издать на русском языке его самые значительные произведения, которые, по их мнению, должны были быть прочитаны молодыми поколениями будущих биологов. Прежде всего, речь шла о «Генетике эволюционного процесса»¹³⁹. В письме от 3 января (1971) из Новосибирска Керкис сообщал, что получил «совсем недавно Вашу книгу, очевидно непосредственно из издательства и поэтому без <всякой> надписи. Книгу у меня буквально рвут из рук, и все мы озабочены мыслью о том, как бы организовать издание ее у нас в переводе на родной язык автора. Авось удастся»¹⁴⁰. Аналогичную идею высказывали и другие корреспонденты. Реализовать ее, однако, не удалось. В письме от 13 августа (1973) из Москвы Алпатов сообщал: «P. S. Все попытки продвинуть перевод Ваших велико-

¹³³ Кирпичников В. С. Биохимический полиморфизм и проблема так называемой недарвиновской эволюции // Успехи современной биологии. 1972. Т. 44. Вып. 2 (5). С. 231–246.

¹³⁴ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kirpichnikov V. [1972–74].

¹³⁵ Кирпичников В. С. Генетические основы селекции рыб. Л.: Наука, 1979; 2-е изд. — 1987. В 1974 вышла брошюра: Кирпичников В. С. Генетика и селекция рыб. М.: Знание.

¹³⁶ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kirpichnikov V. [1972–74]. Пер. книги В. С. Кирпичникова был опубликован: Kirpichnikov V. S. Genetic bases of fish selection; translated by G. G. Gause. Berlin; New York: Springer-Verlag, 1981.

¹³⁷ Хайлов К. М. Экологический метаболизм в море. Киев: Наукова думка, 1971.

¹³⁸ B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Khailov K. M. [1970–74].

¹³⁹ Dobzhansky Theodosius. Genetics of the evolutionary process. New York; London: Columbia University Press, 1970.

¹⁴⁰ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis. [2 fold., 1969–75].

лпных последних книг не удалось. Отдел биологии редакции "Мир" сейчас в <лапах> биохимиков <типа Опарина>¹⁴¹ и Энгельгардта¹⁴², и биологию понимает как биохимию¹⁴³. Сам Керкис, более всех других пытавшийся что-то для этого сделать, в конце концов, вынужден был с горечью констатировать поражение. Разумеется, все соответствующие усилия предпринимались с ведома и согласия самого Добржанского, мечтавшего увидеть свои труды, и прежде всего «Генетику и происхождение видов»¹⁴⁴, главную свою книгу, опубликованными на родине. В дневнике в связи с выходом перевода 3-го издания его книги на немецком, испанском и даже японском языках Добржанский записал 29 августа (1955): «Увы, кроме России. Будет ли когда-нибудь русский перевод? Кажется, все прочее отдал бы за один русский. Боюсь, что до этого не доживу»¹⁴⁵. Добржанский не знал, что такой перевод не только был подготовлен на родине, но и уже находился в процессе издания, когда его постигла печальная судьба многих книг того времени:

«Монографии, учебники, популярные книги по генетике и по биологии, написанные не с лысенковских позиций, прекратили издавать. Все ранее изданное изымалось из библиотек. Верстки книг уничтожались. Типографские наборы текстов рассыпали, такая судьба постигла книгу Ф. Г. Добржанского "Генетика и происхождение видов" (673 с.) с большой вступительной статьей Н. П. Дубинина "История эволюционных идей в генетике", книгу Марселя Пренана, члена ЦК Французской коммунистической партии, "Биология и марксизм" (237 с.) с предисловием К. А. Парамонова, книгу Н. П. Дубинина "Генетика и эволюция популяций" (412 с.) и ряд других публикаций»¹⁴⁷.

Рецензии

Другой сферой деятельности, связанной с книгой, где тоже встречалось немало трудностей, было написание и опубликование рецензий. В письме от 20 мая (1972) из Москвы Алпатов сообщал: «Пытался предложить в наши журналы рец. на Вашу великолепную книгу, но боюсь, что она не будет напечатана»¹⁴⁸. О переводе и закататься нельзя»¹⁴⁹. В письме от 11 сентября (1972) из Москвы он же писал, что получил

¹⁴¹ Опарин А. И. (1894–1980), биохимик, общественный деятель, ак. АН СССР с 1946, дир. Института биохимии им. А. Н. Баха АН СССР с 1946. Автор «коацерватной» теории происхождения жизни.

¹⁴² Энгельгардт Владимир Алексеевич (1894–1984), биохимик, ак. АН СССР (1953), чл.-корр. АН СССР с 1946. Окончил Московский университет в 1919. В 1921–1929 гг. научный сотрудник Биохимического института Наркомздрава. Проф. Казанского университета в 1929–1933, ЛГУ в 1934–1940 и МГУ в 1936–1959. Организатор и дир. с 1959 Института молекулярной биологии АН СССР в Москве.

¹⁴³ APSL B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov, W. [ca 1930]. См. также ниже, раздел «Рецензии».

¹⁴⁴ *Dobzhansky Th. Genetics and the origin of species*. New York: Columbia University Press, 1937.

¹⁴⁵ *Dobzhansky Th. Genetics and the origin of species*. 3rd ed. New York: Columbia University Press, 1951.; Paperback printing of 3rd ed., New York: Columbia University Press, 1964.; Japanese transl., Tokyo, 1953; Spanish transl. *F. Cordon. Genetica y el Origen de los Especies*. Madrid: Revista de Occidente, 1955.

¹⁴⁶ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹⁴⁷ Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. С. 227.

¹⁴⁸ *Dobzhansky Theodosius. Genetics of the evolutionary process*. New York; London: Columbia University Press, 1970.

¹⁴⁹ B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

«второй вариант Вашей замечательной книги. Я занялся о ее переводе, но Астауров¹⁵⁰ руками замажал. А Алиханян даже на мое предложение написать на книгу рецензию для журнала "Генетика" никак не реагировал. Увы, придется ждать лучших времен!» И далее: «Я написал рецензии на дрянные популярные книжонки. Неделю тому назад отправил Вам пакет с оттисками, которые дадут представление о моих широких интересах и попытках отсекаать лженауку»¹⁵¹.

Пожаловался Алпатов в этом письме и на скверный по его мнению систематический каталог в ГБЛ — по нему трудно подобрать нужные книги. В заключении Алпатов спрашивал: «Получили ли Вы II том "Проблем эволюции"? Я все не соберусь написать на него рецензию, а рецензия Яблокова — молодого доктора уже вышла. Я-ков не разобрался во многих вещах, так как принадлежит к поколению, не знавшему долгой истории эволюционных блужданий в нашей стране. Не откажите в любезности прислать рецензии на Koestler'a»¹⁵². В письме от 24 февраля (1973) из Москвы Алпатов, подтверждая получение письма от Добржанского с Гавайских островов и пакета с оттисками, писал: «Ваш <отзыв> о Koestler'e прекрасен и слишком мягок»¹⁵³. Лучше всего о Каммерере написал Гольдшмидт. К сожалению, из моей рецензии цитату из Гольдшмидта выкинули. Книга Koestler'a есть уже в Москве, но некогда о ней написать»¹⁵⁴. Ранее, в письме от 20 мая (1972) из Москвы Алпатов также ссылаясь на Гольдшмидта: «Книгу о Каммерере я не видел, но читал на нее рецензию в Nature от 24.XII.71 года. Очень рад был слышать, что автор ее не ученый, а писатель, которые часто любят писать о вещах, в которых не разбираются. Очень хорошо о Каммерере написал в своих воспоминаниях Гольдшмидт, называвший К-ра мошенником первого сорта»¹⁵⁵.

В свои права уже вступала так называемая «эпоха застоя», и Алпатов уже не удивляло, что его рецензию на книгу Кестлера (где он кое-что добавил из высказываний о Каммерере из воспоминаний Гольдшмидта), Алиханян отказался печатать, а в «Природе» не решались печатать. Он писал в связи с этим в письме от 25 октября (?) (1974): «А так как сейчас главная задача в науке как в кад. корпусах при Салтыково-Щедрине "Zwan pobedi gasda vaiszda", критические рецензии, особенно об отечественных книгах, в печати продвигаются с превеликим трудом». Правда, в «Природе» все же опубликовали «разоблачающую Каммерера рецензию на книгу Кестлера, упомянул я и Ваше мнение об этом <мрачном> эпизоде»¹⁵⁶. В письме без даты (вероятно, осенью

¹⁵⁰ Астауров Борис Львович (1904–1974), цитогенетик, эмбриолог-экспериментатор. В 1927 окончил МГУ, в 1927–1930 работал в КЕПС при АН СССР, в 1930–1935 в Среднеазиатском институте шелководства в Ташкенте, с 1935 в Институте экспериментальной биологии Наркомздрава. В 1938–1949 работал в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии, в 1949–1967 в Институте морфологии животных им. А. Н. Северцова, с 1967 — директор Института биологии развития. С 1958 чл.-корр., с 1966 академик АН СССР. В 1966 избран президентом Всесоюзного общества генетиков и селекционеров.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Koestler A. The Case of the Midwife Toad. L.: Hutchinson, 1971.

¹⁵³ Dobzhansky Th. A review of A. Koestler's The Case of the Midwife Toad // Persp. Biol. Med. 1972. V. 16. P. 161–164.

¹⁵⁴ B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁵⁵ Goldschmidt R. B. Portraits from memory; recollections of a zoologist. 2nd ed. Seattle: University of Washington Press [1956]. О Каммерере см.: P. 163–168.

¹⁵⁶ Алпатов В. В. История с жабой-повитухой // Природа. 1974. 8. С. 119–121. О рецензии Ф. Г. Добржанского говорится в самом конце публикации, на С. 121.: «Следует добавить, что вскоре после выхода книги А. Кестлера была опубликована рецензия на нее, при-

того же года) Алпатов сообщил Добржанскому о содержании публикации, но не имея оттисков, не мог послать один из них Добржанскому, о чем и написал последнему в письме от 2 ноября (1974).

«Литературные опыты»

Одобрив идею Добржанского написать о Ф. М. Достоевском¹⁵⁷, Алпатов в письме от 18 марта (1975) сообщал и о собственных немногочисленных и не очень удачных литературных опытах:

«Я пытался баловаться за пределами биологии. Один раз написал *“Встречи с Пришвиным”*. Он ведь был Пришвин-Алпатов, но не родственник нам. Второй раз *“Г. Уэллс как биолог”*. 3-ий эссе было на тему *“Зоол. корпус МГУ и ‘Роковые яйца’”* Булгакова. <Встречался> с 2 женами-<вдовами покойного>. Но, увы, *“Роковые яйца”* в нашей литературе не упоминаются, а потому мне в 5 журналах в печати эссе отказали¹⁵⁸. Было еще “эссе” о встречах с Ильей Толстым, в Baltimore, но тоже не напечатали, так как <восторга> эта встреча во мне не оставила. Я послал в конце концов рукопись в Толст. музей и получил от них бумагу с большой благодарностью¹⁵⁹.

Библиографическая помощь

Помимо посылки книг и рецензий коллеги оказывали Добржанскому и библиографическую помощь. Так, в письме от 9 мая (1974) из Москвы Алпатов извещал, что выполнить просьбы Добржанского «прислать библиограф[ические] уточнения к списку литературы по эволюции» смог только частично, так как Государственная библиотека им В. И. Ленина (ГБЛ) закрылась раньше. Из собственных источников Алпатов указывал следующие работы:

«1. Берг Л. С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. Труды Географического Ин-та. Вып. I, VIII, 1922.

надлежащая перу известного теоретика эволюционного учения профессора калифорнийского университета Ф. Добржанского. Рецензия содержала как объективное изложение событий, так и характеристику автора книги. По справедливому замечанию Добржанского, сочинение А. Кестлера имеет характер не научного обсуждения, а детективной истории, и его автор, как неспециалист, не вправе обсуждать затронутые им научные вопросы (современное состояние эволюционной теории он изображает совершенно карикатурно). В заключение своей рецензии Добржанский коротко и ясно, на основании новейших научных данных, показывает невозможность наследования приобретенных признаков».

¹⁵⁷ Особый интерес Ф. Г. Добржанского к творчеству Ф. М. Достоевского отчасти объясняется тем, что он был дальним родственником великого писателя: бабушка Ф. Г. Добржанского — Олимпиада Войнарская (Черняк) — была внучкой Андрея Достоевского по женской линии, а Федор Михайлович был его внуком по мужской. См.: *Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники, 1991. № 1. С. 69. О родословной Ф. Г. Добржанского см. подробнее: Богданов Н. Н. Его родословная // Природа. 2000. № 12. С. 65–67.*

¹⁵⁸ Одна из первых публикаций этого произведения была осуществлена не в СССР, а в Латвии: *Булгаков М. А. Роковые яйца*. Рига: Литература, 1928. В сборники повестей это произведение стали включать только в конце 1980-х гг. См. например: *Булгаков М. А. Роковые яйца. Собачье сердце: Повести*. Душанбе: Дониш, 1988.

¹⁵⁹ В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

2. Левитский Г. А. 1939. Цитологические основы эволюции, журнал "Природа", № 5:36.
3. Писарев Д. И. 1864. Прогресс в мире животных и растений. Русское слово. № 4. Стр. 1–52. № 5. Стр. 43–70. № 6. Стр. 233–274. № 7. Стр. 1–46. № 9. Стр. 1–46.
4. Северцев А. Н. Главные направления эволюционного процесса. Москва. Изд. Думнова. 1925.
5. Страхов Н. И. Полное опровержение дарвинизма. Русский вестник. № 1. стр. 9–62.
6. Коржинский С. И. Гетерогенезис и эволюция. Зап. Имп. АН по физико-мат. отд. 9, 2. стр. 4–94».

Сведения об остальных книгах Алпатов обещал прислать Добржанскому в следующем письме через два дня, что, вероятно, и было сделано.

О России и мире

Хотя прямые комментарии по поводу тех или иных книг в переписке встречаются сравнительно редко, некоторые по своему характерны и заслуживают воспроизведения. Например, в письме Алпатово от 28 августа (1975) из Болшево: «Мой покойный отец цитировал учебник истории <Миловижского,> где стояло: "когда славяне пришли в Европу, все лучшие места были уже заняты". К этому я прибавлял, что русские из славян были <последними>»¹⁶⁰. Или мнение Хайлова в письме от 9 июля (1970) из Севастополя: «О Лысенко я думаю это неверно, но крайней мере здесь об этом не слышно (хотя, по правде говоря, им просто не интересуются). Иное дело — Жорес¹⁶¹. В предисловии к переводу его книги (знаю лишь из Вашей рецензии)¹⁶². Леггер оказался прав в своем предположении¹⁶³, хотя сейчас ему лучше, насколько это вообще может быть».

Искусство и художественная литература

Из издававшейся в СССР в то время гуманитарной литературы, друзья посылали Добржанскому лучшие книги по русскому искусству, в особенности древнерусской архитектуре, последние новинки отечественной художественной литературы и все издания о Ф. М. Достоевском.

Книги по искусству. В письме от 27 января (1970) из Севастополя Хайлов, выражая сочувствие в связи с известием о кончине жены Добржанского — Наталии Петровны¹⁶⁴, писал: «В Ваше отсутствие она однажды отвечала мне в связи с посылкой каких-то книг и мне всегда было приятно сознавать, что и ее тоже интересовали некоторые из посылаемых книг, особенно (наверное) относившиеся к русской истории и искусству»¹⁶⁵. Затем он

¹⁶⁰ В:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁶¹ Ж. А. Медведев.

¹⁶² *Dobzhansky Th. A review of Zhores A. Medvedev's The Rise and Fall of T. D. Lysenko // Science*. 1969. V. 164. № 3887. P. 1507–1509. В БАН СССР в Ленинграде эти страницы в журнале «Science» были вырезаны. Об этой цензурной практике см.: *Конашев М. Б. Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Выпуск II. СПб.: Наука, 1994. С. 97–112.*

¹⁶³ М. М. Лернер предполагал, что публикация книги на Западе может вызвать герсисал против автора на родине. См.: *Lerner I. Foreward // Medvedev Zh. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. Translated by J. M. Lerner. New York-London: Columbia Univ. Press, 1969. P. VIII.*

¹⁶⁴ Н. П. Добржанская скончалась 22 февраля 1963. в Мидлтауне.

¹⁶⁵ APSL. В:D65 Th. Dobzhansky Papers. Khailov K. M. [1970–74].

выражал готовность посылать такие книги и впредь. В письме от 28 февраля (1974) Хайлов писал Добржанскому:

«Мне очень приятно, что *“Древние русские города”* доставили Вам удовольствие и я понимаю, что Вы должны были испытывать, читая книги лауреата! А красота русских церквей, вообще старых российских городов и для меня здесь почти тоже, что и для Вас там: одна из духовных опор. В этом смысле Севастополь — одно из мест, где сохранилась часть подлинной истории (связанная с Суворовым, с флотом, турецкой войной). Здесь ведь и могилы черноморских адмиралов тех времен. Сохранились и рavelины при входе в бухту, и братское кладбище с могилами героев турецкой войны. Но главное тут море, такое же неизменное, как и история России»¹⁶⁶.

Последние новинки отечественной художественной литературы. С письмом от 30 сентября (1970) из Москвы Алпатов послал Добржанскому две книги, одна из которых — издание популярного тогда и отчасти фрондировавшего автора В. Ф. Тендрякова¹⁶⁷. В письме от 11 сентября (1972) Алпатов сообщал: «Я приготовил к отсылке Вам очень интересный том воспоминаний о Салтыкове-Щедрине — замечательном знатоке своего народа и прогнозисте»¹⁶⁸. В письме без даты (вероятно, осень 1974 года) он же спрашивал, прислать ли Добржанскому «интересную монографию о Ключевском — замечательном историке предреволюционной России?»¹⁶⁹.

В свою очередь Добржанский отметил в дневнике 16 июля 1971 года, что вечером читал «присланную В. В. Алпатовым книгу, одна из статей новооткрытые документы о конце жизни Пушкина»¹⁷⁰.

Издания о Ф. М. Достоевском. Все издания, связанные с Ф. М. Достоевским, посылались Добржанскому теми же Алпатовым и Керкисом, первым больше. При этом для самого Алпатова, по крайней мере в начале 1970-х годов, мемуарная литература и литература о Достоевском имели большее значение, чем литература специальная, о чем косвенно свидетельствует порядок их упоминания в письмах. Так, например, в письме Добржанскому от 7 февраля (1974) Алпатов обещал: «Буду посылать Вам книги в духе предыдущих посылок — воспоминания, Достоевский, общая биология»¹⁷¹. В письме из Новосибирска от 20 декабря (1971) Керкис извещал: «Одновременно с этим письмом я посылаю Вам только что вышедшую у нас книгу о неизданных записках Достоевского. Надеюсь, что она будет приятна для Вас»¹⁷². В письме от 26 марта

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Произведения Владимира Федоровича Тендрякова (1923—1984) неоднократно переиздавались. Вероятно, В. В. Алпатов послал одно из двух московских изданий того периода: *Тендряков*. Свидание с Нефертити. Роман. — Находка. Повесть. — Костры на снегу. Рассказы. М.: Сов. писатель, 1970; Поденка — век короткий: [Повести]. [М.]: Мол. гвардия, 1969.

¹⁶⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1972. Через три года были опубликованы уже воспоминания в двух томах: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.: Худ. лит., 1975.

¹⁶⁹ Вероятно, В. В. Алпатов послал следующее издание о Василии Осиповиче Ключевском (1841—1921): *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М.: Наука, 1974.

¹⁷⁰ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers.

¹⁷¹ B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930]

¹⁷² APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis, [2 fold., 1969—75].

(1971) Алпатов сообщал, что послал «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и др. книжки¹⁷³. В письме от 29 октября (1971) из Цхалтубо Алпатов обещал: «Я буду посылать Вам кое-что интересное и по литературоведению (о Достоевском) и по биологии»¹⁷⁴. В письме от 20 мая (1972) из Москвы он сообщал: «Одновременно с этим посылаю Вам свои скромные оттиски и очень интересную книгу <Нечаевой> "Журнал бр. Достоевских 'Время'"¹⁷⁵. Какие широкие по интересам были братья»¹⁷⁶. В письме от 24 февраля (1973) Алпатов писал: «Посылаю в Davis книгу "Достоевский в Петербурге"¹⁷⁷, мне удалось ее достать через знакомую студентку филолога в Ленинграде. В Москве идет фильм "Игрок" — по Достоевскому¹⁷⁸, еще его не видел. Бабушку играет Любовь Ивановна Добржанская, народная артистка СССР»¹⁷⁹.

В письме от 29 сентября (1973) из Цхалтубо он писал, что 86-й том «Литературного наследства», посвященный Ф. М. Достоевскому¹⁸⁰, прозевал. Правда, позже, в письме от 28 октября (1973) Алпатов извещал, что ему удалось купить этот том и он посылает его Добржанскому¹⁸¹.

В письме от 25 октября (?) (1974) Алпатов в очередной раз писал об издании Достоевского: «Интерес к Достоевскому снизился и идет только том за томом огромное издание академическое его произведений, <дневника> писателя и кажется будут и письма»¹⁸². Но подписаться на издание практически было невозможно: надо было простоять в очереди чуть ли не целую ночь. Я поэтому довольствуюсь <перечитываемым> 10–11 томного сравнительно нового издания¹⁸³. Хотели бы Вы иметь "Бесов"? У меня есть лишний экземпляр»¹⁸⁴. В письме от 21 сентября (1975?) он писал, что послал Добржанскому «книгу "М. М. и Ф. М. Достоевские и журнал 'Эпоха'"¹⁸⁵. Это все о них, что вышло за год!!!»¹⁸⁶. В последнем письме от 5 октября (1975) из Москвы Алпатов спрашивал: «Получили ли Вы книгу о издательской деятельности Достоевского (журнал "Эпоха")? Я хожу в магазины и все (немного) по Достоевскому покупаю для Вас»¹⁸⁷. Из последних работ о Достоевском им особенно была отмечена книга Б. И. Бурсова¹⁸⁸. В частности, Алпатов в письме от 25 октября (1974) сообщал: «Вышла в свет книга Бурсова "Личность Достоевского" ок. 600 стр. тираж 20 000 экз. Расквatalи в несколько часов, <эти> прислали из Ленинграда, где книга

¹⁷³ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972.

¹⁷⁶ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁷⁷ Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1972.

¹⁷⁸ Одна из первых и лучших советских экранизаций произведений Ф. М. Достоевского; фильм был снят в 1958.

¹⁷⁹ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁸⁰ Литературное наследство. М.: Наука, 1973. 86-й т. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования.

¹⁸¹ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁸² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30-ти т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. «Дневник писателя» был опубликован в 21–27 томах, письма в 28–30 томах.

¹⁸³ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1956.

¹⁸⁴ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁸⁵ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975.

¹⁸⁶ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Бурсов Б. И. Личность Достоевского. Л.: Сов. Писатель, 1974.

печаталась. Мне ее с трудом достали и я Вам по прочтении пришла в Калифорнию»¹⁸⁹. А в письме от 9 февраля (1975) он спрашивал Добржанского, получил ли тот книгу Бурсова о Достоевском, и если получил, то «каково Ваше о ней мнение? Автор, профессор или доцент Ленинградского Университета, очень эрудирован в русской литературе, но не пользуется официальной популярностью и выход его книги <насколько> я слежу никак не отразился в рецензиях»¹⁹⁰.

Примерно через месяц в письме от 6 марта (1975), подтверждая получение 5 марта письма Добржанского от 9 февраля, Алпатов писал: «Меня огорчило, что Вы до сих пор не получили книги Бурсова “Личность Достоевского”». Наконец, еще через 13 дней, в письме от 18 марта (1975) он с облегчением извещал: «Как я рад, что книга о Достоевском дошла до Вас. Посылаю Вам еще две книги о Достоевском»¹⁹¹.

Для Добржанского все эти книги имели неоценимое значение, если учесть его особое отношение к Достоевскому, включавшее постоянное обращение к творчеству и мыслям писателя. Следует отметить увлечение обоих ученых творчеством Достоевского. За всеми событиями, связанными с именем писателя, Алпатов следил с особой ревностью и писал о них Добржанскому. В цитирувавшемся выше письме от 29 октября (1971) из Цхалтубо он, в частности, сообщал о том, что

«возобновилась деятельность музея-квартиры Ф. М. Д. в Москве», и что он был поражен «(видимо нарочитой!) скромностью показа, особенно если сравнить с этим музеем Музей А. С. Пушкина на ул. Кропоткина. Совсем не показано мировое значение и мировая слава Ф. М. Д. По поступлениям в Ленинскую библиотеку, которую я регулярно посещаю, по крайней мере, раз в неделю видна эта мировая слава. Недавно англичане (BBC) передавали, что, по их мнению, величайшим писателем мира был Ф. М. Д.»¹⁹²

Можно усмотреть особый смысл в том, что с первым письмом Ф. Г. Добржанскому от 30 января (1970), возобновившим, после почти сорокалетнего перерыва, переписку, В. В. Алпатов послал сделанную им собственноручно фотографию памятника Ф. М. Достоевскому.

¹⁸⁹ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Alpatov W. [ca 1930].

¹⁹² Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

**РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ XIX – НАЧАЛА XX в.
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

M. F. Khartanovitch. The Russian-Polish cultural connections XIX – the beginnings of XX centuries in a modern Polish historiography. The Polish scientific literature of the last decade related to the Russian-Polish scientific communications, scientific development at the territory of the Western regions of Russian Empire in XIX – XX century.

Польские историки, плодотворно работающие в последние десятилетия в области истории культуры Царства Польского XIX – начала XX века, значительное внимание в своих исследованиях отводят истории науки и просвещения. Зачастую современными польскими учеными высказываются резкие оценки роли российского правительства в развитии научных учреждений и высших учебных заведений западных губерний и Царства Польского, в становлении творческого пути польских деятелей науки и просвещения. Вместе с тем они соседствуют с объективным анализом развития науки в западном регионе, вклада польских ученых в российскую науку и формирование научных школ в имперских университетах, а также участия польской интеллигенции в общественной жизни страны и взаимного обогащения культурными традициями.

История организации науки в западных областях царской России, таких как Привисленский край (Царство Польское), еще недостаточно отражена в современной историографии. Тем не менее, изучение деятельности научных учреждений этого края позволит проследить интересный процесс становления системы научных учреждений этого края.

На Венском Конгрессе (1814–1815) последовал очередной раздел Польши: России отошла большая часть бывшего Варшавского герцогства, преобразованная в Царство (Королевство) Польское. Империя получила развитый промышленный край с высоким общекультурным потенциалом. Тем самым необходимо отметить, что Польша и Россия на протяжении более века становились единым государством с общими культурно-просветительскими задачами.

Выдающемуся ученому польского происхождения Яну Нециславу (Ивану Александровичу) Бодуэну де Куртенэ посвящен сборник статей о его научной и общественно-политической деятельности¹ под редакцией профессора Е. Рузвича. И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), профессор университетов в Казани, Дерпте, Кракове, Санкт-Петербурге, Люблине и Варшаве, член Академии наук в Кракове, Санкт-Петербурге и Праге, член многочисленных научных обществ в России, Польше и Франции был выдающимся языковедом и славистом. Работая в 1875–1883 годах в Казанском университете вместе со своим учеником и последователем Николаем Крушевским, он создал так называемую казанскую школу лингвистики. Идеи, провозглашенные И. А. Бодуэном и его учениками в семидесятые и восьмидесятые годы XIX столетия, составляют основу многих теорий современного языкознания. Он проложил путь к ряду основных проблем современной науки о языке, таких как типология языков, социология языка, отношение языкознания к другим наукам. Основным вкладом Бодуэна де Куртенэ в современное языкознание является разработка теории

¹ Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecislawa Baudouina de Courtenay w Rosji. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.

фонологии и морфологии. Представленный сборник отражает интересные, ранее не исследованные стороны жизни и творчества ученого. В польской историографии ранее не было работ, посвященных периоду пребывания Бодуэна в России, который охватывает без малого сорок лет жизни ученого.

Коллектив авторов, в котором преобладают исследователи из России, получил возможность подготовить данный сборник благодаря договору о научном сотрудничестве, заключенном в 1986 году между Институтом истории науки, просвещения и техники ПАН и Институтом славяноведения и балканистики РАН². Г. Николаев и А. Сергеев из Казанского государственного университета представили период работы Бодуэна де Куртенэ в Казанском университете с 1875 по 1883 год. С. Смирнов (Институт языкознания АН Эстонской ССР) посвятил свою работу пребыванию ученого в Дерпте (1884–1893), Е. Рузевич (Институт истории науки, просвещения и техники ПАН) осветил многолетние связи Бодуэна с петербургскими научными центрами, С. Фалькович из Института славяноведения и балканистики РАН рассмотрела общественно-политическую деятельность Бодуэна в России в начале XX века. Дополняет перечисленные исследования обзор архивных материалов о деятельности Бодуэна де Куртенэ, которые находятся в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга. Этот обзор подготовили М. Ф. Хартанович (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН) и Е. Рузевич. Благодаря плодотворному сотрудничеству российско-польский коллектив смог рассмотреть практически все основные аспекты жизни и творчества Бодуэна де Куртенэ и широко представить источники, хранящиеся в российских и польских архивах и библиотеках.

В 1995 году в Варшаве благодаря усилиям членов Комиссии историков России и Польши, Российской и Польской Академий наук и Казанского университета увидел свет сборник статей «*Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.)*»³. Сборник посвящен изучению истории университетов дореволюционной России и участию в их работе польских профессоров — историков, филологов, лингвистов, правоведов, геологов и других⁴. В нем показана учебная и общественная деятельность польских студентов в российских высших учебных заведениях XIX — начала XX века. В частности, в сборнике идет речь о вузах Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Харькова, Дерпта (Тарту), Вильнюса, Варшавы⁵. Книга вызывает интерес и у тех читателей, кто интересуется историей культуры и образования в России.

² Там же. С. 201.

³ Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.). Варшава, 1995.

⁴ *Валеев Р. М.* Изучение Востока польскими учеными в российских университетах в первой половине — середине XIX в. С. 28–33; *Рузевич Е.* Поляки в высших учебных заведениях России до 1918 г. Состояние исследований. С. 41–50; *Он же.* Поляки в университете и ветеринарном институте Казани. С. 69–74; *Вуйчик З.* Польские геологи в университетах и высших технических училищах России. С. 63–68; *Шофман.* Казанский университет и польский просветитель Ян Верниковский. С. 75–80; *Сергеев А. В., Ягудин Б. М.* Научная и педагогическая деятельность В. И. Григоровича в Казанском университете. С. 81–87; *Байрамова Л. К.* Варшавский период научной деятельности казанского профессора Н. В. Крушевского. С. 88–92; *Андреева Л. С.* Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского в создание Казанской лингвистической школы. С. 101–109.

⁵ *Дьяков В. А.* Польские студенческие организации 30–60-х гг. XIX века в российских университетах. С. 20–27; *Михайлова С. М.* Польские студенты и преподаватели Казанского университета в культурно-просветительской и общественной жизни Поволжья. С. 92–100; *Курписова Г., Новинский Ф.* Польские студенты в Петербургском универси-

История народов России и Польши в XIX — начале XX века, богатая культурными связями, особенно в области науки и просвещения, дает возможность найти пути сотрудничества ученых славянских стран в настоящее время. В условиях, когда после 1832 года в самой Польше были закрыты высшие учебные заведения, а научные общественные учреждения подверглись тотальному контролю, оказалась важной возможность использовать российские университеты для получения образования польской молодежи, а ученым Царства Польского обрести место работы. Хотя цели властей Российской империи, организовавших такое обучение, и стремления самих польских профессоров и студентов часто бывали совершенно различными, объективные результаты их деятельности были позитивны как для тех, кто преподавал, так и для тех, кто учился в России⁶. Научная подготовка, которую получила молодежь Польши в российских университетах в XIX — начале XX века, оказалась весьма кстати в условиях, когда Польша, после обретения независимости, стала заново строить свое государство, его экономику и культуру. Как явствует из статьи профессора З. Вуйчика, около половины польских геологов межвоенного периода получили образование в высших школах дореволюционной России⁷.

Авторы сборника собрали новый интересный материал не только по теме, указанной в его заглавии, но и по истории некоторых учебных заведений, о которых ранее было мало что известно⁸.

Материалы сборника свидетельствуют о плодотворных перспективах научного сотрудничества ученых России, Польши и других стран на поприще изучения истории науки и просвещения XIX — начала XX века и дают надежду на продолжение подобных научных контактов между Россией и Польшей.

В 1994 году во Вроцлаве увидел свет первый том «*Польских исследований стран мира*» («*Polskie opisanie swiata*») А. Кучинского⁹. Книга представляет красочное, богато иллюстрированное издание, рассчитанное на широкого читателя. Однако ее содержание дает возможность и «узкому» специалисту найти нужный материал для своих исследований.

Одно из основных направлений книги — изучение деятельности ссыльных поляков, оказавшихся на окраине Российской империи, в области этнографии и лингвистики. Значительный интерес в этом случае представляет статья о Б. Пилсудском¹⁰. Известный лингвист и этнограф Бронислав Осипович Пилсудский, будучи еще сту-

тете в XIX веке. С. 117–122; *Марголис Ю. Д.* Студенты-поляки Петербургского университета в общественном движении 1840–1860-х гг. С. 132–138.

⁶ *Шапов Я. Н.* Российско-польское сотрудничество в университетах дореволюционной России как предмет исследования // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.)*. Варшава, 1995. С. 8.

⁷ *Вуйчик Збигнев.* Польские геологи в университетах и высших технических училищах России // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.)*. Варшава, 1995. С. 67–68.

⁸ *Исаков С. Г.* Юрьевские частные университетские курсы (1908–1918), их польские профессора и студенты // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.)*. Варшава, 1995. С. 163–170; *Голубев С. А.* А. К. Жизневский — организатор исторической науки в Твери // Там же. С. 187–192; *Калинина Т. А.* Польские деятели народного образования в Пермском крае // Там же. С. 193–197.

⁹ *Kuczynski Antoni.* Polskie opisanie swiata. Studia z dziejow poznania kultur ludowych i plemiennych. Tom 1. Azja i Afryka. Wroclaw, 1994.

¹⁰ *Bronislaw Pilsudski.* Z wedrowek po kraju Niwchow // *Kuczynski A.* Polskie opisanie swiata. Wroclaw, 1994. P. 174–190.

дентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета, входил в состав террористической фракции «Народной воли» и проходил по делу «15-ти студентов» вместе с А. И. Ульяновым. Он был приговорен в 1887 году к смертной казни, замененной 25 годами каторжных работ на острове Сахалин. Отбывая срок каторги, Пилсудский изучал язык айнов, собирал материал по фольклору и этнографии населения Сахалина. Воля и пытливость позволили Пилсудскому не «склониться под ударами судьбы», а в тяжелых условиях каторги и поселения заниматься научными исследованиями, создать свою научную школу.

Истории науки и просвещения XIX века в Царстве Польском посвящены основные работы польского историка Л. Заштовта. В 1989 году в Польше вышла его работа, посвященная популяризации науки в Царстве Польском¹¹. Автор дал в ней анализ деятельности научных издательств, обществ, просветительских организаций, университета, библиотек, музеев и архивов. Эта работа является необходимым источником для изучения развития науки и просвещения в Царстве Польском. Однако политизация исследования приводит к некоторому искажению картины культурной жизни польского (Привисленского) края, входившего в XIX веке в состав Российской империи. Заштовт сообщает читателю, что в польских землях, разорванных в то время тремя государствами, формы распространения образования обладали небольшими возможностями развития. Исключением была только Галиция, которая находилась под властью Австро-Венгрии, признавшей в 1866 году автономию поляков. В самой трагичной обстановке, как пишет Л. Заштовт во введении, находились польские земли, присоединенные к Пруссии и царской России¹². Костяком русского захвата было Царство Польское, которое после ноябрьского восстания 1830 года потеряло свою автономию. Попытка возврата автономии, считает автор, путем реформ и развития системы польского просвещения, начатая в 1862 году маркграфом Александром Великопольским, потерпела поражение вследствие восстания 1863 года. Результатом реформы явилась Главная школа, преобразованная в 1869 году в царский Варшавский университет с русским языком как основным для преподавания.

Тем не менее, именно в Привисленском крае во второй половине XIX века развилась обширная сеть научных учреждений — обществ, музеев, библиотек и архивов. У польской молодежи появилась возможность получать прекрасное образование в высших учебных заведениях России, сформировать свою научную элиту. Тенденция находить только негатив в развитии русско-польских научных контактов присуща, к сожалению, значительной части современных польских исследователей.

В 1997 году Заштовт выпустил монографию «Кризис 1832—1864. Среднее образование на землях литовских и русских бывшей Речи Посполитой»¹³. Книга, несомненно, полезна, прежде всего, как справочник по системе гимназий западных губерний в XIX веке, охватывавшей современную территорию Литвы, Белоруссии, Западной Украины.

Одним из ведущих направлений научной деятельности Царства Польского в XIX веке было формирование обширной сети научных обществ. Сложилось так, что внутриполитическая обстановка в крае после восстания 1830—1831 годов привела к ряду карательных мер российского правительства. Были закрыты Виленский и

¹¹ *Zasztowi Leszek. Popularyzacja nauki w Królestwie Polskim. 1864—1905.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódź, 1989.

¹² *Ibid.* S. 4.

¹³ *Zasztowi Leszek. Kresy 1832—1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej.* Warszawa, 1997.

Варшавский университеты, в крае из учебных заведений действовали только мало-численные гимназии, установился жесткий контроль над культурной жизнью Привисленского края. Однако и в такой обстановке нашли свою среду обитания научные общества, восполнявшие отсутствие официальных научных учреждений. Общества подвергались строгому надзору властей, однако это не мешало им вести научную и просветительскую деятельность. В Польше вышел подробный справочник по польским научным обществам¹⁴, в котором даются сведения о ста с лишним из них. Общества делились на гуманитарные, технические и естественнонаучные. В первой половине XIX века действовали такие организации, как Общество варшавских врачей (существует с 1820), Дружеское научное общество в Варшаве (существует с 1800), Краковское научное общество (1815—1872) и др.

Во второй половине XIX века число научных обществ возросло. Яркой научной жизнью жил Львов. Большая часть научных обществ была открыта при Львовском университете. На страницах справочника представлены как ведущие научные общественные центры, так и густая сеть провинциальных научных обществ. Краткие сведения об обществах зачастую снабжены и подробными научными статьями об организации и деятельности польских общественных научных организаций. Это издание является примером правильного подхода к популяризации истории научных организаций.

Хочется верить, что в таких исследованиях будут принимать участие и российские ученые, что позволит с большей объективностью, разносторонне развивать данную тематику.

¹⁴ Słownik polskich towarzystw naukowych. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk. Т. 1. 1978; Т. 2. 1980; Т. 3. 1982.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕНЕТИКИ:

1986—2003*

Konashev M. B. Bibliography on the history of Russian genetics: 1986—2003

- Аберрация дальности (К 100-летию со дня рождения А. С. Серебровского // *Природа*. 1992. № 11. С. 80—81.
- Агаев М. Г.* Вавиловская концепция вида и ее развитие // *Генетика*. 1987. № 11. С. 1949—1960.
- Адамс М. В.* Политика в области наследственности человека в СССР: 1920—1940 // *Эволюционная биология / Под ред. Э. И. Колчинского (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей)*. Т. 90. Вып. 1. СПб., 1994. С. 15—25.
- Академику Дубинину Н. П. — 80 лет // *Вестник АН СССР*. 1987. № 5. С. 132—133.
- Акифьев А. П., Дубинина Л. Г.* Письмо в редакцию // *Вестник РАН*. 2000. Т. 70. № 9. С. 833.
- Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии // *Знание — сила*. 1987. № 10. С. 72—80, № 12. С. 50—58; 1988. № 12. С. 74—80.
- Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. СПб.: Наука, 1992. 262 с.
- Алтухов Ю. П.* Вклад А. С. Серебровского в генетику популяций // *Генетика*. 1992. № 1. С. 8—19.
- Андреев Л. Н.* Неизвестный документ академика Н. В. Цицина // *Вестник РАН*. 1998. № 12. С. 1096—1098.
- Артемьев Н. И., Калинина Т. Е.* Сергей Сергеевич Четвериков. Отв. ред. В. А. Струнников. М.: Наука. 1994. 160 с.
- Асланян М. М., Варшавер Н. Б., Глотов Н. В. и др.* Александр Сергеевич Серебровский: 1892—1948. / Отв. ред. Н. Н. Воронцов. М.: Наука, 1993. 192 с.
- Астауров Б. Л., Рокицкий П. Ф.* Николай Константинович Кольцов. М.: Наука, 1975. 168 с.
- Астауров Б. Л.* О генетике и ее истории // *ВИЕТ*. 1987. № 3. С. 79—87.
- Аутрум Г.-И.* В памяти немецкого физиолога // *Природа*. 1995. № 12. С. 97—99.
- Бабков В. В.* Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Бабков В. В. Н. К. Кольцов и его Институт в 1938—1939 гг.* // *Онтогенез*. 1992. № 4. С. 443—459.
- Бабков В. В.* Счастливый гений Н. И. Вавилова // *Онтогенез*. 1993. № 1. С. 83—84.
- Бабков В. В.* К политической истории советской генетики // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 64—65.
- Бабков В. В.* Биологические и социальные иерархии (контексты письма Г. Г. Меллера И. В. Сталину) // *ВИЕТ*. 1997. № 1. С. 76—94.
- Бабков В. В.* Как ковалась победа над генетикой // *Человек*. 1998. № 6. С. 82—90.
- Бабков В. В.* О принципах организации института Н. К. Кольцова // *Науковедение*. 2000. № 2. С. 132—141.
- Бабков В. В.* Трагическая судьба гения // *Вестник РАН*. 2000. № 12. С. 1127—1130.
- Бабков В. В.* Медицинская генетика в СССР // *Вестник РАН*. 2001. № 10. С. 928—937.

* В библиографию включены также некоторые основные работы, главным образом, книги по истории отечественной генетики, опубликованные до 1986 г., в том числе и за рубежом. Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). Проект № 02-03-18008а.

- Баландина Н. А.* Миассово, лето 1956 г. (100 лет со дня рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского) // *ВИЕТ*. 2000. № 4. С. 89–97.
- Баранов Олег Константинович* (2 августа 1943 г. – 24 октября 1988 г.) // *Генетика*. 1989. № 9. С. 1710–1711.
- Барский В., Гостимский С.* Виктор Миронович Гиндилис (1937–2001) // *Генетика*. 2001. № 4. С. 575–576.
- Бахтеев Ф. Х.* Николай Иванович Вавилов. 1887–1943. Новосибирск: Наука, 1988. 270 с.
- Беляев Дмитрий Константинович* // *Вестник АН СССР*. 1986. № 2. С. 134–135.
- Беляев Дмитрий Константинович* (К 100-летию со дня рождения) // *Генетика*. 1987. № 6. С. 933–936.
- Берг Р. Л.* Охранная грамота для Зубра // *Человек*. 1990. № 2. С. 123–133.
- Берг Р. Л.* Из воспоминаний генетика // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 93–124.
- Берг Р. Л.* Суховой. Воспоминания генетика. New York: Chalidge Publication, 1983. 335 с.
- Берг Р. Л.* Суховой: Воспоминания генетика. 2-е изд., доп. М., 2003. 523 с. (Памятники ист. мысли).
- Биологи. Биографический справочник.* Авт.: *Т. П. Бабий и др.* Киев: Наукова думка, 1984. 816 с.
- Богданов Н. Н.* Феодосий Добржанский — родственник Федора Достоевского // *Генетика*. 2000. № 2. С. 301–302.
- Богданов Н. Н.* Его родословная // *Природа* 2000. № 12. С. 65–67.
- Богданов Ю. Ф.* Лидер отечественной цитогенетики. К 90-летию со дня рождения А. А. Прокофьевой-Бельговской (1903–1984) // *Генетика*. 1993. № 2. С. 354–365.
- Богданов Ю. Ф.* А. А. Прокофьева-Бельговская (1903–1984) и ее вклад в цитогенетику. К 100-летию со дня рождения // *Генетика*. 2003. № 4. С. 575–582.
- Бойко В. В., Виленский Е. М.* Николай Иванович Вавилов, 1887–1987: страницы жизни и деятельности. М.: Агропромиздат, 1987. 187 с.
- Булатова Н., Графодатский А.* Памяти учителя // *Генетика*. 1990. Т. 26. № 9. С. 1694–1695.
- Вавилов Николай Иванович* (К 100-летию со дня рождения) // *Генетика*. 1987. № 11. С. 1909–1915.
- Вавилов Ю. Н., Рокитянский Я. Г.* Голгофа: Архивные материалы о последних годах жизни академика Вавилова (1940–1943) // *Вестник РАН*. 1993. № 9. С. 830–846.
- Васина-Попова Е. Т.* Роль Н. И. Вавилова в развитии советской генетики и селекции животных // *Генетика*. 1987. № 11. С. 2002–2006.
- Васина-Попова Е. Т.* Учитель // *Природа*. 1992. № 11. С. 81–87.
- Ватти К. В., Тихомирова М. М.* Ленинградская генетическая школа // *ВИЕТ*. 1991. № 4. С. 27–34.
- Ватти К. В.* Разгром генетики в Ленинградском университете (августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г.) // *Исследования по генетике*. 1994. Вып. 11. С. 85–90.
- Ватти К. В., Сахаров И. А., Инге-Вечтомов С. Г. и др.* М. Е. Лобашев и проблемы современной генетики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 160 с.
- Ватти К. В., Пономаренко В. В., Тихомирова М. М.* Возрождение генетики в Ленинградском университете (1957–1970) // *Исследования по генетике*. 1994. Вып. 11. С. 90–103.
- Вельков В. В.* Перед смертью все равны // *Природа*. 1993. № 11. С. 94–95.
- Вера Федоровна Любимова* (1906–2002) // *Генетика*. 2002. № 10. С. 1434–1435.
- Волков В. А.* Еще раз о Н. И. Вавилове и Т. Д. Лысенко. У истоков «лысенковщины» // *Природа*. 1996. № 11. С. 125–126.

- Воронцов Н. Н.* Разноликий Тимофеев-Ресовский // Природа. 1995. № 10. С. 90–105.
- Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Изд. отд. УНЦ, ДО МГУ, Прогресс – Традиция, АБФ, 1999. 640 с.
- Воронцов Н. Н., Голубовский М. Д.* Популяционная и эволюционная генетика в СССР в вавилонское время (1917–1941) // Вавилонское наследие в современной биологии. М.: Наука, 1989. С. 270–298.
- Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 1996. 69 с.
- Выдающиеся советские генетики. М.: Наука, 1980. 150 с.
- Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. 424 с.
- Гайсинович А. Е.* Тернистый путь советской генетики // Природа. 1988. № 5. С. 73–81.
- Гайсинович А. Е., Россиянов К. О.* «Я глубоко убежден, что я прав...». Н. К. Кольцов и лысенковщина // Природа. 1989. № 5. С. 86 – 95; № 6. С. 95–103.
- Гайсинович А. Е., Музрукова Е. Б.* «Учение» О. Б. Лепешинской о «живом веществе» // Репрессированная наука, Л.: Наука, 1991. С. 71–90.
- Галл Я. М., Конашев М. Б.* Классик // Природа. 1990. № 3. С. 79–87.
- Гвоздев В. А.* Сначала идея... // Природа. 1993. № 11. С. 86–93.
- Гершензон Сергей Михайлович* (К 80-летию со дня рождения) // Генетика. 1986. № 4. С. 712–714.
- Гершензон С. М.* Тропой генетики. Киев: Наукова думка, 1992. 176 с.
- Гершензон С. М.* Воспоминания о лысенковщине // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 209–218.
- Гершензон С. М.* Московский университет. Двадцатые годы // Природа. 1996. № 2. С. 78–87.
- Гершензон С. М.* Воспоминания о встречах с Ф. Г. Добржанским // Генетика. 2000. № 2. С. 299–300.
- Гинещинская Т. А.* Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 114–126.
- Голубовский М. Д.* Любишев против лысенковщины // ВИЕТ. 1990. № 3. С. 79–89.
- Голубовский М. Д.* Противостояние (К 100-летию со дня рождения А. А. Любищева) // Природа. 1990. № 5. С. 86–92.
- Голубовский М. Д.* К 90-летию С. М. Гершензона // Генетика. 1996. № 1. С. 154–156.
- Голубовский М. Д.* Социальные аспекты генетики в исследованиях В. П. Эфроимсона // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1996. / Под ред. В. М. Орла. М.: Янус-К, 1997. С. 209–211.
- Голубовский М. Д.* Век генетики: эволюция идей и понятий. СПб.: Борей-Арт, 2000. 262 с.
- Голубовский М. Д., Изюмова Е.* Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) // Генетика. 1989. № 12. С. 2269–2271.
- Гончаров В. А., Нехотин В. В.* Неизвестное об известном. По материалам архивного следственного дела на Н. В. Тимофеева-Ресовского // Вестник РАН. 2000. № 3. С. 249–257.
- Горощенко Ю. Л.* Юрий Александрович Филипченко — основатель отечественной генетической школы // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 12–22.
- Гранин Д. А.* Зубр. М.: Кн. палата, 1988. 272 с.
- Григорьян Н. А.* Н. К. Кольцов и экспериментальная генетика высшей нервной деятельности // Природа. 1992. № 6. С. 93–97.
- Дмитрий Константинович Беляев* (1917–1985 гг.) // Генетика. 1997. № 8. С. 1030–1043.

- Дмитрий Константинович Беляев. Книга воспоминаний / Ред. В. К. Шумный, П. М. Бородин, А. Л. Маркель, С. В. Аргутинская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Финал Гео, 2002. 284 с.
- Дорофеев В. Ф., Филатенко А. А. Становление и развитие учения Н. И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений // Генетика. 1987. № 11. С. 1916–1926.
- Драгавцев В. А. Стратегически важный капитал // Природа. 1995. № 12. С. 59–62.
- Дубинин Николай Петрович (К 80-летию со дня рождения) // Генетика. 1987. № 1. С. 189–191.
- Дубинин Н. П. Вечное движение. Воспоминания. 3-е изд. М.: Политиздат, 1989. 448 с.
- Дубинин Н. П. Ажиотаж неправды // Вестник АН СССР. 1989. № 3. С. 125–126.
- Дубинин Н. П. Попытка опорочить ученого несостоятельна // Вестник АН СССР. 1989. № 10. С. 99–103.
- Дубинин Н. П. Генетика — страницы истории. Кишинев: Штиинца, 1990. 399 с.
- Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. 384 с.
- Дубинин Н. П. Экспериментальные исследования А. С. Серебровского по индуцированному мутагенезу // Генетика. 1992. № 1. С. 38–51.
- Елагин И. Н. Дело всей жизни. К 90-летию со дня рождения академика Николая Васильевича Цицина // Вестник АН СССР. 1988. № 12. С. 86–93.
- Есаков В. Д. Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 57–75.
- Жданов Ю. А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 65–92.
- Жирмунский А. В. Совесть не могла молчать. Письмо члена-корреспондента АН СССР Д. И. Насонова Н. С. Хрущеву // Вестник АН СССР. 1989. № 11. С. 81–86.
- Журавский Д. Террор // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 125–146.
- Захаров А. Ф. (1928–1986) // Генетика. 1988. № 10. С. 1901–1903.
- Захаров И. А. Закон генетической гомологии Н. И. Вавилова в современной генетике // Генетика. 1987. № 11. С. 1937–1948.
- Захаров И. А. Из истории советской генетики // Цитология и генетика. 1988. Т. 22. № 3. С. 60.
- Захаров И. А. Из истории советской генетики // Генетика. 1988. № 12. С. 2269–2271.
- Захаров И. А. Н. И. Вавилов — руководитель Института генетики Академии наук СССР // Генетика. 1993. Т. 29. № 1. С. 12.
- Захаров И. А. Краткие очерки по истории генетики. М., 1999. 72 с.
- Захаров И. А. Демографическое и генеалогическое изучение российских академиков (результаты старого исследования Ю. А. Филипченко и сотрудников) // Генетика. 1999. № 10. С. 1317–1321.
- Захаров И. А. К 100-летию Феодосия Григорьевича Добржанского // Генетика. 2000. № 2. С. 297–298.
- Захаров И. А. К 100-летию со дня рождения Ф. Г. Добржанского // Природа. 2000. № 12. С. 58–59.
- Захаров И. А. К столетию Василия Сергеевича Федорова // Генетика. 2003. № 8. С. 1145–1147.
- Захаров И. А., Конюхов Б., Малащенко А. Из славной плеяды генетиков (к 100-летию со дня рождения Н. Н. Медведева) // Генетика. 1999. № 7. С. 1019–1021.
- Захаров И. А., Рязанцева Е. В. Г. Дж. Меллер в СССР // Цитология и генетика. 1992. Т. 26. С. 67–71.
- Захаров И. А., Суриков И. М. Генетики — жертвы репрессий // Цитология и генетика. 1989. Т. 23. № 6. С. 57–67.

- Знания, брошенные в огонь. Несколько новых страниц из жизни академика Н. И. Вавилова // Вестник РАН. 1996. № 7. С. 625–635.
- Иванов Владимир Ильич. К 70-летию со дня рождения // Генетика. 2002. № 7. С. 1006–1007.
- Иванов В. И. Нет пророка в своем отечестве // Природа. 1990. № 9. С. 71–77.
- Иванов В., Ляпунова Н., Богданов Ю. Сто лет со дня рождения Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского // Генетика. 2000. № 11. С. 1417–1424.
- Из дневника Ф. Г. Добржанского / публ. И. А. Захарова // Природа. 2000. № 12. С. 59–64.
- Из истории борьбы с лысенковщиной / публ. В. Есакова, С. Ивановой, Е. Левиной // Изв. ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 125–141; № 6. С. 157–173; № 7. С. 109–121.
- Из писем Н. В. Тимофеева-Ресовского (Предисл. А. Н. Тюрюханова, публ. М. В. Куликовой) // Природа. 1990. № 9. С. 95–104.
- Инге-Вецтомов С. Г. Генетическая школа Санкт-Петербургского государственного университета (вместо предисл.) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 3–6.
- Инге-Вецтомов С. Г. Предыстория молекулярной генетики в С.-Петербургском (Ленинградском) университете // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 103–110.
- Инге-Вецтомов С. Г., Тихомирова М. М., Кайданов Л. З. Михаил Ефимович Лобашев (к 90-летию со дня рождения) // Генетика. 1997. № 10. С. 1450–1454.
- Иосиф Абрамович Рапопорт. Материалы к биобиблиографии ученых. Авт. вступит. статьи О. Г. Строева, К. А. Рапопорт. М.: Наука, 1993. 96 с.
- Иосиф Абрамович Рапопорт — ученый, воин, гражданин. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 2001. 335 с.
- История Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим // Человек. 1993. № 2. С. 148–162.
- История биологии с начала XX века до наших дней. М.: Наука, 1975. 659 с.
- К 70-летию Николая Павловича Бочкова // Генетика. 2001. № 9. С. 1311–1312.
- К 75-летию кафедры генетики и селекции С.-Петербургского Университета // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. 116 с.
- К 90-летию Веры Федоровны Любимовой // Генетика. 1996. № 9. С. 1305–1306.
- К 90-летию Николая Петровича Дубинина // Генетика. 1996. № 12. С. 1725–1726.
- К 90-летию со дня рождения С. И. Алиханяна (1906–1985 гг.) // Генетика. 1996. № 10. С. 1434–1436.
- К 90-летию Петра Климентьевича Шкверникова // Генетика. 1996. № 9. С. 1307–1308.
- Кайданов Л. З. Формирование кафедры генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском университете (1913 – 1920) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 6–12.
- Как готовилась расправа над генетикой. Вступит. статья и публ. Н. В. Бойко // Вестник АН СССР. 1989. № 9. С. 11–119.
- Карасева Е. В. КЮБЗ, биофак // Природа. 1993. № 11. С. 69 – 70.
- Карпеченко Георгий Дмитриевич — ученый, борец за генетику // Генетика. 1989. № 8. С. 1534–1535.
- Карташова Н., Фоминых С., Цитленок С. К 100-летию со дня рождения Владимира Петровича Чехова // Генетика. 1998. № 9. С. 1322–1325.
- Керкис Ю. Я. Своими руками // Природа. 1988. № 5. С. 81–86.
- Керкис Ю. Я. Неизвестные страницы из жизни Н. И. Вавилова // Природа. 1989. № 3. С. 97–102.
- Кикнадзе И. И. Творческий вклад Д. К. Беляева в развитие представлений о функциональной организации хромосом // Генетика. 1987. № 6. С. 956–961.

- Кирпичников Валентин Сергеевич (к 80-летию со дня рождения) // Генетика. 1989. № 3. С. 571–574.
- Кирпичников В. С. Н. И. Вавилов, Н. К. Кольцов и борьба за генетику // Репрессированная наука, Л.: Наука, 1991. С. 201–211.
- Колчинский Э. И. Несостоявшийся «союз» философии и биологии (20–30-е гг.) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 34–70.
- Колчинский Э. И. Взгляд из ректората на биологию в ленинградском университете (Интервью с академиком А. Д. Александровым) // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 169–175.
- Колчинский Э. И. Рыцарь науки (интервью с В. С. Кирпичниковым) // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 228–242.
- Колчинский Э. И. Диалектизация биологии (дискуссии и репрессии в 20-е — начале 30-х гг. XX в.) // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 39–64.
- Колчинский Э. И. Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 554 с.
- Колчинский Э. И., Конашев М. Б. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 49–74.
- Колчинский Э. И., Полянский Ю. И. Ученый и гражданин // Генетика. 1992. № 5. С. 182–184.
- Конашев М. Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 240–263.
- Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 56–71.
- Конашев М. Б. Лысенкоизм под охраной спецхрана // Репрессированная наука. Выпуск II. СПб.: Наука, 1994. С. 97–112.
- Конашев М. Б. «На поприще клеветы против советских биологов» (критика Ф. Г. Добржанским лысенкоизма) // Эволюционная биология (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90. Вып. 1). СПб., 1994. С. 60–74.
- Конашев М. Б. Школа генетиков Ю. А. Филипченко // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2. Кн. 2. / Под редакцией С. А. Кугеля. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994. С. 23–29.
- Конашев М. Б. Бюро по евгенике (1922–1930) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 22–28.
- Конашев М. Б. Феодосий Григорьевич Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 29–36.
- Конашев М. Б. По ту и по эту сторону океана (Феодосий Григорьевич Добржанский: 1900–1975) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 1996. Вып. 1. С. 45–58.
- Конашев М. Б. Документы русских биологов в библиотеке Американского философского общества // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 41–43.
- Конашев М. Б. Русские генетики в эмиграции // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 183–187.
- Конашев М. Б. Эпистолярное наследие Феодосия Григорьевича Добржанского // Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские международные шмелевские чтения. Материалы научной конференции. Алушта, 1997. С. 356–358.
- Конашев М. Б. Несостоявшийся переезд Н. В. Тимофеева-Ресовского в США // На переломе: советская биология в 20–30-х годах / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб, 1997. С. 94–106.

Конашев М. Б. Переписка М. Демерца с Н. В. Тимофеевым-Ресовским // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XVIII годичной конференции СП отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (24–26 ноября 1997 г.). Вып. XIII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 66–67.

Конашев М. Б. 7-й Международный генетический конгресс в Москве и зарубежное генетическое сообщество // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. 2 часть. М.: Янус-К, 1997. С. 110–111.

Конашев М. Б. Несостоявшаяся поездка Н. В. Тимофеева-Ресовского в США // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1996. / Под ред. В. М. Орла. М.: Янус-К, 1997. С. 94–95.

Конашев М. Б. Редкое сочетание мужества, таланта и беззаветного служения науке и родине. Юрий Александрович Филипченко (1882–1930) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Вып. 2. СПб., 1998. С. 51–62.

Конашев М. Б. От евгеники к медицинской генетике // Дни медицины и биологии в Петербурге. СПб., 1998. С. 18–42.

Конашев М. Б. Неизвестная страница научного творчества двух генетических школ: Ю. А. Филипченко и Т. Х. Моргана // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XIX годичной конференции СП отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (23–28 ноября 1998 г.). Вып. XIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 32–33.

Конашев М. Б. Самоцензура отечественных генетиков и эволюционистов в переписке с зарубежными коллегами в 1930-е годы // Историческая психология сталинизма и ее судьба. Тезисы международной научной междисциплинарной конференции. Санкт-Петербург, 19–21 мая 1998 г. Под ред. чл.-корр. РАО проф. В. И. Старцева. СПб.: Минерва-2, 1998. С. 56–58.

Конашев М. Б. Зарубежные генетики и Всесоюзный съезд по генетике 1929 г. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1998. / Под ред. В. М. Орла. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 482–485.

Конашев М. Б. Ю. А. Филипченко и генетические исследования за рубежом // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия / Труды международной конференции «Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия», 14–16 сентября 1999 г., С.-Петербург. Под ред. Л. Я. Боркина, Э. И. Колчинского. СПб.: СПбСУ, 1999. С. 42–52.

Конашев М. Б. Научные связи русских и американских генетиков в 20–30-е годы XX века: «нетрадиционное» измерение исторической судьбы? // Плехановские чтения. Исторические судьбы России. 29.05–30.05.1999 г. Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 93–96.

Конашев М. Б. Научные контакты русских и американских генетиков и эволюционистов в 20–30-е годы и книга Г. Ф. Гаузе «Struggle for Existence» // На переломе: отечественная наука в первой половине XX века / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. Вып. 2. СПб., 1999. С. 92–106.

Конашев М. Б. Ю. А. Филипченко и генетические исследования в Германии и США // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XX годичной конференции СП отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (22–26 ноября 1999 г.). Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 171–172.

Конашев М. Б. Из плеяды американских ученых русского происхождения: И. М. Лернер // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 2. С. 109–123.

Конашев М. Б. Переписка русских и американских генетиков в 1940–1960 гг. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2000. Под ред. В. М. Орла. М.: ИИЕТ РАН, 2000. С. 437–438.

Конашев М. Б. Ученый в разделенном мире: Ф. Г. Добржанский и становление биологии в начале века // Науковедение. 2000. № 3. С. 209–224.

Конашев М. Б. Три поездки Ф. Г. Добржанского в Германию // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Борей Арт, 2001. Т. 2. С. 142–148.

Конашев М. Б. Холодная война, генетика и «спецхран» // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 437–452.

Конашев М. Б. Один из аспектов диалога отечественных генетиков на родине и за рубежом // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 396–399.

Конашев М. Б. Отечественные генетики за рубежом и советская генетика // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 174–178.

Конашев М. Б. «...И разговорились о России и прочем» (Ф. Г. Добржанский и советские генетики: 1946–1975 гг.) // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2003. С. 151–159.

Конашев М. Б., Кременцов Н. Л. Ф. Г. Добржанский: «возвращение» в СССР // Генетика, 1991. Т. 27. № 6. С. 1113.

Корогодин В. И. Учитель // Природа. 1990. № 9. С. 85–95.

Кременцов Н. Л. Равнение на ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 83–96.

Кременцов Н. Л. «Американская помощь» в советской генетике: 1945–1947 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 25–41.

Кременцов Н. Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: Советская биология в 20–30-х годах / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб, 1997. С. 107–164.

Крупнейший ученый, создавший целую школу (письмо-ходатайство за Г. А. Левитского) // Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных. М.: Современный писатель, 1998. С. 100–103.

Кулаев Б. С. Никаких поблажек себе... // Природа. 1993. № 11. С. 72–77.

Куперитох Н. А. Сопротивление застою в биологии // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 9. С. 836–840.

Курсанова Т. А. Научные связи Н. И. Вавилова с фирмой Вильморен-Андрие // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2000 / Под ред. В. М. Орла. М.: ИИЕТ РАН, 2000. С. 301–303.

Курсанова Т. А. Н. И. Вавилов и французская селекционная школа // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001. М.: Диполь-Т, 2001. С. 297–299.

Курьянова Н. И. Личная библиотека А. С. Серебровского в Институте цитологии и генетики СО АН СССР // Генетика. 1992. № 1. С. 122.

Лаптев Ю. Петр Михайлович Жуковский. (К 100-летию со дня рождения) // Генетика. 1988. Т. 24. № 1. С. 5–12.

Лебедев Д. В. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 264–282.

Лебедев Д. В., Колчинский Э. И. Последняя встреча Н. И. Вавилова с И. В. Сталиным (Интервью с Е. С. Якушевским) // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 219–221.

Лебедев Д. В. Помогают ли опыты на простейших понять трагические события в отечественной биологии? (Реплика участника этих событий) // На перело-

- ме: советская биология в 20–30-х годах / под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. С. 165–170.
- Лебедев Д. В. Георгий Дмитриевич Карпеченко // Сопратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб.: Изд-во ВИР, 1994. С. 210–229.
- Лебедев Д. В., Абрамова Л. И. Григорий Андреевич Левитский // Сопратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб.: Изд-во ВИР, 1994. С. 307–322.
- Левина Е. С. Из истории отечественной генетики. Николай Иванович Вавилов и Георгий Дмитриевич Карпеченко // Генетика. 1987. № 11. С. 2007–2019.
- Левина Е. С. Н. И. Вавилов – историк генетики (по материалам научного и эпистолярного наследия) // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 34–43.
- Левина Е. С. Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука, Л.: «Наука», 1991. С. 223–239.
- Левина Е. С. Беда или вина академика Вавилова (рец. на кн.: М. Поповский. Дело академика Вавилова) // Природа. 1992. № 8. С. 121–124.
- Левина Е. С. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. Биология в СССР: история и историография. М.: АИРО-XX, 1995. 157 с.
- Левина Е. С. Некоторые уточнения // Природа. 1996. № 11. С. 127–128.
- Левина Е. С. Наука под прессингом системы: история несостоявшегося в Москве Международного генетического конгресса (1935–1938 гг.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция, 1998. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 196–201.
- Левитская Н. Г., Лассан Т. К. Григорий Андреевич Левитский (Материалы к биографии) // Цитология. 1992. Т. 34. № 8. С. 102–125.
- Любимова В. Ф. Н. И. Вавилов и проблемы отдаленной гибридизации // Генетика. 1987. № 11. С. 1980–1997.
- Любимова-Лепина В. Памяти Тениса Карловича Лепина (1895–1964) // Генетика. 1995. № 4. С. 588–589.
- Любищев против лысенковщины: история и уроки противостояния. Письма. Документы // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 496–517.
- Любищев А. А. В защиту науки: Статьи и письма. Л.: Наука, 1991. 295 с.
- Малиновский А. А. К 80-летию // Генетика. 1990. Т. 26. № 3. С. 573–574.
- Маневич Э. Д. В защиту Н. И. Вавилова // ВИЕТ. 1991. № 2. С. 13–143.
- Маневич Э. Д. А. С. Серебровский и борьба за генетику // ВИЕТ, 1992. № 2. С. 78–93.
- Медведев Ж. А. Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, лтд, 1993. 348 с.
- Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко // Выдающиеся советские генетики. М., 1980. С. 88–100.
- Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко. М.: Наука, 1978. 104 с.
- Миркин Б. М. «Лысенкиана» А. А. Любищева (рец. на кн.: А. А. Любищев. В защиту науки: статьи и письма) // Природа. 1992. № 3. С. 121–123.
- Мужество академика Д. Н. Прянишникова. Вступит. статья и публ. Ю. И. Соловьева, послесловие Ю. Н. Вавилова // Вестник РАН. 1992. № 9. С. 128–137.
- Музрукова Е. Б., Чеснова Л. В. Советская биология в 30–40-е годы: кризис в условиях тоталитарной системы // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 45–56.
- Музрукова Е. Б., Назаров В. И., Чеснова Л. В. Из истории советской генетики (Интервью с академиком Н. П. Дубининым) // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 243–251.

«Мул не заменим ни лошастью, ни автомобилем». Неизвестное письмо Н. К. Кольцова академику А. В. Луначарскому. Вступительная статья и публикация *Н. С. Антоновой* // Вестник РАН. 1992. № 12. С. 79–83.

Н. В. Тимофеев-Ресовский на семинаре у П. Л. Капицы // ВИЕТ. № 3–4. С. 106–114, 81–89.

Назаров В. И. Представления о механизмах надвидовой эволюции в трудах ведущих генетиков первой половины XX века // Историко-биологические исследования. М.: Наука, 1997. Вып. 11. С. 3–19.

Научное наследие Л. Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения (сборник статей). М., 2001. 234 с.

Николай Васильевич Цицын (к 100-летию со дня рождения) // Генетика. 1998. № 10. С. 1455–1456.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1993. 396 с.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский / отв. ред. акад. *Б. С. Соколов*. М., 2002. 672 с. (Памятники ист. мысли).

Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики / [Авт.-сост. чл.-корр. РАН, проф. *И. А. Захаров*]. М.: ИОГен РАН, 2000. 128 с.

Николай Иванович Вавилов. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Авт. вступит. статьи *И. А. Захаров*. М.: Наука, 1987. 168 с.

Николай Иванович Вавилов. Очерки. Воспоминания. Материалы. Отв. ред. *С. Р. Микулинский*. М.: Наука, 1987. 488 с.

Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах (Международная переписка). Т. I. М.: Наука, 1994. 556 с.; Т. II. М.: Наука, 1997. 638 с.

Николай Иосифович Шапиро (к 90-летию со дня рождения) // Генетика. 1996. № 10. С. 1431–1433.

Николай Петрович Дубинин. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Авт. вступит. статьи *А. А. Жученко*. М.: Наука, 1989. 190 с.

Никольский Н. Н., Розенталь Д. Л. Судьба цитологии – судьба исследователя. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР *Д. Н. Насонова* // Вестник РАН. 1995. № 10. С. 938–944.

Нирка Е. А. Истина на всех одна // Вестник АН СССР. 1989. № 10. С. 97–99.

Новоженков Ю. И. Ф. Г. Добржанский – основоположник социобиологии // ВИЕТ. № 2. С. 72–80.

Обмен письмами между *Т. Д. Лысенко* и *И. В. Сталиным* в октябре 1947 г. (предисловие и публикация *Ю. Н. Вавилова*) // ВИЕТ. 1998. № 2. С. 153–166.

Орел Л. И. Научная и педагогическая деятельность Григория Андреевича Левитского в Ленинграде // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 54–65.

Памяти Андрея Дарьевича Мирзабекова (19.10.1937 – 13.07.2003) // Генетика. 2003. № 11. С. 1582–1584.

Памяти Вадима Александровича Ратнера (01.08.1932 – 15.08.2002) // Генетика. 2003. № 1. С. 113–115.

Памяти Валдиса Яновича Дишлера (1928–1985) // Генетика. 1986. № 2. С. 346.

Памяти Дмитрия Константиновича Беляева (1917–1985) // Генетика. 1986. № 3. С. 543–544.

Памяти Леонида Зиновьевича Кайданова (1936–1998) // Генетика. 1998. № 6. С. 860–862.

Памяти Николая Петровича Дубинина (1907–1998) // Генетика. 1998. № 7. С. 1021–1024.

Памяти Соса Исааковича Алиханяна // Генетика. 1986. № 11. С. 2548–2550.

- Памяти Ю. Г. Рычкова (1932–1998) // Генетика. 1999. № 12. С. 1721–1723.
- Паншин И. Б.* Эффект положения и теория гена по работам советских генетиков в тридцатые годы // Генетика. 1995. № 11. С. 1468–1477.
- Переписка Н. И. Вавилова и У. Бэтсона / Публ. подготовлена *Е. С. Левиной* // ВИЕТ. 1998. № 2. С. 43–52.
- Переписка Н. И. Вавилова с Г. Дж. Меллером: 1938–1939 / Предисловие *И. А. Захарова*, публ. и пер. с англ. *Ю. Н. Вавилова* // ВИЕТ. 2000. № 3. С. 16–34.
- Петр Фомич Рокицкий (к 100-летию со дня рождения) // Генетика. 2003. № 8. С. 1145–1147.
- Пимахин В., Крупнов В.* Плачек Евгения Михайловна (к 100-летию со дня рождения) // Генетика. 1988. Т. 24. № 2. С. 379–381.
- Письмо Германа Мёллера — И. В. Сталину (публикация *Ю. Н. Вавилова*, предисл. к публ. *И. А. Захарова*) // ВИЕТ. 1997. № 1. С. 65–76.
- Полынин В. М.* Памяти А. Е. Гайсиновича // Природа. 1989. № 11. С. 101.
- Полянский Ю. И.* Александр Петрович Владимирский // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 37–43.
- Полянский Ю. И.* Годы прожитые. Воспоминания биолога. СПб.: Наука, 1997. 256 с.
- Поповский М.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. 303 с.
- Пулат Джураевич Усманов (1935–2002) // Генетика. 2003. № 6. С. 863.
- Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. 613 с.
- Райнулис Е. П.* Исследования Я. Я. Лусиса по генетике популяций животных // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 77–85.
- Раменская М. Е.* Как нам возвращали Н. И. Вавилова // Вестник РАН. 1992. № 12. С. 93–101.
- Раменская М. Е.* Правда о лысенковщине // Вестник РАН. 1993. № 9. С. 830–846.
- Раменская М. Е.* Россия — Америке, Америка — России. Забытая статья академика Н. И. Вавилова // Вестник РАН. 1994. № 6. С. 534–536.
- Рапопорт И. А.* Академик Н. Н. Семенов и генетика // Природа. 1992. № 3. С. 99–103.
- Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. Ф. Тимофеева-Ресовского. Вступит. ст. *Я. Г. Рокитянского*. Документы / сост.: *Я. Г. Рокитянский, В. А. Гончаров, В. В. Нехотин*. М.: Academia, 2003. 576 с.
- Резник С. Е.* Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968. 336 с. (Жизнь замечательных людей).
- Резник С. Е.* Правда и ложь о Вавилове и Лысенко // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 62–78.
- Резник С. Е.* Снова о Вавилове и Лысенко // Природа. 1992. № 11. С. 88–98.
- Репрессированная наука / Редактор *М. Г. Ярошевский*. Составители *А. И. Мелуа, В. М. Орел*. Вып. I, Л.: Наука, 1991. 559 с.
- Репрессированная наука. / Редактор *М. Г. Ярошевский*. Ред.-сост. *А. И. Мелуа*. Вып. II. СПб.: Наука, 1994. 319 с.
- Рокитянский Я. Г.* Арест академика // Вестник РАН. 2000. № 2. С. 165–172.
- Рокитянский Я. Г.* Рассекреченный Зубр. Новое о Н. В. Тимофеева-Ресовском. Семь неизвестных документов // Вестник РАН. 2001. № 7. С. 636–649.
- Рокитянский Я. Г.* Драма в двух действиях. О VII Международном конгрессе генетиков. Три архивных документа // Вестник РАН. 2003. № 12. С. 1113–1128.
- Рокитянский Я. Г.* Н. В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке // Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Вступит. ст. *Я. Г. Рокитянского*. Документы / сост.: *Я. Г. Рокитянский, В. А. Гончаров, В. В. Нехотин*. М.: Academia, 2003. С. 5–162.

- Ролл-Хансен Н. Западная библиография Н. И. Вавилова // ВИЕТ. 1998. № 2. С. 52–56.
- Роман Бениаминович Хесин (1922–1985) // Генетика. 1986. № 1. С. 175–176.
- Ромпе Р. Среди берлинских физиков // Природа. 1995. № 12. С. 94–96. (в рубр.: Неисчерпаемый мир Зубра (Снова о Н. В. Тимофееве-Ресовском).
- Россиянов К. О. Из истории борьбы академика Д. Н. Прянишникова за генетику // Репрессированная наука, Л.: Наука, 1991. С. 528–533.
- Россиянов К. О. Сталин как редактор Лысенко // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 56–69.
- Савина Г. А. Чистые линии (В. И. Вернадский о Н. И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 7–45.
- Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции и задачи генетики в СССР // Генетика. 1987. № 10. С. 1717–1733.
- Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биограф. неизд. работы. Переписка и воспоминания / отв. ред. чл.-кор. РАН И. А. Захаров. М.: Наука, 2002. 640 с.
- Сечняк Л. К., Лифенко С. Ф. Развитие идей Н. И. Вавилова в современной селекции // Генетика. 1987. № 11. С. 1971–1979.
- Сизоненко А. И. Десять дней в Уругвае. Страница из жизни академика Н. И. Вавилова // Вестник РАН. 1996. № 10. С. 936–939.
- Смирнов В. Г., Лебедев Д. В., Лассан Т. К. Георгий Дмитриевич Карпеченко // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 43–53.
- Соболев В. С. Академики отвечают на вопросы генетиков // Вестник РАН. 1997. № 5. С. 452–458.
- Созинов Алексей Алексеевич (к 65-летию со дня рождения) // Генетика. 1995. № 9. С. 1325–1326.
- Созинов А. А., Шумный В. К. Идеи Н. И. Вавилова в современной генетике // Генетика. 1987. № 11. С. 1961–1970.
- Сойфер В. Н. Власть и наука. Ann Arbor: Hermitage, 1988. 706 с.
- Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.
- Сойфер В. Н. Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 264 с.
- Соловьев Ю. И. Забытая дискуссия о генетике // Вестник РАН. 1994. № 1. С. 46–50.
- Соловьев Ю. И. Молчали не все. Первая публичная отповедь членов АН СССР Т. Д. Лысенко // Вестник РАН. 1994. Т. 92. № 12. С. 1105–1108.
- Соловьев Ю. И. Мужественная позиция академика Д. Н. Прянишникова // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 194–200.
- Соловьев Ю. И. Белые одежды академика Астаурова // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 2. С. 151–157.
- Сонин А. С. «Дело» Жебрака и Дубинина // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 34–68.
- Соратники Николая Ивановича Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб., 1994. 607 с.
- Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 113–124; 1988. № 1. С. 121–131, № 2. С. 91–112.
- Строева О. Г. Великая сила духа. К 80-летию И. А. Рапопорта // Природа. 1992. № 3. С. 96–98.
- Струнников В. А. Генетика и селекция тутового шелкопряда в СССР // Генетика. 1987. Т. 23. № 10. С. 1770–1783.

- Струнников В. А. О развитии генетики в СССР (Сообщение Комиссии по анализу истории развития генетики в СССР) // Генетика. 1989. № 5. С. 967–975.
- Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. Сост.: Я. Г. Рокитянский, Ю. Н. Вавилов, В. А. Гончаров. 2-е изд., доп. и испр. М.: Academia, 1999. 552 с.
- Судьбы генетики в нашем отечестве. «Круглый стол» ВИЕТ 3 июня 1987 г. в ЦДЛ. Публ. подготовлена В. В. Бабковым // Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989. С. 401–445.
- Т. Д. Лысенко и Академия наук (из неопубл. документов) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 518–527.
- Тимофеев-Ресовский Н. В. Автобиографическая записка // Природа. 1990. № 9. С. 69–71.
- Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания. М.: Пангея, 1995. 383 с.
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. / Отв. ред. В. А. Куманев. Сост. И. Г. Арефьева. М.: Наука, 1995. 253 с.
- У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. 558 с.
- Фадеева Е. С. Кафедра генетики растений в период с 1941 по 1948 г. // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 65–77.
- Фандо Р. А. Научная школа Александра Сергеевича Серебровского // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001. М.: Диполь-Т, 2001. С. 337–340.
- Фролов И. Т. Философия и история генетики — поиски и дискуссии. М.: Наука, 1988. 416 с.
- Черешнев В. А., Большаков В. Н., Чеботина М. Я. «Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт». К 100-летию со дня рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 8. С. 731–735.
- Чеснова Л. В. Ю. И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20–60-е годы) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 212–222.
- Шапиро Николай Иосифович (к 80-летию со дня рождения) // Генетика. 1986. № 9. С. 2381–2382.
- Шестаков С. В. К юбилею Александра Сергеевича Серебровского // Генетика. 1992. № 1. С. 5–7.
- Шестаков С. В. К 75-летию кафедры генетики и селекции Московского университета // 1999. № 11. С. 1443–1448.
- Шмерлинг Ж. М. Ненаучные черты научной биографии // Природа. 1993. № 11. С. 79–84.
- Шмерлинг Ж. М. Некоторые ненаучные аспекты научной биографии Р. Б. Хесина // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. С. 278–285.
- Шноль С. Э. «Что невозможно, то и вероятно». Роман Бениаминович Хесин-Лурье // Природа. 1993. № 11. С. 68–69.
- Шноль С. Э. Дискуссия на биофаке // Природа. 1993. № 11. С. 78–79.
- Шноль С. Э. Открытие рибосом // Природа. 1993. № 11. С. 85–86.
- Шумный В. К. Влияние идей Д. К. Беляева на развитие исследований по генетике растений // Генетика. 1987. Т. 23. № 6. С. 947–955.
- Шумный В. К., Будашкина Е. Б., Какнадзе И. И., Захаров И. К. Вера Вениаминовна Хвостова. К 100-летию со дня рождения (29.04.1903–22.04.1977) // Генетика. 2003. № 7. С. 1005–1008.
- Хоукс Дж. Г. Академик Н. И. Вавилов // Природа. 1995. № 12. С. 63–67.
- Хрущов Н. Г. Преемственность традиций. К юбилею Кольцовского института // Природа. 1992. № 12. С. 66–74.

- Эфроимсон В. П.* О Лысенко и лысенковщине // ВИАТ. 1989. № 1. С. 79–93; № 2. С. 132–147; № 3. С. 96–109; № 4. С. 111–112.
- Эфрон К. М.* Первые курсы университета // Природа. 1993. № 11. С. 71.
- «Это не только национальное самоубийство, но и удар в лицо цивилизации». Неизвестное письмо американского ученого в защиту советских генетиков. Предисл. и публ. *Ю. Н. Вавилова* // Вестник РАН. 1992. № 6. С. 99–103.
- Юсуфов А. Г., Магомедова М. А.* История и методология биологии: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. Шк., 2003. 238 с.
- Я. Я. Лусис.* Жизнь и научная деятельность / Отв. ред. *В. Я. Душлер.* Рига: Зинатне, 1985. 236 с.
- Янис Янович Лусис* (к 100-летию со дня рождения) // Генетика. 1997. № 10. С. 1447–1449.
- Adams M. B.* The founding of population genetics: Contribution of the Chetverikov school, 1924–1934 // J. Hist. Biol. 1968. V. 1. №. 1. P. 23–40.
- Adams M. B.* Biology in the Soviet Academy of Sciences, 1953–1965: A case Study in Soviet Science Policy // Soviet Science and Technology: Domestic and Foreign Perspectives / Edited by *J. R. Thomas and U. M. Kruse-Vaucienne.* Washington: NSF/George Washington University, 1977. P. 161–188.
- Adams M. B.* Biology After Stalin: A Case Study // Survey: A Journal of East and West Studies. 1977–78 (winter). №. 102. P. 53–80.
- Adams M. B.* From Gene Fond to Gene Pool: On the Evolution of an Evolutionary Language // Studies in the History of Biology. 1979. V. 3. P. 241–285.
- Adams M. B.* Science, Ideology, and Structure: The Koltsov's Institute, 1900–1970 // Social Context of Soviet Science / Edited by *Linda Lubrano and Susan Gross Solomon.* Boulder: Westview Press, 1980. P. 173–204.
- Adams M. B.* A missing link in the evolutionary synthesis // Isis. 1988. V. 79. №. 297. P. 281–284.
- Adams M. B.* The politics of human heredity in the USSR, 1920–1940 // Genome. 1989. V. 31. №. 2. P. 879–884.
- Adams M.* Eugenics in Russia // *Adams M. B.* (ed.). The wellborn science: eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. New York: Oxford University Press, 1989. P. 153–229.
- Adams, M. B.* Filipchenko [Philipchenko], Iurii Aleksandrovich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 17. Suppl. II. P. 297–303.
- Adams, M. B.* Lysenko, Trofim Denisovich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 18. Suppl. II. P. 574–578.
- Adams, M. B.* Karpechenko, Georgii Dmitrievich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 17. Suppl. II. P. 460–464.
- Adams, M. B.* Agol Izrail' Iosifovich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 17. Suppl. II. P. 3–4.
- Adams, M. B.* Levitskii, Grigorii Andreevich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 18. Suppl. II. P. 549–553.
- Adams, M. B.* Levit, Solomon Grigorevich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 18. Suppl. II. P. 546–549.
- Adams, M. B.* Vavilov, Nikolai Ivanovich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 15. Suppl. I. P. 505–513.
- Adams, M. B.* Chetverikov, Sergei Sergeevich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. V. 17. Suppl. II. P. 155–165.
- Adams M. B.* Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia: Prophets, Patrons, and the Dialectics of Discipline Building // *Solomon S. G. and Hutchison J. F.*

- (eds.). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 200–223.
- Adams M. B.* Network in action: the Khrushchev era, the Cold War and the transformation of soviet science // *Trondheim studies on East European cultures & societies*. 2000. №. 3. P. 1–37.
- Berg R. L.* *Acquired Traits. Memoirs of a geneticist from the Soviet Union*. New York: Viking, 1988. xi, 483 p. (2nd ed.: New York, N.Y., U.S.A.: Penguin Books, 1990. XI + 483 p.)
- Carlson E. A.* *Genes, Radiation and Society: The Life and Work of H. J. Muller*. Ithaca-London: Cornell Univ. Press, 1981. 444 p.
- Gaisinovich A. E.* The origin of soviet genetics and the struggle with Lamarckism, 1922–1929 // *J. Hist. Biol.* 1980. V. 13. P. 1–52.
- Gall Ya. M., Konashev M. B.* The discovery of Gramicidin S: the Intellectual Transformation of G. F. Gause from Biologist to Reseacher of Antibiotics and on its Meaning for the Fate of Russian Genetics // *Hist. Phil. Life Sci.* 2001. V. 23. P. 137–150.
- Graham L. R.* Science and Values: The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920s // *American Historical Review.* 1978. V.83. P.1135–1164.
- Graham L. R.* Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union. New York: Columbia University Press, 1987. XIII + 565 p.
- Graham L. R.* Science in Russia and the Soviet Union. A short history. N.Y.: Cambridge University Press, 1993. X + 321 p.
- Lather R.* Lyssenkoismus contra Genetik // *Biol. Zent.* 1996. Bd. 115. S. 171–176.
- Hossfeld Uwe, Walker Mark.* Hero or villain? Stasi archives shed light on Russian scientist // *Nature.* 2001. V. 411. P. 237.
- Joravsky D.* The Lysenko affair. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1970. XIII + 459 p.
- Kohler Robert E.* *Drosophila and Evolutionary Genetics* // *History of Science.* 1991. V. 29. part 4. №. 86. P. 335–375.
- Konashev M. B.* Iurii Aleksandrovich Philipchenko and Genetics in Germany // *Russian-German Links in Biology and Medicine: 300-year Experience of Interactions. Abstracts, International Conference, September 14–16, 1999, [St. Petersburg]. Edited by L. J. Borikin and E. I. Kolchinsky.* St. Petersburg, 1999. C. 12–13.
- Konashev M. B.* Th. Dobzhansky and German geneticists // *Russian-German Links in Biology and Medicine. Abstracts of the International Conference, September 18–20, 2000, St. Petersburg. / Edited by E. I. Kolchinsky.* St. Petersburg, 2000. P. 19–20.
- Konashev M. B.* Westliche Kritik am Lysenkoismus und «Specchran» // *Darwinismus und/als Ideologie / herausgegeben von Uwe Hosfeld & Rainer Bromer (Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Band 6).* Berlin: VWB, Verl. für Wiss. und Bildung, 2001. S. 199–212.
- Konashev M. B.* Evolutionary synthesis and the rise of Soviet genetics // *Russian-German links in biology and medicine Abstracts of International Conference, September 16–18, 2002, St.-Petersburg / Edited by E. I. Kolchinsky, U. Hossfeld.* St.-Petersburg, 2002. P. 12–13.
- Krementsov N. L.* A «Second Front» in Soviet Genetics: The International Dimension of the Lysenko Controversy, 1944–1947 // *Journal of the History of Biology,* 1996. V. 29. P. 229–250.
- Krementsov N. L.* *Russian Science in the Twentieth Century* // *Krige J. and Pestre D.* (eds.) *Science in the Twentieth Century.* Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1997. P. 777–794.
- Krementsov N. L.* *Stalinist Science.* Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. XVII + 371 p.
- Lecourt D.* *Proletarian Science? A Case of Lysenko.* London: NBL, 1977. 165 p.

Medvedev Zh. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. Traslated by *I. M. Lerner*. New York-London: Columbia Univ. Press, 1969. IX + 284 p.

Paul D. B. and Krimbas C. B. Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky // *Scientific American*, 1992. P. 64–70.

Popovsky M. N. I. Vavilov und die biologische Diskussion in der USSR. Berlin, 1977. 201 S.

Popovsky M. The Vavilov Affair. Hamden, Conn. 1984. VIII + 216 p.

Satzinger Helga, Vogt Annette. Elena Aleksandrovna und Nikolaj Vladimirovich Timofeeff-Ressovsky (1898–1973; 1900–1981) // *Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte. Max Plank Institute for the History of Science*. 1999. Preprint 112. 50 S.

Soyfer V. Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1994. XXXIV + 379 p.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«У ИСТОКОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГЕНЕТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ».
СПб.: НАУКА, 2002. 558 с.

A. B. Georgievsky. Review of «At the sources of academic genetics in St.-Petersburg».
St.-Petersburg: Nauka, 2002. 558 p.

Эпистолярное издание — особый жанр научно-публицистической литературы, включающее в себя широкий спектр информации от сугубо научной до сведений о личных восприятиях времени и событий, человеческих отношениях, семейных и бытовых мелочах жизни. В переписке ученых можно увидеть зеркальное отображение исторической эпохи, в котором фокусируются их представления о научной, социальной, политической, культурной сферах. Публикация эпистолярного наследия имеет характер исторического документа, не менее значимого по содержанию и непреходящего, чем другие памятники когнитивной и социальной истории науки.

В рецензируемой книге основная часть материала содержит переписку выдающегося генетика XX века Феодосия Григорьевича Добржанского с российскими учеными. Научный и жизненный путь нашего соотечественника, оказавшегося в силу обстоятельств в эмиграции, в разной форме отражен в его многочисленных письмах «из-за океана».

Сборник «У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге» представляет вниманию читателей не публиковавшуюся ранее (за немногим исключением) переписку 1921–1931 годов Ф. Г. Добржанского с Ю. А. Филипченко, Н. И. Вавиловым и В. И. Вернадским. О каждом из них за последнее десятилетие написано немало статей и книг, как в нашей стране, так и за рубежом. Тем не менее, обмен корреспонденцией является уникальным документальным источником по периоду создания, интенсивного развития и всемирного признания отечественной генетики, истории академической и университетской науки в Санкт-Петербурге — Ленинграде.

В переписке нашли отражение такие важнейшие страницы истории генетики, как расцвет американской генетической школы Т. Г. Моргана, становление отечественной генетики в 1920-е годы, формирование современной эволюционной теории. Корреспондентов отличали широта научных и культурных интересов, глубина и направленность духовных запросов и исканий, преданность науке и отчизне, высокие нравственные требования к себе и другим, симпатии к членам семей и друзьям. Благодаря эмоциональной окрашенности оценок, многоплановости и оригинальности характеристик событий и людей сборник становится увлекательным чтением не только для генетиков и историков науки, но и для широкого круга читателей, интересующихся развитием генетики, отечественной биологической науки в условиях ее непростой исторической судьбы.

Далее несколько слов более частного порядка. Тридцать лет назад я обратился с просьбой к Ф. Г. Добржанскому прислать его фотографию для подготавливаемого мной учебного пособия по теории эволюции. Он очень быстро откликнулся на мое послание с припиской, которую цитирую дословно: «было бы удивительно, но тем более приятно увидеть свою рожу в русской книге». Увидеть свой портрет в советском издании Добржанскому не пришлось, так как учебное пособие было опубликовано десять лет спустя после его кончины («Дарвинизм». М.: Просвещение, 1985). Это было, видимо, первое обнародование в нашей печати портрета выдающегося генетика с мировым именем, открывавшего галерею создателей синтетической теории

эволюции. Фамилия и научная деятельность Добржанского, заклеянного жупелом «невозвращенца», до известного времени были табуированы. Его работы как научные, так и особенно направленные против лысенковщины, вырезались из периодической печати, а о портретах не могло быть и речи.

К сожалению, Добржанскому не пришлось побывать на своей родине после его отъезда в США, несмотря на неоднократные обращения за визой. Препятствия создавали не только политиканы и чиновники, но и известные ученые. Н. П. Дубинин в книге *«Вечное движение»* (М., 1973) упомянул о своем посещении Добржанского в Нью-Йорке и не без удовольствия заметил, что «болезненная тоска по родине душила Добржанского. Но это была, — продолжал он, — кара за то, что он вместе с Н. В. Тимофеевым-Ресовским покинул отечество в трудное время, проигнорировав те большие материальные затраты, которые сделало государство на его подготовку, и ту нравственную заботу, которую оно проявило по отношению к каждому ученому». До конца своих дней Добржанский оставался искренним патриотом своей родины и было бы неестественным, если бы он не испытывал ностальгии, о которой каждый может судить сам при прочтении сборника писем.

В предисловии к книге перечислена большая группа лиц и организаций России и США, общими усилиями которых подготовлено к печати издание. Уже из этого перечня видно, насколько трудоемкой была проделанная работа. Благодарный читатель не оставит без внимания и этот немаловажный нюанс издательского труда.

АННОТАЦИИ

Русская наука в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. [Вып.] 3. 512 с.

ISBN 5-86007-259-7

Ответственные редакторы *Э. И. Колчинский, И. П. Медведев*

Составители: *Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович*

В данное издание вошли работы, посвященные научной, научно-организационной и общественной деятельности отечественных ученых XIX–XX вв. Статьи подготовлены на основе архивных и печатных материалов, как правило, впервые вводимых в научный оборот. В книгу включены публикации ранее неизвестных статей, записок, писем и мемуаров ученых, хранящихся как в библиотеках и архивах Петербурга и других городов, так и в личных архивах. Издание посвящается памяти известного историка науки доктора исторических наук А. В. Кольцова.

Russian Science in Biographical Essays. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 512 p. This book devotes scientific and public activity of Russian scientists in XIX–XX centuries.

Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Редактор-составитель Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1040 с.

ISBN 5-86007-314-3

В коллективной монографии дан историко-сравнительный анализ взаимоотношений науки, государства и общества в периоды крупных социально-политических и экономических потрясений от Английской революции XVII в. до «культурной революции» в Китайской Народной Республике. Особое внимание уделено проблемам выживания ученых и реформирования научных институтов во время Великой французской революции, в Российской империи и СССР, Веймарской республике, национал-социалистической Германии, а также во время Великой деп-

рессии в США, во время Второй мировой войны и «холодной войны» в Германии, Японии, США и СССР. Положение науки рассматривается в кризисной динамике общества и государства. Пересмотр взаимодействия науки, общества и власти, сопровождаемый репрессиями против несговорчивых ученых, ликвидацией или трансформацией нежелательных научных институтов, завершился выработкой новых конфигураций отношений науки и власти, форм организации науки, изменением общественного статуса ученых, модификацией тематики и языка научных исследований, ритуалов научных мероприятий, традиций и этики научного сообщества. Новые взаимоотношения не всегда оказывались долговечными. В условиях неустойчивости обострялась конкуренция внутри научного сообщества.

Science and Crisis. Historical-comparative issues. Ed. *E. I. Kolchinsky*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 1040 p.

The volume presents a historical-comparative analysis of science, authorities and society relations during great social, political and economical upheavals beginning from the English revolution of the XVII century to the «cultural revolution» in the Chinese Peoples Republic.

За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под редакцией М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.

ISBN 5-86007-328-3

В сборнике представлены статьи, отражающие особенности развития советской науки в период 1917 г. – 1950-х гг. Центральной проблемой являются при этом особенности взаимоотношений науки, государства и общества, складывающиеся в условиях формирующегося и усиливающегося режима государственного и политического тоталитаризма. К основным аспектам рассматриваемого процесса при этом отнесены изменения в сфере академической науки и системы высшего образования, специфические особенности формирования «пролетарской биологии», становление системы информационного контроля и вынужденный изоляционизм советской науки в период холодной войны.

«Beyond Iron Curtain»: Myths and Realities of Soviet Science. Ed. by *M. Heinemann and E. I. Kolchinsky*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 528 p.

The articles presented in the book show a broad panorama and the main peculiarities of the Soviet science development in the 1917—1950-s. The main problem of these historical investigations is the mutual relations of science, state and society formed under the conditions of growing and enforcing regime of the state and political totalitarianism. Among the principle aspects of this process are the changes in the sphere of the academic science and modifications of higher education traits of the «proletarian biology» rise and development, the growth of control system and the forced isolationism during the Cold War period.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации
АГО — Американское генетическое общество
АМН СССР — Академия медицинских наук СССР
АН СССР — Академия наук СССР
АПРФ — Архив президента Российской Федерации
АРАН — Архив Российской Академии наук
БАН — Библиотека Академии наук
БИН — Ботанический Институт
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВБО — Всесоюзное биохимическое общество
ВВС — Военно-воздушные силы
ВВС — Военно-ветеринарная служба
ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и техники, журнал
ВИПБНК — Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур
ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. А. М. Горького
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНИИА — Всесоюзный научно-исследовательский институт антибиотиков
ВНИИП — Всесоюзный научно-исследовательский институт пенициллина
ВОКС — Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ГАРФ — Государственный Архив Российской Федерации
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГКО — Государственный комитет обороны
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ДИС — Дрозофильная информационная служба
ИАН — Императорская Академия наук
ИИЕТ РАН — Институт истории естествознания и техники Российской Академии наук
ИМЖ — Институт морфологии животных им. А. Н. Северцова
КА — Красная Армия
КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук
Комакадемия — Коммунистическая Академия
ЛГПУ — Ленинградский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
МЗ СССР — Министерство здравоохранения СССР
МИД — Министерство иностранных дел
МИС — Международный исследовательский совет
МОИП — Московское общество испытателей природы
МОК — Международный организационный комитет

* Список подготовлен Н. Е. Бергой

- МОЛМИ — Московский медицинский институт им. И. М. Сеченова
МСХИ — Московский сельскохозяйственный институт
МХАТ — Московский художественный академический театр им. М. Горького
НКРКИ — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, Наркомрабкрин
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, Наркомвнудел
НКЗ — Народный комиссариат здравоохранения, Наркомздрав
НКЗ — Народный комиссариат земледелия, Наркомзем
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел, Наркоминдел
НКП — Народный комиссариат просвещения, Наркомпрос
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения, Наркомпуть
ОБМ — Отделение биохимии микроорганизмов ВИЭМ
ОБН — Отделение биологических наук Академии наук
ОВКН — Особый временный комитет науки при СНК РСФСР
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОИФ — Отделение исторических наук и филологии
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
ОФМ — Отделение физико-математических наук
ПАН — Польская Академия наук
ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
РАН — Российская Академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГНФ — Российский Гуманитарный Научный Фонд
РГО — Русское географическое общество
РОССПЭН — Издательство «*Российская политическая энциклопедия*»
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМ СССР — Совет министров СССР
СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР
Совнарком — см. СНК СССР
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПБОЕ — Санкт-Петербургское Общество Естествоиспытателей
ССЭ — Сибирская советская энциклопедия
США — Соединенные Штаты Америки
УМС — Управление медицинского снабжения
ЦАГМ — Центральный архив города Москвы
ЦАОДМ — Центральный архив общественных движений Москвы
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГНКИ — Центральный государственный научно-контрольный институт ветеринарных препаратов
ЦИУ — Центральный институт усовершенствования врачей
ЦК КПСС — Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
AIP — Archive Institute Pasteur
APSL — American Philosophical Society Library, Библиотека Американского философского общества

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Елина Ольга Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва). Область научных интересов — социальная история сельскохозяйственной науки в Российской империи и СССР. Автор серии статей по истории сельскохозяйственных опытных учреждений и организации сельскохозяйственной науки в России, среди которых: *Planting Seeds for the Revolution: The Rise of Russian Agricultural Science, 1860—1920 // Science in Context, Vol. 15, 2, 2002. P. 209—237.* Готовится к печати монография «*От царских садов до декретов ВКП(б): история сельскохозяйственных опытных учреждений в России, XVII в. — 1920-е гг.*»

Колчинский Эдуард Израилевич, доктор философских наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Основная область научных интересов — история эволюционной теории. Автор нескольких монографий, в том числе: «*Неокатастрофизм и селекционизм. Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки)*». СПб.: Наука, 2002.

Конашев Михаил Борисович, кандидат биологических наук, зам. директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Специализируется на истории генетики и эволюционной биологии. Автор серии статей по истории генетики, редактор-составитель нескольких сборников статей и документов, в том числе редактор-составитель книги: «*У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге*». Санкт-Петербург: Наука, 2002.

Кременцов Николай Леонидович, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Область научных интересов — история биологических и биомедицинских исследований в России советского периода. Автор двух монографий на английском языке: «*The cure: a story of cancer and politics from the annals of the Cold War*». Chicago: University of Chicago Press, 2002; «*Stalinist science*». Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

Левина Елена Соломоновна, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова (Москва). Область научных интересов — история биологических и биомедицинских исследований в России советского периода (социальные и когнитивные аспекты). Автор обширных документальных публикаций и нескольких монографий, в их числе: «*Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма*». М.: ИРИ РАН, 2001. (в соавт. с В. Д. Есаковым); «*Лев Александрович Зильбер. Жизнь в науке*». М.: Наука, 2004. (в соавт. с Л. Л. Киселевым).

Манойленко Ксения Викторовна, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Специализируется на истории физиологии растений. Автор ряда монографий, в том числе: «*Николай Александрович Максимов, 1880—1952*». М.: Наука, 1999; «*В. Н. Любименко: эволюционные, эколого-физиологические, историко-научные аспекты деятельности*». СПб.: Наука, 1996; «*Эволюционные аспекты проблемы засухоустойчивости растений*». Л.: Наука, 1983.

Савина Галина Александровна, старший научный сотрудник Архива РАН, специализируется в области социальной истории науки XX века. Являлась подготови-

телем текста воспоминаний С. Э. Фриша «*Сквозь призму времени*» (М.: Политиздат, 1992), участвовала в качестве составителя в изданиях: «*Физики о себе*». Л.: Наука, 1990), «*Н. И. Вавилов. Документы, фотографии*». Л.: Наука, 1995; «*Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка*». Тома I–V. М.: Наука, 1994–2003; и др.

Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН, заведующий сектором Библиотеки-Фонда «*Русское зарубежье*». Специализируется на изучении социальной истории российской науки XIX–XX вв. Составитель ряда изданий, в том числе: «*Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертва политического террора в советский период (1917–1991)*». СПб.: Петербургское востоковедение, 2003; «*Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921*». Т. 1–2. Киев: «*Наукова Думка*», 1994–1997; «*Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма*». М.: «*РОССПЭН*», 1996; «*In memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка*». М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1995; и др.

Ульянкина Татьяна Ивановна, доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва). Автор монографии «*Зарождение иммунологии*». М.: Наука, 1994. Специализируется по истории русского научного зарубежья XX века. Автор нескольких коллективных научных монографий: «*Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940*». В 2-х кн. М., Наследие, 1994; «*Русское зарубежье. Золотая книга российской эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*». М.: РОССПЭН, 1997; «*Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.)*». М.: Русский путь, 2002; и др.) и серии статей.

Фокин Сергей Иванович, кандидат биологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Область интересов — систематика, филогения и функциональная морфология инфузорий, история зоологии. Автор ряда статей по истории отечественной биологии, в том числе: Выпускники Петербургского Зоотомического кабинета — эмигранты // *Зарубежная Россия. 1917–1939*. [Сб. ст.] Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 179–183.

Хартанович Маргарита Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Область научных интересов — история Академии наук, научных учреждений и обществ, российско-польских научных связей. Редактор-составитель ряда сборников и автор нескольких монографий, в частности: «*Деятели русской науки XIX–XX веков*». [Сб. ст.] / Ред. состав. М. Ф. Хартанович. СПб.: НИЦ «*Мемориал*», 1993–2003. Вып. 1–3; «*Летопись Российской Академии наук*». / Отв. ред. М. Ф. Хартанович Т. 2–3. СПб.: Наука, 2002, 2003.; «*Ученое сословие России: Императ. Акад. наук второй четверти XIX в.*» СПб.: Наука, 1999.

Черказьянова Ирина Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Специализируется на истории образования России второй половины XIX — начала XX в. Автор двух монографий по истории образования российских немцев: «*Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. — 1938 г.)*» М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2000; «*Школьное образование российских немцев*». СПб.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2004.

Научное издание

Нестор

Журнал истории и культуры России и Восточной Европы
№ 9 (2005, № 3)

На переломе
источники, исследования, историография
СПб., 2005

Корректор *В. П. Мартыненко*

Компьютерная верстка *А. В. Андреев*

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS contries.
Purchasing this copy hampers the success of liberal progress in Russian Society.
Contact us on: nestor_historia@list.ru
We reserve the rights of sales.

Подписано в печать 20.09.2005. Гарнитура Newtonl.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 181.

Заказы присылать по адресу:
Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru